

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

*Серия «Ярославская юридическая школа
начала XXI века»*

**ЯРОСЛАВСКАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

*Под редакцией
С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной*

Ярославль 2009

УДК 34
ББК ХО
Е30

Серия основана в 2000 году

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2009 года*

Н. Н. Тарусина (руководитель научного проекта)
С. А. Егоров (научный редактор)
А. М. Лушников (научный редактор)

Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – 835 с. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»)

Предлагаемый вниманию читателей коллективный монографический труд посвящен истории Демидовского юридического лицея (Высших наук училища), его преемников – университета 1918 – 1924 гг. и Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, а также становлению и развитию ярославской юридической школы.

Книга предназначена вниманию ученых-юристов, юристов-практиков, аспирантов и студентов, обучающихся по специальности Юриспруденция.

ISBN 978-5-8397-

УДК 34
ББК ХО

ISBN 978-5-8397-

© Ярославский
государственный
университет
им. П. Г. Демидова, 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

Юридическая наука начала формироваться в России достаточно поздно относительно стран Западной Европы, а активная фаза этого процесса пришлась на середину XVIII – начало XIX в., параллельно с развитием системы высшего юридического образования. В начале XIX в. к этому процессу присоединились ярославские ученые, преподававшие сначала в Ярославском Демидовском училище высших наук (1803–1833 гг.), а затем в Демидовском лицее (1833–1870 гг.). В этот период о существовании ярославской юридической школы утверждать еще не приходится, в том числе в силу профиля ярославского вуза, но можно и нужно говорить о предпосылках и начале зарождения этой школы.

Конец XIX–XX вв. можно с полным основанием назвать «золотым веком» российской юридической науки. На этот период приходится расцвет творчества блестящей когорты отечественных правоведов, труды которых в значительной степени не утратили своей научной значимости и в настоящее время. В ряду российских ученых-правоведов названного периода особое место занимают представители ярославской юридической школы, составившие костяк преподавательского состава Демидовского юридического лицея (1870–1917 гг.). Это касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки. В этой связи можно констатировать выделение самостоятельной ярославской юридической школы¹. По нашему мнению, высказываемые в литературе сомнения по поводу существования ярославской юридической школы (А. Н. Козырин, Е. А. Скрипилев)² являются следствием различных подходов к самому понятию «школа», в том числе в правоведении.

¹ Егоров С. А. «На честное дело жизни»: Ярославское высших наук училище. Демидовский лицей. Ярославская юридическая школа: Историко-правовое исследование. Ярославль, 1997.

² См.: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. М., 2004.

Действительно, понятие «юридическая школа» является неоднозначным. Во-первых, под ней понимают направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа в праве). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода не затрагивают интересующего нас контекста. В-третьих, научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. Поэтому говорят о московской, петербургской, уральской школах. Именно в этом смысле мы можем говорить и о ярославской юридической школе.

Такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента: 1) личностный (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения и др.); 2) материальный (материальная база учебного процесса); 3) социокультурный (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение). Все эти компоненты в Ярославле имели существенные отличия и даже являлись уникальными.

При этом нет основания причислять конкретного ученого непременно и только к ярославской школе юристов. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в 2–3, а иногда и более вузах. Ярославль, в силу ряда специфических причин (о них скажем ниже), а также географической близости, постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Некоторых ученых можно причислить не только к ярославской, но и к московской, петербургской, казанской, киевской школам ученых-юристов. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «юридическая школа», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

С. 6; Скрипилев Е. А. Рец. на кн.: Егоров С. А. «На честное дело жизни» ... // Государство и право. 2002. № 9. С. 121–123.

В первый советский период существования Ярославского государственного университета (1918–1924 гг.) в основном развивались традиции дореволюционной ярославской юридической школы, а также формировалась парадигма советской юридической науки и высшего юридического образования. Воссозданный Ярославский государственный университет продолжил эти традиции (с 1970 г.). Наконец, в постсоветский период ярославская юридическая школа, опираясь на наработки своих предшественников досоветского и советского периодов, продолжает свое развитие.

Французский моралист Ф. де Ларошфуко в свое время писал: «Куда полезней изучать не книги, а людей». Но это представляется не совсем верным, скорее, полезно изучать не только книги, но и жизненный путь их авторов. Это позволяет по-иному взглянуть на их научное наследие, понять, что двигало их пером, вызывало приливы энергии или взрывы отчаяния. Как нам представляется, научное наследие ученых очень тяжело осмыслить без учета времени и места их деятельности, перипетий их личной и общественной жизни. Но перед Вами, читатель, не собрание биографий, а анализ творчества известных российских ученых – представителей ярославской юридической школы – на фоне времени и с учетом особенностей их человеческих судеб.

Часть 1.
ОТ ЯРОСЛАВСКОГО УЧИЛИЩА
ВЫСШИХ НАУК
ДО ДЕМИДОВСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦЕЯ
(1803–1917 гг.)

Глава 1. Всему начало здесь... (1803–1870 гг.)

В самом начале XIX столетия, благодаря патриотической инициативе ярославского дворянина, статского советника **Павла Григорьевича Демидова** (1739–1821) получило путевку в жизнь и вышло на историческую дорогу Ярославское училище высших наук (Демидовское высших наук училище), имевшее степень равную с университетами.

В исследованиях по его истории дается противоречивая трактовка наименования первого высшего учебного заведения в Ярославле, что связано с терминологическим разнообразием в официальных документах и литературе и несовершенством юридической техники. Чаще всего оно именуется как Демидовское высших наук училище. Именно так просил его назвать П. Г. Демидов, так оно фигурирует и в документах о создании данного вуза¹. Данная

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 117. Л. 2–15 и др.

формулировка традиционна и для почти всех исследователей истории этого учебного заведения (К. Д. Головщикова, Н. А. Гладкова, С. А. Егорова, С. П. Покровского, С. М. Шпилевского, В. Г. Щеглова и др.). Демидовским высших наук училищем оно именуется, например, и в официальных документах за 1813 г.² Эта практика сохранилась до 1833 г., когда оно по-прежнему называлось Демидовским высших наук училищем, как на официальном, так и на обыденном уровне. Примечательно, что в указе Николая I об утверждении Устава Демидовского лицея от 2 августа 1833 г. говорится о переименовании Демидовского высших наук училища в Демидовский лицей³.

Между тем в других документах об учреждении за 1803 г. это Демидовское высшее училище или Ярославское высшее училище. Его Устав в 1804 г. готовился уже для Ярославского училища высших наук, а по уставу 1805 г. оно и поименовано как Ярославское училище высших наук, причем этот Устав был отправлен «в сохранение Совету высших наук училища»⁴. Оно часто фигурировало в официальных документах и как Ярославское Демидовское училище или просто Демидовское училище⁵. При этом разные варианты названия училища могли встречаться даже в одном и том же правовом акте. В этой связи мы не видим принципиальной разницы между наименованиями Ярославское училище высших наук (название «Демидовское училище высших наук» встречается редко, чаще фигурирует «Ярославское Демидовское училище высших наук») и Демидовское высших наук училище, которые законодателем рассматривались, судя по всему, как синонимы. Последнее из них встречается в документах и литературе существенно чаще, но первое более правильное с точки зрения соответствия наименованию по Уставу 1805 г., о котором речь пойдет ниже⁶.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 197. Л. 1–23.

³ Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ РИ). Изд. II. Т. VIII. № 6370.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 15; ф. 744. Оп. 1. Д. 124; ф. 1341. Оп. 6. Д. 1626. Л. 2–5.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 18. Д. 33; ф. 560. Оп. 3. Д. 88; ф. 1263. Оп. 1. Д. 2212 и др.

⁶ См. об истории училища и лицея: Гладков Н. А. Обзорение 50-летнего существования Демидовского лицея. Ярославль, 1853; Головщиков К. Д. П. Г. Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886 гг.). Ярославль, 1887; Он же. История Демидовского

Основатель училища, правнук известного горнозаводчика Никиты Демидова (Антуфьева), в отличие от своих предков, не проходивших никаких наук, кроме изучения кузнечного и горнозаводского дела, был европейски образованным человеком, обучался в Геттингенском университете и Фрейбургской академии в Германии, в Оксфорде, а также в Упсальском университете в Швеции. Он весьма плодотворно занимался естественной историей, общался и состоял в переписке со многими представителями этой науки, в том числе со знаменитым К. Линнеем, лекции которого он посещал в университете г. Упсала и в трудах которого помещены некоторые из описаний редких животных и птиц, составленные П. Г. Демидовым. Поэтому не случайно потомок уральских горнопромышленников избрал предметом своих благодеяний народное просвещение. Мыслью послужить этому делу, внести свою гражданскую лепту в его становление проникнуто прошение П. Г. Демидова, с которым он обратился 29 апреля 1803 г. на Высочайшее имя:

юридического лица в Ярославле (1803–1899). Ярославль, 1900; Он же. Черты жизни и деятельности Демидовского высших наук училища и потом лица, с краткой биографией П. Г. Демидова. Ярославль, 1869; Егоров С. А. «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997; Он же. Ярославское высших наук училище. Ярославль, 1980; Он же. Ярославская юридическая школа: Анализ научно-педагогического опыта Демидовского лица: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. Егоров А. Д. Демидовский юридический лицей: В 2 ч. Иваново, 1994; Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под ред. В. Т. Анискова. Ярославль, 1995; Очерки истории высшей школы Ярославского края / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 2003; Лушников А. М., Лушникова М. В. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1. Ярославль, 2006; Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902; Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866; Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803–1903 г.). Ярославль, 1903; Шпилевский С. М. Столетие Училища имени Демидова: Демидовское училище высших наук. Демидовский лицей. Демидовский юридический лицей. 1803–1903. Ярославль, 1903 и др.

«С давнишних пор помышлял я уделить часть от избытков имущества своего на какое-нибудь человеколюбивое заведение; а любя науки и почитая просвещение первым основанием благосостояния государства, сильнейшее мое желание всегда было поспешествовать распространению оных. Имею смелость просить Ваше Величество, дабы Высочайшим Указом Вашим повелено было назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом и все преимущества оною, заведя в нем класс наук университетских»⁷.

П. Г. Демидов, как видно из его переписки с видным педагогом П. М. Дружининым и министром народного просвещения гр. П. В. Завадовским⁸, помышлял об открытии в Ярославле университета, но это не сообразовывалось с видами правительства, считавшего нецелесообразным образование в непосредственной близости от Москвы еще одного университета.

На учреждение и содержание в Ярославле высшего учебного заведения П. Г. Демидовым было пожертвовано сто тысяч рублей и 3578 душ крепостных. В прошении высказывалось пожелание, чтобы упомянутая сумма составляла вечный капитал училища и последнее пользовалось только процентами с него, употребляя эти средства не иначе, как на содержание немущих ярославских дворян и другого состояния людей. Основную же часть дохода учебное заведение должно было получать в качестве оброка с приписанных к нему крепостных крестьян Демидовских вотчин, расположенных в Угличском и Романово-Борисоглебском уездах.

6 июня 1803 г. последовал Указ Правительствующему Сенату «О преимуществах, дарованных Ярославской гимназии», который гласил: «Отличные подвиги граждан, содействующих

⁷ Цит. по: Головщиков К. Д. Черты жизни и деятельности Ярославского Демидовского высших наук училища и потом лицея с краткой биографией П. Г. Демидова. Ярославль, 1869. С. 3; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование императора Александра I, 1802–1825 гг. СПб., 1864. Т. 1. 1644, 44, 42. С. 66. Подлинник прошения см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 15. Л. 12–14.

⁸ См.: Письмо П. Г. Демидова к министру народного просвещения гр. Завадовскому. Письмо П. Г. Демидова учителю Московского главного народного училища Дружинину // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 2. С. 158, 165.

великому благу отечества, должны пребывать незабвенны от рода в род. Потому, утвердив благотворительное распоряжение статского советника Демидова, повелеваем:

1. Выбить золотую медаль с изображением на одной стороне лица Демидова, а на другой поставить приличную надпись, означающую его действие. И таковую медаль как залог общей признательности вручить ему, Демидову, в Москве, в общем Правительствующего Сената собрании.

2. Придав тиснению прилагаемое при сем прошение, издать оное во всенародное известие, дабы добродетель, достойная почтительного внимания, явлена была пред лицом отечества.

3. Привести в исполнение все распоряжения, самим благотворителем учиненные, в точной сообразности с его волею, возложить на министра народного просвещения⁹.

Медаль с портретом П. Г. Демидова была изготовлена. На оборотной стороне она имела подпись: «За благотворение наукам. 1803 год». Медаль благотворителем была передана на хранение училищу как историческая память. «Так совершилось Павлом Григорьевичем Демидовым великое дело благотворения современникам и далеким будущим поколениям русским»¹⁰, – писал К. Д. Головщиков.

Императорский Указ, позволявший открыть в 1803 г. в Ярославле высшее учебное заведение, «реализовать» сразу не удалось. Трудно было в провинциальном, хотя крупном городе закладывать основание высшему учебному заведению, тем более что ярославское дворянство, ратовавшее за открытие в их губернском центре кадетского корпуса, не помогало, но даже противодействовало организации училища гражданского профиля. Не просто обстояло дело с подысканием для учебного заведения подходящего здания.

В тех условиях дело с устройством училища могло быть загублено в самом начале. К счастью, во главе Главного правления училищ Министерства народного просвещения, которому поручалась организация высшего учебного заведения в Ярославле, стоял товарищ министра, попечитель Московского университета, **Михаил Никитич Муравьев** (1757–1807), человек

⁹ ПСЗ. Т. XXVII (1802–1803). СПб., 1830. № 20785. Подлинник Указа см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 15. Л. 11.

¹⁰ Головщиков К. Д. Указ. соч. С. 4–5.

прогрессивных взглядов, историк, педагог и поэт. Ему, М. Н. Муравьеву, принадлежит главная заслуга в деле организации училища. Как пишет один из историков лицея С. П. Покровский: «... Муравьев с громадной энергией... взялся за первоначальную организацию училища. Ему пришлось преодолеть немало трудностей в осуществлении воли основателя высшего училища»¹¹. Как истинный друг просвещения, М. Н. Муравьев считал своим гражданским долгом использовать представившуюся возможность – открыть в России еще одно высшее учебное заведение. Напомним, что тогда в России существовали Московский и Дерптский университеты, учреждались Казанский и Харьковский и Петербургский главный педагогический институт.

Между товарищем министра и Ярославским губернатором князем М. Н. Голицыным завязалась энергичная переписка по поводу основания училища. Губернатор, в отличие от большинства дворян губернии, был искренне заинтересован в открытии в Ярославле училища и всемерно этому способствовал. Косвенное влияние на создание Демидовского училища оказал видный юрист и государственный деятель М. М. Сперанский, бывший в то время сторонником создания подобных заведений. Вероятно, не без его влияния произошло преобразование училища в лицей (1833 г.), о чем будет сказано в дальнейшем.

Чтобы как-то подготовить ярославцев к преобразованию их города в один из центров науки, в 1804 г. по указанию М. Н. Муравьева в Ярославле было организовано чтение публичных лекций профессорами Московского университета. С первыми лекциями Московского университета выступил доктор медицины **Карл Иванович Яниш** (1776–1854), ставший и первым проректором (руководителем) Ярославского высших наук училища (1804–1808 гг.). Впоследствии он был профессором Медико-хирургической академии (1809–1833 гг.), профессором Московского университета. Его преемником (до 1815 г. (с перерывами)) на посту проректора стал доктор философии, профессор **Фридрих Андреевич (Федор Иванович) Шмидт** (1766–1845). Этот достаточно известный писатель и переводчик преподавал в Училище с 1804 по 1830 гг., отдал ему свою жизнь, а

¹¹ Покровский С. П. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 15.

все имущество (2 тыс. рублей) завещал Демидовскому лицу. Надворный советник, историк и литератор **Степан Алексеевич Вилинский** (1757 – после 1824) с 1816 по 1818 гг. трижды избирался проректором. Отметим, что проректоры училища избирались ежегодно, в связи с чем установление их персонального состава представляет определенную сложность.

Между тем М. Н. Муравьев настойчиво проводил свою линию. Он собственноручно составил «Начертание Ярославского высших наук училища», которое и легло почти целиком в основу его первого устава. Начертание предоставляло училищу довольно широкие права самоуправления, в нем подчеркивалось, что «степень Ярославского высшего училища есть непосредственно первая после центральных университетов». «Начертание» предполагало наделить ученый совет Училища правом присваивать степени кандидата и магистра наук¹².

Хотя здание, определенное для училища (бывший архиерейский дом на Стрелке), еще ремонтировалось, М. Н. Муравьев настаивал на немедленном открытии учебного заведения. 1 августа 1804 г. в доме купчихи Васюхиной, что стоял недалеко от Стрелки, начало свою историческую жизнь одно из первых учебных заведений России – Ярославское Демидовское училище высших наук. В этот день без всякой торжественности в его стены вступило 11 студентов. Пятеро из этих студентов были переведены из Московского университета, поскольку являлись детьми бедных родителей и имели содержание из Демидовского фонда. Столь малое количество студентов было обычным явлением для учебных заведений того времени. Не случайно в «Записке о древней и новой России», характеризуя тогдашнее отношение общества к высшему образованию, Н. М. Карамзин писал: «У нас нет охотников для высших наук»¹³.

Двое из первых студентов училища, Василий Соц и Федор Чанов, стали его преподавателями. В первом составе воспитанников не было ярославцев, поскольку дворянство губернии не пожелало обучать в нем своих детей. Отметим, что уроженец ярославской губернии *Федор Иванович Чанов* (? – около 1862), окончивший училище в 1805 г., преподавал там же (преимущественно

¹² См.: Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в Ярославле им. Демидова в первый век его основания и деятельности (6 июня 1803 – 1903 гг.). Ярославль, 1903. С. 14.

¹³ Карамзин Н. М. Записки о древней и новой России. М., 1992. С. 66.

венно в пансионе Демидовского училища) в 1806–1826 гг., а в 1825 г. занимал должность профессора естественного и народного права. Его можно считать первым выпускником Демидовского училища, ставшим преподавателем юридической дисциплины в родном вузе. В дальнейшем он был профессором Харьковского университета. Ради справедливости отметим, что Ф. И. Чанов был специалистом преимущественно в области словесности и естественных наук, а в качестве правоведа был временной фигурой и не оставил в этом качестве никакого следа.

Подчеркнем, что временное игнорирование местным дворянством училища имело и свою положительную сторону. За счет этого значительно расширились возможности поступления в него представителей разночинных слоев населения.

28 января 1805 г. императором Александром I был подписан Устав Ярославского училища высших наук¹⁴. Им определялось, что «Ярославское Демидовское высших наук училище занимает первую степень после центральных университетов, состоит из семи профессоров, но на факультеты не разделяется». Уставом было предусмотрено преподавание следующих наук: словесность древних языков, российское красноречие, политическая экономия и наука финансов, политическая история, естественная история, философия, право естественное и народное (т. е. международное), химия, математика. Кроме этого, постановлением Совета училища вскоре было введено преподавание закона Божьего. Уставом устанавливался трехлетний срок обучения. С 1819 г. в учебном заведении учреждается кафедра богословия. В том же году введено преподавание иностранных языков (немецкого и французского). В круг занятий воспитанников входили также рисование, танцы, музыка и фехтование.

Уставом предусматривалось, что училище управляется Советом и проректором, избираемым ежегодно из состава профессоров училища. Совет наделялся полномочием присуждать лучшим из выпускников степень кандидата наук, что давало им право на получение чина 12 класса (§ 11). Остальные воспитанники выпускались в звании действительного студента с правом на чин XIV класса (коллежский регистратор). Что же касается присуждения Советом преподавателям магистерских степеней, как это значилось в «Начертании», составленном

¹⁴ ПСЗ. Т. XXVIII (1804–1805). СПб., 1830. № 21606.

М. Н. Муравьевым, то это положение уставом не подтверждено, видимо, из-за малочисленности профессорской коллегии. Отсутствие этого права, конечно, отрицательно сказывалось на авторитете училища, его статусе.

Согласно Уставу учебного заведения двадцать его студентов из числа «недостаточных» (нуждающихся) дворян и другого свободного состояния людей Ярославской губернии находились на иждивении училища, получая содержание из Демидовского фонда (§ 18). Список иждивенцев утверждался основателем училища П. Г. Демидовым¹⁵. Остальные студенты считались «своекоштными», т. е. содержались на собственные средства.

Устав предусмотрел направление за счет хозяйственных средств училища наиболее одаренных его выпускников для усовершенствования в науках в заграничные университеты. На одного из профессоров по выбору Совета возлагался надзор за поведением студентов в звании инспектора. За исполнение обязанностей инспектора, а также директора полагалось добавочных 300 рублей в год. Годовое жалование профессора составляло 1200 рублей. Проректор и Совет училища были подотчетны Московскому университету.

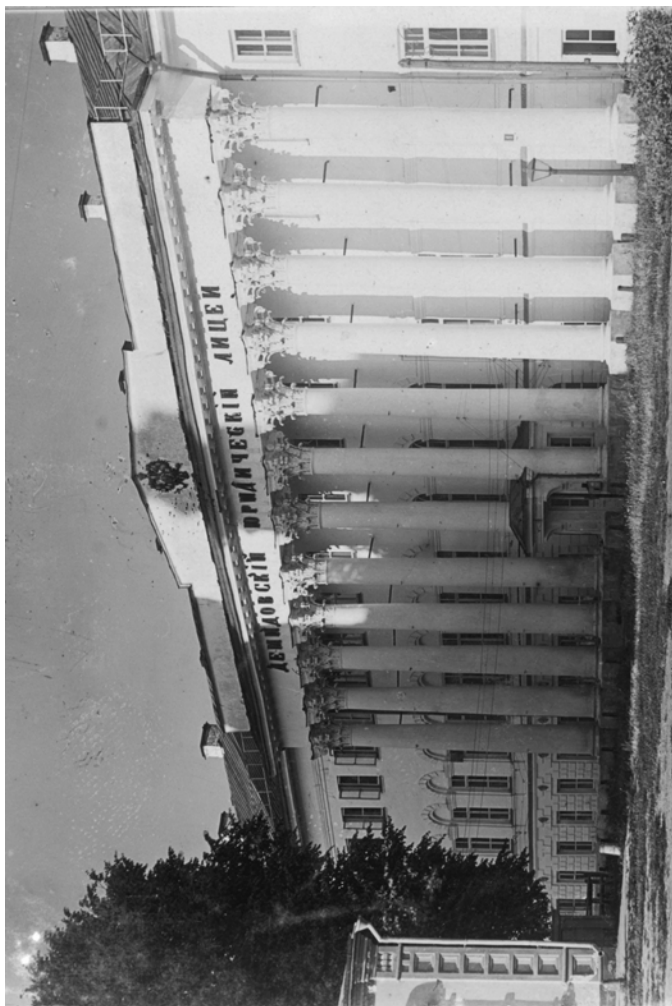
29 апреля 1805 г. состоялось торжественное открытие учебного заведения. Императорским указом министру народного просвещения от 14 января 1811 г. уточнено, что аттестаты училища имеют равную силу с аттестатами университетов¹⁶.

Таким образом, Ярославское высших наук училище официально было учреждено 6 июня 1803 г., занятия в нем начались 1 августа 1804 г., а его Устав был подписан Александром I 28 января 1805 г. Торжественное открытие училища состоялось 29 апреля 1805 г. В материальном содержании училищные профессора были приравнены к университетским, а учащиеся изначально именовались студентами¹⁷.

¹⁵ Звания почетного попечителя училища последний на себя не принял, ссылаясь на возраст и состояние здоровья. Ему в то время было 65 лет.

¹⁶ См.: Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль, 1887. С. 55.

¹⁷ См: Лушников А. М. К проблеме учреждения высшего учебного заведения в Ярославле // Вторые Алмазовские чтения. Ярославль, 2002. С. 45–50.

Демидовский юридический лицей. Ярославль. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.
Архив библиотеки Конгресса США.
Demidov Juridical Lyceum. Yaroslavl. Photo by S.M.Prokudin-Gorsky. 1910

Обреченное своим уставом на «неразделение» на факультеты училище не имело и не могло иметь в своем составе факультета или отделения нравственно-политических наук (юридического), что объективно ограничивало его возможности служения на уровне юридической. Но юридическая подготовка воспитанников в жизнедеятельности училища занимала далеко не последнее место. Да иначе не могло и быть, поскольку согласно видам правительства главным предназначением высших учебных заведений и близким к ним по статусу лицеев (Царскосельского, Ришельевского в Одессе и имени И. А. Безбородко в Нежине) было приготовление образованных чиновников, нужда в которых с разрастанием бюрократического аппарата империи становилась все более ощутимой. Приготовление это шло в основном в русле изучения юридических наук, вооружения будущих чиновников знанием отечественного законодательства и процессуальных форм отправления службы.

Ярославскому высших наук училищу предстояло более двадцати лет находиться под эгидой Московского университета, быть, по сути, структурным подразделением, чем-то вроде филиала. Это обстоятельство, несомненно, имело свою положительную сторону, поскольку нахождение в составе главного университета России служило поддержкой и опорой молодому учебному заведению, значительно ускоряло его становление. Труды профессоров училища печатались в типографии Московского университета. Существовала реальная возможность для взаимодействия с его факультетом нравственно-политических наук. Но взаимодействие это не могло быть всесторонним. Подготовка юристов в Московском университете в первой трети XIX в. имела сильный практический уклон. Влиятельное, а в отдельные периоды главенствующее положение на факультете нравственно-политических наук принадлежало знаменитой школе законоискусства, т. е. практической юриспруденции. Энергичными проводниками идей этой школы были московские профессора З. А. Горюшкин и Н. Н. Сандунов¹⁸. В Ярославском высших наук училище преподавание юридических дисциплин имело более теоретическую направленность. Но дело, разумеется, не в том, что совет ярославского учебного

¹⁸ См.: Фельдштейн Г. С. Главное течение в истории науки уголовного права. Ярославль, 1909. С. 339–346.

заведения отстаивал собственную позицию. Его подотчетное положение мало располагало к проявлению самостоятельности. Это направление юридической подготовки было предопределено Уставом училища, существенно отличавшимся от университетского 1804 г. В соответствии с ним ярославскому учебному заведению не полагалось иметь отдельных кафедр уголовного и гражданского судопроизводства, тех кафедр, на которых в главном университете России сложилось и процветало «законоискусство», ставившее в центр подготовки юристов практическое познание права. Устав училища предусматривал преподавание только двух юридических дисциплин: права естественного и права народного (международного). В рамках первого студенты получали основные сведения об институтах уголовного и гражданского права, об их судопроизводствах. При изучении политической экономии и науки финансов некоторое внимание уделялось финансовому праву. Кроме того, в отдельные периоды в училище читалось римское право.

Преподавание юридических дисциплин возлагалось на одного профессора. Первым преподавателем юридических дисциплин (естественного и народного прав) училища (1804–1809 гг.) был *Иван Давидович Вильке* (1768 – после 1809), выпускник Лейпцигского университета, имевший степень кандидата прав. Этот преподаватель совершенно не владел русским языком и только в Ярославле начал уяснять его основы. Лишь к концу ученой карьеры он дерзнул читать лекции по естественному праву на русском языке. Его задача облегчалась тем, что в то время министерской установкой предписывалось чтение лекций по руководствам и пособиям, составленным известными учеными, уже апробированным в высоких инстанциях в целях исключения вольнодумства. Вильке излагал с кафедры таковые пособия, главным образом переведенные на русский язык, импонирующие абсолютистскому режиму труды С. Пуфендорфа, подчас не понимая смысла русского текста, коверкая слова, тем самым превращая лекцию в пытку для слушателей. Кроме того, он часто пропускал лекции по состоянию здоровья, а вместо правовых дисциплин преподавал римскую историю. В 1809 г. он был уволен за полную неспособность к преподаванию. Его сменил **Герасим Федорович Покровский** (1774 – после 1837). В отличие от своего предшественника он был автором весьма значительных для своего времени трудов (в основном это речи,

произносившиеся по разным торжественным случаям). В 1812–1814 гг. он избирался проректором училища, а в 1818–1824 гг. был инспектором училища и пансиона. Этот выпускник юридического факультета Московского университета (1805 г.) со степенью кандидата стал первым юристом-проректором Демидовского училища. В 1814 г. он выступил инициатором создания и стал первым руководителем «Общества любителей российской словесности при Демидовском училище», имевшего научные и просветительские цели.

В своих трудах и лекциях этот профессор выступает проводником правовых идей кантовской школы. Юридические вопросы рассматриваются им в тесной связи с нравственной философией. Г. Ф. Покровским придается большое значение нравственному воспитанию как фактору, предупреждающему пороки и преступления. В своих рассуждениях по этому поводу он охотно пользуется аргументами из идейного арсенала энциклопедистов. Ему весьма импонирует учение К. Гельвеция. «В первые дни наши, мы чистая бумага, на которой ничего не написано», – вторит Г. Ф. Покровский великому философу. По его сочинениям можно судить и об основательном знакомстве автора с учениями Ш. Монтескье. Первый печатный труд Г. Ф. Покровского – речь «Рассуждение о войне и свойствах воину нужных», изданная Московским университетом в 1810 г. В ней сформулированы некоторые принципы войны, базировавшиеся на кантовском категорическом императиве¹⁹. В 1817 г. в том же издании выходит его речь «Рассуждение о происхождении и некоторых чертах гражданских законов». Следуя И. Канту, естественное состояние человечества рассматривает он как гипотезу, видит в нем лишь мечту «философов, которые, переносясь мыслями за пределы бытия обществ, исследывают там права и должности человеческие»²⁰. Обычное право («обыкновения») Г. Ф. Покровский считает мало действенным, поскольку оно, составляя достояние одних судей, является ключом к их обогащению за счет ограбления граждан.

¹⁹ См.: Лушников А. М. Демидовский юридический лицей и формирование международного гуманитарного права // Для великого блага отечества (Демидовские чтения). Ярославль, 1998. С. 48.

²⁰ Покровский Г. Ф. Рассуждение о происхождении и некоторых чертах гражданских законов. М., 1817. С. 5.

«Дотоле, – пишет он, – обыкновения народам служат вместо законов, дотоле ничьи права не могут быть верны и ограждены безопасностью. Где над судами нет власти законов, где они "имеют власть решать дела по своей воле", там нет правды и справедливости»²¹. Значительно продвигает человечество к счастью лишь появление писанных положительных законов. «Блистательная эпоха гражданственности народов, когда на горизонте их обществ начинают сиять положительные писанные законы»²². Однако последние благотворно воздействуют на общественную жизнь, лишь когда они немногочисленны, кратки, являют собой подобие пословиц, воплощающих мудрость многих веков, когда они доступны для понимания каждого человека. Несчастен тот народ, «который имеет необъятное множество законов», – заключает свою мысль автор.

Г. Ф. Покровским довольно подробно рассматриваются институты собственности, брака и развода. При этом в духе И. Канта он обосновывает неравенство правового статуса мужчины и женщины. Собственность и закон понимаются им в нерасторжимом единстве. «Уничтожьте закон, – пишет он, – сама собой уничтожится собственность, ее плоды и ожидания»²³.

В лекциях и трудах своих Г. Ф. Покровский касался некоторых вопросов и институтов уголовного права («о праве наказания», «о праве защищения себя против обид», «о справедливом и несправедливом насилии», «о поражении прав других», «об обиде», «об оскорблении на деле и на словах» и др.) В основе его лекционных курсов лежали руководства И. Бенгтама, А. Гейнарда, А. Гофбауэра, С. Гуффеланда²⁴. Перу Г. Ф. Покровского принадлежат также речи: «Рассуждение о главных и существенных причинах упадка и разрушения Римского государства» (1823); «Рассуждение о некоторых чертах, определяющих степени благосостояния людей и народов» (1832) и др.

Профессором Г. Ф. Покровским придавалось большое значение вовлечению студентов в научное творчество. Об основательности юридической научной подготовки воспитанников может свидетельствовать актовая речь студента *Николая Коковцова*

²¹ Покровский Г. Ф. Рассуждение о происхождении и некоторых чертах гражданских законов. С. 7.

²² Там же. С. 9.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ См.: Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 470.

«О происхождении законодательства», произнесенная им в торжественном собрании училища 29 апреля 1812 г. и в том же году изданная в типографии Московского университета. Эта речь является одним из первых (если не самым первым), студенческих печатных научных трудов в области правоведения. Правовые установления первоначальных обществ, по мнению автора, выступали в форме «обыкновений, обладавших авторитетом и силою законов». «В первоначальных обществах народ был управляем не законами, но обыкновениями, которые получают силу Законов с общего согласия или одного города или целой провинции... Может быть, целые ряды столетий погрузились в океан вечности, пока положительные законы заступили место обыкновений»²⁵. Появление положительных законов им связывается с тем периодом истории, когда люди отреклись от естественной свободы и вверили свою судьбу верховной власти.

Происхождение первых законов автор объясняет возникновением случаев и обстоятельств, нарушающих общественный порядок. Эти законы служили общественному благополучию. Но в последующем законодательный процесс стал набирать ускорение, чем создал непреодолимые преграды благополучию граждан. «Дурная похвала государству, в котором громады законов повелительных, советовательных и поощрительных. Множество подобных законов есть явный знак уклонения поданных от прямого пути и явный знак развращения нравов»²⁶.

Обращаясь к присутствовавшим на торжественном собрании представителям ярославской общественности, студент призывал их проникнуться мыслью о необходимости подчинения образования стремлению «к самой высокой степени просвещения, ибо... полуобразование приносит больше вреда, нежели пользы..., что надобно выпить всю чашу просвещения или совсем не касаться к ней»²⁷. Этот печатный труд студента весьма примечательное явление в истории отечественного правоведения²⁸.

²⁵ Коковцов Н. Речь «О происхождении законодательства», сочиненная и читанная студентом Николаем Коковцовым. М., 1812. С. 22–23.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ См.: Емельянова И. А. Всеобщая история права в русском дореволюционном правоведении (XIX век). Ч. 1. Казань, 1981. С. 17.

Важно отметить, что выступление студента состоялось за пять лет до выхода посвященного в основном той же проблеме труда его профессора. В начале своей педагогической деятельности в училище Г. Ф. Покровским читалось не предусмотренное Уставом римское право, что встретило неодобрение со стороны ревизовавших учебное заведение профессоров Московского университета. Пришлось прекратить чтение этого курса, но семена интереса к римскому праву, как видно из речи студента, были посеяны.

В 1825 г. Г. Ф. Покровский вынужден был покинуть училище из-за третирования со стороны попечителя учебного заведения ярославского губернатора А. М. Безобразова. После окончания жестокого режима этого сановника, фактически управлявшего в 1820-е гг. училищем, Г. Ф. Покровский снова вошел в состав его профессоров (1830–1837 гг.), но уже для преподавания философских дисциплин, т. к. на кафедре естественного и народного (международного) прав работал профессор Д. И. Семеновский.

К числу преподававшихся юридических дисциплин, а точнее, нравственно-политических, относились в то время политическая экономия и наука финансов. Первым их преподавателем был воспитанник университетов в Монпелье (Франция) и Геттингене швейцарец *Эммануил Иванович Турнейзен* (1780–1809). Лекции им читались на французском языке, поэтому имели мало слушателей. Трудов и руководств после себя Э. И. Турнейзен потомству не оставил. После его смерти в 1809 г. к преподаванию этих дисциплин в училище приступил магистр философии **Алексей Фомич Клименко** (1776 – после 1838). Он автор первого из опубликованных профессорами учебного заведения экономических трудов. Труд этот – актовая речь «О главных источниках народной промышленности и богатства», с которой автор выступил в торжественном собрании училища 29 апреля 1812 г. В этом сочинении с физиократических позиций А. Ф. Клименко обосновывает главенствующее положение земледелия в народном хозяйстве²⁹. Вместе с тем А. Ф. Клименко считает делом полезным вовлечение правительством путем поощрений граждан в занятие промышленностью, но в известных пределах.

²⁹ Клименко А. Ф. Речь о главных источниках народной промышленности и богатства. М., 1812. С. 9–10.

Демидовская колонна – памятник П. Г. Демидову,
основателю Ярославского Демидовского училища
юридических наук

А. Ф. Клименко был решительным противником принуждения граждан государством к тому или иному занятию или роду промышленности. Это могло, по его мнению, повести к нарушению объективно складывающегося равновесия между отраслями народного хозяйства. Он ратовал за предоставление каждому члену общества полной свободы приобретать произведения земли, обрабатывать их и употреблять по своему произволу³⁰.

В 1816 г. А. Ф. Клименко перешел на гражданскую службу. Служебная деятельность его носила в основном ревизионный характер. Последняя его должность – советник государственной экспедиции для ревизии отчетов. В 1828 г. он возвращается в училище уже в качестве его директора и остается в этой должности до своей отставки в 1838 г. А. Ф. Клименко зарекомендовал себя как один из самых энергичных директоров этого учебного заведения. Преподавательской деятельностью он уже не занимался, поскольку это не входило в его обязанность. Директору надлежало быть чиновником, представителем правительства. Не магистерская степень послужила основанием для его определения на эту должность, а высоко ценившиеся приобретенные на государственной, бюрократической службе качества. А. Ф. Клименко выступал последовательным сторонником расширения преподавания правовых дисциплин за счет римского права и российского законодательства «с обозрением законов гражданских и уголовных и порядка судопроизводства».

Политическую экономию и науку финансов начиная с 1817 г., в течение 20 лет, преподавал магистр этико-политических наук *Федор Андреевич Бекетов* (1787 – после 1837), окончивший в 1810 г. юридический факультет Московского университета со степенью кандидата. В период преподавания им было опубликовано три научных труда (рассуждения): «Об основаниях, постепенном ходе и пользе экономии политической» (М., 1818); «О существенных свойствах и принадлежностях экономии политической» (М., 1826); «О влиянии богатства в отношении к народонаселению согласно с началами экономии политической» (М., 1833).

³⁰ Клименко А. Ф. Речь о главных источниках народной промышленности и богатства. С. 11.

В 1821 г. 13 июля в возрасте 82 лет скончался Павел Григорьевич Демидов. Покойному училище обязано было не только своим основанием, но и многочисленными последующими пожертвованиями. П. Г. Демидов положил начало библиотеке училища, подарив ему 263 экземпляра книг на различных языках, всемерно способствовал оборудованию учебных кабинетов, постоянно пополняя их физическими и химическими приборами, коллекциями растений, камней и минералов. Пример П. Г. Демидова побудил к актам благотворительности в пользу учебного заведения его имени многих состоятельных ярославцев и жителей других губерний России. В 1829 г. в Ярославле был открыт памятник П. Г. Демидову.

В 1824 г. училище было выведено из ведомства Московского университета и стало управляться директором. Первым директором училища был статский советник **Михаил Александрович Майков** (1770 – после 1848), более известный как поэт и баснописец. Затем с 1828 г. его сменил уже известный нам А. Ф. Клименко. Но фактически учебное заведение было подчинено почетному попечителю – ярославскому губернатору, тайному советнику А. М. Безобразову, которому императорским указом предоставлялось право непосредственного обращения по всем вопросам к министру народного просвещения. Этот чиновник вплоть до перевода в Петербург гражданским губернатором (в 1826 г.) фактически превратил училище в свою вотчину, управляя им как прочими губернскими заведениями.

В 1831 г. училище посещает император Николай I и находит в нем «беспорядки и неисправности»³¹. В чем они состояли, неизвестно. Но, скорее всего, императору, привыкшему во всем видеть строгий армейский порядок, бросилось в глаза отсутствие у студентов военной выправки. Сугубо гражданский вид воспитанников уже сам по себе не мог не вызвать императорского неудовольствия.

Не случайно последовало указание о введении обучения студентов первоначальному фрунтовому порядку под командой надежного штаб-офицера и четырех унтер-офицеров. К этому делу был приставлен начальник Ярославского батальона кантонистов полковник Веймар. Воспитанники училища были разби-

³¹ См.: Головщиков К. Д. Черты жизни и деятельности Ярославского Демидовского высших наук училища и потом лицея. С. 57.

ты на четыре роты, и началось их обучение военным «эволюциям» и «экзерцициям». Императорский визит повлек за собой преобразование училища в Демидовский лицей, хотя подготовительные мероприятия для этого стали проводиться еще с 1828 г.³² *Всего с 1805 по 1833 гг. в училище прошли обучение 739 студентов из 26 губерний. По другим данным, окончили курс до 1834 г. 327 человек*³³.

В 1833 г. училище было преобразовано в учебное заведение юридического и камерального профиля (Демидовский лицей). 2 августа 1833 г. последовал именной императорский Указ Сенату об утверждении Устава Демидовского лицея³⁴. Открытие лицея состоялось 15 января 1834 г., в день рождения П. Г. Демидова. Директор А. Ф. Клименко прочел новый Устав. Профессор Г. Ф. Покровский произнес речь «Рассуждение о том, на что должно обращать внимание в деле воспитания юношества».

Преобразование не давало учебному заведению ни выгод, ни преимуществ. Статус его даже понижался. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 9 августа 1833 г. главные познания для учащихся должны составлять науки юридические и камеральные³⁵. Последние содержали в себе совокупность многих технических, экономических и финансовых сведений, необходимых, как предполагалось, для подготовки чиновников сферы управления государственными имуществами и финансами, конгломерат которых охватывался общим понятием «камера»³⁶. Остальные дисциплины рассматривались как общеобразовательные, «суть уже второстепенные»³⁷.

В связи с установленным профилем подготовки студентов в лицее вводилось преподавание русского публичного, граждан-

³² РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–10 и далее.

³³ См.: Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). С. 89–91; Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в Ярославле им. Демидова в первый век его основания и деятельности (6 июня 1803–1903 гг.). С. 275.

³⁴ ПСЗ: собр. второе. Т. VIII, отд. перв. (1833). СПб., 1834. № 6370. Оригинал указа см.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 502. Л. 2–5.

³⁵ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование императора Николая I. 1825–1855 гг. СПб.: Тип. АН (1825–1835 гг.). Т. 2, отд. I. 1864–1224, 63. С. 467–468.

³⁶ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза – Эфрона. Т. 14. С. 177.

³⁷ Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 120.

ского и уголовного права, гражданского и уголовного судопроизводства³⁸, а также финансов и политической экономии, статистики, физики, химии, технологии и естественной истории. В целях общего развития изучались математика, российская и латинская словесность, всеобщая и русская история, немецкий и французский языки, философские науки. Последние по уставу 1833 г. представляли собой целый цикл наук (логику, психологию, нравственную философию и историю философии). В соответствии с новым уставом лицей вновь переходил под эгиду Московского университета, советом которого избирались его директор и профессора, с последующим утверждением министром народного просвещения. Совет лицея потерял право присуждать степень кандидата наук. Все выпускники выходили в звании действительного студента с правом на получение чина 14 класса.

Новый устав вполне в духе времени требовал от профессора лицея «полного, правильного и благонамеренного преподавания своего предмета» (§ 85). Срок обучения оставался трехлетним. Экзамены проводились по окончании каждого полугодия и по завершении всего курса обучения по предмету. Приоритет отдавался изучению юридических дисциплин. На их преподавание отводилось по 12 часов в неделю, тогда как остальным учебным предметам уделялось по 9 недельных часов. Для студентов предусматривались каникулы с 10 июня по 22 июля и с 20 декабря по 12 января³⁹.

Вскоре после преобразования учебное заведение посетил в 1834 г. Николай I. На этот раз нашел в нем надлежащий порядок и наградил директора А. Ф. Клименко орденом «Св. Станислава» 2 степени. С. П. Покровский так описывает этот императорский визит: «Порядок, найденный в Демидовском лицее, создал хорошее настроение духа у Государя. Он долго пробыл в лицее и пожелал пройти через лицейский сад на Стрелку и набережную, где сливаются Волга с Которослью. Оттуда с удо-

³⁸ К числу достоинств Устава профессор лицея Н. А. Гладков относил усиление юридического цикла, определенных для преподавания дисциплин. (См.: Обозрение 50-летнего существования Демидовского лицея, читанное в торжественном собрании сего заведения в дни юбилея 1853 года июня 6 день, и. д. проф. Гладковым. Ярославль, 1853. С. 35).

³⁹ См.: Егоров А. Д. Лицеи России (Опыт исторической хронологии): В 5 кн. Кн. 3: Демидовский юридический лицей: В 2 ч. Ч. 1. Иваново, 1994. С. 63.

вольствием любовался красивой панорамой окрестностей Ярославля»⁴⁰.

Как предусмотрено было «сценарием» встречи императора, студенты-демитовцы вслед за солдатами прошли перед ним «церемониальным маршем». Император приказал полковнику Веймару «объявить демитовцам спасибо». За ним последовало «высочайшее» повеление переменить покрой воротников на мундирах студентов Демитовского лицея по образцу Царско-сельского лицея. Кроме того, император приказал директору лицея немедленно приступить к постройке глухой каменной ограды вокруг лицейского сада (видимо, прогулка на Стрелку навела царя на эту мысль), чтобы отделить его от площади и набережной, тем самым изолировав лицеистов от внешнего мира. Сооружение ограды обошлось лицейю в 7880 рублей. Она имела протяженность 278 сажен и высоту 2,5 аршина⁴¹.

Следующим повелением императора было введение в лицее должности инспектора из отставных военных штаб-офицеров, который наблюдал бы за нравственностью студентов и занимался бы их наружной выправкой, т. е. исполнял полицейские функции. Инспектор был наделен в отношении студентов широкими полномочиями: мог наказать провинившегося «лишением стола» и арестом до пяти суток. Студентам лицея запрещалось курить табак и иметь при себе деньги.

Хотя император отметил хорошее состояние лицея, последний с самого начала был обречен на прозябание. Его учебный план был смесью предметов общегимназического образования с предметами высшего специального образования и по многочисленности их представлялся неисполнимым⁴². Губительно сказывалась на подготовке студентов и разнородность определенных для преподавания дисциплин. Студенты должны были изучать на одном курсе до 15 предметов и подчас не родственных. И от этого, разумеется, страдало преподавание камерально-юридических наук. Сосредоточенные на одной кафедре семь юридических дисциплин, включая финансы и политическую экономию, читались всего двумя профессорами. Также обстояло дело и с науками камерального цикла. Преподавание

⁴⁰ Покровский С. П. Указ. соч. С. 126.

⁴¹ Ранее лицейская территория окружалась решетчатым забором.

⁴² См.: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 208.

профессором 4–5 предметов с еженедельной нагрузкой в 12 часов было вполне обычным явлением.

При таком положении лицей не в состоянии был отвечать своему назначению – давать выпускникам камерально-юридическое образование. Все это сказывалось на авторитете учебного заведения. Кроме того, получение по окончании лицея чина коллежского регистратора не было отрядной перспективой для молодого человека, тем более из дворянской семьи. В силу этих обстоятельств начался отток студентов из лицея. Со 114 в 1833 г. количество студентов упало до 34 в 1840 г.

В 1841 г. лицей вновь посещал император, а несколько раньше наследник престола, который, «желая знать продовольствие студентов», откушал вместе с ними. Однако и эти визиты коронованных особ не способствовали поднятию статуса лицея, улучшению его финансового состояния. Все настойчивее вставал вопрос о перестройке здания, а средств не было. Крестьянские недоимки росли. В 1843 г. их сумма составляла 4899 руб.

После ухода в отставку в 1838 г. А. Ф. Клименко, много сделавшего для поддержания достоинства и значения учебного заведения имени П. Г. Демидова, на должность директора лицея назначен 7 июля 1838 г. товарищ председателя Московской палаты уголовного суда надворный советник **Василий Петрович Зубков** (1799–1862)⁴³. Однако его директорство оказалось непродолжительным. В конце этого же года он увольняется в отставку. 10 июля 1839 г. директором был назначен выпускник Института корпуса инженеров путей сообщения (1822 г.), ранее служивший в ведомстве Министерства путей сообщения, коллежский асессор **Петр Владимирович Голохвастов** (1803–1887). Ему предстояло возглавлять учебное заведение до 25 сентября 1848 г. По мере сил и способностей своих этот директор старался вывести лицей из состояния упадка, уготованного ему Уставом 1833 г.

⁴³ В. П. Зубков был единственным юристом на посту директора Демидовского лицея. Впрочем, образование он получил в Московском училище колонновожатых, которое можно признать прообразом Академии Генерального штаба. Свою служебную карьеру он начал офицером, был близок к декабристам, дружил с А. С. Пушкиным. Однако большую часть своей гражданской службы он провел в судебных органах, стал действительным статским советником, с 1839 по 1855 гг. состоял обер-прокурором ряда департаментов Сената.

Вскоре после посещения в 1841 г. Лицея Николаем I П. В. Голохвастов направил в Министерство народного просвещения и попечителю учебного округа свои предложения о преобразовании учебного заведения. В записках директора обосновывалась необходимость, в целях повышения статуса лицея и придания большей целенаправленности учебному процессу, сокращения числа преподаваемых в нем дисциплин с тем, чтобы сосредоточить усилия на изучении камеральных и юридических наук, а также выделения ассигнований на пополнение библиотеки литературой и другие насущные нужды. Предложения директора не встретили понимания⁴⁴.

Какими же научно-педагогическими силами для преподавания юридических и политико-юридических наук располагал лицей? Его Устав выдвигал одним из условий избрания профессором обладание степенью магистра, но это требование иногда не соблюдалось из-за нехватки научных кадров. В числе профессоров лицея состоял и продолжал преподавать финансы и политическую экономию магистр этико-политических наук Ф. А. Бекетов, о котором уже упоминалось выше (преподавал до ухода в 1837 г. на пенсию). К сожалению, с его уходом важнейшая должность профессора финансов и политэкономии (который читал также курс законов о государственных финансах) до 1846 г. оставалась незамещенной.

Юридические дисциплины в полном установленном Уставом лицея объеме читал профессор *Дмитрий Михайлович Семеновский*, воспитанник Киевской духовной академии и Петербургского главного педагогического института⁴⁵, назначенный в 1826 г. на кафедру естественного и народного прав училища. Профессор не имел магистерской степени. Преподавая в духе правительственных инструкций естественное право, Д. М. Семеновский направлял свои усилия на обоснование несостоятельности теории общественного договора ссылками на Священное писание. В своем труде «Рассуждение о начале происхождения гражданских обществ» (1827 г.) Д. М. Семеновский подвергает критике учения С. Пуфендорфа и

⁴⁴ См.: Егоров А. Д. Указ. соч. С. 76–77.

⁴⁵ В то время в духовных академиях довольно широко преподавалась юриспруденция. Петербургский главный педагогический институт имел юридическое отделение и готовил научно-педагогические кадры для высших учебных заведений и гимназий.

Ж. Ж. Руссо о происхождении общества и государства. Начало общественной жизни, по его мнению, положено супружеской четой, созданной волею Бога. Он утверждает, что в основе соединения людей в гражданское общество лежит божественный промысел, а не договор, война или насилие. Бездушная природа также не в состоянии совершить мудрое дело объединения людей в гражданское или политическое общество: «Рука Всевышнего, – пишет он, – соединила людей между собою, отверзла им двери в Гражданское общество, ввела и оградила верховною властью»⁴⁶.

Исходящий от бога нравственный закон, предписывающий родительскую власть и детское повиновение, в полную силу действует и в политическом обществе. «Государство, – полагает Д. М. Семеновский, – составляют Верховные правители и подданные. Правителям принадлежит священное право управлять народом, а на подданных лежит безусловная обязанность повиновения. Принадлежность права первых и обязанности последних составляют законы Вышнего, предписываемые Верховной властью и подданными исполняемые. И так основанием прав Верховной власти и обязанностей подданных также есть воля Божия»⁴⁷. Истиной, отвечающей божественному замыслу, Д. М. Семеновский считал только монархическую форму правления.

Однако с переходом в середине 1830-х гг. на кафедру русского права совершается определенный перелом в его мировоззрении, отход от рутины. Д. М. Семеновский стремится определить назначение права и законодательства, исходя из общественных потребностей, духа времени. Весьма показателен в этом отношении его труд «Речь о ходе и действии законодательства на благосостояние общественное» (1838). Выражая, уже без всяких налетов мистики, свое отношение к естественному праву, Д. М. Семеновский приводит мысль о неспособности «права разума» служить действенным средством разрешения выдвигаемых жизнью вопросов. Отрицая существование вечных истин, абсолютных критериев справедливости, он утверждает, что величайшая справедливость внешняя или юридическая может быть в то же самое время и величайшей несправедливостью или

⁴⁶ Семеновский Д. М. Рассуждение о начале происхождения гражданских обществ. М., 1827. С. 15.

⁴⁷ Семеновский Д. М. Указ. соч. С. 6.

обидою в нравственном отношении. Поэтому не отвлеченное, абстрактное право естественное, право положительное является гарантом безопасности и общественного благополучия. Это положительное право должно быть изучаемо в направлении «философско-догматико-историческом» в сравнении с законодательствами всех времен и народов.

В «Речи о характере уголовного законодательства известнейших древних народов и отечественного русского» (1845 г.) Д. М. Семеновский высказывает положение о том, что уголовное право всех народов подчинено в своем развитии «вечному закону правды и справедливости», который, однако, выступает в различных проявлениях по причине своеобразия условий общественного быта каждого народа.

Сопоставляя уголовное законодательство «известнейших древних» народов с древнерусским, Д. М. Семеновский приходит к выводу о значительных преимуществах последнего: «Приступая к изложению хода отечественного уголовного законодательства, мы должны сказать без преувеличения, что оно является у древних наших предков самым естественным, простым и без противоречий и запутанностей, кои встречаются в первобытных законодательствах других народов»⁴⁸.

Кроме прямо означенных Уставом лица дисциплин (русского публичного, гражданского и уголовного права, гражданского и уголовного судопроизводства), Д. М. Семеновским читалась история российского законодательства. Главными руководствами в его преподавании служили «Свод законов Российской империи», сочинения Г. Генке, А. Рейнца и И. Ф. Эверса.

Как уже указывалось, до 1837 г. юрист Г. Ф. Покровский преподавал в лицее философские дисциплины (логику, психологию, нравственную философию и историю философии). Предметом его научных исследований все более становится проблема воспитания юношества.

Авторитет лицея продолжал неуклонно снижаться. И в качестве спасительной меры правительством был разработан новый Устав, уточнивший назначение учебного заведения. Устав, ут-

⁴⁸ Семеновский Д. М. Речь о характере уголовного законодательства известнейших древних народов и отечественного русского. М., 1845. С. 34.

вержденный 22 ноября 1845 г. (в действие введен с 1 января 1847 г.), определил как главную цель лицея «распространение основательных сведений по части камеральных наук в связи с отечественным законоведением»⁴⁹. Как мы видим, изменились акценты: Устав 1833 г. делал упор сначала на юридические и лишь затем на камеральные науки. Лицей окончательно был выведен из ведомства Московского университета. Уставом в штат учебного заведения вводилось шесть профессоров, избравшихся Советом лицея, но сохранялось их утверждение министром народного просвещения. Для получения звания профессора необходимо было обладать степенью магистра (§ 45). Директор по Уставу – лицо назначаемое⁵⁰. В число преподавателей он не входил, но на него возлагалось управление учебным заведением вместе с Советом, состоявшим из профессоров лицея. Председательствовал в Совете директор. Он, в соответствии с Уставом, начальствовал также над Ярославской гимназией и народными училищами губернии. На эту должность нередко назначались не имевшие университетского образования чиновники.

Присуждение лучшим ученикам кандидатских степеней и этот Устав не предусматривал. Наиболее отличившиеся в учебе получали по окончании право на чин XII класса, остальные выходили из лицея с чином XIV класса⁵¹. Срок обучения оставался трехлетним.

По Уставу лицей мог иметь типографию и книжную лавку. Большое значение Уставом придавалось лицейской библиотеке. Ею заведовал один из профессоров с утверждения попечителя учебного округа. Новый Устав 1845 г. предусматривал преподавание следующих учебных дисциплин: 1) богословие и церковная история, 2) русская словесность, 3) чистая математика, политическая арифметика и бухгалтерия, 4) физика и химия, 5) зоология, ботаника и минералогия, 6) политическая экономия, статистика и наука о торговле, 7) технология, сельское хо-

⁴⁹ ПСЗ, собр. второе. Т. 20, отд. второе (1845). СПб. № 19461.

⁵⁰ Согласно § 31 Устава он избирается попечителем Московского округа и утверждается министром народного просвещения. Вряд ли чем это отличается от назначения.

⁵¹ Постановлением лицейского Совета в 1867 г. внесено уточнение в это положение, в соответствии с которым для получения права на чин XII класса необходимо иметь общий средний балл по предметам лицейского курса не менее «4».

зяйство, лесоводство, землемерие, 8) энциклопедия законовещения, государственные законы и учреждения, 9) законы государственного благоустройства и благочиния, 10) законы казенного управления, финансы, 11) гражданские и уголовные законы с судопроизводством, 12) языки немецкий и французский (§ 6).

Пестрота предметов, их разнохарактерность сохранились. Но зато более широко и основательно в новом учебном плане лицея представлены юридические дисциплины. Их объем почти не отличался от университетского, предусмотренного Университетским уставом 1835 г. Только преподавание римского законовещения не входило в учебный план лицея⁵². Камеральный лицей был полуюридическим учебным заведением. Разумеется, трехлетний срок обучения в лицее диктовал прохождение юридических дисциплин в уплотненном порядке, но их набор обеспечивал подготовку выпускников для занятий практической юриспруденцией. Известно, что выпускник Лицея 1852 г. П. В. Демерников дослужился до высокой должности товарища (заместителя) обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, должности, требовавшей основательных юридических познаний. Вообще следует заметить, что блок юридических дисциплин был более крупным и монолитным, тогда как учебные предметы камерального цикла были лишены органического единства.

По мнению директора Н. М. Коншина, благодаря этому преобразованию учебное заведение «встало на твердую ногу» и стало завоевывать общественное доверие⁵³. Действительно, на протяжении десяти лет наблюдалось последовательное возрастание числа его студентов. Если в 1845 г. в лицее обучалось 35 человек, то в 1855 г. он имел в своем составе 106 учащихся. Это обстоятельство уже само по себе вселяло определенный оптимизм относительно жизнеспособности учебного заведения. Вообще с идеей камерального образования, заимствованной из Германии, Министерство народного просвещения связывало

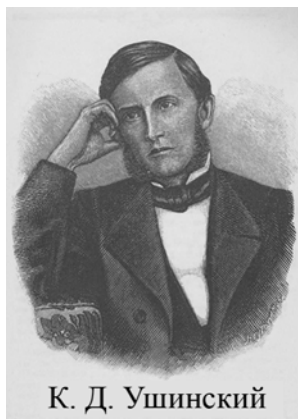
⁵² Оба Устава, университетский и лицейский, следует подчеркнуть, ставили юридическую науку в тесные рамки положительного права, т. е. действующего законодательства. Предписывалось изучение законов, а не права.

⁵³ См.: Речь, произнесенная директором Демидовского лицея Н. Коншиным в торжественном заседании 6 июля 1853 года в день 50-летнего юбилея лицейского. Ярославль, 1853. С. 6.

большие надежды. Подготовка научно образованных чиновников для службы в ведомстве Министерства государственных имуществ и казенных палатах не могла рассматриваться иначе как дело большой государственной значимости. В 40-е гг. XIX в. на юридических факультетах всех российских университетов, за исключением Московского, открылись камеральные отделения. В Московском университете такое отделение не открылось, надо полагать из-за близости к Москве Ярославля с его Демидовским лицеем. Идея камерального образования как плодотворная получила обоснование в актовой речи исправляющего должность экстраординарного профессора Демидовского лицея К. Д. Ушинского, произнесенной в 1848 г. Правда, будущий великий педагог смотрел гораздо дальше видов правительства. Он рассматривал камералиста как специалиста по научному управлению народным хозяйством, авторитетного защитника природы.

В 1846 г. для студентов Демидовского лицея была введена форма: мундир черного сукна с голубым воротником и серебряными петлицами из галуна и белыми металлическими пуговицами с гербом Ярославля; к мундиру полагались треугольная шляпа и шпага. Форма эта сохранилась до преобразования лицея в юридический, тогда как в других учебных заведениях Министерства просвещения она была отменена.

В 1846 г. в преобразованный лицей влились новые научно-педагогические силы. Для преподавания юридических дисциплин были определены выпускники Московского университета – кандидаты юридических наук – **Константин Дмитриевич Ушинский** (1824–1871), ставший основателем научной педагогики в России, и *Василий Иванович Татаринов*. Вместе с ними после окончания университета в число профессоров лицея вступил кандидат философских наук *Сильвестр Иванович Львовский*. На него возлагалось преподавание политической экономии и статистики. Все трое как не имевшие степени магистра числились исправляющими должности экстраординарных профессоров, но вскоре сумели снискать

К. Д. Ушинский

любовь и уважение студентов и надежно вписаться в профессорскую коллегия лицея. Не случайно К. Д. Ушинскому и С. И. Львовскому Советом лицея была поручена 17 марта 1847 г. разработка новых правил для испытания студентов лицея и присуждения им наград. Этот учебно-педагогический документ молодыми профессорами вскоре был составлен и утвержден с некоторыми поправками попечителем Московского учебного округа. В отличие от правил других учебных заведений, в этом документе преподавателю предоставлялось больше самостоятельности в оценке знаний студентов и совет наделялся более широкими правами⁵⁴.

К. Д. Ушинский много внимания уделял индивидуальному общению со студентами, научному наставничеству. Под его руководством достиг больших научных успехов студент *Алексей Антипович Потехин* (1829–1908), будущий известный беллетрист и драматург. Лицейское сочинение последнего «Опека и попечительство» написано под сильным влиянием К. Д. Ушинского⁵⁵. Другое (к сожалению, не сохранившееся) конкурсное сочинение А. А. Потехина на заданную К. Д. Ушинским тему «Образование новых присутственных мест при Петре I» Совет лицея удостоил золотой медали. Оба сочинения рецензировались К. Д. Ушинским. В первых литературных опытах уже окончившего лицей А. А. Потехина также чувствуется влияние демократизма лицейского наставника. В романе «Крушинский» с большой симпатией автором нарисованы образы разночинцев. В свое время пользовались популярностью пьесы А. А. Потехина «Суд людской не божий», «Шуба овечья, душа человечья», «Рыцари нашего времени», «Вакантное место».

К. Д. Ушинский сразу же обратил внимание на отсутствие в лицее системы преподавания юридических дисциплин, которые были распределены Советом лицея по курсам таким образом, что дисциплины, дающие общие сведения о праве, читались одновременно со специальными. Подчас последние опережали первые, не соблюдалась последовательность в преподавании, преемственность. По этому поводу К. Д. Ушинский представил Совету лицея записку (особое мнение), в которой указывал:

⁵⁴ См.: Иванов А. Н. К. Д. Ушинский (гимназист, студент, профессор). Ярославль, 1973. С. 149.

⁵⁵ См.: Иванов А. Н. Указ. соч. С. 150–151.

«Преподавание энциклопедии законоведения на втором отделении совместно с преподаванием на том же отделении частных юридических дисциплин, каковы науки государственного, гражданского и уголовного, ... я почитаю совершенно невозможным. Во-первых, потому что чтение частных юридических наук без предварительных общих сведений о праве и его отделах чрезвычайно затруднительно и шатко. Во-вторых, без предварительного преподавания энциклопедии законоведения при начале каждой частной его науки должны быть излагаемы общие сведения о праве, что будет напрасной тратой времени и стеснять до крайности преподавателя в курсе и без того кратком»⁵⁶. Совет лицея согласился с мнением молодого коллеги.

В лицейской библиотеке была очень слабо представлена литература по юридическим дисциплинам. Вновь созданная кафедра энциклопедии законоведения вообще не имела ни научной, ни учебной литературы. По финансовому праву было только одно, притом устаревшее, сочинение. К. Д. Ушинский не мог мириться, подобно его предшественнику, профессору Д. М. Семеновскому, с таким положением и добился от Совета принятия мер по пополнению библиотеки литературой по правоведению. Лицейская библиотека вскоре стала располагать многими ценными книгами по юридическим наукам. Молодого профессора до глубины души возмутил резко обозначившийся в 1849 г. правительственный курс на стеснение свободы преподавательского труда, намеренное его заикливание на формальной стороне дела, в целях постановки под более действенный контроль всего хода преподавания.

На заседании Совета лицея, состоявшегося 9 февраля 1849 г., К. Д. Ушинский выступил с критикой бюрократического обязывания преподавателей к составлению подробных программ с детальной разбивкой по часам, заявив, что ученую деятельность «невозможно связывать такими формальностями», что каждый преподаватель при изучении предмета должен прежде всего соотноситься со своими слушателями, творчески с ними взаимодействовать, что предвзятое раздробление «курса на часы совершенно убьет живое дело преподавания» и «на такое убийство не отважится ни один честный преподава-

⁵⁶ Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 144.

тель»⁵⁷. Это предостережение великого педагога об опасности формализации преподавательской деятельности имеет отношение и к реалиям нашей сложной действительности.

Важным событием в жизни лица явилось выступление К. Д. Ушинского 18 сентября 1848 г. с актовой речью «О камеральном образовании» на торжественном собрании по случаю первого выпуска из преобразованного в соответствии с Уставом 1845 г. лица.

Ввиду того что обучение камеральным дисциплинам было делом новым тогда в России и в понятие «камералистика» вкладывался самый различный смысл, К. Д. Ушинскому предстояло внести ясность относительно предмета и системы камерального образования. Попытка такого рода предпринималась в аналогичных речах профессоров Московского и Харьковского университетов, однако выступление К. Д. Ушинского выгодно отличали глубина и всесторонность научного исследования проблемы, практическая значимость даваемых рекомендаций по применению данных камеральной науки в хозяйственной деятельности государства. Произнесенная К. Д. Ушинским актовая речь являлась фрагментом большого научного труда, опубликованного в 1849 г., который вполне мог быть представлен как магистерская диссертация. Тому основанием служили оригинальность разработки темы и солидный объем сочинения. Но вынужденный уход из лица изменил научные планы К. Д. Ушинского. Определяя камеральную науку как науку хозяйствования, юрист К. Д. Ушинский ставил вопрос о развитии камерального или хозяйственного права, которое представляло бы собой юридическое изложение хозяйственной деятельности⁵⁸, имея в основе своей гражданское право.

В речи К. Д. Ушинского было подвергнуто резкой критике современное состояние юридических наук в России, особенно международного и государственного права. Прямо указывалось на неразработанность науки государственного права, «границы которого совершенно не определены, большей частью оно ограничивается скучным изложением устройства присутственных мест... В настоящее время многие под именем государственно-

⁵⁷ Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 147.

⁵⁸ См.: Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 т.: Т. 1: Ранние работы и статьи 1846–1856 гг. М.; Л., 1948. С. 209.

го права (положительного и естественного) понимают анатомический скелет государственных форм, из которых удалены и жизнь, и движение... В глубоком младенчестве находится наука государства»⁵⁹, – отмечал К. Д. Ушинский. Это была по сути критика правительственных мер, запрещавших научную разработку положительного законодательства и требовавших, чтобы его преподавание сводилось к разъяснению статей Свода законов Российской империи.

В своих лекциях К. Д. Ушинский не следовал, разумеется, министерским циркулярам. Он, по свидетельству выпускников лицея, очень увлекательно читал курс государственного права. Но талантливый юрист был крайне ограничен существовавшим режимом в создании научных трудов по государствоведению. Тем не менее ему принадлежит первенство в выдвижении идеи «общественного права», понятием которого как составная часть охватывалось право государственное. Проявлением общественного права, по мнению К. Д. Ушинского, является все то, «в чем выразилась общественная жизнь народа и что... достигло высоты права в письменных законах и на факте». «Фактическое право», считал он, постоянно обнаруживается в жизнедеятельности и отношениях различных сословий, городских и сельских обществ и иных соединениях людей⁶⁰.

Сопоставляя камеральное и полицейское право, т. е. право внутреннего управления, К. Д. Ушинский прозорливо усмотрел в переплетении предметов этих наук контуры будущей науки административного права, которой предстояло сложиться только к концу XIX в.⁶¹ В своих лекциях К. Д. Ушинский обращался к вопросам гражданского права, с развитием которого он связывал утверждение достоинства человеческой личности. Классическое римское частное право, подчеркивалось им, было слито воедино с гордой натурой римского гражданина⁶².

⁵⁹ Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 1. С. 199–200.

⁶⁰ См.: Емельянова И. А. Политико-правовые идеи К. Д. Ушинского // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 111.

⁶¹ См.: Там же. С. 113.

⁶² В сфере научных интересов юриста К. Д. Ушинского находилась также проблема преступности. Его перу принадлежит солидная исследовательская статья «О преступности в Англии и во Франции», опубликованная в 1854 г. в «Библиотеке для чтения», которая содержит глубокий

В 1848 г. в связи с уходом в отставку П. В. Голохвастова на директорскую должность был назначен отставной подполковник, коллежский асессор **Николай Павлович Тиличев** (1810 – после 1850), ранее служивший в корпусе лесничих, человек совершенно не подготовленный к управлению учебным заведением. И по своему характеру он был не способен к принятию каких-либо деятельных мер к поддержанию в лицее должного порядка, дисциплины, уровня взаимоотношений в профессорской среде, в чем нельзя было упрекнуть П. В. Голохвастова. Последний пользовался авторитетом у профессорской коллегии лицея, Н. П. Тиличев ею не принимался всерьез.

Почетное попечительство Уставом 1845 г. по-прежнему возлагалось на губернского предводителя дворянства, но в 1848 г. это положение было изменено. Звание почетного попечителя стало предоставляться старшему в роде Демидовых. Первым вступил в эту должность внучатый племянник основателя лицея штаб-ротмистр Павел Григорьевич Демидов. Человек деятельный по своей натуре, он сразу же приступил к разработке мер по исправлению лицея, по привитию благонамеренного духа преподавания, по укреплению дисциплины и нравственности студентов. Роль директора Н. П. Тиличева им была фактически сведена на нет. Вносящие в лицейское преподавание свежую струю К. Д. Ушинский и его молодые коллеги вызывали у почетного попечителя определенные опасения в смысле благонадежности.

Преподаваемые ими дисциплины имели большое значение для формирования политических убеждений и гражданских качеств воспитанников. С. И. Львовский, как известно, читал политическую экономию. Политическая экономия и государственное право, читавшиеся К. Д. Ушинским, относились к дисциплинам политическим. Уже с этим обстоятельством было связано в какой-то мере «повышенное внимание» попечителя к молодым профессорам лицея. Другой товарищ К. Д. Ушинского, В. И. Татаринов преподавал в лицее уголовное и гражданское право с их судопроизводствами, а также законы благоустройства и благочиния (т. е. полицейское право). Он не создал научных трудов, но активно выступал как публицист в

анализ причин преступных проявлений как социально-экономического, так и иного порядка.

«Ярославских губернских ведомостях», неофициальную часть которых редактировал К. Д. Ушинский.

После ухода в 1849 г. из лицея (в основном по настоянию почетного попечителя П. Г. Демидова) К. Д. Ушинского и С. И. Львовского⁶³ их кафедры незамедлительно заняли уже ранее намеченные Министерством народного просвещения на замещение предполагаемых вакансий выпускники юридического факультета Московского университета А. Е. Львов и Н. А. Гладков⁶⁴.

Так закончилась одна из самых содержательных страниц исторической жизни камерального лицея – страница К. Д. Ушинского. Не только привнесением упорядоченности в систему преподавания юридических дисциплин в лицее, преподавательским подвижничеством, но и смелым противостоянием мерам бюрократического стеснения свободы преподавания К. Д. Ушинский ярко и прочно вписал себя в историю этого учебного заведения и российской высшей школы.

Вместе с тем с полным основанием можно утверждать, что своим первоначальным педагогическим становлением, так сказать, озарением, будущим великим призванием юрист К. Д. Ушинский во многом обязан Демидовскому лицее. Именно профессорская кафедра в этом учебном заведении вывела его на путь беззаветного служения науке на педагогическом поприще.

Правительственный курс на всеобъемлющую регламентацию профессорского преподавания набирал силу. 23 января 1851 г. вышла утвержденная императором «Инструкция директору Демидовского лицея», которая обязывала возглавлявшего это учебное заведение чиновника к осуществлению тотального контроля за преподаванием. Пункт 10 этого документа содержал следующую установку: «Заметив, что профессор дозволяет себе некоторое, хотя бы то было и безвредное, отступление от программы или примешивает к своим лекциям рассуждения, не имеющие непосредственного отношения к составу ее, и поэто-

⁶³ «Основаниями» к их увольнению послужили независимый образ мысли молодых ученых, их непочтительное отношение к правительствующим циркулярам, постоянное противодействие формализму и рутине, отсутствие должного почтения к начальству, чрезвычайно возросший авторитет у студентов, что такое представлялось опасным и вызывало беспокойства властей. Подробно об этом см.: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 145–146; Иванов А. Н. Указ. соч. С. 197–208.

⁶⁴ Татаринов В. И. покинул лицей в 1850 г.

му бесполезные для воспитанников лицея, директор объявляет об этом наедине с профессором... Сделав ему соответствующее внушение, усугубляет надзор за его лекциями»⁶⁵.

6 июня 1853 г. лицей праздновал 50-летний юбилей. На торжестве присутствовали попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант В. И. Назимов, профессора Московского университета юрист С. И. Баршев и филолог С. П. Шевырев. Открывая торжественный акт, директор **Николай Михайлович Коншин**⁶⁶ (1793–1859) с удовлетворением констатировал в своей речи, что «Уставом 1845 года лицей восстановлен в степени ему издавна назначенной: стоять непосредственно после центральных университетов империи»⁶⁷. Оратор подчеркнул особую важность придания лицей Уставом нового направления цели постоянной и определенной. Речь в целом была выдержана в официальном верноподданническом духе упования на «просвещенное попечение высшего начальства», однако заслуживает уважения взгляд Н. М. Коншина на науку как на самостоятельную ценность. Директором ясно выражено осуждение случаев поступления в учебное заведение молодых людей, движимых не любовью к науке, а карьеристскими соображениями.

С основным докладом «Обозрение 50-летнего существования Демидовского лицея» на торжествах выступил исправляющий должность экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии законоведения *Николай Александрович Гладков* (1826–1892). Он окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата (1849 г.), преподавал в лицее с 1849 по 1861 гг., а с 1857 г. заведовал кафедрой энциклопедии законоведения. Докладчик охарактеризовал в общих чертах пройденный учебным заведением путь, каждый из его этапов. Проанализировав причины «недомоганий» училища, а затем лицея, Н. А. Гладков, так же как и Н. М. Коншин, выразил уверенность в том, что с введением Устава 1845 г., устано-

⁶⁵ ПСЗ: собр. второе. Т. 21. отд. 2 (1851). СПб. № 24.869; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование Николая I, 1825–1855 гг. СПб., 1864. Т. 2, отд. 2. 1352. 12, 105. С. 1057.

⁶⁶ Н. М. Коншин директорствовал в лицее в 1850–1856 гг. Он получил военное образование, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах русской армии. Известен как поэт, переводчик, издатель, друг А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига.

⁶⁷ Коншин Н. М. Указ. соч. С. 6.

вившего органическое взаимопроникновение в процессе обучения хозяйственных и юридических наук, учебное заведение обрело твердую точку опоры. Его рассуждение по этому поводу не лишено интереса. «Действительно, при изучении хозяйственных наук, – говорилось в его докладе, – даже без приложения их к практике, беспрестанно видим необходимость в познаниях юридических; при исследовании явлений общественного быта, к которым принадлежат явления хозяйственные, необходимо встречаемся с законами юридическими, определяющими и охраняющими их и часто устанавливающими то или другое их направление, большее или меньшее их развитие; некоторые камеральные науки прямо предполагают знание этих законов, такова, например, наука государственного хозяйства. С другой стороны, при изучении законоведения, полезны и даже необходимы познания камеральные, потому что предметы, о которых они сообщают сведения, беспрестанно встречаются как содержание законных определений, ибо хозяйственные отправления составляют одну из важнейших сторон общественной жизни, подлежащей законодательной деятельности»⁶⁸.

С приветственной речью от имени профессорской корпорации Московского университета выступил декан историко-филологического факультета, академик Степан Петрович Шевырев, который, придавая лицу университетское значение, весьма емко охарактеризовал направление его деятельности. «Мы считаем, – говорил он, – Ярославский Демидовский лицей пятым факультетом Московского университета, факультетом камеральных наук, которого нам не доставало. Лицею дана теперь определенная обязанность изучить силы природы в науках естественных, преимущественно в том отношении, как прилагается это изучение к потребностям общежития; но для того, чтобы это применение совершалось правильное и не подвергалось бы никаким ошибочным уклоном, предусмотрительное правительство вменило в обязанность изучать законы нашего государства, для которого это применение назначается»⁶⁹.

С чтением своего сочинения «История губернского города Ярославля» выступил законоучитель лицея протоиерей Иван

⁶⁸ Гладков Н. А. Указ. соч. С. 42–43.

⁶⁹ Шевырев С. П. Речь, произнесенная в день празднования 50-летнего юбилея Ярославского Демидовского лицея в торжественном собрании его 6 июня 1853 года. Ярославль, 1853. С. 8.

Дмитриевич Троицкий. Инспектор лицея Г. К. Огонь-Догановский сделал отчет за 1852/1853 учебный год. После чего окончившим курс студентам были вручены аттестаты и медали. Торжество закончилось пением гимна «Боже, царя храни».

Сказанное на юбилее о преобразованном лицее Н. М. Коншиним и С. П. Шевыревым дает основание считать его высшим учебным заведением, но имевшим все-таки статус несколько ниже университетского. Последнее обстоятельство, конечно, в какой-то мере сказывалось на авторитете лицея. Но не с этим, видимо, связано вскоре после юбилея последовавшее новое падение престижа ярославского учебного заведения. Причины его недомоганий шли от внутреннего неустройства, от множественности учебных дисциплин при отсутствии связующего их единства.

Еще в 1849 г. почетный попечитель лицея П. Г. Демидов обратил внимание на губительную для учебного заведения перегруженность учебного плана и в своей записке министру народного просвещения указывал на то, что студентам невозможно осилить за три года программу лицейского курса. Профессора, по его мнению, подобным положением поставлены в необходимость излагать предметы свои поверхностно, не давая науке надлежащего развития. Считая, что смешение камеральных и юридических дисциплин приносит делу только вред, он предлагал отдать предпочтение наукам камеральным, увеличив срок их изучения до четырех лет⁷⁰.

Но тогда записке П. Г. Демидова не вняли в правительственных кругах, видимо, потому, что после проведенной Почетным попечителем в 1849 г. ревизии число учащихся стало возрастать, что внушало надежды и на восстановление престижа учебного заведения. К тому же для правительства не было резонаном признавать обанкротившейся идею изучения камеральных наук в связи с отечественным законоданием практически сразу же после ее внедрения в жизнь, тем более что идея эта находила поддержку не только в среде высших сановников государства, но также и со стороны ученых деятелей народного просвещения, о чем шла речь выше. В этой связи необходимо вспомнить и весьма основательные суждения профессора Н. А. Гладкова о взаимоотношении хозяйственных и юридиче-

⁷⁰ См.: Головшиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). С. 125.

ских наук и объединении усилий в решении научных и хозяйственных проблем. Стремление к достижению такого единения в учебном процессе само по себе заслуживало всяческого уважения. Но прежде чем ставить эту задачу на практические рельсы, необходимо иметь хорошо продуманную концепцию взаимодействия этих наук, основанную на уяснении закономерностей такого взаимодействия.

Такой концепции, как известно, уставом не намечалось и последующими инструкциями и циркулярами не вносилось никаких научно продуманных рекомендаций в его развитие. Кроме того, всякое новое дело в интересах его рационального освоения требует предоставления исполнителям известной самостоятельности, свободы творчества. Устав не предоставлял даже минимума такой свободы, по-прежнему принуждая профессоров к неукоснительному следованию известным пособиям и руководствам, подчас устаревшим, несозвучным времени. При подобном бюрократическом подходе выдвинутая Уставом цель оставалась не более чем благим пожеланием. К тому же Устав заранее ориентировал профессорский состав на объятие необъятного.

Период преуспевания лицея был сравнительно недолгим. С 1856 г. началось резкое падение числа его студентов. К 1858 г. оно опустилось до 27. У Министерства народного образования были все основания бить тревогу. Ревизия следовала за ревизией. Один из высоких ревизоров – попечитель Московского учебного округа П. Е. Ковалевский – поставил недомогающему учебному заведению очень точный диагноз, сделав вполне определенный вывод, что причины упадка лицея «не от учащихся и учащихся, а от органического недостатка внутреннего его устройства»⁷¹. В 1856 г. началось директорство **Михаила Васильевича Ляпунова** (1820–1868)⁷², которое прекратилось в 1864 г. в связи с его состоянием здоровья. Впервые лицей возглавил ученый, пришедший непосредственно из научного учреждения, из Казанского университета, который он окончил в 1839 г. с серебряной медалью и в котором он заведовал астрономической обсерваторией, руководил практическими занятиями студентов по астрономии. Это был на-

⁷¹ Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 167.

⁷² Отец известного композитора С. М. Ляпунова и математика А. М. Ляпунова.

стоящий ученый-исследователь, имевший в своем активе ряд научных открытий. Его преемником стал уроженец г. Углича **Александр Николаевич Соколов** (? – около 1870), первый выпускник Ярославского Демидовского лицея (1837 г., завершил образование на философском факультете Московского университета в 1839 г.), бывший и его директором (1864–1866 гг.). Свою карьеру он начал преподавателем московских гимназий, а завершил в конце 1860-х гг. директором училищ Московской губернии. Наконец, в 1866–1868 гг. директором Лицея являлся историк и филолог **Василий Павлович Грифцов** (1808–1870), бывший до этого директором 3-й Московской гимназии. Свой пост он оставил по состоянию здоровья. На долю этих директоров пришелся один из самых сложных периодов развития лицея, когда стоял вопрос либо о временном (предложение ярославского дворянства), либо о полном (предложение некоторых высших чиновников) его закрытии.

В директорском отчете о состоянии лицея за 1855/1856 и 1856/1857 академические годы большое внимание уделено научной стороне деятельности лицея. М. В. Ляпунов с удовлетворением отмечал возрастание научного потенциала вверенного ему учебного заведения. В числе значительных научных трудов последнего времени он назвал историческое исследование института найма земли профессора лицея, магистра гражданского права Н. А. Гладкова; «Обзор главнейших постановлений Петра I в области личного семейного права» исправляющего должность профессора *Владимира Николаевича Никольского* (1821–1872) и его же историческое исследование «О началах наследования в древнейшем русском праве». Первая из работ В. Н. Никольского вышла в Ярославле, вторая – в Москве. Этот выпускник юридического факультета Московского университета, магистр гражданского права (с 1859 г.) был профессором лицея с 1850 по 1859 г., после чего стал экстраординарным профессором Московского университета, доктором гражданского права (с 1871 г.).

Директор отмечал также научную активность профессора политической экономии *Александра Евгеньевича Львова*, опубликовавшего несколько статей в столичных журналах. Среди них: «О существе и цели промышленных предприятий на правах компаний и о влиянии их на народное богатство», «Обозрение отраслей промышленности, выгодных для разработки компаниями в России» (в журнале для акционеров) и «Разбор речи г. профессора

Бунге»: «О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования и отношении ее к практической деятельности» (в «Русском вестнике»)⁷³. А. Е. Львов в период работы в лицее в 1853 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «О земле как элементе богатства». В этом труде он выступает с опровержением теории ренты Д. Рикардо. А. Е. Львов доказывает, что земельная рента или доход от земли не есть вознаграждение за ее производительные силы, а вознаграждение затраченного труда и приложенного капитала. «Во всех сделках, – пишет он, – при всякой цене происходит только оценка услуг, усилий, а не сил природы, не естественной полезности (иначе воздух и вода были бы самые ценные предметы). Поэтому и рента земельная не есть плата за производительные свойства земли, как говорит Рикардо, но только вознаграждение за труд и за улучшения, произведенные в земле посредством работ, которые увеличили ее производительность»⁷⁴.

В 1855 г. этот профессор выступил на торжественном собрании лицея 29 апреля с актовой речью «О влиянии путей сообщения»⁷⁵. В речи обосновывается необходимость соединения железной дорогой Петербурга с Рыбинском, крупнейшим центром волжской торговли, а также Москвы с Нижним Новгородом, ярмарка которого представляет средоточие внутренней торговли России.

На основе статистических данных А. Е. Львовым делается весьма любопытный вывод о том, что железнодорожное сообщение, при хорошей его организованности и дисциплинированности пассажиров, представляет больше гарантий от несчастных случаев, нежели перевозки на лошадях. А. Е. Львов преподавал в лицее более десяти лет.

Магистр гражданского права Н. А. Гладков вскоре в 1861 г. отошел от научной работы и посвятил себя служению правосудию. Состоял некоторое время членом Ярославского окружного суда, затем был выдвинут на должность члена Московской судебной палаты. Он был также видным общественным деятелем, принимал активное участие в проведении в Ярославской губернии крестьянской и земской реформ, был награжден серебряной меда-

⁷³ См.: Тверицкий. Отчет о состоянии Демидовского лицея за 1855/1856 и 1856/1857 академические годы. Ярославль, 1857. С. 7–8.

⁷⁴ Львов А. О земле, как элементе богатства. М., 1853. С. 94.

⁷⁵ Львов А. Е. О влиянии путей сообщения. Ярославль, 1855.

лью «За труды по освобождению крестьян». После Н. А. Гладкова остались печатные труды: «Обозрение 50-летнего существования Демидовского лицея», «О влиянии общественного состояния частных лиц на право поземельной их собственности по началам древнего русского законодательства» (магистерская диссертация), «О государственном лесном хозяйстве», «О вольнонаемном труде вообще и в северных губерниях в особенности» и др.

Наиболее значительным из его трудов является защищенная в 1855 г. магистерская диссертация⁷⁶. Эта научная работа была посвящена исследованию поземельных отношений Древней Руси с целью установления зависимости юридического положения и значения находившихся в частной собственности земель от общественного состояния их владельцев. Исследование выполнено в ключе теории общинного или семейного быта, утверждавшей, в противовес теории родового быта, что основой древнего общества на Руси во времена «Русской правды» был не род, а славянская семья-община, имевшая отчасти кровный, отчасти договорный характер.

Возражая И. Ф. Эверсу, пытавшемуся обосновать господство у древних славян родового быта ссылкой на общие закономерности исторического развития, Н. А. Гладков утверждает, что не ко всякому общественному явлению вполне могут быть применены общие законы. «Семья славянская, – пишет он, – есть явление самобытное, не допускающее безусловного приложения так называемых общих законов исторического развития, как это делает Эверс»⁷⁷.

Автор считал, что родовый период вообще не сохранился в истории славянского народа, что на историческую арену он вышел, имея основой своего общества семейную общину. Последняя в каком-то отношении служит отрицанием родового начала. Теория родового быта с господством этого начала связывала господство рода над личностью, с лишением ее самостоятельного значения, с отсутствием у человека индивидуаль-

⁷⁶ И. А. Емельянова ошибочно называет магистерскую диссертацию Н. А. Гладкова кандидатским сочинением (см.: Емельянова И. А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права: Методологические и историографические очерки. Ч. 2. Казань, 1988. С. 135).

⁷⁷ Гладков Н. А. О влиянии общественного состояния частных лиц на право поземельной их собственности по началам древнего русского законодательства. М., 1855. С. 5.

ной собственности. И. Ф. Эверс пустил в обращение мысль, что в древние времена в России существовали только семейные и родовые имущества.

Подвергая сомнению правомерность этой точки зрения, Н. А. Гладков, солидаризуясь с К. А. Неволлиным, утверждает, что древняя славянская семья никогда совершенно не уничтожала понятия об отдельном самостоятельном лице, признавала за ним право на собственное имущество. «Славянская семья никогда не уничтожала отдельной личности; ибо она была союзом, основанным не на одном кровном начале, но и на взаимном согласии»⁷⁸.

Окончательное утверждение нового порядка поземельных отношений им связывается с законодательными мерами, до конца XVII в. определившими за вотчиной положение имения служебного, совершенным запретом неслужилым людям приобретать вотчины покупкою или закладом. К несомненным достоинствам исследования нельзя не отнести сопоставление поземельных отношений Московского государства и Новгородской республики, уяснением особого уклада этих отношений в северной республике. Н. А. Гладковым высказывается хорошо аргументированное мнение, что в Новгородских волостях все свободные люди независимо от их сословной принадлежности могли владеть вотчинами.

Эти начала землевладения, сохранявшие свою устойчивость на протяжении многих веков, вполне утверждают в мысли, считает Н. А. Гладков, что и в остальных частях России издревле существовали те же поземельные отношения: «Как Новгород представляет из себя полнейшее, иногда доведенное до крайности развитие тех же начал, которые действовали во всей древней России, то должно принять, что и в прочих ее частях, право обладать поземельной собственностью не принадлежало исключительно и преимущественно некоторым разрядам состояний»⁷⁹. За свое исследование исторического хода развития поземельных отношений в древней и средневековой России Н. А. Гладков получил степень магистра гражданского права, но следует признать, что его труд имеет главным образом историко-правовое значение.

⁷⁸ Гладков Н. А. О влиянии общественного состояния частных лиц... С. 14.

⁷⁹ Там же. С. 122.

В. Н. Никольский⁸⁰, о котором уже упоминалось несколько выше, был так же, как Н. А. Гладков, цивилистом. Его сочинение «Обзор главнейших постановлений Петра I в области личного семейного права», представлявшее собою актовую речь, произнесенную в торжественном собрании лица 10 ноября 1857 г., является основательным научным исследованием. В нем всесторонне анализируются законодательные меры Петра I по преодолению домостроевского уклада русской семейной жизни, по внедрению более цивилизованных форм семейно-брачных отношений. Особое внимание автором уделяется раскрытию исторического значения Указа Петра I от 5 января 1724 г., которым запрещалось под страхом «тяжкого штрафования» принуждение детей к браку по родительскому выбору. Случаи такого рода возводились в разряд преступных и подлежали суждению гражданского суда. Главный результат законодательной деятельности Петра I в этой сфере В. Н. Никольский видит в том, что русское семейство было введено в свои естественные границы и получило гражданское установление.

В другом труде «О началах наследования в древнейшем русском праве», написанном, как уже отмечалось, с позиций теории родового быта, утверждается противоположная защищаемой Н. А. Гладковым точка зрения на общественные порядки древней России, подчеркивается полное отсутствие у человека той эпохи прав и достоинства личности. «Везде человек в первобытную эпоху народной жизни, – пишет Н. А. Никольский, – является не сам по себе, как самостоятельное лицо, как индивид, но как часть известного целого, как член известной массы себе подобных, членов общины. Прав, следовательно, во имя собственного достоинства он не имеет, а имеет их на столько, на сколько может иметь в качестве члена своей общины»⁸¹. Подобно А. М. Рейцу и И. Ф. Эверсу В. Н. Никольский считает, что устройство первоначальной жизни наших предков, основанное на твердом сознании родового единства и крепости родственных уз, исключало возможность индивидуального владения недвижимым имуществом.

⁸⁰ См.: Егоров С. А. Научное наследие цивилиста В. Н. Никольского // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 156–164.

⁸¹ Никольский В. Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859. С. 36.

Но не отстаивание этого взгляда составляет главное содержание сочинения В. Н. Никольского, его основное достоинство во всестороннем исследовании самобытных начал древнерусского наследственного права. Автором довольно убедительно обосновывается мысль о том, что древнерусское право не знало как такового наследования по завещанию, поскольку предсмертная воля древних не выходила за пределы распределения имущества между детьми. Умиравший в те времена, по его мнению, не мог отказать свое имущество стороннему лицу, минуя прямых наследников, поскольку подобное считалось в высшей степени греховным и даже преступным. Сопоставляя византийские законы о наследовании и древнерусские нормы наследственного права, В. Н. Никольский приходит к выводу, что влияние первых на последние было незначительным: «Таким образом, христианство и Византия не изменили, в сущности, ни начал древнего нашего семейного быта, ни его воззрений. Они только смягчили их до известной степени и придали им определенный юридический характер, которого они по патриархальной простоте нравов этого времени не имели»⁸².

С переходом Н. А. Гладкова в сферу практической юстиции и уходом В. Н. Никольского в Московский университет лицей лишился двух профессоров-юристов. Но в 1858 г. начал в лицее свою педагогическую деятельность талантливый криминалист, выпускник юридического факультета Московского университета *Александр Павлович Чебышев-Дмитриев* (1835–1877). На торжественном собрании Демидовского лицея 29 апреля 1859 г. прозвучала его актовая речь «О праве наказания». В этом труде молодого профессора отчетливо проводится гуманная мысль о том, что наказание не должно сводиться к «поражению преступника» или быть самоцелью, а преследовать в качестве главной цели достижение определенного общественного блага. «Полная бесцельность наказания, – утверждает он, – оскорбляет наше чувство и несовместимо с мудрыми, благими законами природы. Конечная цель человека – благо, и все существующее мы должны рассматривать как средство к достижению цели»⁸³. Мысль эта имеет, безусловно, прогрессивную направленность. А. П. Чебы-

⁸² Никольский В. Н. Указ. соч. С. 374.

⁸³ Чебышев-Дмитриев А. П. О праве наказания. Речь, произнесенная в торжественном собрании Демидовского лицея 29 ноября 1859 года. Ярославль, 1859. С. 74.

шев-Дмитриев заявляет себя решительным противником теории устрашения: «Принимая, что род и степень наказания должны определяться ... внешней посторонней целью устрашения, мы отказываем в уважении личности человека и низводим его на степень материального средства ... ни один самый тяжкий преступник не должен быть наказываем для того только, чтобы вид его мучений устрашил толпу»⁸⁴. Глубоко волновал А. П. Чебышева-Дмитриева и вопрос о причинах преступности. Делает честь молодому криминалисту его взгляд на преступность как явление, порождаемое определенными общественными условиями, пороками: «Можно сказать без преувеличения, из числа всех совершенных преступлений, по крайней мере, половина являются не столько позорным клеймом для преступника, сколько скорбным укором обществу»⁸⁵. Догматическая разработка уголовного права не мыслится А. П. Чебышевым-Дмитриевым вне его исторического исследования.

А. П. Чебышев-Дмитриев является самым ярким представителем историко-философской школы уголовного права, полагающей, что последнее как предмет изучения определяется историческими и философскими началами, которые дают указания для общего направления уголовного законодательства и уголовной политики. А. П. Чебышев-Дмитриев проявляет резко критическое отношение к уголовно-правовым воззрениям исторической школы права: «... господствовавшая доселе историческая школа, которой начало положено Савиньи, скользит более по одной поверхности юридических явлений, не определяя их физиологии, природы. Историческая школа ... указала на одни источники права, на одни внешние видимые формы, которыми обозначается процесс юридических идей в пространстве и времени. Но здесь еще не видно внутренней стороны отношений ... Мы видели тело, но не знали духа»⁸⁶.

К разрешению проблем, относящихся к философии и догме права, А. П. Чебышев-Дмитриев подходит с гегелианских методологических позиций. Он строго придерживается гегелевского критерия в разграничении «неправды» гражданской от «неправды» уголовной (первая представляет собой добросовестное

⁸⁴ Чебышев-Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 50.

⁸⁵ Чебышев-Дмитриев А. П. Вступительная лекция // Юридический журнал. 1860. № 2. С. 69.

⁸⁶ Там же. С. 69.

правонарушение, вторая – злонамеренное): в духе учения Г. Ф. Гегеля усматривает в преступном действии проявление единичной воли, противопоставившей себя воле общей. Гегелевская тенденция прослеживается и в лучшей из историко-криминалистических работ А. П. Чебышева-Дмитриева «О преступном действии по русскому допетровскому праву». Однако, несмотря на «гегелевские предпосылки этого труда, – подчеркивает Г. Ф. Фельдштейн, – А. Чебышев продолжает в нем оставаться в большинстве случаев на фундаменте исследования реальной истории институтов уголовного права»⁸⁷. Это исследование является ценным вкладом в историю уголовного права.

На основе анализа памятников древнерусского права А. П. Чебышев-Дмитриев приходит к выводу, что во времена «Русской правды» понятие преступления определялось субъективной стороной, тогда как сторона внешняя (деяние) «имела значение только в качестве указателя на свойство внутренней стороны». Иной объективно-юридический взгляд на преступление насаждался, по его мнению, духовенством посредством усиления влияния византийского права. «Законодательство в течение времени от Русской Правды до Судебников, – пишет А. П. Чебышев-Дмитриев, – не отказывалось от воззрения на преступные действия, как на материальное зло, начиная видеть в нем сверх того зло формальное и нравственное»⁸⁸. К сожалению, и этот профессор в 1860 г. покинул лицей. В последующем он широко проявил себя как процессуалист, был профессором Санкт-Петербургского университета, участвовал в подготовке судебной реформы 1864 г.

Преемники этих ученых на юридических кафедрах ярославского лицея уже не блистали научными дарованиями и успехами. Последними преподавателями юридических дисциплин в этом учебном заведении были *Владимир Сергеевич Власьев* и *Николай Михайлович Цветаев*. Первый исправлял должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов и учреждений, законов казенного управления и финансов, второй – должность профессора законов государственного благоустройства и благочиния (полицейских законов), граждан-

⁸⁷ Фельдштейн Г. Ф. Указ. соч. С. 603.

⁸⁸ Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. СПб., 1862. С. 241.

ских и уголовных законов и гражданского и уголовного судопроизводства. Политическую экономию и статистику в 1860-е гг. в лицее читал сторонний преподаватель, магистр всеобщей политической истории *Фердинанд Семенович Лыщинский*.

Положение лицейского профессора в целом было незавидным. В 1864 г. профессор лицея имел оклад 856 рублей, тогда как преподаватель гимназии мог получать до 1400 рублей. Профессора университетов, кроме основных окладов, получали гонорары за чтение лекций. Кроме того, падавшая на лицейских преподавателей учебная нагрузка была непомерной. На шесть профессоров лицея приходилось 26 учебных дисциплин. Каждому из них приходилось преподавать около пяти (подчас не родственных) предметов. Юрист В. С. Власьев выступал дополнительно в роли лектора французского языка⁸⁹. Также нельзя признать серьезным возложение на одного профессора преподавание полицейских, уголовных, гражданских законов и их судопроизводства. Слишком велика специфика каждой из этих дисциплин.

Популярность лицея падала и по ряду других причин. Его выпускник, желавший получить университетское образование, дававшее куда больше преимуществ, вынужден был начинать обучение в университете, подобно окончившему гимназию, с первого курса или держать экзамены на правах вольных слушателей. Такое положение складывалось из-за того, что лицей, хотя и формально считался высшим учебным заведением, не имел полного курса наук какого-либо факультета. Поэтому молодые люди предпочитали поступать сразу в университеты и не тратить время на прохождение мало что дающего лицейского курса. Министр народного просвещения барон А. П. Николаи позволил себе шутку по поводу существовавших тогда в России лицеев. Последние, по его мнению, «не принадлежат ни к высшим, ни к средним учебным заведениям, страдают неполнотою, неопределенностью, слабостью научного в них курса, где они создают недоученность, несравненно худшую невежества»⁹⁰.

К 1862 г. число студентов в лицее сократилось до 34, а в 1864 г. – до 29 (в их числе 20 «казеннокоштных», т. е. таких, которые могли получать образование из-за материальной необеспеченности только благодаря Демидовской стипендии).

⁸⁹ Иностранные языки преподавались не профессорами, а лекторами.

⁹⁰ Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 140.

Новый попечитель московского учебного округа В. И. Левшин в 1853 г. констатировал, что лицей «в настоящее время сам собой распадается: в нем только три профессора по естественным наукам и ни одного по юридическим»⁹¹. Внешне лицей, однако, производил солидное впечатление. Здание и учебные кабинеты содержались в надлежащем порядке. Посетивший лицей в 1866 г. наследник престола, будущий император Александр III, осматривая его учебные помещения, несколько раз восторженно произнес: «Какое прекрасное заведение!». Лицей к тому времени несколько пополнил свою библиотеку, в ее фондах числилось только книг свыше 8 тысяч.

Вопрос о дальнейшей судьбе ярославского, а также других лицеев обсуждался в начале 1860-х гг. на широком форуме, в котором приняли участие многие видные ученые, Советы университетов, государственные деятели. В плане нецелесообразности сохранения учебных заведений подобного типа вполне определенно высказывался министр народного просвещения А. В. Головин. Он отмечал, что количество поступающих в лицей ничтожно, преподавательский состав слаб и недостаточен. Причины упадка этих лицеев усматривались министром в самих недостатках их устройства: они не имели ни научного, ни практического значения, занимая какое-то среднее место между университетами и гимназиями, не принадлежали вполне ни к разряду средних, ни к разряду высших учебных заведений. Подчеркивалось, что печальным следствием этого является несчастная поверхностность образования, которая всегда вредила нашему обществу⁹². Некоторые университетские профессора, участвовавшие в этой дискуссии, обосновывали необходимость существования учебных заведений промежуточного типа и возражали против ликвидации лицея. Ряд предложений сводился к тому, чтобы преобразовать его в высшее учебное заведение с юридическим и реальным отделениями. Высказывалась также

⁹¹ Там же. С. 175.

⁹² См.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 429; Записка о необходимости преобразования лицеев: Демидовского и князя Безбородко. СПб., 1863. С. 1–2; Шпилевский С. М. Столетие училища имени Демидова: Демидовское училище высших наук. Демидовский лицей. Демидовский юридический лицей. 1803–1903. Ярославль, 1903. С. 16–17.

мысль о преобразовании лицея в специальную юридическую школу. Вероятно, первым ее высказал профессор Московского университета К. Д. Кавелин, а поддержали его главноуправляющий II Отделением Собственной его императорского величества канцелярии В. Н. Панин и окружной московский инспектор П. Д. Шестаков. Они указывали на большой недостаток в стране подготовленных юристов, на то, что юридические факультеты университетов и училище правоведения не в состоянии покрыть даже одну треть этой потребности. При этом подчеркивалось, что юридический лицей должен в отличие от университетов готовить юристов-практиков. В учебных планах такого рода учебных заведений должна быть широко представлена юридическая практика по новому судопроизводству⁹³. Решающую роль в преобразовании лицея сыграла позиция нового министра народного просвещения Д. А. Толстого, о чем будет сказано в следующей главе.

Потребность в юридических кадрах, вызванная Судебной реформой 1864 г., и определила судьбу Демидовского лицея: в 1868 г. он был преобразован в высшее чисто юридическое учебное заведение и стал именоваться Демидовским юридическим лицеем⁹⁴. Но с 1868 по 1870 гг. находился в состоянии реорганизации. Имея директора в лице Каллиника Андреевича Митюкова⁹⁵ (1823–1885) (проректор Киевского университета им. Св. Владимира), он управлялся исправляющим директорскую должность, старшим профессором бывшего лицея физиком Петром Васильевичем Федоровым. Последний был выпускником Ярославского высших наук училища. *Всего в 1835–1871 гг. Демидовский лицей окончили 550 человек.*

В заключение напомним основные вехи развития Ярославского Демидовского лицея.

⁹³ См.: Записка о необходимости преобразования лицеев: Демидовского и князя Безбородко. С. 17; Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 179.

⁹⁴ Ришельевский университет в Одессе в 1862 г. был преобразован в Новороссийский университет. Нежинский лицей с 1875 г. стал историко-филологическим институтом.

⁹⁵ К. А. Митюков был выпускником юридического факультета Киевского университета, известным специалистом по римскому праву. После возвращения в 1870 г. в Киев он был там деканом юридического факультета, а затем и ректором.

1. Ярославское училище высших наук и Демидовский лицей внесли свою, хотя и скромную лепту в развитие отечественного юридического образования. Особенно значительна в этом отношении преподавательская деятельность К. Д. Ушинского, который упорядочил систему преподавания юридических дисциплин в лицее, подверг критике министерскую бюрократическую рутину, убивавшую живое дело преподавания, едва ли не первый возвысил голос за право быть честным преподавателем.

2. Бюрократически насаждавшаяся, нацеленная на объятие необъятного система камерального образования обрекала студентов на общую и специальную недоученность. Этот негативный опыт утверждает нас в мысли о том, что искусственное соединение в учебном процессе дисциплин, составляющих основу образования по специальности, с дисциплинами неродственными подрывает его органическое единство, стержневую направленность, ведет к снижению уровня профессиональной подготовки, поскольку потеснение фундаментальных курсов внедрением сторонних предметов преподавания чревато недополучением собственно профессиональных знаний.

3. Вклад Ярославского высших наук училища и камерального лицея в научное правоведение исторически весьма значим. Это прежде всего: речь студента Н. Коковцова «О происхождении законодательства», проникнутая стремлением к выявлению закономерностей правообразования, некоторые речи профессоров Г. Ф. Покровского и Д. М. Семеновского, юридическое наследие К. Д. Ушинского, в котором особо примечательным является развитие концепции «общественного права», историко-правовые исследования цивилистов Н. А. Гладкова, В. Н. Никольского. Научное восхождение выдающегося русского юриста, криминалиста А. П. Чебышева-Дмитриева имеет своей отправной точкой актовую речь «О праве наказания», произнесенную на лицейском торжестве.

Глава 2. Третий в Российской империи (1870–1917 гг.)

3 июля 1868 г. был утвержден Временный устав Демидовского юридического лицея⁹⁶. Предполагалось, что он будет действовать три года в виде опыта. Министру просвещения предоставлялось право вносить в него коррективы. На министра же возлагалось в течение этого срока назначить лицейских профессоров. Во Временном Уставе нашли отражение основные принципы университетского устава 1863 г., придававшего всему юридическому образованию энциклопедическую ориентацию⁹⁷.

Лицею полагалось иметь в штате 10 профессоров и трех доцентов. В соответствии с Уставом на 10 кафедрах преподавались ведущие учебные дисциплины: энциклопедия права, история русского права, римское право, государственное право, гражданское право, уголовное право, судостроительство и судопроизводство, полицейское право, финансовое право, международное право, политическая экономия и статистика, т. е. в основном те же учебные юридические дисциплины, что и на юридических факультетах университетов. На последних сверх того читались: история важнейших иностранных законов, древних и новых, история славянских законодательств, церковное законоведение (для студентов православного вероисповедания), история русской литературы, русская и всеобщая история, языки немецкий и французский.

Наряду с профессорами допускались к преподаванию юридических дисциплин доценты, но лишь на трехлетний срок. Иностранные языки преподавались лекторами. Устанавливался четырехлетний срок обучения. Но пребывать студентом лицея можно было в течение 6 лет. Директор избирался Советом с последующим «высочайшим» утверждением из числа ординарных профессоров⁹⁸. В уставе подчеркивалось, что на лицей распро-

⁹⁶ ПСЗ: собр. второе. Т. XI III, отд. 2. (1868). СПб, 1873. № 46075.

⁹⁷ См.: Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год: Очерки. Казань, 1998. С. 66.

⁹⁸ Кроме ординарных были экстраординарные и заслуженные ординарные профессора. Должность экстраординарного профессора мог исполнять магистр наук (первая из высших ученых степеней, дающая право преподавания в высшем учебном заведении). Ординарным профессором

страняются права и преимущества университетов. По окончании лица выпускники, так же как и оканчивающие университет, получали в зависимости от достигнутых успехов или звания действительного студента, или степень кандидата юридических наук.

К. А. Митюков, о котором уже упоминалось в предыдущей главе, только числился директором, он продолжал сохранять за собой должность проректора университета Св. Владимира. Из Киева в Ярославль он выезжал только один раз. Следов от его директорства почти не осталось, если не считать сохранившееся на скрижалях истории лицея распоряжение относительно закрытия пансиона при лицее, поскольку последний, по его мнению, готовая почва для студенческих сходов.

Видимо, К. А. Митюков не решался променять насиженное место в Киеве на дело новое, многотрудное. Юридический лицей хотя и был официально «объявлен», но его еще предстояло создать. Все сделанное им в этом направлении сводилось к тому, что по инициативе директора за счет лицея были отправлены в заграничные командировки для научного совершенствования подававшие надежды молодые ученые: *М. Ф. Владимирский-Буданов*, *Н. К. Нелидов*, *Н. Л. Дювернуа* и *П. Л. Карсевич*, с тем чтобы в последующем они заняли кафедры в новом учебном заведении⁹⁹.

13 марта 1870 г. директором Ярославского лицея был назначен профессор Московского университета, доктор международного права **Михаил Николаевич Капустин** (1828–1899), автор первых в России систематических руководств по международному праву и энциклопедии права. Так началось собственное время Демидовского юридического лицея, которое он творил сам для себя, для дела народного просвещения. Отметим, что первый настоящий директор Демидовского юридиче-

М. Н. Капустин

мог быть только доктор наук. Звание заслуженного ординарного профессора присуждалось имевшим 25-летнюю профессорскую выслугу.

⁹⁹ См.: Покровский С. П. Указ. соч. С. XV.

ского лица был во многом личностью замечательной. Он окончил юридический факультет Московского университета, с 1852 по 1870 гг. был там же профессором на кафедре общенародного, позднее международного права. В 1852 г. он защитил магистерскую, а в 1869 г. – докторскую диссертации по международному праву. Кроме того, М. Н. Капустин успел принять участие в подготовке Петербургской конвенции 1868 г. о запрещении применения разрывных снарядов массой менее 400 граммов. Его можно назвать настоящим подвижником образования. Так, первоначально он взял на себя обязанности не только директора лицея, но и директора библиотеки, а также инспектора лицея. Несмотря на чрезвычайную загруженность административными делами, он нередко вел по три лекционных курса (обычно международное право, энциклопедию права, институции римского права). Если кто-то из лицейских преподавателей переходил в другой вуз, то М. Н. Капустин брал его предмет и преподавал его до тех пор, пока не находился достойный кандидат на вакантную должность. Порой этот процесс затягивался. Так, энциклопедию права он вел в течение 12 лет, а среди преподаваемых им дисциплин оказались государственное право, всеобщая история права, наука о финансах и даже политическая экономия. Отметим, что эти курсы он вел безвозмездно. К его деятельности мы еще неоднократно вернемся как в данной главе, так и далее.

Торжественное открытие юридического лицея состоялось 30 августа 1870 г. Это торжество, подробно зафиксированное в лицейской летописи, началось с литургии и молебствия, совершенных в лицейской церкви «преосвященным Нилом, архиепископом Ярославским и Ростовским». После чего последовало продолжение юбилейных торжеств в актовом зале лицея. На открытии присутствовали многочисленные представители дворянства, земства, городского чиновничества во главе с губернатором. В своей приветственной речи министр народного просвещения граф Д. А. Толстой заверил собравшихся, среди которых находилось 90 вновь принятых студентов, выстроившихся по обе стороны от кафедры, что «лицей будет иметь равные права с университетом и все преимущества оно». Подчеркнем, что Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), бывший обер-прокурором Святейшего Синода (1865–1880 гг.), одновременно министром народного просвещения (1866–1880 гг.), а

затем министром внутренних дел и шефом жандармов (1882–1889 гг.), оставил после себя не очень добрую память, обособленно считается одним из видных консерваторов. При этом его роль в преобразовании Демидовского юридического лицея была наиболее активной из всех высших сановников. По сути, он был инициатором и генератором этого процесса.

На торжественном акте директором лицея М. Н. Капустиным было оглашено поступившее в адрес профессорской коллегии лицея письмо знаменитого немецкого юриста Р. Фон Моля¹⁰⁰, внесшего в свое время весомый вклад в дело становления российского университетского образования. Письмо это прозвучало как своеобразное напутствие новому рассаднику юридического образования. В речи М. Н. Капустина была подчеркнута большая историческая значимость совершающегося в Ярославле события и выражена твердая уверенность в жизнеспособности преобразованного в высшую юридическую школу учебного заведения. В ней говорилось: «Ярославлю выпало на долю быть свидетелем специализации существовавшего в нем училища, согласно современным задачам высшего образования. Первая русская всеобщая¹⁰¹ юридическая школа основана в этом городе, он владеет уже тем, что еще составляет предмет мечтаний для лучших людей Англии. Богатое наследство, которое выросло под молотом русского кузнеца на уральских заводах и отдано на дело европейского просвещения русского народа, вследствие преобразования прежнего училища в юридическое оно не уменьшилось, а возросло значительно. Совершено то сосредоточение знаний, которое составляет условие их преуспеяния: срублены некоторые ветви, чтобы дерево пустило глубже свои корни. Такая перемена произошла не внезапно. Более десяти лет тому назад было сознано, что многопредметность учения в бывшем Демидовском лицее оказывает на него губительное влияние и что при этом условии не в силах удержаться на степени высшего учебного заведения: на нем оправдался непреложный закон

¹⁰⁰ Этому ученому юридическая литература обязана введением в научный оборот термина «правовое государство».

¹⁰¹ Университеты были в основном дворянскими учебными заведениями.

Актовый зал Демидовского юридического лица

умственной производительности. Вопрос заключался лишь в том, на какой специальной отрасли знаний собрать силы учащихся»¹⁰².

Директором обосновывалось придание учебному заведению юридического профиля как лучшего из возможных вариантов. Этой речью М. Н. Капустина было положено основание лицейской концепции юридического образования, нацеленной на исключительно научную, чуждую практической направленности подготовку юристов широкого профиля, ставившей в центр обучения гражданское и римское право.

В непродолжительное время М. Н. Капустин сумел сгруппировать вокруг себя «молодые ученые силы и сразу поставить преподавание в лицее на уровень современных требований»¹⁰³. В числе первых преподавателей лицея: историк русского права М. Ф. Владимирский-Буданов, цивилист Н. Л. Дювернуа, государствоведы Н. К. Нелидов и *Н. Н. Ворошилов*, теоретик права П. Л. Карасевич, пришедший несколько позже криминалист *М. В. Духовской*. Начав в лицее свою научно-педагогическую деятельность и получив под руководством М. Н. Капустина педагогическое и научное становление, эти молодые преподаватели выросли в последующем, за исключением рано умершего Н. Н. Ворошилова, имевшего степень магистра, в крупных ученых, корифеев юридической мысли. Известный экономист *А. С. Посников* также начал прокладывать свой путь в науку в первой когорте преподавателей лицея. Взвешивая возможности этих молодых талантливых ученых и свои собственные, М. Н. Капустин имел все основания уверенно заявить в своей речи 30 августа 1870 г. при открытии лицея, что этими научными силами будет обеспечен широкий фронт преподавания: «...послезавтра, – говорил он, – 90 студентов начинают слушать в Ярославле первый курс наук юридических. Наличный состав преподавателей нового лицея дает возможность с первого же раза открыть этот курс в таком размере, какого не представляет ни один из наших университетов; на первом курсе будут читаться 20 лекций в неделю по юридическим наукам, за исклю-

¹⁰² Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 года // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1872. Кн. 1. С. 3.

¹⁰³ Сокольский В. Летопись Демидовского юридического лицея за 1882/1883 учебный год. Ярославль, 1883. 6. С. 3.

чением богословия, а именно: по энциклопедии права и истории русского права, общему государственному праву, по Институтам римского права и статистике»¹⁰⁴.

Отметим, что М. Н. Капустин и в дальнейшем подбирал преподавателей, ставших гордостью отечественной юридической науки. На смену первой генерации преподавателей пришла «вторая волна», которую составили цивилисты *Д. И. Азаревич, А. И. Загоровский, Н. С. Суворов, И. Г. Табашиников*, криминалисты *Н. Д. Сергеевский, Д. Г. Тальберг, Л. С. Белогриц-Котляревский*, специалисты по административному и финансовому праву *А. А. Исаев, И. Т. Тарасов*, историк права *И. И. Дитятин* и др.

9 марта 1871 г. Советом лицея были утверждены «Обязанности студентов и взыскания за нарушения оных»¹⁰⁵, которыми определялись основные нормы поведения студентов в стенах учебного заведения и вне его и дисциплинарные меры воздействия за их несоблюдение. В числе наказуемых проступков, «нехождение на лекции, курение табаку в зданиях лицея», «выражение одобрения и неодобрения профессорам по поводу их лекций». Последнее не может не вызывать у нас улыбки недоумения, но, наверное, и профессорскую коллегия того времени весьма удивило бы широко применяемое ныне в целях «подтягивания» уровня преподавания выставление студентами оценок преподавателям – мера безнравственная в своей основе, располагающая к тайному сведению счетов.

Одну из главных и самых насущных забот М. Н. Капустина как директора и наставника молодежи всегда составляла забота об остро нуждающихся или, как они назывались тогда, «недостаточных» студентах. Прекрасно понимая, что молодым людям без средств не выдержать на своих плечах тяжелое бремя учебы, М. Н. Капустин сразу же поставил вопрос о создании «Попечительства о недостаточных студентах». 28 апреля 1871 г. оно было учреждено.

12 июня 1871 г. министром народного просвещения утверждаются подробные правила о составе и деятельности «Попечительства», которое состояло из почетных и действительных

¹⁰⁴ Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 г. С. 15.

¹⁰⁵ См.: *Временник Демидовского юридического лицея*. Ярославль, 1872. Кн. 1. С. 13–23; Егоров А. Д. Указ. соч. С. 14–16.

членов. Звание первых получали лица, внесшие значительные суммы пожертвований или занимавшие высокое общественное положение. В действительные члены принимались лица, внесшие в течение года не менее 5 рублей в фонд «Попечительства». Среди почетных членов мы видим высших чинов Ярославской и некоторых других губерний, бывших и настоящих министров народного просвещения, попечителей Московского учебного округа, директоров Московской консерватории Н. Г. Рубинштейна и П. А. Шостаковского, артистку императорских театров Г. П. Федотову, известного этнолога Е. И. Якушкина, бывших и настоящих директоров и профессоров Демидовского лицея. Начав свою деятельность в 1871 г., «Попечительство» ее не прекращало на протяжении всего периода существования юридического лица, ежегодно отчитываясь о состоянии дел. Заседания «Попечительства» проходили под председательством сначала директора, а затем – почетного попечителя лицея. В фонд «Попечительства», кроме частных пожертвований, поступали средства от спектаклей, публичных лекций, проводившихся в пользу недостаточных студентов. Из разных источников в течение первого года деятельности «Попечительства» в его фонд поступило 1219 рублей, которые были распределены среди остро нуждающихся. Недостаточные студенты пользовались бесплатной медицинской помощью земской больницы. Необходимые для их лечения лекарства оплачивались лицеем.

Отдельные состоятельные лица, следуя примеру основателя лицея, употребляли свои пожертвования на учреждение стипендий своего имени. Одним из первых пожертвовал капитал в сумме 5000 рублей в пяти процентных билетах в 1868 г. генерал-майор И. И. Болдырев на содержание в лицее стипендиата своего имени в память получения им образования в Демидовском училище, которое он окончил в 1817 г. с золотой медалью. В 1875 г. последовало его новое пожертвование, на этот раз по духовному завещанию.

В 1872 г. в лицее стал выходить повременный научный сборник, в котором публиковались труды профессоров, в том числе вступительные лекции, программы лекционных курсов и научные

работы студентов¹⁰⁶, протоколы заседаний Совета лицея, сведения о главных событиях в жизни лицея. Сборник получил название «Временника Демидовского юридического лицея».

Первый состав преподавателей, обратив внимание на недостаточность юридической литературы для обеспечения всестороннего научного становления студентов, сразу же устремил свои творческие усилия на создание необходимых руководств и пособий для учащихся. Значение именно таких имели первые из вышедших во «Временниках» труды ярославских ученых. Среди этих первых руководств: «Наука о государстве как предмет высшего образования» Н. К. Нелидова; «Введение в энциклопедию права» П. Л. Карасевича; «О значении римского права для русских юристов» Н. Л. Дювернуа; «Хрестоматия по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова; «История права». Ч. 1 и «Конспект лекций по международному праву» М. Н. Капустина; «Задачи науки уголовного права» М. В. Духовского; «О современном историческом изучении права» Н. Н. Ворошилова и др.

«Из этого перечня видно, – писал М. Н. Капустин, – что печатные труды преподавателей главным образом назначались для студентов. Состав "Временника" выражал более или менее точно те вопросы, к которым приурочивалась жизнь нового училища; он заключал в себе преимущественно пособия для учащихся»¹⁰⁷. Все эти сочинения были опубликованы в первых трех книгах «Временника Демидовского юридического лицея». В последующих его выпусках были изданы такие четко отвечающие своему назначению пособия для студентов, как «Основные начала и формы уголовного процесса», «О суде присяжных» Н. Д. Сергеевского (кн. 9); «Введение в курс всеобщей истории права», «О значении вещателей права в первобытных обществах» (кн. 10), «Пособие для изучения внешней истории римского права» (кн. 31), «Хрестоматия по истории западного европейского права» (кн. 31) *В. В. Сокольского*; «Русское гражданское право. Введение» *А. А. Борзенко* (кн. 9). И в более

¹⁰⁶ Так, во «Временнике» была опубликована удостоенная золотой медали научная работа студента Н. Г. Серповского «Переселения в России в древнее и в новое время и их значение» (кн. 36).

¹⁰⁷ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1872. Кн. 3. С. 25.

поздние времена профессорами лицея научному обеспечению учебного процесса придавалось первостепенное значение.

Первый самый трудный этап становления учебного заведения был успешно пройден, 30 августа 1874 г. состоялся первый выпуск из Демидовского юридического лицея. В своей речи на торжественном акте М. Н. Капустин особо подчеркнул, что успех дела становления ярославской юридической школы обеспечен, прежде всего, благодаря дружному творческому объединению усилий его преподавателей.

«Настоящим годом, – говорил он, – кончается действие Временного устава, первое четырехлетие, которое должно было дать указания для окончательного юридического определения нашего училища. Опыт совершается при благоприятных условиях. Первые преподаватели лицея, до того времени почти друг друга не знавшие, сошлись на общем деле, которому все были равно преданы, успехом которого все равно дорожили. Им выпало на долю много труда, но досталось также и великое утешение: видеть первенцев лицея, вооруженных ими для деятельной жизни, напутствовать первую дружину молодых юристов. Сознание великого долга соединяло и одушевляло всех работающих в юридической школе, прочно стоявшей на этом фундаменте взаимного уважения и единомыслия»¹⁰⁸.

Первый выпуск состоял из 45 человек. «Отсев» был очень высоким, главным образом из-за требований, предъявляемых к качеству учебы, и в связи с переходом в Московский университет ряда студентов, еще не уверовавших в ярославскую юридическую школу. Лицей пока жил по Временному Уставу. С разработкой нового постоянного Устава дело несколько затянулось. В его подготовке приняли участие директор лицея и его Совет. Свои соображения они выразили в различных документах: «Записках», «Замечаниях» и т. д. Директором был предложен ученому комитету Министерства народного просвещения свой проект Устава с запиской к нему.

В части установления перечня обязательных для изучения в Лицее дисциплин мнение директора было учтено полностью. Иначе обстояло дело с рядом других выдвинутых директором и Советом предложений. Были отклонены их пожелания о пере-

¹⁰⁸ Цит. по: Головшиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного в Ярославле училища (1803–1886). С. 158.

именовании учебного заведения в юридическую академию и предоставление ему права присуждать ученые степени магистра и доктора.

Первое пожелание обосновывалось тем, что название лица несогласно с действительным настоящим положением учебного заведения. «По взгляду нашего общества, – писалось в "Замечаниях Совета Демидовского юридического лица на Временный Устав лица", – с понятием лица не вяжется понятие о высшем учебном заведении. Словом "лицей" в Западной Европе обозначается среднее учебное заведение. Переменить название лица необходимо для того, чтобы не смешивать его с другими учебными заведениями с теми же названиями (Нежинский лицей, Катковский в Москве, Александровский в Петербурге) и отличить новый, преобразованный лицей от первого. Демидовский юридический лицей – отдельный факультет университета, подобно медико-хирургической академии и духовным академиям. Название лица Демидовской юридической академией подняло бы его в глазах всего общества»¹⁰⁹.

Не менее убедительные доводы приводились Советом в обоснование предоставления лицу права присуждать высшие ученые степени. «Наконец, Совет лица, – писалось в тех же "Замечаниях", – возбуждает вопрос о том, не пора ли оставить устарелый обычай предоставлять возведение в ученые степени магистра и доктора одним университетам, лишая этого права отдельные факультеты, которые, подобно лицу, развивают самостоятельную научную деятельность, служат и высшим интересам науки. Демидовский юридический лицей успел уже выработать некоторые особенности в порядке преподавания: римское право преподается здесь в обширных размерах. В круг текущего преподавания введена наука всеобщей истории права, которой в условиях развития современного права, несомненно, раскрывается самая обширная будущность. Высшее учебное заведение с такими самостоятельными задачами научной деятельности, обещающими создание в нем своеобразной научной школы, должно быть поставлено в полную независимость от внешних условий. Демидовский юридический лицей в настоящем составе своего Совета обладает достаточным научным ав-

¹⁰⁹ Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 241.

торитетом для возведения в ученые степени магистра и доктора лиц, которые окажутся того достойными»¹¹⁰.

Отказ Министерства народного просвещения в удовлетворении как первого, так и второго пожелания не отличался убедительностью. В его основе лежала ссылка на немногочисленность профессорской коллегии в учебном заведении. Отклонена была с «приложением» того же довода и просьба Совета о введении в лицее, как в университете, должности ректора.

Новый Устав не сохранил за лицеем прав автономии. Его профессора не избирались, подобно университетским, Советом лицея, а назначались министром народного просвещения. Лишь в исключительных случаях Совету позволялось избрать профессора, предварительно получив на это отступление от Устава разрешение министра. Назначению министра подлежали директор и инспектор лицея, причем последний назначался из чиновников, что являлось принципиальным отклонением от Временного устава, § 13 которого устанавливалось избрание инспектора Советом из числа профессоров лицея. Не случайно Совет лицея, опасаясь возможной бюрократической «каверзы» со стороны министерства и желая ее упредить, настаивал в своих «Замечаниях» на сохранении этого параграфа, ссылаясь на то, что назначенный из сторонних чиновников инспектор окажется не в состоянии серьезно понимать интересы науки и цели учебного заведения. Он будет выступать только как полицейская власть. «Для успешного и вполне достойного выполнения обязанности, – писалось в "Замечаниях", – ему будет недоставать ни нравственного, ни политического значения, ни доверия со стороны студентов, которые всегда будут видеть в нем надзирателя, обязанного только следить за ними. Сторонний чиновник может быть хорошим исполнителем, управлять канцелярией, строг по отношению к подчиненным, но ему будет недоставать необходимого педагогического такта и возможности действовать среди учащейся молодежи силой своего нравственного значения»¹¹¹.

В своем «Проекте Устава Демидовского юридического лицея», представленном в научный комитет министерства вместе с «Объяснительной запиской» к нему, директор высказывался

¹¹⁰ Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 244–245.

¹¹¹ Цит. по: Там же. С. 242.

против применения выборного начала в замещении профессорских должностей, полагая ограничить компетенцию Совета рекомендациями кандидатур для назначения на профессорские должности. Инспектор лицея, по мнению М. Н. Капустина, должен назначаться из чиновников, во избежание пререканий и соперничества с директором. Впрочем, в последующей своей «Записке к проекту устава» он несколько изменяет точку зрения, полагая допустимым предоставление Совету права избрания профессоров, но с последующим все-таки их утверждением. Должность инспектора он вообще признавал излишней и предлагал министерству ввести институт курсовых наставников из числа профессоров (с чем министерство не согласилось).

Директорская должность, по твердому убеждению М. Н. Капустина, непременно должна быть назначаемой. В этом он видел необходимое условие «правильной жизни» лицея, охраны отдельных профессоров от тяжелого деспотизма случайного большинства в Совете¹¹². Именно опасность проявления подобного деспотизма и склоняла М. Н. Капустина первоначально к возражению против предоставления Совету права избирать профессоров. Такого рода опасения нельзя признать беспочвенными.

Примерно теми же соображениями обосновывал Государственный Совет нецелесообразность предоставления Совету лицея права избирать директора и профессоров. Согласно мнению этой высокой правительственной инстанции, при малочисленности состава Совета лицея и неимении в нем членов от разных факультетов всегда возможно преобладание в нем того или другого лица, сумевшего привлечь на свою сторону несколько товарищей, в результате чего «могло образоваться случайное и искусственное большинство, от которого бы зависело избрание». Возможность возникновения такого рода ситуации, считал Государственный Совет, «отклонила бы от лицея многих достойных по педагогической части деятелей, а между тем круг лиц, на которых это заведение может вообще рассчитывать и без того крайне ограничен, ибо Ярославль далеко не представляет всех их удобств жизни, свойственных университетским городам и высоко ценимых людьми, получившими высшее образование». Последнего рода опасение не разделялось М. Н. Капустиным.

¹¹² Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 245.

Высочайше утвержденный 25 декабря 1874 г., новый, постоянный Устав Демидовского юридического лица¹¹³ не предоставил, таким образом, ученому заведению прав университетской автономии. Но связано это было не с тем, что достоинство лица ставилось ниже университетского. Подоплека в другом, а именно в том, что в правительственных сферах вынашивалась идея радикального изменения демократического университетского Устава 1863 г., и лицей оказался в роли пробного камня. Основные наметки проекта нового университетского устава получили реализацию в уставе лица.

В лицее вводились следующие 11 кафедр: 1) богословие, 2) энциклопедия права и институции римского права, 3) всеобщая история права с включением римского, 4) история русского права, 5) международное право, публичное и частное, 6) римское право, 7) гражданское право, 8) гражданское судопроизводство и торговое право, 9) государственное право с включением административного, 10) политическая экономия и наука о финансах, 11) уголовное право и уголовное судопроизводство.

Штат Демидовского юридического лица по Уставу 1874 г. состоял из директора, 5 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, 3 доцентов, профессора богословия, двух помощников директора по надзору за студентами, библиотекаря, бухгалтера и экзекутора¹¹⁴. Оклад ординарного профессора составлял 2400 рублей в год, кроме того, ему полагалось 300 рублей столовых и столько же квартирных. Директору к профессорскому окладу добавлялось 1500 рублей за управление учебным заведением. Экстраординарный профессор получал 1600 рублей, 200 рублей столовых и 200 рублей квартирных. Годовой оклад доцента – 900 рублей, при 155 рублях столовых и 160 квартирных. Оклад профессора богословия составлял 1600 рублей при 200 рублях столовых, но без квартирных. Помощники по надзору за студентами получали по 600 рублей при 200 рублях столовых. Библиотекарю полагалось 550 рублей и 150 рублей столовых, бухгалтеру – 700 рублей, 150 рублей столовых, столько же квартирных, экзекутору – 350 рублей и 150 рублей столовых.

¹¹³ ПСЗ: собр. второе. Т. XI IX, отд. 2. (1874). СПб., 1876. № 54215.

¹¹⁴ Лицо, ведавшее исполнением наказаний, которым подвергались студенты за различные проступки.

Уставом предоставлялось Совету лицея право привлекать к участию в учебном процессе сторонних преподавателей с условием получения ими в установленном порядке звания приват-доцента. В отличие от постоянных преподавателей, эти лица, независимо от того, совмещали они преподавание в лицее с другой службой или состояли только при лицее, избирались на должность лишь на один год, ежегодно подвергаясь баллотировке в Совете. Число их колебалось от 3 до 6, в зависимости от того, какими свободными суммами располагал лицей. Получение звания приват-доцента было, однако, сопряжено с определенными условиями. Для этого требовалось в соответствии с уставом лицея защитить публично диссертацию *pro venia legendi* (должно быть прочитано со снисхождением), а затем выступить перед Советом с двумя пробными лекциями.

Тему одной из них назначал Совет лицея, другая определялась выбором соискателя. Только при удовлетворительном выполнении всех этих условий присуждалось звание приват-доцента, и его обладатель получал право преподавать в лицее. Через приват-доцентство в Демидовском юридическом лицее прошли видные в последующем ученые-юристы *А. Е. Назимов*, *Е. Н. Трубецкой* и др. Длительное время преподавал в этом же качестве в лицее уголовное судопроизводство товарищ прокурора Ярославского окружного суда *Д. Н. Стефановский*.

Таким образом, внештатные преподаватели лицея, статус которых приравнивается к нашим почасовикам, в отличие от последних, были в установленном порядке аттестованными, а не случайными людьми, как это сплошь и рядом встречается в нашей практике привлечения к преподаванию на условиях почасовой оплаты. В целях уточнения некоторых положений Устава 17 сентября 1876 г. выходит «Инструкция министра народного просвещения», которой расширены права директора по надзору за ходом учебного процесса, чтением преподавателями лекций, проведением всех видов занятий со студентами. Директору вменено в обязанность следить за соответствием лицейских изданий законам о печати.

Вскоре последовавшая «Инструкция преподавателям и помощникам директора по надзору за студентами» определила минимум недельной учебной нагрузки преподавателя в зависимости от его ученого звания. Ординарному профессору, согласно этой инструкции, полагалось проводить еженедельно шесть

лекционных часов, экстраординарному профессору – четыре часа, а доценту – три часа. Таким образом, для преподавателей с более высоким ученым званием устанавливалась более высокая лекционная нагрузка.

26 ноября 1877 г. были утверждены министром народного просвещения «Правила для студентов и посторонних слушателей Демидовского юридического лицея при испытаниях на звание действительного студента и на степень кандидата»¹¹⁵. В соответствии с этими правилами в лицее стала действовать весьма оригинальная система экзаменов. Она предусматривала распределение всех изучаемых в течение четырех лет дисциплин на три группы.

В первую группу включались дисциплины, составлявшие пропедевтику юридического образования: энциклопедия права, институции римского права, первая часть курса истории русского права, всеобщая история права, история римского права. В эту же группу входило и богословие.

Ко второй группе отнесены: часть вторая истории русского права, государственное право с включением права административного, политическая экономия, наука о финансах, церковное законоведение.

Самой обширной была третья группа, в которую входили чисто юридические (как тогда они назывались) науки: международное право (публичное и частное), римское право, гражданское право, гражданское судопроизводство, торговое право, уголовное право и уголовное судопроизводство.

Студент последовательно отчитывался по каждой из этих групп, но ему предоставлялась возможность переносить сдачу экзаменов, однако, не более как по одной дисциплине, из первой группы – во вторую, из второй – в третью на двухгодичный срок.

Наряду с предоставлением такого рода льгот, система создавала и дополнительные сложности. Особенность «Правил» состояла в том, что экзамены производились непрерывно без предоставления студенту в период сессии дополнительного времени на подготовку. Ежедневно он подвергался экзамену по одной из

¹¹⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование императора Александра II. 1877–1881 гг. СПб., 1883. Т. 7. 2294, 63.

дисциплин. Тому же, кто откладывал экзамен с мая на август, ежедневно предстояло «отчитываться» по двум предметам.

М. Н. Капустин полагал, что эта система экзаменов, предоставлявшая студентам определенную свободу «маневра», приучала их к дисциплине труда, к систематической работе по овладению знаниями. «Существенная цель, которая достигается системой экзаменов по группам, – писал он, – состоит в том, чтобы побудить студентов к постоянной работе в течение года, не откладывая занятий до времени экзаменов в расчете на промежутки между ними. Изучить в течение года двадцать наук в объеме нашего преподавания можно лишь при постоянной работе и, скажу прямо, при постоянном повторении того, что усвоено»¹¹⁶.

В зависимости от результатов учебы студенты выпускались из лицея в звании действительного студента или со степенью кандидата юридических наук. «Правилами» 1877 г. как основание для получения звания действительного студента устанавливалось обладание общим балом 3,5 при существовавшей 5-балльной системе. Для приобретения степени кандидата необходимо было достижение учебных успехов, оцениваемых общим баллом 4,5. Допускалось при этом получение в течение всего срока учебы только одной «тройки» (§ 23). Но дня присуждения кандидатской степени требовалось, кроме наличия высоких успехов по результатам экзаменов, предоставление кандидатского рассуждения. От написания такого сочинения освобождались студенты, награжденные в период учебы медалью или похвальным листом (§ 26).

Правила 1877 г. содержали также перечень налагаемых на студентов за разного рода провинности взысканий: 1) выговор директора с внесением в штрафной журнал или без него; 2) лишение льгот при освобождении от платы за обучение на известное время или навсегда; 3) лишение стипендии; 4) арест от одного до восьми дней; 5) предложение уволиться; 6) увольнение на год и более; 7) исключение из лицея.

В самые первые годы существования в Ярославле юридического лицея, в самую трудную пору его становления, М. Н. Капустин высказывал твердую уверенность в том, что

¹¹⁶ Капустин М. Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. Ярославль, 1881. С. 10.

«по составу студентов лицей получит не местный, а всероссийский характер»¹¹⁷.

Это предсказание директора в скором времени подтвердилось. В «Летописи» за 1875/1876 учебный год дается в самом развернутом виде география приема в лицей за первые шесть лет его существования. «... из 483 слушателей, поступивших в лицей в первый период его существования, – фиксируется в летописи, – на долю Ярославля приходится 105, затем следует Владимир, доставивший 63 студента, из Москвы поступило 50, из Вологды – 8. Губернии замосковские доставили также значительное число студентов, а именно: Тульская – 25, Калужская – 22, Орловская – 17, Рязанская – 14, Смоленская – 8 и Тамбовская – 6. Наконец, из южных губерний поступило: из Черниговской – 38, из Екатеринославской – 6, из Воронежской – 8, с Кавказа – 4. Таким образом, не считая Москвы, лицей получил лишь половину студентов из своего ближайшего района, остальные были уроженцы более отдаленных местностей. Этим определился не исключительно местный, а общерусский характер лицея»¹¹⁸.

Эта география с каждым годом расширялась. В 1880 г. директор с полным основанием заявил: «Нет почти ни одной местности в России, которая бы не выслала свой контингент студентов в лицей. И в нынешнем году получены прошения из тридцати трех губерний. Да послужит это успокоением для тех, кто считал излишним и даже невозможным существование факультета на расстояние одиннадцати часов езды от Москвы»¹¹⁹.

К этому времени лицей обрел положение одной из крупнейших в России юридических школ. По числу студентов-юристов он занимал первое место после столичных университетов. Так, по состоянию на 1 января 1879 г. юридические факультеты университетов имели следующую численность студентов: Санкт-

¹¹⁷ Капустин М. Летопись Демидовского юридического лица за 1880–1881 учебный год. С. 10.

¹¹⁸ Летопись Демидовского юридического лица за 1875/1876 учебный год // Временник Демидовского юридического лица. Ярославль, 1876. Кн. 12. С. 2.

¹¹⁹ Летопись Демидовского юридического лица за 1879/1880 учебный год // Временник Демидовского юридического лица. Ярославль, 1880. Кн. 23. С. 12.

Петербургский – 641, Московский – 326, Дерптский – 179, Варшавский – 158, Новороссийский – 120, Св. Владимира (Киевский) – 126, Харьковский – 112, Казанский – 87. В лицее в этом году обучалось свыше 200 учащихся. В 1882 г. число студентов возросло до 327, в 1908 г. оно составило 1053.

Ярославский юридический лицей был самым демократическим высшим учебным заведением в России. В составе его студентов разночинцы значительно преобладали над дворянами. Так, в 1880 г. на 209 обучавшихся в лицее приходилось только 35 дворянских детей, причем 20 из них имели родителями личных дворян, т. е. сами не принадлежали к дворянству. Дело в том, что обладание аттестатом зрелости, отличавшим окончивших гимназию от выпускников других средних учебных заведений, не было обязательным условием для поступления в ярославский лицей. Играли свою роль и демократические традиции, которые сами по себе были привлекательны для известной части общества.

Число желающих поступить в лицей росло, особенно за счет воспитанников семинарий, в большинстве своем слабо обеспеченных, часто не имевших родителей. В лицее была более низкая, нежели в других высших учебных заведениях, плата за слушание лекций, кроме того, при трудном материальном положении представлялась возможность получить освобождение от этой платы за счет средств созданного при лицее так называемого «Попечительства о недостаточных студентах», возглавляемого почетным попечителем лицея. Плата за слушание лекций составляла 40 рублей за год. Для того времени эта была очень значительная сумма. Далеко не все из обучающихся были в состоянии ее уплатить.

В 1881 г. от платы за обучение были освобождены 157 из 313 лицеистов. Средства «Попечительства» составлялись из пожертвований от состоятельных лиц. Юридическому лицее в отличие от его предшественников (высших наук училища и лицея с камеральным уклоном) стали «перепадать» кое-какие суммы от ярославского купечества и даже дворянства, наконец понявшего важность юридического образования, чему особенно способствовала Судебная реформа 1864 г., – звание судебного деятеля стало почетным.

Плату за обучение вовсе не вносили демидовские стипендиаты, т. е. студенты, содержавшиеся за счет средств завеща-

теля П. Г. Демидова. Кроме 20 Демидовских было учреждено еще ряд стипендий, к 1883 г. лицей располагал 31 стипендией. Демидовская составляла 200 рублей, остальные несколько меньше.

Среди учредителей стипендии: ярославский купец А. Д. Топленинов, действительный статский советник Д. Н. Соколов, дочь гвардии ротмистра Е. Н. Милюкова (пожертвовала 2000 рублей на учреждение стипендии имени ярославского архиепископа Леонида), генерал-майор артиллерии Н. П. Глинка, отставной подполковник Н. Н. Демидов (на его средства содержалось два стипендиата). На пожертвования Ярославской городской думы была учреждена стипендия имени императора Александра I в память столетия со дня его рождения. Продолжала выплачиваться стипендия имени генерал-майора И. И. Болдырева. В 1886 г. ярославская дворянка М. П. Макина оставила лицею по духовному завещанию 2000 руб. Принимались и другие меры по изысканию средств для оказания помощи недостаточным студентам. Но главным источником оставались пожертвования. Вносились они регулярно директором лицея, профессорами настоящими и бывшими, особенно в этом отношении заслуживает упоминания А. А. Борзенко. Последний не только сам охотно жертвовал на эти цели, но умел «побуждать» к пожертвованиям других, часто выступая организатором благотворительных мероприятий. Вот как писал по этому поводу М. Н. Капустин в одном из писем А. А. Борзенко: «Припоминаю, как в Ярославле мы собирали на добрые дела: за недостатком денег вам давали часы – так вы умели раздуть огонь, искры добра в сердцах»¹²⁰.

Должность почетного попечителя лицея по-прежнему отправляли представители рода Демидовых. Круг полномочий попечителя значительно сузился. Его деятельность теперь сводилась в основном к председательствованию на заседаниях попечительства и к наблюдению за правильным поступлением и употреблением доходов, получаемых от сделанных П. Г. Демидовым в пользу лицея пожертвований. В отличие от завещателя последние из Демидовых, связанные с ярославским лицеем, не блистали ученостью. Все они были чиновниками. Набирала высоту и лицейская библиотека. Ей придавалось значение одного

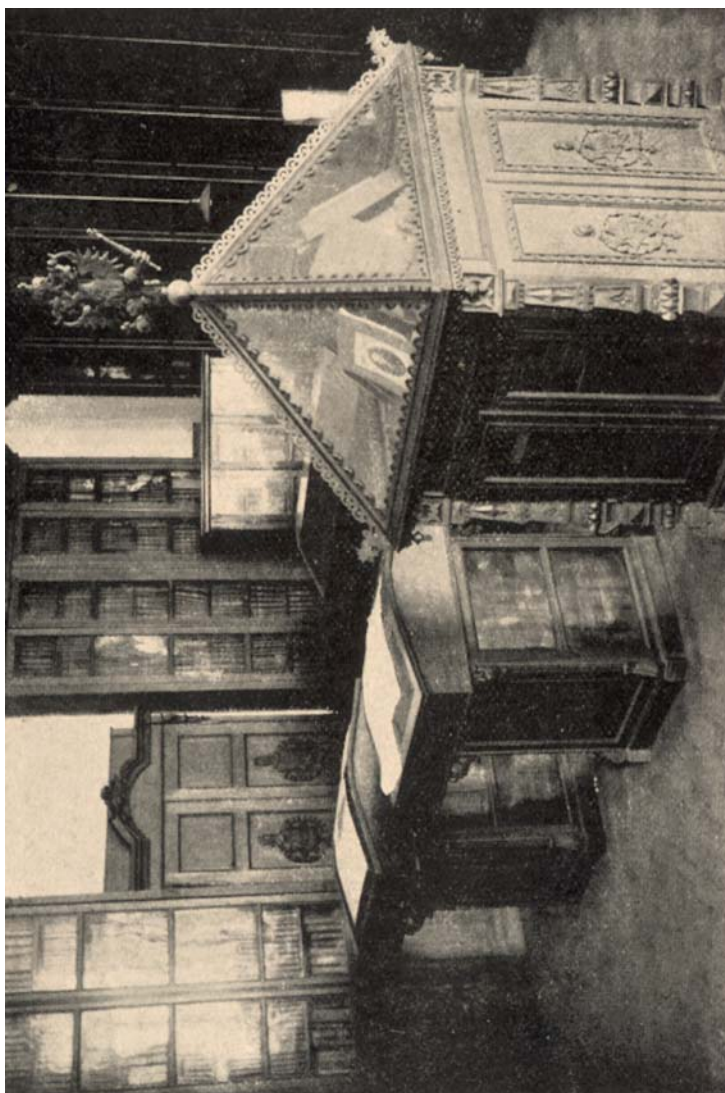
¹²⁰ Михаил Николаевич Капустин и его письма к А. А. Борзенко. СПб., 1902. С. 5.

из важнейших научных средств. М. Н. Капустиным принимались энергичные меры к ее пополнению юридической литературой.

Наследство, полученное от камерального лица, в этом отношении было очень незначительным, даже жалким, как выразился один из биографов лица. В бытность М. Н. Капустина директором было приобретено юридической литературы более чем на 88 тысяч рублей. Кроме того, лицу пожертвовано многими из его благодарных выпускников значительное количество ценной юридической литературы, подшивок юридических журналов. Много получено изданий в обмен на «Временник лица». Библиотека стала располагать материалами работ различных законодательных комиссий, представлявшими большой интерес для научного изучения.

С гордостью писал о состоянии лицейской библиотеки К. Д. Головщиков: «Близкие с лицейской библиотекой вполне могут оценить ее внутреннее богатство. Посторонние посетители, между которыми бывали и ученые иностранцы, удивлялись внешнему изяществу лицейского книгохранилища. Красивая внешность, которой, однако, не принесено в жертву существо дела, придает особенно привлекательный вид библиотеке, — это, по вполне справедливому выражению М. Н. Капустина, "отрадный приют для тех, кому доступна прелесть времени, проведенного за книгою"». К началу 1886 г. в главной библиотеке лица, кроме студенческого отдела, имеющего 900 названий, находилось 14383 названия в 27666 томах и 2867 брошюр. Между тем в 1870 г. у лица было всего 11000 томов, в том числе всего 4000 юридического содержания. Забегая вперед, отметим, что к 1903 г. в библиотеке лица было уже 31363 названия в 42774 томах и 5351 брошюры. Для специальной библиотеки, какова библиотека лица, это число книг весьма значительно и удовлетворяет самым взыскательным требованиям и даже в 1886 г., «если бы книги одной фундаментальной библиотеки лица уставить одну подле другой, то для этого, по точному исчислению, понадобилось бы пространство слишком в версту»¹²¹.

¹²¹ Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. С. 172–173; Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в Ярославле им. Демидова в первый век его основания и деятельности (6 июня 1803–1903 гг.). С. 270.

Одна из комнат библиотеки Демидовского юридического лица

Совет лицея, поддержав инициативу М. Н. Капустина, приобрел у франкфуртского книготорговца Бера в полном составе библиотеку Тюбингенского профессора Шютца за 2600 марок. «Лицей приобрел, – писал М. Н. Капустин, – богатое собрание книг и брошюр, из которых значительная часть составляет библиографическую редкость, а многие издания никогда не были в продаже»¹²². Лицей располагал рядом ценнейших изданий, стоимость каждого из которых доходила до 1000 рублей.

К материалам фундаментальной библиотеки лицея многократно обращался английский публицист Дональд Макензи-Уоллас, работавший в Ярославле над книгой о России. В своих журнальных статьях Макензи неоднократно с благодарностью упоминал об этой библиотеке, о самом лицее и лицах, «принадлежащих к этому превосходному учреждению». Написанная в Ярославле книга о России была переведена на все европейские языки, несколько раз переиздавались. Исходя из того что ее автор довольно значительное время находился в общении с Лицеєм, пользовался советами его директора и профессоров, М. Н. Капустин имел основание заявить в одной из летописей: «Мне кажется, что я почти вправе присоединить к ученым трудам лицея и сочинение г. Макензи-Уолласа»¹²³.

Всемерно заботясь о студенческом благополучии, М. Н. Капустин добился от Министерства народного просвещения разрешения на открытие при лицее интерната. С 1 декабря 1880 г. он начал действовать в соответствии с «Положением» о нем, утвержденным министерством. Им предусматривалось, что студенты, помещенные в интернат, будут обеспечиваться пищей, одеждой, учебными пособиями и необходимыми «средствами художественного образования».

Интернат располагался в здании лицея. В него могли приниматься демидовские и другие стипендиаты, а также своекоштные студенты за назначаемую правлением лицея плату. Зачисление в интернат составляло исключительную компетенцию директора. Это было первое открытое в российском учебном заведении университетского типа студенческое общежитие. «После долгого перерыва, – писал К. Д. Головщиков, – это

¹²² Летопись Демидовского юридического лицея за 1875–1876 учебный год. С. 16.

¹²³ Там же. С. 16.

первый опыт освобождения студентов от забот материальной жизни и предоставления им возможности вполне отдаться занятиям наукою, проводя время в тесном кругу товарищей. В этом отношении лицей опередил университеты»¹²⁴. О значении открытия общежития хорошо было сказано в одной из летописей М. Н. Капустиным: «Поддержать все доброе, охранить от искушений в материальной обстановке, подчас очень тяжелой, – такова задача общежития»¹²⁵.

В 1883 г. закончилось директорство М. Н. Капустина, продолжавшееся 13 лет. Это было время больших творческих исканий и устремлений. «Время директорства Капустина, – писал П. С. Покровский, – необходимо признать первой, в то же время блестящей страницей Демидовского юридического лицея»¹²⁶. За труды по организации лицея он был награжден 4 орденами, стал действительным тайным советником.

Зарекомендовавший себя как выдающийся педагог высшей школы и энергичный администратор тайный советник М. Н. Капустин был назначен попечителем Рижского учебного округа (1883–1891 гг.). Блестяще проявив себя и в этой роли, в конце жизни действительный тайный советник М. Н. Капустин становится попечителем столичного Санкт-Петербургского учебного округа (с 1891 г.). В 1898 г. он был членом арбитража по рассмотрению спора между Францией и Нидерландами относительно Гвианы.

На этих высоких постах он не утратил своей человечности: идея вспомоществования испытывавшей горькую нужду учащейся молодежи всегда составляла одну из главных его забот. М. Н. Капустин никогда не замыкался в рамках чиновничьей службы, продолжал профессорскую и научную деятельность, в чем видел главное свое призвание. «Я не знаю ничего лучше профессорства»¹²⁷, – писал он в одном из писем А. А. Борзенко, будучи попечителем Рижского учебного округа, в 1886 г. Видимо, пришло время воздать должное этому выдающемуся пе-

¹²⁴ Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. С. 171.

¹²⁵ Цит. по: Там же. С. 171.

¹²⁶ Покровский С. П. Указ. соч. С. 175.

¹²⁷ Михаил Николаевич Капустин и его письма к А. А. Борзенко. С. 7.

дагогу высшей школы, по достоинству оценить его подвижнический труд на ниве народного просвещения¹²⁸.

22 августа 1883 г. новым директором лицея был назначен декан юридического факультета Казанского университета действительный статский советник **Николай Александрович Кремлев** (1823–1910). Был он крупным специалистом в области римского права, в прошлом выпускником, преподавателем (с 1858 г.), профессором (с 1868 г.), ректором Казанского университета (1872–1876 гг.) В его директорство выходят утвержденные министром народного просвещения И. Д. Деляновым 10 сентября 1883 г. новые «Правила для студентов Демидовского лицея». Прежде всего, ими была «поручена» прежняя, введенная по инициативе М. Н. Капустина, система экзаменов. Видимо, к этому побуждал «дух времени», осознание опасности существования излишне широкой сферы студенческого усмотрения. Новые «Правила» установили четыре экзаменационных группы вместо трех, запретили перенесение экзаменов из одной группы в другую по усмотрению студентов, сдачи экзамена по частям. Вводилась единая экзаменационная сессия во второй половине мая.

Теперь в основу формирования экзаменационных групп был положен курсовой принцип. Так выглядели эти группы:

1-я группа: богословие, энциклопедия права, история римского права, институции римского права, история русского права (часть I), всеобщая история права (1 курс);

2-я группа: римское право, история русского права (часть II), политическая экономия и наука о финансах, государственное право с административным (2 курс);

3-я группа: римское право, гражданское право, уголовное право, церковное право (3 курс);

4-я группа: гражданское право, торговое право, гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство, международное право, публичное и частное (4 курс).

Новые правила несколько уточнили порядок получения кандидатских степеней. Теперь претенденту на степень необходимо было располагать экзаменационным баллом по римскому и гражданскому праву не менее 4, а по остальным дисциплинам

¹²⁸ См.: Егоров С. А. М. Н. Капустин как историк и теоретик права // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 146–151.

иметь 4,5 балла. Но по-прежнему требовалось написание кандидатского рассуждения (§ 53). Не всем получившим на это право удавалось справиться с серьезной, вдумчивой аналитической работой, суть которой определил еще М. Н. Капустин: «Это уже не просто опыты юридического синтеза, а всестороннее изложение вопроса в том виде, в каком он разработан в литературе»¹²⁹.

Для написания диссертации соискателю назначался шестимесячный срок, исчисляемый со дня последнего испытания. Этот срок мог быть продлен постановлением Совета еще на шесть месяцев ввиду каких-либо уважительных причин¹³⁰. Без написания диссертации (рассуждения) утверждался в степени кандидата удостоенный золотой или серебряной медали студент, а также дважды награждавшийся большой премией или отмечавшийся почетным отзывом за письменные сочинения в период учебы. Из первого выпуска юридического лицея 36 окончивших курс получили звание действительного студента, 7 – удостоены степени кандидата, 17 выпускников получили право на написание кандидатских рассуждений.

Правила 1883 г. установили как обязательное условие для освобождения от платы за обучение, составлявшей 20 рублей за полугодие, высокую успеваемость (§ 67). «Правила» содержали целый «свод» студенческих провинностей и наказаний за них. За допускаемые лицеистами, предусмотренные «Правилами», проступки полагались следующие виды взысканий: 1) выговор, 2) арест до двух недель; 3) исключение из лицея на год с правом поступления в другое учебное заведение; 4) удаление из лицея на один или два года без права поступления в лицей или другое учебное заведение в течение этого срока (§ 113). Выговор и арест до трех дней мог назначаться директором, на решение которого жалобы не допускались. Арест на более длительный срок назначался правлением, исключение – только решением Совета (§ 114).

Лицейскому студенчеству по-прежнему отказывалось в правах корпорации. Ни один студент не вправе был делать заявление или подавать прошение от имени какой-либо группы,

¹²⁹ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1875. Кн. 9. С. 146.

¹³⁰ Университетский Устав 1884 г. отменил присуждение кандидатских степеней. Лицейский Устав их присуждение сохранял до 1918 г.

подписывать коллективные прошения (§ 85). За такого рода нарушение «Правил» полагалось исключение из лицея.

Сохраняя верность лицейским традициям, Н. А. Кремлев 30 августа 1885 г. выступил с отчетом за 1883/1884 учебный год, в котором нашли отражение все основные аспекты учебной, научной и общественной деятельности лицея. В этой «Летописи» содержатся интересные сведения о судьбе воспитанников юридического лицея – одиннадцати его выпускников. В частности, мы узнаем из нее, что выпускник 1877 г. Л. Н. Казанцев получил должность доцента по кафедре римского права в университете Св. Владимира. В директорство Н. А. Кремлева в 1885 г. был реставрирован памятник П. Г. Демидову, который к тому времени пришел в неприглядное состояние. Инициатива сбора средств на реставрацию принадлежала выпускникам лицея. Особенно большое старание было приложено выпускником 1852 г. П. В. Демерниковым, состоявшим в должности товарища обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената. Значительную лепту на эти цели внес городской голова И. А. Вахрамеев.

Но директорство Н. А. Кремлева было недолгим. К уходу из Лицея, видимо, побудили его, в числе других причин, и разногласия с Советом, возникшие в связи с ходатайством профессора И. Т. Тарасова об открытии отдельной кафедры административного права, которое Уставом 1874 г. включалось в состав права государственного. Являясь крупным административистом, И. Т. Тарасов настаивал на том, чтобы представляемой им науке в лицейском преподавании было отведено достойное место. Профессор указывал как на ненормальное явление на сосредоточение на одной кафедре трех дисциплин: русского государственного права, иностранного государственного права и права административного. Решить вопрос И. Т. Тарасов предлагал за счет упразднения кафедры всеобщей истории права. Он в обоснование своего ходатайства ссылается также на то обстоятельство, что существующим положением второй преподаватель кафедры лишился перспектив для роста, ибо распоряжением министра народного просвещения от 5 июля 1883 г. предусматривалось на кафедре только одна профессорская должность. И. Т. Тарасова поддержал коллега по кафедре государствовед приват-доцент А. Е. Назимов, к тому времени завершавший работу над магистерской диссертацией и закономерно рассчитывающий на получение должности экстраординарного профессора. Последний утверждал, что разде-

лением кафедры будет обеспечена более полная специализация занятости. Вопрос этот обсуждался дважды на заседаниях Совета лицея 15 декабря 1884 г. и 25 января 1885 г. Директор вполне аргументированно возражал против открытия особой кафедры административного права, утверждая, что это повлечет за собой сокращение объема преподавания других более важных юридических дисциплин.

Относя административное право к числу политико-юридических дисциплин, Н. А. Кремлев, подобно М. Н. Капустину, считал, что ему не принадлежит решающее значение в деле подготовки юриста. «Устав лицея, – подчеркивал Н. А. Кремлев, – отдает преимущество наукам юридическим пред называемыми политическими и между первыми отводит более широкое место для гражданского права. Я же думаю что, если для достижения цели нужно сузить объем преподавания некоторых предметов, то это требование должно быть приложено к административному праву, пока не будет доказано, что эта наука содержит в себе не менее элементов для образования юриста, чем гражданское право, римское право и другие чисто юридические науки»¹³¹. Кроме того, директор усматривал ненормальность в распределении часов по кафедре государственного права в пользу права административного, которое читалось по 6 часов в неделю, тогда как праву государственному отводилось 3 часа.

Директор считал совершенно недопустимым посягательство на кафедру всеобщей истории права, поскольку преподавание этой дисциплины значительно усиливало научную подготовку юриста, которая всегда ставилась в лицее во главу угла. Несмотря на обоснованность точки зрения директора¹³² и убедительность аргументации, она не получила поддержки Совета. Последний проголосовал за обращение в Министерство народного просвещения с ходатайством об открытии в лицее кафедры административного права. Ходатайство не было удовлетво-

¹³¹ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1885. Кн. 37. С. 58.

¹³² Административное право относилось к числу самых неразработанных, не определившихся со своими предметом и методом наук. Известный административист Э. Н. Берендтс в 1897 г. прямо указывал на неопределенность и шаткость основных положений этой науки, на неопределенность ее задач и метода (см.: Берендтс Э. Н. О методе юридических наук // Русский вестник. 1897. Апрель. С. 285).

рено. Однако директор, столкнувшийся с непониманием со стороны Совета, счел для себя лучшим подать в отставку и вернуться в Казанский университет, где снова стал ректором в 1885–1886 гг. После отставки он служил юрисконсультom Министерства юстиции и приват-доцентом Петербургского университета, где в числе его студентов был Н. Е. Рерих.

В том же году директором лицея был назначен коллега Н. А. Кремлева по Казанскому университету профессор **Сергей Михайлович Шпилевский** (1833–1907), видный историк русского права, доктор государственного права (1870 г.). Это был выпускник юридического факультета Московского университета (1856 г.), ставший с 1860 г. адъюнктом Казанского университета и прошедший там путь до профессора и декана юридического факультета (1873–1876 гг.).

С. М. Шпилевский

Он пользовался широкой известностью и как археолог. Им произведены многочисленные исследования на территории Поволжья. Ценную систематизацию археологических и иных исторических материалов содержит его книга «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (1877 г.). За этот труд С. М. Шпилевский был удостоен премии Академии наук. За труды в области археологии Русское археологическое общество присудило ему большую золотую медаль.

С. М. Шпилевский был членом многих обществ, в том числе Московского «Общества любителей российской словесности». В Казанский период своего профессорства С. М. Шпилевский был видным деятелем славянофильского движения. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он принял активное участие в сборе пожертвований на дело освобождения славян. В директорство С. М. Шпилевского не произошло никаких принципиальных изменений в порядке преподавания учебных дисциплин, продолжало торжествовать и набирать силу заданное М. Н. Капустиным направление. Лицей все более обретал свое лицо. Центром преподавания по-прежнему оставалось римское право.

Приток научных сил в лицей возрастал, и вместе с тем его, как и в прежние времена, преследовала частая сменяемость преподавательских кадров. Многих молодых ученых привлекала в Ярославль богатейшая лицейская библиотека, благодаря которой они могли выполнять здесь свои диссертационные работы. Затем, удостоившись высших ученых степеней, получив известность в научном мире, они переходили на университетские кафедры. И последнее обстоятельство следует отнести к чести лицея. Он был «рассадником ученых сил для всех юридических факультетов российских университетов»¹³³.

Несмотря на текучесть преподавательских кадров, юридический лицей давал своим выпускникам хорошие знания. Как отмечал С. М. Шпилевский: «... преподавание в лицее всегда стояло на значительной высоте»¹³⁴. Этот же директор с удовлетворением констатировал в 1890 г., что «по количеству преподавателей (14) лицей уступает только Московскому и Петербургскому университетам, он равняется Киевскому и превосходит все остальные»¹³⁵.

В 1879 г. был прекращен прием в университет воспитанников духовных семинарий. Новыми правилами для поступления в университет требовалось от молодых людей обладание аттестатом зрелости, каковой получали только выпускники гимназий. Введением этих ограничений для семинаристов Министерство народного просвещения стремилось избавить университеты от малообеспеченных студентов, «беспокойных элементов». Как известно, при приеме в семинарии классовый подход проявлялся в меньшей мере, нежели в гимназии, предназначавшиеся для детей дворян.

Поступление молодых людей в семинарии отчасти диктовалось не только душевными наклонностями, мечтой о духовном сане, но и тягой к получению образования при слабой материальной обеспеченности. Льготный прием семинаристов в Демидовский юридический лицей продолжался до 1886 г. Они составляли большинство его студентов. В период с 1870 по

¹³³ См.: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 267–268.

¹³⁴ Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 205.

¹³⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1890–1891 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1891. Кн. 55. С. 3. С. М. Шпилевский имел в виду количество преподавателей на юридических факультетах.

1884 г. из 1012 обучавшихся в лицее студентов 845 были воспитанниками семинарий, последние составляли 339 из 394 выпускников. Ограничение в праве поступления семинаристов с 1885 г. в лицей сказалось и на его наполняемости. В 1885 г. только 12 выпускников гимназии изъявило желание поступить в лицей, и к 1887 г. число студентов стало составлять только 95 человек¹³⁶, тогда как в 1882 г. в нем обучалось 314 человек.

Лишь в 1898 г. было восстановлено право поступления в лицей воспитанников духовных семинарий. Но распространялось оно только на окончивших курс по первому разряду. При этом последние подвергались дополнительным испытаниям по латинскому языку, всеобщей и русской истории.

В лицей больше, чем в другие учебные заведения страны, принимались лица еврейской национальности. Последние по действовавшему тогда положению должны были составлять не более 5 % к общему числу студентов учебного заведения. В лицее в 1887/1888 учебном году они составляли 16 %. По этому поводу С. М. Шпилевскому министром просвещения было сделано строгое внушение.

Как администратор, ученый и педагог С. М. Шпилевский пользовался непререкаемым авторитетом в среде профессоров Лицея и у лицейского студенчества. Читая курс истории русского права, он зарекомендовал себя первоклассным лектором. Иногда приходилось ему преподавать семейное и наследственное право. Являясь человеком глубоко порядочным, обладая безупречным педагогическим тактом, С. М. Шпилевский умело формировал во вверенном ему лицее атмосферу доброжелательности и взаимного уважения, располагавшую ученых к вдохновенному творческому труду на благо обучения и воспитания юношества. С. М. Шпилевским придавалось большое значение привитию студентам чувства профессиональной гор-

¹³⁶ На наполняемости лицея сказывалась также близость Ярославля к Москве, причем как в отрицательном, так и в положительном плане. В 1886 г. из Московского университета перешло в лицей 42 студента. «Как известно они, – говорил в одной из своих летописей С. М. Шпилевский, – не раскаиваются в этом и указывают на некоторые преимущества Ярославля перед Москвой: в Ярославле жить дешевле, здесь менее развлечений, доступнее учебные пособия» (Летопись Демидовского юридического лицея за 1887/1888 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1888. Кн. 47. С. 7).

дости. Для этого у него всегда находились прекрасные, западающие в душу слова.

С 1886 г. при «Временнике Демидовского юридического лицея» в виде его отдела стала выходить «Юридическая библиография», в которой давались подробные обзоры всех новых изданий в области юридической литературы. Авторами рецензий были в основном профессора лицея. Одним из первых русских ученых отозвался в «Юридической библиографии» обширной рецензией на выход в свет «Лекций по общей теории права» Н. М. Коркунова профессор лицея В. Г. Щеглов.

В 1886 г. для студентов лицея была введена одинаковая с университетской студенческая форма. К. Д. Головщиковым дается подробное описание этой формы. Мы остановимся лишь на описании некоторых ее деталей. В состав форменной одежды студентов входила фуражка темно-зеленого цвета с козырьком, мундир темно-зеленого сукна, однобортный, с металлическими пуговицами с изображением государственного герба, пальто также темно-зеленого сукна. Но разрешалось в зимнее время носить шинели темно-серого сукна офицерского образца. К мундиру полагалась шпага.

В 1896 г. при лицее было создано «Юридическое общество», поставившее целью разработку теоретических и практических вопросов права, а также распространение юридических знаний. В обществе насчитывалось около 100 членов, которые подразделялись на почетных, действительных, членов-сотрудников и членов-соревнователей. Согласно Уставу «Общества» почетными членами могли быть лица, оказавшие выдающиеся услуги правоведению своей теоретической или практической деятельностью или же принесшие значительную пользу «Обществу» (§ 7). Связанные с научной или практической юридической деятельностью лица принимались в «Общество» в качестве действительных членов. Членом-сотрудником мог стать каждый, содействующий письменными сообщениями или устными докладами работам «Общества». От членов-соревнователей требовалось только материальное содействие деятельности «Общества». Первым председателем «Общества» был директор лицея С. М. Шпилевский. В скором времени при «Обществе» было учреждено особое отделение для собирания на территории губернии и научной обработки юридических обычаев населения.

30 августа 1895 г. отмечалось 25-летие юридического лица. Выступая на торжественном акте, профессор Э. Н. Берендтс в своей речи с чувством глубокого удовлетворения отмечал весомость вклада, внесенного ярославской юридической школой в дело высокого становления российской юридической науки, которая не только смогла к концу XIX столетия встать в один ряд с европейской наукой права, но сумела в каком-то отношении возвыситься над нею. «В течение двадцати пяти лет, истекших с момента преобразования так называемого старого лица в высшее юридическое учебное заведение, – говорил оратор, – представители его внесли свою долю в общую сокровищницу русской юридической литературы, бок о бок с юридическими факультетами университетов лицейская ученая корпорация старается исполнять задачи, лежащие на русских юристах. Прошло то время, когда русская юридическая наука была только отголоском иностранных теорий и несамостоятельной ученицей иностранных ученых. Самостоятельно и смело поступает русская юридическая наука, самостоятельно – так как не боится проверять и критиковать теории западноевропейских авторитетов. Смело, так как она не опасается за свой собственный авторитет, сознавая свои промахи и ошибки, отказываясь от предрассудков и неверных положений»¹³⁷.

12 июля 1897 г. были утверждены министром народного просвещения новые «Правила для студентов Демидовского юридического лица». Никаких принципиально новых установлений ими в действовавшие ранее «Правила» не вносилось. В лицей по-прежнему принимались только лица мужского пола не моложе 17 лет. Некоторое уточнение получило положение о так называемых «посторонних слушателях». Ими, согласно «Правилам», могли быть лица, «окончившие среднее учебное заведение и имеющие определенное общественное положение». Эти лица после внесения установленной платы (40 рублей в год) допускались к слушанию лекций. Они могли пользоваться фондами лицейской библиотеки, но книги на дом получали не иначе как под залог. Никаких свидетельств о слушании лекций, о повышении своего образовательного уровня посторонние слушатели от лица не получали.

¹³⁷ Временник Демидовского юридического лица. Ярославль, 1897. Кн. 71. С. 3.

Студенты лицея по-прежнему лишались прав корпорации. За подпись на коллективном прошении они могли быть подвергнуты исключению из учебного заведения (§ 104). Та же мера наказания могла быть к ним применена за выражение неодобрения преподавателю. Посещение лекций и практических занятий для студентов было строго обязательным. Действовала прежняя система экзаменов, на четвертом курсе устанавливался комиссионный порядок их приема. При выставлении экзаменационной оценки учитывалось отношение студента к занятиям в течение учебного года, т. е. текущая успеваемость. Согласно § 80, на экзаменах студент отвечал стоя. Ношение установленной форменной одежды было для студента обязательным как в здании лицея, так и вне его стен (§ 79). За самовольную отлучку из города студенту грозил арест.

Начало XX столетия было чревато для лицея подъемом политической активности его студентов. В 1901 г. были выпущены «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения», разрешившие студенческие собрания, создание старостата и т. д. Однако эти правила не были распространены на лицей. Его студенты по-прежнему рассматривались как посетители, а отнюдь не как коллектив, корпорация. Все имевшее характер общестуденческого представительства находилось под запретом. Советом лицея легализовались только научные и художественные кружки под руководством профессоров. Допускались студенческие собрания, но лишь строго учебного характера.

Лицейское студенчество неоднократно заявляло протесты по поводу ущемления его прав. Несмотря на попытки воспрепятствовать объединению студенческих сил, процесс формирования коллектива лицеистов шел своим чередом. И коллектив все настойчивее напоминал о себе не только лицейскому начальству, но и губернским властям. Студенты Демидовского юридического лицея всегда старались идти в ногу со студенчеством Москвы, Петербурга и Казани. Их первое выступление относится к 1882 г., и прошло оно под знаком солидарности со студентами Московского и Казанского университетов.

В апреле 1899 г. в Демидовском лицее вновь вспыхнули студенческие волнения. Хотя они и не получили большого размаха, губернские власти всерьез ими были обеспокоены. В городе появились прокламации. Была попытка проведения сход-

ки, на которую собралось 130 студентов. За издание и распространение прокламаций был арестован студент лицея Петр Алексинский¹³⁸.

Как видно из донесения начальника губернского жандармского управления ярославскому губернатору по поводу распространения прокламаций, у жандармов были основания считать, что Алексинский действовал не один, хотя в своих показаниях «выставляет себя единственным виновником издания и распространения прокламаций, скрыв участников этого дела»¹³⁹. Но губернатор, видимо, не был заинтересован в том, чтобы из случившегося в лицее создавать шумное дело. Его больше устраивало изобразить эти события как нечто случайное, нехарактерное для лицея, в докладе министру внутренних дел губернатор собственноручно писал, что в лицее царил и царит полный порядок, дух взаимного понимания и уважения между профессорами и студентами, что небольшое отклонение от нормальной жизни не представляет ничего серьезного и что все дело единственно в Алексинском как «зачинщике агитации»¹⁴⁰. Губернатор уверял министра, что демидовские студенты воспитаны в духе верноподданничества, глубокого понимания непопустительности каких-либо корпоративных действий и вполне удовлетворены своим полным бесправием. Последующие события показали, как далеки эти заверения от истины.

Волна студенческих волнений, охватившая в 1901 г. все университетские города, дошла и до Ярославля. В связи с так называемыми студенческими беспорядками в 1902 г. в лицее был введен профессорский дисциплинарный суд для наложения на студентов взысканий за нарушения последними их обязанностей. В состав суда предназначенного для действия в 1902/1903 академическом году были введены ординарный профессор В. Г. Щеглов (председатель), ординарный профессор *И. Я. Гурлянд*, экстраординарный профессор Е. Н. Темниковский. В годы подъема революции этот суд не функционировал, но в 1907 г. он был восстановлен.

В 1903 г. в августе лицей отмечал свое столетие. На торжества собрались многочисленные гости, представители россий-

¹³⁸ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 469. Л. 66.

¹³⁹ Там же. Л. 73.

¹⁴⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 469. Л. 69–71.

ских университетов, ранее работавшие в лицее профессора¹⁴¹, выпускники, были среди последних и участники 50-летнего юбилея учебного заведения. Торжественное собрание проходило за теснотой помещения актового зала лицея в просторном зале Дома общественного призрения. Оно началось с прочтения высочайшей грамоты за подписью Николая II, в которой давалась высокая оценка научно-педагогической деятельности лицея, в частности, говорилось, что лицей, «просвещая питомцев в духе истинно научного правоповедения, требующем непоколебимого уважения к закону, и воспитывая их в нелицеприятной преданности исконным заветам русского исторического правосознания, потщится пребыть верным и впредь своему достохвальному прошлому»¹⁴². Читались посвященные лицее стихи. Много говорилось о заслугах этого учебного заведения в развитии высшего, особенно юридического, образования в России, звучали приветственные адреса от Московского, Петербургского, Киевского, Харьковского, Казанского и Томского университетов. Было наиболее ярким и отличалось особой теплотой выступление представителя Московского университета, бывшего профессора лицея И. Т. Тарасова. Он говорил: «Университет, сеющий правду светом знания, братски протягивает руку лицее, стремящемуся к той же цели, но в более тесной сфере знаний, исключительно юридической»¹⁴³.

Губернатор А. П. Рогович высказался в своем приветствии за преобразование лицея в университет в соответствии с пожеланием П. Г. Демидова: «В библиотеке лицея мне пришлось видеть несколько книг, принадлежавших его основателю, на корешках которых его рукою сделана надпись: "Принадлежит Ярославскому университету", и мне думается, что эта надпись, сделанная сто лет тому назад, имеет значение прогрессивное. Думается, что в дальнейшей своей научной деятельности лицей не останется в пределах, ныне ему положенных; уже слышатся все чаще мнения и пожелания, что лицей должно расширить и довести его до состава университета с присоединением двух факультетов»¹⁴⁴.

¹⁴¹ На торжестве присутствовали бывшие профессора лицея И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, В. Ф. Левитский, О. О. Эйхельман, В. А. Юшкевич.

¹⁴² Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 225.

¹⁴³ Цит. по: Там же. С. 228.

¹⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 225–226.

Уверенность в том, что такое преобразование состоится, высказывали и другие выступавшие на торжестве лица.

Священник Дмитриево-Солунской церкви Дмитрий Красотин прочел адрес от духовенства ярославской епархии, в котором выражалась благодарность лицу за то, что он держал широко открытыми двери для детей духовенства, семинаристов. С большой речью «Столетие училища имени Демидова» выступил директор юридического лицея, заслуженный ординарный профессор С. М. Шпилевский. Председательствовал на торжественном собрании почетный попечитель лицея П. А. Демидов.

К столетию лицея был написан и издан в Ярославле исторический очерк профессора В. Г. Щеглова «Высшее учебное заведение в Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности». Приват-доцент лицея Е. Д. Синицкий опубликовал в «Вестнике воспитания» очерк о лицее. Даже местное дворянство, чинившее на протяжении почти ста лет многочисленные препятствия лицу, наконец признало его заслуги и преподнесло юбиляру благодарственный адрес, который был прочитан и вручен директору лицея ярославским губернским предводителем дворянства С. В. Михалковым. В адресе говорилось: «Долг справедливости заставляет ярославское дворянство признать заслуги ныне чествуемого заведения на пользу просвещения дворян местного края»¹⁴⁵. Выпускники юридического лицея *Л. Н. Казанцев*, *И. Я. Гурлянд*, *А. С. Невзоров*, *В. А. Удинцов*, *В. А. Гаген*, *В. Н. Ширяев* стали ординарными профессорами, известными учеными. *В. А. Удинцов* был деканом юридического факультета Петербургского университета. *В. Н. Ширяеву* предстояло возглавить Демидовский юридический лицей, а затем Ярославский университет. Приват-доцентами лицея стали его выпускники *А. Е. Минервин* (первым из выпускников оставлен на преподавательскую работу в 1883 г., умер в 1898 г.), *П. Г. Беседкин* (умер в 1892 г.) и *С. П. Покровский* (1880 – после 1928). Последний имел степень магистра государственного права. Его перу принадлежит один из дореволюционных очерков о Лицее. Впоследствии он был профессором в ряде университетов.

Юбилей Лицея послужил толчком для новых пожертвований в фонд «Попечительства о недостаточных студентах».

¹⁴⁵ Цит. по: Покровский С. П. Указ. соч. С. 242.

1908 рублей были пожертвованы почетным попечителем П. А. Демидовым. Ярославские адвокаты, бывшие лицеисты, пожертвовали в память столетнего юбилея 2800 рублей. Городской думой была утверждена юбилейная стипендия. *С 1874 по 1903 гг. Демидовский юридический лицей окончило 1532 человека, в том числе 87 кандидатами, 467 с правом на кандидата и 978 действительными студентами. Всего за 100 лет существования Демидовского высшего учебного заведения его окончили 2409 человек*¹⁴⁶.

К 1914 г. число стипендий для недостаточных студентов возросло до 54. Из них: 27 – Демидовских, 11 – ярославского дворянства, 2 – города Ярославля, 3 – генерала А. В. Глинки, 2 – генерал-майора И. И. Болдырева, 1 – архиепископа Леонида, 1 – профессора С. М. Шпилевского, 1 – купца А. Д. Топленникова, 1 – статского советника Д. Н. Соколова, 1 – дворянки М. П. Макиной, 1 – Мухиных, 1 – Н. К. Бодиско, 1 – адвокатов-лицеистов.

Демидовский юридический лицей был во многом уникальным и выдающимся вузом. Повторимся, что по числу студентов он уступал только юридическим факультетам Московского и Петербургского университетов, а по числу периодических изданий был вне конкуренции. Наряду со сборником «Временник Демидовского юридического лицея» (1872–1917), это – «Юридическая библиография» (1907–1917) и «Юридические записки Демидовского юридического лицея» (1908–1914). В лицее раньше, чем в университетах, был введен курс торгового права. Римское право читалось в большем объеме, впоследствии институции, история и догма римского права преподавались как три самостоятельных предмета. Отличался лицей и фундаментальным уровнем общеобразовательной подготовки, последовательным культивированием интереса к проблемам истории, культуры и искусства. Видимо, неслучайно в числе его студентов оказались поэты *К. Д. Бальмонт* (1867–1942), *М. А. Богданович* (1891–1917) и *А. Э. Бугон* (1871 – до 1911), писатель-фантаст *А. Р. Беляев* (1884–1942), драматурги и писатели *И. Я. Гурлянд* (1868 – после 1921) и *А. А. Потехин* (1829–

¹⁴⁶ См.: Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в Ярославле им. Демидова в первый век его основания и деятельности (6 июня 1803–1903 гг.). С. 275.

1908), философы *К. Н. Леонтьев* (1831–1891) и *Н. М. Тарабукин* (1889–1956). К числу видных историков-краеведов можно отнести многих лицейских ученых, в том числе *К. Д. Головицкова*, *И. И. Дитяткина*, *И. Я. Гурлянда*, *С. П. Покровского*, *С. М. Шпилевского* и др. Студентом, а впоследствии и преподавателем Демидовского юридического лицея был юрист, историк и культуролог, один из основателей евразийства *В. А. Рязановский* (1884–1968).

В лицее устанавливались более тесные человеческие контакты, что было свойственно для провинциальной социальной среды того периода. Этому способствовал, условно говоря, «дух кампуса», университетского городка, где преподаватели проживали относительно компактно, тесно общались между собой и со студентами, активно взаимодействовали с представителями власти. На этот процесс повлияло создание Ярославского юридического общества в 1896 г., о чем уже упоминалось выше. О его деятельности неоднократно сообщала центральная печать¹⁴⁷. В работе Общества принимали активное участие не только лицейские преподаватели и практикующие юристы, но и руководители губернии, начиная с губернатора *Б. В. Штюмера*, юриста по образованию, ставшего впоследствии главой правительства России.

В Демидовском юридическом лицее были более либеральные нравы, а вмешательство центральной администрации в учебный процесс было менее активным. Более демократичным был и состав студентов. К последней четверти XIX в., как уже указывалось, среди них преобладали разночинцы. На учебу принимались лица, отчисленные из средних учебных заведений и университетов по политическим мотивам. Это касалось и вполне умеренных либералов, но в большей степени – учащихся, придерживавшихся марксистских взглядов. Так, в число студентов был принят исключенный из духовной семинарии *Н. И. Подвойский* (1880–1948), который лицей так и не закончил. То же самое произошло и с исключенным из Казанского университета *А. М. Стопани* (1871–1932), который создал в 1895 г. первый марксистский кружок в Ярославле. Исключенный из Московского университета *С. М. Кедров* (1878–1941) не

¹⁴⁷ См.: Ярославское юридическое общество // *Право*. 1899. № 15. С. 794–802; 1900. № 7. С. 409–411 и др.

только окончил лицей, но и был представлен к награждению серебряной медалью за сочинение о налоговой системе Пруссии. Ярославские студенты живо откликались на все общественные события, а в начале XX в. создается Ярославский студенческий комитет, председателем которого был Н. И. Подвойский, а активными участниками – лицеисты А. П. Доливо-Добровольский, М. С. Кедров и др.

Подбор преподавателей также позволял говорить о последовательном либерализме руководства вуза. Например, уволенный по политическим мотивам из Новороссийского университета *Р. М. Орженуцкий* в 1906 г. был принят приват-доцентом лицея, где преподавал многие годы. «Неблагонадежные», с точки зрения властей, преподаватели традиционно находили пристанище на лицейских кафедрах. Наиболее известными из них были марксист *Н. Н. Полянский*, социалисты *Б. А. Кистяковский* и *Б. В. Чредин*. Неслучайно первая кадетская организация в Ярославской губернии была создана во многом на базе лицея, а возглавил ее приват-доцент В. Н. Ширяев. Среди депутатов II Государственной думы от Ярославской губернии был приват-доцент лицея *М. П. Бобин* (1866–?), возглавлявший одну из думских комиссий.

В числе преподавателей оказывались и «не вписавшиеся» в традиционную университетскую иерархию ученые. Так, теоретик права *А. А. Рождественский* при защите магистерской диссертации «Теория субъективных публичных прав. I. Основные теории субъективных публичных прав» в Московском университете в мае 1913 г. был подвергнут уничтожающей критике, а его оппоненты профессор А. И. Елистратов и приват-доцент И. А. Ильин не сказали о работе практически ни одного «доброе» слова¹⁴⁸. Основания для этого были, особенно по части формы работы. Вместе с тем постановка проблемы была достаточно интересной и плодотворной. Можно понять, почему вскоре Рождественский оказался в числе преподавателей не Московского университета, а Ярославского.

Как мы уже упоминали выше, лицей служил своеобразной школой и базой для подготовки профессоров, занимавших впоследствии кафедры на юридических факультетах университетов. Таковых к 1917 г. оказалось около 40. Типичной была си-

¹⁴⁸ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 19. С. 1230–1235.

туация, когда молодой магистр права приглашался в Ярославль, а через 3–8 лет, защитив докторскую диссертацию, переходил для занятия кафедры в один из университетов, очень часто Московский или Петербургский. При этом значительная часть преподавателей оставалась в лицее на период всей педагогической карьеры или на 10–20 лет. Конечно, работа в университете была до некоторой степени более престижной, давала больше возможностей для дополнительного заработка, позволяла завести деловые и научные связи, облегчала переход на государственную службу в центральный аппарат. Но и лицей имел целый ряд преимуществ, притягивающих к нему лучшие научные силы. Таким образом, происходил своеобразный обмен преподавательским составом, когда на место ушедших в университеты профессоров приходили молодые преподаватели, вскоре входящие в элиту ученых-юристов. Например, в 1906 г. сразу три ведущих профессора лицея перевелись на юридический факультет Харьковского университета. Это цивилист и специалист по гражданскому процессу *В. М. Гордон*, теоретик права *Н. И. Палиенко* и специалист по церковному законоведению *Е. Н. Темниковский*. Но на их место пришли соответственно из Томского университета приват-доцент *С. Е. Сабинин* и два профессора Варшавского университета – *Ф. В. Тарановский* и *П. В. Гидулянов*.

Возникновению феномена Демидовского юридического лицея способствовало и то, что он находился относительно недалеко от Москвы и часть преподавателей могла вести занятия в Ярославле, проживая и ведя преподавательскую деятельность и в Москве. Нередкими были и случаи, когда основным местом работы оставался лицей, а преподавание в столичных вузах осуществлялось по совместительству. Например, в 1906–1907 гг. лекции в Петербургском университете вели лицейские профессора – статистик и экономист *Р. М. Орженцкий* и криминалист *М. П. Чубинский*. В Московском университете вели занятия лицейские преподаватели цивилист *С. Е. Сабинин*, криминалист *Г. С. Фельдштейн*, специалист по церковному праву *П. В. Гидулянов*¹⁴⁹. Такая ситуация сохранилась отчасти и в 1918–1923 гг. в Ярославском государственном университете, о чем речь пойдет в следующей главе. Близость к обоим сто-

¹⁴⁹ См.: Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 56–60.

лицам этому способствовала, так же как и налаживанию межличностных контактов ученых. Все это позволило иметь замечательный контингент преподавателей, активно занимающихся научной работой.

Революция 1905–1907 гг. оказала, как известно, сильное воздействие на умы, возвысила гражданский дух общества. Значительная часть лицейского студенчества участвовала в революционном движении. Как уже указывалось, из его среды вышли такие видные революционные деятели, как Н. И. Подвойский, М. С. Кедров, А. М. Стопани.

О политических и революционных акциях ярославских лицейцев много писалось, поэтому, видимо, нет необходимости на них подробно останавливаться. Но недостаточно выясненным остается вопрос об отношении лицейской профессуры к революционному подъему масс. И мы не претендуем на его полное выяснение, поскольку эта проблема составляет предмет специального исследования. Некоторый свет на этот вопрос проливает вышедший в 1906 г. труд будущего приват-доцента, а в то время студента лицея С. П. Покровского «Министерская власть в России в освободительную эпоху». Один из фрагментов этого историко-юридического исследования звучит как апофеоз охватившей Россию революции. «Началась, – пишет С. П. Покровский, – Великая Российская революция. Мы говорим "Великая", сознавая ее великое историческое социально-политическое значение не только для одной России, но и для всех стран. Известно, что вместе с русским освободительным движением появилось и столь могущественное движение во всех странах, направленное на такое изменение управления, чтобы оно служило видам трудовых классов. Отныне это стремление делается лозунгом объединенного освободительного движения всюду. На долю России выпала величайшая миссия, большая, чем выпала на долю Франции во время ее Великой революции. Течение времени, его дух сообщает всероссийскому движению более возвышенный характер, создавая для него те идеи, которых не имела в свою революцию Франция. В России революция стремится разрушить политический и социальный строй. И тот и другой оказались совершенно не отвечающими большинству русского народа. Россия оказалась волею судеб во главе величайшего движения, которое не в со-

стоянии остановить никакие человеческие усилия, никакие человеческие жертвы»¹⁵⁰.

Разумеется, не вся профессура лицея испытывала столь восторженное отношение к революции. Но в большинстве своем она ратовала за радикальные демократические преобразования государственного строя, за дальнейшее конституционное развитие России. Являясь гласным Ярославской городской думы, приват-доцент лицея В. Н. Ширяев на одном из заседаний выступил с требованием публичного обвинения городского головы И. А. Вахромеева, тайно выделявшего средства на содержание в Ярославле, разумеется, в усмирительных целях казачьей сотни¹⁵¹.

Характеризуя революционные настроения ярославского студенчества, хотелось бы внести одну уточняющую деталь. Под воздействием духа времени студенты лицея не бросились, как говорится, сломя голову в революцию, махнув рукой на учебу. В основной своей массе они дорожили учебой. Объявляя забастовки, выдвигая политические требования, они не теряли чувства реальности, подчинялись разумной необходимости.

Так, из публикации в Петербургской юридической газете «Право» мы узнаем о состоявшемся 26 сентября 1906 г. общем собрании студентов ярославского лицея, постановившем прекратить забастовку. Газета сообщила: «Общее собрание студентов Демидовского лицея приняло 236 голосами против 8 при 27 воздержавшихся резолюцию прекратить забастовку как пассивное средство борьбы, не достигающее в настоящее время своего назначения, открыть лицей для возобновления академической жизни, предоставив полную свободу в стенах лицея желающим заниматься наукой, под неперменным условием взаимного непрепятствования и недопущения таких действий, которые повлекли бы за собой закрытие лицея. Настоящая резолюция сохраняет свою силу впредь до того времени, пока не последует особых обстоятельств, которые заставят отказаться от принятого решения»¹⁵². Отметим, что интерес студентов лицея к политике был достаточно традиционен. Часть из них в свое время

¹⁵⁰ Покровский С. П. Министерская власть в России в освободительную эпоху. Ч. III. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906. С. 594–595.

¹⁵¹ См.: Право. 1905. № 32. С. 2628.

¹⁵² Право. 1905. № 39. С. 3267.

сочувствовала народническому движению, а воспитанник лицея *А. В. Гедеоновский* (1859–1928) был народовольцем, а затем одним из основателей партии эсеров.

В 1904 г. ушел в отставку по болезни С. М. Шпилевский. Видимо, происходившие в стране, а следовательно, и в лицейской студенческой среде процессы, подрывавшие традиционные устои российской государственности, которыми он как славянофил очень дорожил, болезненно им воспринимались, сильно отразились на его здоровье, да и возраст давал о себе знать.

Директорство С. М. Шпилевского было самым длительным в истории лицея. Последний во многом обязан этому видному деятелю народного просвещения постоянным ростом своего значения. Под руководством С. М. Шпилевского плодотворно трудились в лицее, всемерно совершенствуя свое преподавательское мастерство и развертывая научно-творческий потенциал, такие видные юристы, как А. Е. Назимов, Е. Н. Трубецкой, *А. Н. Ладыженский*, Л. С. Белогриц-Котляревский, *А. К. Вульферт*, М. П. Чубинский, И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, Н. И. Палиенко, А. В. Удинцов, *С. П. Никонов*, И. Г. Табашников, *А. А. Пионтковский*, *В. А. Юшкевич*, Н. С. Суворов, В. М. Гордон, В. Г. Щеглов и др.

1 июля 1904 г. новым директором лицея был назначен доктор финансового права, действительный статский советник **Эдуард Николаевич Берендтс** (1860 – после 1924). Хотя последний к моменту определения на должность директора не работал в лицее, он не был для учебного заведения сторонним человеком. После окончания в 1884 г. юридического факультета Петербургского университета со степенью кандидата он служил в Департаменте государственного казначейства Министерства государственных имуществ. Далее уже в качестве экстраординарного профессора Э. Н. Берендтс 10 лет (с 1891 по 1900 гг.) преподавал в лицее, читал курсы административного и государственного права. В эти годы он принимал активное участие в краеведении и архивном движении Ярославской губернии, был в 1894–1900 гг. председателем губернской архивной комиссии, а также с 1896 г. товарищем председателя «Ярославского юридического общества».

В 1900 г. как крупнейший в стране специалист по финляндскому праву Э. Н. Берендтс был назначен помощником статс-секретаря министра по делам Великого княжества Финляндско-

го. Одно время он преподавал финляндское право в Петербургском университете. В связи с выходом 27 августа 1905 г. новых министерских правил, предусмотревших выборность должности директора, Э. Н. Берендтс 3 сентября 1905 г. избирается Советом и становится первым выборным директором Демидовского юридического лица.

Его директорство было, пожалуй, самым беспокойным. На этот период в связи с общим подъемом революционного движения в стране падают наиболее радикальные и массовые политические акции лицейского студенчества. Видимо, в связи с этим он подал прошение об отставке и 2 декабря 1905 г. был уволен с должности директора. После отставки Э. Н. Берендтс издавал газету «Северянин», с 1907 г. стал профессором училища правоведения в столице. Революцию 1917 г. он не принял, эмигрировал в Прибалтику, где некоторое время преподавал и занимался научной работой в Таллине. Последние из изданных им работ датируются 1924 г.

После отставки Э. Н. Берендтса временно исполнял должность директора профессор лица В. Г. Щеглов, назначенный в 1905 г. заместителем директора. В 1906 г. директором назначается ученик А. Ф. Кистяковского, криминалист **Михаил Петрович Чубинский** (1871–1943), сын известного украинского этнографа П. П. Чубинского. Это был выпускник юридического факультета Киевского университета, где с 1897 г. он стал приват-доцентом. Затем последовала длительная научная зарубежная командировка и защита в 1900 г.

М. П. Чубинский

магистерской диссертации. Далее он был профессором по кафедре уголовного права Демидовского юридического лица (1900–1902 гг.), профессором той же кафедры в Харьковском университете, с 1906 г. приват-доцентом столичного университета (за отсутствием профессорской вакансии). С этой должности он и был назначен директором лица. Директорство М. П. Чубинского не примечательно большими событиями. В 1908 г., как и в университетах, в лице вводятся должность

проректора, вместо многие года существовавшей и имевшей полицейскую подоплеку инспекторской должности.

В начале XX столетия Демидовский юридический лицей продолжал отличаться демократическим составом своего студенчества. Об этом наглядно свидетельствуют статистические данные, относящиеся к 1906 г. По состоянию на 1 января этого года лицеисты по своему социальному происхождению, при общей их численности в 886 человек, распределились следующим образом: дворян – 64, детей чиновников – 139, детей духовенства – 404, детей военных – 16, потомственных почетных граждан – 23, детей купцов – 31, мещан – 95, крестьян – 94. Особенно показательна последняя цифра. К тому времени для крестьянина поступление в учебное заведение еще осложнялось получением увольнительного приговора крестьянского сельского общества. Это стеснительное для крестьянина законоустановление было отменено только Указом 5 октября 1906 г. (так называемая «Крестьянская конституция»), тем не менее довольно большое (для такого времени) число крестьян сумело пробиться в Лицей, преодолеть все препоны, что свидетельствует об огромной тяге этого самого обездоленного сословия общества к знанию. Определенный интерес представляет деление студентов по признаку вероисповедательному: 809 лиц – православного вероисповедания, 5 – римско-католического, 12 – евангелически лютеранского, 38 – иудейского, 1 – магометанского, 1 – армяно-григорианского¹⁵³.

13 декабря 1906 г. министром народного просвещения были утверждены «Правила об учебных занятиях студентов Демидовского юридического лицея согласно предметной системе». Лицеистам вновь предоставлялась некоторая свобода в определении порядка слушания лекций и сдачи экзаменов. Устанавливались четыре экзаменационные сессии: в сентябре, декабре, январе и мае.

Вместо 5-балльной системы, вводились, как и в университетах, для оценки степени студенческих знаний три экзаменационных оценки (весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Теперь право на присуждение кандидатской степени приобреталось с получением в течение

¹⁵³ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1909. Кн. 95. С. 6–7.

курса обучения более половины высших, т. е. «весьма удовлетворительных оценок».

Согласно новому учебному плану, предметы распределялись на четыре года в следующем порядке.

Первый год: богословие, история русского права, история римского права, энциклопедия права, всеобщая история права.

Второй год: политическая экономия, государственное право, римское право, история философии права, статистика и история юридической литературы.

Третий год: гражданское право с практическими занятиями, административное право, уголовная политика.

Четвертый год: гражданский процесс, уголовный процесс, церковное право, международное право и торговое право¹⁵⁴.

Уголовная политика, статистика и история юридической литературы этим учебным планом были отнесены к числу необязательных. Первая из «несколько униженных дисциплин» введена в сферу преподавания директором лицея М. П. Чубинским. «История юридической литературы» читалась крупным специалистом в области истории уголовного права Г. С. Фельдштейном. Статистика вскоре обрела статус обязательной дисциплины.

Но, как мы видим, из учебного плана исчезают как особый курс «Институции римского права», что, конечно, сужало объем преподавания римского права, имевший столь важное значение для научной подготовки студентов¹⁵⁵. Но вскоре ее преподавание было восстановлено.

Новым учебным планом устанавливался порядок, согласно которому студент в начале учебного года должен был записываться на слушание лекций по определенным предметам лицейского курса по выбору. Если раньше лицеист обязан был ежегодно предоставлять и защищать письменную работу, то теперь

¹⁵⁴ См.: Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. С. 214.

¹⁵⁵ Уровень научной подготовки лицеистов, нацеленной на развитие юридического мышления, оставался по-прежнему высоким. Работавший долгое время в органах прокуратуры Ярославской области выпускник лицея 1913 г. В. Г. Чулимков блестяще демонстрировал своим коллегам этот уровень, будучи уже в преклонном возрасте. В 1958 г. В. Г. Чулимков ушел на пенсию с должности старшего помощника прокурора области. Умер в 1981 г.

он обязывался к написанию и представлению четырех письменных работ по четырем группам наук в течение всего срока обучения, не будучи связанным, как прежде, конкретными сроками их представления. В 1908 г. численность студентов лицея достигает своей высшей отметки. В нем в этом году обучалось 1053 человека.

В сентябре 1909 г. М. П. Чубинский переводится в Александровский лицей. Скорее всего, причиной ухода из Лицея послужила профессорская неудовлетворенность. Из-за занятости кафедры уголовного права ординарным профессором Г. С. Фельдштейном криминалисту М. П. Чубинскому приходилось преподавать далеко не родственный ему предмет – историю русского права. Чтение одного необязательного спецкурса «Уголовной политики», видимо, не могло вполне удовлетворить его преподавательских интересов. В Александровском лицее ему была предоставлена кафедра уголовного права.

В 1917 г. Временным правительством М. П. Чубинский был назначен сенатором Уголовного Кассационного департамента Сената, а с его упразднением переехал на Украину, где состоял министром юстиции в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. С утверждением на Украине советской власти эмигрировал в Сербию, был профессором Люблянского университета, участвовал в законодательной комиссии по составлению Уголовного кодекса Югославии.

В 1910 г. на должность директора был избран доктор государственного права, заслуженный ординарный профессор **Владимир Георгиевич Щеглов** (1854–1927)¹⁵⁶, прослуживший к тому времени в лицее четверть века. Через три года он был переизбран на эту должность и оставался в ней до 1917 г. Первоначально В. Г. Щеглов был связан с Казанским университетом, юридический фа-

В. Г. Щеглов

¹⁵⁶ См.: Егоров С. А. Видный представитель Ярославской юридической школы В. Г. Щеглов // Юридические записки ЯрГУ. Ярославль, 1998. Вып. 2. С. 62–71.

культет которого он окончил и где защитил в 1884 г. магистерскую диссертацию. В том же году он назначается на должность доцента по кафедре энциклопедии права в лицей, а его труды на благо ярославской юридической школы закончатся только в 1923 г.

1910 г. был отмечен новой полосой студенческих волнений в лицее. 13 февраля 1912 г. Министерством внутренних дел был утвержден «Устав Академического союза студентов» Демидовского юридического лица, «ставивший целью содействие правильному и спокойному течению академической жизни среди студентов Демидовского юридического лица, объединение своих членов в тесную товарищескую семью и оказание им нравственной и, по мере возможности, материальной поддержки»¹⁵⁷. Созданное при «Академическом союзе» Бюро труда проявляло заботу о подыскании для нуждающихся лицеистов временных или постоянных заработков.

Недостаточные студенты лицея получали возможность пользоваться кассой взаимной помощи, выдававшей ссуды: краткосрочные (до одного месяца) и долгосрочные (до одного года). Последние не превышали 100 рублей и выдавались под расписку в форме заемного письма. На них начислялось 2 процента годовых. Краткосрочные ссуды выделялись в пределах 10 руб.

В директорство В. Г. Щеглова 17 июля 1912 г. министром вводятся новые «Правила для студентов лицея по предметной системе», которыми ограничивалась свобода студенческого «самоопределения» в учебных вопросах. Введена определенная последовательность в сдаче экзаменов, обязательность слушания лекций. Представление к назначенному сроку студенческого сочинения служило теперь условием допущения к сдаче экзамена. Историк лицея С. П. Покровский полагает, что установление этих строгостей продиктовано интересами дела, поскольку действовавшая ранее система «благоприятствовала» беспорядочности занятий, располагала студентов к безответственности, притупляла чувство обязательности. Новыми правилами устанавливались две сессии – весенняя и осенняя. Несколькo усложнялось получение кандидатских степеней. Пра-

¹⁵⁷ Цит. по: Егоров А. Д. Указ. соч. С. 168.

вила 1912 г. установили как обязательное условие иметь 14 высших оценок (весьма удовлетворительных)¹⁵⁸.

И на последнем этапе своего исторического пути, и в первом, и во втором десятилетиях XX века Демидовский юридический лицей располагал первоклассными научно-педагогическими силами. В этот период на его кафедрах трудились такие видные ученые-юристы, как В. М. Гордон, И. Я. Гурлянд, С. П. Никонов, Н. И. Палиенко, Э. Н. Берендтс, М. П. Чубинский, Е. Н. Темниковский, Г. С. Федьдштейн, Ф. В. Тарановский, П. В. Гидулянов, Н. Н. Полянский, С. Е. Сабинин, *А. Л. Байков*, *А. А. Рождественский*, *А. Р. Свищевский* и др. Последовательно возрастало значение лицея как научного учреждения. С 1912 по 1917 гг. (с перерывами) в лицее преподавал *Л. С. Таль*, ставший отцом-основателем нового научного направления и отрасли отечественного права, а именно трудового права. Свои основные работы он подготовил в период работы в лицее, да и опубликовал в значительной части в Ярославле.

В мае 1913 г. в лицее преподавали: профессора Д. С. Глаголев (богословие), *Т. М. Яблочков* (институции римского права, гражданское право, гражданский процесс), Р. М. Орженцкий (политическая экономия, статистика), В. Г. Щеглов (государственное право), В. Н. Ширяев (уголовное право), *Н. Н. Голубев* (административное право), *В. Н. Мышцын* (церковное право), приват-доценты Б. Н. Фрезе (история римского права, догма римского права), Б. А. Кистяковский (энциклопедия права, история философии права), С. П. Покровский (всеобщая история права), Е. Д. Сеницкий (уголовный процесс), А. В. Шмидт (международное право), Л. С. Таль (торговое право), И. О. Зубов (судебная медицина), а также преподаватели иностранных языков П. А. Шансель и О. Ф. Лилиенталь¹⁵⁹. П. А. Шансель был не только специалистом по французскому языку, но и выпускником юридического факультета Сорбонны.

В 1907 г. выделилась из «Временника Демидовского юридического лицея» «Юридическая библиография» и стала самостоятельным изданием, позволяющим юристам, как теорети-

¹⁵⁸ См.: Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. С. 237.

¹⁵⁹ ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–2.

кам, так и практикам, следить за новинками в области юридической литературы. За период с 1907 по 1917 гг. вышло 40 выпусков «Юридической библиографии». Это был единственный в России юридический библиографический журнал и одно из самых лучших изданий в области библиографии.

Вскоре лицей добился права издавать «Юридические записки», предназначенные для печатания небольших по объему (до 3-х печатных листов) научных работ профессоров. Общий же объем этого издания составил 10 печатных листов. «Записки» выходили 3–4 раза в год, всего вышло 30 выпусков. Теперь Демидовский юридический лицей стал самым богатым по своим изданиям высшим учебным заведением России.

Продолжала пополняться лицейская библиотека. К 1914 г. в ее фондах числилось свыше 53 тысяч томов научной и учебной литературы, не считая брошюр. С начала XX в. при библиотеке действовала студенческая читальня. Библиотека имела отдел папирусов. К фондам лицейской библиотеки, содержащим много редких изданий, часто обращались ученые ведущих университетов страны и не только по юридическим вопросам.

В 1917 г. на посту директора В. Г. Щеглова сменил доктор уголовного права, профессор **Валерьян Николаевич Ширяев (1872–1937)**¹⁶⁰. Его личность примечательна прежде всего тем, что он стал первым выпускником Демидовского юридического лицея, возглавившим свой родной вуз. Более того, он был не только последним директором Демидовского юридического лицея, но и первым ректором Ярославского госуниверситета, о чем будет сказано в следующей главе.

В. Н. Ширяев

В. Н. Ширяев родился в Ярославле в семье священника 15 апреля 1872 г., окончил Ярославскую классическую гимназию в 1891 г. Затем он поступил в Демидовский юридический лицей, обучение в котором окончил в 1895 г. со степенью кан-

¹⁶⁰ См.: Егоров С. А. В. Н. Ширяев. Научное и общественное служение // Государство и право. 2003. № 5. С. 69–75.

дидата наук и серебряной медалью за выпускное сочинение¹⁶¹. В. Н. Ширяев принадлежал к классической школе уголовного права, представители которой видели задачу своей науки в разработке догм права. К этой школе принадлежал и его лицейский учитель А. К. Вульферт. После получения диплома В. Н. Ширяев был зачислен вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета, где он прослушал ряд спецкурсов и начал научную работу под руководством профессоров Н. Д. Сергеевского (в прошлом профессора Демидовского юридического лица) и И. Я. Фойницкого. В 1899 г. Валерьян Николаевич командировается за границу с научной целью, а по возвращении в 1902 г. выдерживает магистерский экзамен по уголовному праву в Харьковском университете. Его достаточно поздний переход на кафедру уголовного права лица был связан с тем, что ее долгие годы занимал видный криминалист Г. С. Фельдштейн. С 1904 г. В. Н. Ширяев утверждается приват-доцентом по кафедре истории русского права Демидовского юридического лица. В 1910 г. он защищает в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Религиозные преступления. Историко-догматические очерки» (опубликована в Ярославле в 1909 г.). После этого он утверждается экстраординарным профессором по кафедре истории русского права, а в 1912 г. – по кафедре уголовного права и судопроизводства.

В. Н. Ширяев принимал активное участие в общественной жизни еще со студенческой скамьи. В 1906 г. он возглавил губернский отдел партии кадетов и являлся одним из самых ярких политических лидеров губернского масштаба. Одновременно он был гласным Ярославской городской думы, на одном из заседаний которой, как уже упоминалось выше, выступил с требованием публичного обвинения городского головы И. А. Вахромеева, тайно выделившего средства на содержание в Ярославле усмирительной казачьей сотни в годы Первой русской революции. При этом он продолжал активно заниматься научной работой. В 1916 г. кафедру уголовного права занял Н. Н. Полянский, а В. Н. Ширяев был избран профессором по кафедре уголовного права и судопроизводства Казанского университета. В следующем году он защитил докторскую диссер-

¹⁶¹ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 4772. (Личное дело В. Н. Ширяева).

тацию в Юрьевском (Дерптском) университете и вернулся обратно в Ярославль. Наконец, после возвращения в лицей В. Н. Ширяев избирается его директором и остается таковым вплоть до его преобразования в университет. Его отличали независимость суждений и взвешенность действий, сочетание требовательности с уважительным отношением и безупречной корректностью. Он пользовался не только уважением, но и любовью сотрудников вуза.

С 1906 г. начинают возникать проекты преобразования лицея в университет. Этот вопрос обсуждался на губернских земских собраниях. Земство готово было предоставить для устройства клиник медицинского факультета наиболее благоустроенные земские больницы. Высказывалась мысль об использовании для организации Ярославского университета части средств, пожертвованных местным фабрикантом А. Л. Кекиным на учреждение университета в г. Ростове. Сумма пожертвования А. Л. Кекина превышала два миллиона.

Соответствующее прошение о преобразовании лицея в университет было направлено в Министерство народного просвещения. И одно время министерство подавало ярославцам надежду. В правительственных кругах вынашивалась мысль о закрытии Варшавского университета и передаче его «наличных средств и научных сил» преобразуемому в университет Демидовскому юридическому лицу¹⁶². Впрочем, «наличные средства и научные силы» Варшавского университета были переведены в Ростов-на-Дону, где на их базе был создан Донской университет (впоследствии ставший Ростовским государственным университетом).

Первая мировая война затронула и лицей, несмотря на то что Ярославль не был прифронтовым городом. Положение Совета министров от 30 сентября 1914 г., которое ежегодно возобновлялось, отменило отсрочку от военной службы студентов, включая выпускников. «Достойных и способных» направляли в военные училища. В итоге лицеисты становились юнкерами преимущественно столичных пехотных учи-

¹⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 236. Д. 131. Л. 3–7 и далее. Стоит отметить, что первое ходатайство ярославского дворянства о преобразовании Демидовского юридического лицея в университет было подано еще в 1881 г., но оно без особого результата обсуждалось в высших государственных инстанциях до 1885 г. (см.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 32. Л. 2 и далее).

лиц: Алексеевского и Александровского в Москве и Павловского в Петербурге¹⁶³. Около ста студентов лицея окончили краткосрочный курс обучения военных училищ и офицерами были направлены на фронт. Часть выпускников лицея и до начала Первой мировой войны выбирали военную карьеру, а до середины XIX в. число поступивших первоначально на военную службу сопоставимо с числом выбравших гражданскую стезю. Этому способствовало и то, что они приравнивались в части преимуществ к выпускникам университета и через шесть месяцев после поступления на службу в качестве вольноопределяющихся имели право на производство в первый офицерский чин независимо от наличия офицерских вакансий. Среди выпускников Демидовского лицея было несколько десятков достигших больших служебных высот и общероссийской известности, ставших кавалерами высшего военного ордена Святого Георгия, генералами и адмиралами. Это, например, командир одного из гвардейских полков *А. А. Кокорцов*, прошедший путь от подпоручика до полковника всего за 10 лет, герой войны с Турцией *С. П. Поливанов* (впоследствии достаточно известный поэт) и др.

Выпускник лицея 1898 г. *Вячеслав Евгеньевич Клочковский* (1873–1930) избрал карьеру военного моряка, был начальником дивизиона и бригады подводных лодок на Черном море, дослужился до воинского звания контр-адмирала. На борту крейсера «Адмирал Нахимов» он участвовал в печально известном Цусимском сражении. После гибели крейсера в бою 15 мая 1905 г. он отказался спастись, когда японцы начали подбирать плавающую в воде команду, и на следующий день был подобран корейскими рыбаками. Будучи поляком и католиком, он стал одним из организаторов военно-морского флота независимой Польши, где также стал контр-адмиралом. К сожалению, с 1914 г. все больше и больше студентов и выпускников лицея уже без права выбора оказывались в рядах сначала единой русской, а затем враждующих Красной и Белой армий¹⁶⁴. Но это уже совсем другая история.

¹⁶³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 51. Д. 434. Л. 299–327 и др.

¹⁶⁴ См.: Лушников А. М. Демидовский лицей и подготовка офицеров для русской армии // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Сб. Вып. 1. Ярославль, 1994. С. 24–26 и др.

После февральской революции 1917 г. в лицее, как и по всей стране, бушевали политические страсти. Большинство лицейстов и значительная часть профессуры встретили падение самодержавия позитивно, в диапазоне от понимания до восторженного приветствия. Снова встал вопрос о преобразовании Лицея в университет. Временное правительство приняло принципиальное решение о таком преобразовании, но события октября 1917 г. пустили ход истории по совсем другому руслу.

С 1903 по 1917 гг. лицей окончил (по оценочным данным) около 2000 человек. Более точную цифру установить не представляется возможным из-за гибели почти всего архива лицея при пожаре в июле 1918 г. Таким образом, Демидовский юридический лицей в 1874–1917 гг. окончил около 3500 человек, а всего высшее учебное заведение в Ярославле с 1805 (первый выпуск) по 1917 гг. – около 4400 человек.

В заключение напомним основные качественные и количественные характеристики ярославской юридической школы:

1. Демидовский юридический лицей к концу 70-х гг. XIX в. по числу студентов-юристов занимал первое место после столичных университетов. Он приобрел всероссийское значение. Его студентами состояли представители 34 губерний Российской империи.

2. По числу преподавателей-юристов в 1890 г. Демидовский юридический лицей уступал только Московскому и Петербургскому университетам, занимая равное положение с Киевским университетом, превосходя все остальные.

3. Издаваемая лицеем «Юридическая библиография» долгое время была единственным в России библиографическим юридическим журналом и одним из лучших изданий в области библиографии. В начале XX столетия лицей становится самым богатым по своим изданиям высшим учебным заведением России.

4. К 1914 г. в фондах лицейской библиотеки числилось 53 тысячи томов научной и учебной литературы, не считая брошюр. Библиотека имела отдел папирусов.

Глава 3. Методологические и методические основы лицейской концепции юридического образования

В течение довольно длительного периода (с 1868 по 1874 гг.) в правительственных сферах витала мысль об утверждении ярославского лицея в статусе специальной юридической школы, целенаправленно готовящей своих воспитанников к практической деятельности, к службе в органах юстиции. Эта мысль встретила решительное противодействие со стороны директора лицея М. Н. Капустина и его профессоров. В своей речи на торжественном акте 30 августа 1870 г., посвященном открытию юридического лицея, на котором присутствовал министр просвещения граф Д. А. Толстой, директор от имени педагогической корпорации лицея выразил твердое намерение отстаивать университетский научный профиль учебного заведения: «Мы употребим все силы, чтобы поддерживать на высоте науки наше преподавание, заботясь исключительно о научной подготовке молодых людей, которые поступают в лицей»¹⁶⁵.

В речи М. Н. Капустина был подвергнут резкой критике утилитарный подход к юридическому образованию как подготовке чиновников для юстиции и администрации, согласно государственной потребности в них. «Рассчитывать число обучающихся правоведению по числу штатных вакансий в различных учреждениях, – говорил он, – значило бы низводить науку на степень рутины и механического мастерства»¹⁶⁶. Талантливый педагог высшей школы указывал на вред подчинения обучения безусловно практике, на бесплодность усилий, сводимых к преподаванию «делопроизводства», юридической обрядности. Не следует забывать, подчеркивал он, что юридическая школа призвана готовить деятелей широкого профиля, способных проявить себя «на самых разнообразных поприщах жизни», что наука права развивает и укрепляет те силы, которые оказываются пригодными повсюду, она развивает «качества трезвого

¹⁶⁵ Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 г. С. 16.

¹⁶⁶ Там же. С. 5.

ума», прилагательные «ко всем родам деятельности»¹⁶⁷. М. Н. Капустин приводит в пример юриста К. Д. Ушинского, который делается народным педагогом и своими сочинениями дает быстрое движение делу образования.

Мысль о широком предназначении правоведения занимает важное место в исповедуемой М. Н. Капустиным концепции юридического образования. Не случайно она получает все более полное развитие в так называемых «Летописях» лицея¹⁶⁸. «Основательные знания права пригодны на всех поприщах жизни, способность к анализу явлений жизни, историческое понимание их, знакомство с великими законодательными памятниками древности и нового времени, с богатством юридического мышления, – все эти преимущества правоведения должны действовать плодотворно на образование характеров и на весь общественный строй»¹⁶⁹.

В летописи за 1880/1881 учебный год им вновь подчеркивается, что «юридическое образование пригодно не для одной судебной деятельности, оно имеет более общий характер. Специальность не означает исключительности»¹⁷⁰. Директор с удовлетворением констатирует тот факт, что «воспитанники лицея с полным знанием дела исправляют административные и учительные должности»¹⁷¹. М. Н. Капустин совершенно уверен

¹⁶⁷ Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 г. С. 5.

¹⁶⁸ Летописи – своеобразные отчеты за истекший учебный год, с которыми ежегодно директор лицея выступал на публичном собрании профессоров, студентов лицея, а также общественности города. В летописях фиксировались важнейшие события в жизни учебного заведения. Из них мы узнаем о новых научных достижениях лицея, составе его научно-педагогических сил, численности студентов, о географии распределения выпускников, служебной деятельности последних. Эта заложенная М. Н. Капустиным традиция свято чтится его преемником С. М. Шпилевским.

¹⁶⁹ Летопись с 30 августа 1872 г. по 30 августа 1873 г. // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 5. С. 423.

¹⁷⁰ Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 5.

¹⁷¹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 5.

в том, что запрос на научно образованных людей, поставляемых обществу юридической школой, никогда не прекратится¹⁷².

Из летописи за 1883/1884 учебный год мы узнаем о том, что окончивший курс кандидатом прав С. И. Крюков успешно трудился учителем реального училища в Курске. Выпускник князь М. Г. Пагава являлся директором Михайловского дворянского земельного банка в Кутаиси. А. Н. Блинов состоял заседателем крестьянского присутствия в г. Данилове Ярославской губернии, а выпускник А. А. Мирон – помощником попечителя калмыцкого народа в Астрахани.

Но выдвинутой М. Н. Капустиным концепции юридического образования не было чуждо понятие подготовленности выпускника к практической деятельности, однако ее достижение мыслилось не за счет освоения в период учебы практических приемов будущей деятельности, а посредством углубления научно-теоретической подготовки студентов, привития им навыков аналитического мышления. М. Н. Капустин был совершенно уверен в том, что получивший образование «с уклоном» в практическую сторону деятельности, окажется к ней в значительной мере хуже подготовленным, нежели научно образованный помимо практических целей выпускник. Поэтому у директора было полное основание заявить при открытии лицея: «Мы глубоко убеждены, – я говорю от имени педагогической корпорации лицея, – что в высшей степени практическая цель нашего училища может быть достигнута тем вернее, чем менее оно будет увлекаться практическим направлением»¹⁷³.

Еще более афористично эта мысль им была выражена в летописи за 1871/1872 учебный год. В обоснование преобладающего значения в деле подготовки специалиста научных начал образования М. Н. Капустин сказал: «Вообще, чем более школа станет преследовать практические задачи, тем беднее будет ее влияние на практику»¹⁷⁴. Конкретное проявление такого рода перекоса в юридическом образовании в сторону практическую он видит и в сосредоточении всего внимания студентов на изучение отечественного законодательства. «Конечно, – подчерки-

¹⁷² Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 г. С. 5.

¹⁷³ Там же. С. 16.

¹⁷⁴ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 6.

вает М. Н. Капустин, – национальное право составляет весьма важный предмет для юриста. Но не буква закона, не знание статей законодательного кодекса должны быть целью изучения, а способность понять смысл и значение отдельных дробных положений кодекса. Как бы ни было совершенно законодательство, оно никогда не представляет собою последнего слова юридической жизни народа, в нем никогда не сосредотачивается весь материал права. Если юрист ограничивается изучением действующих законов, то он не в состоянии будет отнестись к ним свободно, осветить их светом научных начал, внести свою долю в дело их усовершенствования»¹⁷⁵. Таким образом, М. Н. Капустин ориентирует студентов на строго научное изучение действующих законов, на постоянное руководство при этом идеей права, на проявление критического отношения к тому, что не сообразно этой идее, на внесение творческого вклада в дело совершенствования отечественного законодательства.

В целях усиления влияния научного элемента на подготовку студентов по настоянию М. Н. Капустина в лицее с 1872 г. вводится преподавание всеобщей истории права¹⁷⁶. Дисциплина эта, что называется, «прижилась» в лицее, тогда как в большинстве университетов, в том числе в Московском и Петербургском, кафедра всеобщей истории права оставалась незамещенной многие годы. Лицей не знал подобного явления.

Всеобщая история права всегда в нем преподавалась на высоком уровне. Курс этот читался магистрами права Н. Н. Ворошиловым, С. П. Покровским, докторами права В. В. Сокольским и В. Г. Щегловым. Преподавал эту дисциплину и директор лицея М. Н. Капустин. Его учебное руководство «Очерки истории права в Европе» является первым отечественным учебником по всеобщей истории права¹⁷⁷.

Дальнейшей разработке этой учебной и научной дисциплины посвящен труд М. Н. Капустина «История права. Часть 1».

¹⁷⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год.

¹⁷⁶ Такое название наука, изучающая историю зарубежных законодательств, впервые получала в учебном плане Демидовского юридического лицея. В университетском уставе 1863 г. она значилась как история важнейших иностранных законов, древних и новых.

¹⁷⁷ См.: Емельянова И. А. Всеобщая история права в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Ч. 1. Казань, 1981. С. 91.

М. Н. Капустин получил признание как основоположник науки «Всеобщая история права». Университетский Устав 1884 г., видимо, в связи с хронической незамещенностью, вообще ликвидировал в университетах кафедру всеобщей истории права, но в лицее она успешно функционировала вплоть до 1918 г., т. к. учебное заведение имени П. Г. Демидова жило по своему Уставу. Ратуя за освобождение юридического образования от преследования целей практического характера, отстаивая идею его широкого предназначения, М. Н. Капустин, вместе с тем, был противником включения в учебный план не связанных с юриспруденцией дисциплин, особенно политических. «Вводить предметы, ни по своему содержанию, ни по методу не сходные с юриспруденцией, – заявлял он, – значит, лишать школу ее единства и полноты, потому что все, стоящее вне области права, может быть вводимым только в ущерб и на счет юридических сведений»¹⁷⁸.

М. Н. Капустин как опытный педагог хорошо сознавал невозможность глубокого воздействия обучением в высшей школе на все духовные стороны личности учащегося. Кроме того, чрезмерно широкий спектр назначенных к изучению неродственных юридических дисциплин, по его мнению, мог серьезно повредить делу научного становления юриста. «Существует опасность, – подчеркивал директор в одной из летописей, – что юрист, не усвоивший себе во всей глубине науки права, потеряет понятие об обязанности и долге, в котором вся суть юридического мышления и смешает закон, как правило, для личной воли с чуждыми ей проявлениями причин и последствий»¹⁷⁹. Вместе с тем М. Н. Капустин прекрасно понимал важность обладания для юриста общекультурным кругозором, но полагал, что приобщение к иным сферам знания и культуры, должно быть предоставлено «дальнейшей самостоятельности молодых людей»¹⁸⁰, должно составлять для образованного человека дело всей его жизни. Юридическое образование будет в этом отношении добротной основой для дальнейшего развития и совершенствования личности. «Духовное творчество народов, выра-

¹⁷⁸ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 5–6.

¹⁷⁹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/1877 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1877. Кн. 14. С. 3–4.

¹⁸⁰ Там же.

жившееся в праве, – утверждал директор, – представляет само по себе обильный запас для мышления и для нравственного укрепления; изучение этого материала непременно, по его существу, расширяет круг общего образования, ибо право охватывает собою самые высокие стремления человека»¹⁸¹.

Настаивая на сосредоточении преподавания в лицее на дисциплинах юридического цикла, директор подчеркивал, что им отнюдь не преследуются цели практического порядка. «Если можно желать сосредоточения занятий на юридических науках, – писал он, – но не с целью увеличения практических сведений, а ради большей глубины юридического мышления»¹⁸². В связи с разработкой Устава 1874 г. директор направил в ученый комитет Министерства народного просвещения свой проект лицейского Устава с объяснительной запиской к нему, в которой указывал, что «в лицее нужно сделать центром всего преподавания гражданское право и другие юридические науки, не подлежащие и недоступные переменам, как науки политические, и способные развить и укрепить в учащихся юридическое мышление»¹⁸³.

Все учебные дисциплины предложено им разбить на три группы. К первой должны быть отнесены энциклопедия права и история права, всеобщего и русского, ко второй – собственно юридические науки (гражданское и римское право, процессуальное право, международное и уголовное право). В третью группу выделены дисциплины, относимые им к разряду политических – государственное право и административное право. К последнему М. Н. Капустин относился без должного почтения как к предмету, по его мнению, лишённому научных оснований и вносящему смуту в молодые умы. Директор считал, что органы и деятельность администрации входят в науку государственного права и должны изучаться ею, «все остальное в административном праве лишено научного основания»¹⁸⁴. Столь не-

¹⁸¹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/77 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1877. Кн. 14. С. 5.

¹⁸² Капустин М. Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 6.

¹⁸³ Цит. по: Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803–1903 года). Ярославль, 1903. С. 238.

¹⁸⁴ Цит. по: Щеглов В. Г. Указ. соч. С. 264.

гативное отношение М. Н. Капустина к этой дисциплине связано, видимо, с тем, что Министерством народного образования придавалось чрезмерно большое значение административному в значении полицейского праву и предписывалось широкое его изучение. На преподавание этой дисциплины отводилось шесть недельных часов, тогда как государственному праву уделялось только 3 часа.

Принятый в 1874 г. постоянный Устав лицея (действовал без существенных изменений до 1918 г.) учел точку зрения директора и предусмотрел преподавание в лицее следующих дисциплин в расположении их по соответствующим кафедрам:

1. Богословие (для студентов православного исповедания).
2. Энциклопедия права и институции римского права.
3. Всеобщая история права с включением истории права римского.
4. История русского права.
5. Международное право публичное и частное.
6. Римское право.
7. Гражданское право.
8. Гражданское судопроизводство и торговое право.
9. Государственное право со включением права административного.
10. Политическая экономия и наука о финансах.
11. Уголовное право и уголовное судопроизводство.

В соответствии с Уставом 1874 г. в лицее, таким образом, преподавались в основном те же, что и в университетах, юридические дисциплины. Этот Устав расходился с университетским Уставом 1863 г. только в том, что не предусматривал кафедры истории славянских законодательств, но им вводилась самостоятельная кафедра торгового права. И это весьма примечательно. «Торговое право, – отмечал директор лицея С. М. Шпилевский, – стало предметом самостоятельной кафедры в университетах только по уставу 1884 г., а прежде оно входило в состав преподавания по кафедре гражданского права. Устав Демидовского юридического лицея, указав на торговое право как на отдельную самостоятельную науку и определив для преподавания ее особую кафедру с присоединением к ней гражданского судопроизводства, опередил новый университет-

ский Устав»¹⁸⁵. Уставом была предусмотрена также кафедра церковного законоведения, которая открылась в 1877 г.

По сравнению с временным Уставом 1868 г. новый Устав установил для преподавания лишь строго необходимые для получения юридического образования дисциплины. Из их числа исчезла статистика. Полицейского права новый Устав также не упоминает, но оно вошло в состав преподавания права административного. Исчезли из учебного плана история русской литературы, всеобщая история, языки немецкий и французский. Но последние четыре дисциплины, хотя и предусматривались временным уставом, в лицее не преподавались. В течение двух лет (с 1872 по 1874 гг.) в лицее читался введенный в виде опыта курс истории философии права, новый Устав эту дисциплину исключил из числа изучаемых в лицее, однако позднее она была восстановлена под названием истории политических учений. Первым преподавателем истории философии права с 1872 по 1875 гг. был философ и психолог *П. Е. Астафьев* (1846–1893). В 1886 г. начал в лицее чтение курса истории политических учений приват-доцент князь *Е. Н. Трубецкой* (1863–1920), преподававший в Ярославле до 1897 г. Дисциплина эта входила в состав энциклопедии права.

В отдельные периоды в лицее безвозмездно читались иностранные языки¹⁸⁶ и судебная медицина. Последняя преподавалась в 1880-х гг. непродолжительное время (приватно) доктором медицины *Я. А. Боткиным*. С 1907 г. судебная медицина вновь стала преподаваться (на факультативных началах)¹⁸⁷. Начиная с 1911 г. этот курс постоянно читал штатный преподаватель *И. О. Зубов*. Восстановлено было и преподавание статистики. В 1907 г. она введена в число обязательных дисциплин. Вновь созданную кафедру возглавил один из крупнейших в России специалистов в области статистики *Р. М. Орженцкий*. Эта дисциплина преподавалась также *А. Р. Свирцевским*¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1884/1885 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1885. Кн. 37. С. 4.

¹⁸⁶ В 1906 г. специальным указанием в штат лицея были введены две должности лекторов для преподавания французского и немецкого языков.

¹⁸⁷ В университетах преподаванию этой дисциплины уделялось большее внимание.

¹⁸⁸ В период жизни лицея по Уставу 1868 г. статистика преподавалась магистром государственного права *Н. Н. Ворошиловым*.

Что касается установленных новым Уставом учебных дисциплин, то порядок их преподавания практически не претерпел изменения за весь период существования лицея. Исключение составляет история русского права, которая первоначально (с 1870 по 1885 гг.) читалась одним преподавателем. Последовательно ее представляли: М. Ф. Владимирский-Буданов, И. И. Дитятин, М. А. Липинский. С приходом на директорство С. М. Шпилевского этот курс стали читать, разбив на периоды, два преподавателя – С. М. Шпилевский и М. А. Липинский. История русского права относилась к числу важнейших лицейских дисциплин, изучаемых в течение двух лет¹⁸⁹ (на первом и втором курсах).

После ухода М. А. Липинского¹⁹⁰ из лицея историю русского права некоторое время читал один С. М. Шпилевский. В 1904 г. была произведена перестройка порядка ее преподавания. Новый директор лицея, доктор финансового права, Э. Н. Берендтс поставил на заседании Совета лицея 11 сентября 1904 г. вопрос об изменении порядка преподавания истории русского права, сделал следующее заявление: «История русского права читалась в Демидовском юридическом лицее с 1870 г. почти всегда двумя преподавателями и на двух курсах, на 1 и 2. Доныне чтение этой науки делилось двумя преподавателями, так сказать, механическим образом. Один преподаватель читал историю русского права в удельно-вечевой и Московско-царский период (с 862 по 1689), другой – с 1689 по 1810 или до 1861. И в последнее время чтение истории русского права, ввиду сложности и обширности предмета, требует разделения между двумя преподавателями. Но нельзя не признать, что деление предмета должно быть произведено на иных основаниях: не по механической мерке хронологических дат, а по внутреннему содержанию преподаваемого. На первом курсе следовало бы читать историю русского государственного, административного и финансового права, дабы это чтение служило подготовкой к слушанию лекций по догме русского государственного, административного и финансового права на втором курсе, а второй преподаватель должен бы читать историю русского уголовного и гражданского права на втором курсе, дабы в свою очередь подготовить к слушанию лекций по догме русского гражд-

¹⁸⁹ Двухлетними были также курсы гражданского и римского права. Остальные дисциплины изучались в течение одного года.

¹⁹⁰ В 1901 г. он был назначен управляющим Ярославской казенной палатой.

данского и уголовного права и процесса на третьем и четвертом курсах»¹⁹¹.

Предложение директора было принято Советом. Стал действовать новый порядок преподавания русского права. Русское государственное, административное и финансовое право в их историческом развитии читалось теперь самим директором лицея, доктором финансового права Э. Н. Берендтсом, имевшем солидные труды по истории этих наук.

Для чтения истории уголовного и гражданского права и процесса был назначен приват-доцент В. Н. Ширяев, только что зачисленный в штат преподавателей, специализировавшийся по уголовному праву. Гражданское право было для него областью весьма отдаленной, но сам по себе этот труд был по плечу молодому талантливому ученому, окончившему лицей с серебряной медалью. Однако перестройка как таковая была продиктована не столько интересами дела, сколько тем обстоятельством, что лицей на данный момент не располагал ни одним подготовленным специалистом по этой науке. Надо было искать выход из положения, и он был найден. Что касается самого нового порядка преподавания, то его вряд ли можно признать удачным. Им нарушалась цельность этой юридической науки, единство ее концепции. Впрочем, и старая, идущая от М. Ф. Владимирского-Буданова структура курса предусматривала изучение истории русского государственного права в определенном отрыве от истории гражданского и уголовного права (и процесса), т. е. не обеспечивалась параллельность их прохождения. К истории гражданского и уголовного права нельзя было перейти прежде изучения истории государственного права. Но эта структура позволяла сопоставить, соотнести институты, относящиеся к разным областям права, раскрыть их связь и взаимодействие в рамках одного исторического периода, определить уровень развития тех или иных правовых явлений на данном этапе истории. Новая структура разрывала всякую связь между разными областями права, тем более что преподавание велось разными преподавателями, каждый как бы замыкался в своей сфере.

Лицейским уставом и разработанными на его основе учебными планами главное внимание уделялось изучению граждан-

¹⁹¹ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1910. Кн. 99. С. 92.

ского права. Научно образованный юрист мыслился, прежде всего, как цивилист. «Несомненно, – утверждал М. Н. Капустин, – что основной юридической наукой всегда было гражданское право. Юрист и цивилист суть синонимы... Чем больше времени будет посвящено гражданскому праву, тем вернее достигается цель школы»¹⁹². В центре лицейского образования находилось также римское право. На необходимость детального изучения этой науки многократно указывали М. Н. Капустин, И. Г. Табашников, Н. Л. Дювернуа и другие лицейские профессора. Начиная чтение лекционного курса по римскому праву, Н. Л. Дювернуа очень емко выразил к нему свое отношение и подчеркнул невозможность развития русского гражданского права, а также научной подготовки юриста вне изучения юридического наследия римлян.

«Пути, которыми создавалось наше гражданское право, – говорил он, обращаясь к первым лицейским студентам, – не приведут нас к цели. Школа наших юристов есть почти исключительно практическая, а практика обыкновенно увлекается задачами отдельного случая, теряет из виду общую конструкцию... Русское право не может потерять, а может выиграть от соприкосновения с римским правом, как выиграло германское право (оно вывело Германию из варварского хаоса) ..., никакая школа до сих пор не приискала себе лучшего учителя, чем этот Magnus Doctor, как называл римское право Лейбниц. Никакие внешние средства, никакая кодификация не может заменить правильной школы. Легко было обходиться духом римского права, когда суду дозволено было искать каждый час споры в законодателе. Иное положение теперь, когда суд сам обязан иметь всегда на все готовый ответ¹⁹³, теперь мало одного духа римского права¹⁹⁴, нужна сама юридическая материя классического мира, нужна серьезная и продолжительная работа над источниками. Эта работа над источниками должна составлять задачу школы, и с нею вместе явятся ответы на множество недо-

¹⁹² Летопись Демидовского юридического лицея за 1873/1874 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1874. Кн. 8. С. 8.

¹⁹³ Устав гражданского судопроизводства 1864 г. запрещал приостанавливать решение дела под предлогом неясности законоположения.

¹⁹⁴ Именно духом римского права довольствуется наше современное университетское преподавание.

умений практики. Едва наша школа станет в правильное отношение к своей задаче, как внутренние силы римского права дадут себя почувствовать в жизни и практике – не разумом власти, а властью разума»¹⁹⁵.

Эти прекрасные слова были сказаны в то время, когда в русской юриспруденции продолжал еще царить дух отрицания римского права. А в дореформенные времена в числе расхожих возражений против пользы его изучения было и такое: «... в здешней империи на то в судах не смотрят». К сожалению, и в 80-е гг. XIX в. профессору лицея И. Г. Табашникову приходилось горько сетовать на то, что в среде русских практических юристов живет предубеждение против римского права, «на коем зиждется обширная наука гражданского права», что некоторым из них оно представляется «традиционным балластом, совершенно непригодным для современной жизни»¹⁹⁶. Указывая на универсальное значение римского права, И. Г. Табашников подчеркивает, что «оно оказывает в высшей степени полезную и необходимую помощь именно ныне, когда без этих принципов юрист растерялся бы среди бесчисленных видоизменений создаваемых гражданским оборотом»¹⁹⁷.

Мысль об универсальном значении римского права находит также блестящее выражение в одном из учебных руководств М. Н. Капустина: «Ни одно право, – пишет он, – не может выдержать сравнения с величавым римским правом, развившимся с поражающею силою в ширину и глубину, получившим характер всемирного не только географически, но без ограничения пространства и времени»¹⁹⁸. Внимание к римскому праву никогда не ослабевало в лицейском преподавании. Очень убедительно подчеркнуто великое значение римского права для юридической школы С. М. Шпилевским: «... важнейшим предметом юридического образования является классическое римское право, преимущественно частное, которое, дошедши по своей обработке

¹⁹⁵ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1872. Кн. 1. С. 53–57.

¹⁹⁶ Табашников И. Г. Вступительная лекция по римскому праву // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1883. Кн. 32. С. 5.

¹⁹⁷ Там же. С. 14.

¹⁹⁸ Капустин М. Н. История права. Ч. I. Ярославль, 1872. С. 8.

путем законодательства и юридической науки почти до художественного совершенства, доселе считается основанием и образцом частного права, оно особо привлекает к себе, если не всегда справедливостью, то образцовою техникою и представляет для изучающего его лучшее средство к развитию юридического смысла, особенного склада юридического мышления»¹⁹⁹.

Лицей постоянно испытывал нехватку преподавателей гражданских дисциплин. Их требовалось значительно больше, чем других специалистов, а подготовка отставала в связи с расширением юридических факультетов университетов, открытием новых, а также по той причине, что вплоть до Судебной реформы 1864 г. римское право как таковое игнорировалось. Были и другие причины отставания в деле подготовки специалистов по гражданскому и римскому праву. В летописи Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год, составленной М. Н. Капустиным, говорилось: «... несмотря на постоянно увеличивающееся количество научных сил в России, недостаток в юристах дает себя чувствовать больше всего. Мало молодых людей избирают предметом своих научных занятий гражданское право, указывают на относительную трудность гражданского права, требующего серьезной работы, не представляющего возможности новых открытий. Что касается лицея, то в нем со времени открытия, т. е. с 1870 г., кафедра гражданского процесса была замещена два раза, но оба преподавателя оставляли службу в лицее»²⁰⁰.

В связи с этим встал вопрос о целевой, выражаясь современным языком, подготовке научных кадров для преподавания дисциплины гражданского цикла. В 1871 г. создается институт профессорских стипендиатов (подобие нашей аспирантуры), предусматривавший целенаправленное приготовление молодых людей, имевших кандидатские степени и подававших определенные надежды, к научно-педагогической деятельности. Первыми такими стипендиатами были А. Т. Кайдалов и И. В. Свиридов. Подготовка включала в себя и совершенствование в римском праве под руководством профессоров европейских университетов, главным образом немецких, в том числе обуче-

¹⁹⁹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1887/1888 учебный год. С. 9.

²⁰⁰ Капустин М. Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 2–3.

ние в Институте римского права при Берлинском университете. В последующем в качестве стипендиатов стали оставаться выпускники и по другим юридическим специальностям.

Несмотря на общую нехватку цивилистов, гражданское и римское право, история и институции последнего²⁰¹ преподавались в лицее на высоком уровне. Среди читавших эти дисциплины доктора гражданского права Н. Л. Дювернуа, Ф. Г. Григорович, Д. И. Азаревич, Н. А. Кремлев, В. М. Нечаев, С. П. Никонов, Л. С. Таль, Б. В. Чредин. Курс римского права читался также доктором канонического права Н. С. Суворовым.

Сложнее обстояло дело с гражданским судопроизводством. Эта кафедра в течение многих лет оставалась незамещенной постоянными преподавателями²⁰². Она на протяжении всего тридцатилетнего периода (с 1870 г. и до конца XIX в.) не жила, что называется, полноценной жизнью. К числу ее постоянных преподавателей можно отнести только Н. А. Миловидова и А. А. Борзенко. Но чтение курса гражданского судопроизводства, разумеется, не прерывалось. Однако читался он не только преподавателями гражданских кафедр (римского и гражданского права), привлекавшихся к чтению за дополнительную оплату²⁰³, но в отдельных случаях – специалистами в области далеко не родственных наук. Так, приходилось ее читать профессору кафедры всеобщей истории права В. В. Сокольскому и исправляющему должность доцента по кафедре истории русского права М. А. Липинскому. Однако в начале XX в. картина резко меняется. Во главе этой кафедры мы видим таких крупных цивилистов, как В. М. Гордон и Т. М. Яблочков.

Что касается торгового права, дисциплины, к основательному изучению которой, как подчеркивалось, лицей приступил значительно раньше университетов, то в числе ее преподавателей были доктора права А. И. Загоровский, И. Т. Тарасов, Д. И. Азаревич, И. Я. Гурлянд, В. М. Гордон, магистры права А. А. Борзенко, И. Г. Табашников, В. А. Удинцов.

Преподавание в Лицее политической экономии связано с прославленными именами М. Н. Капустина, И. Т. Тарасова,

²⁰¹ Институции отдельно от основного курса римского права читались только в Демидовском лицее и Дерптском университете.

²⁰² См.: Покровский С. П. Указ. соч. С. 206.

²⁰³ Капустин М. Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 3.

А. С. Посникова, А. А. Исаева. Два последних были докторами политической экономии. Наука о финансах, или – в более позднем наименовании – финансовое право, читались в лицее В. М. Соболевским, М. Н. Капустиным, И. Т. Тарасовым, А. А. Исаевым, А. Р. Свирщевским. Из всех названных преподавателей особо следует выделить И. Т. Тарасова, в лекциях которого последовательно проводилась мысль о правовом значении этой учебной дисциплины.

Опять же М. Н. Капустиным, а также П. Л. Карасевичем, В. Г. Щегловым, Н. И. Палиенко Ф. В. Тарановским, А. Л. Байковым и Б. А. Кистяковским преподавалась в лицее энциклопедия права. Как видно из программ лекций, читавшихся по этой дисциплине, большое место лекторами отводилось анализу естественно-правовой доктрины, обоснованию самостоятельности науки права.

В течение двадцати лет читал в лицее курс церковного права²⁰⁴ доктор канонического права Н. С. Суворов, затем его сменил на кафедре также имевший докторскую степень П. В. Гидулянов. Преподавал в лицее до последних дней его существования, а затем перешел в Ярославский университет и занимал некоторое время должность его проректора доктор церковного права²⁰⁵ В. Н. Мышцын. Изучение канонического права как составной части римского права служило, вне всякого сомнения, усилению фундаментальной подготовки юриста.

Недостатка в преподавателях по уголовному праву и уголовному судопроизводству лицей никогда не испытывал. Эти дисциплины преподавались такими видными криминалистами, как М. В. Духовской, Н. Д. Сергеевский, Т. Г. Тальберг, Л. С. Белогриц-Котляревский, А. А. Пионтковский, А. К. Вульфферт, М. Н. Чубинский, Г. С. Фельдштейн, В. Н. Ширяев, Н. Н. Полянский. Все они имели или позднее получили докторские степени.

На кафедре государственного и административного права работали известные юристы Н. К. Нелидов, В. В. Сокольский, А. Е. Назимов, И. Т. Тарасов, О. О. Эйхельман, Э. Н. Берендтс,

²⁰⁴ Церковное право – дисциплина не богословская, а юридическая.

²⁰⁵ Разница в наименовании ученых степеней связана с тем периодом истории церковного права, по проблематике которой защищалась диссертация. Под названием канонического выступало то право, которое содержалось в канонах периода вселенских соборов (III–XI вв.).

И. Я. Гурлянд, Н. Н. Голубев. Не может не вызвать интереса отзыв профессора Э. Н. Бередтса о предшествовавших ему преподавателях политико-юридических дисциплин. Приступая в 1891 г. к чтению в лицее курса государственного права, он говорил, как о высокой чести для себя, о предоставившейся ему возможности продолжать дело своих высокоавторитетных предшественников, с академическим блеском читавших в Лицее государственное и административное право. «Чувство гордости охватывает меня, – признается профессор своим слушателям, – при мысли быть преемником таких даровитых преподавателей, как профессора Сокольский, Эйхельман, Назимов и Тарасов, голосу которых вы, милостивые государи, внимали в течение многих лет»²⁰⁶.

Сохранились студенческие отзывы о чтении лекций по государственному праву профессором А. Е. Назимовым. «С первой же лекции, – вспоминает ярославский лицеист И. Я. Гурлянд, – Александр Евгеньевич нам очень понравился. Он читал без записок, прекрасно владел словом, умея во время сделанным сопоставлением или метким образом ввести слушателей в самую сущность излагаемого вопроса, умея остроумной шуткой оживить утомленное внимание... Хорошо помню, что мы устроили лектору бурную овацию за чтение о феодализме. Помню, что мы очень просили Александра Евгеньевича повторить его лекцию о причинах французской революции»²⁰⁷.

Не менее восторженно отзывался о его лекциях студент Новороссийского университета К. И. Александров. «Уже сама форма лекции, – вспоминает он, – пленяет слушателей своеобразной простотой и свежестью. Анализируя тот или иной факт, касаясь того или другого явления административного права, Александр Евгеньевич двумя – тремя штрихами рельефно обрисовывал его положительные и отрицательные стороны. Эта сжатость, эта экономия речи придавала ей особую силу и заставляла интенсивно работать мысль слушателей, наводя ее на широкие обобщения. Красной нитью через все чтения Александра Евгеньевича проникала одна идея – идея правды и справедливости. И вот почему аудитория всегда была полна, вот почему послушать живое слово Назимова сходились не только мы,

²⁰⁶ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1891. Кн. 56. С. 1.

²⁰⁷ Цит. по: Профессор Александр Евгеньевич Назимов: Биография и воспоминания современников. Одесса, 1904. С. 33–34.

юристы, его обязательные слушатели, но и студенты других специальностей – философы, математики, естественники»²⁰⁸.

Международное право в лицее читалось докторами этой науки М. Н. Капустиным, А. Н. Лодыженским, Н. Н. Голубевым и приват-доцентом А. В. Шмидтом. Обращает на себя внимание преподавательский феномен директора лицея, доктора международного права М. Н. Капустина, которому из-за постоянной нехватки преподавательских кадров приходилось читать, наряду с международным правом, такие учебные дисциплины, как энциклопедия права, Институции римского права, государственное право, всеобщая история права, политическая экономия, наука о финансах. И по каждому из чтений остался определенный след в виде учебных руководств, пособий, научных трудов. Это было в основном безвозмездное чтение, ибо в соответствии с уставом директор обязан был читать только один из учебных курсов. С уверенностью можно сказать, что ни один из работавших в российской дореволюционной высшей школе ученых не заявил себя таким универсальным преподавателем, каким был М. Н. Капустин.

Характерной особенностью всех читавшихся лекционных курсов было историко-догматическое их построение. Такое построение курсов шло от понимания простой, однако ныне изрядно забытой истины, что современное состояние юридического института не может быть надлежащим образом уяснено вне его исторического движения под воздействием самых различных факторов общественного бытия. М. Н. Капустин писал по этому поводу в своей «Юридической догматике»: «... история права находится в тесной связи с догмой, дополняет ее, а нередко дает ей единственно верную основу для выводов»²⁰⁹.

Чтение лекционного курса по всеобщей истории права начиналось с темы «Первобытное право». Дореволюционные историки права, в отличие от многих современных юристов, заиклившись на государственном происхождении права, прослеживали его бытие в глубокой древности, в доисторическом состоянии общества.

²⁰⁸ Цит. по: Профессор Александр Евгеньевич Назимов. С. 91–92.

²⁰⁹ Капустин М. Н. Юридическая догматика: Общая часть. М., 1868. Вып. 1. С. 8.

Как педагог и организатор учебного процесса в лицее, М. Н. Капустин всемерно ратовал **за совершенствование форм взаимодействия преподавателя и студента**. Без постоянного непосредственного общения обучающихся и обучающихся, по его мнению, трудно рассчитывать на достижение высокого педагогического результата. В этом отношении он придавал большое значение совершенствованию традиционной лекционной формы обучения и счел нужным подчеркнуть ее значение в одном из своих выступлений перед студентами. «Аудитория, – говорил он, – служит по существу своему местом, в котором сосредотачивается духовное общение между профессорами и студентами, расширяется умственный кругозор, выясняются научные понятия. Студент, стоящий на высоте своего положения, чувствует постоянно действие силы, влекущий его в аудиторию, – туда, где совершается дело учения. Эта сила имеет характер категорического императива, и без нее студент оказывается праздным и лишним для училища; легкомысленно обманывает себя тот, кто думает, что он может восполнять на дому потерянное для него слово профессора. Слушатель есть живой элемент аудитории. Употребляя это пластическое выражение Нибура, можно сказать, что студенты суть крылья, служащие для полета мысли профессора. Не присутствующий в аудитории может потом получить остоу лекции, но для него бесследно проходит живая сторона живого слова, теряется духовная связь, которая возникает между преподавателем и слушателем, пропустивший лекцию может выучить ее механически, но он лишается участия в творчестве академического преподавания, которое возможно лишь при сознательном восприятии того, что произносится с кафедры. Таков идеал взаимодействия между профессорами и студентами, к достижению которого стремится каждая школа»²¹⁰.

В летописи, произнесенной в 1877 г., М. Н. Капустин снова указывает на важное место лекции среди «умственных работ студентов, и только по беспечности и самонадеянности студент иногда думает, что может заменить этот труд другим»²¹¹. В той же летописи им подчеркивается направляющее значение лекции. «Для студента-юриста, – утверждал

²¹⁰ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 5. С. 415.

²¹¹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/1877 учебный год. С. 10.

М. Н. Капустин, – существует еще особое основание посещения лекций: молодой человек не в состоянии сам начертать себе план занятий»²¹².

Постоянно ратуя за повышение лекторского мастерства преподавателей, М. Н. Капустин изучал и пропагандировал опыт лучших лекторов, сам явля в этом отношении пример, достойный подражания. К числу главных предъявляемых к лекции требований он относил ее доступность для слушателей и проблемную нацеленность. Директор настаивал на постоянном учете уровня слушателя, его подготовленности к восприятию сложных научных положений, понятий, на проявлении особого внимания к первокурснику, всемерном стремлении к тому, чтоб последний «мягко» входил в учебный процесс, не терял веры в свои силы и возможности.

«Лекция профессора, – писал М. Н. Капустин, – не есть только плод его ученых изысканий; она должна произвести свое действие в определенной среде, снизить до нее и поднять ее, она должна быть рассчитана на силу и слабость слушателей. Слово профессора ищет и находит отзыв в аудитории, в которой произносится, облегчает понимание или возбуждает мысль к новой работе. В этом заключается ничем не заменимая сила устного слова, этой живой беседы преподавателя и слушателей»²¹³. Во имя обеспечения более тесного взаимодействия между преподавателем и слушателями в практику учебной работы внедряется своеобразный педагогический «механизм». Суть его заключалась в следующем: после каждой лекции преподаватели назначали одного или двух студентов, которые обязаны были изложить прочитанное²¹⁴. «Подобные труды, – отмечал М. Н. Капустин, – были полезны как для профессоров, так и для студентов; преподаватель мог убедиться, насколько доступно слушателям его изложение; студент, излагая письменно прослушанное, мог дать себе отчет в верном понимании того,

²¹² Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/1877 учебный год. С. 8.

²¹³ Летопись Демидовского юридического лицея за 1875/1876 учебный год. С. 1–2.

²¹⁴ Как явствует из методического пособия В. А. Юшкевича, изданного в 1900 г., этот прием закрепился в практике преподавания.

что им усвоено во время лекций, и имел возможность обратиться с вопросом для разъяснения непонятого»²¹⁵.

Преподаватели считали необходимым после прохождения того или иного раздела курса, при подведении итога пройденному серии хорошо продуманных вопросов сконцентрировать усилия студентов на главных его положениях, возбудить вопросы с их стороны²¹⁶.

Поскольку главная польза лекции директором и советом лицея усматривались в живом общении преподавателя со студентами, в непосредственном, личностном воздействии лектора на своих слушателей, они относились отрицательно к литографированию лекций, чем нарушалась эта связь, но вынуждены были подобную меру допускать как исключение, главным образом из-за неподготовленности первокурсников к конспектированию.

По этому поводу М. Н. Капустиным высказывались следующие суждения: «В видах ... облегчения студентов, профессора поставлены были в необходимость принять на себя труд литографирования некоторых отделов своих лекций. Подобная мера, приносящая вообще более вреда, чем пользы, вызвана была совершенно непривычкою начинающих свое учение в специальной школе записывать лекции и происходившею отсюда их крайнюю беспомощностью. Переход от учебников к собственным запискам для многих студентов представляется чрезвычайно трудным, и ввиду этого могло быть оправдано отступление от строгого педагогического начала. Совет лицея допустил такое отступление только как временную меру и притом в виде опыта, отчасти также уступая обычаю, вкоренившемуся в наших учебных заведениях. Литографирование кратких конспектов, с указанием на источники, могло бы служить для студентов гораздо лучшим пособием при их занятиях, поддерживая их самостоятельность и укрепляя в сознании необходимость постоянного непрерывного труда»²¹⁷.

Профессор И. Т. Тарасов считал необходимым издание литографических записок окончательно вытеснить из практики

²¹⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1875/1876 учебный год. С. 1–2.

²¹⁶ См.: Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 года. С. 22.

²¹⁷ Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 года. С. 23.

академического преподавания²¹⁸. Высказывая негативное отношение к литографированию лекций профессоров, криминалист Н. Д. Сергеевский полагал целесообразным издание для студентов руководств, которые служили бы, с одной стороны, так сказать, преддверием к словесному изложению, а с другой – заключили бы в себе краткое, но полное изложение всей науки, но не в форме конспекта, а в форме самого краткого учебника, заключающего в себе одну систему основных положений²¹⁹.

Такое руководство должно быть издаваемо в начале учебного года, чтобы студент, идя на лекцию, имел его в руках. Задача словесной лекции при наличии такого руководства будет состоять в разъяснении, иллюстрировании, закреплении в памяти того, что написано в руководстве. И поскольку такое руководство включает в себе всю систему науки, словесная лекция будет иметь значение особого педагогического приема, направленного к тому, чтобы побудить студента отнестись сознательно к содержанию руководства, а также к тому, чтобы, по возможности, внедрить это содержание в его память²²⁰.

Как мы видим, лекции директором и Советом лицея отводилось важное место в академическом преподавании. Однако Министерство народного просвещения ориентировало высшую школу на лекционный метод преподавания, придавало ему значение основного и тем самым учебному процессу – строго официального характера, исключая товарищеское общение между преподавателем и студентом. В связи с этим в среде передовых педагогов высшей школы зрело чувство протеста против господствующего положения лекции в академическом преподавании. Может быть, в каком-то отношении оно переклестывало через край. Наиболее яркое выражение этот протест нашел в высказывании профессора лицея, криминалиста Н. Д. Сергеевского, который, являясь прекрасным лектором и не ставя под сомнение необходимость лекции как приема преподавания, выразил резко критическое отношение к сохранению за ней господствующего положения.

²¹⁸ См.: Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Ярославль, 1888. Т. 1. С. 1.

²¹⁹ См.: Сергеевский Н. Д. Казуистика: Сборник судебных случаев для практических занятий по уголовному праву // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1882. Кн. 28. С. 3.

²²⁰ См.: Сергеевский Н. Д. Казуистика. С. 3.

«Господствующая форма преподавания юридических наук в наших юридических факультетах, – писал он, – именно изложение системы науки в форме последовательных чтений, завершаемое экзаменом по программе, не выходящей за пределы прочитанного, заключает в себе, при исключительном ее применении, весьма важный недостаток, ясно сознаваемый всеми преподавателями: студент получает возможность подготовиться к экзаменам исключительно посредством так называемых записок, причем самостоятельное юридическое мышление вовсе не развивается и все занятия сводятся к упражнениям памяти. При таком положении дела, удачно выдержанный экзамен свидетельствует лишь о более или менее прочном знании прочитанных лекций, но вовсе не о том, чтобы окончивший курс юридического факультета был действительно образованным юристом. Большинство преподавателей-юристов давно уже вступили в борьбу с этим злом: все пытаются организовывать особые занятия со студентами, направленные к тому, чтобы вызвать самостоятельное движение мысли и сознательное отношение к предмету, чтобы приучить к самостоятельному чтению и научному изучению памятников. В этой области должен быть предоставлен преподавателям самый широкий простор, тем более что они не суть ремесленники, а люди призвания»²²¹.

Это суждение Н. Д. Сергеевского выражает общее мнение всей профессорско-преподавательской коллегии лицея и его директора. М. Н. Капустин постоянно указывал на необходимость возбуждения «самодеятельности учащихся посредством бесед, упражнений, чтения источников и проч. ...»²²² Лекции им рассматривались как предварительный курс подготовки студента, важный, но далеко не решавший проблемы формирования аналитически мыслящей личности. Заучивание записок, часто механическое, утверждал М. Н. Капустин, не решает этой проблемы. Положения науки должны быть не просто усвоены, но обращены студентом в свою «духовную собственность». «Для достижения этой цели, – писал М. Н. Капустин, – нельзя довольствоваться

²²¹ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 1–2.

²²² Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 31.

меньшим; лекции лежат в основе, но их необходимо дополнить чтением, трудом самостоятельным и свободным»²²³.

Лекции как прием преподавания, по мнению М. Н. Капустина, являются хорошим подспорьем в студенческой учебе, дают ей нужное направление, ведут студентов верным путем к уяснению научных истин, но они, вместе с тем, настраивают учащихся на легкий труд. «... Нашим лекциям, – самокритично подчеркивал М. Н. Капустин, – может быть сделан один упрек: они слишком обширны; профессор дает слишком много готового материала, слишком мало оставляет для самостоятельности студента, для его собственных изысканий, студент находит в лекциях всю фактическую сторону вопросов, мнения о нем писателей и взгляд преподавателя, так что за усвоением этого материала не остается почти ничего для работы студента»²²⁴.

Даже самые прекрасные лекции, по мнению М. Н. Капустина, не в состоянии возбудить в душе студента всеобъемлющую страсть к познанию, к самосовершенствованию, способствовать его отрешению от господствующей мысли о накоплении суммы знаний, необходимых для будущей службы. Приобретение суммы знаний, подчеркивалось М. Н. Капустиным, вообще не может служить целью обучения в высшей школе. «Забывается многое, выученное в школе, но не изглаживается никогда тот умственный рост, которому способствовало учение», – утверждал М. Н. Капустин. Вот почему он ратовал за всемерное совершенствование педагогических средств воздействия на студента, обеспечивающих его умственное становление. В плане ознакомления профессорской коллегии лицея с опытом преподавания юридических дисциплин в зарубежных университетах (как с негативным, так и позитивным) директор выступил во «Временниках» лицея со статьями о системе юридического образования в Англии и во Франции. М. Н. Капустин постоянно знакомил своих коллег с постановкой преподавания права в Германии, Австрии, Бельгии, в университетах Америки.

Прежде всего, он пропагандирует методы обучения, стимулирующие самостоятельную работу учащихся. М. Н. Капустин

²²³ Летопись Демидовского юридического лицея за 1875/1876 учебный год. С. 8.

²²⁴ Летопись Демидовского юридического лицея за 1878/1879 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1879. Кн. 19. С. 7.

считает, что в этом отношении успехов добился Страсбургский университет. При этом директор постоянно подчеркивал, что «учиться у других, не значит копировать чужое и подражать тому, что сам учитель считает малопригодным»²²⁵. Совершенно непригодным и даже вредным М. Н. Капустин считал допущенное в некоторых зарубежных системах высшего образования разделение курсов на обязательные и факультативные. По этому поводу он писал: «Нельзя также оставить без внимания вред, происходящий от разделения курсов на образовательные и факультативные; иерархия между науками немыслима: все науки, образующие правоведение, равно необходимы и существенны для учащегося, иначе их не следует вводить в юридическую школу»²²⁶.

Лицей не страдал, подобно юридическому факультету Казанского университета, от навязанного Министерством народного просвещения разделения преподаваемых наук на два разряда: *юридические и административные*. Министерской установкой предусматривалось к тому же деление учебных дисциплин на: *предметы главные общие, предметы главные специальные и предметы вспомогательные*. Тем самым довольно стройная система образования, созданная Уставом 1863 г., оказывалась сломанной, максимально приближенной к нуждам практического правоведения за счет ликвидации энциклопедического характера образования²²⁷. Видимо, твердая позиция М. Н. Капустина, энергично отстаивавшего придание системе подготовки юристов в лицее строго научной направленности, здесь сыграла свою роль.

С первых лет деятельности юридического лицея лекционная форма обучения сочеталась с практическими занятиями (семинариями или конференциями): «... преимущество этой формы перед лекциями, – писал М. Н. Капустин, – заключается в том, что при ней студент сам изучает тот или другой научный вопрос по указанию профессора, а не усваивает пассивно лекции преподавателя. Несомненно, что такой способ изучения науки более соответствует призванию высшей школы развивать

²²⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 31.

²²⁶ Там же. С. 13.

²²⁷ См.: Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. С. 66–68.

самостоятельность учащихся... При системе конференций студенты излагают сами тот или другой вопрос; они привлекаются к разработке науки, знакомятся с ее литературой и источниками, сознательно усваивают весь материал ее»²²⁸. Известно, что на семинарских занятиях по римскому праву большое место отводилось изучению «Институций» римского юриста Гая. Практические занятия по уголовному праву, как правило, посвящались решению судебных казусов.

М. Н. Капустин придавал также большое значение индивидуальной работе профессоров со студентами, их общению во внеаудиторное время, в не официальной, так сказать, обстановке, располагающей к свободному обмену мнениями. Ради этого, полагал директор, можно пожертвовать половиною лекций²²⁹. Индивидуальные собеседования со студентами именовались репетициями. Ими преследовалось более глубокое уяснение стержневых вопросов курса, проверка и закрепление полученных на лекции знаний²³⁰. Эта форма работы со студентами наиболее широко применялась профессорами государственного права А. Е. Назимовым и О. О. Эйхельманом.

Целям углубленной подготовки юристов отвечала и сложившаяся в лицее практика поручения студентам переводов на русский язык капитальных трудов зарубежных правоведов, что, разумеется, наилучшим образом способствовало научному становлению студентов, в какой-то мере приобщало их к творческому участию в решении важных проблем. Одним из первых стал это практиковать профессор П. Л. Карасевич, под руководством которого студент Яков Линденбратен перевел с немецкого «Энциклопедию права» Г. Пухты. Традицию эту успешно продолжали профессора лицея Д. И. Азаревич и И. Т. Тарасов. Студенческие переводы под редакцией профессоров печатались

²²⁸ Летопись Демидовского юридического лицея за 1878/1879 учебный год. С. 5–6.

²²⁹ Капустин М. Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/81 учебный год. С. 7.

²³⁰ По мнению отделения нравственно-политических наук Казанского университета, репетиции в некоторых случаях бывают полезнее самих лекций, поскольку «не только знакомят преподавателей с достоинством их слушателей, но указывают непонятные места их чтений и пополняют самые курсы изъяснениями и дополнениями, на них обыкновенно делаемыми» (цит. по: Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского университета. 1805–1917 гг.: Очерки. С. 10).

во «Временниках» лица. Подобная практика, разумеется, наилучшим образом способствовала укреплению «той связи, которая возникает между профессорами и студентами», как необходимого условия успешного хода обучения. Придавая большое значение этой связи, М. Н. Капустин ратовал за товарищеское общение профессоров и студентов, считая полезным для создания климата взаимного понимания и доверия устройство совместных чаепитий.

К числу важных средств побуждения студентов к творческому овладению знаниями, к научному поиску служили годовые письменные работы. Эти сочинения подвергались разбору в присутствии студентов и с участием самих студентов. М. Н. Капустин с удовлетворением отмечал, что иногда такие разборы выливались в диспуты, в которых принимала участие вся студенческая аудитория²³¹. Лучшие из письменных работ поощрялись премиями в суммах 50 и 25 рублей (так называемые большая и малая премии), почетными отзывами. Такие работы носили обязательный характер для студентов второго и третьего курсов. От студентов первого года обучения требовалось представление извлечений из какого-либо юридического сочинения²³². Годовые письменные работы студентов рассматривались не как ученые труды, а «как умственные опыты, производимые над данным научным материалом, опыты юридического синтеза»²³³.

М. Н. Капустин в своей первой летописи с удовлетворением отмечал, что студенты не просто подчинились необходимости, а отнеслись с интересом к написанию обязательных курсовых сочинений. «Такого рода сочинения, – подчеркивалось им в летописи, – вообще говоря, по своему содержанию превзошли самые смелые ожидания. Из 83 сочинений, поданных по энциклопедии права профессору Капустину, и им рассмотренных, более 20 представляли собою самостоятельную работу. То же самое замечено и по другим предметам. Вообще студенты высказали интерес к делу и способность работать по источникам, многие из них

²³¹ См.: Летопись Демидовского юридического лица за 1871/1872 учебный год. С. 20.

²³² Летопись Демидовского юридического лица за 1879/1880 учебный год. С. 10.

²³³ Летопись Демидовского юридического лица за 1877/1878 учебный год. С. 10.

не ограничивались формальным исполнением обязанности, но с любовью отдавались изучаемому предмету»²³⁴.

Успех студентов М. Н. Капустин связывал с постоянным контролем за ходом написания годовых сочинений, научным руководством со стороны преподавателей, с подчинением студенческого труда четкой системе. «Мне кажется, что студенческие работы, тогда пойдут успешно, – указывал он, – когда студент в известные сроки будет давать отчет себе и профессору о выполняемой работе, получать советы от последнего о направлении дальнейшей работы. Многое зависит здесь от характера предложенной студенту задачи, но существенное условие успеха дела одно: нужно, чтобы студент до окончательного вывода производил последовательно ряд тех работ, которые ему указаны»²³⁵.

Особое внимание М. Н. Капустин придавал постоянному обращению студентов к источникам: «Как бы ни был полон курс лекций, какое бы количество знаний не воспринял студент от преподавателя, ему необходимо проверить воспринятые им выводы, ознакомиться с источниками науки, сопоставить несколько мнений, расширить свой умственный горизонт. Нет ничего увлекательнее и более освежающего, как такая работа над источниками, при которой учащийся сознает свои духовные силы и приобретает закал действительной научной свободы, открепления от случайно воспринятого мнения и навеянной мысли; только этим здоровым трудом воспитывается человек, умеющий войти вглубь каждого вопроса, а не скользящий по его поверхности; только посредством его укрепляется нравственная стойкость мысли, способная противостоять всякому напору случайной волны и не отступающая позорно перед всякою смелою ложью. Цель учения в школе состоит не в том, чтобы, по русскому выражению «нахвататься знаний», а в свободном отношении к ним, т. е. в полном обладании ими. Пройдет много лет, забудется многое, но навсегда останется в памяти это светлое время первого самостоятельного научного труда»²³⁶. Эти

²³⁴ Летопись Демидовского юридического лицея со дня открытия по 15 августа 1871 года. С. 22.

²³⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1877–1878 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1878. Кн. 17. С. 10.

²³⁶ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 19–20.

проникновенные слова мудрого наставника не могли не запасть в душу студента.

Для особо призванных к научному творчеству студентов было установлено проведение конкурсов на лучшие сочинения, награждаемые золотой и серебряною медалью. Если написание годовых письменных работ было делом обязательным для всех, то в конкурсах принимали участие только желающие попробовать свои силы в соревновании с другими. Золотые и серебряные медали продолжали изготавливаться за счет средств, завещанных учебному заведению Ф. И. Шмидтом.

Сознавая недостаточность лекционного метода обучения, профессорская корпорация лицея, тем не менее, никогда не принижала его значения, не утрачивала разумного чувства меры, тогда как в некоторых учебно-преподавательских кругах витала мысль «об изгнании систематических лекций из числа приемов преподавания»²³⁷. По этой причине почти через тридцать лет после М. Н. Капустина профессор лицея цивилист В. А. Юшкевич вынужден был решительно высказываться в защиту лекции как необходимого приема преподавания. «Лекции как академический прием преподавания, – утверждал он, – имеют целью систематически раскрывать начинающим основные начала той или другой дисциплины путем изустного ее изложения. Той же самой цели можно бы достигнуть и другим путем, предоставляя, например, приступающему к изучению предмета ознакомиться с ним самому при помощи учебника. Но особенное достоинство лекций заключается в том, что, предлагая учащемуся известное количество материала, так же точно, как и книга, они дают ему в руки еще и целый ряд способов усвоения науки, которых лишено самое совершенное произведение научно-дидактической литературы. Приемы лектора, с которыми он приступает к передаче и развитию той или иной мысли, интонация его голоса, большая или меньшая обстоятельность изложения в зависимости от

²³⁷ См.: Юшкевич В. А. Руководящие начала к преподаванию русского гражданского права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1900. Кн. 79. С. 1. В 1899 г. лекционный метод преподавания резко критиковался профессором Новороссийского университета международником П. Е. Казанским (см.: Скрипилев Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 87).

трудности предлагаемых положений, – все это обеспечивает слушателю такую полноту понимания предмета, которой нельзя достигнуть методом самообучения»²³⁸. Мы приводим полностью это основательное суждение с той целью, чтобы подчеркнуть верность Лицея избранному направлению, неподверженность его шараханиям из стороны в сторону под влиянием всякого рода временных поветрий²³⁹.

Директора юридического лица придавали большое значение постоянному научному общению профессоров, их взаимодействию в процессе преподавания. С. М. Шпилевский ввел в традицию выступления профессоров на совете с кратким изложением основ читаемого курса, обзором состояния науки по преподаваемой дисциплине, ее важнейшей проблематике, с обоснованием диктуемых спецификой дисциплины методов и приемов преподавания. Задачей таких выступлений было также определение места изучаемой дисциплины в деле подготовки научно образованных юристов. Подобный обмен информацией способствовал более четкому и целенаправленному взаимодействию ученых в научно-педагогическом процессе. Большой интерес в этой плане представляет сделанное на одном из заседаний совета лица сообщение профессора В. Г. Щеглова относительно чтения курса всеобщей истории права, к тому времени исключенной из университетского преподавания. «Всеобщая история права, – сообщил профессор, – представляет собой науку, возникшую в своем настоящем виде еще лишь в недавнее время, ... в литературе этой науки нет ни одного сочинения по сравнительно исторической обработке институтов новейшего времени ... Вследствие недостатка подобных сравнительно-исторических исследований юридических учреждений новейшего периода истории права у европейских народов, даже специалисты-преподаватели всеобщей истории права довольствуются при рассмотрении исторического развития права у новейших народов одним параллельным изложением различных юридических институтов у главнейших европейских народов по периодам развития произвольно установленным. Понятно, что такой порядок чтений

²³⁸ Юшкевич В. А. Указ. соч. С. 1.

²³⁹ Основательные суждения в пользу лекционного метода высказывались также В. М. Гессеном, Л. И. Петражицким, Г. Ф. Шершеневичем (см.: Скрипилев Е. А. Указ. соч. С. 87).

Всеобщей истории права не может удовлетворять цели преподавания этой науки, оставляя у слушателя в высшей степени смутное и неопределенное понятие о сходствах и различиях в развитии различных юридических институтов у новейших народов. Ввиду этих всех соображений, я полагаю, после изложения первых двух отделов науки, т. е. рассмотрения образования права, главных его институтов (семьи, имущества, учреждений и государства) в первобытном обществе и у восточных и классических периодов, перейти к исследованию причин происхождения и развития феодализма в Западной Европе. Вслед за этим я рассмотрю в общих чертах сходства и различия юридического развития, у каждого из главнейших западноевропейских народов (французов, немцев и англичан) после феодальной эпохи их развития и до настоящего времени, а в заключение курса, если позволит время, изложу новую историю французского права, оказавшего особо сильное влияние на весь юридический быт новейших европейских народов»²⁴⁰.

Подобно М. Н. Капустину, С. М. Шпилевский смотрел на преподавательскую деятельность как на беззаветное, самоотверженное общественное служение, как на дело большой бескорыстной любви. Он писал: «Преподавание, если оно соединяется с самостоятельным изучением науки, представляется духовным творчеством, при котором ученому открывается целый духовный мир; в своей творческой деятельности ученый испытывает надежды, радости и разочарования, составляющие сокровенный мир ученого. Никто, например, не может определить, каких усилий и труда стоило ученому-преподавателю какое-либо новое добытое им научное положение и вообще стройное и согласное с действительным уровнем науки изложение ее своим слушателям. Настоящий ученый, подобно художнику, находит себе удовлетворение в собственной своей творческой деятельности. Этим и дорога профессия настоящего ученого, если он не простой наемник, одинаково готовый отдать свой труд и время, не, скажем, науке, а обязанностям преподавания и всякому другому делу, если оно более оплачивается. В истинном же ученом живет искра божия, и нет средств для ее точного определения, насколько сильно сияет

²⁴⁰ Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1886. Кн. 38. С. 73–74.

эта искра и как велика степень благодати, присущей верному служителю науки»²⁴¹.

Одну из важнейших целей академического преподавания С. М. Шпилевский видел в том, чтобы «перед студентами была открыта поучительная и заслуживающая глубокого интереса житейская дрема образования права путем борьбы сталкивающихся интересов различных сторон, отдельных личностей, классов и сословии населения, целых народностей и государств, борьбы новых идей и новых принципов человеческой деятельности с отжившими старыми идеями и принципами»²⁴².

Отдельными преподавателями лицея помимо лекций читались специальные курсы, но имевшие не прикладной (им грешит наше преподавание), а методологический, научный характер. Примером подобного рода спецкурсов являлся разработанный профессором Лицея М. Н. Чубинским курс уголовной политики, расширявший методологические горизонты уголовно-правовой науки. М. А. Липинским читался спецкурс «Земские учреждения», а Г. С. Фельдштейном – «История юридической литературы». Подобного рода чтения, несомненно, служили научному формированию юриста.

Преподавателями лицея, особенно первого его состава, как отмечалось, уделялось большое внимание изданию пособий и руководств для студентов. Что касается, выражаясь современным языком, методического обеспечения учебного процесса, именно разработки методики проведения практических занятий, то с этим дело обстояло несколько иначе. Вопрос о методах преподавания юридических дисциплин в литературе обсуждался крайне редко, вернее, почти не обсуждался, и в этом отношении ярославской юридической школе принадлежит пальма первенства.

По состоянию на 1900 г. было издано только 3 методических пособия, предназначенных для проведения практических занятий с юристами, два из них имели составителями преподавателей Демидовского юридического лицея. Первая из работ методического характера была опубликована профессором Мо-

²⁴¹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1885/1886 учебный год // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1886. Кн. 41. С. 2.

²⁴² Летопись Демидовского юридического лицея за 1887/1888 учебный год. С. 8.

сковского университета П. Л. Карсевичем в «Юридическом вестнике» в 1876 г.

В 1882 г. в 28 книге Временника Демидовского юридического лицея было помещено методическое руководство профессора Н. Д. Сергеевского под названием «Казуистика. Сборник судебных случаев для практических занятий по уголовному праву». А в 1900 г. выходят «Руководящие начала к преподаванию русского гражданского права» профессора лицея В. А. Юшкевича. В пособии Н. Д. Сергеевского собран интересный материал для проведения специальных занятий по разбору примерных практических случаев самими студентами. В составленный им сборник казусов вошли, главным образом, судебные случаи, принадлежащие к русской судебно-следственной практике, некоторые из них были заимствованы из немецких сборников казусов, а также из сочинений по уголовному праву русских и зарубежных ученых. Часть казусов скомбинирована составителем. Особая ценность пособия состоит в том, что в нем Н. Д. Сергеевский излагает опыт своей работы со студентами по разбору судебных случаев.

Предложенный профессором казус студентами должен быть разрешен таким образом, чтобы была определена уголовно-юридическая природа поступка, сделан вывод о преступности или не преступности деяния со ссылкой на соответствующие статьи закона. Каждый студент излагает свое решение на отдельном листке по возможности кратко. Изучив предоставленные ему решения, профессор составляет для себя краткий конспект предстоящей беседы с тем, чтобы ни одно положение письменной работы студентов, ни один взгляд, ни одна ошибка или недоразумение не остались без внимания и необходимого разъяснения.

Следующий этап работы – разбор студенческих решений. Предварительно профессором назначается докладчик из числа представивших свое решение, которое он должен изложить вслух перед студенческой аудиторией. Докладчиком назначается обычно тот студент, чье решение отличается подробностью, но правильность или неправильность при этом не имеют значения. Иногда выступить в роли докладчика представляется желающему. По ходу изложения докладчиком своего решения профессор останавливает внимание аудитории на отдельных прозвучавших в докладе положениях, побуждает студентов к обмену мнениями. Иногда по мере необходимости преподава-

тель сам выдвигает свои возражения докладчику и другим участникам разбора, предлагая представить новые доказательства в обоснование отстаиваемой точки зрения. Затем профессор проводит подробный разбор всех решений таким образом, чтобы все высказанные студентами положения в их письменных работах были подвергнуты обсуждению.

«В таком порядке, – пишет Н. Д. Сергеевский, – беседа продолжается до тех пор, пока предложенный случай не будет исчерпан и решение приведено к концу, т. е. к определению виновным наказания или к признанию деяния непроступным»²⁴³. Н. Д. Сергеевский считает весьма полезным вводить разрешение судебных случаев в состав экзаменов, но такие случаи, по его мнению, не должны быть слишком сложными, поскольку в особой экзаменационной обстановке трудно ожидать от студента быстрого решения трудной задачи.

Руководство В. А. Юшкевича писалось значительно позднее. Вышло оно, как мы отмечали, в 1900 г., на грани двух веков. Давно уже ушли в историю времена директорства М. Н. Капустина²⁴⁴, но волновавшие его проблемы продолжали стоять во весь рост. Насаждаемая Министерством народного просвещения система высшего образования по-прежнему, если не в большей степени, нацеливала на пассивное усвоение научных истин, на «обогащение» памяти суммой сведений, необходимых специалисту. Приходилось по-прежнему отстаивать приоритет знания, доказывать недостаточность лекционной формы преподавания для научного становления юриста. Не случайно в своем руководстве В. А. Юшкевич, решительно высказываясь в защиту лекции, счел необходимым подчеркнуть и слабые стороны лекционного метода обучения. «... Лекции, – пишет он, – преимущественно действуют на рецептивные способности слушателей, обогащая штудирующих фактическими данными; кроме того, они не представляют достаточных стимулов к самостоятельному размышлению над преподаваемым, к применению усвоенного; наконец, лекции не дают и преподавателю никаких средств к тому, чтобы следить за развитием и успехами своей аудитории»²⁴⁵. Как и Н. Д. Сергеевский, он при-

²⁴³ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 8.

²⁴⁴ М. Н. Капустин умер в 1899 г.

²⁴⁵ Юшкевич В. А. Указ. соч. С. 22.

дает большое значение решению казусов, развивающих юридическое мышление, раскрывающих слушателям практическое значение усвоенных отвлеченных положений.

Вместе с тем В. А. Юшкевич с полной определенностью утверждает, что практическое занятие не должно быть прямо нацелено на формирование специалиста. «Преследуя практические цели, – пишет он, – разбор и решение казусов отнюдь не могут ставить себе задачую непосредственную подготовку штудирующих к будущей практической (например судебной) деятельности... Всякая практическая деятельность вырабатывает такое обилие и разнообразие форм, носящих нередко чисто делопроизводительский характер, что мало-мальски основательное и исчерпывающее усвоение их не может быть достигнуто иначе как путем более или менее продолжительного упражнения в этой деятельности. Кроме того, непосредственное приобщение к практической деятельности отвлекло бы юридические факультеты от их прямой задачи – дать своим слушателям обобщенное теоретическое знание права. Вот почему мы не думаем, чтобы заслуживал одобрения прием разбора подлинных судебных дел, к которому у нас иногда прибегали с целью практических упражнений. Если такие дела и представляют иногда ядро, интересное с точки зрения теории, то оно совершенно теряется за чисто внешней канцелярской оболочкой дела, которая отвлекает непроизводительно внимание штудирующих от настоящей цели»²⁴⁶.

В. А. Юшкевич, основываясь на своем опыте преподавания, приходит к выводу, что работе по решению практических казусов должна предшествовать особая подготовительная стадия учебного процесса, содержанием которой является особая форма практических упражнений – так называемая экзегетика, т. е. широкое толкование и объяснение законодательства. Прохождение такой стадии диктуется необходимостью овладения слушателями достаточным количеством правового материала. «Цель экзегетики, – пишет В. А. Юшкевич, – заключается в том, чтобы приучить штудирующих к самостоятельному обращению к источникам и к приемам изучения предмета. Применительно к курсу русского гражданского права экзегетические

²⁴⁶ Юшкевич В. А. Указ. соч. С. 22.

занятия могли бы состоять в чтении X т. ч. 1²⁴⁷ или иного его отдела, в разборе его статей по первоисточникам, критике встречающихся в нем положений и конструкций, в развитии содержания ст. X т. ч. 1 по решениям ... сената, наконец, в оценке постановлений действующего права с точки зрения цивилильно-политической»²⁴⁸. Преподаватель, как мы видим, ориентирует студентов на критическое осмысление норм действующего гражданского законодательства, на обращение их к вопросам правовой политики.

В целях облегчения самостоятельной работы студентов и придания ей целенаправленности в руководстве дается краткая характеристика всех имеющихся указателей и справочников по литературе гражданского права, обращение к которым поможет студенту сориентироваться в выборе трудов по тому или иному предмету²⁴⁹. В. А. Юшкевич рекомендует самостоятельно изучающему юридическую литературу студенту обязательное соблюдение следующих требований: разумный выбор сочинений, методичность чтения, его систематичность. От правильного с учетом своих сил и возможностей и поставленной цели (выбора) сочинения во многом будет зависеть успех дела. Методичность чтения В. А. Юшкевич усматривает в соблюдении правила о переходе от простого к сложному, от понятий элементарных к понятиям составным. «Поэтому, – пишет он, – всякому чтению монографий, по нашему мнению, строго говоря, должно предшествовать основательное изучение какого-либо общего (хотя бы самого краткого) курса»²⁵⁰.

Систематичность чтения, по мнению В. А. Юшкевича, будет состоять в том, что, прежде чем приступить к изучению той или иной области литературы, студент должен четко определить круг интересующих его вопросов. «Тогда, – подчеркивает автор пособия, – достоинство и значение каждого сочинения для нашей цели определяется быстро и легко: иначе говоря, следует стремиться не к тому, чтобы прочесть, проглотить как можно больше книг, а к тому, чтобы осветить себе наибольшее число вопросов с помощью разных высказанных о них теми или

²⁴⁷ Имеется в виду том X «Свода законов Российской империи».

²⁴⁸ Юшкевич В. А. Указ. соч. С. 21.

²⁴⁹ Там же. С. 12.

²⁵⁰ Там же. С. 14.

инными авторами суждений»²⁵¹. Методические руководства, составленные профессорами Демидовского юридического лицея Н. Д. Сергеевским и В. А. Юшкевичем, служили определенным пособием не только для изучающих, но и для преподающих юридические дисциплины в российских университетах.

Как мы видим, взятое с первых дней юридического лицея строго научное направление образования продолжало торжествовать. И наиболее тесно связанные с судебной практикой процессуалисты неукоснительно придерживались этого направления, считая опасным уклон в преподавании в сторону практическую. Открывая чтение по уголовному процессу, профессор Д. Г. Тальберг счел необходимым заявить студентам, что судебная практика в системе их подготовки по уголовному судопроизводству будет занимать место весьма скромное. «Что касается судебной практики, – говорил лектор, – то этим материалом мы будем пользоваться настолько, насколько решения судебных мест представляют уклонение от смысла закона и мысли законодателя»²⁵². Иными словами, предполагалось использовать отдельные судебные решения как наглядные иллюстрации допущения «недопустимых» ошибок.

Университетский профиль лицея, набор учебных дисциплин, установленных уставом 1874 г., высокий уровень преподавательских кадров, – все это составляло надежную основу для успешного решения задачи подготовки юристов широкого профиля, но не могло служить полной гарантией от проникновения в сферу образования господствовавшего в обществе духа утилитаризма, взгляда на обучение как на прямое приготовление к службе, взгляда, вполне отвечавшего видам правительства. Поэтому не случайно М. Н. Капустин вновь и вновь обращал внимание на опасность подобного воззрения.

«Характерною чертою современной эпохи, – отмечалось в Летописи лицея за 1878/1879 учебный год, – служит узкопрактическое отношение общества и учащихся к школе. Наука поставлена в служебное положение, на нее смотрят как на средство достижения той или другой цели. За весьма редкими исключениями, учащиеся имеют в виду только скорейшее окончание

²⁵¹ Юшкевич В. А. Указ. соч.

²⁵² Тальберг Д. Г. Вступительная лекция по уголовному процессу // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1880. Кн. 24. С. 12.

курса, т. е. получение диплома, которым соединяется надежда на получение прибыльных занятий. Вне диплома не признается польза пребывания в школе, лишний год пребывания в ней записывается в счет убытков, всякое занятие, не требуемое на экзамене, считается бесполезною тратою времени. При таком взгляде, не окончившие курса считают себя обиженными, если не людьми, то судьбою. В общем мнении они сравниваются с предпринимателем, который даром потратил капитал, работал в убыток... Общество судит об училище и оценивает его не столько по качеству учения, сколько по количеству оканчивающих курс, школе ставят в упрек выход из нее учащих без дипломов и свидетельств»²⁵³.

Мысль о подлинном назначении образования, о несовместимости с ним преследования узкопрактических целей получила широкое развитие в публичной лекции профессора лицея И. Г. Тарасова «О значении веры и знания в жизни», с которой он выступил 19 апреля 1881 г. в зале Ярославской городской думы. «Общая цель образования заключается в том, – говорил профессор, – чтобы каждый в состоянии был идти вперед отважно и решительно, отыскивать истину ревностно, твердо и бескорыстно, взвешивать и уважать чужие мнения, отрицая их только в силу непреложных доказательств ошибочности, и работать с пользой для общего блага. Поэтому нет и не может быть ничего хуже той системы образования, которая сводится только, как выражался Локк, к выучке, т. е. к тому, чтобы все приняли во чтобы то ни стало готовые мнения и втиснулись в готовые шаблоны, причем обращается внимание на средства, которыми достигается такой результат и упускается совершенно из виду та высшая задача образования, которая заключается в помощи движению мысли, обращенной к развитию и накоплению знаний»²⁵⁴.

Так выглядит в общих чертах сложившаяся в Демидовском юридическом лицее система образования. Ее нацеленность на всемерное развитие у студентов юридического мышления, на подготовку юристов широкого научного профиля, на утверждение самостоятельного значения знания не может не вызывать

²⁵³ Летопись Демидовского юридического лицея за 1879/1880 учебный год. С. 2–3.

²⁵⁴ Тарасов И. Т. О значении веры и знания в жизни // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1882. Кн. 28. С. 3.

уважения. Эти и другие ее достоинства заслуживают пристального внимания и изучения в целях совершенствования нашей университетской системы юридического образования.

На всем протяжении существования лицея в той или иной мере стоял вопрос воспитания студенчества.

Считая возможным предоставление студентам «известной степени учебной свободы»²⁵⁵, полагая допустимым студенческое самоопределение в отношении последовательности сдачи экзаменов, М. Н. Капустин совершенно негативно относился к идее так называемой свободы обучения, которая в XIX в. находила довольно полное выражение в системе университетского образования США, где каждый студент избирал для слушания те предметы, которые находил необходимыми для своей будущей профессии. В Германии свобода обучения в принципе признавалась, но ограничивалась определением обязательного минимума лекций²⁵⁶.

М. Н. Капустин считал неприемлемой свободу обучения ни в том, ни в другом варианте и всегда подчеркивал необходимость строгой учебной дисциплины. «При научном характере юридической школы и возложении на нее обязанности производить теоретические экзамены, – говорил он в одном из своих выступлений, – несовместима так называемая свобода учения... С нею неразрывно соединена бесполезная потеря времени при отыскании самим студентом порядка и системы занятий. Дисциплина, которая дается школою, ничем не заменима; принуждение, которое основано не на произволе, а на существе дела, оказывается всегда благотворным для учащихся, свобода учения в большинстве случаев тождественна с беспорядочностью учения»²⁵⁷.

Вопросы воспитания студенчества в той или иной плоскости нередко затрагивались в профессорских лекциях. Студенты постоянно ориентировались наставниками на необходимость систематического труда во имя прочного овладения знаниями, обращения их в вечный умственный капитал. Так, в одной из лекций профессора И. Г. Табашникова высказывалось резко критическое осуж-

²⁵⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1878/1879 учебный год. С. 16.

²⁵⁶ См.: Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 15.

²⁵⁷ Летопись Демидовского юридического лицея за 1871/1872 учебный год. С. 16.

дение легкомысленного отношения к учебному труду некоторых студентов, сугубо показного характера их учебы. «Преподаваемые знания, – говорил профессор, – усваиваются ими наскоро и только для экзамена, с окончанием которого они выбрасываются из головы, как ненужный и обременительный балласт. Подобное пренебрежение к действительному знанию отмщает за себя, прежде всего на самих пренебрегающих ими». Эти студенты, по утверждению И. Г. Табашникова, тем самым «решительно обезоруживают свой ум»²⁵⁸, становятся неспособными, став юристами, к дальнейшему совершенствованию.

К числу важнейших требований, предъявляемых к студенту высшей школы, М. Н. Капустин относил обязательное слушание лекций. Суждения выдающегося педагога по этому поводу не могут не вызывать интереса. Наиболее подробное изложение они получили в летописи за 1876/1877 учебный год: «Никакой разумной причины непосещения лекций представить нельзя ... в истекшем году снова четыре студента были не допущены к экзамену. Мера прискорбная, но необходимая, она должна не ослабевать, а усиливаться, и для полного ее приложения и успеха обеспечено дружное участие всех преподавателей. В самом деле, отнимите обязательное слушание лекций и объяснения профессора, уничтожьте срочные работы, что останется от академической жизни? Раз в год будут сходиться экзаменаторы и экзаменуемые, ничем не связанные друг с другом»²⁵⁹.

Но, как мы убеждаемся, знакомясь с другими выступлениями М. Н. Капустина, в понятие дисциплины им вкладывалось глубокое содержание. Он ратует не за внешнюю, насаждаемую начальством дисциплину, не за держание студентов в «ежовых рукавицах», а за дисциплину внутреннюю, порождаемую сознанием студенческого долга, всей атмосферой товарищеского общения. «... Существует одна форма дисциплины наиболее желательная, – говорит он, – я разумею ту, при которой становится возможным постоянное доброе воздействие студентов друг на друга, облагораживающая силы товарищества, честное соревнование во всем, что украшает здоровую и че-

²⁵⁸ Табашников И. Г. Вступительная лекция по римскому праву // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1883. Кн. 32. С. 9.

²⁵⁹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/1877 учебный год. С. 17.

стную молодость, проявление ее светлой откровенности и задушевности. Нигде все эти отрадные стороны молодости не находят такой почвы для своего развития, как в студенческих общезжитиях. Вспоминается работа над самим собою, поддержка товарищей, задушевное слово – над всем этим общая любовь к месту учения, которая крепким щитом ограждает от всего болезненного и фальшивого. Внешняя дисциплина здесь должна отодвигаться на второй план; впереди всего стоит взаимное воспитание, укрепление в себе чувства нравственного изящества. Студенты не дети, на которых приходится действовать только запрещениями, ... нужно только, чтобы все доброе и честное крепло при взаимном общении и чтобы все, что накопилось нездорового в молодом уме, исчезло бесследно»²⁶⁰.

Для М. Н. Капустина как воспитателя, наставника молодежи была совершенно чуждой манера мелочной придирчивости. Ему всегда была присуща разумная снисходительность. Прекрасно в этом отношении характеризует М. Н. Капустина его ближайший помощник по управлению лицеем профессор В. В. Сокольский: «Неукоснительно требуя соблюдение закона, он в то же время с замечательным тактом относился к тем увлечениям молодости, которые не содержат в себе порочных элементов. Провинившихся в таких увлечениях он старался привести к сознанию того, что они дурно поступали и укреплять в них начала добра»²⁶¹.

В необходимых случаях М. Н. Капустин брал студентов под защиту, проявляя как директор противостояние некоторым нареканиям со стороны представителей местного общества в адрес лицейского студенчества. Выступая перед представителями ярославской общественности, он мудро и тактично развеивал миф о «студенческой невоспитанности», подчеркивая, что несколько шумное поведение студентов на улицах и «крикливость» их костюмов являются проявлениями молодости и не содержат в себе никакой крамольности и нравственного неприличия, тем более чего-то опасного для устоев общества. Так, в своей речи, произнесенной 30 августа 1881 г., он обратился к отцам города, а также к представителям ярославского общества со следующими словами увеще-

²⁶⁰ Летопись Демидовского юридического лицея за 1876/1877 учебный год.

²⁶¹ Сокольский В. В. Летопись Демидовского юридического лицея за 1882–1883 учебный год. С. 4.

вания: «Пользуюсь присутствием представителей ярославского общества, чтобы сказать несколько слов в объяснении тех нареканий, которые падают на студентов, и того непонятного для меня чувства тревоги, которое возбуждает иногда их появление на улицах и бульварах. Имея сведения о студентах, поведение которых в значительной мере падает на мою ответственность, я по совести не нахожу в этом поведении ничего заслуживающего строгого порицания. Наши студенты вообще держат себя скромно. Не нравится их наружный вид, необычные шляпы, палки и костюмы. Согласен, что студенты много выиграли бы, если больше думали о простоте и приличии своего наружного вида. Но вспомните, что почти на нашей памяти прошло не одно поветрие, не одно кокетство формой. Все это смешно, но не более. Можно пожалеть о том, что люди тратят время на придумывание себе оригинальных костюмов и желают отличиться неряшливостью, полагая в ней что-то похвальное ... Достаточно посмеяния, если молодые люди, воображая себя под палящим солнцем Палестины, надевают шляпы с бесконечными полями и вооружаются пастушескими посохами, если они отрачивают себе длинные волосы и щеголяют узорчатым бельем. Но не следует видеть в этих странных проявлениях фантазии чего-либо тревожного и опасного. Я искренне приветствую ожидаемое введение формы для студентов, ... форма будет напоминать студентам о их звании и заставит их дорожить им; наконец, форма избавит студентов от напрасных нареканий: теперь студент и молодой человек отождествляются, и бывали случаи, когда в уличных беспорядках, предписывавшихся студентам, виновными оказывались лица, вовсе не принадлежавшие к лицу. У меня под руками полная летопись всех так называемых студенческих беспорядков. Их немного... Поистине с этим можно бы примириться. Соседство с людьми каждого возраста имеет свои неудобства: детский крик, старческий кашель, молодой веселый смех, – все это вполне естественно. Если на пустынных улицах города появляется масса молодежи, то нельзя ожидать и требовать, чтобы она шествовала в молчании или говорила шепотом. В Европе жители университетских городов благодушно относятся к веселью молодежи, лишь бы оно не преступало границ приличия. Может быть, присутствие значительного числа учащихся представляет свои неудобства. Но эти неудобства вознаграждаются с избытком, если город дорожит тем, что в нем существует

высшее учебное заведение; а дорожат этим все города, с готовностью предлагая пожертвования для учреждения факультетов»²⁶².

Подобное доверительное отношение к воспитанникам лицея, уверенность в том, что они не уронят, не запятнают звания студента, не допустят «разгула и распутства воли», свидетельствует о существовавшей в лицее, особенно в годы директорства М. Н. Капустина, атмосфере взаимного доверия и уважения, духовного единения и близости воспитателей и воспитуемых. Тайный советник М. Н. Капустин никогда не вставал в позу чиновника высокого ранга, не выходил за пределы разумной требовательности в отношении студентов. И они воспринимали его прежде всего как воспитателя, наставника, умудренного жизненным опытом, но не утратившего свежих воспоминаний о собственной студенческой молодости, как «золотой поре жизни». «Даже в старости, – говорил он, – при воспоминании об этом времени слышится благоухание чистой любви к высшим идеалам жизни»²⁶³.

Вот поэтому М. Н. Капустин всемерно стремился довести до сознания своих воспитанников мысль о том, что студенческая пора есть лучшее время жизни, что необходимо проявлять бережливое отношение к студенческой молодости, тратить ее разумно, всецело посвящая образованию ума и воли, укреплению и собиранию сил для общественного служения. «Студенческая пора, – говорится в одной из его летописей, – бывает лишь та, которая вдумывается в свой долг, воспитывает в себе чувство ответственности, освобождает себя от легкомыслия, укрепляет свои силы на честное дело жизни»²⁶⁴. И поэтому надо стремиться быть студентом «не по имени только, а с сознанием своего положения, которому служишь и которым гордишься – эта светлая пора дается раз в жизни и не повторяется более ..., потерянное время студенчества потеряно безвозвратно»²⁶⁵.

Во все периоды деятельности лицея его профессорско-преподавательским составом особое значение придавалось воспи-

²⁶² Летопись Демидовского юридического лицея за 1880/1881 учебный год. С. 13–15.

²⁶³ Летопись Демидовского юридического лицея за 1877/1879 учебный год. С. 138.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Летопись Демидовского юридического лицея за 1872/1873 учебный год. С. 415.

танию у студентов чувства профессионального долга, профессиональной гордости. На публичном акте 30 августа 1874 г., посвященном первому выпуску юристов, М. Н. Капустин обратился к выпускникам со следующими проникновенными словами напутствия: «Звание юриста – высокое звание. С ним соединяются и великая обязанность. Но чтобы исполнять эту обязанность, чтобы быть достойным высокого звания юриста, нужно многое, прежде всего нужна наука ... Наука дает орудие для того, чтобы отличить во всяком явлении здоровое от больного, истинное от фальшивого, честное от бесчестного. Наука не допускает лжи, и ей противно все, что противоречит истине; юрист должен не казаться, а быть в действительности юристом. Но кроме науки для юриста требуется характер. "Силы ума ничтожны, если нет нравственной силы", – сказал Чаннинг²⁶⁶. Действительно, знание права без деятельности по праву было бы только праздномыслием, чувство долга, общее всем, должно быть присуще в особенности каждому юристу и проявляться в нем, как зиждительная основа общества. Без характера, без нравственной устойчивости невозможна разумная деятельность. Кто равнодушно относится к бесчестному делу, тот становится его соучастником; от равнодушия легко перейти к примирению и сочувствию. Юрист должен подавать пример исполнения долга, развивать умственную силу, останавливать проявление безумия, карать преступление. Если юристы будут поступать своим долгом и приводить его к наименьшим размерам, то чего можно требовать от других? Юрист, позволивший себе не только бесчестное дело, но и легкомысленное отношение к своим обязанностям, оскорбляет науку его воспитавшую и роняет ее в общем мнении. Люди, просвещенные наукою, должны быть действительно лучшими людьми. Правильно, говорит Ультман, иной назовет нас жрецами, ведь мы оберегаем справедливость и публично преподаем сведение о добром и справедливом, отделяя справедливое от несправедливого и различая дозволенное от недозволенного. Почетно, но вместе с тем и трудно быть держателем этого величавого знамени. Переходя из мирной школы, где молодого человека окружает доброе расположение наставников и товарищей, юрист должен быть готовым ко всякого рода уловлениям и прельщениям, против которых необходимо вооружить себя на

²⁶⁶ Чаннинг Вильям – известный американский богослов и проповедник (1780–1842).

борьбу. Средства для этой борьбы каждый юрист найдет в научных знаниях и в сильном характере. Но в случае колебаний и тревог, в минуты сомнений и искушений пусть колеблющийся вспомнит тот мирный приют, в котором зародились и зрели первые семена знания права. Пусть каждый из наших студентов в подобные минуты вспомнит о скромной школе и скажет себе: "Лицей на меня смотрит!" И да почерпнет он в этом освежающем воспоминании, в строгом и ласкающем образе нашего училища ободрение и силы на честную преданность добру и правде»²⁶⁷.

Заботой о воспитании у студентов чувства профессиональной гордости проникнуты и многие выступления директора лицея С. М. Шпилевского, достойного продолжателя дела М. Н. Капустина. Весьма характерное в этом отношении обращение к студентам содержится в составленной им Летописи лицея за 1887/1888 учебный год. «Нельзя не увлечься, – говорил директор, – профессией практического юриста: он призван разъяснять истину в запутанных спорах о праве, ему поручается разъяснение истины и при обвинениях в нарушениях права: он должен стоять и за закон как норму и за индивидуальную личность человека ... Велико благодеяние того, кто, благодаря своей силе и ловкости, спасает утопающего в воде или охваченного огнем; велико благодеяние врача, который, благодаря своим знаниям и таланту, восстанавливает здоровье, спасает от смерти; но постоянно представляющаяся юристу возможность спасти от разорения, бесчестия и незаслуженного наказания, представляется не меньшим, а часто большим благодеянием»²⁶⁸.

В директорство С. М. Шпилевского практиковалось проведение лицейских торжественных актов с одновременным участием выпускников лицея и вновь принятых студентов. Обращаясь непосредственно к тем и другим, директор как бы стремился к проникновению их духовной связью поколений, значение которой в деле воспитания трудно переоценить. «Обращаюсь к Вам, наши новые слушатели, – говорил он, – и прощаюсь с Вами, окончившие курс! ... Перед вами, студентами, открывается четырехлетие счастливой поры жизни, предназначенной Вам для дальнейшего духовного развития и для вашего

²⁶⁷ Цит. по: Головщиков К. Д Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. С. 158–161.

²⁶⁸ Летопись Демидовского юридического лицея за 1887/1888 учебный год. С. 10–13.

специального образования. Такое время дается только один раз, оно не повторится; трудно, почти невозможно вам будет наверстать то, что вы должны были бы достигнуть в назначенное вам время: ваше нерадение делу, промахи и ошибки отзовутся непоправимо навеки. Прощайте, оставляющие лицей, новые общественные деятели, наши бывшие слушатели! От всего сердца желаю Вам быть достойными и полезными служителями родной земли ваших соотечественников, несите им "правду", которую вы изучили здесь в "праве", не забывайте преподанных вам здесь идеалов, да будет от вас свет озарившей вас науки»²⁶⁹.

Летописи лицея свидетельствуют о том, что его выпускники долгие годы поддерживали связь с определившим их жизненный путь учебным заведением, считая необходимым постоянно держать лицей в курсе своих служебных дел. И это является наглядным подтверждением того, что воспитанники лицея свято хранили благодарную память о нем, не только вооружившим их научными знаниями, успешно применяемыми в самых разнообразных сферах общественной деятельности, но и твердо поставившим на путь следования идеалам гражданственности. В летописях лицея всегда сообщалось как о тяжелой утрате о преждевременной смерти того или иного из выпускников. К сожалению, случалось это довольно часто; трудные, из-за отсутствия элементарного материального достатка, студенческие годы губительно сказывались на молодом организме²⁷⁰. Велика была смертность и среди студентов. Пятеро из принятых в 1870 г. выбыли из списка студентов в связи со смертью.

М. Н. Капустин прекрасно понимал, что успех дела воспитания студенчества во многом определяет психологический климат преподавательской среды, царящий в ней дух взаимопонимания или взаимного согласия, всемерно ратовал за ут-

²⁶⁹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1887/1888 учебный год. С. 6–7.

²⁷⁰ Летопись за 1883/84 учебный год сообщает о смерти четверых выпускников 1875 г.: Г. И. Владыченского, Н. Н. Белерта, К. И. Капустина, А. М. Преображенского. Все они умерли кандидатами на судебные должности, не дождавшись на них назначения, получая мизерную оплату своего труда, т. е. были обречены на полуголодное существование. Состоять кандидатами предстояло по положению 2–3 года. У некоторых это состояние продолжалось до 5–6 лет. Из той же летописи видно, что выпускник 1874 г. М. К. Лилеев пребывает в качестве кандидата на судебные должности восьмой год.

верждение в профессорском общении безупречного педагогического такта. «Наука требует от людей, ей преданных, – говорил он в одной из своих первых летописей, – взаимного уважения и доброжелательства; она воспитывает чувства терпимости, доверия к искренности чужого убеждения, к откровенности чужого слова. Внешняя связь, основанная на единстве цели и дела, вызывает внутреннее общение деятелей, в котором каждый из них находит ободрение и силу»²⁷¹.

В заключение сделаем некоторые выводы.

1. В Демидовском юридическом лицее сложилась и эффективно действовала концепция юридического образования, нацеленная на исключительно научную, чуждую практической направленности подготовку юристов широкого профиля, ставившая в центр обучения гражданское и римское право. Последнее изучалось в течение двух лет. Кроме того, как отдельные курсы читались «Институции римского права» и «История римского права». Продиктовано это было пониманием невозможности основательной научной подготовки юриста вне приобщения к таинствам классического наследия римлян, к мастерству их юридического конструирования, к логике и дисциплинированности мышления великих виртуозов права. Наши студенты довольствуются лишь духом римского права.

Эта концепция предусматривала преподавание строго юридических дисциплин. Ее основоположник М. Н. Капустин считал, что чрезмерно широкий спектр назначенных к изучению не родственных юридическим дисциплин может серьезно повредить делу научного становления юриста. В целях фундаментализации юридической подготовки в лицее было введено в 1872 г. и никогда не прерывалось, чего нельзя сказать о юридических факультетах большинства российских университетов, преподавание всеобщей истории права. Эта наука, изучающая историю зарубежных законодательств, под таким названием впервые была прописана в учебном плане Демидовского юридического лицея.

2. В числе достоинств лицейской концепции юридического образования системность и органичность взаимодействия профессоров в научно-образовательном процессе. Углубленно специализируясь, они сохраняли масштабность юридического

²⁷¹ Летопись Демидовского юридического лицея за 1872/1873 учебный год. С. 414.

мышления, видение общенаучных проблем. Целям взаимоориентирования преподавателей различных дисциплин служила практика их заслушивания на совете лицея по программе и проблематике читаемого курса. Подобная практика обмена информацией, как отмечалось, способствовала налаживанию профессорского взаимодействия. Тем же целям единения профессорских усилий в плане более эффективного решения общеобразовательных проблем отвечала и практика ежегодных выступлений профессоров в порядке очередности с актовными речами, а также публикация во «Временниках лицея» вступительных лекций.

Научная специализация дореволюционной профессуры не имела ничего общего с сегодняшней прискорбной «узкопрофильностью» преподавателей. Профессор церковного права Н. С. Суворов мог свободно переключиться в связи с необходимостью на чтение римского права. Доктор международного права М. Н. Капустин, кроме своего основного предмета, успешно преподавал энциклопедию права, всеобщую историю права, институции римского права, политическую экономию, науку о финансах. И по каждому из чтений им оставлен определенный след в виде учебных руководств и научных трудов. Ссылка на то, что тогдашние науки не имели современного уровня разработанности, не основательна. Юридические науки в России конца XIX в., за исключением, может быть, административного права, находились на высочайшем уровне разработанности. Дело в том, что вся совокупность юридических наук тогда воспринималась в плане изучения как единый комплекс.

3. Профессорская коллегия лицея, что было характерно и для всей российской дореволюционной юридической школы, исповедовала концепцию проникновения всего образовательного процесса идеей исторического подхода к изучению права. Лекционные курсы преподавателей-отраслевиков имели историко-догматическое построение, предполагающее *поэтапное в строгой исторической последовательности изучение юридических институтов, постепенное накопление конкретно-исторического материала, необходимого для их возведения в современное состояние*. Больше того, многие (почти все) дореволюционные цивилисты, криминалисты, административисты заявляли о своем вхождении в большую науку историко-

правовыми исследованиями применительно к избранной специализации. Эта традиция достойна уважения и следования ей.

4. Как следует из вышеизложенного, профессорская коллегия лицея направляла максимум творческих усилий на гражданское становление студентов, на формирование профессиональных качеств воспитанников. Профессорские наставления были проникнуты чувством отеческой ответственности за будущих юристов, за их общественное служение делу правды и справедливости. Практически в каждой лекции в той или иной плоскости затрагивалась проблема воспитания студенчества, акцентировалось внимание слушателей на необходимости постоянного неослабевающего творческого труда по овладению знаниями и их упрочению. И делалось это не в порядке исполнения обязанности наставника, а по долгу сердца. Потому находились нужные, убедительные, западающие в душу слова. Достаточно вспомнить в этой связи исполненное глубокого общественного смысла и высокой человечности Капустинское напутствие «на честное дело жизни». Каждая из директорских летописей (отчетов за истекший учебный год) являла собой солидный педагогический труд, содержащий новые, нестандартные, подходы к решению проблем нравственного воспитания студенчества, формирования глубоко осознанного с его стороны отношения к учебе. Руководители и профессорско-преподавательский состав лицея ратовали не за внешнюю принудительно насаждаемую дисциплину, а за дисциплину внутреннюю, порождаемую сознанием студенческого долга, «всецелой сферой товарищеского общения».

Часть 2. В ЗВАНИИ УНИВЕРСИТЕТА (1918–1924 гг.; 1970–2009 гг.)

Факультет юридический,
Ты не просто юрфак:
Ты несешь исторический
Просвещения стяг.
Ты по слову Демидова
В достопамятный год
От большого к великому
Начал славный поход.
С. А. Егоров

Глава 4. По ленинскому декрету (1918–1924 гг.)

Согласно декрету Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 21 января 1919 г., подписанному В. И. Лениным, Демидовский юридический лицей был преобразован в Ярославский государственный университет (ЯрГУ). Данный декрет, в частности, гласил: «1. В ознаменование Октябрьской революции 1917 г., раскрепостившей трудящиеся массы от политического, экономического и духовного гнета со стороны имущих классов, открывшей им широкие пути к источникам знания и культуры, учредить Государственные Университеты в г. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и преобразовать в Государственные Университеты бывшие Демидовский юридический Лицей в Ярославле и Педагогический Институт в Самаре. 2. Сроком открытия Костромского, Смоленского, Астраханского, Тамбовского, Ярославского и Самарского Государственных Университетов считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г.»¹.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. (Далее – СУ РСФСР). 1919. № 2. Ст. 21.

Литература о периоде истории развития ярославской юридической школы в 1918–1924 гг. существенно беднее, чем о до-революционном, но в целом позволяет рассмотреть данный процесс². Кроме того, архивные материалы по этому периоду являются, напротив, более представительными.

После октября 1917 г. лицей переживал период послереволюционной неопределенности, хотя подготовительные работы к преобразованию начались еще весной 1918 г. На их ход существенно повлияло то, что при подавлении ярославского мятежа в ночь с 7 на 8 июля 1918 г. сгорело здание лицея почти со всем оборудованием, библиотекой и архивом. В связи с тем, что во время июльских событий 1918 г. сгорело не только здание лицея, но были сильно разрушены и другие здания в городе, вопрос о выделении помещения для университета представлял большую сложность. Однако история с размещением Ярославского высших наук училища не повторилась. В скором времени университету были выделены довольно вместительные, хотя и сильно пострадавшие во время июльского мятежа здания бывшего епархиального Ионафановского женского училища и Духовной семинарии³. В этих зданиях и началась жизнь Ярославского университета.

Обстоятельства складывались так, что в отдельных аудиториях университета приходилось размещать войсковые части, и, случалось, мирный очаг просвещения в некоторые дни «огла-

² Вошатко А. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Ярославский государственный университет в 1918–1924 гг. и правовые последствия фактического прекращения его деятельности // Юридические записки Ярославского государственного университета. 2002. Вып. 6. С. 54–62; Егоров С. А. «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997. С. 255–268; Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под ред. В. Т. Анискова, Ярославль, 1995. С. 171–190; Очерки истории высшей школы Ярославского края / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 2003; Лушников А. М., Лушникова М. В. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1. Ярославль, 2006; Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920; Там же. Вып. 2. Ярославль, 1923; Тарасов Е. П. Из истории Ярославского государственного университета // Вестник Ярославского университета. 1972. Вып. 1 и др.

³ В этих зданиях в настоящее время размещается Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского.

шался звуками труб, барабанов, выстрелов...»⁴. Вынуждало к этому тяжелое время. Шла гражданская война. Ярославль, как и многие другие города республики, превращался в военный лагерь. В октябре 1919 г. университетские здания пришлось передать под военный лазарет, но университет не прекращал своей работы. Занятия продолжались в здании бывшей частной женской гимназии Антиповой⁵, малопригодной для размещения вуза, но в тех условиях лучшего ничего не было. Здание нуждалось в большом ремонте. Его отопительная система вышла из строя, в подвалах скопилась вода. Поставленные «под воздействием» зимних холодов железные печки нещадно дымили, давая мало тепла. Да и топить подчас было нечем⁶.

Фактически занятия начались осенью 1918 г., когда статус вуза был еще не определен, проводились они только вечером, т. к. днем студенты были вынуждены работать для элементарного пропитания. Ярославский государственный университет начал свою работу, имея в своем составе только один факультет общественных и исторических наук, вскоре переименованный в факультет общественных наук (ФОН). В его составе были экономическое и кооперативное (весной 1919 г. объединенные в экономическое), историческое и юридическое (правовое) отделения. 13 преподавателей Демидовского юридического лицея остались на занимаемых кафедрах, а новый университет использовал лицейскую материальную базу.

С началом деятельности Ярославского госуниверситета **В. Н. Ширяев**, о котором уже говорилось в предыдущей главе, возглавляет его, хотя выборов ректора не проводилось. Но персонал бывшего лицея, составивший костяк нового университета, резонно видел в прежнем директоре и нового руководителя. По сути, он возглавлял Ярославский госуниверситет на весь организационный период вплоть до выборов ректора. При этом свою кандидатуру В. Н. Ширяев выставить не собирался, но 21 февраля 1920 г. с его согласия все-таки избирается Советом университета ректором ЯрГУ. Такая настороженная позиция

⁴ Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 342.

⁵ В настоящее время в этом здании размещается одна из кафедр Ярославской государственной медицинской академии (по улице Революционной).

⁶ См.: Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. С. 139–140.

ученого была вызвана отношением новой власти как к университетскому образованию, так и к нему лично. Начнем с того, что местные партийные и советские власти демонстративно не занимались проблемами университета, а только мешали работать его руководству. Как он писал впоследствии, на все вопросы от губернского руководства был один ответ: «окрики и распоряжения выйти вон». В дни ярославского мятежа летом 1918 г. здание лицея сгорело, а с новым были постоянные проблемы и переезды. К тому же центральное советское правительство решительно намеривалось ликвидировать старое юридическое образование, что вызывало неприятие и протест ректора⁷. Объявление в декабре 1917 г. кадетской партии «партией врагов народа» также плохо отразилось на отношении новой власти лично к В. Н. Ширяеву, бывшему руководителем губернской кадетской организации. В декабре 1918 г. он арестовывается органами ВЧК якобы за составление списка большевиков, которых должны были арестовать мятежники в июле 1918 г. Скорее всего, арест был чекистской провокацией, т. к. В. Н. Ширяева в дни мятежа в городе не было, а инициалы авторы злосчастной записки не совпадали с его инициалами. Был здесь и «коммерческий элемент», т. к. при обыске на его квартире были конфискованы деньги и вещи более чем на 14 тыс. рублей, а вернуть их отказались. В итоге после двух дней ареста Ширяева отпустили, но вместо вещей, в том числе серебряной медали за дипломное сочинение, обещали вернуть только 1,5 тыс. рублей. Ширяев на этом не успокоился и обращался с жалобами в центральный аппарат ВЧК, в местные и центральные органы власти. Ему объяснили, что он должен быть рад тому, что его оставили живым и дали хоть какие-то деньги в компенсацию пропавшего имущества.

В. Н. Ширяев самоотверженно работал с первого дня существования и вплоть до приостановки деятельности университета. В конце 1918 г. он стал первым деканом юридико-политического отделения. Впрочем, его ректорство завершилось несколько ранее, а именно в марте 1922 г., а его преемником стал физиолог и врач В. В. Потемкин. При этом В. Н. Ширяев остал-

⁷ См.: Ширяев В. Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 1–19.

сы членом Совета, заведовал научно-учебной частью университета до его официального закрытия 1 октября 1924 г. В 1921–1922 гг. В. Н. Ширяев является профессором ярославского отделения Московского археологического института (с 1922 г. оно вошло в состав Ярославского университета), с 1922 г. преподавал на Ярославских областных юридических курсах.

Первым проректором был также юрист **Василий Никанорович Мышцын**⁸ (до февраля 1921 г.), сменил его медик А. К. Федерольф, а затем экономист А. А. Мануйлов. С 1919 г. первым своим деканом ФОН или, как он тогда назывался, председатель деканата, был специалист по уголовному праву и процессу Николай Николаевич Полянский, одновременно ставший и деканом юридического отделения ФОН (после В. Н. Ширяева), а также заведующим кафедрой уголовного права. Такое удвоение стало следствием того, что каждое из отделений этого факультета имело своих деканов. Например, во главе экономического отделения сначала стоял также юрист, международник и административист Н. Н. Голубев, затем его сменил цивилист Б. В. Чредин. Деканом исторического отделения сначала был также юрист В. Г. Щеглов.

В. Н. Мышцын

Николай Николаевич Полянский (1878–1961) родился 6 апреля 1878 г. в станице Усть-Медведицкой на Дону в семье интеллигентов. Его отец был присяжным поверенным, а мать – учительницей музыки. После получения среднего образования в 1-й Московской мужской гимназии (1896 г.) он поступает на юридический факультет Московского университета и оканчи-

⁸ В. Н. Мышцын (1866(1867) – 1936) был выпускником Московской духовной академии (1890 г.), доктором церковного права, юристом и историком. Первоначально он преподавал в Московской духовной академии, а затем в Московском университете (1907–1909 гг.). С 1909 г. он становится сначала доцентом, затем профессором лицея, в 1918 г. продолжает работу в Ярославском университете – сначала помощником директора, а затем проректором (1919–1921 гг.). Профессор кафедры истории религии, археологии и материальной культуры. Работал в университете до прекращения его деятельности.

вает его в 1900 г. с дипломом первой степени⁹. Среди его университетских учителей было немало поклонников экономического учения К. Маркса, в том числе Н. А. Каблуков, лично знакомый с немецким теоретиком, а также И. Х. Озеров и И. Т. Тарасов (бывший профессор Демидовского юридического лицея). В 1901 г. Н. Н. Полянский был оставлен на кафедре уголовного права Московского университета для подготовки к профессорскому званию на два года, а позднее этот срок был продлен еще на два года. После сдачи магистерского экзамена в октябре 1904 г. он назначается приват-доцентом по кафедре уголовного права Московского университета, а с начала 1905 г. командировается на два года за границу, в основном во Францию и Германию. В мае того же года он принимается присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Еще со студенческой скамьи Н. Н. Полянский являлся сторонником экономического учения К. Маркса и во многом из-за этого избрал основным направлением исследования правовую регламентацию стачек и забастовок, а также вопросы коалиционной свободы. Итогом его пятилетних изысканий стала магистерская диссертация, представленная к защите в 1907 г. и тогда же опубликованная в виде книги¹⁰. Эта диссертация Н. Н. Полянского была отвергнута советом. После некоторой доработки в 1909 г. он представил новую магистерскую диссертацию в Ученый совет Московского университета, успешно защитил ее и в начале 1910 г. был утвержден в ученой степени магистра.

В середине 1910 г. Полянский командировается на 2 года за границу для продолжения научных исследований. В феврале 1911 г. он складывает с себя обязанности приват-доцента Московского университета в числе около 130 преподавателей, покинувших его стены в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. Впрочем, полностью от преподавания Н. Н. Полянский не отошел. С 1910 г. он был профессором, затем деканом юридического факультета Высших женских юридических и историко-филологических курсов

⁹ Филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории (Филиал ГАЯО-ЦДНИ). Ф. 7867. Оп. 2. Д. 3209 (личное дело Н. Н. Полянского).

¹⁰ Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.

им. Полторацкой, в 1909–1918 гг. преподавал в Народном университете им. Шанявского, а в 1914–1916 гг. – на женских педагогических курсах в Москве. В 1912–1913 гг. он работал участковым мировым судьей, а в сентябре 1913 г. был избран профессором по кафедре права Московского сельскохозяйственного института. В этой должности он не был утвержден министром земледелия А. В. Кривошеиным.

В 1916 г. Н. Н. Полянский приглашается на кафедру уголовного права и процесса Демидовского юридического лицея, преподавание в котором продолжилось до его закрытия и возобновилось в Ярославском университете в 1918–1921 гг. В начале 1919 г. вместе с семьей он переезжает в Ярославль и избирается председателем деканата (деканом) факультета общественных наук (ФОН), а также и деканом юридического отделения ФОН. Февральскую революцию он встретил с энтузиазмом, видя в ней торжество права, путь к подлинному народовластию, коалиционной свободе и политической демократии¹¹. Октябрьские события 1917 г. первоначально также были восприняты им позитивно, подвигли маститого юриста на исследования в области социалистической теории¹². Однако достаточно быстро он убедился, что революция – не торжество права, а пир политической целесообразности, зачастую принимающий облик полного бесправия.

Ученый продолжал принимать активное участие в общественной жизни, выступил одним из главных организаторов просветительской работы на селе. Он безвозмездно выступал с лекциями в крестьянских кооперативах и сельских клубах. При этом он не только доступно излагал сложные правовые вопросы, но и оказывал крестьянам практическую юридическую помощь. Николай Николаевич возглавлял культурно-просветительский отдел Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооперативов, занимался подготовкой и изданием популярной сельскохозяйственной литературы, организацией лекций¹³. Свою работу «Просветительные экспедиции в Ярославской губернии» он послал А. Ф. Кони, на что тот отозвался

¹¹ Полянский Н. Н. Революция – торжество права. М., 1917.

¹² Он же. Народнический социализм. М., 1918.

¹³ См.: Полянский Н. Н. Идея и идеал кооперации: Общее образование и кооперативная работа. Ярославль, 1920.

благодарственным письмом: «Глубокоуважаемый Николай Николаевич! Меня сердечно обрадовали и присылка Вами "Просветительной экспедиции в Ярославской губ.", и полученное вскоре письмо от 10 сентября... Глубоко сочувствую Вашей просветительской работе... и жалею, что годы и силы уже не дают мне возможности поработать на этом поприще, хотя бы в гораздо меньшем объеме и, конечно, с меньшим очень завидным успехом, каков Ваш, красноречиво говорящий цифрами. Рад и тому, что Вы можете соединять эту практическую деятельность с профессурой»¹⁴.

В сентябре 1919 г. Н. Н. Полянский одновременно начинает вести занятия в 1-м МГУ и оставляет руководящую работу в ЯрГУ, а в 1920 г. переезжает обратно в Москву. В конце 1921 г. из-за чрезвычайной загруженности он полностью прекращает преподавательскую работу в Ярославле.

С ноября 1920 по октябрь 1923 гг. председателем ФОН был профессор **Борис Васильевич Чредин** (1885 – после 1928). Он родился в Москве 10 июля 1885 г. в семье присяжного поверенного Округа Московской судебной палаты¹⁵. После завершения обучения в 1903 г. в 1-й Московской мужской гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1908 г. с дипломом первой степени. Его учителями были известные ученые А. Э. Вормс и В. М. Хвостов. Затем Б. В. Чредин был помощником присяжного поверенного, а в 1910 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. В 1910–1913 гг. преподавал законоведение в ряде мужских гимназий Москвы. В 1913 г. в Варшавском университете он сдал экзамен на звание магистра римского права и с того же года стал исполняющим обязанности доцента Варшавского университета по кафедре римского права. Это был эрудированный ученый, знаток истории права.

В ноябре 1914 г. его избирают приват-доцентом кафедры гражданского процесса Демидовского юридического лица с сохранением прежнего звания в Варшавском университете. Это было связано с Первой мировой войной, превратившей Варша-

¹⁴ Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 307.

¹⁵ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 4652 (личное дело Б. В. Чредина).

ву сначала в прифронтовой город, а затем оккупированный немцами в августе 1915 г. Чредин отличался независимостью суждений, открыто выступал за проведение глубоких социально-экономических реформ. В декабре 1914 г. по инициативе лицейского попечителя А. Тихомирова его должны были отстранить от преподавания, но в условиях войны и нарастания кадровых проблем он сохранил должность¹⁶. В лицее он преподавал гражданский процесс и гражданское право (наследственное и семейное русское право), а также институции римского права. Впрочем, весной 1915 г. он временно вернулся в Варшаву, где продолжил преподавание в местном университете и Высшей женской гимназии. Это было связано с тем, что фронт неуклонно приближался к столице тогда еще Царства Польского в составе России и многие преподаватели перевелись в другие вузы. Это был поступок порядочного человека, но вести ему пришлось сразу четыре дисциплины. Вместе с университетом летом 1915 г. он эвакуируется в Ростов-на-Дону, где продолжает проведение занятий по гражданскому праву и ведет студенческий цивилистический кружок. В начале 1917 г. Борис Васильевич избирается на должность профессора.

Февральскую революцию Б. В. Чредин приветствовал, а к установлению советской власти отнесся с пониманием, хотя разгоревшаяся на Дону гражданская война повлияла на его дальнейшие жизненные планы. Сначала он переезжает в Москву, где начинает преподавать в 1-м МГУ, а в ноябре 1918 г. Совет Демидовского юридического лицея, вскоре преобразованного в университет, избирает его профессором по кафедре истории римского права. Так он стал одним из первых профессоров Ярославского государственного университета и в начале 1919 г. вместе с женой Лидией Николаевной переехал на жительство в Ярославль. Затем он служил на кафедре истории права и государства, но читал лекции и по дисциплинам других кафедр, в том числе по истории институтов частного права, учение о суде, техника правовых норм, учение об основных экономических правах, спецкурсы по судебному праву и гражданскому процессу. Он одним из первых в стране стал читать спецкурсы «Организация труда в капиталистическом обществе» и «Правовая организация производства и труда в РСФСР».

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 977. Л. 74–81.

Почти сразу же после избрания он занял руководящие должности. С декабря 1918 по июль 1919 гг. он секретарь юридического отделения факультета общественных наук (ФОН), с июля 1919 по ноябрь 1920 гг. – декан экономического отделения ФОН, параллельно с октября 1919 по июнь 1920 гг. – председатель Совета рабочего факультета (рабфака), одновременно с сентября 1919 (после отставки Н. Н. Полянского) до февраля 1920 г. – исполняющий обязанности декана ФОН, а с февраля 1920 и до слияния ФОН с Педагогическим институтом им. Н. А. Некрасова и образования на их базе педагогического факультета в середине 1922 г. был его деканом. Наконец, с сентября 1920 до октября 1923 г. Б. В. Чредин – председатель деканата (декан) правового отделения ФОН (т. е. до его закрытия). Б. В. Чредина можно назвать настоящим патриотом Ярославского государственного университета, который боролся до конца за его сохранение, принимал активное участие в руководстве вуза вместе с В. Н. Ширяевым, Н. Н. Полянским и В. Н. Мышцыным. Такая загруженность административной работой оставляла мало времени на научные исследования, но его научные публикации по-прежнему отличались глубокой эрудицией и широтой охвата проблемы¹⁷.

Из организованных в первые два года 29 кафедр (в ноябре 1918 г. их было 19) 27 относились к ФОНу, причем подавляющее большинство из них – к его правовому отделению. Первым секретарем Совета и Президиума ЯрГУ являлся юрист А. Р. Свирщевский. Уже с начала своего существования Ярославский государственный университет превосходил Демидовский юридический лицей по числу студентов. В первом учебном году было принято около 1200 студентов¹⁸, в том числе 338 бывших лицеистов. В их составе было 34 женщины. Предполагалось, что бывшие лицеисты закончат курс своего обучения по прежним программам юридического факультета. На 1 января 1920 г. в университете уже числилось 1897 студентов.

¹⁷ См.: Чредин Б. В. Политические воззрения Горация // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920. С. 61–87.

¹⁸ См.: Тарасов Е. П. Из истории Ярославского государственного университета // Вестник Ярославского государственного университета. 1972. Вып. 1. С. 9.

Преподавательский состав лица даже в трагический период его истории в сентябре 1918 г. состоял из известных российских ученых-юристов, таких как профессора В. Н. Ширяев (директор и декан юридико-политического отделения), Н. Н. Полянский (оба с кафедры уголовного права в связи с уголовной социологией и уголовного судопроизводства), В. Н. Мышцын (помощника директора, затем первый проректор университета), В. Г. Щеглов (кафедра государственного права, декан исторического отделения), Н. Н. Голубев (кафедра административного права), Д. С. Глаголев (бывший профессор богословия, затем истории), А. А. Рождественский (кафедра общей теории права и истории философии права), Р. М. Орженцкий (кафедра политической экономии и статистики, лектор латинского языка), А. Р. Свиршевский (кафедра науки о финансах), доцент (вскоре ставший профессором) Б. А. Лапицкий (кафедра торгового права). В ноябре 1918 г. к ним присоединился профессор Б. В. Чредин (кафедра истории римского права), *А. В. Венедиктов* (кафедра промышленного права с включением рабочего законодательства, впоследствии академик Академии наук СССР), *Н. Н. Пчелин* (кафедра истории русского права), политэконом М. Н. Нерсесов. Кафедру гражданского права должен был занять уже преподававший в лицее *В. А. Рязановский*, но он к работе после 1917 г. так и не приступил. В ноябре 1919 г. из числа вышеназванных преподавателей в Ярославском государственном университете остались все, кроме Д. С. Глаголева и Р. М. Орженцкого, а пришли профессора государствовед *Б. Д. Плетнев*, историк В. Н. Бочкарев, филолог С. И. Радциг и др. Декретом предусматривалось и приглашение новых преподавателей путем рекомендации. Профессорская коллегия довольно быстро пополнялась. К началу 1919 г. она состояла из 23 человек, представлявших все основные отрасли права. В связи с этим Ярославский университет по отношению к Демидовскому юридическому лицу. По сути, новый университет первоначально представлял собой вуз, осуществлявший обучение экономистов (с углубленной правовой подготовкой) и юристов, а также историков. Основу ЯрГУ, что вполне естественно, составило именно правовое отделение ФОН с уже подготовленным штатом преподавателей и контингентом студентов.

Весной 1919 г. правовое отделение было переименовано в юри-
дико-политическое, которое после
отставки Н. Н. Полянского в сен-
тябре 1919 г. опять возглавил
В. Н. Ширяев, затем профессор **Бо-
рис Анатольевич Лапицкий**¹⁹, ко-
торого, в свою очередь, во второй
половине 1920 г. сменил экономист,
профессор **Александр Александр-
ович Мануйлов** (1878 – после
1923). Он был выпускником юри-
дического факультета Московского
университета, где в 1910 г. был ос-
тавлен на кафедре политической

А. А. Мануйлов

экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. В дальнейшем преподавал в ряде вузов Москвы, служил в банковских учреждениях. В феврале 1920 г. он начал преподавать на ФОН ЯрГУ, затем был председателем комиссии по созданию агрономического факультета и деканом этого факультета (с ноября 1920 г.), впоследствии проректором (в начале 1921 г.).

Весной 1920 г. юри-дико-политическое отделение опять стало правовым, а с сентября 1920 г. и до закрытия им руководил, как уже указывалось выше, Б. В. Чредин. После слияния ФОН с Педагогическим институтом им. Н. А. Некрасова и образования на их базе педагогического факультета в середине 1922 г. правовое отделение осталось своеобразным его «обломком», подлежащим, с точки зрения деятелей политического режима, ликвидации. Подчеркнем, что значительное представительство юристов на руководящих должностях в университете характерно только для первых лет его существования. Положение стало меняться по мере возрастания негативного отношения к юриспруденции, порождаемого духом правового нигилизма. Переименование юридического отделения в юри-дико-политическое, о чем уже упоминалось выше, и назначение на должность декана экономиста А. А. Мануйлова ставило под

¹⁹ Б. А. Лапицкий в ноябре 1918 г. был доцентом, а вскоре стал профессором ЯрГУ. Он был специалистом по гражданскому праву.

сомнение самостоятельное значение права, оно низводилось на роль вспомогательного средства политики.

Однако первые годы деятельности нового университета отмечены стремлением к развитию лучших традиций и добрых академических обычаев дореволюционной высшей школы, дальнейшей демократизацией университетской жизни. Высшим руководящим органом Ярославского университета являлся его совет, в который входили все профессора и преподаватели учебного заведения, а также представители студенчества – в количестве одной трети наличного состава преподавательской коллегии.

На заседаниях совета обсуждались различные вопросы организационного характера, имеющие особо важное значение ввиду отсутствия определенных норм, регулирующих внутреннюю жизнь университета, производились выборы представляемых факультетами кандидатов на замещение профессорских и преподавательских должностей, изыскивались и подвергались обсуждению меры к более полному удовлетворению выдвигаемых текущей жизнью насущных нужд университета²⁰. Для более оперативного руководства в связи с усложнением жизни растущего учебного заведения был создан президиум университета в составе ректора, проректора, секретаря совета, деканов, секретарей советов факультетов. В работе этого органа также участвовали представители студенчества. Президиум рассматривал вопросы, требовавшие безотлагательного решения. Административно-хозяйственная часть университета была в непосредственном ведении правления, в состав которого входили ректор, проректор, деканы факультетов и отделений, представители административно-хозяйственных служащих и студенчества.

Образовательный уровень студентов резко понизился, однако этот недостаток отчасти компенсировался энтузиазмом и даже пылкостью новой генерации учащихся. Новая студенческая аудитория поражала профессоров своей самоотверженностью в стремлении к знаниям, каким-то особым оптимизмом. «Чувство глубокого удовлетворения должен был испытать каждый из академических деятелей, наблюдая, как в большинстве

²⁰ См.: Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. С. 142.

случаев после 6-часовой работы ..., проглотив наспех скромный обед в студенческой столовой, ряды учащихся самых различных возрастов устремлялись в аудитории. Перед этой картиной как-то тускнели и забывались все огорчения от понесенных неудач и испытанных затруднений и невольно возникало сознание, что не безрезультатна работа, что не даром потрачены усилия, что положено прочное основание крупному культурному начинанию»²¹. Успешному ходу учебного процесса способствовала разрастающаяся библиотека университета, которая к 1920 г. насчитывала более 60000 томов. Напомним, что значительная часть лицейской библиотеки погибла в огне в июле 1918 г., а часть литературы была элементарно растащена или ушла в другие вузы. Например, часть лицейской литературы по медицине оказалась даже в Томском университете.

Разумеется, профессоров не могли не огорчать все те испытания, которые выпали на долю университета. Трудности работы для многих усугублялись и тем, что приходилось приезжать в Ярославль для чтения лекций из Москвы и других городов. При этом нельзя забывать, что поездка из Москвы до Ярославля в условиях гражданской войны и разрухи представляла собой сплошное мытарство. Движение поездов было нерегулярным, вагоны набивались до отказа. Иногда подобное, стоящее больших нервов «путешествие» из Москвы до Ярославля длилось более суток. Создать постоянные кадры преподавателей университет не смог из-за бедности жилого фонда в Ярославле, пострадавшего в мятеж. В штат университета был зачислен известный историк земства Б. Б. Веселовский, но к чтению лекций, видимо, в силу изложенных причин, он так и не приступил. То же произошло и с известным цивилистом М. М. Агарковым, избранным советом университета на должность профессора, но в Ярославле так и не появившимся²². Напротив, ярославские профессора заочно избирались на кафедры других университетов. Так произошло с В. Н. Ширяевым, которого в 1918 г. избрали на должность профессора кафедры уголовного права сразу трех университетов – Казанского, Воронежского и Саратовского. Ситуацию усложняли постоянные попытки призвать университетских пре-

²¹ Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 348.

²² Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–9.

подвателей призывного возраста на службу в Красную армию, которые с трудом отбивались советом вуза, требовали большой траты времени и целого вороха справок, извещений и др. Не прекращались попытки «уплотнения» имеющих нормальные жилищные условия, однако таковых среди преподавателей было немного. Постоянным раздражителем служили чистки рядов студентов за сокрытие «враждебного» социального происхождения, неверные политические взгляды, а также за академические задолжности. Даже накануне прекращения деятельности университета, летом 1924 г., было «вычищено» более четверти всех студентов, правда, в подавляющем большинстве своем за неуспеваемость и полную неспособность учиться в силу слабого уровня развития²³.

Организационные изменения не прекращались на протяжении всего относительно короткого периода существования ЯрГУ. 25 ноября 1919 г. открывается медицинский факультет, который возглавил бывший лицейский преподаватель *Иван Осипович Зубов* (1874 – после 1929). Он окончил медицинский факультет Юрьевского университета в 1901 г., доктор медицины с 1903 г. После нескольких лет врачебной практики И. О. Зубов с 1911 г. становится приват-доцентом Харьковского университета, а с 1912 г. – приват-доцентом, а с 1918 г. – профессором Демидовского юридического лицея. Далее он стал первым деканом медицинского факультета, а также заведующим кафедрой истории и энциклопедии медицины того же факультета (1919–1920 гг.). Одновременно в 1918–1923 гг. возглавлял кафедру судебной медицины и психиатрии ФОН ЯрГУ. Крупный специалист в области судебной медицины и судебной психиатрии. С 1923 по 1926 гг. преподавал на Ярославских областных юридических курсах, на которых трудились и другие университетские профессора, в частности В. Н. Ширяев. С 1924 по 1929 гг. И. О. Зубов являлся профессором судебной медицины Ярославского мединститута.

Как отмечается в отчете университета за 1919/1920 учебный год, открытие медицинского факультета было отпраздновано скромно, тепло, с большим нравственным подъемом. С приветственным словом выступил ректор В. Н. Ширяев. Затем для вновь принятых студентов-медиков и всех присутствовав-

²³ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 1678. Л. 28.

ших на торжестве деканом нового факультета была прочитана лекция «Медицина как наука, как творчество и как дело милосердия». Бывший лицейский профессор, преподававший в юридическом учебном заведении судебную дисциплину, говорил: «Недавно это было. Гражданская война коснулась нашего родного Ярославля. Грохотали пушки, нанося его телу многие и тяжкие раны. Город горел, а вместе с ним его лучшее украшение – столетний почтенный старец – лицей с ценнейшей книжной сокровищницей – библиотекой. Лицей сгорел как здание, но не погиб как учреждение, не погибла для Ярославля высшая школа. Его преподаватели сплотились со своими учениками-студентами и энергично принялись за дело не только восстановления старца-лицея, но и превращения его в новый для Ярославля организм – университет. Труды их увенчались успехом. Мы знаем и ценим заслуги предшественника, но продукт его трансформации оказался уже теперь с более крупными чертами. Сейчас мы фактически открываем уже второй факультет – медицинский, а в недалеком будущем предполагается к открытию и факультет агрономический»²⁴.

Зубов напомнил в своей лекции о большой нравственной и гражданской обязанности всех лиц, причастных к делу высшего образования. «... Мало открыть факультет, надо его поставить так ..., чтобы широким лучом исходил из него свет науки и чтобы выпускал он людей действительных знаний, трудолюбивых, воспитанных и проникнутых моральными началами, которые должны блистать как в сфере обязанностей гражданина, так и обязанностей профессионала»²⁵. Так было положено начало медицинскому факультету, который, как известно, традиционно входил в состав российских университетов.

Один из первых выпускников этого факультета *В. И. Беляев* (1896–1964) воплотил в своем жизненном пути связь ярославских юридической и медицинской школ. В 1917 г. он поступил в Демидовский юридический лицей, а в 1919 г. перевелся на медицинский факультет ЯрГУ, став одним из первых его выпускников. С 1924 г. являлся судебно-медицинским экспертом Ярославского уезда (с 1926 г. – Ярославской губернии). Одно-

²⁴ Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. С. 56–57.

²⁵ Там же. С. 57.

временно преподавал судебную медицину на научных курсах при адвокатской школе, на других правовых курсах. С 1943 г. трудился в Ярославском мединституте, кандидат медицинских наук (1944 г.), был профессором и заведующим кафедрой судебной медицины, заместителем директора института. В 1962–1964 гг. профессор Ярославского пединститута. Был награжден орденом Ленина, медалями.

Летом 1920 г. университету были возвращены его здания. В одном из них – бывшей Духовной семинарии – расположился организованный в ноябре 1919 г. медицинский факультет. Открывшийся в ноябре 1920 г. агрономический факультет был размещен в капитальном здании Дома призрения ближнего, что на Крестьянской улице²⁶. В 1922 г. в результате слияния факультета общественных наук с педагогическим институтом имени Н. А. Некрасова²⁷, о чем уже говорилось выше, создается педагогический факультет, и теперь университет имел в своем составе уже четыре факультета: медицинский, агрономический, педагогический и рабфак.

Особо следует сказать о последнем факультете. Он был организован в университете 18 октября 1919 г. в соответствии с декретом от 15 сентября 1919 г., которым рабочие факультеты вводились в качестве подготовительной школы для рабочих и крестьян, стремящихся к получению высшего образования. Первым председателем Совета рабфака стал юрист Б. В. Чредин, а в июне 1920 г. его сменил физик, профессор А. О. Блажеевич, в прошлом преподаватель Ярославского кадетского корпуса. Профессора университета с большим удовлетворением отмечали сильную тягу рабфаковцев к знаниям. В университетском сборнике писалось по этому поводу: «Небольшая пока аудитория рабочего факультета, состоящая исключительно из рабочих и крестьян, с горячим рвением приступила к учебным занятиям, и на обязанности университета лежит удовлетворить эту потребность знания народной массы»²⁸.

Не без проблем, но постепенно начал вырисовываться общий профиль преподавания общегуманитарных и юридических

²⁶ Ныне по ул. Андропова, где размещается приемная комиссия ЯрГУ.

²⁷ Преобразован в 1918 г. из учительского института, открытого в 1908 г.

²⁸ Ширяев В. Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 4.

дисциплин на правовом отделении. По кафедре социологии преподавались собственно социология и методология общественных наук. На кафедре истории научной мысли было сосредоточено изучение логики, психологии, новейшей истории, энциклопедии философских наук, к ней же относилось и введение в философию. Дисциплины этих двух кафедр читались на всех отделениях. По кафедре истории права и государства изучались история институтов частного права, история русского права в связи с историей экономического развития, история учреждений, сословий и классов в России, сравнительное правоведение.

Кафедра истории политической и юридической мысли включала такие дисциплины: введение в изучение наук о праве и государстве, историю государственных форм и политических учений, технику правовых норм. В большей мере отвечала духу нового времени кафедра публичного права, на которой преподавались: государственное право Советской республики; учение об управлении и социальной политике в Советской республике, обзор современных конституций; федерация, автономия, самоуправление и национальный вопрос; местное управление, учение о суде, административная юстиция. На этой же кафедре читался специальный курс по судебному праву. По кафедре социального права изучались: введение в социальное право, гражданское право и социализм, кооперативное законодательство. И здесь ярко обнаруживается дух революционных преобразований. Меньше он сказался на кафедре криминальной социологии и политики, где преподавались, кроме криминологии и социальной политики, судебная медицина, судебная психология, учение об отдельных видах преступлений. При этом выделение в качестве особых дисциплин «учения об участии общества в деле борьбы с преступностью» и учения о «борьбе с детской преступностью и безнадзорностью» также, видимо, свидетельствует об отражении задач новой революционной власти.

В числе организованных в духе времени – кафедра рабочего права и социальной политики. По кафедре международных отношений и международного права читались история международных отношений и административное международное право, а также местное управление и право внутреннего управления.

Правовое отделение ФОН Ярославского госуниверситета успело провести в октябре 1923 г. только один полноценный

выпуск. Часть бывших лицейстов формально завершили образование ранее. Ярославские областные юридические курсы при ЯрГУ прослушали около ста человек. В любом случае в Ярославле успели получить юридическое образование до закрытия правового отделения около 500 человек. Более точную цифру установить невозможно из-за неопределенности статуса выпускников (отсутствия системы дипломов, званий, даже справок) и недостаточной документальной базы.

Много вопросов связано с прекращением деятельности университета в 1924 г.²⁹ Это традиционно связывается с так называемым «общим урегулированием сети высших учебных заведений». Отметим, что его профессоров, да и студентов постоянно не покидало чувство неуверенности в завтрашнем дне. Слухи о возможном закрытии университета продолжали нарастать. Собственно, уже первые месяцы жизни нового учебного заведения были омрачены официально высказанным правительственным намерением упразднить юридические факультеты в университетах. В «Известиях ЦИК РСФСР» от 26 декабря 1918 г. было напечатано следующее сообщение: «Ввиду полной устарелости учебных планов юридического факультета и несоответствия их новым запросам жизни народный комиссариат по просвещению постановил упразднить юридические факультеты и закрыть все отпущенные на них кредиты с 15 января 1919 г.»³⁰. Тогда хватило благоразумия это намерение не осуществить, иначе Ярославский университет вообще бы не состоялся. Напомним, что его фундаментальную основу в первое время составлял именно юридический факультет (правовое отделение) с уже готовыми профессорскими кадрами и контингентом студентов.

Идея о ликвидации юрфаков была реанимирована в начале 1922 г., но в более широком контексте и в связи с общим сокращением сети вузов. Это соответствовало и общей стратегии по свертыванию системы широкого университетского образования и перехода к узкотехнической подготовке специалистов.

²⁹ См. подробнее: Вошатко А. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Ярославский государственный университет в 1918–1924 гг. и правовые последствия фактического прекращения его деятельности // Юридические записки Ярославского государственного университета. 2002. Вып. 6. С. 54–62.

³⁰ Известия ЦИК РСФСР. 1918. № 284(548).

Отсюда уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, промышленных и др. Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) НКП РСФСР предложило закрыть ФОН ЯрГУ «в лице его правового отделения» к началу 1922/1923 учебного года. Но в Главпрофобр поступило ходатайство ФОНа ЯрГУ за подписью его руководителя Б. В. Чредина о разрешении студентам 5–9 семестров пройти ускоренный курс с таким расчетом, чтобы к первому июля 1923 г. был сделан выпуск. Более того, Ярославский губисполком и губернский прокурор Любашевский просили сохранить высшую юридическую школу в Ярославле³¹. Однако на заседании Президиума коллегии Главпрофобр 13 марта 1923 г. был установлен последний срок ликвидации ФОН, который был обозначен как «окончательный» и не подлежащий дальнейшему продлению. Это октябрь 1923 г., когда ФОН в «лице» единственного его оставшегося с 1922 г. правового отделения и был упразднен³². В «урезанном» состоянии университет просуществовал ровно год.

Решение о фактическом прекращении деятельности ЯрГУ было принято на заседании Малого Президиума Ярославского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (п. 3, Протокол № 26 от 3 мая 1924 г.). Постановление по п. 3 гласило: «1) Ввиду дефицита местного бюджета, следствием которого явилось сокращение расходов по всем отраслям работы учреждений Ярославской губернии ..., признать содержание Ярославского Государственного Университета на средства Ярославского губисполкома в дальнейшем невозможным и отпуск средств прекратить с 15-го июля с/г. 2) Поскольку университет содержится на местные средства и неотпуск средств в дальнейшем является равносильным фактическому закрытию Университета, предложить Губфинотделу договориться с Правлением Университета о сумме, потребной для ликвидации последнего...». Как видим, в данном акте содержалось решение не о ликвидации, а только констатация «фактического закрытия» за отсутствием денежных средств. Это можно квалифицировать как приостановку

³¹ См.: Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 1565. Оп. 1. Д. 49. Ч. II. Л. 378–387.

³² Там же. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 67. Л. 446.

функционирования ЯрГУ, прекращение деятельности де-факто. Таким образом, в 1924 г. идея о ликвидации широкого университетского образования начала получать свое осуществление. Официально 1 октября 1924 г. Ярославский государственный университет, профессорско-преподавательский коллектив которого составлял 200 человек, был закрыт. Студенты в знак протеста провели демонстрацию, однако достаточно малочисленную и не имевшую большого резонанса.

Но полностью как высшее учебное заведение он не исчез: преобразованный из педагогического факультета педагогический институт продолжал дело подготовки педагогических кадров. Вуз этот также связан в некоторой степени узами преемственности с Демидовским лицеем, в стенах которого впервые осознал свое великое призвание педагога К. Д. Ушинский. Не случайно бывший ректор университета В. Н. Ширяев, направляя в адрес педагогического института из Минска свои новые труды, сопровождал их своим автографом: «Ярославскому пединституту – преемнику Ярославского университета». В данном случае налицо только личностное (через преподавателей) и организационное (как бывшего педагогического факультета университета) преемство. Действительно, среди преподавателей Ярославского педагогического института можно было встретить еще лицейских педагогов (в частности, профессора В. Н. Мышцына), а также известных ученых-юристов, в том числе профессоров Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау³³. Уже их ученики и ученики их учеников оказались в числе первых преподавателей восстановленного в 1970 г. Ярославского государственного университета. Так не распалась связь времен.

Своеобразным завещанием блестящей плеяды представителей ярославской юридической школы конца XIX – начала XX в. стал вышедший в 1920 г. сборник трудов университетских профессоров под названием: «Сборник Ярославского государственного университета. Выпуск первый». Издание открывается полемической статьей ректора В. Н. Ширяева «Вопросы правотворчества и суда в Советской России (по материалам народно-

³³ См.: Лушников А. М. У истоков российской науки международного и зарубежного трудового права: жизнь и научное наследие Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 568–581.

го комиссариата юстиции)». С присущей ему прямоотой автор подвергает критике «залихватские» призывы видных деятелей народного комиссариата юстиции Д. И. Курского, П. И. Стучки и др. об изгнании из советского правосудия всех буржуазных догм и гарантий, как несовместимых с диктатурой пролетариата. В. Н. Ширяев обосновывает непреходящее значение общечеловеческих норм правосудия, отказ от которых открывает путь произволу, ведет к сокрушению правопорядка. Старые правовые ценности не могут отбрасываться только потому, что они принадлежали и служили старому, революцией отвергнутому строю. Ширяев усматривает в правовой преемственности один из важнейших законов общественной жизни.

«Каждая историческая эпоха, – пишет он, – передает другой свой правовой уклад, но передает, по образному выражению Колера, не как поклажу, которую надо хранить в неприкосновенности, а как основу, из которой должны развиваться новые формы, новое право»³⁴. Возведение в абсолют классового интереса, по мнению ученого, дело опасное, праву несозвучное. У Ширяева вызывает недоумение третируемое с тех же ультрареволюционных позиций теории правового государства. Он утверждает, как в свое время утверждал его коллега по лицу Б. А. Кистяковский, что в действительности не существует несовместимости между правовой государственностью и социализмом. В. Н. Ширяевым высказываются весьма основательные суждения по этому поводу: «В социалистической литературе довольно часто можно встретить противопоставление правового государства – государству социалистическому: в противоположность последнему первое определяется как "буржуазное". Противопоставление это совершенно неправильно, ибо сравниваются понятия разнородные: при определении государства известного типа как правового имеется в виду его юридическая природа, его правовая организация; характеризуют данный строй как социалистический, определяют его экономический, хозяйственный уклад, противоположный капиталистическому строю. Но, рассматривая социалистический строй с точки зрения его правовой организации, мы едва ли будем в со-

³⁴ Ширяев В. Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920. С. 4.

стоянии найти в нем какие-либо новые принципы, какие-либо новые идеи, которые были бы неизвестны государству правовому. Поэтому здесь не может быть речи о противопоставлении, но, напротив, социалистический строй во многих отношениях представляет наиболее благоприятную почву для развития начал правового государства»³⁵.

Ученый-юрист высказывает принципиальное несогласие с утверждением П. И. Стучки, что главный путь к созданию нового права проходит через революционное правотворчество народных судов. «Теперь не то время, – возражает В. Н. Ширяев, – когда народ через своих "судных мужей" путем судебных решений творил право и судебная практика была главным, если не единственным, источником права»³⁶. Революция не является отрицанием цивилизации, далее продолжает свою мысль В. Н. Ширяев, а потому не может обойтись без научно разработанных, юридически правильно сформулированных законов, которые бы авторитетно и единообразно регулировали новые общественные отношения. Судья должен руководствоваться законами советской власти, а не революционным правосознанием, пролетарской этикой. «Пролетарская этика, – пишет он, – не может быть признана безусловно неизменным и неколебимым критерием»³⁷. Советская власть, подчеркивает В. Н. Ширяев, не может обойтись и без квалифицированных, научно образованных судей, поэтому не укладывается в рамки здравого смысла возникшая в правительственных кругах идея упразднения юридических факультетов.

«Юридические факультеты до сих пор были главными рассадниками для подготовки деятелей в общественно-административной и главным образом в судебной отраслях; для этих отраслей деятельности юристы являлись наиболее пригодными по своей научной подготовке. Теперь эта подготовка признается устарелой и не соответствующей запросам жизни. Признается устаревшей и не соответствующей новым запросам жизни вся существовавшая до сих пор система юридического образования»³⁸. С

³⁵ Ширяев В. Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России С. 4.

³⁶ Там же. С. 6.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 3.

этой точкой зрения Ширяев совершенно не согласен. Являясь воспитанником и активным деятелем дореволюционной юридической школы, он сохраняет к ней высокое уважение. Но если новые деятели, полагает автор, усматривают в старой системе юридического образования какие-то серьезные изъяны, то вопрос надо ставить о ее разумном формировании в соответствии с новыми запросами жизни, а не об упразднении как таковой, что граничит с безрассудством.

Революцию В. Н. Ширяев воспринимал как историческую закономерность, и критика им некоторых экстремистских мер революционной власти была продиктована не отрицательным отношением к этой власти, а стремлением обратить ее внимание на опасность схождения с правового пути.

Весьма созвучна статье В. Н. Ширяева опубликованная в том же сборнике научная работа цивилиста Б. А. Лапицкого «Вознаграждение за неимущественный вред». Автором проводится мысль о том, что право по мере своего исторического развития обретает положение самостоятельного культурного блага, переставая быть жалкой надстройкой над экономикой. И никакие политические перевороты уже не могут привести к утрате правом своего общественного значения. «Правовые формы, преодолевая исторический материал, могут перенести не один переворот и не одну революцию»³⁹. Цивилист критикует как глубоко ошибочную точку зрения, согласно которой гражданское право отжило свой век вместе с буржуазным строем. «Между гражданским правом и социализмом нет пропасти, и институт вознаграждения за неимущественный вред есть одно из звеньев той цепи, которая их соединяет»⁴⁰.

Б. А. Лапицкий аргументированно доказывает, что «институт вознаграждения за неимущественный вред вовсе не связан с капиталистическим строем». Опасения ученого за судьбу гражданского права не были беспочвенными. Точка зрения о его ненужности все более проявляла себя в практических мерах революционной власти и нигилистически настроенных деятелей советской юстиции. Так, состоявшееся 28 июня 1920 г. совещание губернских комиссаров юстиции и председателей советов на-

³⁹ Лапицкий Б. А. Вознаграждение за неимущественный вред // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 134

⁴⁰ Там же.

родных судей пришло к вполне определенному выводу, что в создании Гражданского кодекса нет необходимости, поскольку отношения, которые должны им регулироваться, отсутствуют, и рекомендовало ограничиться изданием кодекса социального законодательства.

В сборнике опубликована прочитанная в 1918 г. в Ярославском университете лекция профессора Н. Н. Пчелина «Сила и право в деятельности Петра Великого», которая представляет собой солидное историко-правовое исследование. В труде ученого-юриста получает всестороннее обоснование мысль о несовместимости самодержавия с законностью. Попытки Петра I «создать управление государством на основе строгой законности разбивались в силу резкого противоречия между самодержавием и законностью»⁴¹. Энергичные меры Петра I по наведению порядка на основе закона имели своим результатом, по мнению ученого, укрепление «отсутствия законности». Установление законности, считает автор, совершенно невозможно без существования в государстве сколько-нибудь независимых и самостоятельных организаций. «Уничтожение всех независимых сил – основа самодержавия всех оттенков и названий – и означает принципиальное отрицание законности»⁴². К числу бедственных для России петровских мер Н. Н. Пчелин относит нарушение нормального правового развития России, пренебрежение укладом жизни народа.

Ученым предпринимается основательная попытка вскрыть сущность права. «Основная сущность права – фиксация, закрепление нормой сложившихся в жизни отношений экономического и политического порядка. Новое право является лишь новым отражением существующих отношений. Если оно действительно ново, чуждо жизни народа, то никакие кары не смогут закрепить его, а не оформленное нормой или официально запрещенное – живет и действует, если оно жизненно. И лишь в немногих случаях долговременное применение насилия заставляет народ принять чуждую ему норму и вместе с тем изменить и экономическое отношение согласно этой норме. Пусть право, отвечающее экономическому и культурному быту народа, гру-

⁴¹ Пчелин Н. Н. Сила и право в деятельности Петра Великого // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 94.

⁴² Там же. С. 97.

бо, даже жестоко, но оно право существующей жизни и оно одно воспитывает народные массы и вносит порядок в общественные отношения. Долговременная жизнь в порядке сама зародит новое право, основой которого будет большая справедливость, справедливость общенародная, а не какой-либо группы. Мудрость политика – уметь вовремя заметить перемены общественных отношений и сообразно с ними изменить и правовые нормировки. Тогда жизнь не будет потрясена, не будет внесено насилие и порожденный им хаос сопротивления, а вместе с ним и остановка в жизни народа, часто регресс»⁴³.

В объемной статье Н. Н. Полянского «Цель уголовного процесса» обстоятельно исследуется основной вопрос зарождающейся общей теории советского уголовного процесса. Многие процессуалисты усматривали эту цель в реализации карательного права государства, в правовом исполнении наказания. Н. Н. Полянский утверждает, что цель уголовного процесса состоит в обеспечении правовых гарантий правильного решения вопроса о виновности представшего перед следствием или судом человека. Что касается осуществления карательной власти государства, то эта его функция вообще, по мнению Н. Н. Полянского, не должна входить в задачу уголовного процесса. «Осуществление карательного права государства возможно без процесса и без процессуального законодательства, как оно возможно и без материальных уголовных норм. Государственная власть фактически может осуществлять свои карательные полномочия и помимо суда и без всякого процесса, и, как хорошо известно, именно тогда, когда усматривает необходимость особо широкого использования своих полномочий, она освобождает себя от тормозящих ее карательную деятельность форм процесса»⁴⁴. Правильность утверждавшейся ученым точки зрения нашла свое полное подтверждение в практике сталинских репрессий. Эта статья Н. Н. Полянского вышла отдельной книгой. В Ярославской областной библиотеке хранится один из экземпляров с весьма любопытным автографом: «Анатолию Федоровичу Кони в знак искренней преданности и глубокого уважения от автора. Профессор Н. Полянский».

⁴³ Пчелин Н. Н. Сила и право в деятельности Петра Великого. С. 103.

⁴⁴ Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе. Ярославль, 1919. С. 17.

А. Ф. Кони и Н. Н. Полянского связывали давние узы дружбы. Они регулярно переписывались⁴⁵.

В статье Б. Д. Плетнева «Национальность и государство» проводится идея решения национального вопроса через создание так называемых «персональных автономий». Автором дается развернутое понятие этого национального союза. «Сущность персональной автономии заключается в признании нации субъектом прав, юридическим лицом, способным и уполномоченным самостоятельно удовлетворять культурные нужды своих членов. Нация при этом отрывается от территории, составляя чисто личный экстерриториальный союз. Такие персональные союзы известны публичному праву. Стоит указать хотя бы на церковь, объединяющую всех исповедующих известную религию в пределах государства, вне зависимости от места их жительства... Но персональный принцип не вполне разрешит эту задачу, если национальные коллективы останутся, подобно другим личным союзам, вне сферы государственного управления. При персональной автономии национальный союз осуществляет известные публично-правовые функции, которые лежат на государстве. Следовательно, его органы должны быть признаны публично-правовыми, а сам союз наделен принудительной властью в отношении своих членов»⁴⁶.

В 1923 г. выходит второй выпуск «Сборника Ярославского государственного университета». Среди опубликованных в нем трудов работы юристов: «Национальная проблема в России и методы ее разрешения» Б. Д. Плетнева, «Политические воззрения Горация» Б. В. Чредина и «Положение третьего сословия в "Государстве" Платона» А. А. Рождественского. На новой работе Б. Д. Плетнева, как имевшей особо актуальное значение, необходимо, хотя бы кратко, остановиться. В ней автор выразил критическое отношение к тезисам наркома И. В. Сталина, опубликованным в газете «Правда» за 10 февраля 1921 г., к его идее предоставления отдельным национальным областям различной степени автономии. Б. Д. Плетнев подвергает критике акт соглашения между центральной властью и правительством

⁴⁵ См.: Егоров С. А. Полянский в Ярославле // Социалистическая законность. 1985. № 9. С. 61.

⁴⁶ Плетнев Б. Д. Национальность и государство // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 31–32.

Башкирии от 23 марта 1919 г., в соответствии с которым полномочия наркоматов республики сводятся к роли местных губернских отделов соответствующих ведомств. «В Башкирии мы имеем очень узкую провинциальную автономию, по широте своих прав мало очень отличающуюся от компетенции нашего дореволюционного земства»⁴⁷. Так же, как и в предыдущей работе, в этой статье автором отстаивается идея персональной автономии.

Историк В. Н. Бочкарев выступил в этом сборнике со статьей «Первая сенаторская ревизия в России. К 200-летию учреждения в России института сенаторских ревизий». В работе дается детальный анализ юридической природы этого исторического государственно-правового института, основанного Указом Петра I от 4 апреля 1722 г., и сообщаются малоизвестные сведения о ревизии Московской губернии, проведенной в 1726 г. под руководством сенатора А. А. Матвеева. Ревизии такого рода имели, выражаясь современным языком, комплексный характер, в них принимали участие члены всех коллегий. Они представляли собою важное средство выявления злоупотреблений на местах, которыми изобиловали петровская и последующие эпохи Российской империи. Процветание казнокрадства и лихоимства в жестокое петровское время служит убедительным опровержением мифа о возможности преодоления преступности путем усиления мер уголовной репрессии, даже доведением их до изуверства. Нельзя сказать, чтобы лица, злоупотреблявшие служебным положением, имели основание быть уверенными в невозможности их разоблачения. Сенаторские ревизии, как правило, отличала высокая квалифицированность, чего не скажешь о характере злоупотреблений должностных лиц. Как видно из материалов первой сенаторской ревизии, местная администрация Переславль-Залесского уезда почти открыто расхищала казенные средства. «Непостижимые воровства и похищения, – сообщал А. А. Матвеев Сенату, – не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камерира, комиссаров и от подьячих здешнего края я нашел, при которых по указам порядочных книг здесь у них отнюдь не было, кроме

⁴⁷ Плетнев Б. Д. Национальная проблема в России и методы ее разрешения // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль, 1923. С. 35

валяющихся гнилых и непорядочных их записок на лоскутках»⁴⁸.

В качестве приложения ко второму выпуску сборника вышла «Юридическая библиография» за 1917–1921 гг., что также свидетельствует о бережном отношении университета к традициям своего предшественника – Демидовского юридического лицея. Получила дальнейшее развитие и лицейская традиция общественного служения. Многие из профессоров университета совмещали свое преподавание с практической деятельностью в различных общественных организациях, выступали с лекциями перед населением.

Судьба преподавателей университета после приостановки его деятельности сложилась по-разному, но в основном достаточно печально и даже трагически. Профессора-юристы по большей части разъехались по разным городам. Два последних директора Демидовского юридического лицея, В. Н. Ширяев и В. Г. Щеглов, нашли пристанище в Белорусском госуниверситете. В Минске, освободившись от огромного объема административной работы, В. Н. Ширяев активно занялся научной и педагогической деятельностью, подготовил целый цикл публикаций по уголовному праву и процессу, дисциплинарной ответственности служащих. При этом первоначально с конца 1925 г. он занял должность профессора русского права факультета хозяйства и права, неоднократно командировался для работы в Москву и Ярославль. Все свои работы он регулярно высылал в библиотеку Ярославского педагогического института, с руководством которого некоторое время состоял в переписке. Но прошлое члена кадетской партии и «буржуазного специалиста» во многом предопределило дальнейший ход событий, подробности которых нам известны не в полном объеме. Если ориентироваться на документы, предоставленные Национальным архивом Республики Беларусь (даже, скорее, на то, что в них было вырезано или не было предоставлено), то можно заключить, что ученый был арестован⁴⁹. О дальнейшем можно только догадываться, но известно, что умер В. Н. Ширяев 3 ноября

⁴⁸ Бочкарев В. Я. Первая сенаторская ревизия в России // Там же. С. 54.

⁴⁹ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. № 9256.

1937 г. в Ярославле, где и родился 65 лет до этого. Его жизненный круг замкнулся. В. Г. Щеглов вскоре тяжело заболел, также вернулся в Ярославль, где в общем прожил более сорока лет. Там он и умер 14 августа 1927 г., похоронен на Леонтьевском кладбище.

Другой профессор и декан ФОН, Б. В. Чредин, после закрытия университета вернулся в Москву, где начал преподавать в Московском промышленно-экономическом институте. Затем он также перебрался в Белорусский госуниверситет (с марта 1925 г. профессор по кафедре истории институтов частного права), где и на 1928 г. числился преподавателем и одновременно заведующим Ярославским промышленно-экономическим техникумом. Вероятно, и его притягивал к себе Ярославль, с которым он был связан немногим менее 10 лет, и куда он неоднократно на срок до полугода приезжал в командировки⁵⁰. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Бывший проректор В. Н. Мышцын, отдавший лицею и университету 15 лет, перешел в 1924 г. на должность профессора Ярославского педагогического института, но вынужден был уволиться в 1925 г. В последние годы жизни этот выпускник Московской духовной академии вернулся к своим духовным корням, в Сергиев Посад (в то время переименованный в Загорск), где он некоторое время преподавал в педагогическом техникуме. Умер ученый в 1936 г. Профессор Н. Н. Голубев остался после 1924 г. в Ярославле, но данных о его преподавательской деятельности в последующий период у нас нет. Умер он в 1950 г. в Ярославле, где прожил без малого полвека, из которых 20 лет преподавал в лицее и университете. Профессор судебной медицины И. О. Зубов с 1924 по 1929 гг. преподавал в Ярославском медицинском институте. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Н. Н. Полянский еще в конце 1921 г. полностью сосредоточился на работе в Московском университете. Однако уже в 1925 г. он был отправлен профессором в Среднеазиатский госуниверситет в Ташкент, а в 1928 г. – в Азербайджанский госуниверситет в Баку. Кончилось это, по сути, почетной отставкой в 1930 г. и назначением ученым консультантом в библио-

⁵⁰ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. № 8977. Последние архивные сведения о ярославских ученых датируются в белорусском архиве 1927 г.

графический отдел Публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. «Чистки» конца 1920 – начала 1930-х гг. привели к изгнанию из вузов и научно-исследовательских учреждений сотен известных ученых-юристов, а в 1931 г. юридические факультеты университетов преобразуются в узко профильные юридические институты. «Чистки» новых советских преподавателей начались в этих институтах уже с 1932 г. Следствием этого стало то, что подавляющая часть новой юридической «красной профессуры» могла, в лучшем случае, комментировать текущее законодательство и перетолковывать цитаты классиков марксизма-ленинизма в духе «линии партии». В этих условиях в 1933 г. Н. Н. Полянский приглашается научным сотрудником Института уголовной политики при Прокуратуре СССР (затем Всесоюзный институт юридических наук при НКЮ СССР). В этот институт почти одновременно были приглашены многие корифеи юриспруденции дореволюционной школы, которые ранее оказались не у дел. Это М. М. Агарков, Д. М. Генкин, В. Н. Дурденевский, М. В. Земелева и др. Таким образом, Н. Н. Полянский снова оказался востребованным. В 1936 г. ему присваивается ученая степень доктора государственного права и правовых наук, а в 1938 г. он переходит в Институт права АН СССР, где заведует сектором судебного права. В 1943 г. Н. Н. Полянский возобновляет преподавательскую работу на вновь открытом юридическом факультете МГУ, а в 1943 и 1944 гг. награждается двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1946 г. он становится заслуженным деятелем науки РСФСР и удостоивается пышного официального празднования 70-летнего юбилея⁵¹. Его перу принадлежит более 300 публикаций. Умер Н. Н. Полянский 3 апреля 1961 г.

Трагически сложилась судьба профессора кафедры социологии ЯрГУ в 1921–1924 гг., юриста и социолога *Н. М. Тоцкого* (1891–1938). Этот выпускник, а впоследствии приват-доцент Петербургского университета, ученик академика М. М. Ковалевского, подавал большие надежды, которым не суждено было сбыться. В середине 1917 г. он участвовал в подготовке проектов муниципального законодательства Временного правительства. После прекращения деятельности университета он работал в

⁵¹ См.: Николай Николаевич Полянский: К семидесятилетию со дня рождения (1878–1948): Библиографический указатель трудов. М., 1948.

системе Академии наук. В феврале 1938 г. Н. М. Тоцкий был арестован, а в июне 1938 г. расстрелян по надуманному обвинению в шпионаже⁵². Не менее сурово обошлась судьба и с бывшим приват-доцентом лицея (1911–1912 гг.) А. Э. Вормсом, арестованным в 1936 г. и умершим в заключении в марте 1939 г.

Оставивший ярославский вуз в конце 1918 г. профессор Р. М. Орженцкий в начале 1919 г. перебирается на Украину, где избирается академиком Академии наук Украины. В академии он организовал изучение бюджетов разных уровней, конъюнктуры народного хозяйства, движения рыночных цен. С 1920 г. он стал заведующим кафедрой теоретической экономики в Академии наук Украины в Киеве, возглавил Социально-экономический отдел академии (1921–1922 гг.), руководил изданием Статистического бюллетеня. В 1922 г. он эмигрировал в Польшу, где умер 25 мая 1923 г. в Варшаве. Покинувший лицей в 1916 г. выдающийся теоретик права Б. А. Кистяковский также переехал на Украину, но не пережил тягот Гражданской войны и умер после неудачной операции в 1920 г. в Екатеринодаре (современный Краснодар). По злой иронии судьбы в этом же году в Новороссийске умер от тифа еще один бывший преподаватель энциклопедии права в Демидовском юридическом лицее (в 1886–1897 гг.), видный юрист и философ Е. Н. Трубецкой.

Дальнейшую судьбу большинства представителей ярославской юридической школы в силу отсутствия документально подтвержденных данных проследить не представляется возможным.

⁵² См.: Буланова М. Б. Первая кафедра социологии в Ярославском госуниверситете // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 132–137.

Глава 5. Возрождение: юридический факультет Ярославского государственного университета с 1970 г.

Отделение «Правоведение» было организовано одновременно с воссозданием в г. Ярославле университета в 1970 г.⁵³ Основанием для этого послужило Постановление Совета Министров СССР от 13 июня 1969 г. № 452, подписанное главой правительства А. Н. Косыгиным. В отличие от большинства других «новорожденных» вузов тех лет, Ярославский госуниверситет, во-первых, получал свое второе рождение, т. е. по сути был воссоздан, во-вторых, его кадровая, научная и материально-техническая база формировалась не путем объединения нескольких вузов или преобразования одного из них, а «собираанием» ресурсов региона и страны в целом⁵⁴. В наиболее «чистом» виде это проявилось именно на отделении правоведения, так как юристов с 1924 г. в Ярославской области не готовили – для организации педагогического дела в сфере подготовки правоведов были приглашены ученые из других городов Советского Союза. В числе отцов-основателей отделения – трое ученых: доктор юридических наук, профессор *В. М. Горшенев* (о нем ниже), доктор юридических наук, профессор *Я. О. Мотовиловкер* и кандидат юридических наук, доцент (впоследствии доктор юридических наук, профессор) *П. Ф. Елисейкин*⁵⁵. В. М. Горшенев первым возглавил первую правовую (и на тот момент единственную) кафедру теории и истории государства и права. В 1974 г. была организована кафедра уголовного и гражданского права и процесса (заведующий Я. О. Мотовиловкер), которая в 1975 г. разделилась на кафедру гражданского права и процесса (П. Ф. Елисейкин) и уголовного

⁵³ Подробно о предварительных шагах в этом направлении и собственно о возврате Ярославлю статуса университетского города см.: Имени Демидова / Под ред. В. Т. Анискова. Ярославль, 1995. С. 195–208.

⁵⁴ Университетские традиции формировались под руководством трех ректоров – Л. В. Сретенского, Г. С. Миронова и А. И. Русакова, высокоэрудированных ученых с либеральными взглядами.

⁵⁵ Биографические данные и анализ их научного исследования предлагаются читателям в соответствующих главах книги.

Главный корпус Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

права и процесса (Я. О. Мотовиловкер). Среди первых преподавателей отделения – старший преподаватель М. С. Горшенева (государственное право и советское строительство), доцент А. Н. Бычек (теория управления), доцент Н. П. Курцев (административное право) и др. В 1972 – 1979 гг. к ним присоединились доцент (впоследствии профессор) Л. Л. Кругликов (уголовное право), доцент (впоследствии профессор) В. Н. Карташов (теория государства и права), доцент Ю. И. Мельников (теория государства и права), доцент Е. И. Лобачева (трудовое право), доцент Ф. К. Диденко (криминалистика и юридическая психология), профессор Э. А. Лушмин (международное право), доцент В. А. Носов (гражданское право), доц. Н. И. Мирошникова (гражданское право), доцент А. С. Молодцов (уголовное право), В. С. Власов (криминология), доцент В. И. Чернышев (гражданское право, земельное право), доцент И. М. Горбачев (трудовое право, с/х право) и др.

В 1975 – 1978 гг. на кафедры отделения были приглашены его первые выпускники – Н. Н. Тарусина и Г. М. Петров (выпуск 1975 г.), В. В. Бутнев и В. И. Лайтман (выпуск 1976 г.), Е. А. Крашенинников (выпуск 1978 г.), несколько позднее – Р. Н. Ласточкина, Т. А. Москвитина, В. Ю. Колобов, Т. Н. Шульгина (Лисова), М. В. Орлова (Лушникова), М. Г. Баумова, Е. В. Благов, Е. Я. Мотовиловкер и другие лучшие выпускники факультета разных лет.

В первые годы отделение правоведения (с набором 50 человек очного отделения) входило в состав единого факультета истории, психологии и права (с 1970 до 1972 гг.), а затем – факультета истории и права (с 1972 по 1987 гг.). С 1987 г. оно становится самостоятельной структурной единицей – собственно юридическим факультетом ЯрГУ. Первыми деканами этих факультетов были В. В. Новиков и В. Д. Шадриков (кандидаты психологических наук, доценты, в последующем – доктора, профессора)⁵⁶. До 1974 г. первой и единственной кафедрой у юристов была кафедра теории и истории государства и права. Как уже указывалось, в 1974 г. была образована кафедра уголовного и гражданского права и процесса, которая в 1975 г. разделилась на две самостоятельные кафедры: уголовного пра-

⁵⁶ В. В. Новиков стал затем президентом-учредителем Международной академии психологических наук. В. Д. Шадриков в 1990-е гг. работал заместителем министра образования сначала СССР, а затем и РФ.

ва и процесса и гражданского права и процесса. В таком трех-кафедральном составе отделение (затем факультет) существовало 30 лет. В 2005 г. формируется кафедра трудового и финансового права.

Факультетом истории и права руководили профессор В. М. Горшенев, профессор В. С. Флеров (доктор исторических наук, профессор), профессор А. М. Пономарев (доктор исторических наук, профессор). Дважды (в конце 1970-х и середине 1980-х гг.) в течение непродолжительного (но нелегкого для факультета) времени обязанности декана исполнял В. В. Бутнев.

Виктор Михайлович Горшенев (1924–1993) был первым юристом, ставшим деканом факультета истории и права (1975–1977 гг.)⁵⁷. Он родился 22 апреля 1924 г. в г. Арск, Татарской АССР. Со школьной скамьи он попал в Красную армию, где с октября 1941 г. был сначала курсантом военного училища, а затем политработником в действующей армии (4-й и 1-й Украинские фронты). В августе 1943 г. вступил в партию. Войну В. М. Горшенев завершил в Берлине,

будучи заместителем командира батальона по политической части. После войны остался в армии, был старшим политруком политотдела дивизии в Выборге, затем с 1947 до 1949 гг. служил в Германии. После тяжелой и продолжительной болезни уволен из рядов вооруженных сил, капитан запаса. Имел на тот момент орден Отечественной войны II степени и 5 медалей. В 1949 г. поступил в Казанский юридический институт, в 1951 г. перевелся в Московский юридический институт, который окончил в 1953 г. Оставлен там же в аспирантуре (в 1954 г. Московский юридический институт был объединен с юридическим факультетом МГУ). В 1956 г. в МГУ защитил кандидатскую диссертацию «Роль советского государства в осуществлении хозяйственной политики», доцент (1962 г.). Символично, что

⁵⁷ ГАЯО. Ф. 1010. Оп. 2. Д. 14 (личное дело В. М. Горшенева).

его научным руководителем был профессор МГУ Н. Г. Александров, который, в свою очередь, был учеником И. С. Войтинского. Учителем последнего был Л. С. Таль, бывший профессором Демидовского юридического лицея (о нем – в разделе, посвященном трудовому праву). Так лицейские семена дали всходы уже в университетскую эпоху.

С 1956 по 1959 г. В. М. Горшенев был директором филиала ВЮЗИ в Казани, затем старшим преподавателем юридического факультета Казанского государственного университета (1959–1961 гг.). После этого он избирается доцентом Томского государственного университета (1961–1964 гг.), а затем становится доцентом, заместителем декана и и.о. профессора Новосибирского факультета Свердловского юридического института (1964–1970 гг.). В 1969 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства». Наконец, в августе 1970 г. он избирается и.о. профессора, а с 1971 г. возглавляет единственную на правовом отделении кафедру теории и истории государства и права факультета истории и права Ярославского государственного университета. Как уже указывалось, с сентября 1975 г. он избирается деканом факультета истории и права. Он ведет курсы теории государства и права, советского государственного права, курс компаративистики (сравнительного правоведения) и два спецкурса.

В должности заведующего кафедрой и декана факультета он оставался до конца 1977 г. Ярославский период был одним из наиболее плодотворных в творчестве ученого. Он получил звание профессора (1972 г.), опубликовал свою наиболее известную монографию⁵⁸ и целый ряд других работ⁵⁹. В 1977 г. В. М. Горшенев переходит в Харьковский юридический институт. Всего им было подготовлено около 200 публикаций, он был награжден орденом и 8 медалями. Умер ученый в Харькове в 1993 г.

⁵⁸ См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.

⁵⁹ См.: Горшенев В. М. Правотворческая деятельность общественных организаций в СССР. М., 1973 и др.

Как уже указывалось, в 1987 г. факультет истории и права был разделен на два факультета – юридический и исторический. Это стало возможным только после увеличения набора на отделение истории (с 25 до 50 человек). Отметим, что первым деканом еще факультета истории и права из числа выпускников-юристов стал **Виктор Вадимович Бутнев**. Он, окончивший Ярославский госуниверситет в 1976 г., и исполнял обязанности декана с ноября 1982 по начало 1983 г. Виктор Вадимович был избран и первым деканом уже самостоятельного юридического факультета в конце 1987 г. В середине 1989 г. он ушел с этой должности по собственному желанию, оставшись доцентом кафедры гражданского права и процесса. С 1992 г. до настоящего времени он возглавляет эту кафедру, о чем будет сказано в соответствующей главе части 4 данной книги.

Деканом юридического факультета в 1989–1992 гг. был **Юрий Иванович Мельников**, первый ярославский ученик проф. В. М. Горшенева, защитивший диссертацию как аспирант ЯрГУ. Ю. А. Мельников родился 19 января 1939 г. в Ярославле в семье рабочих. После службы в армии с 1962 г. работал на предприятиях г. Ярославля. В 1965 г. окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции, службу проходил оперуполномоченным ОБХСС в Котласском районном отделе милиции, лейтенант УВД. В 1966 г. уволился по состоянию здоровья, работал мастером на предприятиях Ярославля. Одновременно поступил во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ) (Ивановское отделение), которое окончил с отличием в 1972 г. В августе того же

года принят ассистентом кафедры теории государства и права Ярославского госуниверситета, с 1974 г. старший преподаватель. В 1976 г. под научным руководством В. М. Горшенева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе». С августа 1977 по январь 1979 г. и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права. В 1979 г. ему присваивается звание доцента и его избирают на должность доцента кафедры теории и истории государства и права. Одновременно с февраля 1981 по октябрь 1982 г. исполнял обязанности декана факультета истории и права. После создания юридического факультета в декабре 1989 г. утвержден в этой должности (до июля 1992 г.). В дальнейшем Юрий Иванович являлся доцентом кафедры теории и истории государства и права, несколько лет работал заместителем декана по вечернему отделению и группам УВД. Уволился с работы в мае 2008 г., в настоящее время проживает в г. Ярославле.

При Ю. И. Мельникове на факультете была создана спокойная, деловая и демократическая обстановка, открыто специальное вечернее отделение по подготовке специалистов с высшим юридическим образованием из числа офицеров УВД Ярославской области.

В 1992 г. деканом юридического факультета избрана **Надежда Николаевна Тарусина**, выпускница юридического факультета Ярославского госуниверситета 1975 г., доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, с 1984 г. работавшая заместителем декана (факультета истории и права, затем юридического факультета) по учебной работе. Надежда Николаевна возглавляет факультет и в настоящее время. Она является видным специалистом по семейному праву, о чем более подробно будет сказано в соответствующем разделе.

В разные годы кафедрой теории и истории государства и права заведовали профессор В. М. Горшенев (1970–1977 гг.), доцент Ю. И. Мельников (и. о. 1977–1979 гг.), профессор А. Э. Пушмин (1979–1984 гг.), доцент С. А. Егоров (1984–1991 гг.), с 1991 г. проф. В. Н. Карташов; кафедрой гражданского права и процесса – профессор П. Ф. Елисейкин (1975–1980 гг.), доцент В. А. Носов (и. о. 1980–1982 гг., 1986–1992 гг.), доцент В. Д. Мордачев (1982–1986 гг.), с 1992 г. – доцент В. В. Бутнев; кафедрой уголовного права и процесса – профессор Я. О. Мотовиловкер (1975–1986 гг.), доцент В. Н. Савинов (1990–1993 гг.), в 1986–1990 гг. и с 1993 г.⁶⁰ – профессор Л. Л. Кругликов. Новую кафедру трудового и финансового права с 2005 г. возглавил доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор А. М. Лушников. Среди ведущих доцентов факультета, многие годы выполнявших и выполняющих ответственные обязанности в области организационной и организационно-методической работы, в первую очередь следует отметить доцента Р. Н. Ласточкину, одну из лучших выпускниц факультета (1979 г.), ученого секретаря Совета факультета, ответственную за практику, председателя научно-методической комиссии факультета.

Научные и педагогические традиции факультета восходят к 70-м гг. XX в. Профессора В. М. Горшенев, Я. О. Мотовиловкер и П. Ф. Елисейкин были блестящими, яркими лекторами, оригинальными учеными⁶¹, имели достойных учеников, руководили студенческими научными исследованиями. Профессор Я. О. Мотовиловкер долгие годы курировал Студенческое научное общество (СНО) ЯрГУ, а председателями СНО ЯрГУ были студенты-правоведы (Н. Н. Тарусина, В. В. Бутнев, Т. А. Костарева, Л. В. Лобанова).

Профессора В. М. Горшенев, Я. О. Мотовиловкер, П. Ф. Елисейкин обогатили кадровый потенциал факультета лучшими его выпускниками (В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина, Е. А. Крашенинников, Г. М. Петров, В. И. Лайтман, Р. Н. Ласточкина, Е. В. Благов и др.). Профессора В. Н. Карташов, Л. Л. Кругликов, доцент В. В. Бутнев, доцент

⁶⁰ В 1990–1993 гг. Л. Л. Кругликов избирался депутатом, а затем председателем Горсовета.

⁶¹ Подробно об этом см. в соответствующих главах.

Корпус юридического факультета (ул. Собинова, 36-а)

Е. А. Крашенинников, профессор А. М. Лушников, профессор М. В. Лушникова продолжили эту традицию, подготовив через аспирантуру несколько поколений преподавателей-выпускников факультета (Л. А. Гречина, Н. В. Вантеева, А. В. Иванчин, М. Н. Каплин, О. Е. Спиридонова, О. Ю. Комарова, В. Б. Чуваков, А. В. Вошатко, Т. Ю. Барышникова, Ю. А. Кузнецов и др.)

Жизнь факультета отличалась своеобразием не только в сфере науки и педагогики, но и в общественной сфере, внеучебной деятельности.

В 1970-е гг. студенты-правоведы составляли костяк студенческих строительных отрядов, в т. ч. выездных – якутского (1972–1973 гг.), тюменского и др. В 1980-е гг. совместно с историками они неизменно побеждали или были призерами в программах «Университетская весна», в которых активно участвовали и преподаватели. Особой оригинальностью отличался театр «Абсурд» (выпуск 1988 г.).

Яркая страница общественно-политической истории факультета и университета была написана в конце марта – начале апреля 1989 г. в ходе «забастовки» (на заре демократизации). Поводом к ней явилось обострение проблем в студенческом общежитии (с организацией питания, обеспечением транспорта до места учебы и др.). 24–29 марта ситуация «созревала» в Доме студентов. 29 марта состоялось общее комсомольское собрание исторического и юридического факультетов, поддержавшее решение инициативной группы Дома студентов и групп психологов, биологов и математиков об официальном объявлении забастовки. Именно усилиями юристов и историков стихийным и разрозненным действиям групп студентов было придано организованное и содержательное начало. 30 марта было созвано всеуниверситетское студенческое собрание, на котором присутствовали и преподаватели. Избран стачком – его возглавил А. Бушуев⁶², в качестве членов – представителей преподавательского содружества студентами были избраны М. Г. Мейерович (доцент кафедры истории СССР), Н. Н. Тарусина (доцент, в то время заместитель декана юридического факультета)

⁶² В те годы студент-историк. Впоследствии получил также высшее юридическое образование. В настоящее время вице-губернатор Ярославской области.

и ректор университета профессор Г. С. Миронов. С 31 марта по 19 апреля были направлены обращения в обком КПСС, облисполком с программой социально-экономического развития университета, проведены переговоры и массовые встречи студенчества с руководителями города и области, организованы телепередачи о проблемах университета. В результате забастовки по большинству из них были приняты конкретные и стратегические решения: организован буфет в общежитии, пущен дополнительный маршрут автобуса, начались переговоры о выделении учебных площадей (в частности, в аренду – в здании бывшего Дома политпросвещения для юридического факультета)⁶³, принят перспективный план развития университета.

Еще одним интересным событием является реконструкция памятника летчикам, погибшим в небе над с. Мосейцево, защищая подступы к г. Ярославлю. Двадцать лет назад в селе работал студенческий с/х отряд факультета истории и права; будущие историки и правоведы, услышав от жителей историю памятника, решили его существенно реконструировать: заказали на ближайшем аэродроме крыло от списанного самолета Ан-2, изготовили постамент, вмонтировав это крыло и табличку-посвящение. Открывали памятник торжественно – в присутствии ректора университета, деканата факультета, председателя колхоза, жителей села и окрестных деревень. Этот памятник и в настоящее время находится в очень хорошем состоянии – за ним ухаживают мосейцевцы.

В конце XX – начале XXI в. на факультете окончательно сформировался преподавательский коллектив, организационная структура, научные школы, общественно-культурные традиции.

Поколенческая структура кадрового потенциала выражена достаточно ярко. Старейшим преподавателем факультета является доцент, доктор юридических наук С. А. Егоров. Ученые-педагоги зрелого возраста представлены профессорами Л. Л. Кругликовым, Н. В. Щербаковой, В. Н. Карташовым; доцентами Е. А. Крашенинниковым, Н. Н. Тарусиной, В. В. Бутневым, Р. Н. Ласточкиной, Е. Я. Мотовиловкером и профессорами-выпускниками юридического факультета Ярославского

⁶³ Впоследствии здание было передано в оперативное управление ЯрГУ, а судебные споры по этому поводу были успешно выиграны представителями кафедры гражданского права и процесса.

государственного университета 1980-х и 1990-х гг. (А. М. Лушниковым, М. В. Лушниковой, Е. В. Благовым), доцентами Л. А. Гречиной, Н. В. Вантеевой, В. Б. Чуваковым, О. М. Родиновой, О. Е. Спиридоновой, О. Г. Соловьевым, М. Н. Каплиным, А. В. Иванчиным и др.). На факультете работает и немало молодых преподавателей, кандидатов юридических наук, которые являются его же воспитанниками уже начала XXI в. (С. П. Казанков, С. В. Бахвалов, Т. Ю. Барышникова, Е. А. Исаева, Д. А. Смирнов, Е. Е. Язева, М. В. Ремизов и др.).

Преподаватели факультета активно занимаются научными исследованиями⁶⁴. Так, мы традиционно занимаем I место (иногда – II) в университете по числу научных публикаций. Например, за последние 5 лет издано 25 монографий, более 1500 научных статей, в т. ч. более 100 – по перечню ВАК. Кафедра трудового и финансового права с 2006 г. является по этому показателю лучшей среди всех кафедр университета. Педагоги факультета являются авторами значительного числа учебных пособий и учебников с грифами УМО и министерства⁶⁵. Большинство этих трудов традиционно носит научно-исследовательский характер, т. е. относится к пособиям монографического, а не сугубо методического типа, что придает им оригинальность и поощряет студентов не к зубрежке и констатациям набора фактов, а к размышлению о проблемах юридической науки и практики, творческому началу в своей профессиональной подготовке.

На факультете ежегодно издается 5 тематических кафедральных сборников научных трудов, «Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова» (также тематические), «Записки молодых ученых», «Записки СНО», а также «Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки (рубрика «Юриспруденция»)». По числу периодических изданий юридический факультет не имеет себе равных среди юридических факультетов и специализированных юридических вузов страны. В этом контексте имеет место продолжение традиций Демидовского юридического лица.

⁶⁴ О научных школах кафедры, наиболее ярких ученых см. соответствующие главы.

⁶⁵ В качестве образцов подобного рода изданий см. перечень основных трудов профессоров и доцентов факультета в конце книги.

Профессора В. Н. Карташов, Л. Л. Кругликов, А. М. Лушников, М. В. Лушников за последние 5 лет были победителями или призерами в конкурсах ЯрГУ по научной и/или учебно-методической работе. М. В. Лушников является единственным экспертом ВАК РФ по двум специальностям: трудовое право и финансовое право.

Наиболее активно и продуктивно инновационные методы обучения (в т.ч. деловые игры, включая игровые судебные процессы) применяются профессором М. В. Лушниковой, доцентами В. В. Бутневым, Р. Н. Ласточкиной, А. Ф. Соколовым.

Организационное и техническое обеспечение учебного процесса осуществляется деканатом. Как уже отмечалось, с 1992 г. деканом факультета является кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Н. Н. Тарусина. Все заместители декана – выпускницы университета. Заместитель декана по науке – профессор кафедры трудового и финансового права *М. В. Лушников*. В последние годы сферой ее интересов стало финансовое право, хотя диссертационные исследования в аспирантуре МГУ и докторантуре были посвящены проблематике трудового права. Марина Владимировна прекрасный лектор, строгий экзаменатор, эффективный научный руководитель и исключительно преданный педагогическому делу человек.

М.В. Лушников

М.Г. Баумова

Заместитель декана по учебной работе и очному отделению – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса *М. Г. Баумова*. Марина Георгиевна – прекрасно знает студентов и учебную работу. Специализируется в области земельного и экологического права.

Заместитель декана по очно-заочному отделению – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса *О. М. Роднова*. Ольга Михайловна специализируется в области акционерного права. В стиле ее управленческой работы сочетаются строгость и доброжелательность.

О.М. Роднова

О.Е. Спиридонова

Заместитель декана по сокращенным формам подготовки – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса *О. Е. Спиридонова*. Ольга Евгеньевна компетентна и добросовестна. Она специализируется в области уголовного права.

Более 10 лет работают в деканате методисты *О. Н. Веселова* и *М. Е. Четверикова*. Их преданность делу и симпатия к студенчеству создают деловую и человеческую атмосферу в деканате – этом средоточии расписаний, графиков, справок, отчислений...

Более 10 лет отвечает за сложное факультетское хозяйство выпускница экономического факультета университета *С. В. Лебедева*, являясь в этом вопросе незаменимой помощ-

ницей декана, уравновешенной, добросовестной и переживающей за факультетское благополучие.

На факультете – один из лучших читальных залов вузов города, в нем много лет трудятся О. В. Куликова (заведующая читальным залом), О. А. Цыцылина, Е. Ф. Кузнецова. Благодаря их добросовестному труду «информационное сердце» факультета работает в здоровом ритме.

У факультета сложились свои традиции в области внеучебной работы – сверх того, что студенты-правоведы участвуют в общественных делах университета (дне первокурсника, КВНе, спартакиадах, Университетской весне и др.). Осенью проводится факультетский турнир по минифутболу памяти профессора Я. О. Мотовиловкера⁶⁶. В нем участвуют команды всех курсов и команда выпускников и преподавателей («Якобс»). В последней, правда, бывает больше первых, чем вторых, но тем не менее неизменным ее капитаном (играющим капитаном и тренером) является доцент Е. Я. Мотовиловкер, а постоянными игроками доцент А. В. Иванчин и доцент А. Ф. Соколов. Эта команда пять лет подряд выигрывает турнир. Студентам так хотелось обыграть команду «Якобс», что они по собственной инициативе устраивали и продолжают устраивать альтернативный весенний турнир. Только в этом 2009 г. им удалось отеснить команду выпускников и преподавателей на 2-е место.

Каждый год на факультете для первокурсников проходит программа «Спойте, друзья», посвященная Дню Победы. В ней участвуют преподаватели (поющие и/или играющие на гитаре) – А. К. Прибытков, О. Г. Соловьев, С. Д. Шокин, С. А. Кудрина, Н. Н. Тарусина, а также капелла университета. Заранее печатаются сборники песен военных лет (или о войне) и раздаются студентам, чтобы желающие могли спеть вместе с преподавателями наиболее известные и любимые песни – «Здесь птицы не поют...», «Темная ночь», «Мы так давно не отдыхали...», «А мы с тобой, брат, из пехоты» и др.

В конце апреля, продолжая традиции Демидовского

⁶⁶ В его биографическом очерке вы найдете тому причины: Яков Овсеевич был большим любителем этого вида спорта, а главное – сам играл в футбол.

Демидовская колонна (восстановлена в 2005 году)

юридического лица, факультет празднует День юристов-демидовцев. Он проводится в духе КВНа. Организаторы – преподаватели О. И. Сочнева и М. Н. Каплин. Участники – студенты 1 – 4 курсов. Задание дается из числа либо юридических тем, либо юридических казусов. Как правило, побеждают в конкурсе третьекурсники или команда 4-го курса (и лишь однажды 10 лет назад, студенты 1-го курса). Неизменными членами жюри являются Р. Н. Ласточкина, В. Б. Чуваков, Л. А. Гречина, М. Г. Баумова, А. В. Вошатко. Им приходится нелегко – не только из-за конкуренции старших курсов, но и потому, что в программах много иронии и юмора обрушивается на головы именно преподавателей (декана, заместителей декана, заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, ассистентов, собственно членов жюри). Что ж, мы воспринимаем это как «Юрьев день» – один раз в году можно и потерпеть, а большинству из нас – просто получить удовольствие от студенческих находок и их театрализации. Словом, несмотря на сложности последних лет, ужесточение позиции руководства страны к проблемам высшего юридического образования факультет развивается энергетически интеллектуально и эмоционально.

Факультет гордится своими выпускниками, работающими в самых различных сферах деятельности – от науки и политики до юстиции, прокуратуры, других правоохранительных структур. Среди них – декан факультета (Н. Н. Тарусина), доктора юридических наук, профессора (А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Е. В. Благов, Е. Б. Мизулина, Т. А. Костарева, Л. В. Лобанова и др.), ведущие доценты факультета. Воспитанниками факультета являются Ю. Д. Рудкин – судья Конституционного Суда Российской Федерации; Е. Б. Мизулина – депутат нескольких созывов Совета Федерации (до его реформирования) и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель одного из комитетов; В. Н. Ананьев – председатель Ярославского областного суда; Ю. В. Верховцев – прокурор Смоленской области; О. И. Липатов – руководитель следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации по Ярославской области. Среди выпускников факультета есть заместители прокуроров субъек-

тов Российской Федерации, председатели районных судов, заместители начальников областных УВД, известные адвокаты и др.

Мы специально не приводим число выпускников юридического факультета за период после 1970 г. (первый выпуск состоялся в 1975 г.). Как нам кажется, подводить итоги рано, даже если они промежуточные. Факультет динамично развивается, готовит специалистов не только по традиционным очной и очно-заочной (вечерней) формам, но и на базе второго высшего образования. На повестку встал вопрос о введении магистратуры и бакалавриата, о создании еще одной кафедры и др. Мы надеемся, что у юридического факультета, как и у Ярославского государственного университета в целом, впереди еще много ярких страниц и светлые перспективы.

Часть 3. История научных школ (вторая половина XIX – начало XX в.)

Ты был Правды учителем,
Ярославский лицей,
Ты подвигнул Ушинского
На высокую цель.
Ты Капустиным выстрадан,
Ты с ним славу обрел,
Став одною из признанных
Юридических школ.

С. А. Егоров

Глава 6. Теоретико-правовая школа

Весьма значителен вклад, внесенный представителями ярославской юридической школы в разработку общей теории (энциклопедии) права. Труды в этой области русская юридическая литература XIX в. отнюдь не блистала. До выхода в свет «Лекций по общей теории права» Н. М. Коркунова в 1886 г. имелось только семь научных руководств русских юристов по общей теории или энциклопедии права¹. Из них два сочинения входят в научный арсенал ярославской юридической школы. Это: «Юридическая догматика» *М. Н. Капустина* и «Энциклопедия права» *П. Л. Карсевича*. Общее учение о праве получило основательную разработку в публикации М. Н. Капустина «Истории права. Часть 1» (Ярославль, 1872). «Юридическую догматику» Н. М. Коркунов относит к числу самых первых и лучших в русской литературе руководств по энциклопедии права². М. Н. Капустин *первым в юридической литературе* дал науке, предметом которой является общее учение о праве, название

¹ Под этим названием в лицее общая теория права преподавалась до 1918 г.

² См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 4-е. СПб., 1897. С. 17.

«Теории права» («Общая теория права»). Наименования «энциклопедия права» или «энциклопедия юридических и политических наук», по его мнению, прилагаются правильнее к совокупности всех этих наук, а не к особой науке: «Имея в виду такую неопределенность содержания юридической энциклопедии, кажется, справедливее назвать науку, имеющую предметом общее учение о праве – его теорией»³. Но от понятия «юридическая догматика» он так и не отказался, хотя по поводу такого названия его работы высказывали критические суждения П. Л. Карасевич, Н. М. Коркунов и др. В «Юридической энциклопедии», вышедшей после издания «Лекций по общей теории права» Н. М. Коркунова, М. Н. Капустин вновь возвращается к понятию «юридическая догматика». «Энциклопедия права, – пишет он, – может быть названа общедогматикою права, поскольку основные положения права, на которых зиждется все юридическое мышление, имеет значение юридических догм. От философии права общая догматика отличается тем, что понятия, составляющие ее содержание, выводятся не из отвлеченного мышления, а из положительного фактического материала»⁴.

Вопросы общей теории права затрагиваются М. Н. Капустиным и в других его трудах, в летописях лица. Право им определяется как «совокупность норм, определяющих внешний порядок в отношениях между лицами по началу справедливости»⁵. Являясь позитивистом, М. Н. Капустин не разделяет, однако, методологических крайностей этого направления. Ему чужд взгляд на право как на нечто самодовлеющее, обособленное от других явлений материального и духовного бытия человека. Особое внимание им обращается на ценность права в жизни общества. Он писал: «... право есть одна из форм культурной жизни народа, может быть, лучшая форма, но не единственная. Прежде чем сделаться силою повелевательною и запрещающею, право коренится в убеждениях, в обстановке жизни, даже в художественном мирозерцании народа. Поэтому юрист не может быть чужд всем сторонам народной и общече-

³ Юридическая догматика Михаила Капустина. Общая часть. Теория права (юридическая догматика). М., 1868. Т. 1, вып. 1. С. 17.

⁴ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб., 1893. С. 21.

⁵ См.: Там же. С. 40.

ловеческой культуры»⁶. Имея самостоятельное бытие, право, тем не менее, не может оставаться вне движения экономическо-го развития, идей, верований⁷.

Важное суждение М. Н. Капустин высказывает относительно необходимости соответствия права реалиям жизни как неперемennого условия его действия в качестве направляющей силы общества. «Без приложения, – утверждает он, – право не действует: оно сознается и формулируется для того, чтобы прилагаться к жизни, охранять ее»⁸. Отрешенное от жизни право превращается в отвлеченное умствование и перестает быть действительной силой⁹.

Существует мнение, что М. Н. Капустин был противником философской интерпретации права. Действительно, в «Юридической догматике» право им рассматривается в основном в плане догматическом. Но его вполне можно понять. В первой половине XIX в. право, благодаря немецким ученым, почти что «растворилось» в философии, созерцательных идеях. «Тот не юрист, – писал М. Н. Капустин в работе "Этнография и право", – кто не способен понять действительности и ограничивается умствованиями о праве»¹⁰. Право не может оставаться только отвлеченной идеей. Область права, подчеркивал он, не допускает произвольных измышлений.

М. Н. Капустин всегда был тверд и последователен в отстаивании самостоятельного значения науки права. «Правоведение, – утверждал он, – есть наука вполне самостоятельная ... Правоведение берет из философии лишь те данные, которые касаются человеческой воли, ... юрист может пользоваться антропологиею, биологиею и всеми науками о человеке; но данные этих наук он подводит под юридический принцип справедливости и свободы»¹¹.

Будучи противником «подчинения» права философии, М. Н. Капустин в конце XIX в., в эпоху пренебрежительного

⁶ Летопись Демидовского юридического лицея за 1875/1876 учебный год. С. 37–38.

⁷ См.: Капустин М. Н. История права. Ч. 1. С. 1.

⁸ Юридическая догматика Михаила Капустина. С. 114.

⁹ См.: Там же. С. 86.

¹⁰ Капустин М. Н. Этнография и право. М., 1868. С. 2.

¹¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 7–8.

отношения к естественному праву¹², решительно высказался в его защиту. «Исключить из правоведения философский элемент, – писал он в "Юридической энциклопедии", – или так называемое естественное право, значило бы лишить его великой научной силы ... Естественное право не существует в действительности, но оно необходимо как требование разума, который всегда ищет идеалов»¹³.

Он категорически не согласен с представителями исторической школы права, рассматривавшими последнее, как простое зеркало народной жизни. Далекое не все стороны жизнедеятельности народа находят отражение в праве. «Законодательство, – указывает М. Н. Капустин, – не есть только зеркало его (народа. – С. Е.) быта: оно не может вносить на свои скрижали все то, что выражается в жизни; оно не должно относиться безразлично к предрассудкам и неправде; оно не обязано быть на стороне большинства; оно воспитывает в народе чувство и сознание справедливости»¹⁴. М. Н. Капустин в этой связи не может согласиться и с Р. Иерингом, который видит в праве «защищенный интерес». «По мнению Иеринга, – пишет М. Н. Капустин, – государство охраняет в форме права те интересы, которые оно признает таковыми. Ставши даже на точку зрения общественных интересов, мы не можем утверждать, чтобы все полезное целому обществу было согласно с правом»¹⁵.

М. Н. Капустин вводит в содержание права политический аспект. С методологической точки зрения с этим нужно непременно соглашаться, так как политика должна находиться в тесном согласии с правом. «Достижение каких бы то ни было общественных целей, – пишет он, – не должно противоречить юридическому порядку, – иначе в последнем результате рано или поздно окажется не польза, а вред; разрушенное равновесие сил произведет замешательство в общем развитии; политические меры, колеблющие право, ослабят существенную силу и основу общества. Неправое дело может иметь временный только успех, но неизбежно вызовет возмездие, и произвольно за-

¹² Отношение это разделял и Н. М. Коркунов.

¹³ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 6.

¹⁴ Капустин М. Н. Этнография и право. С. 7.

¹⁵ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 36.

давленная сила всегда заявляет себя разрушительным протестом...»¹⁶.

В своем труде «История права. Часть 1» М. Н. Капустин, исходя из тезиса об относительной консервативности права, проводит и детально обосновывает мысль о необходимости разумного осмотрительного законодательствования, о постоянной опоре в этой деятельности на глубоко осознанные реалии жизни, общественные потребности. «Право по существу своему консервативно, – пишет он, – но лишь в том смысле, что его определения не должны закреплять еще не установившихся мнений, еще не выяснившихся начал. Без такой сдержанности право потеряло бы свое великое значение, оно отражало бы на себе всю изменчивость воззрений и увлечений минуты, преждевременно задержало бы раскрытие истинного смысла данного явления, зачинающейся, нередко мнимой силы.

Вооруженное предупредительностью право должно выступать со своими нормами лишь в тех случаях, когда необходимость юридического определения становится несомненною: изменения закона могут быть оправданы лишь действительной потребностью, когда новые запрещения или предписания удовлетворяют разумному требованию заявивших о себе общественных сил.

Не изменяя своему консервативному характеру, право изменяется постоянно»¹⁷.

Весьма интересные суждения высказываются М. Н. Капустиным при рассмотрении взаимоотношений права и нравственности. Как и большинство ученых-юристов, он исходит из того, что праву присуща нравственная основа. Именно она дает праву высокое значение силы, необходимой для усовершенствования человека. Действенность права во многом зависит от проникновения его нравственными началами. Но М. Н. Капустин принципиальный противник отождествления права с нравственностью, рассмотрения его в качестве этического минимума, ее части. Относя право и нравственность к тесно взаимодействующим и направляющим силам общества М. Н. Капустин подчеркивает, что право отличается от нравственности, имея свою сферу приложения. Им приводится много отличительных

¹⁶ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 10–11.

¹⁷ Капустин М. Н. История права. Ч. 1. С. 2.

особенностей того и другого. «Право позволяет все, что им не запрещено, тогда как нравственность запрещает все, что ей не предписано», – писал М. Н. Капустин¹⁸. Он хорошо осознает опасность распространения на сферу нравственности правовых запретов: «Если бы право запрещало безусловно все безнравственное, то оно вредило бы нравственности, уничтожая значение свободного настроения и лишая лицо энергии усовершенствования. Оно бы превратилось в деспотическую силу»¹⁹.

М. Н. Капустин принципиально не разделяет воззрений юридического формализма на право как исключительный продукт государства. Он связывает процесс правообразования с деятельностью различных общественных объединений, корпораций. «Без права, – утверждает он, – немыслимо никакое общежитие, никакое совместное проявление жизни ... и вне государства и до его образования, всегда создавалось и действовало право»²⁰.

Важное место в правовой жизни народов ученым отводится обычному праву. Сила обычая, указывает он, основана на доверии к нему, на вере в его предустановленность и непреложность. Жизнь по обычаю, по мнению М. Н. Капустина, дает авторитет, внушающий доверие и повиновение, а также договорное начало. Образование большинства обычаев он связывает с авторитетом, воздействующим властно на сознание. Так «жрецы устанавливали обычное право, касающееся религии, отцы семейств предписывали кровную месть»²¹. Но договорное начало продолжает создавать постоянно новые юридические обычаи. «Сделки известного рода, – пишет он, – повторяются постоянно с одинаковым содержанием, и то, что в них есть общего, становится нормою, знание которой предполагается обеими сторонами. Таковы торговые обычаи, правила, установившиеся в артелях, в корпорациях ... Каждый, вступающий вновь в известные отношения, подчиняется тем нормам, которые утвердились как обычное право. Из этого ясно, что обычное право удовлетворяет всем условиям юридической нормы и, каково бы ни

¹⁸ Юридическая догматика Михаила Капустина. С. 82.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 62.

было его происхождение, оно получает силу вследствие сознания необходимости»²².

М. Н. Капустин видит в обычае нормальную форму бытия положительного права. «Совершенно ошибочно мнение, – заявляет он, – будто обычное право не есть право, а служит лишь элементом для образования юридической нормы»²³. Ученый не согласен с точкой зрения, согласно которой существование обычного права находится в прямой зависимости от дозволения государственной власти. В этой связи он подчеркивает: «Многие отношения юридические охраняются исключительно по обычаю, самую жизнь, и общественная власть не в силах изменить их»²⁴. «... Противодействовать обычному праву, согласному с требованиями нравственности и жизни, – считает М. Н. Капустин, – значит останавливать юридическое творчество»²⁵. Обычай становится юридическим, далее развивает свою мысль ученый, не в силу признания государством и обеспечения принуждением со стороны органов: «Единственно необходимое условие для того, чтобы обычай считался юридическим, заключается в том, что он повинует юридическому порядку, а не действует из великодушия, любезности, приличия»²⁶.

Таким образом, юридические «нормы деятельности, формулированные самой действительностью, составляют обычное право»²⁷. В этих нормах высказывается взгляд общества или значительного его большинства на фактические отношения жизни и на способы их охранения. Обычное право, подчеркивает ученый, может быть не только общим, но и частным, когда оно устанавливается деятельностью известного общественного круга. «Приложение права или обычай юридический, – указывает М. Н. Капустин, – распознается или в постоянно повторяющихся действиях, не отмененных действиями им противоположными, или в формальных актах; таковы, например, судебные обычаи, торговые договоры, определенный способ решения дел. Поэтому обычное право может быть и писаное: оно выражается в постановлениях известной корпорации; сло-

²² Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 63–64.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 63.

²⁷ Там же. С. 125.

весная или символическая его форма не имеет существенного значения»²⁸.

В «Юридической догматике» наряду с законом и юридическим обычаем М. Н. Капустин относил к формам положительного права и право юристов, но в последующем он меняет свою точку зрения и утверждает, что «возможно только двойное формулирование положительного права – в обычном порядке и в законе; вне их положительное право не имеет бытия ... Судебные решения имеют значение "руководства" для приложения юридических норм, но сами по себе не суть нормы»²⁹.

М. Н. Капустин не создал собственной правовой теории. Но в своем учении он последовательно проводил собственный взгляд на природу правовых явлений, социальное назначение права. Особый, «капустинский», стиль изложения общей теории права отличает строгость, одухотворенность, проникнутость эстетическим элементом. Ученый как бы призывает к постижению правовых истин не только умом, но и сердцем, стремится приобщить читателей к осознанию прекрасного в праве, раскрыть живую душу права. Его научному стилю исследования совершенно чужды наукообразность, нарочитое глубокомыслие и все то, что способно замутить, затуманить чистый источник познания, заслонить отвлеченными мудрствованиями субстанциональную основу права – идею справедливости.

М. Н. Капустину присуща, наряду с афористичностью, трезвость и тонкость суждений. В этом отношении весьма примечателен фрагмент его письма к А. А. Борзенко о литературной собственности. «Откровенно говоря, – пишет М. Н. Капустин, – я не вполне разделяю Ваши взгляды на литературную собственность. Это особый мир отношений, который еще сравнительно недавно получил имущественный характер. Здесь входит новый элемент: имя, репутация, слава. Слабое произведение знаменитого ценится выше хорошего, вышедшего из-под пера неизвестного писателя. А как приобретается имя, слава? Критики участвуют в увеличении ценности, и по справедливости на их долю должна бы приходиться часть барышей. Наибольшую материальную выгоду приносят не наиболее художественные произведения. Сквозь все юридическое построение

²⁸ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 127.

²⁹ Там же. С. 60–61.

литературной собственности проходит мысль о славе, об имени, о происхождении. Стоит сказать, что я излагаю мысли такого-то, и я могу воспроизводить чужое. Если бы у меня был гениальный сын, я требовал бы, чтобы все признавали меня его отцом, я требую также, чтобы никто не позорил моего отца, хотя умершего. Но трудно мыслить оба отношения как собственность. Очевидно, что римское право пасует в этой области»³⁰.

Труды М. Н. Капустина являются прекрасным руководством по изучению «правовой материи». Их переиздание способствовало бы более успешному нашему продвижению в деле правопонимания.

Порфирий Леонтьевич Карасевич (1844–1878) был первым профессором энциклопедии права Демидовского юридического лицея в 1871–1873 гг. Он родился 9 марта 1844 г. в г. Кагул Бессарабской губернии, окончил с золотой медалью Рижский лицей, а затем юридический факультет Московского университета в 1869 г. После этого он был командирован в научных целях за границу (Берлин, Гейдельберг, Вена). В 1871 г. защитил магистерскую диссертацию и был назначен профессором энциклопедии права Демидовского юридического лицея. После защиты докторской диссертации «Гражданское обычное право во Франции» (1873 г.) приглашен на кафедру энциклопедии права Московского университета, был секретарем Московского юридического общества, участвовал в издании журнала «Юридический вестник». Умер 16 марта 1878 г.

Его сочинение «Энциклопедия права» невелико по объему, но, тем не менее, и ему принадлежит заметное место в столь бедной подобного рода изданиями русской юридической литературе XIX в.³¹ Энциклопедия права им определяется как «наука, имеющая своею целью изыскать общее понятие, общий принцип права, вывести из него систему юридических отношений, определить сущность и значение общественного организма, указать, наконец, внутреннее основание, связь и взаимное отношение юридических и политических наук»³². П. Л. Карасевичем точно определяется место этой науки в сис-

³⁰ Михаил Николаевич Капустин и его письма к А. А. Борзенко. СПб., 1902. С. 13.

³¹ Не отличалась в этом отношении богатством и европейская юридическая литература. См.: Коркунов Н. М. Указ соч. С. 18.

³² Карасевич П. Л. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 5.

теме подготовки юриста. Прохождение энциклопедии права, указывает он, «необходимо должно предшествовать изучению отдельных юридических дисциплин, так как энциклопедия, давая общие основные понятия о праве и государстве, методически добытые, представляет твердое основание для последующего знакомства с областью юриспруденции в ее подробностях и частностях»³³.

В отличие от М. Н. Капустина, полагавшего, что право не нуждается в глубоком философском обосновании, он придавал большое значение философскому подходу при изучении правовых явлений и процессов.

Для П. Л. Карасевича характерно критическое отношение к пониманию государства как субстанции или самостоятельной личности. «Некоторые считают, – пишет он, – государство особым видом общежития, отличным от народа. Этого нельзя допустить. Государство как теперь его понимают, т. е. совокупность людей, живущих на определенной территории под одной общей властью, есть только высшая ступень народной жизни, до которой каждый народ непременно по необходимости доходит. Государство есть только видимая телесная форма народной жизни; народ – естественный базис государства и происхождение которого обуславливается силой, присущей народу»³⁴.

Исследованию одной из важнейших проблем общей теории права посвящен труд **В. Г. Щеглова** (о нем неоднократно упоминалось выше) «Нравственность и право в их взаимных отношениях».

Указывая на опасность смешения права с нравственностью, В. Г. Щеглов анализирует многочисленные научные критерии их разграничения. Ему представляется несостоятельным положение, согласно которому нравственности принадлежит область исключительно внутренней, психической жизни человека, а праву – сфера его внешней деятельности. «Опыт именно показывает, – пишет он, – что деятельность человека в сфере нравственной жизни не ограничивается лишь известного рода намерениями, побуждениями и настроением, а получает внешнюю форму, что мораль состоит из внутренней и внешней стороны. Для того чтобы быть нравственным, нужно не только добрые

³³ Карасевич П. Л. Указ. соч. С. 18.

³⁴ Там же. С. 55.

намерения, но и добрые дела, мы не должны только сочувствовать ближнему, но и помогать ему самим делом»³⁵. Точно так же и право, отмечает В. Г. Щеглов, относится не к одной только внешней стороне человеческой жизни, а затрагивает и ее внутреннюю сторону. «Известно, что целая область юридических отношений, – конкретизирует свою мысль автор, – уголовное право – построено на тщательном изучении внутренних намерений и побуждений человека (преступника) к действительности. Но внутренняя сторона юридических действий занимает и цивилиста, который, например, обращает внимание на степень участия воли человека, его свободу при заключении разного рода юридических сделок»³⁶. В. Г. Щеглову удалось, таким образом, преодолеть резкую односторонность подхода к разграничению права и морали, которая была свойственна таким выдающимся юристам, философам права, как Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин.

Он также критикует широко распространенное мнение о том, что принудительность составляет отличительное свойство права, существеннейший элемент его понятия. Принуждение, считает ученый, «не может составлять существенную черту права, олицетворяющего в жизни альтруистическую идею общего блага, чуждую всякой мысли о насилии, которое является неразумным спутником эгоизма»³⁷. В. Г. Щегловым приводятся многочисленные примеры неприменения принуждения при решении правовых вопросов. Он солидарен с Н. М. Коркуновым в том, что принудительность есть отличительное свойство не самого права, а регулируемых им отношений, не юридической нормы, а разграничиваемых им интересов. Право выступает, подчеркивает В. Г. Щеглов, с принуждением во имя высшего, альтруистического принципа, который иначе не может восторжествовать при несовершенных условиях человеческого быта. Но и защищая интересы общества и отдельных лиц, принуждение имеет второстепенное значение. «Все нормы полицейского и процессуального права, – отмечает он, – ограничивающие деятельность человека, рассчитаны на то, чтобы обеспечить

³⁵ Щеглов В. Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 111.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 112.

осуществление не нарушенных, а других юридических норм»³⁸. В. Г. Щеглов подчеркивает, что, говоря о принуждении в праве, речь можно вести только о принуждении физическом. Что же касается принуждения психического, то оно сопровождает всю деятельность человека, проявляется и в области морали, и религии, и науки, и искусства.

«Но если принуждение не отличительный признак права, – задает вопрос В. Г. Щеглов, – то в чем же искать его отличие от морали?»³⁹ На поставленный вопрос он отвечает следующим образом: «Если в морали заключается высший идеал человеческого поведения, а в праве некоторое приближение к осуществлению этого идеала, возможное при данных условиях общественного быта, то очевидно, что мораль есть высшая, совершеннейшая норма человеческой жизни в обществе, право же – норма известных общественных отношений между людьми, создаваемых по образу морали»⁴⁰.

Далее им утверждается, что мораль составляет содержание индивидуальных идеалов каждого человека, тогда как право выражает идеалы общественные, следовательно, мораль – правило личного поведения каждого, право – правило взаимных отношений. Право, по его мнению, создает условия, необходимые для осуществления нравственных идеалов всех членов общества, «так что мораль представляет цель в жизни людей, право же – необходимое к тому средство»⁴¹.

Как мы видим, удовлетворительного ответа на поставленный вопрос не получилось. Праву В. Г. Щегловым отведено подчиненное, служебное положение, ему определена роль вспомогательного средства, тогда как в действительности многие нормы и принципы права имеют основополагающее значение для отдельных лиц, их коллективов и организаций: право на неприкосновенность личности, презумпция невиновности и другие.

Суждения о сущности и предназначении права высказываются В. Г. Щегловым в многочисленных рецензиях на труды теоретиков права, в том числе на «Лекции по общей теории

³⁸ Щеглов В. Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. С. 119.

³⁹ Там же. С. 122.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Там же. С. 123.

права» Н. М. Коркунова, «Энциклопедию права» В. Ф. Залеского и др. Так, давая высокую оценку работе Н. М. Коркунова, В. Г. Щеглов вместе с тем ставит под сомнение обоснованность сведения автором понятия права к разграничению интересов, поскольку «... в самом понятии права, как только разграничения интересов, – пишет он, – скрывается много неясного и неопределенного»⁴².

В начале XX в. в Ярославском юридическом лицее трудился один из крупнейших теоретиков права **Николай Иванович Палиенко** (1869–1928). Он был выпускником Киевского университета, в 1900–1903 гг. – приват-доцент, с 1903 по 1906 гг. – экстраординарный профессор Демидовского юридического лицея. Магистр (1903 г.) и доктор (1908 г.) права. В 1906 г. перешел на должность профессора Харьковского университета. Дальнейшая судьба ученого нам достоверно не известна.

Его работы «Учение о существе права и правовой связанности государства», «Основные законы и форма правления в России», «Нормативный характер права и его отличительные признаки» продолжают сохранять актуальность и в настоящее время. Н. И. Палиенко, также как и М. Н. Капустин, не разделяет взглядов, исповедуемых представителями государственной теории права, суть которых сводится к тому, что только государство является единственным творцом права. Н. И. Палиенко присуще более широкое понимание правообразования. Причисление его Ф. Ф. Кокошкиным к сторонникам этой теории, он рассматривает как недоразумение⁴³.

Теоретическая позиция Н. И. Палиенко впервые получила четкое выражение в работе «Предмет и задачи энциклопедии права и идея права», которая представляла собой вступительную лекцию, прочитанную в 1900 г. студентам Демидовского юридического лицея. В отличие от многих позитивистов, к числу которых он всегда принадлежал, Н. И. Палиенко предпринимает попытку рассмотрения нормативной обязательности права через призму человеческой психики. Высказывая принципиальное несогласие с точкой

⁴² Щеглов В. Г. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1886 // Временник Демидовского юридического лицея. 1888. Кн. 47. С. 12.

⁴³ См.: Палиенко Н. И. Правовое значение Манифеста 17 октября 1905 г. // Юридический вестник. 1913. Кн. 11 (3). С. 58.

зрения, согласно которой отличительный признак права состоит в принудительной силе его норм, Н. И. Палиенко утверждает, что «принуждение – не существенный признак права, оно не входит необходимо в самое понятие права: существенный признак права – это признание известных норм общеобязательными. Сила их покоится на уважении и на чувстве зависимости людей от внешнего авторитета»⁴⁴. В этой связи нельзя признать основательным утверждение С. А. Пяткиной, что Н. И. Палиенко тем самым маскировал классовую сущность права, составляющую его специфику⁴⁵.

В принуждении Н. И. Палиенко, так же как и В. Г. Щеглов, видит лишь определенную гарантию, средство для достижения в необходимых случаях правом стоящих перед ним целей.

К принуждению в праве Н. И. Палиенко возвращается в работе «Нормативный характер права и его отличительные признаки». «Внешние нормы должного, – пишет он, – руководят поведением человека, оказывают воздействие на его волю, или потому, что совпадают с его личными внутренними нормами, т. е. согласуются с его личными убеждениями, или же, когда внутренняя и внешняя нормы расходятся, человек может подчиняться последним, хотя бы против своего личного убеждения, вследствие необходимости или разного рода соображений целесообразности (пользы) ... И тем и другим способом могут действовать на человека все внешние общественные нормы должного – религия, мораль, право и так называемые нравы, светские правила. Человек их исполняет или в силу личного убеждения в их правильности, или же из опасения нежелательной реакции раздраженной и оскорбленной общественной среды. Отсюда уже видно, что нельзя считать, как это делают многие, так называемые психическое и даже физическое принуждения отличительным признаком одних правовых норм, так как психическое и физическое принуждения могут сопровождать действия всякой общественной, внешней нормы должного, а не только права.

⁴⁴ Палиенко Н. И. Предмет и задачи энциклопедии права и идея права. Ярославль, 1900. С. 16.

⁴⁵ См.: Пяткина С. А. К истории юридического позитивизма в России // Труды ВЮЗИ: Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI–XIX вв. М., 1979. С. 76.

Наконец, необходимо отделять принуждение как защиту нормы от самой нормы»⁴⁶.

Отличие правовых норм от всякого другого рода норм должествования Н. И. Палиенко видит в том, что правовые нормы представляют внешние авторитетные приказы. Их действие на отдельную личность независимо от убеждающей силы нормы тем сильнее, чем большим уважением, силой и властью в обществе пользуется этот внешний авторитет.

Нормы религии и морали, подчеркивает Н. И. Палиенко, тоже являются нормами внешнего поведения, но их сила зиждется на внутреннем чувстве и убеждении, «на вере в величие и святость Божества», «на внутреннем авторитете человеческой совести». Правила общественного приличия основаны «на чувстве красоты и изящества, на сознании пользы или на чувстве самолюбия – нежелании показаться смешным и невоспитанным»⁴⁷.

Усматривая в праве авторитетный приказ, Н. И. Палиенко акцентирует внимание на внешнем характере этого приказа, выражающего общую волю, направленную на подчинение другой, как правило, индивидуальной воли. «Такое выражение, как "внутренний приказ", "приказ совести", – пишет он, – могут быть употребляемы разве в чисто фигуральном смысле. Те писатели, которые принимают существование субъективных, интуитивных норм права, смешивают, по нашему мнению, с нормой права один из моментов ее образования, когда в процессе своего объективирования и позитивации известное постановление о должном проходит через личное сознание человека»⁴⁸.

На основании вышеизложенного Н. И. Палиенко формулирует дефиницию права: «Право представляет собой совокупность положительных объективных норм, правил должного, выработавшихся в общественном союзе и имевших характер внешних приказов, регулирующих человеческие отношения»⁴⁹.

⁴⁶ Палиенко Н. И. Нормативный характер права и его отличительные признаки // Временник Демидовского юридического лица. Ярославль, 1903. Кн. 86. С. 15.

⁴⁷ Палиенко Н. И. Нормативный характер права и его отличительные признаки. С. 15.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 18.

В этом определении, как мы видим, государство не фигурирует в качестве творца права.

Весьма противоречивой являлась позиция Н. И. Палиенко по поводу природы и значения естественного права. «Представление о каком-то неизменном и абсолютном праве природы и разума, – пишет он, – о естественных, неотчуждаемых, врожденных правах человека, которые мы встречаем в учениях естественного права еще с древнейших времен и которое торжественно провозгласила знаменитая французская "Декларация прав человека и гражданина", является иллюзией политических мечтателей и плодом чисто метафизических размышлений, совершенно не считающихся с фактами жизни и с данными истории»⁵⁰.

Характеризуя Н. И. Палиенко как теоретика права, Б. А. Кистяковский писал: «Выяснению вопросов, связанных с нормативным учением о праве, очень способствуют также труды Н. И. Палиенко, хотя сам он, склоняясь к психологизму и позитивизму, является противником включения естественно-правовой идеи в науку о праве»⁵¹.

Не признавая за естественным правом юридического значения, Н. И. Палиенко, тем не менее, ее историческому развитию посвятил немало страниц своего основного теоретического труда «Учение о существе права и правовой связанности государства». Им внимательно прослеживаются все важнейшие исторические этапы в понимании естественного права, начиная с глубокой древности, оцениваются многочисленные его формы и интерпретации. Автором признается большое историческое значение этого учения, утверждающего высокие правовые идеалы, отмечается его великая жизненная сила. «Судьба идеи естественного права, – пишет он, как бы обращаясь и к современным юристам, – поистине замечательна! Развиваемая с таким энергичным влиянием и устойчивостью в течение многих веков жизни культурных народов, идея эта была подавлена, хотя и далеко не умерщвлена, торжествующим течением историзма и позитивизма в XIX столетии. Но в конце минувшего века идея естественного права вновь оживляется, получает бо-

⁵⁰ Палиенко Н. И. Нормативный характер права и его отличительные признаки. С. 7.

⁵¹ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 300.

лее научную форму, и, таким образом, обновленная и поддерживаемая многими видными представителями науки, выдвигается против исторических и позитивных учений о праве с требованиями возвращения прежнего утраченного значения в жизни и науке права. Такая живучесть идеи естественного права, напоминающая постоянство и силу религиозных верований, не может не остановить на себе внимания современного исследователя правовых вопросов, привыкшего иметь дело лишь с изучением положительного права и ограничивающего область права явлениями положительного правопорядка»⁵².

Н. И. Палиенко признает также за идеей естественного права крупную роль в правообразовании, отмечая, что «... изучение тех явлений и представлений о праве, которые подводятся под понятие естественного права, имеет огромное значение для юриспруденции, не только для ее правно-политических задач, но и для генетического изучения права, изучения правообразования и праворазвития»⁵³. «Принципиальное различие между так называемой позитивной юриспруденцией и сторонниками естественного права, – указывает он, – состоит в том, что юристы позитивного направления отрицают естественное право как таковое, т. е. как право, и потому не признают возможность полагать в его основу юридических квалификаций и конструкций»⁵⁴.

Таким образом, оставаясь в основном на позитивистских позициях, Н. И. Палиенко, тем не менее, выступил в роли авторитетного защитника концепции естественного права. «Правильно замечание, – писал он, – что вся история идеи естественного права в сущности представляет собою историю великого искания простоты и гармонии»⁵⁵. По мнению В. Д. Зорькина, Н. И. Палиенко в своих последних работах отступает от позитивизма, склоняясь к неокантианству⁵⁶.

В методологическом плане также весьма значимы суждения Н. И. Палиенко об историческом подходе к праву, о роли

⁵² Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 2.

⁵³ Там же. С. 182.

⁵⁴ Там же. С. 83.

⁵⁵ Там же. С. 13.

⁵⁶ См.: Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 25.

истории права в изучении юриспруденции. Им подвергаются основательной критике мнения ряда немецких и русских ученых о якобы вспомогательном значении этой науки для юриспруденции. Н. И. Палиенко принципиально не согласен с точкой зрения Р. Штаммлера, следуя которой, историческому исследованию должен подвергаться только правовой материал, имеющий «формальное качество важности с точки зрения прогрессивного развития права»⁵⁷. Определение же масштаба для оценки важности материала, по мнению Р. Штаммлера, дело философии права. «История права, которая имеет своей задачей дать картину последовательной смены и развития правовых институтов, столь важную для понимания законов правовой жизни, – пишет Н. И. Палиенко, – не может так наперед дробить материал по важности или неважности для прогрессивного развития права с точки зрения какого-либо правнофилософского принципа. Она сама дает богатейший материал для суждений философа права о регрессе или прогрессе правовой жизни. Посвящать на историю права – это значит убивать эту науку, составляющую необходимую, органическую часть правоведения как науки, посвященной изучению права, в его прошлом, настоящем и, насколько возможно, в будущем»⁵⁸.

Весьма значителен вклад Н. И. Палиенко в развитие учения о правовом государстве. Этой проблеме посвящены опубликованная в 1906 г. в «Вестнике права» статья «Правовое государство и конституционализм» и монография «Учение о существе права и правовой связанности государства» (1908 г.). В какой-то мере эти вопросы затрагиваются и в одной из последних работ Н. И. Палиенко «Учение о природе государства и его единстве в современном государствоведении», помещенной в сборнике трудов, посвященном памяти академика В. М. Гордона (Харьков, 1927).

В первой из названных работ Н. И. Палиенко высказывает вполне определенное мнение о возможности для России выхода из кризиса только через скорейшее преобразование «государственного строя на началах свободного правового государства». Его формирование должно идти путем проведения по-

⁵⁷ Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. С. 128.

⁵⁸ Там же. С. 121.

следовательных мер, направленных на ограничение прав и прерогатив государственной власти как таковой. «Дело не в носителях власти, – утверждает Н. И. Палиенко, – а в самой власти: ее нужно ограничивать. Против оружия, а не против держащей его руки нужно направлять усилие»⁵⁹. Для осмысления концепции правового государства необходимо отрешиться от мысли, что общество обладает безграничным суверенитетом над своими членами.

Развивая ранее выдвинутое положение об ограниченности суверенитета, Н. И. Палиенко подчеркивает: «Юрисдикция суверенитета кончается там, где начинается индивидуальная жизнь и независимость. Общество, переступившее эти пределы, является столь же виновным, как и деспот, опирающийся на свой меч. Превышая свою компетенцию, общество делается узурпатором, а большинство возмутителем. Никто не может санкционировать подобные акты. Власть, хотя бы она исходила от всей нации, перестает быть законной»⁶⁰. В этой связи Н. И. Палиенко высказывает критическое отношение к доктрине общественного договора Руссо, постулирующей полное и безусловное отчуждение всех прав индивидов обществу. В доктрине, на которую ссылались в интересах свободы, по мнению Н. И. Палиенко, получил обоснование деспотизм общества: «Акт, творимый во имя всех, необходимо находится в распоряжении одного или нескольких лиц ... Индивиды тут не только не приобретают обратно от общества того, что отдают ему, но возникает сила, которая может отнять у них все, что они имеют»⁶¹.

Вместе с тем у Н. И. Палиенко вызывают осуждение индивидуалистические крайности либеральной доктрины, с ее чрезмерным преувеличением роли личности в государстве, свободной инициативы индивидов, что ведет к сужению сферы государственного управления и вмешательства в общественную жизнь в целях положительного содействия экономическому и культурному развитию населения. Поэтому ученый ратует за установление в России такого правового государства, которое не только бы определялось в своей организации и деятельности

⁵⁹ Палиенко Н. И. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 140.

⁶⁰ Там же. С. 140–141.

⁶¹ Там же.

правом, но осуществляло бы внешние цели права, обеспечивало бы торжество норм социальной справедливости, искореняло бы «тяжкое неравенство в жизненных условиях существования различных классов населения и политическую эксплуатацию одной группы населения другой»⁶².

Не останавливаясь на анализе отдельных компонентов концепции правового государства, Н. И. Палиенко сосредоточивает свои усилия на исследовании основ и характера связанности государственной власти ею же установленными нормами права. Эта капитальная проблема, вызывающая самые разноречивые научные суждения, подвергается им основательному рассмотрению в монографии «Учение о существе права и правовой связанности государства».

Разрешение проблемы юридического связывания государства, полагает Н. И. Палиенко, прежде всего обусловлено пониманием самого права. Для него является совершенно неприемлемой теория юридического самообязывания государства, которую выдвинул известный немецкий юрист Еллинек, согласно которой государство, выступая как изолированный субъект власти, оказывается связанным своими нормами лишь по отношению к самому себе, само себя по своей воле вводит в определенные правовые рамки. По мнению Н. И. Палиенко, базисом для объяснения отношения права к государству должна служить не только воля государства, но и воля противопологаемых ему в качестве подвластных субъектов государственных отношений. Власть государственная, утверждает он, есть явление коллективно-психологического характера.

«Самое существование государства, – подчеркивает Н. И. Палиенко, – обусловлено сознанием со стороны образующих и поддерживающих его властвование социальных групп общественной ценности, необходимости и целесообразности того принудительного властвования, которое характеризует специфическую природу государства. Также и обязательность норм, которые формально устанавливает сам носитель государственной власти, обуславливается не только чувством страха и сознанием зависимости от подавляющей принудительной силы, находящейся в распоряжении властителя, но и созна-

⁶² Палиенко Н. И. Правовое государство и конституционализм. С. 161.

нием со стороны властных моральной авторитетности, пользы, рациональной необходимости подчинения таким нормам для всех членов государства. Поэтому и сам властитель может быть связан устанавливаемыми им нормами не потому лишь, что обязательность этих норм основана на его собственном убеждении и желании, но и потому, что в той социальной массе, властителем которой он является, созрело сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых и устанавливаемых им самим. Тогда эти нормы отрешаются в сознании подвластных от воли властителя, объективируются и противопоставляются властителю как связующее его внешнее определение деятельности, независимое от его произвола, субъективных убеждений и воли»⁶³.

Именно в подданных государства, в их нормативных убеждениях, по мнению Н. И. Палиенко, заключается основа связанности государства его же правом и самая верная гарантия верховенства права над государственной властью. Он утверждает, что закон не только императив властителя, но и императив подвластных, и эти императивы распространяются на все сферы государственной деятельности. Н. И. Палиенко придавал большое значение установлению судебного контроля за конституционностью законодательных актов⁶⁴.

В работе «Учение о природе государства и его единстве в современном государствоведении», написанной в годы советской власти, Н. И. Палиенко подвергает критике концепцию первоначальной правовой нормы, обосновывающей право общества господствовать над личностью, связывать его волю своими предписаниями, отстаивает мысль о равной подчиненности праву управляемых и управляющих. У него вызывает осуждение растущий в обществе правовой нигилизм. Эти и другие высказанные ученым мысли имеют, как мы видим, вполне современное звучание.

С Демидовским юридическим лицеем связана научная деятельность выдающегося теоретика права **Богдана Александровича Кистяковского** (1869–1920). Он родился 11 ноября 1868 г. в семье выдающегося русского юриста-криминалиста

⁶³ Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. С. 338.

⁶⁴ См.: Скакун О. Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. 1990. № 2. С. 118.

А. Ф. Кистяковского, но в юности увлекался филологией и потому поступил на историко-филологический факультет Киевского университета Св. Владимира. Но его пребывание в этом вузе было недолгим. За проявление глубокого интереса к зарубежной нелегальной литературе он был исключен из университета. Затем последовало исключение по той же причине из Харьковского университета. Более продолжительной была его учеба на юридическом факультете Дерптского университета. В период пребывания в этом университете Б. А. Кистяковский изучил немецкий, французский, английский, эстонский, польский, болгарский, сербский и чешский языки. Но окончить Дерптский университет ему также не удалось. За чтение и перевод трудов К. Маркса и Ф. Энгельса на русский язык он был арестован и исключен из числа студентов. После пребывания в течение года под гласным надзором полиции Б. А. Кистяковский уехал в 1895 г. для продолжения образования в Берлин. В Берлинском, а затем в Страсбургском университетах он изучал философские науки и в 1899 г. получил степень доктора философии. В Германии Б. А. Кистяковский пробыл до 1902 г. Доктор философии продолжал углублять свои познания в области права. Известно, что в Гейдельберге он занимался в семинаре знаменитого немецкого государственоведа Г. Еллинека.

Б. А. Кистяковский

В 1909 г. Б. А. Кистяковский получает приват-доцентуру в Московском университете, но в 1911 г. из него уходит в числе 130 профессоров и преподавателей в знак протеста против полицейских репрессий министра народного просвещения Л. А. Кассо. В том же году он становится и приват-доцентом Демидовского юридического лица, затем избирается экстраординарным профессором по кафедре энциклопедии права. Здесь он читает курс философии права, а затем истории философии права. Он был также главным редактором журналом «Юридический вестник» (1913–1917 гг.). Одновременно в 1912–1914 гг. он был соредактором «Юридических записок» лица. В Ярославле Б. А. Кистяковский завершил главный из своих трудов –

монографию «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (М., 1916). По этой работе в 1917 г. он защитил докторскую диссертацию и перешел в Харьковский университет. Связи с Ярославлем он при этом не утратил, однако она имела и трагический оттенок (при подавлении ярославского мятежа в июле 1918 г. сгорела типография, в которой находилась рукопись основного труда ученого «Право и науки о праве»). С образованием Украинского государственного университета в Киеве он переводится туда, став одновременно и профессором Киевского университета, однако его профессорство в данном вузе было недолгим. В 1919 г. его приглашают в Украинскую Академию наук. Вихри гражданской войны занесли его сначала в Ростов, а затем в Екатеринодар (современный Краснодар), где его избрали профессором местного Политехнического института. Однако руководить кафедрой ему не пришлось и в апреле 1920 г. Б. А. Кистяковский умер после неудачной операции. Таким образом, ярославский период научно-педагогической деятельности ученого был самым продолжительным (1911–1916 гг.).

Его труды, такие как «Социальные науки и право», «Государство правовое и социалистическое», «В защиту права», «Наши задачи», «Страницы прошлого: к истории конституционного движения в России», «Сущность государственной власти» и другие имели не только научный, но и широкий общественный резонанс. В 1911 г. Б. А. Кистяковский выступил перед студентами Демидовского юридического лицея с имевшей большое методологическое значение лекцией «Право как социальное явление».

Являясь главным редактором журнала «Юридический вестник», издаваемого в Санкт-Петербурге, Б. А. Кистяковский объединял усилия прогрессивных русских юристов в борьбе за повышение авторитета права и правовой науки, за усиление благотворного влияния права на все сферы личной и общественной жизни.

В передовых статьях журнала он призывает юридическую общественность страны всемерно добиваться признания за правом самостоятельного значения, «так как право должно быть правом, а не каким-то придатком к экономической, политической и другим

сторонам общественно-государственной жизни»⁶⁵. Он с полной убежденностью заявил, что право по своей природе и по предназначению должно действовать и иметь силу независимо от того, какие политические направления господствуют в стране и в правительстве. «Право, – пишет он, – по самому своему существу, стоит над партиями и поэтому создавать для него подчиненное положение по отношению к тем или другим партиям – это значит извращать его природу»⁶⁶. Б. А. Кистяковский отстаивает идею самоценности права. «Только тогда, – подчеркивает ученый, – когда право будет рассматриваться у нас не как средство достижения тех или иных целей, а как самостоятельная цель, у нас будет создан устойчивый и разумный правопорядок». Могущество и благосостояние России, полагает Б. А. Кистяковский, в конце концов зависит от того, насколько право будет действительно господствовать в нашей жизни.

Однако самостоятельность права, его независимое положение в жизни общества, уточнял позицию юристов, объединенных вокруг журнала «Юридический вестник», его редактор, не должно вести к юридическому формализму и так называемой «юриспруденции понятий». «Нам нужна не юридическая форма, не господство юридических понятий, – подчеркивает Б. А. Кистяковский, – а действенное право. Изолируя право от всех окружающих его условий, мы не изолируем эти условия и не закрываем перед ними глаза. Напротив, мы даже получили возможность более точно определить их влияние и силу»⁶⁷. Он указывает в этой связи на принятые юридическим журналом практические шаги в направлении исследования социальных явлений⁶⁸.

Б. А. Кистяковский рассматривает право как сложный социальный феномен. Основываясь на том, что право входит в разные сферы человеческой жизни и деятельности, которые могут составлять предмет различных отраслей гуманитарных наук, ученый считает научно правомерным существование не одного, а нескольких понятий права⁶⁹.

⁶⁵ Кистяковский Б. А. Наши задачи // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 11.

⁶⁶ Там же. С. 15.

⁶⁷ Там же. С. 16.

⁶⁸ См.: Там же.

⁶⁹ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 320.

«Право, – пишет он, – есть и государственно-организованное, и социальное, и психическое, и нормативное явление. Все эти различные его проявления или все эти стороны его многоликого, многообразного существа подлежат вполне самостоятельному изучению и разработке»⁷⁰. Исходя из этих проявлений права, Б. А. Кистяковский дает четкую методологическую характеристику каждому из четырех его понятий, которые приобрели до известной степени право гражданства в науке. Однако, несмотря на множественность научных понятий права, подчеркивает ученый, оно «как явление едино. Существует общее учение о праве»⁷¹.

Б. А. Кистяковский не мог не обратить внимания на опасную для общественного прогресса тенденцию «умаления юридических начал» русской народной жизни, свойственную особенно славянофильской народнической идеологии, проникнутой духом отрицания этих начал в русском народе, поэтизированной его стремление действовать исключительно по этическим побуждениям. Не умаляя значения нравственных начал, ученый подчеркивал, что «на одной этике нельзя построить конкретных общественных норм. Такое стремление противостоит природе, оно ведет к уничтожению и дискредитированию этики и окончательному притуплению правового сознания. Всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее»⁷². Но ученый считает совершенно недопустимым сводить природу правовых норм к внешнему их проявлению. «Выделяя внешнее поведение, правовые нормы, – писал он, – однако, сами не являются чем-то внешним, так как они живут прежде всего в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными в статьях законов или применимыми в жизни, они приобретают и внешнее существование»⁷³. Ученый придавал главенствующую роль в общественной жизни именно внутреннему или интуитивному праву. То, что обычно в правовой норме видят лишь правило, получившее внешнее выражение, а не

⁷⁰ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право.

⁷¹ Там же. С. 326.

⁷² Кистяковский Б. А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // «Вехи»: Сб. ст. о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910. С. 143.

⁷³ Кистяковский Б. А. В защиту права. С. 144.

правовое убеждение, является, по мнению Б. А. Кистяковского, проявлением «низкого уровня правосознания»⁷⁴. Тенденция к всеобъемлющей регламентации и регулированию «общественных отношений статьями писанных законов, – утверждает ученый, – присуща полицейскому государству, и она составляет отличительный признак его в противоположность государству правовому»⁷⁵.

Как и М. Н. Капустин, Б. А. Кистяковский социальное назначение права усматривал в его постоянном действии, «приложении к жизни». Этот вопрос имеет существенную методологическую ценность. Не случайно его обоснованию Б. А. Кистяковский посвятил значительную часть своего труда «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права». Ему пришлось полемизировать с рядом видных юристов начала XX столетия, не признававших в реализации права определяющего момента его бытия, основного признака права. Так, философ и теоретик права И. А. Ильин в своей работе «Понятие права и силы» утверждал, что право «может не иметь в числе своих предиктов признаков бытия». Возражая ему, Б. А. Кистяковский писал: «Если бы право не осуществлялось, не воплощалось в жизни, в общественных отношениях и учреждениях, то оно не было бы правом ... Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и поэтому осуществление есть основной признак права»⁷⁶.

Б. А. Кистяковским подробно анализируются социологическая и психологическая теории права. Особое внимание им уделяется первой. «Русский научный мир, – пишет он, – может гордиться тем, что именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление. Во второй половине семидесятых годов С. А. Муромцев чрезвычайно последовательно разработал стройную социально-научную теорию права»⁷⁷. Выражая сожаление по поводу того, что идейное богатство, заключающееся в трудах С. А. Муромцева, у нас должным образом не используется, Б. А. Кистяковский в широком теоретическом и практическом планах раскрывает огромные возможности социально-научного

⁷⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права.

⁷⁵ Там же. С. 144.

⁷⁶ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 346.

⁷⁷ Там же. С. 338.

изучения права. Если традиционное учение о праве, подчеркивает он, рассматривает субъективное право как производное объективного права, то при социально-научном изучении права «надо признать осуществление права основным моментом для познания его и соответственно этому исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях»⁷⁸.

«При изучении права с социально-научной точки зрения, – указывает Б. А. Кистяковский, – главное внимание должно быть обращено на право, осуществляющееся в жизни, ... должен быть оставлен традиционный предрассудок, будто бы право, которое осуществляется в жизни, является только отражением или лишь простым следствием того права, которое выражено в законах. Если мы захотим выразить в кратком определении, что представляет право, изучаемое с этой стороны, то мы должны сказать, что право есть совокупность осуществляющихся в жизни правовых отношений, в которых вырабатываются и кристаллизируются правовые нормы»⁷⁹. Следовательно, утверждает он, нужно смотреть на право, которое живет в народе и выражается в его поведении, поступках, сделках, а не на то право, которое установлено в параграфах кодексов⁸⁰.

«Не только в теоретическом, но и в практическом отношении социально-научное исследование права чрезвычайно важно, – подчеркивает ярославский ученый, – только оно дает возможность законодателю работать не вслепую, не наугад, как это бывает по большей части теперь, а вполне ясно отдавая себе отчет в том, как должен быть издан тот или другой закон для того, чтобы он оказал желаемое воздействие на жизнь»⁸¹. Вместе с тем Б. А. Кистяковский предостерегает от шархания в крайности. Из признания права социальным фактом, из наличия его тесной связи с жизнью, однако, не следует вывод об исследовании права только в составе социологии. Но именно этой точки зрения придерживался русский юрист Ю. С. Гамбаров, признавая правильным метод, «который не изолирует права от других частей социального целого, а рассматривает их в связи и во взаимодействии с ними»⁸². «Эти заманчивые предложения изучать право в связи с

⁷⁸ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 346.

⁷⁹ Там же. С. 322.

⁸⁰ См.: Там же. С. 377.

⁸¹ Там же. С. 351.

⁸² Там же. С. 342.

социальным целым, – замечает Б. А. Кистяковский, – методологически совершенно несостоятельны. Мы всегда изучаем только части, и целое недоступно нашему познанию. Прямо противоречат фактам из истории научного развития утверждения, что право нельзя отделять от социальной жизни и что правоведение нельзя изолировать от социологии. Ведь в научном познании право было как особая область явлений гораздо раньше, чем, например, хозяйство. Без изолирования невозможно полное и всестороннее познание права»⁸³.

Б. А. Кистяковский подвергает критическому осуждению негативное отношение многих юристов к обычному праву, их склонность к удобным стереотипам мышления. «Обычное право, – отмечает он, – в современной правовой теории занимает положение какого-то пасынка; ему уделяется лишь чисто декоративное значение. В действительности в обычное право не верят; от него часто требуют, чтобы оно оправдало или легитимировало себя перед правом, установленным в законе. Так, например, придают серьезное значение вопросу о том, допускает ли или не допускает та или иная законодательная система обычай в качестве источника права. Далее верят в возможность установить границы обычного права законодательным путем. Наконец, иногда отрицают правомерность некоторых форм обычного права; существует, например, целая группа теоретиков, утверждающих, что обычай не может дерогировать (частично изменять закон. – *авт.*) или отменять законодательные постановления. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что традиционная теория права влияет на психику большинства теоретиков права и создает одностороннее устремление их внимания на право как на совокупность норм и, в частности, исключительный интерес к праву, выраженному в законах»⁸⁴.

Б. А. Кистяковский последовательно приводит различие между правом и законом. Он выражает полное согласие с немецким юристом Шпигелем, полагавшим, что требование отделять право от закона есть постулат научной честности⁸⁵.

Б. А. Кистяковский наряду с Н. И. Палиенко принадлежат к числу крупнейших в дореволюционной России теоретиков пра-

⁸³ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право.

⁸⁴ Там же. С. 351.

⁸⁵ См.: Там же. С. 351–352.

вового государства. Оба они действительную силу правовой государственности видели не в разделении властей, а в связанности государства правом, в верховенстве общественного правосознания, в неподвластности государству сферы прав и свобод личности. «В правовом государстве, – писал Б. А. Кистяковский, – власти положены известные пределы, которых она не должна и не может преступить. Ограниченность власти в правовом государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушаемых и неприкосновенных прав. Впервые в правовом или конституционном государстве признается, что есть известная сфера самоопределения и самопроявления личности, в которую государство не имеет права вторгаться. Неотъемлемые права человеческой личности не создаются государством; напротив, они по самому существу своему присвоены самой личности ... Вся сфера мнений, убеждений и верований должна быть, безусловно, неприкосновенна для государства»⁸⁶.

Эта сфера должна быть неприкосновенна и для народа. Б. А. Кистяковский решительно отказывается видеть политический идеал в установлении неограниченного народовластия, «самодержавия народа». Как бы заглядывая в недалекое будущее России, он пишет по этому поводу: «... можно ли признать идеальным тот порядок, при котором государственная власть, хотя бы и всецело сосредоточенная в руках народа, могла бы по желанию отменять свободу слова, печати, собраний и союзов? Свободы эти настолько неотъемлемое право каждого человека, что тот государственный строй, в котором они нарушаются, не может быть признан нормальным, независимо от того, в чьих руках находится власть. Там, где этих свобод нет или они во всякий данный момент могут быть хотя бы временно упразднены, там нет даже элементарной политической свободы, и там государственная власть имеет характер насильственный, а не правовой ... Принцип народного суверенитета вовсе не требует неограниченной народной власти. Он предполагает лишь верховенство народа, народный суверенитет вовсе не требует такой громадной жертвы, как жертва человеческой личностью во имя всемогущества власти народа. Напротив, в атмосфере бесправия, насилия и несвободы легко может погибнуть и само народное верховенство. Однако защитники

⁸⁶ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 5 (85). С. 474.

неограниченного народовластия часто стремятся оправдать его хотя бы как временную меру. Они обыкновенно указывают на то, что народовластие сможет утвердиться и направить государственную деятельность в пользу народных масс только после того, как оно разделается с врагами народа, воспользовавшись неограниченными полномочиями, а для этого и должно временно располагать ими. Но это тот же аргумент, который приводит в оправдание своих насилий всякое деспотическое правительство. Политическая свобода – такое громадное и драгоценное благо, что от него нельзя отказаться ни на одно мгновение и ни за какие временные выгоды ... Мы должны, наконец, научиться смотреть на политическую свободу, на свободу личности, на права человека и гражданина как на абсолютно неотчуждаемые блага»⁸⁷.

Во имя торжества этих высоких гуманистических ценностей власть в правовом государстве должна быть организована таким образом, чтобы исключалась сама возможность подавления ею личности, отступления от правовых постулатов. Для Б. А. Кистяковского неприемлема позиция С. А. Котляревского и некоторых других правоведов, считающих, что государственная власть в силу своей самобытной природы склонна и в отдельных случаях может действовать в несогласии с правом и вне его сферы⁸⁸. «В законченно-правовом государстве, – утверждает Б. А. Кистяковский, – сильная власть и есть чисто правовая, сильная той прочностью и устойчивостью, которые гарантирует ей неукоснительное соблюдение норм права как со стороны власти имущих, так и подвластных»⁸⁹. Правовое государство, чтобы быть по-настоящему прочным и устойчивым, должно иметь постоянную опору в общественном правосознании.

Приветствуя движение России к правовому государству, Б. А. Кистяковский критикует аграрное законодательство П. А. Столыпина как проникнутое духом пренебрежительного отношения к правовой личности крестьянина.

«Наше новейшее аграрное законодательство, – пишет он, – пока ни сколько не повысило положение правовой личности крестьянина, напротив, оно сделало ее предметом насильственного воздействия административной власти. Прежде всего тот основ-

⁸⁷ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое. С. 478–481.

⁸⁸ См.: Скаун О. Ф. Указ. соч. С. 116–117.

⁸⁹ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 607.

ной прием, которым это законодательство стремится насадить частную собственность среди крестьян, заключающийся в том, что члены общины, изъявившие желание перейти к частному владению, приобретают известные экономические преимущества за счет всей остальной общины, навряд ли способен утвердить движение не только к частной собственности, а и к собственности вообще. Далее, перешедшие к частной собственности крестьяне в административно-правовом отношении несколько не становятся в более независимое положение от той же общины как административно-финансовой единицы и других органов власти, ... правовое положение новых частных собственников очень неопределенно и неясно, т. е. лишено наиболее ценных преимуществ всякого истинного права. Во всяком случае, общее впечатление от нового аграрного законодательства таково, что в нем личность крестьянина служит пока объектом для экономистов, но ее действительные права несколько не обеспечиваются и не гарантируются вновь насаждаемым правопорядком»⁹⁰.

Б. А. Кистяковскому принадлежит идея построения социалистического правового государства. Социалистический строй общества, по его утверждению, вполне совместим с правовой государственностью⁹¹. Вместе с тем он считал, что в социалистическом государстве репрессия будет «еще более ослаблена, чем в государстве конституционном и правовом»⁹². Словом, ему было присуще видение социализма с человеческим лицом.

Выражая вполне определенные симпатии к социалистическому преобразованию общественного быта России, он критиковал революционные партии за их недооценку политических свобод, за непонимание ими ценности права для государственной организации, создания юридических гарантий политической и иных свобод⁹³.

К числу весьма значительных исследований в области общей теории права относится вышедший в Ярославле в 1912 г. труд профессора юридического лица **Александра Львовича**

⁹⁰ Кистяковский Б. А. Наши задачи. С. 7–8.

⁹¹ См.: Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 118.

⁹² Кистяковский Б. А. Сущность государственной власти // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем / Под ред. Б. А. Кистяковского, А. Р. Смирновского, Л. С. Таля и В. Н. Ширяева. Ярославль, 1913. Вып. 1/2. С. 304.

⁹³ См.: Кистяковский Б. А. Наши задачи. С. 116.

Байкова (1874–1943) «Междувластные и властные отношения в теории права». Это был выпускник Александровского училища правоведения (1895 г.). С 1908 по 1911 гг. он был экстраординарным профессором Демидовского юридического лицея по кафедре энциклопедии права. В 1911–1913 гг. – экстраординарный, с 1913 по 1917 гг. ординарный профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1922 г. он был выслан из Советской России, жил в основном во Франции. Умер в Париже 30 декабря 1943 г.⁹⁴

Если Н. И. Палиенко, склоняясь к психологизму, не расставался с позитивизмом, а Б. А. Кистяковский более принадлежал к сторонникам социально-научного изучения права, то А. Л. Байков представлял психологическое направление в правоведении. Рассматривая право как психическое явление, он высказывает критическое отношение к пониманию права как внешней свободы, подчеркивая невозможность мыслить внешнюю деятельность совершенно отрешенной от внутренних переживаний, ее обуславливающих. В этой связи, полагает он, нельзя рассматривать право и нравственность на почве свободы (внешней и внутренней). «Не в природе обязанностей, не в особенностях притязательного воздействия, – пишет он, – не в каких-то свойствах субъекта или объекта коренится различие между правом и нравственностью, и не во внешнем авторитете, физическом принуждении или объеме нормативных требований следует искать отличительных признаков права. Понятия права и нравственности дифференцируются в силу внутренних психологических процессов, вызывающих к жизни многообразные "дестинарные" представления»⁹⁵, т. е. представления о тех эффектах, которые обуславливаются надлежащим отношением зависимости⁹⁶. В свете психологической теории строится им и учение о функциях права⁹⁷. В отличие от других представите-

⁹⁴ См.: Томсинов В. А. Александр Львович Байков // Российские правоведы XVIII – XX вв.: Очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 414 и далее.

⁹⁵ Байков А. Л. Междувластные и властные отношения в теории права: Опыт теоретико-познавательного построения. Ярославль, 1912. С. 325.

⁹⁶ См.: Томсинов В. А. Александр Львович Байков // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1996. № 2. С. 111.

⁹⁷ См.: Карташова Н. В., Мельников Ю. И. А. Л. Байков о функциях права // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы:

лей Ярославской юридической школы, он придает государству значение авторитарного союза, властвующего над подчиненным ему населением⁹⁸.

В ярославской юридической школе получил научное становление философ права **Евгений Николаевич Трубецкой** (1863–1920), автор таких основательных трудов по истории философии права, как «История философии права», «Социальная утопия Платона», «Религиозно-общественные идеалы Западного христианства в V веке», «Религиозно-общественные идеалы христианства в XI веке», «Энциклопедия права» и другие. Он также относится к числу теоретиков правового государства. Для Е. Н. Трубецкого характерно понимание права как внешней свободы⁹⁹. Отметим, что Н. Е. Трубецкой в 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета, затем получил степень магистра философии. В 1886–1897 гг. он был приват-доцентом Демидовского юридического лицея, затем профессором Киевского (1897–1905) и Московского (1905–1917) университетов (в последнем заведовал кафедрой философии). После октябрьской революции 1917 г. стоял на большевистских позициях, умер от тифа в Новороссийске в январе 1920 г.

Е. Н. Трубецкой

Важное методологическое значение имеет прочитанная в лицее 2 ноября 1906 г. профессором **Федором Васильевичем Тарановским** (1875–1936) вступительная лекция по энциклопедии права «Историческое и методологическое взаимоотношение

Тез. докл. на международ. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 66–67.

⁹⁸ См.: Карташов В. Н. Междувластные и властные отношения в теории права // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. на междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 58–60.

⁹⁹ Мы не останавливаемся на анализе трудов этого ученого, поскольку они написаны в «послелицейский» период его научно-педагогической деятельности. В Ярославле вышла только его диссертация *pro venia legendi* (см.: Трубецкой Е. Н. Рабство в Древней Греции // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1886. Кн. 40. С. 1–85).

истории, догмы и политики права». Он окончил Варшавский университет (1896 г.), затем был командирован в Гейдельбергский университет, где слушал лекции Г. Еллинека. С 1899 г. приват-доцент по кафедре энциклопедии права, с 1903 г. занял кафедру русского права Варшавского университета. Магистерскую (1905 г.) и докторскую (1911 г.) диссертации защитил в Петербургском университете. В 1906–1908 гг. экстраординарный профессор по кафедре государственного права Демидовского юридического лицея. С 1908 по 1917 гг. профессор Юрьевского университета. Революцию 1917 г. не принял, в 1920 г. эмигрировал в Югославию, где был профессором истории славянского права Белградского университета. Один из основателей и первых профессоров Русского научного института в Белграде (1928 г.). Действительный член Сербской Академии наук, член-корреспондент Болгарской Академии наук, автор исследований по истории сербского права. Умер в Белграде в 1936 г.

В лекции ученого прослеживается в общих чертах весь исторический ход развития и научного становления правоведения. Последнее, подчеркивает Ф. В. Тарановский, начинается с догмы права, что вполне объяснимо практическим происхождением правоведения, ибо оно вызвано к жизни практическими потребностями суда, с осознанием которых встала задача найти юридическую форму для разрешения возникавших в обществе конфликтов. Эта первоначальная практическая задача породила правоведение, а вместе с ним юриста.

Весьма убедительно обосновывается Ф. В. Тарановским историческая роль школы естественного права в становлении правоведения, в выведении его из тесных рамок догматизма на широкое научное поприще.

«Она, – указывает Ф. В. Тарановский, – освобождала его от исключительного служения потребностям суда и наряду с вековой проблемой практического применения права ставила новую проблему теоретического его изучения»¹⁰⁰. И более того, несмотря на стремление школы естественного права к начертанию неподвижной системы рационального права, она, отмечает ученый, разорвав узы исключительного догматизма, которым

¹⁰⁰ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимодействие истории, догмы и политики права // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 3. С. 156.

была скована юриспруденция в течение многих веков, «расчищала путь для постановки в правоведении самостоятельной исторической проблемы»¹⁰¹.

Определение самостоятельной задачи для истории права Ф. В. Тарановский связывает с именем Г. В. Лейбница, который первым указал на необходимость изучения непрерывной цепи изменений права, приведших к его современному состоянию. Для осуществления такой задачи недостаточно было, по мнению Г. В. Лейбница, изучать обычаи и законы прошлого в обособлении от прочих сторон общественной жизни, а, напротив того, необходимо связывать изменения права со всей совокупностью исторической обстановки, «достигать исторического его уразумения через изучения внешней среды его развития»¹⁰².

Сильнейший толчок историческому изучению права дала возникшая в начале XIX в. историческая школа юристов, но она в отличие Г. В. Лейбница, подчеркивает Ф. В. Тарановский, рассматривала историческое развитие права изолированно от внешней среды. В глазах крупнейшего представителя этой школы Ф. Г. Савиньи право совершенно независимо от внешней обстановки истекает непосредственно из глубины общего сознания народа, его нравов и верований.

Провозвестником новых идей в специальной сфере истории права Ф. В. Тарановский считает Р. Иеринга с его учением о сознательном, целеустремленном характере правового творчества, об интересе как факторе и средстве борьбы за право, сущности исторического процесса развития права.

Только в XIX в., преодолев крайности исторической школы, сложилась, полагает Ф. В. Тарановский, и обрела самостоятельное значение наука «история права», окончательно перестав быть «экзегетическим орудием догматики»¹⁰³ (средством герменевтики – разъяснения, истолкования). Ее самостоятельным объектом изучения становится поэтапное конкретно-историческое органическое развитие права.

Значительное внимание он уделял политике права. На протяжении целого ряда веков, подчеркивал ученый, политика права, подобно его истории, «шла ощупью без определенного

¹⁰¹ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимодействие истории, догмы и политики права.

¹⁰² Там же. С. 156.

¹⁰³ Там же. С. 161.

методологического пути». Первую попытку научной постановки проблемы политики права Ф. В. Тарановский ставит в заслугу школе естественного права, но последняя ее обоснование ограничивала началами рационализма. Только «позитивная социология, – утверждает ученый, – сделала возможным существование научной политики как особой прикладной дисциплины, которая, основываясь на установлении закономерного развития прошлого, занимается предвидением будущего и сообразно этому определяет как цели, так и средства общественного воздействия»¹⁰⁴.

Историю, догму и политику права Ф. В. Тарановский рассматривает как составные части научной юриспруденции и указывает на изучение каждой из них в качестве относительно самостоятельной дисциплины.

«История права, – пишет он, – изучает закономерное развитие права в связи с внешней средой его – обществом. Догматическая юриспруденция сосредоточивается на вопросах *de lege lata*, конструирует и систематизирует действующее право в целях судебного и несудебного применения. Политика права простирается на вопросы *de lege ferenda*, ставит цели правовому творчеству, изыскивает лучшие пути его осуществления и этим служит практической цели законодателя»¹⁰⁵. При этом Ф. В. Тарановский подчеркивает, что если история права является отраслью чистой науки об обществе, то «догматическая юриспруденция и политика права являются прикладными научными дисциплинами, которым присущи черты практического искусства»¹⁰⁶.

Но наличие этих различий между тремя частями научного правоведения, уточняет свою мысль ученый, не только не исключает, но и предполагает их тесное общение. Каждая из них в отдельности пользуется другими в качестве вспомогательных дисциплин. Догматик, указывает Ф. В. Тарановский, не обходится без истории права во всех стадиях своей работы. При толковании отдельной юридической нормы ему необходимо знать историю ее создания и отношение ее к предшествующей норме, ею же отмененной, – только эти сведения выясняют так называемый разум закона. При конструировании отдельного

¹⁰⁴ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимодействие истории, догмы и политики права. С. 164.

¹⁰⁵ Там же. С. 165.

¹⁰⁶ Там же. С. 164.

института юрист-догматик вынужден обратиться к истории всех составляющих его отношений. Построение целой системы права, утверждает ученый, немисливо без широкого социально-исторического ее обоснования.

Хотя догматическая юриспруденция твердо стоит на принципе легальности, но, проникая в нее, политико-правовой элемент с его принципом целесообразности способствует сглаживанию противоречий, неизбежно возникающих между положительным правом и реальной жизнью. Присущий положительному праву формализм, отмечает Ф. В. Тарановский, нередко порождает коллизию между общим требованием закона и специальным для данного случая требованием справедливости. Кроме того, положительному праву вообще свойственно отставать от быстро уходящей вперед жизни. С этим и связано возникновение противоречий. «И поправку на время и моральный корректив закона, – указывает ученый, – доставляет юрист-догматику политика права, критерий которой он вынужден применять к толкованию закона, чтобы преодолеть указанные затруднения»¹⁰⁷.

К политике права неизбежно обращается и историк права, а также последний постоянно пользуется приемами догматической юриспруденции. Для историка права необходимо завершение своего исследования юридической конструкцией. Как указывает Ф. В. Тарановский, «современный юрист вносит в историю свою привычку к логическому, значит, внутренне не противоречивому объединению разрозненного правового материала, и устанавливает периоды истории по смене действующих в прошлом правовых систем»¹⁰⁸. Цельность и законченность исторического периода определяется, по мнению ученого, для юриста непрекращающейся возможностью сводить совокупность разрозненных правовых явлений, норм и институтов к нескольким руководящим юридическим принципам, по которым может быть построена единая, исключая внутренне противоречия система права. А внутреннее объединение правовых явлений дается неизбежно по приемам юридической конструкции и систематизации, выработанным в сфере догматики

¹⁰⁷ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимодействие истории, догмы и политики права. С. 166.

¹⁰⁸ Там же. С. 167.

права. Это объединение, подчеркивает Ф. В. Тарановский, «вносит необходимый статический элемент в динамику общественного процесса»¹⁰⁹.

Политика права в свою очередь также не может обойтись без обращения к истории права и догматике. В истории права ярославский профессор усматривает исходную точку всех построений политики права, а в технических приемах догматики – неизбежную форму, в которую облакаются готовые проекты. К числу трудов Ф. В. Тарановского по истории философии права относится также изданная в 1905 г. в Санкт-Петербурге работа «Заметки о Монтескье».

Как мы видим, достижения ярославской юридической школы в теоретической разработке права также имеют выдающееся значение.

¹⁰⁹ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимодействие истории, догмы и политики права.

Глава 7. Школа истории права

История русского права

Представителями ярославской юридической школы был внесен основательный вклад практически во все отделы научной юриспруденции. Особенно в этом отношении значимы достижения в разработке истории русского права, связанные с именами М. Ф. Владимирского-Буданова, И. И. Дитятина, С. М. Шпилевского, В. Г. Щеглова, С. П. Покровского, Ф. В. Тарановского, Н. Л. Дювернуа, И. Я. Гурлянда и других.

Первое место в этом ряду, несомненно, принадлежит патриарху истории русского права **Михаилу Флегонтовичу Владимирскому-Буданову** (1838–1916). Он родился в 1838 г. в с. Бороздино, Тульской губернии в семье священника. Учился в Тульской семинарии и Киевской духовной академии. В 1864 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета, магистр права (1869 г.). Ученый преподавал в Демидовском юридическом лицее с 1870 по 1875 гг., читал курс русского и западно-русского права. В дальнейшем с 1875 г. он был профессором кафедры русского права Киевского университета. Умер 25 марта 1916 г. в Киеве.

М. Ф. Владимирский-Буданов

В 1874 г. в Ярославле было опубликовано крупное исследование этого ученого «Государство и народное образование в России XVIII в. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II)». Это была его докторская диссертация, защищенная в том же году в Харьковском университете. Всесторонне исследуя связанные с постановкой народного образования проблемы, ученый уделяет особое внимание тем из них, которые продолжают существовать и в современную ему эпоху требуют своего решения. Особо критическое отношение вызывает у М. Ф. Владимирского-Буданова сугубо утилитарная направленность народного образования, его полная подчинен-

ность интересам государственной службы. Важнейшая цель образования – «нравственное усовершенствование человека, – подчеркивает он, – вовсе не имелось в виду»¹¹⁰.

Поскольку разрастающийся государственный аппарат испытывал потребность в подготовленных к службе чиновников из дворянской среды, образование в этой среде насаждалось насильственными мерами. «Как понятие образования, – замечает М. Ф. Владимирский-Буданов, – поглощалось понятием службы, так понятие о воспитании поглощалось понятием о дисциплине»¹¹¹. За нерадивость петровские инструкции предписывали наказание учащимся батогами, невзирая на благородство происхождения. Не принес свободы образованию, подчеркивает автор, и Манифест 1762 г. Оно продолжало насаждаться путем насильственных мер. За уклонение от обучения император Петр III угрожал дворянам своим тяжким гневом. Утилитарный подход к образованию долго проявлялся в возражениях против пользы изучения римского права. М. Ф. Владимирский-Буданов видит одну из важнейших задач своего времени в том, чтобы «высоко поставить общее образование (гуманно-национальное), объявив его окончательно всеобщим, независимым от сторонних целей и свободным»¹¹².

Эта монография является важным источником сведений по истории юридического образования в России. По этой работе, а также по изданной в Петербурге в том же году монографии «Государство и народное образование с XVIII в. до учреждения Министерств» им защищена докторская диссертация¹¹³.

Пользуясь богатыми фондами лицейской библиотеки, М. Ф. Владимирский-Буданов составил знаменитую «Хрестоматию по истории русского права», включившую в себя все важнейшие источники русской истории, памятники права. Среди них Договоры Руси с греками, Академический и Карамзинский списки «Русской Правды», Новгородская и Псковская судные грамоты, грамоты наместничьего управления, Москов-

¹¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII в.: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С. 193.

¹¹¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 193.

¹¹² См.: Там же. С. 325.

¹¹³ См.: Краковский К. П. М. Ф. Владимирский-Буданов: Обзор истории русского права: Предисловие. Ростов н/Д, 1995. С. 16.

ские судебники, губные и земские грамоты, указные книги приказов, Соборное уложение 1649 г. и другие.

Благодаря ее выходу, древние памятники права стали доступны для изучения студентам, как юристам, так историкам и филологам.

Хрестоматия представляет собой один из самых значительных трудов по истории русского права. Каждый памятник подвергнут ученым основательной научной обработке, глубоко и убедительно прокомментирован им. В известной степени комментарии М. Ф. Владимирского-Буданова имеют методологическое значение для последующих исследователей древнерусских памятников права.

Ярославским профессором много сделано для введения в научный оборот Судебника Ивана III. «Предложенное М. Ф. Владимирским-Будановым выделение из состава "Судебника" четырех частей – постановления о суде центральном, суде местном, материального права и дополнительных статей – было воспринято всеми последующими исследователями»¹¹⁴. Заслугой ученого является разделение текста «Судебника» на 68 статей, также ставшее общепринятым. Точку зрения Л. В. Черепнина об искусственности этой системы деления¹¹⁵ нельзя признать основательной. Она, на наш взгляд, убедительно опровергается А. А. Зиминим, отмечающим глубокое уяснение М. Ф. Владимирским-Будановым содержания памятника, его юридической структуры и берущим под сомнение правомерность предложенного Л. В. Черепниным деления, основанного на палеографических приметах¹¹⁶.

М. Ф. Владимирским-Будановым основательно проанализированы все высказанные в литературе суждения по важнейшим вопросам истории русского права. «Хрестоматия» содержит обширную, однако отличающуюся спокойным тоном полемику с другими авторами. Так, у М. Ф. Владимирского-Буданова вызывает критическое отношение позиция Б. Н. Чичерина,

¹¹⁴ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 36.

¹¹⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 1. С. 278–289.

¹¹⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 291.

придававшего исключительное значение для решения вопроса о возникновении русского государства духовным и договорным грамотам XIV–XV вв., считая их «главными источниками, раскрывающими общественное право древней России».

Придавая подобное решающее значение этим памятникам права, указывает М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Н. Чичерин как бы оставляет вне истории Новгородскую и Псковскую республики. «Таким образом, – пишет он, – государства Новгородское и Псковское должны совершенно исчезнуть из истории русских государственных форм (умалчивая уже о том, что начала Новгородского устройства несомненны и ясны в других русских землях)»¹¹⁷.

Он также не согласен с утверждением Б. Н. Чичерина, что для юридического быта древней России характерно отсутствие государственного права, что не делалось различия между частным и государственным имуществом князей, что наследование уделов (отчин) было наследованием по частному праву. Возражая Б. Н. Чичерину, М. Ф. Владимирский-Буданов приводит многочисленные доводы в обоснование того, что княжеские столы в древней России утверждались на основе не гражданского, а государственного права, что слово «отчина» тогда имела более широкое значение, чем частное владение.

«Великие князья, – подчеркивал ярославский профессор, – называли В. Новгород отчиною в то время, когда государственные формы Новгорода не были разрушены»¹¹⁸. М. Ф. Владимирский-Буданов выступает в этой связи против допускаемого в литературе смешения правового режима кормлений и поместий. «Смешивать их не следует, – пишет он, – потому что кормленнику представляются права государственные, а помещику – частные»¹¹⁹.

В «Хрестоматии» даны ответы на многие остававшиеся в то время открытыми вопросы.

В Ярославле один за другим вышли три выпуска этого труда. Он пять раз переиздавался. Последнее издание относится к 1915 г.

¹¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 1.

¹¹⁸ Там же. С. 2.

¹¹⁹ Там же. С. 8.

В него включен с соответствующими комментариями текст Судебника 1589 г.

Многие из основополагающих идей, выдвинутых ученым в период работы над «Хрестоматией», получили развитие в «Обзоре истории русского права». «Составление "Хрестоматии"», – писал Ф. В. Тарановский, – послужило для самого Михаила Флегонтовича основательнейшей и прекрасной подготовкой к разработке систематического курса истории русского права¹²⁰. Этот труд по общему признанию был лучшим дореволюционным учебником (пособием) по истории русского права, да, по сути, остается лучшим и на сегодняшний день. Ни С. В. Юшков, ни тем более последующие авторы учебников и учебных пособий по этой, к тому же получившей крен в сторону государственную научной дисциплине не сумели столь доказательно обосновать и определить историческое место, социально-политическое и юридическое значение каждого памятника, каждого института права. И в этом труде М. Ф. Владимирский-Буданов проявляет строго научный подход к изложению предмета, оперирует всем богатством историко-правовой мысли, полемизирует с другими авторами, как бы побуждая студентов сквозь дебри научных споров настойчиво пробираться к истине. К сожалению, некоторые современные авторы учебников и курсов лекций по истории государства и права России преподносят студентам готовый к бездумному восприятию разложенный по полочкам материал, заведомо ориентируя изучающих на легкий путь к постижению истины, на уход от вопросов¹²¹, ответ на которые может быть получен только при сопоставлении и преломлении в своем сознании разных точек зрения (ссылки на суждения дореволюционных юристов в них – крайне редкое явление). К составлению такого рода учебников, нацеленных на снабжение студентов всей совокупностью знаний по предмету, М. Ф. Владимирский-Буданов высказывал резко отрицательное отношение. «Настоящая книга, – писал он в предисловии к шестому изданию "Обзора истории русского права", – предназначена с первого

¹²⁰ Тарановский Ф. В. Памяти М. Ф. Владимирского-Буданова // Юридический вестник. 1916. Кн. 14 (2). С. 87.

¹²¹ Так, капитальнейший вопрос историко-правовой науки – вопрос об установлении крепостного права – во многих учебниках трактуется крайне упрощенно.

издания для учебной цели, и в теперешнем издании сохраняет то же значение. Учебное пособие мы не желали бы смешивать с учебником: первое должно лишь помогать изучению науки, второй заключает в себе все содержание науки, обязательное для учащегося; в высших учебных заведениях последнему нет места»¹²².

М. Ф. Владимирский-Буданов видит задачу составителя учебного пособия в том, чтобы ориентировать студентов на творческое изучение дисциплины, на глубокое уяснение смысла историко-правовых явлений: «Конечно, автору было бы приятнее рисовать цельные картины непрерывного движения права в его могучем историческом потоке и плыть по этому течению без преград и затруднений; но в учебной книге он обязан каждую минуту останавливать свой путь и указывать учащимся на каждом шагу смысл встречного явления. Само собой разумеется, что говоря об ином, более свободном изложении науки, мы не имеем в виду изложение ее "с птичьего полету" (как говорят иногда), ибо вид "с птичьего полету" лишен перспективы, а в исторической перспективе весь смысл истории»¹²³. Имея значение фундаментального научного труда, «Обзор истории русского права» оставался в то же время прекрасной учебной книгой, пособием значительно облегчающим студенческий труд. Один из постоянных оппонентов М. Ф. Владимирского-Буданова академик М. А. Дьяконов в этой связи подчеркивал, что «Обзор» является «единственным в нашей литературе полным курсом предмета, доступным каждому»¹²⁴. Академик считал вполне оправданным допущение в учебном пособии научной полемики, даже усматривал в этом достоинство труда М. Ф. Владимирского-Буданова: «Автор поступил, конечно, правильно: изложение чужих или разных взглядов и их оценка, неуместные в учебнике для средней школы, желательны и неизбежны в университетском курсе. Poleмика же становится неуместною лишь в тех случаях, когда выходит за пределы спокойного тона. Напрасно автор делает оговорку, что им руководил не полемиче-

¹²² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. Киев, 1909. С. 1.

¹²³ См.: Там же. С. 1–2.

¹²⁴ Дьяконов М. А. Обзор истории русского права профессора М. Ф. Владимирского-Буданова: Изд. 3-е с доп. Киев, 1900 // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 3. С. 289.

ский задор, а желание добраться до истины особенно в темах большой и существенной важности. Для знакомых с трудами и именем автора такая оговорка излишня, а для незнакомых сам тон возражений лучше всех докажет, что автором не нарушены границы спокойной оценки чужих мнений. Не касаясь пока возражений по существу, следует отметить, что эти возражения особенно выгодно отличают новое издание от прежних»¹²⁵.

М. Ф. Владимирский-Буданов – основоположник земской теории происхождения русского государства. Средоточием государственности в древней России он считает не княжескую власть, а землю. «Время происхождения земского государства, – пишет он, – должно быть отнесено к эпохе доисторической. В доисторические времена существовали уже старшие города каждой земли: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Чернигов, Ростов»¹²⁶. Старшие города и направляли всю государственную и общественную жизнь земли. Решение веча старшего города было обязательным для всех пригородов и волостей. «... В государстве такого типа, – подчеркивает М. Ф. Владимирский-Буданов – преобладающим элементом служит территориальный: государство – союз общин. Старшая община правит другими общинами ... Внутренние связи государства опирались не на княжескую власть, а на власть старшего города и его веча»¹²⁷. «Государственная власть, – полагает он, – вообще заключала в себе мало начал единства. Каждая из указанных форм власти (князь, дума и вече) простирается на каждую землю в отдельности, а не на всю совокупность русских земель»¹²⁸.

В отличие от большинства дореволюционных историков М. Ф. Владимирский-Буданов не связывал создание древнерусского государства с водворением варягов. Признавая сам факт установления варяжской династии, он утверждает, что до прихода варягов в русских землях уже существовала государственность, что варяги застали в готовом виде уже сложившиеся государственные порядки. «Князья-варяги, – пишет он, – застали везде готовый государственный строй. Прибытие и распространение власти Рюриковичей в IX и X вв. не изменили вполне

¹²⁵ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 289–290.

¹²⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. С. 12.

¹²⁷ Там же. С. 274.

¹²⁸ Там же. С. 70.

прежнего быта (отдельного существования земель – княжений), при Олеге в каждой земле остаются "под рукою его князя светлые". Зависимость местных князей от Киевского состояла только в уплате дани (военные походы совершались добровольно, ради добычи). Мнимое единоедержавие в X веке (Олега, Игоря, Святослава и Владимира) не разрушает самобытность земель»¹²⁹.

Весьма интересен взгляд ученого на русские княжества, находившиеся под татаро-монгольским владычеством, как на постоянный тесный союз, в основе которого лежало церковное единство, но главным образом – сознание национального единства. Русские князья в XIV в., согласно его точке зрения, строили отношения в соответствии с заключенными договорами, которыми они обязывались к взаимопомощи, правовому и торговому сотрудничеству. Во всех частях союза действовали единые нормы уголовного и гражданского права. Бояре, переходившие на службу в другие княжества, не теряли в прежнем своих земельных владений. Поскольку военные столкновения между членами союза не прекращались, для разрешения конфликтов был установлен постоянный третейский суд. М. А. Дьяконов, основываясь на том, что договоры между князьями часто нарушались, ставил под сомнение сам факт существования такого союза¹³⁰. Ответ М. Ф. Владимирского-Буданова этому оппоненту весьма убедителен: «В наши дни каждодневно и даже ежечасно нарушаются нормы уголовного права (ворами, разбойниками и даже порядочными людьми из мести, самоуправства и проч.); отсюда нельзя заключить вывод, что у нас не существует норм уголовного права»¹³¹.

К заслуге М. Ф. Владимирского-Буданова принадлежит также исследование вопросов, связанных с происхождением и историческим значением так называемого Судебника царя Федора Иоанновича 1589 г. Ученый-юрист установил, что этот судебник не является законодательным сборником, т. е. кодексом, введенным законодательной властью, не представляет он собою и проекта кодекса. Это, по утверждению М. Ф. Владимирского-

¹²⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 70.

¹³⁰ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 295.

¹³¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 289.

Буданова, литературный памятник, составленный в конце XVI в. неизвестным автором на Севере Руси (в Двинской земле). Мысль некоторых авторов об официальном (законодательном) значении памятника опровергается, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, тем обстоятельством, что на него нет ни одной ссылки в правительственных актах до самого издания Соборного Уложения. А вот ссылки на него в судебных актах могут быть вполне объяснены отсутствием текста Царского судебника у крестьянских судей, которые пользовались имевшей хождение на Севере Руси рукописью, принимая ее за законную книгу. «Все эти выводы, – писал Ф. В. Тарановский, – сделаны Михаилом Флегонтовичем на основании анализа самого памятника путем тончайшего и в высшей степени вдумчивого его толкования и могли быть достигнуты благодаря глубочайшему знанию юридической техники и официального языка Московского законодательства. В этом отношении Михаил Флегонтович проявил большую историческую проницательность, чем знаменитый чтец Московских хартий В. О. Ключевский»¹³².

В этой связи следует подчеркнуть, что широкое хождение неофициального судебника на севере Руси служит наглядным свидетельством действенности правовых норм и без их санкционирования государством.

За М. Ф. Владимирским-Будановым остается также бесспорная заслуга первого исследования ряда вопросов по истории русского-литовского права¹³³.

Подтверждением высокой оценки научных заслуг М. Ф. Владимирского-Буданова является его избрание в 1903 г. членом-корреспондентом Императорской Российской Академии наук по разряду историко-политических наук как обладающего степенью доктора русской истории (юридического отделения академия тогда не имела)¹³⁴.

Занявший после М. Ф. Владимирского-Буданова в 1875 г. кафедру истории русского права ученик А. Д. Градовского **Иван Иванович Дитятин** (1847–1892) был автором капитальных трудов по проблемам устройства городов и городского са-

¹³² Тарановский Ф. В. Указ. соч. С.86.

¹³³ См.: Там же. С. 84.

¹³⁴ См.: Краковский К. П. Указ. соч. С. 18.

моуправления. Он родился в октябре 1847 г. в Петербурге, был выходцем из семьи крестьян, занимавшихся частным извозом. После окончания в 1870 г. юридического факультета Петербургского университета оставлен там же при кафедре истории русского права для подготовки к профессорскому званию. В 1875 г. в Санкт-Петербурге вышло его первое фундаментальное исследование этих проблем «Устройство и управление городов России. Т. I. Введение. Города России в XVIII столетии». Эта работа была защищена в качестве магистерской диссертации в том же году. В 1877 г. в Ярославле вышел второй том монографии под названием «Устройство и управление городов в России. Т. II. Городское самоуправление в России в настоящем столетии (до 1870 г.)». За этот труд И. И. Дитятин получил степень доктора государственного права. Тем же проблемам посвящена речь «Наше городское самоуправление», произнесенная на годовичном акте Демидовского юридического лицея 30 августа 1876 г. В 1878–1887 гг. он являлся ординарным профессором Харьковского университета, а с 1889 по 1891 гг. был профессором государственного права Дерптского университета. С 1891 г. в отставке по болезни, умер 10 ноября 1892 г.

И. И. Дитятин

Являясь учеником А. Д. Градовского, И. И. Дитятин подобно своему учителю придерживался методологии юридической (государственной) школы. В духе этой школы государство рассматривалось им как надклассовая сила. Ему отводилась определяющая роль в горообразованием процессе. И. И. Дитятиным внимательно прослеживался исторический путь российских городов начиная с XVIII в. Им решительно отстаивалась идея городского самоуправления в противовес бюрократическому регламентированию городской жизни правительственными органами.

Ученым с прогрессивных позиций критиковались многие уродливые явления городского быта.

Весьма остроумно И. И. Дитятин излагает историю появления городского выборного представительства в России, рас-

крывает взгляд Петра I на городские выборные органы как на машину, которая, выступая орудием административных органов, «неупустительно» ведала бы доходы правительства, «его великого государя», всякого рода недоимки и недоборы»¹³⁵. Тяжелая, всеподавляющая правительственная опека ставила городские выборные органы в полурабское состояние: «... самый пустяшный расход, какая-нибудь копеечная починка могли иметь место лишь с разрешения губернатора или губернского правления»¹³⁶. Выход из этого состояния затруднялся и тем, что у городского населения не было сознательного отношения к самой идее самоуправления, что во многом обусловлено угнетающим влиянием на городскую жизнь духа крепостничества, распространением на горожан в основной массе унижающих человеческое достоинство телесных наказаний. «Отсюда, – делает вывод И. И. Дитятин, – полная апатия городского населения к городскому самоуправлению»¹³⁷.

Именитые граждане города ввиду несправности и малозначительности городского общественного представительства полагали ниже своего достоинства состоять членами городской Думы. Как правило, в ее состав избирались «лишь купцы третьей гильдии, да мещане и цеховые ремесленники, как обладающие меньшим достоинством и потому не рискующие унижить его отправлением подобной службы, не избавлявшей долгое время от телесного наказания»¹³⁸. И. И. Дитятым последовательно проводится мысль об отличии общественных интересов от интересов правительства. И в связи с этим выборный представитель городского общества им рассматривается как лицо независимое от государственных учреждений, «блюститель» общественно-городских интересов. К сожалению, на практике выборный орган городского самоуправления в России вплоть до 70-х гг. XIX столетия был «ничем иным как "рукой", кото-

¹³⁵ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 2: Городское самоуправление в России в настоящем столетии (до 1870 г.). Ярославль, 1877. С. 285.

¹³⁶ Дитятин И. И. Наше городское самоуправление // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1876. Кн. 12. С. 15.

¹³⁷ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 2: Городское самоуправление в России в настоящем столетии (до 1870 г.). С. 364.

¹³⁸ Там же. С. 159.

рую руководила чужая ей, не связанная с ней непосредственно, голова, роль которой играла не "политическая власть", а местные исключительно правительственные органы»¹³⁹.

И. И. Дитятин обращает внимание на такое уродливое явление городской жизни, как существование в городах фиктивного купечества, т. е. лиц никогда не помышлявших «о том, чтобы пользоваться предоставленными им правами на занятие торговлей и промыслами»¹⁴⁰. Записаться в купцы и платить гильдейские пошлины их побудило стремление обрести купеческую привилегию на освобождение от рекрутской повинности.

И. И. Дитятин, исходя из того, что полиция продолжает содержаться за счет средств городского бюджета, выдвигает требование передачи полиции в ведение органов городского самоуправления, т. е. городских дум.

Характеризуя Городовое положение 1870 г., И. И. Дитятин критикует его за сведение компетенции городского общественного управления к «попечению и распоряжению по городскому хозяйству и благоустройству», за парадоксальность установления, превращающего городскую управу в совершенно самостоятельное, вполне независимое от избиравшей ее думы учреждение. Управа наделяется правом добиваться по своей инициативе отмены через губернатора и губернское по городским делам присутствие постановлений городской Думы, которые она сочтет противозаконными, тем самым и орган, являющийся в некоторой степени законодательным, становится в подчинение учреждению административному, исполнительному. Одним словом, все оказывается поставленным с ног на голову.

В подобном положении И. И. Дитятин усматривает «нарушение порядка подчиненности»¹⁴¹. Он указывает на «полное несогласие данного определения с основными началами самоуправления», управа рассматривалась правительством как орган, представляющий в городе интересы государства.

И. И. Дитятин ярко живописует ничтожность городских органов общественного управления перед лицом правительственных учреждений. Новое положение, подчеркивает он, далеко не по-

¹³⁹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 2: Городское самоуправление в России в настоящем столетии (до 1870 г.). С. 366.

¹⁴⁰ Там же. С. 329.

¹⁴¹ Там же. С. 35.

кончило с могущественной государственной опекой, убивавшей дух гражданственности. Учрежденное этим положением по городским делам присутствие, состоявшее из вице-губернатора, управляющего казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя мирового съезда, председателя губернской земской управы и головы губернского города, правомочно отменить любое постановление городской Думы. Решения присутствия, подчеркивает И. И. Дитятин, не могут быть объективными: «Беспристрастие в том или ином учреждении обеспечивается тогда, если в состав его не входят лица прямо, непосредственно заинтересованные в исходе дел, рассматриваемых в этом учреждении. В губернском по городским делам присутствии председательствует губернатор, лицо зачастую само вчиняющее известные дела в президируемом им учреждении. Насколько солидного беспристрастия можно ждать со стороны прокурора окружного суда, можно судить по тому, в каком положении он состоит de facto – к губернатору-председателю; наконец, неужели можно ждать идеального беспристрастия от городского головы, председательствующего в управе и думе, вопрос о пререканиях между которыми поступает сюда же, почему городской голова делается судьей самого же себя»¹⁴².

И. И. Дитятиным подвергаются резкой критике многие статьи Городового положения, ущемляющие права основной массы городского населения. Деление всех избирателей на три разряда в зависимости от суммы вносимого в городской бюджет налога, подчеркивает он, обеспечивает меньшинству (городским богатым) большее представительство в думе, а следовательно, и решающее влияние на городские дела.

«... Горсть плательщиков первого разряда, – пишет он, не скрывая возмущения, – другими словами, наиболее состоятельные – выберет такое же число гласных, имеет стало быть такое же влияние, какое масса плательщиков третьего разряда. Здесь уже резко и совершенно ясно выступает начало – "чем больше плачу, тем больше участвую в управлении"... Почему плательщик первого разряда более заинтересован, например, в хорошем санитарном состоянии города, чем плательщик последнего разряда: когда известно, что первый в силу своего состояния

¹⁴² Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 2: Городское самоуправление в России в настоящем столетии (до 1870 г.). С. 48.

скорее может избежать вредных последствий дурных гигиенических условий, чем последний, зачастую нуждающийся в необходимом»¹⁴³.

И. И. Дитятин выражает недоумение по поводу соображений, которыми руководствовало правительство, исключая нанимателей квартир из состава городского общества, т. е. лишая их избирательных прав. Суть этих соображений состояла в том, что квартиранты, не владея в городе недвижимой собственностью, не имеют корней в почве того города, где живут, а следовательно, и не могут «интересоваться его интересами».

И. И. Дитятин высказывает свое критическое отношение и к ряду других, продиктованных бюрократическими и иного рода правительственными видами несообразностей Городового положения 1870 г.

В Ярославле в 1876 г. издан труд И. И. Дитятина «Очерк истории цехов в Западной Европе». В 1895 г. в Санкт-Петербурге вышел объемистый сборник его научных работ «Статьи по истории русского права», в котором помещены научные исследования ученого по широкому кругу историко-правовых проблем.

Видным историком права был ученик И. Д. Беляева и В. Н. Лешкова **Сергей Михайлович Шпилевский** (1833–1907). О его биографии уже было сказано в части 1 данной книги. Напомним, что С. М. Шпилевский в 1885–1904 гг. был директором Демидовского юридического лицея. Он пришел в лицей, уже будучи автором крупных историко-правовых трудов. Среди них «Семейные власти у древних славян и германцев» и «Союз родственной защиты у древних германцев и славян». Оба труда посвящены исследованию семейного быта древнегерманских и древнеславянских племен. В последней из работ автор останавливается также на характеристике своеобразнейшего института русского обычного права – местничества, перед силой которого пасовали российские монархи, именовавшие себя самодержцами. Исследование С. М. Шпилевского изобилует интересными сведениями относительно ведения местниче-

¹⁴³ Дитятин И. И. Наше городское самоуправление. С. 13.

ских споров. Им приводится много примеров самых абсурдных проявлений борьбы за удовлетворение служебной чести¹⁴⁴.

По мнению специалистов, С. М. Шпилевский, блестяще используя метод сравнительного правоведения, проложил новые пути в исторической разработке права¹⁴⁵. Высоко оценивая значение этого метода, С. М. Шпилевский высказывал уверенность в том, что его применение поможет выявить аналогию правовой мысли у разных народов, благодаря чему научные выводы получают твердый характер всеобщности, исторической необходимости, что придаст им черты законности. Ученый полагал также, что применение историко-сравнительного метода может способствовать восполнению пробелов в законодательстве того или иного народа¹⁴⁶. Если М. Ф. Владимирский-Буданов и И. И. Дитятин принадлежали в основном к государственной школе права, рассматривавшей государство как надклассовую категорию, приписывавшей ему исключительную роль в образовании городов и сословий, то С. М. Шпилевский придерживался общественного направления в историческом правоведении, которое развивалось в русле славянофильской идеологии и концентрировало научные интересы на исследовании не институтов государственности, а общинного быта русского народа, «общественного права».

Последователи этого направления продолжение древней русской общинности видели в земщине. С. М. Шпилевский земщину периода феодальной раздробленности характеризовал как первичный элемент русской истории, как основную стихию русского народа, рассматривал веченое управление и обычное право в качестве основных ее признаков¹⁴⁷. Княжеской и земской властям он придавал одинаковое значение и полагал, что двоевластие – «общий принцип государственного строя Древ-

¹⁴⁴ Мы подробно не останавливаемся на обзоре этих трудов, поскольку они не относятся к ярославскому периоду научной деятельности С. М. Шпилевского.

¹⁴⁵ См.: Покровский С. П. Указ. соч. С. 261.

¹⁴⁶ См.: Емельянова И. А. Историко-правовая наука в России XIX в.: История русского права: Методологические и историографические очерки. Ч. 2. Казань, 1988. С. 63.

¹⁴⁷ Шпилевский С. М. Об участии земщины в делах правления до Ивана IV // Юридический журнал, издаваемый П. А. Салмановым. 1861. № 5 (январь). С. 207–208.

ней Руси»¹⁴⁸. С. М. Шпилевский одним из первых русских историков обратил внимание на активное участие «выборных людей» в работе Земского собора 1648 г., в составлении Уложения¹⁴⁹. С. М. Шпилевский занимался также исследованием ярославских древностей. Немалый интерес представляют его работы «Старые и новые города и борьба между ними в Ростов-Суздальской земле», «Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный». Последняя из работ представляет собой речь, произнесенную 19 сентября 1899 г. перед общественностью Ярославля по поручению Губернской ученой архивной комиссии в день шестисотлетия годовщины смерти князя Федора. В этом труде раскрывается историческая роль одного из виднейших ярославских князей, выдающегося политического деятеля своего времени. Миротворческая миссия Федора Ростиславовича, канонизированного православной церковью, заслуживает благодарной памяти потомков. Благодаря дипломатическим способностям, личному обаянию и родству с татарским ханом, Федору удавалось отводить многие беды от родной земли. С. М. Шпилевским акцентируется внимание на примечательном факте русской истории на княжении в Ярославле, пусть и не продолжительном, женщин: вдовы князя Василия Всеволодовича Ксении и ее дочери Марии. Этот факт, по мнению ярославского историка, служит подтверждением установления после распада княжеского рода на отдельные ветви нового правового порядка, согласно которому каждая из ветвей самостоятельно владела своей волостью¹⁵⁰.

Исследование С. М. Шпилевского содержит упоминание о существовавших на Руси, подпавших под татаро-монгольское иго, в конце XIII в. вечевых вольностях. Описывая один из эпизодов политической биографии князя Федора, автор подчеркивает, что жители Переславля «живя без князя, действовали как один человек и ставили свою волю наравне с волею князей»¹⁵¹. С. М. Шпилевский также был широко известен как археолог.

¹⁴⁸ Шпилевский С. М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. Казань, 1862. С. 77.

¹⁴⁹ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 297.

¹⁵⁰ См.: Шпилевский С. М. Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный. Ярославль, 1899. С. 10.

¹⁵¹ Там же. С. 30–31.

В центре научных интересов работавшего свыше двадцати лет в лицее *Мариана Александровича Липинского* находилось историческое прошлое г. Углича и Угличского уезда. Им введены в научный оборот Угличские писцовые книги, дающие много ценных сведений о социально-экономических процессах, характерных для XVII в. России, о становлении крепостничества. В трудах М. А. Липинского весьма рельефно выступает исторический облик одного из самых «знатных» провинциальных центров средневековой России. Они содержат много интересных данных о городских сооружениях, угличских церквях и монастырях, их священных реликвиях. В писцовых книгах содержится подробное описание всех улиц Углича XVII столетия.

Интересна в методологическом плане вступительная лекция М. А. Липинского «Историческое изучение права»¹⁵².

Непродолжительное время работавший в лицее *Федор Васильевич Тарановский* провел исследование актов угличской провинциальной канцелярии и в 1908 г. по его результатам опубликовал в Москве труд «Акты угличской провинциальной канцелярии (1719–1726)». Он автор прекрасной статьи (некролога) о М. Ф. Владимирском-Буданове, имевшей значение серьезного научного труда.

Историко-правовые исследования представителей специальных юридических наук. Серьезный вклад в научную разработку истории русского права внесен профессорами лицея, специализировавшимися в области гражданского, уголовного, государственного, административного, финансового, церковного права и др. Многие из них заявили о своем вхождении в большую науку именно историко-правовыми исследованиями применительно к своей специализации.

К числу ценнейших трудов по истории русского права относится магистерское сочинение *Николая Львовича Дювернуа* «Источники права и суд в древней России: Опыт по истории русского гражданского права». В этом труде он сумел по-новому осветить многие стороны юридического быта Древней Руси, раскрыть тесную взаимосвязь между состоянием источников права и формами процесса. В своем исследовании в соответствии с воззрениями исторической школы права

¹⁵² См.: Липинский М. А. Историческое изучение права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1879. Кн. 18. С. 211–251.

Н. Л. Дювернуа исходит из понимания права как исторического продукта общественной жизни, обязанного появлением своим, обретением основных начал и действенной силы не перу законодателя, а мудрости человеческого общения.

«История права, – пишет он, – начинается гораздо раньше появления каких-либо законодательных актов.

...Если мы обратимся к нашему древнему праву, то увидим, что деятельность законодателя, его влияние на развитие права чрезвычайно слабо, и между тем стоит сравнивать любое московское или новгородское завещание XV в. с теми положениями о наследстве, какие мы находим в "Русской Правде" или бесудной Мстиславской грамоте для того, чтобы убедиться, что была другая деятельная сила, которая давала движение и жизнь праву, которая ничем не уступала в продуктивности последующему законодательному процессу»¹⁵³.

Развивая мысль немецкого юриста Г. Пухты, Н. Л. Дювернуа утверждает, что господствовавший в младенческом состоянии общества юридический обычай не есть дело простой привычки поступать в известных случаях известным образом, а плод убеждения, порождающего те или иные действия. Убеждение составляет причину, а практика – следствие. Обычай являет собой историческую форму проявления права. В эпоху его господства «сложились все те начала, которые потом должны были перейти в законодательства»¹⁵⁴. Возражая Б. Н. Чичерину, отрицавшему наличие правовых начал в жизни древнерусского общества, видевшего в нем царство хаоса и личного произвола, Н. Л. Дювернуа подчеркивает, что «последующая деятельность законодательства заключалась не в "законном определении того, что до тех пор представлялось произволу", а в законном определении того, что прежде было выработано народной жизнью в форме обычного права»¹⁵⁵.

В отличие от Б. Н. Чичерина, в глазах которого личность являлась символом разрушения, он видит в ней начало творческое, созидательное, а в общественном укладе Древней Руси благоприятную для самовыражения личную сферу. «... Нельзя признать, – пишет Н. Л. Дювернуа, – что никогда так легко ли-

¹⁵³ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России: Опыт истории русского гражданского права. М., 1869. С. 4.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ См.: Там же.

цо не открывает себе новых путей, ... как в это время. Если право гражданское, как мы его себе представляем, есть, существенным образом, объективный организм свободы, то прежде чем образовались диспозитивные положения, которые составляют его содержание, в гражданском обороте, в юридических сделках лицо само устанавливает те нормы, по которым должно быть обсуждаемо его юридическое отношение. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять любую закладную грамоту XV в., припоминая, что никакой законодательный акт не определяет, что следует чинить по договорам залога или залога. Лицо является в этих актах как бы само устанавливающим для себя закон»¹⁵⁶.

Эти частные акты, по мнению Н. Л. Дювернуа, составляют для законодательной эпохи самый могущественный двигатель развития юридической жизни. Законодатель, создавая нормы диспозитивного права, имеет дело уже с готовым материалом.

Давая высокую оценку Русской Правде, характеризуя ее как весьма искусно выработанную догму действовавших начал права, Н. Л. Дювернуа считает, что она «не может заменить первообразных актов юридического быта, сделок с их формами и содержанием, процесса со всеми его живыми чертами»¹⁵⁷.

При анализе Русской Правды, ученый особое внимание уделяет ее древнейшей редакции – «Правде Ярослава», вошедшей в себя нормы обычного права. Н. Л. Дювернуа считает и отмечает слабое обособление в ней закона и суда. «Русская Правда в древнейшем ее составе, – утверждает он, – обращена в доисторическую глубину народной жизни. В ней мы находим истинные законы отцов и дедов. Закон и суд не различены, как мы их различаем»¹⁵⁸.

Совершенно в духе исторической школы права Н. Л. Дювернуа оценивает древнерусские, широко представленные в Русской Правде, институты холопства и заложенничества. Обращение в рабство за долги получает у него естественное оправдание необходимостью обеспечения торжества правды и права: «Странно осуждать такие явления ... И если произносить одобрительное или неодобрительное суждение об явлениях исторической

¹⁵⁶ Дювернуа Н. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 13.

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 30.

жизни, то, конечно, месть лучше безнаказанности убийства, рабства должника лучше неисполнения обязательства»¹⁵⁹.

С полной уверенностью можно утверждать, что до Н. Л. Дювернуа, да и после него никто с такой глубиной и обстоятельностью не исследовал происхождение и роль послушества, не раскрыл так широко правовое значение этого древнейшего народного юридического института. Согласно его версии, термин «послух» происходит от русского слова «слатися», т. е. это лицо, на которое «шлются», ссылаются в процессе стороны. «Первоначальный вид послушества при сделках, – полагает Н. Л. Дювернуа, – несомненно, составляло свидетельство всей общины. На нем должна была покоиться непререкаемая сила акта, как в отношении к его действительности, так и в отношении к его содержанию»¹⁶⁰. Послух, в понимании Н. Л. Дювернуа, это не только свидетель доброй славы, на чем сходятся многие исследователи юридического быта Древней Руси, но прежде всего – борец за право и за правду, против неправды. Его миссия состоит в том, чтобы свидетельствовать в пользу одной стороны, в правоте которой он уверился, не только в поддержке ее притязаний в данном деле. Послушество имеет «значение поддержки самого существа права, которое выводится на суд»¹⁶¹. Послух не должен и не может быть ни к чему вынуждаем. Иначе утратится весь смысл послушества. Как добровольно возложивший на себя обязанность защищать одну из сторон, послух должен принять вызов противника, взяться за оружие, если потребуется разрешить спор путем судебного поединка (поле). «От послуха, – считает необходимым подчеркнуть Н. Л. Дювернуа, – следует отличать наймита, который тоже бьется за чужое дело, но за деньги. Свободный муж защищает другого на суде бескорыстно»¹⁶².

Ученым всесторонне освещается и особая роль послухов, выступавших в качестве суда 12 мужей, перед которыми должен идти «на извод» ответчик, если «почнет запираться» (ст. 14 Краткой редакции «Правды»). Эти люди, стоявшие у сделки, не свидетели, а лица, призванные к акту. Они своим присутствием не просто удостоверяют факт. «Их присутствие, – пишет Н. Л. Дювернуа, –

¹⁵⁹ Дювернуа Н. Указ. соч. С. 109.

¹⁶⁰ См.: Там же.

¹⁶¹ См.: Там же. С. 179.

¹⁶² См.: Там же. С. 398.

сообщает юридическую силу таким действиям, которые без того остались бы просто фактом...»¹⁶³. Без этих свободных послухов нет никакой сделки, никакого иска. В случае возникновения спора о праве, послухи, его утвердившие при заключении сделки, выступают в качестве полноправных судей. Показывая распространение послушества во всем его широком значении на судопроизводство Новгородской и Псковской республик, Н. Л. Дювернуа с сожалением констатирует полную утрату его первоначального смысла в Московском законе.

Подробно останавливаясь на анализе особенностей древнерусского судопроизводства, Н. Л. Дювернуа акцентирует внимание на его простоте, демократичности, сильном, а подчас и определяющем, особенно по гражданским делам, влиянии общества на отправление правосудия. Древнерусское право не знало различия в процессуальном положении сторон, не признавало «теории предпочтения и взвешивания достоинства свидетельских показаний, какая выработалась в средневековом каноническом процессе»¹⁶⁴. «... Публичность суда, – подчеркивает Н. Л. Дювернуа, – входит как органический элемент в тогдашнее судопроизводство и судоустройство»¹⁶⁵. Автор проводит сравнение древнерусского процесса с древнегерманским. Для последнего было характерно господство формальных доказательств. В судопроизводстве древней России они выступали лишь как пособие. В древнегерманском процессе, отмечает Н. Л. Дювернуа, худородный не мог свидетельствовать против благородного. «Русская правда» не знала такой нормы. Она допускала свидетельство закупа против боярина.

Капитальный труд Н. Л. Дювернуа содержит много и других интересных сведений и выводов, представляющих непреходящую ценность для историка русского права.

Автор очерка о Н. Л. Дювернуа в «Новом энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона А. И. Каминка характеризует «Источники права и суд в древней России» как «блестящую работу, пролившую свет на многие стороны истории нашего права, как основной труд по данному вопросу»¹⁶⁶. Еще более подробный анализ достоинств этого труда был дан в

¹⁶³ Дювернуа Н. Указ. соч. С. 100.

¹⁶⁴ См.: Там же. С. 105.

¹⁶⁵ См.: Там же. С. 90.

¹⁶⁶ Новый энциклопедический словарь. СПб., Б. д. Т. 17. С. 98.

некрологе учеником Николая Львовича (по Петербургскому университету) А. Э. Нольде. «Источники права и суд в древней России» оцениваются им как первая и смелая попытка проникнуть в глубину древнего права, охватить то, что составляет его сущность. «Это стремление, – развивает свою мысль А. Э. Нольде, – вызвало ряд вопросов, которые без такой постановки исследования никогда не родились бы и лучшее доказательство тому, насколько удачны характеристики, обоснованные Николаем Львовичем, – это то, что и теперь многие из них повторяются как нечто само собой разумеющееся и бесспорное»¹⁶⁷. Н. Л. Дювернуа, подчеркивает автор некролога, была написана «не сухая история каких-то безжизненных гражданских законов, а была воссоздана целостная картина древнего юридического быта»¹⁶⁸. Иными словами говоря, в этом труде Н. Л. Дювернуа выступил не как узкий специалист, а как полноценный историк права, и всем последующим представителям этой науки пришлось считаться с его постановкой вопросов.

«Можно только пожалеть, – посетовал А. Э. Нольде, – что Николай Львович не продолжил далее своих изысканий по истории русского права, которую он так блестяще начал»¹⁶⁹.

Историческими исследованиями в области русского права занимались в той или иной мере почти все профессора лица, являясь специалистами по государственному, административному, финансовому, церковному, уголовному праву. Но этими учеными, в отличие от Н. Л. Дювернуа, исследовалось историческое движение институтов русского права с определенным уклоном в специфику изучаемой ими науки.

Исследованию древнерусских правовых порядков посвящена также работа цивилиста А. И. Загоровского «Исторический опыт займа по русскому праву до конца XIII столетия». Автор не ограничивается рассмотрением правового материала, связанного с функционированием названного института, но высказывает свои научные суждения по самым различным явлениям общественно-правовой жизни Древней Руси. Признавая за факт существование в древнерусском обществе определенных привилегированных групп населения, А. И. Загоровский усмат-

¹⁶⁷ Нольде А. Э. Дювернуа Н. Л.: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. СПб., 1906. Ч. 4. С. 105.

¹⁶⁸ Там же. С. 106.

¹⁶⁹ Там же.

ривает эту привилегированность не в особом сословном их положении, а в близости к князю.

«Исходным пунктом такой привилегированности, – пишет А. И. Загоровский, – была большая или меньшая близость к особе князя и притом независимо от того, на какой посредствующей функции основывалась эта близость, на заведовании отрядом войска или княжеской конюшней – все равно: и в этом и в другом случае приближенные были княжими мужами и пользовались одинаковым почетом друг к другу, но преимуществом перед остальным составом населения – людьми. Однако эта привилегированность не шла дальше преимущества чести: она не оказывала никакого воздействия на гражданские права нашего тогдашнего аристократа. Княж муж, как и простой смерд, подлежали в этом отношении одинаковой ответственности перед законом и за неисполнение частной сделки могли лишиться не только своего привилегированного положения, но даже и свободы»¹⁷⁰.

Солидируясь в оценке правового статуса послухов с Н. Л. Дювернуа, он рассматривает их как исполнителей весьма существенной функции «представителей общественной автономии»¹⁷¹.

В монографии А. И. Загоровского «О разводе по русскому праву» исследуется историческая судьба институтов развода, начиная с первых времен христианской церкви.

Выдающийся вклад в разработку историко-правовой науки внесен административистом *Ильей Яковлевичем Гурляндом* (1868 – после 1921). Как награжденный за конкурсное сочинение золотой медалью после окончания Демидовского юридического лицея в 1890 г. он был оставлен для приготовления к профессорскому званию. В период преподавательской деятельности в лицее он защитил магистерскую и докторскую диссертации по полицейскому праву. Препо-

И. Я. Гурлянд

¹⁷⁰ Загоровский А. И. Исторический опыт займа по русскому праву до конца XIII столетия. Киев, 1875. С. 20–21.

¹⁷¹ Там же. С. 31.

давание и научную деятельность успешно сочетал с занятиями литературой и публицистикой. Им были опубликованы в основном в столичных журналах и газетах сотни рассказов, очерков, репортажей и рецензий. В конце 90-х гг. XIX в. в Москве вышли его пьесы: «Каприз», «Карьера» и «Особый мир».

В 1904 г. доктор полицейского права И. Я. Гурлянд поступил на службу в центральный аппарат МВД. Являясь главой Совета при министре внутренних дел произведен в действительные статские советники. С 1915 г. руководил правительственным официозом «Россия», входил в число ближайших помощников П. А. Столыпина. Именно И. Я. Гурляндом подготовлены многие из знаменитых речей этого крупного реформатора. В 1915 г. он становится директором бюро печати, с 1916 г. – главой всей информационной службы России.¹⁷² После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

И. Я. Гурлянд свои основные труды посвятил проблемам исторического становления органов управления на Руси.

Весьма замечательно в этом отношении его магистерское сочинение «Ямская гоньба в Московском государстве до конца 17 в.». Труд этот издан в Ярославле в 1900 г. Целью своего исследования через изучение исторического развития ямской гоньбы И. Я. Гурлянд поставил выяснение основных начал взаимоотношений между властью и населением, т. е. того главного и преимущественного, что «характеризует собой строй внутреннего управления»¹⁷³. Монография И. Я. Гурлянда имела то преимущество перед другими работами, посвященными вопросу о ямской гоньбе, что в ней это учреждение рассматривалось исторически, в контексте изменений, происходивших в русском обществе и государстве со второй половины XV в. до конца XVII в. В этом исследовании с достаточной полнотой сгруппированы основные данные по истории развития и организации ямского строя, чем восполнен значительный пробел в изучении вопроса. Выясняя ход постепенного развития ямских учреждений, значение и организацию их, И. Я. Гурлянд предпринимает попытку определить те социально-бытовые условия, которые сложились на почве этих учреждений. Автором вос-

¹⁷² См.: Чукарев А. Г., Егоров С. А. Профессор И. Я. Гурлянд: история взлета и падения // Ярославская старина. 1997. Вып. 4. С. 33–41.

¹⁷³ Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца 17 в. Ярославль, 1900. С. 1.

создается целостная историческая картина ямской гоньбы. Ее история им подразделяется на три периода: 1) от второй половины XV в. до середины XVI в.; 2) от середины XVI в. до Смутного времени; 3) от избрания Михаила Романова до конца XVII в. Подчеркивая недопустимость смешения издавна существовавшей на Руси подводной повинности с ямской гоньбой, И. Я. Гурлянд обосновывает самостоятельное значение последней как организованной системы сообщения, «где ранее заготовленные подводы всегда на известных пунктах ждут требования и где существуют специальные лица, ведающие распорядок по этому делу»¹⁷⁴. Хотя первое упоминание о яме относится к последней четверти XIII в., т. е. в разгар татарского гнета, в ярлыке хана Монгутимира, это обстоятельство, по мнению автора, не является свидетельством введения татарами ямской гоньбы. Первоначально на Руси, утверждает он, татарским словом «ям» обозначали не гоньбу по ямам, а особый сбор, налог, который платили в орду. Татарам не было необходимости вводить ямскую гоньбу «так как обязанность давать подводы, – пишет И. Я. Гурлянд, – была известна у нас много раньше татарского нашествия, то и нужды татар в средствах сообщения должны были найти достаточное удовлетворение в этой уже известной повинности. Татарам не было к тому же никакой выгоды настаивать на введении в русской земле регулярной гоньбы по образу татарской, так как откуп от нее мог охватить все население, в то время как исполнение повинности в натуре осуществлялось бы и без того в виде подводной повинности, но главным образом падало бы на придорожное население»¹⁷⁵. Возникновение особого ямского сбора в пользу русских князей также не дает, считает И. Я. Гурлянд, основания полагать начало регулярной гоньбы. Ее появление он связывает с объединением русских земель вокруг Москвы, с централизацией внутреннего управления. Только Иваном III, утверждает ученый, ямской гоньбе было придано «административное значение и ... только с этого времени она начала складываться в систему»¹⁷⁶. Появляется особая должность ямского дьяка. Ямская гоньба, утверждает автор, является учреждением, созданным властью не для

¹⁷⁴ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 28.

¹⁷⁵ Там же. С. 39–40.

¹⁷⁶ Там же. С. 48.

удовлетворения народных потребностей, а исключительно для себя. «Вместе с тем, – подчеркивает И. Я. Гурлянд, – нельзя отметить, что ямская гоньба, развивавшаяся, очевидно, на почве подводной повинности, но получившая затем самостоятельную историю, отнюдь не сделала подводную повинность излишней»¹⁷⁷. Последняя, согласно приводимым авторам данным, еще в XVII в. дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно с ней. И. Я. Гурлянд рассматривает гоньбу как значительный шаг вперед с точки зрения управления, так как с ее введением достигалась быстрота и правильность сношений, что представляется весьма важным для целей управления, однако, с точки зрения населения, ямская гоньба – обременительная повинность, тяжким бременем ложившаяся на его плечи. Своеобразие рассматриваемого периода в истории ямской гоньбы состоит, как указывает автор, в том, что во главе ямов стояли ямщики как должностные лица, которые ведали распорядок по гоньбе, сама же гоньба велась населением. Каждое селение, расположенное в районе яма, было обязано давать определенное количество подвод, стоять на яму с подводами.

Основное отличие второго периода в истории ямской гоньбы, согласно исследованию И. Я. Гурлянда, состоит в том, что население сделалось обязанным выставлять на ямы по сошному разводу не подводы, а людей, которые гоняли гоньбу за поставивших их. Эти люди получили название ямских охотников. Они выставлялись населением на более или менее продолжительный срок, а иногда и бессрочно. За счет этого изменения «весь ямской строй получил совершенно иную организацию»¹⁷⁸, пишет автор. Началось устройство приезжих дворов и ямских слобод. Делалось это в соответствии с правительственными предписаниями, во исполнение которых местной администрацией выделялись специальные стройщики. Иногда они присылались непосредственно из Москвы. Обычно в этом качестве, полагает автор, выступали дьяки или дети боярские. Отнюдь не было почетной миссией ямское устройство в Туле в 1601 г. князя Ивана Петровича Пожарского. «Это обстоятельство, – пишет И. Я. Гурлянд, – всему роду Пожарских при мест-

¹⁷⁷ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 50.

¹⁷⁸ Там же. С. 85.

ническом счете ставилось в укор»¹⁷⁹. Согласно исследованию автора, ямская слобода представляла собой искусственно созданную общину, которая состояла из определенного числа служебных и хозяйственных единиц, называемых вытями, паями. При общественной разверстке земель каждому охотнику выделялся в качестве пая определенный участок, которым он мог пользоваться пока несет службу. Во главе слободы стояли два лица – приказчик и староста. Первый назначался правительством и был его представителем в слободе, осуществлял общее наблюдение за ходом дел, прописывал подорожные. Внутренним распорядком ведал староста, избиравшийся охотниками. Как установил И. Я. Гурлянд на основе изученных фактов, первые ямские слободы были устроены в 1560 г. в Новгороде и Пскове, а в 1565 г. – в Ярославском и Ростовском уездах.

В третьем периоде истории ямской слободы, наступившем после Смутного времени, в которое ямской строй и пришел в полный упадок, ямские охотники, констатирует автор, переводятся на жалование, выплачиваемое ямским приказом из ямских денег, собираемых с населения. Последнее освободилось от обязанности выставлять охотников, но не от подводной повинности.

Одну из своих исследовательских задач И. Я. Гурлянд усматривал в том, чтобы провести строгое разграничение между двумя параллельно существующими формами ямской гоньбы: стройной гоньбы и гоньбы в форме мирских отпусков. Первую он рассматривает как гоньбу по стройным ямам, т. е. по ямам, которые соответствующим образом строены правительством. «Но на всем протяжении истории ямской гоньбы, – пишет И. Я. Гурлянд, – начиная со второй половины XVI в., мы встречаем в отдельных местностях иную форму ямской гоньбы, в одних отношениях приближающуюся к той, которая предшествовала появлению стройной ямской гоньбы, т. е. выражалась в отбывании населением натуральной подводной повинности, а в других отношениях отделялась от этой последней, восприняв, по крайней мере в частностях, практику стройной гоньбы. Другими словами: мы встречаем такую форму подводной повинности, которая, отбываемая миром для правительственных надобностей, получала постепенно организацию гоньбы по стройным

¹⁷⁹ См.: Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 117.

ямам. Технически эта форма называлась мирскими отпусками»¹⁸⁰. В некоторых местностях, поясняет свою мысль автор, складывается следующий порядок отбывания ямской повинности: население непосредственно не отпускало подвод, а по вытн платило деньги, которые считались мирскими ямскими деньгами и на которые волость нанимала подводы, сколько потребуется. При этом каждая волость возила по своей земле и не дальше жилого места другой волости, весь уезд – не дальше жилого места другого уезда. Позднее соседние волости и уезды стали объединяться между собой, отпуск подвод стал регулироваться в масштабе этих объединений, происходила централизация мирских отпусков.

В своем исследовании автор впервые ввел в научный оборот обширный архивный материал, относящийся к XVI и XVII вв.

Не менее научно значимы исследования И. Я. Гурлянда по истории приказного строя России. В 1904 г. в «Сборнике статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями», вышедшем в Киеве, была опубликована работа И. Я. Гурлянда «Приказ сыскных дел». Об этом учреждении Московского государства в исторической литературе содержались лишь отрывочные и зачастую неточные упоминания. На основе анализа архивных материалов И. Я. Гурлянд удалось с полной определенностью установить, что приказ этот был учрежден Земским собором в 1619 г. по инициативе патриарха Филарета для защиты населения от произвола со стороны «сильных людей», т. е. знати. В подтверждение своей точки зрения автором приводятся тексты ряда окружных грамот, в которых получили изложение решения Земского собора. В одной из них содержится следующее соборное определение: «... а на сильных людей, во всяких обидах, велели есмя сыскивать и указ по сыску делати боярам своим князь Ивану Борисовичу Черкасскому да князь Данилу Ивановичу Мезецкому со товарищи»¹⁸¹. Сам факт назначения на управление приказом знатнейшего из тогдашних бояр князя И. Д. Черкасского свидетельствует о важности дела, ему порученного.

¹⁸⁰ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 270.

¹⁸¹ Цит. по: Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел // Сб. ст. по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904. С. 11.

ченного. В последующем назначавшиеся начальниками этого приказа бояре М. Б. Шеин, С. В. Головин, Б. М. Лыков, Ю. Я. Сулешев были влиятельнейшими людьми своего времени, пользовавшиеся к тому же особым расположением патриарха Филарета. По общему правилу значение приказа было адекватно местнической значимости возглавлявшего его лица. Учреждение приказа было продиктовано необходимостью водворения порядка в государстве, расшатанного Смутным временем, и войнами, и своеволием бояр. «Возвратясь после продолжительного плена на родину, – писал И. Я. Гурлянд, – Филарет застал страну в состоянии полного разорения. Города и села запустели; в платежах давала себя знать ощутимая убыль; между населением и государством стояли сильные люди»¹⁸². Запустение городов и убыль в платежах во многом были связаны с тем, что многие посадские люди, покидая посады, закладывались за крупных феодалов как светских, так и духовных, в результате чего освобождались от тяглого обложения и государевой городской службы. Поредевшее посадское население становилось все более не в состоянии нести на своих плечах груз государевых повинностей. Поэтому вопрос о борьбе с закладничеством выдвигался, подчеркивает И. Я. Гурлянд, в число боевых вопросов времени. В одной из окружных грамот говорилось, что «многие люди бьют челом на бояр и всяких людей в насильстве». Своеволие сильных людей, отмечает автор, вело к обессилению государственной власти, поэтому с ее стороны постоянно предпринимались определенные шаги по наведению порядка в плане защиты населения от притеснителей в целях обеспечения торжества собственно государственных интересов. Но с приходом Филарета к управлению делами государства борьба с произволом сильных людей становится одним из главных направлений политики московского правительства. «На смену случайным мероприятиям, полумерам, – пишет И. Я. Гурлянд, – выдвигается определенный план действий»¹⁸³. Осуществление этого плана было возложено на вновь созданное учреждение, которое, выполняя поручения, непосредственно исходившие от царя, патриарха и Боярской думы, могло действовать более повелительно, нежели другие приказы.

¹⁸² Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел. С. 92.

¹⁸³ Там же.

Но главным «направителем» приказа на обуздание сильных людей, постоянно подчеркивает И. Я. Гурлянд, был Филарет, согласно воззрениям которого противостояние сильных людей государству – «один из важнейших показателей государственного нестроения»¹⁸⁴. Поэтому бороться с ними означало «непосредственно приступить к водворению порядка в государстве», к достижению идеала, о котором не раз говорят грамоты этого времени, «чтобы все люди нашего государства Божьей милостью, нашим царским призрением жили в покое и радости»¹⁸⁵. На основе архивных материалов И. Я. Гурлянд прослеживает временное существование отдельно от приказа Сыскных дел, выделившегося из него учреждения – приказа Приказных дел, который ведал особо приказанными ему делами, был по сути приказом особых поручений. Ему поручалось производство экстренных сборов. И. Я. Гурлянд высказывает основательное предположение, что приказ Приказных дел имел поручение вести общий надзор за деятельностью дозорщиков – специальных дозорных служб, состоявших в ведении других приказов. Словом, его основное назначение определялось задачей наведения порядка в государстве. В последующем эти учреждения вновь сливаются. Система приказного управления вообще не отличалась постоянством. И. Я. Гурлянд указывает на существование приказов, названия которых история не сохранила. Во второй половине XIII в. под именем приказа Сыскных дел стал выступать новый приказ, сформированный в связи с бунтом в Коломенском в 1662 г. В конце XVII в. имя приказа Сыскных дел стал носить бывший Разбойный приказ, не имевший уже, как отмечает И. Я. Гурлянд, ничего общего с учрежденным по инициативе Филарета приказом.

Докторскую диссертацию И. Я. Гурлянд защитил по вышедшей в 1902 г. в Ярославле монографии «Приказ великого государя тайных дел», которая посвящена исследованию вопросов, связанных с определением исторического места и значения учреждения, основанного царем Алексеем Михайловичем и с его смертью прекратившего свое существование. До И. Я. Гурлянда эта проблема не была предметом специального научного рассмотрения, хотя о самом Тайном приказе много

¹⁸⁴ Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел. С. 94.

¹⁸⁵ Там же.

самых разноречивых упоминаний как в юридической, так и в исторической литературе. Преобладали воззрения на это учреждение, как на орган инквизиции, как на начало тайной полиции в России. Тайная роль приказа определялась больше по впечатлению, чем на основе документов. В монографии И. Я. Гурлянда показано подлинное назначение приказа как органа надзора за всей системой управления, возглавлявшейся непосредственно царем. Его создание рассматривается как шаг к сосредоточению всего управления в руках царя, как посягательство на прерогативы Боярской думы. Приказ назывался тайным потому, что дела решал тайно, без ведома Боярской думы. Основным помощником царя по руководству этим учреждением был тайный дьяк.

Также исторически в работе «Идея патроната как идея внутреннего управления» И. Я. Гурляндом исследуется «переходящий из века в век» институт патроната. Применительно к Древней Руси он усматривает в идее патроната «корректив так называемого изгойства», представлявшего собой исключение из «среды общины, сидевшей на земле и пользовавшейся самоуправлением, отдельных членов»¹⁸⁶. Будучи взятыми под покровительство (патронат) церкви, изгои, вне всяких общественных отношений и являвшиеся несчастнейшими людьми, обрели более прочное положение.

Мнение И. Я. Гурлянда расходится с господствующим, и он значение патроната придает широко распространенному в удельно-вечевой период закладничеству. Большинство ученых (в их числе Н. М. Карамзин, А. Рейц и К. А. Неволин) определяют закладничество как нахождение лица в закладе, т. е. обеспечение долга личностью должника. Так, А. Рейц считал, что закладник (закладень) есть заложник по закладному контракту, а К. А. Неволин отождествлял его с закупом. Согласно же точке зрения И. Я. Гурлянда, закладники этого периода – «люди, вошедшие в зависимость во имя защиты, предавшиеся кому-либо для получения от него защиты»¹⁸⁷. Не случайно, отмечает автор, закладывались они князьям и княжим людям, а не просто состоятельным лицам. Не случайно и то, что новгородцы за-

¹⁸⁶ Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. С. 136.

¹⁸⁷ Там же. С. 147.

прещали князю брать закладников в городе. «Путем привлечения закладней, – пишет И. Я. Гурлянд, – как некогда патриции путем увеличения числа клиентов, князь, княгиня и мужи их приобрели бы особую силу в Новгороде, а, оберегая вольности свои, новгородцы не могли мириться с таким положением. Этим подрывалась идея новгородского гражданства»¹⁸⁸. Закладничество имело в тот исторический период, делает вывод автор, «не столько имущественный, сколько политический характер». Закладывались тогда за более сильного, чтобы пользоваться его покровительством, а в возмещение его «патронируемый закладень приносил свою службу и благодарность, неся, следовательно, юридические обязанности уже не по отношению к государству, а по отношению к Патрону»¹⁸⁹.

И. Я. Гурляндом прослеживается перерождение института закладничества по мере усиления государственной власти. Он выражает согласие с предположением Б. Н. Чичерина о развитии из закладничества в московский период кабального холопства. Московские власти, отмечает И. Я. Гурлянд, проявляли нетерпимое отношение к закладничеству, поскольку в лице закладников государство некоторым образом теряло своих подданных. Поэтому Уложение 1649 г. господину, принявшему закладника, угрожало конфискацией земель (Улож., гл. XIX, ст. 13).

В 1904 г. на археологическом съезде в г. Твери И. Я. Гурляндом был сделан интересный доклад, посвященный исследованию вопроса об истории заселения татарами исконной русской местности. Факт существования татарской колонии в г. Романове и Романовском уезде давно обращал на себя внимание историков. В науке утвердилась точка зрения, согласно которой господствовавшие в этой местности татары осели здесь во времена татаро-монгольского ига, приняв позднее подданство московского великого князя. Ярославский ученый на основе тщательного изучения архивных материалов пришел к иному выводу. Согласно документально обоснованной версии И. Я. Гурлянда в г. Романове и его уезде были поселены Иваном IV татарские мурзы – выходцы из Ногайской орды с их служилыми татарами. В архивных материалах значится, что в 1563 г. явились к Ивану IV и благосклонно им приняты ногай-

¹⁸⁸ Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления.

¹⁸⁹ Там же.

ские мурзы Ибрагим-мурза и Иль-мурза. С ними прибыли многие их служилые татары и два двоюродных брата названных мурз – Алей-мурза и Айдах-мурза. Царь им пожаловал под условием несения службы (выставления отряда в 225 воинов) город Романов со всеми доходами и рядом дворцовых сел в Романовском уезде. Конечно, жестоко было со стороны царя – поставить вновь после крушения более чем двухвекового ига русских людей под столь ненавистное им господство татар, но правительство меньше всего беспокоило оскорбленные чувства подданных. Группы населения преимущественно ценились тогда государством по их служебной годности и готовности. «Если определять резкими чертами, – писал И. Я. Гурлянд, – то романовцы более нужны как фонд, на который можно содержать очень полезный военный отряд»¹⁹⁰.

Умирая, Иван IV завещал сыну Федору держать город Романов под ногайскими мурзами. Царь Федор Иванович не нарушил воли отца и даже добавил мурзам новые дворцовые села в Романовском уезде. Селами и деревнями, устанавливает И. Я. Гурлянд, первоначально владели только мурзы. Служилые татары имели во владении лишь усадьбы и пахотные угодья, которые обрабатывались латышами, т. е. переселенными сюда пленниками, взятыми во время Ливонской войны. Крестьянами, которые жили в селах и деревнях, владели только мурзы. Последние жили в уезде, но имели дворы в самом Романове. Дворы в городе имели и служилые татары. Жили они в особой слободе за посадом. Судили татар их мурзы. Если возникали судебные дела между посадскими людьми и татарами, то в качестве судьи выступал воевода, но в отправлении правосудия участвовали и «лучшие из мурзинных людей».

Один из мурз, старший в роде, считался главным мурзой. Служилые татары находились в ведении Посольского приказа, но сносились с Москвой только через своих мурз.

Татары чувствовали себя и в городе, и в уезде господами положения, «при этом, по всем данным, необузданными и часто жестокими». Известно, что начиная с 1593 г. мурзы стали раздавать своим татарам за службу не только усадьбы и пашни, но и крестьян. Татары угнетали романовцев не только экономиче-

¹⁹⁰ Гурлянд И. Я. Романовские мурзы и их служилые татары (из трудов Тверского археологического съезда). Тверь, 1904. С. 6.

ски, но и духовно. Они постоянно жестоко оскорбляли, пишет И. Я. Гурлянд, религиозные чувства русского населения. У храмов татары строили свои дворы, татарчата во время службы затевали на папертях шумные игры, бросали в церковь камни, стреляли в кресты из луков, «попов лаяли и позорили». А «которые попы в мурзинных поместьях, – сообщал один из документов, – теми мурзы и татарове владеют как прочими своими людьми»¹⁹¹. Своих православных слуг татары заставляли в пост есть кобылятину, а которые жаловались властям, тех нещадно били. Да и некому было жалобщиков защитить. Романовский воевода, констатирует И. Я. Гурлянд, по сути являлся агентом татарского режима. Не только фактически, но и юридически в городе и уезде правили ногайские мурзы. Московские власти сквозь пальцы смотрели на бесчинства татар, исправно несших военную службу. Правда, сердобольный и богобоязненный царь Федор Иванович наставлял мурз «смотреть за своими татарами, чтобы они никакого поругания христианской вере не делали, русских людей не бусурманили, храмов не сквернили». Однако мурзы и их служилые татары этому наставлению царя не вняли.

Только Воеводский наказ 1614 г. внес изменения в юридическое положение мурз, установив, что истинной властью отныне в Романове является царский воевода. В «наказе» подчеркивалось, что мурзы никаких самостоятельных прав не имеют и служат со своими татарами «из земли и денежного оклада». У мурз было отобрано право непосредственного сбора доходов и право посылать своих депутатов на воеводский суд по делам между русскими и татарами. Прежние жалованные грамоты, данные мурзам, были истолкованы правительством в смысле «акта о земле, а не акта о власти, опирающейся на землю».

Со временем, отмечает И. Я. Гурлянд, романовские татары были обращены в православие. Часть из них покинула эти земли. В конце XVII в. татарская колония в Романовском уезде прекратила свое существование.

Примечательно, что все труды административиста И. Я. Гурлянда являются историко-правовыми исследованиями.

Глубокие исторические экскурсы весьма характерны для исследований и других административистов (полицейстов) ли-

¹⁹¹ Гурлянд И. Я. Романовские мурзы и их служилые татары. С. 7.

дея. В трудах «Краткий очерк науки административного права» Э. Н. Берендтса подробно рассматривается, начиная с глубокой древности, ход становления органов управления на Руси и обстоятельно анализируются вечевые порядки Новгорода и Пскова. В статье Э. Н. Берендтса «Несколько слов о коллегиях Петра Великого» показано нарастание самодовлеющей власти бумажного делопроизводства.

К числу исследований в области истории русского права принадлежат капитальные труды В. Г. Щеглова о Государственном Совете в России и монография С. П. Покровского «Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование». **Сергей Петрович Покровский** (1880 – после 1928) родился в Тульской губернии в семье священника. В 1907 г. окончил Демидовский юридический лицей с золотой медалью и был оставлен там же для подготовки к профессорскому званию, с 1911 г. – член Ярославской губернской ученой архивной комиссии. В 1911–1912 гг. находился в научной командировке за границей. В 1913 г. избран приват-доцентом по кафедре всеобщей истории права лица, а в 1914 г. в Московском университете защитил магистерскую диссертацию. С 1915 г. профессор Казанского университета, в 1917–1918 гг. директор Северо-Восточного археологического и этнографического института. С 1918 г. профессор Иркутского государственного университета, а с 1920 г. – профессор Туркестанского университета (до 1928 г.). Дальнейшая его судьба нам не известна.

По утверждению С. П. Покровского, все правовое прошлое человечества было постепенным развитием и культуры, и социальных форм. Поэтому одну из задач этой науки ученый видит в том, чтобы «показать историческое развитие права... в связи с историей культуры, изобразить, какие культурные последствия были соединены с правом, как правом обусловлена культурная жизнь народов и как благодаря ему ускоряется культурный прогресс». В этом смысле право признается им как

С. П. Покровский

«главный элемент культуры человечества»¹⁹². Однако, с другой стороны, для С. П. Покровского несомненно, что право – явление социальное, ибо, говорит он, правовые нормы трудно рассматривать независимо от породившей их жизни: нельзя совершенно игнорировать их историческое происхождение. В своем взаимоотношении с породившей его жизнью «право является пред нами как социальное явление». В области истории права С. П. Покровским отвергается исключительность правового развития каждого отдельного народа. Существует мнение, отмечает он, что развитие права каждого народа должно быть «исключительно национальным», поскольку определяется так называемым «народным духом». Но на самом деле, «истинная народность не есть постоянная и всегда сама себе равная величина», ибо особые черты народного быта, равно как и право, вырабатываются особыми историческими условиями, в которых развиваются народы; внешние условия, хотя нигде буквально не повторяются, но все же нередко «представляют довольно много общего». Поскольку ни одно из национальных прав не может претендовать на исключительность, С. П. Покровский считает возможным в историко-правовой науке определить «средний социологический тип правового развития человечества». В содержание науки всеобщей истории права ученый, в отличие от его предшественников, включает и государство, и притом не со стороны внешней формы исторической жизни народа, как это характерно для историков-правоведов государственной школы XIX в., а «со стороны его социальной действительности». По мнению С. П. Покровского, «такая наука необходима, чтобы наблюдать за процессом образования, бытия и падения государств». Этому ученому принадлежит последний из вышедших в дореволюционный период трудов по истории ярославского учебного заведения имени П. Г. Демидова «Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем» (Ярославль, 1914). Он автор двух статей о государственно-правовых воззрениях К. Д. Ушинского, опубликованных в «Вестнике воспитания». В 1913 г. в «Юридических записках», издаваемых Демидовским юридическим лице-

¹⁹² Покровский С. П. Всеобщая история права и ее значение в системе юридического образования. Ярославль, 1914. С. 7–39.

ем, вышел его очерк об опыте крестьянского самоуправления в начале XIX столетия.

Очерк финансовой истории России занимает значительное место в «Лекциях по финансовому праву» *А. Р. Свирцевского*.

Определенным вкладом в историю русского права является исследование профессора церковного права *Н. С. Суворова* «Псковское церковное землевладение в XV–XVII веках», в котором получает четкое юридическое определение распространенный на Руси институт бобыльства. Такое же значение имеет его «Разбор сочинения г. Загоровского "О разводе по русскому праву"» (1888 г.), удостоенный Золотой медали Академии наук. В отзыве содержится очень основательная критика преувеличения *А. И. Загоровским* влияния византийского семейно-брачного законодательства на формирование соответствующих институтов русского права.

Весьма значителен вклад в историю русского права криминалистов лица. К числу исторических исследований институтов русского уголовного права, видов преступных деяний и наказаний относятся труды: «О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование» *Л. С. Белогриц-Котляревского*, «Насильственное похищение чужого имущества по русскому праву: разбой и грабеж» *Д. Г. Тальберга*, «Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву» *М. В. Духовского*, «Религиозные преступления. Историко-догматические очерки», «Взяточничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях» *В. Н. Ширяева*.

Особенно многочисленны исследования в области истории русского уголовного права профессора лица *Н. Д. Сергеевского*. В их числе: «Наказание в русском праве XVII в.», «О ссылке в древней России», «Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне», «О мошенничестве по русскому праву», «Самовольное пользование по русскому праву».

Наиболее значительной в этом плане является первая из перечисленных работ. Характеризуя в своей рецензии ее достоинства, профессор *Л. С. Белогриц-Котляревский* писал: «... мы встречаем ... много нового, представляющего ближайшее выяснение содержания некоторых карательных мер, далеко оставляющие за собою доселе известное по этому вопросу, а также более широкое определение объема их изменения, о порядке

совершения, о видах и обрядовых квалификациях, о телесных наказаниях, где особенно важно описание кнута и самой казни кнутом, представлявшее довольно яркую картину грозной, устрашающей силы последнего, а также описание батогов и самой казни последними, далее о тюремном заключении, где мы впервые узнаем, что в XVII веке различались три типа тюремных зданий: обыкновенные, т. е. деревянные тюрьмы, земляные и каменные тюрьмы. ... земляные тюрьмы состояли чаще всего из вырытой в земле ямы с опущенным в нее срубом (бревенчатым): поверх земли – кровля с небольшим окном. ... Иногда тюрьмою служила просто яма без внутреннего сруба. Наконец, сюда же следует отнести и главу о ссылке, где важно изучение объема применения последней, видов и организации»¹⁹³.

Криминалист М. В. Духовской в своем труде «Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц» исследует целый ряд проблемных вопросов истории русского права в контексте очерка преступлений против чести. Особое значение автором придается общинной форме исторической жизни русского народа. Им утверждается, что честь имеет общинное происхождение, что «Русской Правдой» она «понималась как уважение в среде сограждан»¹⁹⁴. М. В. Духовским обосновывается господствующее положение обычая в правовых порядках древней России. «Двинская грамота» 1397 г., по его мнению, «не есть законодательный сборник, изданный волею одного князя: это сборник обычаев Двинской земли»¹⁹⁵.

Полемизируя со сторонниками теории родового быта Б. И. Утиным и другими, видевшими в местничестве остатки родовой чести, М. В. Духовской выражает несогласие с их точкой зрения и утверждает, что родовая честь в XVII в. уже давно не существовала. «Честь, господствовавшая в нашем служилом сословии в период местничества, – подчеркивал он, – была честь служилая. При местнических спорах дело шло не столько

¹⁹³ Белогриц-Котляревский Л. С., Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887 // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1888. Кн. 4. С. 36–37.

¹⁹⁴ Духовской М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц. Ярославль, 1873. С. 168.

¹⁹⁵ Там же. С. 170.

о чести, сколько о служебно-государственном положении родов, об отношении служилых людей к государству»¹⁹⁶.

Однако историческими изысканиями, проводимыми в области специальных наук, как бы они не были значимы, не ставились под сомнение необходимость существования обобщающей науки истории русского права, которая, выявляя общие закономерности развития права в тот или иной исторический период, методологически направляла эти исследования и, располагая всей совокупностью знаний о правовой действительности определенного периода истории, вносила в исследования специалистов соответствующие коррективы. Так, М. Ф. Владимирским-Будановым убедительно оспаривается правильность оправдания жестоких мер уголовной репрессии в XVII в. Н. Д. Сергеевским, полагавшим, что правительство вынуждалось к жестокости постоянным противоборством «антигосударственных элементов». Возражая криминалисту, историк русского права подчеркивает, что «противодействие населения правительственным мерам часто порождалось ошибочностью этих мер, отклонением от здравых начал»¹⁹⁷.

Всеобщая история права

Михаил Николаевич Капустин (1828–1899), о котором мы уже писали как о директоре Демидовского юридического лицея (1870–1883 гг.), является основоположником науки всеобщей истории права. Основание этой науки им заложено в бытность профессором Московского университета изданием трудов: «Общие явления истории права в Западной Европе» (М., 1865) и «Очерки истории права в Европе» (М., 1866). В Ярославле в 1872 г. вышла его «История права. Часть I». Труд этот невелик по объему, но имеет большое методологическое значение. В нем получает убедительное обоснование необходимость исторического изучения правовых систем разных народов в целях уяснения сущности права, его общих черт, закономерностей развития. «Только из общей картины движения

¹⁹⁶ Духовской М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц. С. 202.

¹⁹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 360.

права у различных народов, – утверждает ученый, – выясняются его основные элементы и прогрессивный характер»¹⁹⁸.

Без исторического познания права, по мнению ученого, вообще невозможны ни разумная прогрессивная законодательная деятельность, ни основательная догматическая разработка права. «История права, – пишет он, – указывает на необходимость прогрессивного движения его. Она снимает с права характер произвольного или случайного явления, укрепляет связь между прошедшим и настоящим юридической жизни народа и предостерегает законодателя от увлечения отвлеченными началами и от разрыва с тем, что создано долгой историей и что потому не может быть уничтожено мгновенно без тяжелых потрясения в общественном организме. Не менее важно значение истории права и для науки. Она служит нередко единственным средством объяснить догматическое значение институтов, она представляет исследователю разнообразие форм юридического творчества, возбуждает энергию мысли. Богатство, накопленное в течение многих веков силою практической жизни и мышления, становится неисчерпаемым источником новых стремлений к отысканию истины»¹⁹⁹.

Написанием этого труда М. Н. Капустин способствовал не только становлению новой еще не сложившейся науки, изучавшей историческое бытие права в его всемирном масштабе, но создал ее концепцию, согласно которой центром исследований должны быть «типические формы юридических институтов», последовательно сменявшие одна другую, а не вся совокупность присущих народам правовых явлений и сопутствующих им культурных ценностей. Имевшиеся к тому времени труды и руководства немецких и французских авторов, оставляя в стороне движение отдельных юридических институтов, сосредоточивали внимание на исследовании условий, прямо или косвенно влиявших на образование права, а в некоторых из них допускалось смешение истории права с историей цивилизации. Отдельные авторы сводили исследование к обоснованию положения о том, что человечеству постоянно было присуще сознание о праве²⁰⁰.

¹⁹⁸ Капустин М. Н. История права. Ч. 1. Ярославль, 1872. С. 1.

¹⁹⁹ См.: Там же. С. 74.

²⁰⁰ Там же. С. 1.

Недостаточность таких односторонних подходов к изложению истории права восполняли исторические очерки, предпосылавшиеся в отдельных юридических науках догматическому изучению тех или иных институтов, но и они не решали задачи создания целостной картины исторического развития права в его единстве и многообразии. «Не подлежит сомнению, что многие стороны догмы права, – писал М. Н. Капустин, – могут быть объяснены только историей; но отдельные, не связанные друг с другом очерки не дают полной картины постепенного развития права как единого целого. Научная задача истории права достигается лишь представлением постепенных видоизменений юридических институтов данного народа или данной эпохи в их связи между собою»²⁰¹.

Поэтому М. Н. Капустин поставил перед собой задачу построения такой науки, которая, не вдаваясь во все многообразие проявлений историко-правовой жизни народов, имела бы нацеленность на особенные типические черты институтов и характеристические особенности в положительном праве различных народов. «В настоящем труде, – подчеркивал автор, – я делаю опыт такого изложения. Я ограничиваюсь обзором юридических памятников и институтов, не касаясь всех сторон народной жизни и указывая на них лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания права. Раз выделившись из жизни, юридические нормы получают свое самостоятельное бытие, составляют особую ценность, которая становится предметом всемирного оборота; в области права происходит заимствование, передача по наследству, вымирание – вообще все явления органической жизни. При этом возможно, что у народов, живущих под самыми разнообразными условиями и влияниями, мы замечаем одинаковое право»²⁰².

М. Н. Капустиным подчеркивается, что всеобщая история права не имеет задачей изложение юридических институтов всех народов, она ограничивается наиболее знаменательными явлениями права. Самостоятельное бытие права в соответствии с концепцией ученого не мыслится, однако, как изолированное ее существование вне движения развития, идей, верований.

²⁰¹ См.: Капустин М. Н. История права. Ч. 1. С. 2.

²⁰² Там же.

Право постоянно взаимодействует с другими культурными силами народа.

М. Н. Капустин различает внешнюю и внутреннюю историю права, отождествляя с первой историю юридических памятников, под второй понимая движение отдельных институтов. Обе эти стороны исторического выражения права равно существенны и необходимы. «Без изучения юридических памятников, – пишет он, – невозможно сознательное отношение к институтам, их критическое понимание, не ознакомившись с источником, юрист будет лишь пассивно относиться к положениям права и легко впадать в односторонность; наоборот, не имея ясного представления о движении институтов, нельзя верно оценить значение институтов, отличить в них существенное от случайного, сделать надлежащие выводы»²⁰³.

М. Н. Капустиным придается большое значение исследованию донационального периода развития права, который «обнимает собою те первичные формы права, на которых еще не успели отпечатлеться особенные черты того или другого народа как исторического политического деятеля»²⁰⁴. Ученый совершенно убежден в том, что такой период существовал в истории каждого права. «... На него указывают, – пишет он, – сохранившиеся предания, множество обычаев и обрядов, хотя и потерявших свое юридическое значение, наконец, народная поэзия, нередко изображающая то, что когда-то было в действительности. По этим отрывочным указаниям можно воссоздать с большей или меньшей определенностью исчезнувший общественный быт племени. История и филология путем сближения и истолкования народного эпоса отчасти достигают тех задач, решение которых должно послужить богатым материалом для права. Но существует и другой путь изучения первоначальных юридических форм. Их можно наблюдать в настоящем, поскольку они сохранились в общественном быту племен, еще не достигших государственности и стоящих на первых ступенях культуры»²⁰⁵. Внимательно исследовав общие черты первичного (первобытного) права, ученый приходит к вполне определенному выводу, что оно «представляет собою в более или ме-

²⁰³ Капустин М. Н. История права. Ч. 1. С. 3.

²⁰⁴ См.: Там же. С. 41.

²⁰⁵ См.: Там же.

нее определенной форме главные институты, удовлетворяющие первым потребностям общественной жизни»²⁰⁶. В труде дается характеристика права всех древнейших цивилизаций. Ученым основательно излагается история еврейского права, интересная в том отношении, что правовая жизнь этого народа протекала длительное время вне государства и отсутствие такового отнюдь не замедлило развитие юридических институтов, порождаемых потребностями человеческого общения.

Развиваемым М. Н. Капустиным идеям созвучны многие положения вступительной лекции по всеобщей истории права профессора **Владимира Викторовича Сокольского** (1848–1921), прочитанной студентам лицея 9 сентября 1874 г. Об этом ученом, к сожалению, известно не очень много. По окончании Дерптского университета он продолжил научные изыскания в Киевском университете, где защитил магистерскую (1871 г.) и докторскую диссертации (1874 г.). С 1874 по 1885 гг. он был сначала и. д. экстраординарного профессора, а с 1875 г. – ординарным профессором по кафедре всеобщего права Демидовского юридического лицея. Здесь он являлся ближайшим сподвижником директора лицея М. Н. Капустина, исполнял в отсутствие последнего его обязанности. В 1885 г. он перешел на должность ординарного профессора Новороссийского университета. Дальнейшая его судьба нам не известна.

Как и его предшественник по кафедре, В. В. Сокольский придает большое значение преемственности в праве. Процесс развития каждого национального права, по его мнению, есть, вместе с тем, процесс его постоянного обогащения правовыми ценностями, накопленными всем человечеством. История богата примерами правового воздействия одного народа на другой. «... Вне сомнения, – утверждает лектор, – факт влияния греческого права на законодательство XII таблиц, и ... римское право своим высоким развитием обязано заимствованиям главным образом из учения греческих юристов и философов. В средние века и в новое время заимствования становятся еще чаще. Так, средневековые города заимствуют друг у друга целиком статуты, собрание ленного права, составленные для Ломбардии, распространяются во всей Европе, наконец, римское право принимается как действующее во всех европейских государствах. В

²⁰⁶ См.: Капустин М. Н. История права. Ч. 1. С. 94.

новейшее время укажем только на быстрое распространение Code Napoleon и на повсеместное введение суда присяжных»²⁰⁷. Ни одно национальное право, каким бы самобытным оно не представлялось, делает вывод ученый, не свободно от влияния правовой жизни других народов, как им исторически предшествующих, так и современных. Так, право древнего еврейского народа носит на себе явные следы египетского влияния. «Все предания греческого народа, – отмечает В. В. Сокольский, – указывают на то, что восточное право имело немаловажное влияние на греческие законодательства: о Ликурге, Пифагоре и Солоне повествуется, что прежде издания приписываемых им законов, они предпринимали путешествия для ознакомления с правом других земель и народов»²⁰⁸. Все эти примеры, по мнению ярославского профессора, красноречиво свидетельствуют о необходимости изучения права во всемирном масштабе. В этой связи им высказывается критическое отношение к предложению Ф. Г. Савиньи ограничиться исследованием права римлян и немцев как народов, являющихся «виртуозами» в деле создания права. «Германская юридическая школа, – высказывает В. В. Сокольский свое сожаление, – остановилась на изучении истории римского и национального права: она не пожелала встать на общую точку зрения и в лице одного из своих наиболее крупных представителей»²⁰⁹. Профессор считает совершенно неприемлемым деление народов на «прогрессивные» и «непрогрессивные». «Мэн упускает из виду, – указывает он, – что те общества, которые он считает непрогрессивными, как, например, Браманская Индия или Китай достигли относительно высокой степени цивилизации и только потом, вследствие различных исторических причин, остановились в своем развитии»²¹⁰.

В. В. Сокольский в лекции подвергает критике современные ему социальные учения, проповедующие под видом прогресса отрицание брака, семьи, собственности и государства, т. е. институты, органически присущие всем цивилизованным обществам. Он

²⁰⁷ Сокольский В. В. Вступительная лекция: Введение в курс Всеобщей истории права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1874. Кн. 8. С. 587.

²⁰⁸ Там же. С. 585.

²⁰⁹ Там же. С. 576.

²¹⁰ Там же. С. 583.

высказывает твердую уверенность в том, что эти институты не только не исчезнут, но будут развиваться и совершенствоваться. «Все те учреждения, как-то: брак, семья, собственность, государство, – подчеркивает он, – против которых ратуют отрицательные учения нашего времени, всем ходом истории предназначены к дальнейшему совершенствованию, не было же этих учреждений тогда, когда человечество находилось на самой низкой степени развития. Следовательно, не признающие брака, семьи, собственности государства желают не прогресса, а – дозволено мне будет употребить это слово – регресса человечества. Желаящие же истинного прогресса не посягают на добытый веками культурный капитал, ... на вредные же социальные учения они смотрят как на бессильное возмущение стихийных элементов против обуздавшей их культуры»²¹¹.

В своей лекции профессор напомнил студентам, что изучаемая ими дисциплина своим названием обязана лицу. Здесь она впервые стала называться «всеобщей историей права», и это название продиктовано стремлением «выразить более общий характер в преподавании предмета, вполне соответствующий настоящему развитию нашей науки»²¹².

30 августа 1875 г. в торжественном собрании лицея прозвучала речь В. В. Сокольского «О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев». Речь эта представляет собою весьма значительный вклад в изучение «одного из самых темных вопросов исторической юриспруденции – вопроса об образовании права в первобытных обществах»²¹³. У В. В. Сокольского не вызывает сомнения, что жизнь права началась задолго до возникновения государственности, в далекие доисторические времена. Профессор вполне разделяет общую мысль исторической школы, согласно которой право не есть продукт исключительно законодательной деятельности государства, как учила философская школа XVIII столетия²¹⁴, что оно «главным образом, порожде-

²¹¹ См.: Сокольский В. В. Указ. соч. С. 584.

²¹² См.: Сокольский В. В. Вступительная лекция: Введение в курс Всеобщей истории права. С. 579.

²¹³ Сокольский В. В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1875. Кн. 10. С. 627.

²¹⁴ И как в основном мы учим сейчас.

ние народного чувства и, следовательно, возникает не механическим, а органическим путем»²¹⁵. Но, по мнению ярославского профессора, представителями исторической школы придается чрезмерно большое значение стихийности в правообразовании, развитию идеи об «исхождении» права непосредственно из «народного духа». В противовес им В. В. Сокольский утверждает, что в самые ранние периоды человеческой истории в первобытных обществах появляются произведения сознательного творчества в области права, образуются целые классы лиц, занимающихся формулированием и систематизацией народного права. Право не нуждалось в формулировании, полагает он, лишь в те времена, когда люди жили небольшими родовыми союзами. Когда же образовались более сложные общественные организмы, племенные союзы, что привело к усложнению юридических отношений, то потребовался особый вид умственной деятельности для уразумения природы новых отношений и выработки согласных с этой природой юридических правил. Этими причинами, считает В. В. Сокольский, и вызвано появление вещателей права, «юристов древних времен». В этой роли в основном выступали жрецы – класс людей, посвятивших себя духовной и умственной деятельности. Но у отдельных народов, не знавших резко обособившегося сословия жрецов, существовал тем не менее не имевший религиозного значения класс вещателей права, поскольку возникла внутренняя необходимость сознательного творчества в праве. «Вещатели права, – указывал профессор, – были почти у всех арийских народов: такое значение имели брамины в Индии, понтифексы в Риме, друиды в Галлии, брегоны в Ирландии, асеги в древней Германии и лагманы в Скандинавии. Одни из них имели религиозное значение, другие этого значения не имели»²¹⁶.

В. В. Сокольский утверждает, что своим фундаментом грандиозное здание римского права обязано деятельности вещателей права, которые именовались понтифексами (понтификами). «Римские понтифексы, – пишет он, – составляли особую жреческую коллегию, которая занималась не совершением литургических действий и церемоний, а внешними управлениями

²¹⁵ Сокольский В. В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев. С. 627.

²¹⁶ Там же. С. 633.

делами культа. Они были также верховными блюстителями сакрального права. Так как сакральное право во многих частях соприкасалось, а в других сливалось с правом светским, то не удивительно, что понтифексы начали заниматься и вопросами светского права...»²¹⁷. Они, по утверждению В. В. Сокольского, являлись собирателями и интерпретаторами народного права. После составления «Законов XII таблиц» усилия понтифексов были направлены на создание правильной и полной системы права на основании сравнительного скудного материала, заключающегося в этом памятнике. Эта задача оказалась им по плечу благодаря владению юридической техникой и научным методом. В. В. Сокольский считает совершенно доказанным, что «понтифексы выработали не только юридическую технику, но и настоящее учение и самостоятельную теорию права»²¹⁸. С древнейших времен и едва ли не до классического периода понтифексы сохраняли монополию на научную разработку права. В лице этой коллегии, подчеркивает профессор, древнее римское право имеет строгого воспитателя.

Кельтских вещателей права – друидов – В. В. Сокольский считает единственными представителями порядка в Древней Галии. Только благодаря их авторитету удалось переводить возникавшие в этой дикой стране распри на правовую основу. В этих целях друиды ежегодно проводили в стране судебные заседания, на которые стекался народ в поисках правды и справедливости со всех концов Галии. Возвещаемое друидами право действовало на людей не авторитетом власти, а исключительно властью авторитета, силою религиозных и нравственных санкций. «Постановлениям друидов, – отмечал В. В. Сокольский, – все беспрекословно подчинялись, ибо за слушание друиды грозили лишением права участвовать в жертвоприношениях, что влекло для провинившегося самые губительные последствия: исключением из религиозного общения сопряжено было и исключение из общения права. На подпавших подобной "каре" все смотрели, как на нечестивцев и беззаконников, от них убегали, как от заразы, им повсеместно отказывали в правосудии»²¹⁹. Ученым придается особое значение вещанию права

²¹⁷ См.: Сокольский В. В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев. С. 634.

²¹⁸ См.: Там же. С. 637.

²¹⁹ Там же. С. 640–641.

у древних скандинавов, где оно не имело религиозного значения. Выступавшие в этой роли «лагманы» устраивали один раз в году всенародные вещания законов. Они излагали на этих народных сходках действующее право, а также предлагали для обсуждения и утверждения выработанные ими законопроекты. Вещание продолжалось обычно несколько дней. Излагаемые законы заучивались собравшимися наизусть. В целях лучшего запоминания они составлялись по правилам древнего стихотворства... «В них нелегко выкинуть, – подчеркивал В. В. Сокольский, – ни одного слова, не заметив тотчас ошибки или пропуска; тем вернее они заучивались потому, что их важность, полезность и постоянное применение в гражданском быту делали необходимым и легким сохранить их в свежей памяти»²²⁰.

В лекции приводится и много других убедительных положений в обоснование того, что «сознательное творчество в праве началось в самые ранние времена и вызвано было внутренней необходимостью»²²¹.

В 1876 г. в Ярославле вышел труд В. В. Сокольского «Пособие при изучении внешней истории римского права», а в 1881 г. в Петербурге опубликована его работа «К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев». В 1882 г. В. В. Сокольский выступил в «Журнале Министерства народного просвещения» со статьей «О влиянии кельтского и германского права на систему кар и покаяний Западной церкви». В том же журнале вышло еще несколько его работ по всеобщей истории права («Очерк истории римского права в ранний период средних веков» и др.), но они относятся уже не к ярославскому периоду научной деятельности профессора²²². Для В. В. Сокольского является характерным частичный отход от идеализма и приближение к материалистическому пониманию истории. «Большим достижением в творчестве В. В. Сокольского, – подчеркивается И. А. Емельяновой, – было стремление воссоздать не только ис-

²²⁰ Сокольский В. В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев. С. 656.

²²¹ Там же. С. 658.

²²² См.: Егоров С. А. Историко-правовые изыскания В. Сокольского // Законность. 2006. № 11. С. 60–62.

торию юридических отношений, но и экономические условия, порождающие эти отношения»²²³.

Весьма научно значим выпущенный в 1907 г. в Ярославле профессором **Владимиром Георгиевичем Щегловым** (в части первой данной книги мы уже касались его биографии как директора лицея в 1910–1917 гг.) курс лекций под названием «Всеобщая история права. Введение. Выпуск первый». Назначение этой науки автор видит в изучении юридических и политических учреждений во всемирном их строе и развитии. Связывая зарождение этой науки с именем основателя исторической школы права Ф. Г. Савиньи, положившим «некоторые основания для изучения права как всемирно-исторического явления», В. Г. Щеглов вместе с тем доказывает, как и его предшественник В. В. Сокольский, неприемлемость требования Ф. Г. Савиньи изучать право только с точки зрения его национального характера, отдавая при этом предпочтение народам – «виртуозам права» (германцам и римлянам). Праву на первоначальных стадиях его развития, утверждает автор, присуща всеобщность, а не национальный характер, как считает Ф. Г. Савиньи.

Ярославский историк права придерживается той точки зрения, что право возникло в догосударственном состоянии общества. «Сначала все народы живут просто, – пишет В. Г. Щеглов, – у всех одинаковые потребности. Все они живут в одинаковых условиях и имеют одинаковые формы политического и юридического быта... В такие времена нет еще отдельного народа. Народ является только на исторической ступени развития, а право начинает развиваться с самого начала появления человечества. Если таков исторический факт, то очевидно, основной пункт воззрения Ф. Г. Савиньи не выдерживает критики. В первобытный период общества создается одно обычное право, которое не имеет национального характера. Право первобытного общества всегда представляется сходным во всех частях и учреждениях. Отсюда можно видеть, насколько неправоверна точка зрения Савиньи на первоначальную жизнь народа. Отсюда также видно, что первоначальное право вовсе не имело особенностей национального права...»²²⁴. Как национальное,

²²³ Емельянова И. А. Всеобщая история права в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Ч. 1. Казань, 1981. С. 97.

²²⁴ Щеглов В. Г. Всеобщая история права. Ярославль, 1907. Вып. 1. С. 3.

оно стало, считает ученый, формироваться на более позднем этапе развития человечества. Однако в новое время, в связи с возросшим общением народов, происходит их взаимное правообогащение, и право, в значительной степени утрачивая свой национальный характер, становится достоянием всего человечества. Нет народов, утверждает В. Г. Щеглов, не интересных в правовом отношении: «Поэтому нельзя ограничивать изучение права только известными народами "виртуозами права", а нужно его изучать по возможности у всех народов древнего и нового мира, каждый народ вносит что-нибудь в общечеловеческое развитие права. Нужно изучать право всякого народа. Такое всестороннее изучение права внесет в историю права все особенности, выражающиеся в праве всякого народа. Только при таких широких условиях можно избежать ошибок, которые получаются при изучении права в узких рамках какого-нибудь одного народа, всегда оригинального, но вместе с тем и одностороннего. Взгляд Ф. Г. Савиньи в этом отношении нельзя не признать опасным "для правильного исторического изучения права"»²²⁵.

Отдавая должное Ш. Л. Монтескье, подготовившему своим знаменитым трудом «О духе законов» возможность изучения права в его всемирно-историческом развитии, В. Г. Щеглов выражает полнейшее несогласие с утверждением великого мыслителя о прямой зависимости политических достоинств народов, а соответственно их политических и правовых институтов от климатических условий проживания.

В своем курсе лекций В. Г. Щеглов уделяет внимание и другим методологическим вопросам излагаемой им науки. Он считает совершенно невыносимым ее изучение без широкого использования сравнительно-исторического метода. «Этот метод, – утверждает он, – необходим всегда, когда рассматривается история какого-нибудь института или учреждения, тем более, когда изучаются общественные учреждения многих или всех стран на земном шаре»²²⁶. В. Г. Щеглов определяет всеобщую историю права как сравнительную историю права.

Так же, как и М. Н. Капустин, В. Г. Щеглов исходит из того, что в первобытном обществе, хотя и в примитивном виде,

²²⁵ Щеглов В. Г. Всеобщая история права. С. 4.

²²⁶ Там же. С. 50.

существовали все основные институты права. В курсе лекций дается их краткая характеристика. В. Г. Щегловым убедительно утверждается, что уже в первоначальных обществах не заключались браки между близкими родственниками. «Обычно думают, – пишет он, – что запрещение браков в известных степенях родства произошло только в новое время под влиянием христианства. На самом деле брачные запрещения были известны еще в первобытные времена. Вот вам правовой запрет. Наблюдения над жизнью дикарей показывают, что они уже в это время заметили вред от браков между родственниками. Отсюда возникновение обычая брать жен из других племен»²²⁷. Исследования в области всеобщей истории права получили дальнейшее развитие в труде приват-доцента лица *С. П. Покровского* «Всеобщая история права и ее значение в системе юридического образования», вышедшем в Ярославле в 1914 г.

Таким образом, есть все основания признать выдающееся значение вклада, внесенного учеными лица, в историко-правовую науку.

²²⁷ Щеглов В. Г. Всеобщая история права. С. 93–94.

Глава 8. Школы государственного, международного, церковного права. Изучение обычного права

Государственное право

Ярославские ученые-юристы оставили заметный след в разработке государственного права, несовершенство которого резко критиковал в свое время К. Д. Ушинский.

С именем профессора Демидовского юридического лица **Николая Константиновича Нелидова** (1832–1888) связано утверждение нового научного подхода к государствоведению. Это был выпускник Казанского университета (1857 г.), оставленный там же для подготовки к профессорскому званию. После защиты магистерской диссертации (1868 г.) два года находился в зарубежной научной командировке, работал под руководством выдающегося германского юриста Р. Иеринга. С 1870 г. исполняющий должность экстраординарного профессора, с 1875 г. ординарный профессор по кафедре государственного права Демидовского юридического лица. В 1874 г. защитил докторскую диссертацию. С 1875 г. ординарный профессор государственного права Казанского университета.

В его актовой речи «Наука о государстве как предмет высшего специального образования» были подробно рассмотрены задачи и научное содержание нового государствоведения²²⁸. Высказывая критическое отношение к прежним концепциям государства, Н. К. Нелидов настаивает на освобождении науки о государстве «из плена» правовых понятий. Из-за рассмотрения государства с юридической или философской точки зрения наука о нем, считает ученый, целиком связывалась с правом, вследствие чего отсутствовало внимание к реальным основам государственной жизни, кроющимся в самом обществе²²⁹.

Придавая субстанциональное значение так называемому «государственному началу», он полагает необходимым сделать

²²⁸ См.: Емельянова И. А. Н. К. Нелидов и его «аналитическая юриспруденция» // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 132.

²²⁹ См.: Там же.

государство предметом специального изучения, поставив науку о нем в первенствующее положение по отношению к правовым наукам. При этом он исходит из того, что все формы проявления права, в том числе и обычай, есть деятельность государственного начала, органом которой могут выступать и законодатель, и представитель науки, и сам народ. «Отсюда ясно, – заключает Н. К. Нелидов, – что наука права, в тесном смысле слова, юриспруденция есть не что иное, как часть науки о государстве, как в свою очередь эта последняя есть только одна из ветвей науки об обществе»²³⁰. Являясь приверженцем социологической юриспруденции, науку о государстве ученый ставит в подчиненное положение по отношению к социологии. Но «государственное начало» при этом не теряет своего субстанционального значения, оно выступает в его концепции как извечная категория, существующая в любом человеческом сообществе – семье, племени, общине²³¹.

Разумеется, не абсолютизирование «государственного начала», что методологически весьма уязвимо, составляет научную заслугу Н. К. Нелидова. Важно его становление на путь социологической юриспруденции, разрыв с позитивистской методологией, стремление рассматривать явления экономического и социального характера как основания политического и юридического быта. «... Основую как политического, так и юридического быта, – утверждал он в своей актовой речи, – служат разные общественные элементы и явления, между которыми видное место занимают явления экономические»²³². В утверждении буржуазного социологического государствоведения Н. К. Нелидову принадлежит такое же видное место в истории науки, как С. А. Муромцеву – в русской социологии права²³³.

Для Н. К. Нелидова характерно обращение к методологии и даже терминологии естественных наук. Государство у него вы-

²³⁰ Нелидов Н. К. Наука о государстве как предмет высшего специального образования. Ярославль, 1872. С. 39.

²³¹ См.: Емельянова И. А. Н. К. Нелидов – государствовед Казанского университета и Ярославского юридического лицея // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. на междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 50.

²³² Нелидов Н. К. Указ. соч. С. 39.

²³³ См.: Емельянова И. А. Н. К. Нелидов и его «аналитическая юриспруденция». С. 130.

ступает как «химик в громадной лаборатории общества», творящий нормы и положения, составляющие право в объективном смысле. Свой метод исследования он определяет как «аналитическую юриспруденцию». Использование такого метода, по его мнению, дает возможность проведения строгого анализа, разложение государства на самые крупные составные части с последующим выделением из них самых простых элементов или понятий, уже неразлагаемых далее, к каковым принадлежит общество, территория, им занимаемая, и «государственное начало»²³⁴. «Все это, – пишет И. А. Емельянова, – отвечало методу юридического конструирования исторической действительности как специфическому признаку научного правоведения, буржуазного юридического мировоззрения. Одним из главных выразителей его и стал Н. К. Нелидов со своей "аналитической юриспруденцией"»²³⁵.

Труд Н. К. Нелидова «Юридические и политические основания государственной службы» содержит ценные сведения по истории юридического образования в России в XVIII и первой половине XIX в. Автор так же, как М. Ф. Владимирский-Буданов, осуждает утилитаризм в деле юридического образования, подчинение обучения сугубо практическим целям. Школа права не должна, по его мнению, в отдельности образовывать судей, адвокатов или администраторов. «Без сомнения, – высказывает Н. К. Нелидов надежду, – и для нашей страны настанет время, когда желающие получить высшее образование при выборе специальности будут руководствоваться своими собственными склонностями, влекущими их к изучению той или другой области знания, а не побочными соображениями о выгодах будущей карьеры»²³⁶. Н. К. Нелидовым проводится мысль о необходимости основательной научной подготовки государственных служащих. «Органы власти и управления, – утверждает он, – тогда только могут рассчитывать на плодотворные

²³⁴ См.: Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874. С. 50–51.

²³⁵ Емельянова И. А. Н. К. Нелидов и его «аналитическая юриспруденция». С. 135.

²³⁶ Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. С. 136. К сожалению, в наше время выбор специальности определяется не личными склонностями, а главным образом престижностью получаемой профессии.

результаты своей деятельности, когда им будут известны законы, управляющие явлениями государственной жизни. Наука, считавшая своей задачей беспристрастное исследование этих явлений, наука трезвая и чуждая увлечений, есть единственный руководитель государственных людей и администраторов»²³⁷.

В плане теории государственного права выполнено магистерское сочинение доцента лицея **Николая Николаевича Ворошилова** (1839–1873) «Критический обзор учения о разделении властей». Труд этот издан в Ярославле в 1871 г. (защищен в качестве магистерской диссертации в 1872 г. в Московском университете). Ученый родился 25 декабря 1839 г. в Твери в купеческой семье. После окончания юридического факультета Московского университета в 1862 г. оставлен там же для подготовки к профессорскому званию. С 1870 г. приват-доцент по кафедре политэкономии и статистики, с 1872 г. исправляющий должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории Демидовского юридического лицея.

Идея разделения властей прослеживается автором на протяжении всей обозримой человеческой истории начиная со времен глубокой древности. Н. Н. Ворошилов считает несправедливым всю заслугу создания учения приписывать Ш. Л. Монтескье. «... Нам известно, – пишет он, – что писатели древние и средневековые, и нового времени высказывали мысль о разделении властей не вскользь только, а и с некоторой подробностью»²³⁸. Вопросу о разделении функций власти, отмечает Н. Н. Ворошилов, придавал большое значение Аристотель, видевший во всяком нормальном государстве наличие трех органов власти: общего собрания, обсуждавшего общественные дела, сословия правителей и сословия судей. Не чужд был идеи отделения судебной власти от управления даже и Ж. Боден. Правда, последний считал целесообразным такое разграничение в видах королевского благополучия. Более того, и Ж. Ж. Руссо, вопреки своей концепции неделимого народного суверенитета, делает определенную уступку в пользу теории разделения властей, полагая необходимым при обострении коллизий между общей и частной волями создание особого юриди-

²³⁷ Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. С. 137.

²³⁸ Ворошилов Н. Н. Критический разбор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. С. 6.

ческого тела – трибуната, органа, стоящего над верховной волей народа, выполняющего роль хранителя и защитника законов и законодательной власти.

Что же касается заслуги Ш. Л. Монтескье, то, по мнению Н. Н. Ворошилова, «никогда и никем до него разделение властей ... не было выставлено как начало, столь необходимое для сохранения и развития свободы, никогда и никем до такой наглядности не был связан вопрос о свободе с взаимным отношением властей, как это сделал Монтескье»²³⁹. Аристотель при всей широте своего ума не мог в силу условий его времени возвыситься до идеи индивидуальной свободы, «человек им понимался как орудие государства, без высшего независимого от государства стремления, в котором он был бы абсолютная цель в себе»²⁴⁰.

В результате проведенного критического исследования у Н. Н. Ворошилова складывается своя, отличная от общепринятой, точка зрения, согласно которой следует вести речь не о разделении властей, а о разделении функций государственной власти.

В прощальном слове о рано ушедшем из жизни, подававшем большие надежды ученом (Н. Н. Ворошилов умер 20 октября 1873 г.) Н. К. Нелидов, характеризуя его труд, говорил: «Напечатанное сочинение Ворошилова во всяком случае ценный вклад в нашу очень небогатую политическую литературу. Оно дает желающему все средства ознакомиться с историей и современным положением одного из важнейших в теории конституционного права вопросов. Автор тщательно изложил и разобрал мнения писателей французских, немецких, английских по поводу рассматриваемого учения. С совершенной ответственностью и полным научным беспристрастием он относится к защитникам и противникам теории разделения властей в ее разнообразных проявлениях. В заключение подобного изложения литературы избранного предмета высказывается мысль весьма верная, могущая подать повод ко многим дальнейшим выводам, что разделение властей (термин далеко не точный, который было бы приличнее заменить выражением "разграниче-

²³⁹ Ворошилов Н. Н. Критический разбор учения о разделении властей. С. 7.

²⁴⁰ Там же. С. 10.

ние властей") должно быть понимаемо только как разграничение отдельных функций государственной власти, в своем главном источнике всегда единой и неразделимой»²⁴¹. Утверждаемая точка зрения может вызвать возражение, поскольку корни судебной власти не в государстве, а в обществе (суд присяжных сугубо общественный институт), но она, разумеется, имеет право на существование.

С Демидовским юридическим лицеем связал свою судьбу выдающийся русский юрист **Александр Евгеньевич Назимов** (1851–1902). На научную стезю он вышел сравнительно поздно. После окончания в 1874 г. юридического факультета Киевского университета имени Св. Владимира со степенью кандидата А. Е. Назимов в течение 5 лет занимался адвокатской деятельностью, проявил себя как блестящий судебный оратор. Ему неоднократно приходилось выступать по делам о политических преступлениях, рассматриваемых Киевским военно-окружным судом. В 1881 г. 30-летний магистрант А. Е. Назимов приехал в Ярославль с целью получить приват-доцентуру в Демидовском юридическом лицее. Прочитав перед советом этого учебного заведения две пробных лекции и защитив диссертацию *pro venia legendi* по теме «Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста», он приступил к преподаванию в лицее государственного права.

После защиты в 1886 г. магистерской диссертации продолжал преподавание в звании доцента, а затем – исправляющего должность экстраординарного профессора. В 1891 г. А. Е. Назимов перешел в Новороссийский университет на кафедру полицейского права, где более 10 лет был деканом юридического факультета.

В Ярославле в 1886 г. был опубликован выдающийся по своему значению труд А. Е. Назимова «Реакция в Пруссии». Этим сочинением автор сразу заявил о себе как о крупном ученом-государствоведе. Профессора А. В. Романович-Славатинский и В. М. Нечаев в своих отзывах оценили книгу как выдающийся вклад в русскую политико-юридическую литературу. В несомненную заслугу автору А. Д. Градовским поставлено само избрание труднодоступной для русского ученого темы ис-

²⁴¹ Нелидов Н. К. Слово о Н. Н. Ворошилове // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 5. С. 438–439.

следования. Экземпляры книги А. Е. Назимова его научным наставником по Киевскому университету А. В. Романовичем-Славатиным были посланы знаменитым немецким государствоведом Л. Штейну и Р. Гнейсту для ознакомления. Оба отозвались благодарственными письмами, в которых дали высокую оценку сочинению русского коллеги. Труд А. Е. Назимова значителен как по глубине, самостоятельности мысли, так и по мастерству исполнения и архитектонике.

Целью своего исследования автор поставил выявить на частном примере Пруссии причинные связи и закономерности поступательных и реакционных движений современных западноевропейских обществ. Ученый, глубоко исследовав природу происходивших в Пруссии социальных и политических процессов, проведя соответствующие сопоставления с аналогичными процессами в других странах, приходит к вполне определенному выводу, что реакция, хотя и вызывается подчас случайными комбинациями политических сил, основой своей имеет причины более коренные и постоянные, а именно наличие остаточных явлений старых политических порядков в новых. К таким остаточным явлениям А. Е. Назимов относит сохранение общественного неравенства, политической несвободы и бюрократической централизации.

Для А. Е. Назимова является совершенно очевидным, что пришедшая к власти буржуазия, преследует сугубо эгоистические интересы своего класса, далекие от интересов народа, который она вовлекала в борьбу с феодально-абсолютистскими порядками под знаменами свободы, равенства и братства. «Идеей гражданского равенства, – пишет А. Е. Назимов, – буржуазия пользуется для уничтожения привилегий дворянства и прочих сословий; но когда ей приходится самой осуществлять идею равенства, она немедленно меняет фронт, вводит привилегии в пользу состоятельных, допускает только фешенебельных в гостиную, оказывает бедным не равное с богатыми уважение»²⁴².

Развивая и обосновывая мысль об измене буржуазии знамени революции, естественно-правовой и либеральной доктринам, автор вполне правомерно ставит исторический вопрос: «В

²⁴² Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.). Ярославль, 1886. С. 156–157.

самом деле, если воля человека должна считаться единственным правомерным началом общественного порядка, то, спрашивается, почему таким началом должна считаться воля собственников и образованных? Разве неимущий класс в меньшей мере обладает человеческим достоинством?»²⁴³

На основе глубокого уяснения закономерностей, происходивших в западно-европейских обществах процессов ученый прогнозирует новые революционные потрясения старого мира. «Революция, – утверждает он, – еще не высказала своего последнего слова: борьба, завязанная между старым порядком и новым, еще не окончена»²⁴⁴.

Делает честь автору стремление глубоко разобраться в сложной игре политических сил в период реакции 1848–1858 гг., в диалектике политической борьбы в Пруссии. Он четко акцентирует внимание на негативных уроках истории. Очень рельефно и убедительно показаны им уловки бюрократической администрации по сведению на нет демократических положений Прусской Конституции 1850 г., декларировавшей довольно широкий круг политических прав и свобод.

Так, по мнению автора, убийственный удар по свободе печати наносится предоставлением полиции права задерживать на время (до судебного решения) то или иное издание: «Легко видеть, – отмечает А. Е. Назимов, – что подобная практика давала администрации возможность по своему произволу убить любое издание простым возведением обвинения на него, и совершенно независимо от того, последует ли со стороны суда оправдательный или обвинительный приговор, так как номер газеты, по прошествии весьма короткого времени, иногда нескольких часов, терял всякую цену»²⁴⁵. А. Е. Назимов убедительно показывает, как велики возможности правящей бюрократии по фальсификации народного представительства путем тенденциозного изменения избирательных округов, когда округа, известные либеральным направлением, делятся на части и присоединяются к соседним благонадежным округам, тем самым обеспечивается получение депутатских мандатов представителями консервативных сил. К манипуляциям подобного рода относятся и пере-

²⁴³ Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.). С. 159.

²⁴⁴ Там же. С. 230.

²⁴⁵ Там же.

несение места голосования в мало доступные районы в целях срыва выборов.

Ученый констатирует «порабощенность суда администрации». А. Е. Назимов в своем выступлении на магистерском диспуте высказывает резкое осуждение политики, игнорирующей общечеловеческие нравственные нормы и правовые постулаты. «Правило, что цель оправдывает средства, – заявляет он, – давно осужденное нравственностью, все еще продолжает считаться непреложною аксиомой в политике. Но и тут оно оказывается пагубным. Мы так привыкли оправдывать в политических отношениях дурные средства благими целями, что забываем, что у всемирной истории своя логика, более последовательная и сильная, нежели наша, по которой зло не может быть изгнано злом, а беззаконие, учинение хотя бы для самых возвышенных целей, остается беззаконием, и всегда оказывает на общественную жизнь свое тлетворное действие»²⁴⁶.

В работе дается прекрасный критический разбор политической теории Ф. Штала, являвшейся интеллектуальным выражением феодальной реакции в Пруссии. Он расценивает как консерватизм в самом полном и последовательном его виде точку зрения Ф. Штала, согласно которой самая дурная действительность не может быть устранена даже во имя самого возвышенного идеала и «нечестие революции» заключается в противопоставлении идеального строя позитивному праву²⁴⁷.

Под ту же оценку подводится им утверждение Ф. Штала, что «действующий порядок всегда и при всяких условиях согласуется с требованиями этики и внутренней природы отношений»²⁴⁸.

Критикуя воззрения того же немецкого юриста, не желавшего признавать никакого права, кроме позитивного, А. Е. Назимов выступает в защиту естественного права, послужившего, по его мнению, «теоретической подкладкой» революции 1789 г.²⁴⁹ Русский государствовед выражает «критическое недоумение» по поводу позиции немецкого конституционалиста

²⁴⁶ Цит. по: Романович-Славатинский А. В. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.): Исследование А. Назимова. Ярославль, 1886. (Рец. СПб., 1887). Оттиск из журнала Министерства народного просвещения. С. 152.

²⁴⁷ См.: Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.). С. 175–186.

²⁴⁸ См.: Там же. С. 178.

²⁴⁹ См.: Там же. С. 144.

Р. Гнейста, отрицавшего правомерность французских конституций, несмотря на торжественное провозглашение в них господства законности и ненарушимости прав гражданина, и в то же время признававшего правомерность английского государственного устройства при отсутствии в нем важных установлений либерального конституционализма²⁵⁰.

А. Е. Назимов, несмотря на принадлежность к позитивному направлению юридической мысли, основное назначение государства определяет вполне в духе естественно-правовой доктрины. Критикуя немецких юристов за идеализацию государственности как таковой, за видение в государстве «нравственного царства» (Ф. Шталь), органа обеспечения внутренней справедливости (Р. Гнейст), он ограничивает роль государства весьма узким кругом задач. «Государство, – утверждает он, – не вправе ставить себе иных целей, кроме охранения личной свободы граждан, ибо только ради этого люди решили поступиться своей первоначальной свободой»²⁵¹. Отдавая должное оригинальности и возвышенности доктрины Ж. Ж. Руссо, А. Е. Назимов критически относится к провозглашенной великим мыслителем идее самодержавия народа: «Индивидуальная свобода не терпит над собою безграничной власти народа, точно так же, как народное самодержавие не находит признаков границ, налагаемых на него свободой личности, при всяком другом образе правления власть имеет юридические и фактические пределы, тогда как воля самодержавного народа ничем не может быть ограничена. Вследствие этого теорию, которую Руссо выдает за систему неотчуждаемой и неограниченной свободы, правильнее было бы назвать системой безграничного угнетения»²⁵².

А. Е. Назимов в своем исследовании проявляет интерес к проблеме парламентаризма. Силу парламентской системы он усматривает в фактическом подчинении главы исполнительной власти народному представительству. «... Фактическое подчинение короля воле народного представительства, – подчеркивает он, – достигается главным образом с помощью средств, составляющих основу парламентаризма: с помощью политиче-

²⁵⁰ См.: Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.). С. 15.

²⁵¹ Там же. С. 147.

²⁵² Там же. С. 154–155.

ской ответственности министров перед палатами и права палат отказывать в бюджете»²⁵³.

Анализируя внутренние процессы государственной жизни, А. Е. Назимов обращает внимание на опасность для любой политической системы абсолютизации какого-то из ее принципов, беззаветного проведения односторонних начал в государственной жизни. «... Политический радикализм, поставленный на службу известной системы, – указывает он, – хотя и поддерживает ее наружно, но, на самом деле, роковым образом вызывает среди общества диаметрально противоположное течение. Намеки и указания на вышеизложенные положения встречаются уже у Аристотеля, который видит устойчивость форм государственного устройства не в беззаветном проведении принципа данной формы правления, как это могло казаться на первый взгляд, а в соблюдении известной гармонии, известного равновесия среди стихий народной жизни и который замечает при этом, что «многие с виду демократические учреждения именно и разрушают демократию, а многие учреждения олигархические уничтожают олигархию»²⁵⁴. Не мешало бы нам в свое время, да и сейчас не мешает, задуматься над предостережением такого рода.

Кроме «Реакции в Пруссии» перу А. Е. Назимова принадлежат сочинения: «Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста», «Общественные идеалы А. С. Пушкина», а также ряд критико-библиографических статей в «Юридической библиографии» (издание Демидовского юридического лица) и несколько судебно-практических заметок в «Судебном Вестнике» и другие. Работа «Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста» примечательна тем, что в ней автором основательной критике подвергаются опасные тенденции бюрократического управления. Этот правящий класс, утверждает ученый, в силу своей природы не способен к умеренному пользованию властью, для него свойственно постоянное стремление к расширению круга своей деятельности, к вторжению в сферы, изъяты из его компетенции. Характеризуя прусскую бюрократию, А. Е. Назимов отмечает, что в ее деятельности все живое затмевает формализм и бумаготворчество, что разрастание бюрократических структур делает аппарат управ-

²⁵³ См.: Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.). С. 163.

²⁵⁴ Там же. С. 163.

ления в Пруссии трудно приводимым в действие. «Административный механизм, – пишет А. Е. Назимов, – грозит сделаться столь тяжеловесным, что его приходится оставить действовать как бы в пустом пространстве и сосредоточить действительное управление в немногих пунктах»²⁵⁵.

Бюрократия по своей сути враждебна конституционному порядку. Никакое разделение властей, никакая административная юстиция, утверждает ученый, не способны обеспечить торжество законности, политической свободы и государственной идеи при всеобъемлющем господстве бюрократии, склонной соображения собственного удобства ставить выше государственных и общественных интересов.

Исследуя природу парламентаризма, А. Е. Назимов обращает внимание на ряд негативных ее проявлений, прежде всего на великий вред, причиняемый общегосударственному делу партийными распрями, затмевающими политический разум. Особенно этим страдает парламентаризм континентальных государств. Континентальные партии, разделенные между собой «пропастью непримиримых принципов», подчеркивается им, «вращаясь по большей части в сфере отвлеченных начал», как бы тянут воз в разные стороны. Неуклонное преследование узкопартийных целей ведет к пренебрежению государственными и общественными интересами. Эти партии, забывая о своей служебной роли, утверждают в мысли о политическом господстве во имя самого господства. Большая сдержанность в политической борьбе, по мнению А. Е. Назимова, присуща английскому парламентаризму. Между английскими партиями нет пропасти разногласий. Они твердо стоят на почве практической политики, в своих политических спорах никогда не утрачивают чувства критической черты и всегда находят множество точек соприкосновения²⁵⁶. В числе факторов, обеспечивающих устойчивость английских государственных порядков, русским юристом важное место отводится стабилизирующей силе английского консерватизма. К достоинствам английской государственности ученым отнесено органическое соединение в этой

²⁵⁵ Назимов А. Е. Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1881. Кн. 27. С. 29.

²⁵⁶ См.: Назимов А. Е. Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста. С. 41.

политической системе государственных и общественных сил. Возможно, А. Е. Назимов несколько идеализировал английскую государственность, но он, несомненно, был прав в том, что без высокого самосознания общества и личности, без органического слияния государственных и общественных начал невозможно достижение ни политического, ни общественного прогресса. Поэтому противоборство политических партий в силу партийных амбиций серьезно тормозит созидательный процесс.

Характеризуя наследие А. Е. Назимова, профессор И. А. Линниченко отмечал: «На этом небольшом наследии лежит печать крупного таланта – стройная логичность и глубина мысли, сжатость выражения, изящная прелесть стиля, тонкий юмор – все эти качества делают немногочисленные труды произведениями выдающимися»²⁵⁷. Не случайно еще при жизни А. Е. Назимов получил признание как выдающийся русский юрист²⁵⁸.

В рецензии на книгу Джемса Брайса «Американская республика», опубликованной в «Юридической библиографии», издававшейся Демидовским юридическим лицеем, А. Е. Назимов изложил свой взгляд на институт президентства. Рассматривая правовой статус президента США, ярославский профессор проводит вполне определенную мысль о том, что наделение этого высшего должностного лица широкими властными полномочиями не представляет опасности для демократии, а в каком-то отношении президент служит и ее гарантом, преодолевая межпартийные противоречия²⁵⁹.

Профессор Демидовского юридического лица, доктор финансового права *Эдуард Николаевич Берендтс* (о нем говорилось выше как о директоре лицея) не оставил крупных трудов по государствоведению, однако весьма примечательна в этом отношении его вступительная лекция по государственному праву, прочитанная в лицее, «Индивидуализм и государство».

²⁵⁷ Профессор Александр Евгеньевич Назимов: Библиография и воспоминания современников. С. 23.

²⁵⁸ См.: Нечаев В. Н. Энциклопедический словарь А. Брокгауза – Ф. Эфрона. Т. 20. С. 462.

²⁵⁹ См.: Щербакова Н. В. Институт президентской власти в трактовке А. Е. Назимова // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: Юриспруденция: Тез. юбилейной конференции. Ярославль, 1995. С. 7–11.

Для Э. Н. Берендтса-государствоведа характерно отношение к государству как к вечному институту, как к реальной коллективной личности. Он критически относится к индивидуалистическим учениям, принижающим созидательную роль государства. Э. Н. Берендтс целиком и полностью на стороне воззрений на государство как на орган общественной солидарности, в задачи которого входит создание «благополучия всех и каждого, мерами не только охранительными, но и положительными».

В связи с возрастанием у ряда современных российских теоретиков права нигилистических намерений отказаться от изучения теории государства в пользу политологов, исключить ее полностью из системы юридических наук²⁶⁰, уместно привести авторитетное суждение на сей счет видного русского юриста. «Главным объектом занятий юриста, – писал Э. Н. Берендтс, – всегда было и будет государство, его функции, его право по отношению к составным его частям, и факторы его развития, его обязанности и уяснение отношений к нему индивида»²⁶¹.

В Ярославле вышли в свет крупные государствоведческие работы уже известного нам как теоретика права *Н. И. Палиенко*: «Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение» (1904) и «Основные законы и форма правления в России» (1910). Первый из трудов является магистерским сочинением ученого. Он представляет собою своеобразную энциклопедию суверенитета. В нем прослеживается развитие идеи суверенитета со времен античной древности во всем многообразии ее проявления в различные эпохи, в различных типах и формах государства. Н. И. Палиенко проанализированы все основные теории суверенитета, выдвигаемые крупнейшими мыслителями прошлого и современности. Суверенитет определяется ученым как государственно-правовое понятие, в основе которого лежит независимость как высшая территориальная власть государства, безусловное ее верховенство. Суверенитет имеет, по утверждению Н. И. Палиенко, непреходящее значение. Пока на земле будут существовать общественные союзы, власть и право, будет существовать суверенитет. По мысли

²⁶⁰ См.: Общая теория права: Курс лекций / Под общей ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 5.

²⁶¹ Берендтс Э. Н. Индивидуализм и государство: Вступительная лекция по государственному праву // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1891. Кн. 54. С. 4.

ученого, суверенитет, будучи атрибутом государства, отнюдь не препятствует, а содействует развитию индивидуальной и политической свободы, самоуправления, а в международно-правовом плане – сближению государства.

Н. И. Палиенко не признает неограниченного суверенитета, пределом последнего он считает индивидуальные права личности.

Суверенитет народа им рассматривается в качестве первичного, по отношению к которому суверенитет монарха является производным, делегированным, представительным, т. е. вторичным. Н. И. Палиенко отстаивает суверенитет как необходимый и отличительный признак государства, как единственно пригодный критерий для отличия государства от многообразных форм подчиненных ему территориальных союзов властвования.

Однако в одной из более поздних своих работ «Учение о существе права и правовой связанности государства» он пересматривает эту точку зрения и склоняется к мысли, что отдельные члены союза могут иметь статус государств, не обладая суверенитетом как таковым. Но последнее обстоятельство не ставит их в полностью подчиненное положение от центральных союзных органов.

«Хотя правовой суверенитет союзной власти, – пишет Н. И. Палиенко, – прежде всего выражается в преимущественной силе законов союзного государства перед законами отдельных государств и в праве изменения конституции союзным законодательством ..., но такие постановления не должны быть истолковываемы в смысле предоставления конституцией союзной власти права уничтожения власти членов союза. Власть союзная может предпринимать лишь те изменения союзной конституции и расширения своих полномочий, которые согласны с самим основанием союзного строя, с целями, указанными в договорах и в конституции, среди таких целей поддержание прав союзников и обеспечение их существования является одной из основных целей и для отмены прав отдельных государств, оговоренных конституцией, требуется ... согласие этих государств»²⁶².

Продолжает также представлять значительный научный интерес государствоведческая работа Н. И. Палиенко «Основные законы и форма правления в России», которая является од-

²⁶² Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. С. 315–316.

ной из первых крупных попыток исследования вопроса о существовании государственного строя России после образования и вступления в силу «Основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. Автор полагает, что Россия, получившая народное представительство с законодательными полномочиями, может быть признана конституционным государством, хотя и наименее развитого типа. Он обращает внимание на ярко выраженное преобладание в этой государственности монарха, однако не в смысле абсолютизма, а относительно верховенства среди других органов власти.

Крупным государствоведом является известный нам как директор лицея, теоретик и историк права *В. Г. Щеглов*. Он был доктором государственного права. Широкую известность получил его двухтомный труд «Государственный Совет в России». Первый том труда вышел в Ярославле в 1892 г., второй – в Санкт-Петербурге в 1895 г. Кроме того, в Ярославле в 1903 г. издан его историко-юридический очерк «Государственный Совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901 гг.)». *В. Г. Щеглов* – автор рецензий на государствоведческие труды *А. С. Алексеева* «Русское государственное право», *В. М. Гессена* «Вопросы местного управления», *Н. М. Коркунова* «Русское государственное право» и другие. Каждый из этих отзывов имеет значение солидного научного исследования.

В своих трудах, посвященных Государственному Совету, *В. Г. Щеглов* рассматривает его учреждение как первый шаг к упорядочению всего высшего управления на началах законности. И Государственный Совет, и ему предшествующий Непременный Совет, по мнению автора, были настоящими законодательными учреждениями в русском управлении, однако, не обладавшими правом законодательной инициативы, принадлежащим исключительно государю. *В. Г. Щеглов* акцентирует внимание на идее ограничения власти российского монарха, которая нашла претворение в акте «Образование Государственного Совета» 1810 г., благодаря стараниям *М. М. Сперанского*, стремившегося к тому, «чтобы правление доселе самодержавное поставить и учредить на неперменном законе». Эта идея, по мнению *В. Г. Щеглова*, наиболее ясно выражена в формуле: «вняв мнению Государственного Совета, постановляем и учреждаем». Указание *М. Н. Коркунова* на формальное значение этой формулы он считает неосновательным. Именно как законо-

дательное учреждение начал свое функционирование Государственный Совет, подчеркивает В. Г. Щеглов, однако во вторую половину правления Александра I, в период наибольшего развития могущества А. А. Аракчеева, принцип самодержавия берет верх над началом ограничения. «Фактически Государственный Совет, – пишет автор, – стал в это время только законосовещательным учреждением, которое лишается первоначального значения истинно публичного, законодательного учреждения...»²⁶³ Министры стали подносить всякого рода узаконения на учреждение государю непосредственно, минуя Государственный Совет. В. Г. Щеглов приводит замечание М. М. Сперанского, констатирующее изменение всего порядка, установленного «для обсуждения дел в Совете, который перестал быть местом соображения для законодательства и сделался местом судебным по делам, из Сената входящим». Государственный Совет, отмечает автор, ссылаясь на свидетельство Н. И. Тургенева, который непосредственно участвовал в работе этого учреждения, утратил свое назначение быть средоточием всех дел государственного управления, лишился значения органа, препятствовавшего произволу министров, его департамент законов, перестав заниматься законодательством, оказался обремененными только гражданскими и уголовными делами.

В период правления Николая I, отмечает В. Г. Щеглов, Государственный Совет так и не восстановил своего достоинства, несмотря на усилия М. М. Сперанского. «По "Учреждению" 1842 г., – пишет он, – Государственный Совет не только не сделался законодательным учреждением, каким он являлся по преимуществу по "Образованию" 1810 г., но, как мы видим, вообще законодательное значение "Совета" было ослаблено разными ограничениями и исключениями, а также обременением "Совета" массой всякого рода административных и судебных дел»²⁶⁴. Но, тем не менее, «Совет», по утверждению В. Г. Щеглова, и в столь урезанном виде продолжал служить достижению великой цели – водворять в государстве порядок и осуществлять идею законности. Автор показывает роль этого учреждения в разработке важнейших государственных реформ в период правления Александра II, в том числе крестьянской и судебной,

²⁶³ Щеглов В. Г. Государственный Совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901 гг.). Ярославль, 1903. С. 26.

²⁶⁴ Там же. С. 78–79.

Университетского устава 1863 г. Но и это царствование не принесло Государственному Совету восстановления значения законодательного учреждения, отмечает В. Г. Щеглов, так же как и в последующие царствования. «Учреждение» 1901 г., в соответствии с которым был расширен состав «Совета», увеличена его общая компетенция, не восстановило его положения первого места государственного управления. Проблема взаимодействия Государственного Совета с министерской властью в широком плане рассматривается в монографии С. А. Покровского «Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование» (Ярославль, 1906). Этим ученым также констатируются явные нарушения законодательного статуса высшего учреждения императорской России обычно-правовой по своей сути практикой бюрократического его отстранения от решения важнейших государственных дел²⁶⁵.

Международное право. Церковное право

Представителям ярославской школы принадлежат также весьма многочисленные исследования в области международного права.

Это в первую очередь труды доктора международного права *М. Н. Капустина* «Международное право», «Обозрение предметов международного права», «О праве национальности в международном праве», «Международное право. Конспект лекций». К ярославскому периоду научной деятельности М. Н. Капустина относится только последняя из работ. В ней маститый международник взывает к укреплению дружественных, взаимоуважительных отношений между народами. «Каждый народ, – пишет он, – имеет безусловное право на честь и достоинство и обязан воздерживаться от всяких действий, оскорбительных для другого; дружелюбие и уважение составляют основу добрых нравов, под влиянием которых образуется и крепнет право»²⁶⁶. В работе ученым проводится мысль о необходимости уважительного отношения к военнопленным и о противоправности захватов так называемой военной добычи.

²⁶⁵ См.: Покровский С. П. Министерская власть в России: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906. С. 143.

²⁶⁶ Капустин М. Н. Международное право: Конспект лекций. Ярославль, 1873. С. 33.

«Военная добыча, – утверждает М. Н. Капустин, – лишена всякого юридического основания и тождественна с грабежом, но фактически она существует, особенно при взятии городов, мирные граждане подвергаются наказанию за свой патриотизм, котор^{ый}, напротив, уважения требует»²⁶⁷.

В 1879 г. во Временнике Демидовского юридического лица было опубликовано рассуждение по международному праву профессора **Оттона Оттоновича Эйхельмана** (1854–1943) «Военное занятие неприятельской страны» (защищено в качестве докторской диссертации в Киевском университете в 1880 г.). Он родился 27 апреля 1854 г. в Петербурге в семье прибалтийских немцев. В 1875 г. окончил юридический факультет Дерптского университета со степенью кандидата права. Там же защитил магистерскую диссертацию «О режиме военного плена» (1878 г.). С 1878 г. был приват-доцентом, с 1880 по 1882 гг. – экстраординарным профессором по кафедре государственного и административного права Демидовского юридического лица. Эйхельман одним из первых в лицее начал читать отдельный курс административного права, но известен именно как специалист по международному праву. В 1882 г. он избирается экстраординарным профессором юридического факультета Киевского университета по кафедре истории важнейших иностранных законодательств, в 1884 г. занимает кафедру международного права. В Киевском университете он преподавал около 30 лет, с 1905 по 1909 гг. был деканом юридического факультета, одновременно с 1908 по 1913 гг. являлся директором Киевского коммерческого института, преподавал на Киевских высших женских курсах, в 1898–1906 гг. был гласным Киевской городской думы. После провозглашения независимости Украины в 1918–1919 гг. он был членом совета Министерства торговли и промышленности и Министерства иностранных дел, в 1920–1921 гг. являлся товарищем министра иностранных дел Украинской народной республики. С 1921 г. в иммиграции в Праге, преподавал преимущественно международное право и административное право в ряде вузов. Умер 21 февраля 1943 г. в Праге²⁶⁸.

²⁶⁷ Капустин М. Н. Международное право. С. 60.

²⁶⁸ См.: Денисов В. Н., Савчук К. О. Эйхельман Оттон Оттонович // Антология украинской юридической науки. Т. 8. Киев, 2004. С. 314–316 (на украинском языке).

Вернемся к труду ученого «Военное занятие неприятельской страны». Он представляет первую попытку всестороннего изучения юридического понятия военной оккупации на возможно положительном основании. Автор, высказывая критическое отношение к теории, согласно которой за законных воинов принимаются только регулярные войска, обосновывает правомерность участия мирного населения в борьбе против оккупантов. Он полагает вполне законным в том числе и внезапное нападение граждан на вступившего на территорию их страны неприятеля и логично опровергает противоположную точку зрения. Право национальной защиты не может быть стеснено и урезано.

Автор чужд пацифистских иллюзий и рассматривает войну как реальный факт, необходимость, достаточно доказанную историей. Человечеству в обозримом будущем, считает он, не суждено обойтись без войны, и задача цивилизации состоит в том, чтобы «смягчить последствия этого необходимого зла и согласовать его по возможности с гуманными нравами нашего времени»²⁶⁹. Война, кем бы и с кем бы она не велась, должна носить правовой характер. «Теория, изучая юридические основания войны, – пишет О. О. Эйхельман, – требует от нас исключительно правовой цели и желательно, разумеется, чтобы война со временем приняла такой характер процессуально правового средства»²⁷⁰. Труд О. О. Эйхельмана содержит обстоятельное исследование материалов и протоколов Брюссельской конференции 1871 г. Автор ратует за скорейшее воплощение в жизнь выдвинутой этой конференцией идеи «о создании путем международного соглашения единообразного военно-уголовного кодекса относительно преступлений, совершенных против правил и обычаев войны. Таким образом, это правосудие окончательно было бы изъято от полномочия полководца и поставлено на базис строгого закона»²⁷¹. За этот труд О. О. Эйхельману присуждена степень доктора международного права.

Труд профессора лица *Андрея Николаевича Лодыженского* «О плебисците в международном праве. Исследование» представляет собой первое специальное исследование этой важной проблемы в русской и европейской литературе. В общих сочинениях

²⁶⁹ Эйхельман О. О. Военное занятие неприятельской страны. Ярославль, 1879. С. 18.

²⁷⁰ Там же. С. 120.

²⁷¹ Там же.

по международному праву ей отводилось, как правило, незаслуженно мало места, несмотря на довольно частые случаи проведения плебисцитов в истории народов. Все они А. Н. Лодыженским были изучены и получили полное освещение в его монографии. Из нее мы узнаем о порядке, особенностях и результатах международных плебисцитов, проведенных в Авиньоне в 1791 г., в Савойе в 1798 г., в Бельгии в 1797 г., в Италии в 1866 г., в Савойе и Ницце в 1866 г., в Венеции в 1866 г., в Риме в 1870 г. и на острове Св. Варфоломея в 1877 г.

Большой интерес представляет отдел его труда, посвященный рассмотрению возражений против проведения международных плебисцитов, якобы подрывающих государственный суверенитет, основные начала государственной жизни, несправедливо представляющих равное право как высоко развитой в политическом отношении, так и необразованной части населения отчуждаемой области и др. Из пяти возражений такого рода только одно признается А. Н. Лодыженским заслуживающим уважения. Суть его в игнорировании прав меньшинства подчинением их решению большинства. Оправданием такому положению, по мнению А. Н. Лодыженского, не может служить ссылка на общий закон внутренней жизни государства, согласно которому меньшинство всегда обязано подчиняться решению большинства: «При отчуждении территории раз навсегда и бесповоротно решается вопрос о населении целой области, о его политических правах, о его симпатиях и государственных идеалах. При таких условиях трудно человеку развитому и способному к высокому чувству патриотизма подчиняться противному его убеждению решению только на том основании, что это решение постановлено большинством. И требование абсолютного послушания такому решению было бы актом еще большего деспотизма, чем тот, который заставляет народ менять отечество, не спрашивая вовсе о его согласии...». Права меньшинства при организации плебисцита, считает ученый, должны быть обязательно приняты во внимание: «Очевидно, что при плебисците должно дать меньшинству выход и что, таким образом, к плебисциту необходимо присоединить какую-либо особую меру, способную охранять права меньшинства»²⁷².

²⁷² Лодыженский А. Н. О плебисците в международном праве: Исследование. Ярославль, 1884. С. 247.

Научная деятельность другого крупного международного **Николая Николаевича Голубева** (о его биографии будет сказано в разделе, посвященном трудовому праву) относится к началу XX столетия и практически полностью связана с лицеем. В Москве вышла только первая из его крупных работ «Международные третейские суды XIX в. Очерки теории и практики» (1904). Два других фундаментальных труда Н. Н. Голубева – «Международные конгрессы и конференции» (1905) и «Международные административные комиссии XIX в.» (1908) – изданы в Ярославле. Его труд «Международные конгрессы и конференции» содержит богатейший материал по истории международных съездов и конференций начиная с XI в. И все другие крупные работы этого ученого выполнены в плане историческом. Вместе с тем в них уделяется много внимания теоретическому анализу правовых норм, действующих в международном праве в современный ученому период.

Им подвергается обстоятельному критическому анализу точка зрения ряда юристов, согласно которой международное право – результат волеизъявления суверенного государства, а, следовательно, последнее не связано установившимся международным правом. В таком научном подходе Н. Н. Голубевым усматривается низведение международного права на степень внешнего государственного права данной державы²⁷³. Для Н. Н. Голубева, в отличие от многих других международных ратовавших за переустройство народной жизни на основе умозрительных теорий и проектов, характерен реалистический подход к проблеме совершенствования системы международных отношений, основанный на учете объективно сложившегося, апробированного практикой общения государств, строя международной жизни²⁷⁴. Не умаляя принципа государственного суверенитета, Н. Н. Голубев выражает отрицательное отношение к проявлению духа государственного эгоизма и отстаивает идею утверждения здания международного сотрудничества на сугубо юридических началах, обеспечи-

²⁷³ См.: Щербакова Н. В. Н. Н. Голубев как теоретик международного права // Российский ежегодник международного права. 1994. С. 321–322.

²⁷⁴ См.: Пьянков А. Н. Проблема международных организаций в трудах Н. Н. Голубева // Высшее образование в России: история: проблемы, перспективы: Тез. докл. на междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 65.

вающих торжество высоких правовых идеалов и уважение национального достоинства членов содружества²⁷⁵.

Исходя из того, что международная организация есть организация товарищества, ученый считает неприемлемым для практики принятия ею решений диктата большинства и высказывается за господствующее положение в этой практике принципа консенсуса, воспринятого, как известно, в последующем Лигой Наций. В работе этой первой постоянной международной организации нашли воплощение и другие идеи ярославского международника²⁷⁶.

К числу наиболее творчески активных представителей ярославской юридической школы принадлежит профессор права **Николай Семенович Суворов** (1848–1909). Он окончил Костромскую духовную семинарию (1868 г.) и Петербургский университет (1873 г.) со степенью кандидата права, оставлен там же для подготовки к профессорскому званию. Доктор церковного права. Более двадцати лет продолжалась его научно-педагогическая деятельность в лицее (1877–1884 гг. экстраординарный, 1884–1889 гг. ординарный профессор). В 1899 г. он перешел в Московский университет профессором церковного законоведения. Умер 6 августа 1909 г. По количеству изданных в Ярославле научных трудов этот юрист занимает первое место среди ярославских ученых²⁷⁷.

В Ярославле вышли такие значительные в богословском, историческом и особенно в юридическом отношении труды Н. С. Суворова: «Вступительная лекция по церковному праву» (1877); «Об юридических лицах по римскому праву» (1882); «Римское папство до разделения церкви» (1882); «Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов» (1884); «О происхождении и развитии русского раскола» (1886); «О гражданском браке» (1887); «Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русско-

²⁷⁵ См.: Пьянков А. Н. Проблема международных организаций в трудах Н. Н. Голубева. С. 64.

²⁷⁶ Ходнев А. С. Профессор Демидовского лицея Н. Н. Голубев о плане создания международной организации // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. на международ. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 35.

²⁷⁷ См.: Егоров С. А. Профессор церковного права Н. С. Суворов // Законность. 2005. № 6. С. 58–61.

го права» (1888); «Дела и вера» (1888); «Христианская благотворительность в языческой римской империи» (1889); «Курс церковного права» (1889–1890); «Об юридических лицах по римскому праву» (1892); «К вопросу о западном влиянии на древнерусское право» (1893); «Вопрос о номоканоне Иоанна Постника в новой постановке» (1898); «Курс церковного права» (1898). Им также изданы в Ярославле несколько переводов с иностранных языков с предисловиями к сочинениям.

Церковное право Н. С. Суворовым рассматривается как совокупность норм, устанавливаемых для определения и упорядочения церковных отношений. Он категорически не согласен с точкой зрения, согласно которой церковные нормы приобретают юридический характер лишь в силу утверждения государством и обеспечения государственным принуждением. Н. С. Суворов убедительно обосновывает действительность церковного правопорядка без принудительной поддержки со стороны государства. Хотя церковное право относится к числу наук юридических, а не богословских, Н. С. Суворов, как и другие представители этой науки, не мог обходить вниманием важнейшие богословские проблемы. «Наука церковного права есть наука юридическая, а не богословская, – писал Н. С. Суворов. – Но так как строй церковного организма, в основных его чертах, определяется догматическим вероисповедным учением, составляющим предмет богословия, то указание на догматическое учение церкви необходимо для понимания как целой системы устройства, так и отдельных институтов»²⁷⁸. Как видно из курса лекций Н. С. Суворова, многие религиозные акты, в том числе и таинства, рассматривались профессором одновременно с богословской и юридической точек зрения. Так, им разъясняется, что акт крещения с богословской точки зрения есть «благодатное возрождение человека очищением от его первородного греха. С точки зрения церковного права крещение есть путь, вводящий человека в церковь как юридический порядок и, следовательно, служащий условием приобретения церковной правоспособности»²⁷⁹.

Обращаясь к проблеме правового государства, корни которого Н. С. Суворов усматривал в естественном праве, этот про-

²⁷⁸ Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1898. С. 17.

²⁷⁹ Там же. С. 212.

фессор формирование правовой государственности непременно связывал с созданием церкви авторитетного положения, с предоставлением ей возможности свободно влиять на души людей в плане их нравственного совершенствования. «Государство, как стоящее на служении естественному нравственному закону, – писал он, – не может не дорожить церковью, которая проповедует богооткровенный нравственный закон, действует на душу человека и стремится к его нравственному усовершенствованию, во исполнение божеской воли»²⁸⁰.

Ученый последовательно проводит мысль о том, что государство, проявляя уважительное отношение ко всем церковным организациям, действующим на его территории, обязано окружать особой заботой главенствующую церковь, к которой принадлежит основная часть населения. В вышеупомянутом труде он так высказывается по этому поводу: «Если в государстве находится несколько церквей, то отношение государства к ним равное; но это равенство (паритет) должно быть понимаемо не в смысле математического: "каждому поровну", а в смысле справедливого: "каждому свое". Ту церковь, к которой принадлежит большая часть населения государственной территории и которая, следовательно, имеет больший круг действия, государство ценит выше и ставит в более привилегированное положение, сравнительно с прочими»²⁸¹. «Правовое государство, – указывает ученый в другом месте своего труда, – находит прямо невозможным трактовать церковь как частный союз и между самими религиозными обществами различает великие исторические церкви, внутренне сросшиеся с жизнью народа и имеющие громадную власть над умами своих членов, от других религиозных обществ»²⁸².

Перу также преподававшего в лицее доктора церковного права *Е. Н. Темниковского* принадлежит богословский труд «К вопросу о канонизации святых» (1913). Профессор церковного права лицея **Павел Васильевич Гидулянов** (1874–1937) выступил в 1916 г. с работой «Сущность и юридическая природа церковного властвования» в «Журнале Министерства народного просвещения». Это был выпускник Московского университета, магистр (1905 г.) и доктор (1907 г.) церковного права. Был про-

²⁸⁰ Суворов Н. С. Курс церковного права. С. 17.

²⁸¹ Там же. С. 564.

²⁸² Там же. С. 561.

фессором Варшавского университета, в 1906 г. сменил на должности профессора церковного законоведения Демидовского юридического лицея Е. Н. Темниковского, перешедшего в Харьковский университет. Одновременно до 1910 г. П. В. Гидулянов вел занятия и в Московском университете, а с 1910 г. перешел туда ординарным профессором (до 1919 г.), одновременно декан юридического факультета Московского университета (1913–1917 гг.). Был также директором Лазаревского института восточных языков. Его дальнейшая судьба нам не известна.

Изучение обычного права

Представителями ярославской юридической школы уделялось серьезное внимание изучению обычного права, выяснению его самостоятельной роли в регулировании общественных отношений и влияния на законотворческий процесс, в том числе и в плане противодействия законодательному волюнтаризму. В этом отношении невозможно переоценить значение вышедшего в 1873 г. обширного труда *П. Л. Карсевича* «Гражданское обычное право во Франции», который он защищал как докторскую диссертацию. Изданием этого сочинения не только обеспечивалось знакомство русских читателей с бытием французского гражданского обычного права в его полном объеме, но и возбуждался определенным образом интерес русских юристов к изучению аналогичных явлений правовой жизни своего народа, к более глубокому уяснению природы и действенной силы его юридических обычаев. Весьма плодотворными в этой области были и исследования криминалиста *Л. С. Белогриц-Котляревского* (о нем – в разделе уголовного права), изложенные в трудах «Роль обычая в уголовном праве» и «Творческая сила обычая в уголовном праве». Особенно интересна последняя из его работ, в которой автор, не замыкаясь в рамках уголовного права, последовательно развивает свой взгляд на процесс правообразования. Характеризуя правовую жизнь первобытной эпохи, автор подчеркивает, что широко присущий младенчеству всех народов обычай кровной мести был отнюдь не простым фактом, а правом, юридическим установлением. «Это видно, – полагает ученый, – из того, что родственники потерпевшего не только могли, но и должны были мстить; не отомстить за кровь убитого родственника значило навлечь на себя презрение чу-

жих родов и замогильный гнев покойника»²⁸³. Источником образования норм обычного права Л. С. Белогриц-Котляревский считает не общественное, а индивидуальное сознание и с этих позиций критикует историческую школу права. «... Нормы обычного права, – утверждает он, – возникают первоначально из убеждений отдельных лиц, а не из народного духа, не из народного сознания непосредственно, как учила историческая школа, возведшая народный дух на степень какого-то самостоятельного объективного творческого фактора, действующего независимо от личного сознания отдельных лиц. По учению Савиньи и Пухты первоисточник права есть сам народ или, иначе, естественное единство народного убеждения»²⁸⁴.

Не в пользу учения этой школы свидетельствует наличие общих черт в обычном праве разных народов. «... Сходство обычаев разных народов, – подчеркивает Л. С. Белогриц-Котляревский, – не находит себе объяснения в теории Пухты, согласно которой право есть чисто национальный продукт, непосредственное выражение духа данной нации; будучи верен себе, Пухта не признавал обычных норм даже в сфере международного права»²⁸⁵.

Отдавая должное законодателю, ярославский ученый не склонен преувеличивать значение его творческой инициативы, он полагает, что никакая самая успешная законодательная деятельность не может свести на нет процесс образования обычного права. Жизнь, потребности общения, преломляясь в индивидуальном сознании, всегда будут порождать необходимые нормы общения, опережая законодателя. «Право, – пишет Л. С. Белогриц-Котляревский, – не есть только продукт отвлеченной мысли; оно создается на почве жизненных потребностей, отношений, интересов. Сие же последние постоянно разнообразятся и меняются, ибо жизнь не стоит, а подобно большой реке пребывает в постоянном движении, и как эта последняя постоянно меняет свои берега, так и жизнь меняется и разнообразит потребности, отношения, интересы. Законодатель, как бы он ни был чуток к запросам жизни, не может познать все потребности ее одновременно с отдельными

²⁸³ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1890. Кн. 55. С. 1–2.

²⁸⁴ Там же. С. 3.

²⁸⁵ Там же. С. 5.

гражданами... Законодателю под большей частью приходится лишь закреплять уже возникшее правовое убеждение, уже выраженное в правовом положении; конечно, это закрепление делается сознательно, а не механически, т. е. законодатель прежде чем закрепить возникшее правовое убеждение, продумывает, перерабатывает его, но эта переработка сводится более к частностям, к технике правового положения, чем к исходной мысли, к общим чертам»²⁸⁶. «Только в немногих случаях, – подчеркивается автором, – законодатель является непосредственным творцом объявляемых им законоположений. При всем совершенстве законодательской техники нет возможности охватить все разнообразие жизненных отношений». «Закон всегда, – уточняет ученый, – охватывает лишь более типические отношения, опуская менее типические, которые, однако, «часто бывают запечатлены особыми чертами, не совпадающими с законной нормой»²⁸⁷. Л. С. Белогриц-Котляревский рассматривает как неверное повторяемое Иерингом господствующее учение, утверждающее, что все реформы права сводятся к одному закону, что обычаю остается регулировать движение по существующим путям, способствовать ему, но отнюдь не препятствовать.

«Напротив, – считает Л. С. Белогриц-Котляревский, – не только в сфере гражданского права, но и в сфере уголовного права обычаю иногда принадлежит реформаторская роль»²⁸⁸.

Обязуясь под влиянием перемен в жизненном укладе, а также порождаясь несовершенством самого закона, обычное право в определенных условиях выполняет историческую миссию разрушения старого и установления на его место нового, адекватного духу времени, права. Ученый так представляет себе этот процесс: «Возникая обыкновенно незаметно в умах и деятельности частных лиц, обычное право по законам движения мысли проникает в судебные решения, в которых обретает, так сказать, свою официальную силу, свою санкцию; с другой стороны, и судьи как руководящие члены общества и решители правовых столкновений могут быть и непосредственными органами правообразования»²⁸⁹.

²⁸⁶ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 7–8.

²⁸⁷ См.: Там же.

²⁸⁸ Там же. С. 9.

²⁸⁹ Там же. С. 12.

В своей работе Л. С. Белогриц-Котляревский приводит многочисленные примеры влияния обычного права на законодательство, главным образом, в плане его гуманизации. В числе таких примеров он ссылается на французский полевой закон 1791 г., принятый в интересах обеспечения «права бедных» под влиянием древнего гуманного обычая, предоставлявшего нищим и немощным людям данной местности право сбора в открытых полях хлебных колосьев, сена, винограда, оставшихся после сбора хозяином урожая. Именно в обеспечение этого права «указанный закон предписал запрещение пастухам пускать скот на открытые убранные поля раньше истечения двух дней после уборки урожая»²⁹⁰. В этих же целях кассационным судом было дано прямое указание о признании обязательными древних обычаев, запрещавших полную уборку урожая с использованием граблей²⁹¹. Автор приводит примеры и таких французских обычаев, которые действуют вопреки уголовному закону или параллельно с ним. Так, обычное право Нормандии расходится с законоположением, устанавливающим уголовную ответственность за потраву на чужих полях животными, оставленными без пастуха. Оно признает, что если пастбище огорожено, то излишне приставлять пастухов к скоту, ибо в этом случае достаточно защищает соседние поля от потравы ограда. Поэтому если скот, повредив ограду, вторгся на чужие поля и причинит траву, то наступает лишь гражданская ответственность²⁹². «Этот взгляд обычного права, – пишет Л. С. Белогриц-Котляревский, – проник и в местные суды, которые нередко постановляют решения, согласные с обычным правом, а следовательно, противные закону»²⁹³. Автор ссылается на заверение одного из французских судей, что многие из правонарушений, предусмотренных уголовным уложением и специальными законами, покрыты как таковые в некоторых местностях забвением вследствие строгости положений репрессии и вообще противодействия последней

²⁹⁰ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 18–19.

²⁹¹ См.: Там же. С. 20.

²⁹² Там же. С. 25.

²⁹³ Там же. С. 26.

местным обычаям²⁹⁴. Но иногда обычно-правовые воззрения народа оказывают и обратное влияние, т. е. воздействуют на законодателя в направлении усиления уголовной ответственности или ее установления в случае отсутствия в законе. Случаи такого рода влияния довольно редки, но и они имеют место. Так, под воздействием общественных правовоззрений, не мирившихся с полной безнаказанностью дуэлей, полагает Л. С. Белогриц-Котляревский, французский кассационный суд в 1837 г. принял толкование, признающее дуэль одним из видов убийства или повреждения здоровья, подлежащим наказаниям за эти преступления²⁹⁵.

Ученый указывает также на ряд примеров влияния русского обычного права на российское уголовное законодательство. К числу их относится усвоение законодателем народного правовоззрения, проводившего довольно резкую черту между кражей как таковой и похищением произрастающих в поле даров природы, что проявилось в отнесении посягательств на продукты чужих полей к разряду полевых нарушений, т. е. в избрании для них менее позорного термина, а также в установлении за их совершение более мягкого, нежели за воровство, наказания²⁹⁶.

Л. С. Белогриц-Котляревским обращается внимание на многочисленные несообразности, к которым приводит Сенат, а также редакторов проекта нового уголовного уложения уклонение от народных правовоззрений. Так, он считает совершенно не в духе народа проведение редакторами различия между похищением и самовольным пользованием произрастаний почвы по целям действия, т. е. в зависимости от того, немедленно или через какое-то время виновным употребляются похищенные с поля продукты²⁹⁷. Народ «действительно противопоставляет цели, — пишет Л. С. Белогриц-Котляревский, — но иного рода: с одной стороны, немедленное удовлетворение потребности, а с

²⁹⁴ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 28.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Необходимость учета народных правовоззрений при определении ответственности за различные виды имущественных посягательств детально обосновывается Л. С. Белогриц-Котляревским в труде «О воровстве-краже по русскому праву». Киев, 1880.

²⁹⁷ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 31.

другой стороны, обогащение, когда виновный берет более, чем сколько нужно для временного удовлетворения, когда он западается мешком, корзиной, телегой и т. д.»²⁹⁸.

Л. С. Белогриц-Котляревский категорически не согласен с точкой зрения Н. С. Таганцева, согласно которой обычно-правовые нормы не могут быть правовыми нормами в строго-юридическом смысле, т. е. в смысле велений авторитетной воли, которые должны быть соблюдаемы под угрозой наказания: «Если обычно-правовые нормы живут и развиваются рядом с законом, то они, очевидно, пользуются известным авторитетом и если этот авторитет слабее авторитета закона, то отсюда отнюдь не следует, чтобы нормы обычного права не были нормами в юридическом смысле; различие здесь только количественное, но не качественное»²⁹⁹.

Обобщая высказанные положения, Л. С. Белогриц-Котляревский дает довольно четкое определение обычного права: «... обычное право есть выражение индивидуального убеждения, приобретенного путем распространения и повторения принудительную силу»³⁰⁰.

В 1902 г. вышла в Ярославле книга «Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда». Авторами ее были профессор лицея *Сергей Николаевич Никонов* (о нем – в разделе гражданского права) и известный библиограф и исследователь обычного права, член учрежденного при лицее юридического общества Евгений Иванович Якушкин. К собиранию и обработке материалов привлекались студенты лицея.

Авторы изложили в книге основные выводы из проведенного с помощью студентов исследования решений этого суда за период с 1866 по 1889 гг. Один из выводов состоит в том, что сельское население волости осуществляет общинное землевладение в составе сложной поземельной общины, т. е. состоящей из нескольких селений, имеющих общий земельный надел. Каждое селение владеет по разверстке, сделанной общинным сходом, отдельной земельной территорией. Выгоны и сенокосы, как правило, остаются в общем пользовании всех селений об-

²⁹⁸ Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 31.

²⁹⁹ Там же. С. 33.

³⁰⁰ Там же. С. 12.

щины. Каждое селение имеет исключительное право на все выгоды, извлекаемые из владения закрепленной за ним земли, но также и обязаны терпеть и определенные невыгоды, связанные с пользованием этой землей. Одно из решений этого суда свидетельствует о существовании местной юридической нормы, возлагающей все расходы на похороны неимущих людей селения, а также сторонних лиц, поднятых мертвыми на земле селения, исключительно на жителей последнего. Община затрат такого рода не несет.

Следующий вывод касается взаимных отношений крестьянского общества и его членов. Решениями суда подтверждается право общества пасти стадо на всех крестьянских наделах, независимо от того, скошены ли домохозяином на его участке трава ко времени назначенного обществом для выгона скота на пастьбу. Каждый домохозяин имеет право требовать равномерного с другими пользования в общинных угодьях. Участки леса, предназначенные к вырубке на полосы, распределяются между домохозяевами по жребью. Соответственно участвующий в пользовании общим имуществом обязан участвовать и в издержках, необходимых для исправления этого имущества, иначе он устраняется от пользования им.

Исследуя решения суда, основанные на нормах обязательного права, авторы приходят к выводу, что договор о залоге совершается обыкновенно словесно, путем простой передачи объекта залога на хранение кредитору.

Что же касается задатка, то дача его сопровождается получением соответствующей расписки. Лицо, давшее другому задаток в обеспечение права требования по главному обязательству, является обязанным точно соблюдать последнее и выполнить его к определенному договором сроку. Иначе задаток поступает в собственность верителя. Сторона, принявшая задаток, обязана выполнить обеспеченное им обязательство. Невыполнение его влечет за собой взыскание задатка в двойном размере. В связи с этим приводится конкретное решение волостного суда за № 72, относящееся к 1879 г., в соответствии с которым с крестьянина деревни Внуково Шилова в пользу крестьянина той же деревни Наумова за невыполнение обязательства, обеспеченного задатком в сумме 2 рубля, взыскано 4 рубля.

На основании изученных решений суда авторы делают вполне определенный вывод о том, что надельная земля в Кре-

стобогородской волости не признается объектом права наследования и как при жизни домохозяина, так и после его смерти продолжает по-прежнему оставаться в пользовании всех членов той же самой семьи³⁰¹.

Важное значение имеет установление авторами фактов удовлетворения волостным судом заслуживающих внимания просьб крестьянских жен о выдаче им отдельных видов на жительство, что, как известно, находилось в прямом противоречии с законодательством того времени, запрещавшим подобного рода «женские вольности». Такая юридическая практика, следует заметить, является убедительным подтверждением того, что народное правоубеждение способно отвергать жестокий, идущий вразрез с человечностью закон.

Как нами уже отмечалось ранее, большое значение придавалось правовому обычаю и другими представителями ярославской юридической школы. По их общему убеждению, юридический обычай не какое-то остаточное явление правовой жизни, не всего лишь элемент образования правовой нормы, а «полноправное» право.

³⁰¹ См.: Никонов С. Н., Якушкин Е. И. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1902. С. 13.

Глава 9. Школы административного и финансового права

У истоков ярославской школы полицейского и административного права

В период абсолютных монархий государства формируются как *полицейские государства*. В этот период в качестве полицейской трактуется вся деятельность государства, его государственного аппарата без разделения властей на судебную, законодательную и исполнительную. По мере развития общественных отношений из ведения полиции постепенно исключались судебное дело, общехозяйственные функции и т. д. Изменяется и природа государства, этот период связан с переходом к идеологии *правового государства*, о чем речь пойдет ниже. В России преподавание полицейского права впервые было введено в университетах Уставом 1835 г.

Полицейское право при своем зарождении во главу угла ставит принцип (идею) государственного патроната, попечительства о благе и безопасности своих граждан. Условно говоря, гражданин – это объект государственного управления, а не субъект.

В истории развития науки полицейского права, на наш взгляд, прослеживаются три основных направления.

I. В рамках *первого направления* полицейское право рассматривалось как этап, предшествующий становлению административного права. По сути, административное право поглощает полицейское право, которое становится частью административного права. Сторонниками этого направления были в том числе и профессора Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, преподававшие полицейское и административное право. И. Т. Тарасов писал, что по университетским уставам 1863 и 1884 гг. на юридических факультетах российских университетов преподается полицейское право, а не административное. В Демидовском же юридическом лицее по уставу 1873 г. преподается административное право, за которым, однако, устав самостоятельного значения не признает,

включая его в государственное право³⁰². Данное направление развития полицейского права в форме административного права акценты в государственном управлении расставило иначе. Это можно проиллюстрировать высказыванием В. А. Гольцева (1850–1906) о том, что первой и величайшей заслугой государства остается осуществление справедливости во взаимных отношениях граждан и в отношениях между ними и правительством³⁰³. В правовом государстве должны быть созданы условия для развития самодеятельности, самоуправления граждан. Не опека и попечительство государства над его гражданами, а взаимодействие государства и самоуправления, формирование особого типа личности-гражданина, обладающего развитым самосознанием и самодеятельностью.

II. *Второе направление* предрекало превращение в будущем в условиях правового государства полицейского права либо в некое «общественное право» (В. Н. Лешков, М. М. Шпилевский³⁰⁴), либо социальное право. В. Н. Лешков (1810–1881), ординарный профессор Императорского Московского университета, считал, что сущность общественного права состоит в праве личности на ее развитие посредством пользования общественными учреждениями, существующими в государстве для этой цели³⁰⁵. Как отмечал И. Т. Тарасов, М. М. Шпилевский (1837–1883), профессор Императорского Новороссийского университета, отчасти являлся последователем В. Н. Лешкова. В свою очередь, под полицейской деятельностью В. Н. Лешков «разумеет исключительно только деятельность правительственных органов, имеющих целью безопасность»³⁰⁶.

И. Т. Тарасов, не отрицая такого подхода, тем не менее, указал, что наука общественного права, хотя и пребывает пока в зародышевом состоянии, не имеет точно определенного

³⁰² Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1. Ярославль, 1888. С. 92.

³⁰³ Гольцев В. А. Учение об управлении (задачи и метод) // Юридический вестник. 1880. № 6. С. 263–278; Он же. Государство и самоуправление (Историко-юридические очерки) // Русская мысль. 1882. Кн. 2, 4, 7.

³⁰⁴ Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875.

³⁰⁵ Лешков В. Н. Общественное право. М., 1859.

³⁰⁶ Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. М., 1891. Вып. 1. С. 34, 43.

предмета и твердо установленной задачи, «заклучает в себе все элементы для дальнейшего развития, опираясь на то начало, в силу которого все внутреннее управление представляется областью общественной самодеятельности, при содействии правительства, так что общество рассматривается в этой науке не как объект, но как субъект управления»³⁰⁷.

Теория общественного права также подверглась рассмотрению другим профессором Демидовского юридического лица, международником Н. Н. Голубевым (1875–1950)³⁰⁸. В отличие от И. Т. Тарасова, он считал эту теорию утратившей значение и единственно ценное, что она дала для науки административного права, усматривал в противопоставлении интересов политических и социальных, и отношений политических и культурно-экономических³⁰⁹.

Другой ученый В. Н. Дурденевский (1889–1963), профессор Пермского (с 1917 г.) и Московского (с 1922 г.) университетов в конце 20-х гг. прошлого столетия предпринял попытку обоснования социального права как права социальной культуры³¹⁰. В содержание этой отрасли он включал нормы, регулирующие государственную деятельность в области политики и организации народного образования, здравоохранения и социального обеспечения. Эту отрасль он рассматривал в качестве подвида административного права. Социальное назначение права социальной культуры определялось как регулирование отношений государственного аппарата, граждан и их организаций в круге деятельности по развитию и охране человека и его культурных достижений³¹¹. В «Юридических записках Демидовского юридического лица» он опубликовал довольно объемную статью, посвященную теории недействительности административного акта во Франции³¹².

³⁰⁷ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1. С. 111.

³⁰⁸ Биографические сведения и анализ творчества Н. Н. Голубева рассмотрены в предшествующей главе настоящего раздела.

³⁰⁹ См.: Голубев Н. Н. Значение теории общественного права для науки административного права // Юридические записки. 1914. Вып. 3. С. 351.

³¹⁰ См.: Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры. М.; Л., 1929.

³¹¹ Там же. С. 110.

³¹² Дурденевский В. Н. Теория недействительности административного акта во Франции // Юридические записки Демидовского юридического лица. 1914. Вып. 1/2. С. 227-270.

III. *Третье направление* было связано с развитием полицейского права как отрасли правоведения, которая впоследствии стала источником для зарождения и развития иных самостоятельных отраслей права, в том числе и тех, которые основаны на единстве частных и публичных начал. Речь идет и о трудовом праве, праве социального обеспечения³¹³. В российских учебниках полицейского права XIX в., как правило, содержались разделы, посвященные таким отраслям полицейской деятельности, как народное образование (просвещение), благотворительность и общественное призрение, страхование жизни и общества взаимопомощи, санитарная и медицинская полиция, фабричное законодательство (рабочее время, жилища рабочих, договорные отношения между рабочими и нанимателями, рабочие книжки, страхование рабочих и др.), а также меры относительно лиц, состоящих на государственной, общественной и частной службе (то, что сегодня мы называем служебным правом).

На протяжении всего XIX в. идет процесс дифференциации полицейского права путем выделения в самостоятельные объекты судебной, финансовой деятельности государства, а равно последующей дифференциации и обособления отдельных сфер внутреннего государственного управления: трудового права, права социального обеспечения и др. Этот процесс, но в новых формах комплексных отраслей права (комплексного законодательства) продолжается и сегодня.

В настоящее время ряд ученых выделяют также образовательное³¹⁴, медицинское³¹⁵, служебное³¹⁶ комплексные отрасли права. Другие пишут о превращении полицейского права в начале XXI в. правоохранительную отрасль, регулирующую деятельность полиции (правоохранительных органов) по обеспечению безопасности граждан³¹⁷.

³¹³ См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2009. С. 335–384.

³¹⁴ См.: Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник. М., 2001; Сырых В. М. Введение в теорию образовательного права. М., 2002; Федорова М. Ю. Образовательное право. М., 2004 и др.

³¹⁵ Медицинское право Украины: Учебное пособие. Донецк, 2005; Федорова М. Ю. Медицинское право. М., 2003.

³¹⁶ Гусев А. В. Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования. Екатеринбург, 2005.

³¹⁷ Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России. Проблемы теории. СПб., 1998.

Возвращаясь к истокам, зарождению полицейского права, предметно рассмотрим названные направления в рамках заявленной нами темы о вкладе ученых Демидовского юридического лица в развитие полицейского, административного и финансового права.

Наука о полиции, предшествовавшая науке полицейского права зародилась во Франции в начале XVIII в. как наука философская, политическая, а не юридическая. В этой науке о полиции вся полицейская деятельность определялась исходя из понятия об общественном благе, в ней общество и индивид не являлись субъектами, рассматривались как объект управления. Речь идет о первом «трактате о полиции», автором которого был Н. Деламаре (1639–1723) в 1722 г. Именно во французской литературе, как отмечал И. Т. Тарасов, выработалось понятие администрации как совместной деятельности правительственных и общественных органов для удовлетворения публичных потребностей общества и государства, причем полиция рассматривалась как часть администрации, которая ведает исключительно только безопасностью³¹⁸.

Следующим шагом в развитии зародившейся науки о полиции стала попытка внесения в нее правового элемента – науки полицейского права. Полицейское право возникло в Германии во II половине XVIII в. Основателями науки полицейского права признавались немецкие ученые И. Г. фон Юсти («О науке полиции», 1756 г.) и И. Зонненфельс (1732–1817) («О полиции, промышленности и финансах», 1765 г.). Их труды были переведены на русский язык в конце XVIII в.

На рубеже XVIII–XIX вв. получила развитие идея *правового государства*, хотя истоки этой теории мы находим в древности (Аристотель, Платон, Цицерон и др.). Сам термин «правовое государство» появился в немецкой литературе в первой трети XIX в. (К. Т. Велькер, Р. фон Моль и др.). Р. фон Моль (1799–1877), один из отцов-основателей полицейского права, утверждал, что, с одной стороны, свобода гражданина является основанием юридического государства. Гражданин может и должен свободно развиваться по всем направлениям, которые допускают преследование разумной цели и не клонятся к общественному вреду. Но, с другой стороны, возникает немало слу-

³¹⁸ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 2.

чаев, когда гражданин не может собственными силами устранить трудные жизненные обстоятельства, и здесь и необходимо вспомоществование со стороны государства. Р. фон Мольтал, что полицейская деятельность государства по отношению к населению включает его заботу о том, чтобы существующие граждане не впали в болезни, не умирали прежде времени по причинам, которые оно должно было устранить³¹⁹.

Основу правового государства составляют разделение властей, признание и гарантирование прав и свобод человека, провозглашение демократических основ правосудия. В правовом государстве разделение властей, верховенство закона стали основой правового положения человека как субъекта публичных прав и обязанностей. Гражданин по отношению к власти становится субъектом прав и обязанностей, корреспондирующих обязанностям и правам власти. Государство, создавшее субъективные публичные права, в то же время должно обеспечить и их охрану от нарушений со стороны административной власти. Появившаяся в конце XIX в. теория правового государства отразилась на полицейском праве. Речь идет о трудах уже упомянутого Р. фон Моля («Трактат о науке полиции», 1832 г.) и Л. фон Штейна (1815–1890). В немецкой литературе после выделения из науки о полиции правосудия и финансов выработалось учение о внутреннем управлении как совместной деятельности правительства и общества для содействия единичным лицам к достижению культурных целей жизни. Под названием «право управления» развивалась научная система, задачей которой составляет разработка положительного законодательства, регулирующего различные стороны внутреннего управления. Р. фон Мольт в науке полиции выделял два основных раздела (направления): 1) забота государства о физической личности граждан (забота о надлежащем количестве населения); 2) забота государства о жизни и здоровье граждан (медицинская полиция, помощь государства при затруднительном удовлетворении необходимых жизненных потребностей)³²⁰.

Развитие научной литературы полицейского права в России находилось под сильным влиянием немецкой литературы. Само содержание полицейского права понималось в ключе права

³¹⁹ Мольт Р. Наука полиции. Вып. 1. СПб., 1871. С. 15, 157, 293.

³²⁰ См.: Там же.

внутреннего управления, которое означало деятельность государства, направленную к осуществлению задач, присущих ему как правомерному и культурному союзу. Решительно преобладала правовая сторона управления³²¹.

Были изданы учебники «Полицейского права» профессором Императорского университета св. Владимира (г. Киев) И. Х. Бунге (1823–1825), профессором Императорского Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевским (1831–1891), включающие два основных раздела: полиция благосостояния и полиция безопасности, или наука о законах благоустройства и наука о законах благочиния³²². Так, И. Х. Бунге был сторонником полицейского права в широком смысле. Он рассматривал науку о полиции как часть политической экономии. В содержание полицейского права он традиционно включал постановления, относящиеся к благосостоянию (законы благоустройства), и постановления, касающиеся безопасности (законы благочиния). При этом благоустройство рассматривалось как прикладная часть политэкономии и включало в том числе и меры, касающиеся различных сторон хозяйственной жизни (промышленности, торговли, кредитных учреждений и др.), упрочения благосостояния фабричных рабочих (фабричное законодательство). Благочиние признавалось частью государственного права, которое относится к сохранению порядка и безопасности как общества, так и отдельных лиц. Законы благочиния включают уставы о народном продовольствии, о народном образовании, об общественном призрении и благотворительности, врачебные, о предупреждении и пресечении преступлений, о цензуре и содержании под стражей. Законы благочиния, по мнению И. Х. Бунге, и составляли предмет полицейского права в узком смысле. Характеризуя методы полицейского права, И. Х. Бунге утверждал, что благоустройство достигается преимущественно мерами положительными, а благочиние – отрицательными.

Э. Н. Берендтс писал, что это первое поколение учебников по полицейскому праву было построено по системе немецких полицейстов 30–40-х гг. XIX в., преимущественно под влиянием Р. фон Моля. Полицейское право в указанный период представляло собой философско-политическую науку управления.

³²¹ Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875.

³²² См.: Бунге И. Х. Полицейское право. Киев, 1869; Андреевский И. В. Полицейское право. СПб., 1871–1873.

В 70–80-е гг. XIX в. новая школа полицейстов (Л. фон Штейн, Г. Мейер (1841–1900) и др.) расставила акценты на юридическом анализе положительного законодательства³²³. Именно в таком ключе и были разработаны и изданы программы и учебники по полицейскому и административному праву профессорами Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасовым и Э. Н. Берендтсом. Полицейское право они определяли через «призму» административного права (права внутреннего управления государства). Л. И. Петражицкий на рубеже XIX–XX вв. писал о необходимости заменить полицейское право политикой административного права: «В интересах разумного прогресса права и рационального истинного политического управления в пределах широких административных рамок весьма желательно успешное развитие и прочная постановка преподавания наряду с догмой административного права, политики административного права»³²⁴. Речь шла не только о переименовании отрасли полицейского права в административное, но и изменении предмета отрасли и науки.

Отметим, что до начала XX в. полицейское право как самостоятельная правовая наука, дисциплина занимала свое место в курсах, преподаваемых на юридических факультетах³²⁵. Вплоть до 1917 г. издавались учебники по полицейскому праву, одним из популярных и известных в конце XX в. был учебник В. Ф. Дерюжинского (1861–1920), профессора Императорских Юрьевского и Санкт-Петербургского университетов³²⁶. В. Ф. Дерюжинский ограничивал предмет этой отрасли правоведения и выделял в структуре его следующие институты: полицию безопасности и права передвижения; полицию союзов и собраний, полицию печати; чрезвычайные меры полиции безопасности; санитарную и медицинскую полицию, полицию нравов; народное образование; общественное призрение и благо-

³²³ См: Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. Т. 1. Вып. 1. Ярославль, 1898.

³²⁴ Петражицкий Л. И. Полицейское право // Право. 1898. № 3. С. 18.

³²⁵ См.: Гессен В. Лекции по полицейскому праву, читанные в 1901–1902 гг. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902; Янжул И. И. Полицейское право. М., 1886 и др.

³²⁶ Дерюжинский В. Ф. Краткий очерк полицейского права. СПб., 1907; Он же. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1899 и др.

творительность и фабричное законодательство³²⁷. Таким образом, содержание полицейского права он сводил к государственному регулированию (управлению), «на долю которого выпадает оказание населению всевозможного содействия к развитию его культурных интересов и удовлетворению многосложных потребностей его материального и духовного существования», а равно охране «общественного порядка и спокойствия как важных условий общежития»³²⁸.

Как уже отмечалось, в развитии полицейского права прослеживался и особый этап – этап формирования науки, **отрасли административного права**. Именно полицейское право стало основой для зарождения и развития этой отрасли. Более того, забегая вперед, отметим, что в немецкой литературе из полицейского права как науки о внутреннем управлении выделились в самостоятельные науки правосудие (процессуальное право) и наука о финансах (финансовое право)³²⁹. Как писал И. Т. Тарасов, большинство французских юристов вопрос об управлении финансами включали в науку административного права, тогда как большинство немецких юристов относили его к науке финансового права³³⁰.

Данное направление развития (или ступень в развитии) полицейского права как основы для формирования административного и финансового отраслей права прослеживается на примере научного творчества преподавателей кафедры государственного и административного права Демидовского юридического лицея. **Оттон Оттонович (Отто Оттович) Эйхельман** (1854–1943), доктор по международному праву, будучи доцентом названной кафедры, читал курс государственного и административного права³³¹. Впоследствии он преподавал полицейское право в университете св. Владимира в Киеве³³².

³²⁷ См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. 4-е изд. Пг., 1917.

³²⁸ Там же. С. 2, 16.

³²⁹ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 2.

³³⁰ Там же. С. 12.

³³¹ См.: Эйхельман О. О. Государственное и административное право: Лекции, читаемые доц. О. О. Эйхельманом, в 1878/1879 acad. г. в Демидовском юридическом лицее. Ярославль, 1879.

³³² См.: Эйхельман О. О. Русское полицейское право: Конспект лекций, читаемых студентам юридического факультета университета св. Владимира в 1898/1899 acad. г. Киев, 1898 (Печатается как рукопись).

Особое место в становлении и развитии ярославской школы полицейского и административного права занимает научное наследие **Ивана Трофимовича Тарасова** (1849–1929), заслуженного ординарного профессора по кафедре государственного права и административного Демидовского юридического лица.

И. Т. Тарасов получил образование в Императорском университете св. Владимира в Киеве, где окончил курс юридических наук. В 1875 г. он успешно защитил в Киеве магистерскую диссертацию на тему «Личное задержание как полицейская мера безопасности». Ровно через год, в 1876 г. выходит в свет его вторая работа «Основные положения Лоренца Штейна по полицейскому праву в связи с его учением об управлении» (Киев, 1876). В последующей двухгодичной научной зарубежной командировке И. Т. Тарасов в Венском университете прослушал курс лекций по политической экономии Л. Штейна. В Берлинском университете посещал лекции известных профессоров А. Вагнера, Р. Гнейста и др. Предметом его особых интересов в ходе заграничной командировки оказалась деятельность обществ и товариществ в европейских государствах. Результатом плодотворных изысканий стал выход в свет книги «Учение об акционерных компаниях», которая была опубликована в печатном издании Демидовского юридического лица «Временник»³³³. Именно эта работа стала докторской диссертацией ученого. По результатам успешной защиты докторской диссертации ему была присуждена степень доктора полицейского права.

После возвращения из заграничной командировки И. Т. Тарасов непродолжительное время читал лекции в Киевском университете, а затем переехал в Ярославль. С 1878 г. начинается самый плодотворный для ученого период научной деятельности в Демидовском юридическом лицее. В мае 1889 г. И. Т. Тарасов покинул Ярославль и продолжил служение науке в должности ординарного профессора кафедры полицейского права Императорского Московского универси-

³³³ Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях (начало). Ярославль, 1879 // Временник. 1880. Кн. 20; Он же. Учение об акционерных компаниях. Ярославль, 1880 // Временник. 1880. Кн. 21, 22. Современное переиздание книги: Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000 (серия «Классика российской цивилистики»).

тета. О «советском периоде» жизни И. Т. Тарасова почти ничего не известно³³⁴.

И. Т. Тарасов был многогранным талантливym исследователем по административному, финансовому, гражданскому и торговому праву. Именно наука полицейского права, в силу ее особого универсального характера, стала источником специальных отраслевых исследований, проведенных ученым.

В 1879 г. он опубликовал разработанные им программы и конспект Общей части науки полицейского права³³⁵. Вопреки сложившимся традициям, считал нецелесообразным и фактически необоснованным деление науки полицейского права на полицию благоустройства и полицию безопасности, поскольку деятельность той и другой полиции имеет одну и ту же конечную цель – содействие всестороннему развитию граждан, вручается большей частью тем же самым органам с теми же самыми функциями. Полиция безопасности рассматривалась как одна из отраслей полицейской деятельности. Это дало ему возможность впоследствии обосновать самостоятельность науки административного права как науки о правовых нормах, определяющих организацию, власть и деятельность администрации³³⁶.

В науке полицейского права ученый выделял общую часть и особенную. В общую часть включались разделы, посвященные характеристике органов полиции (управления): правительственные, самоуправления и соединства (корпораций, обществ, товариществ), исполнительной и принудительной власти, ответственности, надзору и контролю. В особенную часть включались отрасли полицейской деятельности, имеющей общее значение (безопасность, просвещение, сообщение, обращение, страхование), и специальные отрасли полицейской деятельности (добывающая, обрабатывающая и торговая промышленности). Между тем позднее при издании «Учебника науки полицейского права», будучи профессором Императорского Московского университета, И. Т. Тарасов выпустил учебника

³³⁴ См. также о И. Т. Тарасове: Тарасов И. Т., Исаев А. А. Финансы и налоги: Очерки теории и политики. М., 2004. Т. 4. С. 6–46 (серия «Золотые страницы финансового права России»).

³³⁵ Тарасов И. Т. Опыт разработки программы и конспекта общей части науки полицейского права. Ярославль, 1879.

³³⁶ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1. Ярославль, 1888. С. 6.

выстроил по традиционной схеме: Общая часть и Особенная часть, включающая полицию безопасности и полицию благосостояния (благоустройства)³³⁷. Но по своей основе, содержанию этот учебник представлял собой не что иное, как дополненный особенной частью, изданный им ранее конспект лекций по административному праву, опубликованный ученым в период его работы в должности ординарного профессора по кафедре государственного права и административного Демидовского юридического лица³³⁸.

Названный выше конспект лекций «Краткий очерк науки административного права» (Т. 1. Ярославль, 1888) был одним из первых российских учебников по административному праву. Это был классический учебник, включающий историко-правовые, сравнительно-правовые и юридико-догматические составляющие науки административного права. По сложившейся практике изучение проблем административного права И. Т. Тарасов начинает с анализа истории учений и учреждений, поскольку, по мнению ученого, настоящее является результатом прошедшего и причиной будущего. Конечная цель исторического исследования заключается в раскрытии законов развития изучаемого предмета. Довольно полно с оценкой положительных сторон и недостатков был дан обзор развития теорий (учений) на Западе (Деламаре, И. Юсти, И. Зоненфельс, К. Г. Рау, Р. фон Моль, Л. Штейн, Р. Гнейст и др.) и в России (И. Т. Посошков (1652–1726) И. Х. Бунге, И. Е. Андреевский и др.). Отметим, что воззрения И. Т. Посошкова стали предметом специального анализа И. Т. Тарасова³³⁹. Ученый также остановился и на перспективах, тенденциях развития науки административного права на противопоставлении позиций социалистов (Т. Карлейль, А. Сен-Симон, Ф. Лассаль, К. Маркс) и их противников (А. Фулье, П. Прудон, Ф. Бастиа и др.).

Особый интерес представляют основные положения рассматриваемой работы И. Т. Тарасова, посвященные структуре и содержанию институтов общей части административного права.

³³⁷ Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М., 1981; Вып. 2. М., 1893.

³³⁸ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1. Ярославль, 1888.

³³⁹ См.: Тарасов И. Т. Иван Посошков (Историко-биографический очерк) // Юридический вестник. 1880. № 10. С. 179–209.

О самостоятельности административного права и его структуре

Следует отметить, что И. Т. Тарасов настаивал на невозможности совместного существования наук административного и полицейского права. Он полагал, что в понятие административного права входит также и понятие полицейского права³⁴⁰. В этой части ученый в какой-то мере был сторонником определения администрации, содержавшегося в исследованиях французских полицейистов, административистов, включая полицию безопасности в одну из отраслей особенной части административного права. Ученый особо подчеркивал, что наука административного права в своем развитии далека от идеала и не определилась также и в отношении границ и предмете этой науки. Но исторически и генетически наука административного права есть не что иное, как следующая ступень развития науки полицейского права³⁴¹.

И. Т. Тарасов, констатируя самостоятельность данной правовой науки, охарактеризовал ее соотношение с государственным правом, уголовным, судебным правом, политической экономией, финансовым правом, статистикой. Наука административного права рассматривалась как система, включающая три части: введение, общую часть и особенную часть. Во введении анализируется предмет науки, основные понятия, методы исследования, соотношение с другими науками и связь с остальными отраслями государственного управления; история учений и учреждений. В общей части анализировались общие для всей деятельности администрации три отдела: 1) органы администрации; 2) власть администрации; 3) обеспечение закономерности (законности) в деятельности администрации. В особенную часть соответственно входили отдельные отрасли деятельности администрации: безопасность, просвещение, сообщение, обращение, производство, распределение и потребление³⁴². Отметим, что структура общей и особенной частей административного права, по И. Т. Тарасову, весьма созвучна современному административному праву.

³⁴⁰ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 3.

³⁴¹ Там же. С. 11.

³⁴² Там же С. 19.

Органы администрации (о правовом статусе субъектов административного права)

И. Т. Тарасов подразделял органы администрации в зависимости от целей (общегосударственных, местных и личных) на три категории: органы правительства (министерства, генерал-губернаторства и др.), самоуправление (губернские и уездные дворянские собрания и др.) и союда (корпорации, общества, товарищества). Их управленческие полномочия были рассмотрены в сравнительно-правовом ключе на базе анализа положительного законодательства о деятельности таких органов в России, Англии, Франции, Германии. При этом под самоуправлением понималось автономное участие местных обывателей в местном управлении. Союда рассматривались как свободное объединение единичных лиц для достижения совокупными средствами. По мнению ученого, союда как юридическое лицо имеет свое внутреннее и публичное право. Внутреннее право касается учреждения и учредителей, устава, членства, закрытия. Публичное право определяет отношение правительства к учреждению союда и признанию за ним прав юридического лица, установлению условий обязательного его закрытия.

Анализируя российское законодательство применительно к проведению политических собраний, И. Т. Тарасов считал нецелесообразным их абсолютный запрет. Он писал, что чрезмерное, несоответствующее уровню общественного развития ограничение права публичных собраний неизбежно влечет за собой, с одной стороны, частные нарушения этих запрещающих предписаний, подрывая этим авторитет закона, с другой – раздражение и скрытое противодействие³⁴³. В отношении тайных союдов или обществ запреты уместны, т. к. они, по мнению ученого, не могут быть отнесены к союдам, в них отсутствует элемент публичности, гласности.

Строй (организация) администрации (об основах организации и деятельности исполнительной власти)

В качестве основных начал в организации администрации И. Т. Тарасов выделял административную централизацию и децентрализацию. В единстве с централизацией он рассматривал

³⁴³ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 156.

бюрократизм, т. е. такую организацию администрации, когда все или большинство предметов управления вверены целой иерархии чиновников, представляющих собой как бы отдельный класс правителей. Служба чиновников обособляется, специализируется и делается промыслом чиновников на началах разделения труда. По сути, И. Т. Тарасов вел речь об обособлении особого института в структуре административного права – служебного права.

Ученый отмечал в качестве закономерности, что централизации и бюрократизму в значительной части присуще приказное управление (или управление по предписаниям). Такому управлению противостоит закономерное или правомерное управление (управление по законам и через законы), именно этому управлению и следует отдавать предпочтение³⁴⁴.

И. Т. Тарасов обосновал следующие основные принципы (правила) организации администрации:

1) Распределение предметов ведения должно быть настолько просто, насколько это совместимо с полным достижением цели;

2) Круг действий каждого органа не должен заключать в себе слишком разнородные занятия;

3) Интенсивность власти и сферы деятельности должны соответствовать служебному положению органов управления, выстраиваться по служебной иерархии;

4) При возложении на одни и те же органы различных функций следует избегать возможности какого-либо столкновения между служебными правами и служебными обязанностями одного и того же органа, равно как занятие других должностей в различных учреждениях не вредило государственной службе;

5) Стремясь к назначению наименьшего числа служащих, следует в то же время иметь в виду возможно достаточное им вознаграждение;

6) Как в назначении должностных лиц, так и в повышении по службе следует строго соотносываться с качеством и количеством их познаний и приобретенной служебной опытности;

7) В местном самоуправлении следует замещать должности, по возможности, местными обывателями как лицами,

³⁴⁴ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С.169.

знающими местные условия. При чем важно и допустить в какой-либо форме участие самих обывателей в выборе этих лиц;

8) Органы правительства, самоуправления и соединства должны находится в таком соотношении, чтобы их совместная деятельность представляла собой одно органическое целое, направлена была к достижению одной общей цели, выражающейся в понятии об общем благе³⁴⁵.

Власть администрации (о формах и методах реализации исполнительной власти)

И. Т. Тарасов подразделял власть администрации на две основные формы: исполнительная власть и принудительная власть.

Исполнительная власть осуществляется с помощью актов управления (распоряжений, приказов). Ученый выделил два уровня таких актов. Во-первых, это распоряжения, которые исходят от высших органов исполнительной власти. Во-вторых, это предписания и приказы, которые издаются во исполнение распоряжений. И те и другие должны опираться на закон, при коллизии с законом терять обязательность. Однако, как подчеркивал И. Т. Тарасов, в отношении повиновения этим актам не действует безусловного требования исполнения как относительно законов. От кого бы не исходило распоряжение, всегда имеет место вопрос о том, законно ли оно. Если распоряжение незаконно, если оно имеет целью нарушение самого закона, то повинующийся такому распоряжению виновен столько же, сколько и издавший незаконное распоряжение. Средствами обеспечения законности (законмерности) распоряжений, т. е. их соответствия закону, служат, по утверждению ученого: 1) право представлений, делаемых в этих случаях низшими органами администрации высшим; 2) право жалобы, принадлежащее частным лицам и общественным органам; 3) контроль общих судов при рассмотрении ими дел о неисполнении распоряжений администрации; 4) постоянный контроль административных судов (административная юстиция)³⁴⁶.

³⁴⁵ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 170–175.

³⁴⁶ Там же. С. 180.

Принудительная власть (об административном принуждении)

Наши современники особо отмечают, что И. Т. Тарасов был первым российским ученым-административистом, написавшим монографическую работу «Личное задержание как полицейская мера безопасности» (Ярославль, 1885–1886)³⁴⁷, в которой проанализированы меры административного принуждения. Его заслуга состоит в том, что эти меры он очертил достаточно четко в сравнении с другими учеными-полицистами³⁴⁸.

Принуждение рассматривается И. Т. Тарасовым как крайнее средство, которое довольно часто может нарушать права граждан. В этой связи он обосновал необходимость установления переходных мер от распоряжения к принуждению. К таким мерам, предшествующим принуждению, он отнес следующие: 1) приказание; 2) приказание с угрозой исполнить приказываемое за счет обязанного; 3) приказание с угрозой наказания и 4) приказание с угрозой физического принуждения.

Принудительная власть администрации была определена ученым как совокупность принудительных мер, на применение которых администрация уполномочена законом. Именно законом определяются границы этой власти, условия ее применения. При этом И. Т. Тарасов в качестве основных положений права принудительной власти называл следующие:

- 1) граница принуждения зависит от рода и меры сопротивления, которое встречает исполнение;
- 2) принуждение не имеет места там, где нет сопротивления;
- 3) сила принуждения должна быть пропорциональна сопротивлению, поэтому применение принудительных мер должно идти последовательно от низших к высшим мерам;
- 4) законность применения принудительных мер должна подлежать судебному контролю³⁴⁹.

³⁴⁷ Тарасов И. Т. Полицейский арест в России: Период императорский // *Временник*. 1885. Кн. 37. С. 1–72; 1886. Кн. 38 (продолжение). С. 13–200; 1886. Кн. 39, 40. В оглавлении следующее название: *Личное задержание как полицейская мера безопасности*. Ч. 2. Полицейский арест в России. Отд. 2. Период Императорский.

³⁴⁸ Административная ответственность и проблемы административного права (Четвертые Лазаревские чтения. К 70-летию Бориса Михайловича Лазарева) // *Государство и право*. 2000. № 10. С. 19.

³⁴⁹ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 192.

Формы принуждения были классифицированы на 4 группы: 1) наделение администрации и полиции судебной властью как средством принуждения; 2) право администрации и полиции на личное задержание; 3) вооруженное принуждение; 4) объявление исключительного, осадного или чрезвычайного положения.

Особое внимание И. Т. Тарасов уделил вопросам определения сферы деятельности администрации и ее границ. В частности, он отметил, что данные границы не остаются постоянными, они исторически изменчивы. Не соглашаясь с позицией крайних противников (физиократов) и крайних сторонников (меркантилистов) правительственного вмешательства в экономику, общественную жизнь, ученый настаивал на том, что наиболее правильно определять сферу и границы этого вмешательства согласно целям государства и уважению к индивидуальной свободе как основе всякого благоустроенного общежития. Необходимым условием правительственного (административного) вмешательства служит, по его мнению, правильная организация администрации, которая использует предоставленную ей исполнительную и принудительную власть посредством сочетания положительных мер (содействие, поощрение и др.) и отрицательных мер (запреты, принуждение и др.). Прогрессивное начало в их сочетании заключается в преимущественно ведущей роли положительных мер, в постоянном возрастании значения этих мер. Так, например, принудительное школьное обучение немислимо без соответствующих положительных мер по созданию школ, подготовке учителей и т. д.³⁵⁰

Обеспечение правильности и закономерности в деятельности администрации (о механизме обеспечения законности в сфере исполнительной власти)

И. Т. Тарасов к способам обеспечения законности в сфере исполнительной власти относил следующие меры: угрозы, поощрения, ответственность (дисциплинарная, судебная), отчетность, ревизия, контроль, административная юстиция. На основе анализа российского законодательства в качестве поощрения к правильной и ревностной службе были рассмотрены: а) повышение по службе; б) награды в форме чинов, орденов, денежных наград и др.; в) организация пенсионного дела и эмиральных касс. Применительно к дисциплинарной ответствен-

³⁵⁰ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 285.

ности должностных лиц ученый утверждал, что во всех случаях неправильного наложения дисциплинарного взыскания за потерпевшим должно признаваться право обжалования такого наказания, но не в общих судах, а в судах административных как органах административной юстиции. Это обусловлено тем, что именно административные суды, состоящие из опытных в делах администрации лиц, ведая только этими делами, являются наиболее компетентным учреждением для правильного решения дел по такого рода жалобам³⁵¹.

Судебная ответственность администрации, должностных лиц была исследована ученым на основе сравнительного анализа законодательства и судебных систем Франции и Англии. Соответственно назывались две основные системы. Первая система – жалобная, в рамках которой физическое лицо, пострадавшее от неправильных действий должностных лиц, администрации, должно обратиться с жалобой к начальству того должностного лица, чьи действия обжалуются. Суду предать должностное лицо может только его начальство или какое-либо уполномоченное административное учреждение. Русское законодательство, как отмечал И. Т. Тарасов, основывается именно на жалобной системе. Вторая система является судебно-исковой и предполагает непосредственное обращение граждан, пострадавших от исполнительной власти, к суду для защиты своих прав в уголовном или гражданском порядке.

Отчетность в системе исполнительной власти квалифицировалась как способ обеспечения законности в ее деятельности. К требованиям, предъявляемым к отчетности, И. Т. Тарасов причислял следующие: а) соблюдение формы отчетности, установленной законом; б) сочетание внутренней и внешней отчетности; в) публичность; г) обязательность отчетности во всех сферах и во всех органах управления; д) срочность; е) соблюдение установленного порядка составления отчетов; ж) утверждение и проверка отчетов³⁵².

Ревизия как одна из форм контроля заключается, по замечанию ученого, в непосредственном единовременно или периодически повторяющемся ознакомлении с положением дел, а не

³⁵¹ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. С. 311.

³⁵² Там же. С. 333–334.

в рассмотрении только отчетности контролируемого учреждения. К ревизиям должны предъявляться следующие требования: а) независимость и компетентность ревизора; б) периодичность, продолжительность ревизий, полномочия ревизоров предусмотрены законодательством; в) отчетность по результатам ревизий; г) право на обжалование результатов ревизий.

Контроль в отличие от ревизий состоит в постоянном наблюдении над органами управления во всех сферах их служебной деятельности по данным, представляемым самими контролируемыми.

Административная юстиция

И. Т. Тарасов был сторонником развития административной юстиции. Он полагал, что для защиты прав и интересов граждан в отношениях с администрацией только судебной и дисциплинарной ответственности органов администрации недостаточно. Как показала практика всех государств, в деятельности администрации всегда возможны еще и такие действия и распоряжения, которые, не будучи ни преступлением, ни служебным упущением, тем не менее, существенно нарушают законные права граждан, искажают закон, это так называемая «административная неправда». Данная проблема, по мнению И. Т. Тарасова, разрешена теорией и практикой административной юстиции. Выделены три типичных подхода, воззрения на административные суды. Одни юристы, преимущественно французские, опираясь на учение о разделении властей, требовали сосредоточения административной юстиции в руках администрации, исполнительной власти. Другие желали ее вручить общим судам. Наконец, третьи, преимущественно немецкие юристы, настаивали на учреждении специальных административных судов, которые должны рассматривать дела о законности (правомерности) актов администрации. На примере Франции, Италии, Бельгии, Пруссии были проанализированы достоинства и недостатки этих трех систем, в том числе и смешанных. В России, как считал И. Т. Тарасов, имелось лишь некое подобие административных судов (например, Сенат).

Завершая анализ научного наследия И. Т. Тарасова, еще раз подчеркнем, что красной нитью в его исследованиях проходит тезис о том, что административное право регулирует деятельность публичной администрации и обеспечивает защиту прав и интересов граждан от произвола исполнительной власти. Он

проводил и развивал идею ограничения государственного принуждения в отношении личности. И. Т. Тарасов, как уже отмечалось ранее, свыше 10 лет научной, преподавательской жизни отдал Демидовскому лицу, именно в этот период он раскрылся как разносторонне одаренный и талантливый ученый.

Значительный вклад в развитие науки административного, полицейского права внес еще один известный представитель ярославской юридической школы **Александр Евгеньевич Назимов** (1851–1902). В 1874 г. он окончил юридический факультет университета св. Владимира в Киеве³⁵³. Был избран стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре государственного права, но предпочел службу помощником присяжного поверенного при Киевском окружном суде, по свидетельству его биографов, проявил себя как блестящий адвокат³⁵⁴. По настоянию своего учителя А. В. Романович-Славатинского возвращается в науку, сдает магистерский экзамен по государственному праву.

А. Е. Назимов так же, как И. Т. Тарасов, начинал свою научную деятельность в Киевском университете св. Владимира, но из-за отсутствия в нем вакансий приехал в 1881 г. в Ярославль с целью получить приват-доцентуру в Демидовском юридическом лицее и остался в этом учебном заведении почти на 10 лет. В 1886 г. он защитил в Киевском университете магистерскую диссертацию на тему «Реакция в Пруссии (1848–1858 гг.)», опубликовав ее в Ярославле³⁵⁵. Эта работа получила высокую оценку его учителя А. В. Романович-Славатинского³⁵⁶. Экземпляры книги его научным наставником были высланы известным немецким государствоведам Л. Штайну и Р. Гнейсту, которые также дали высокую оценку труду русского коллеги.

После защиты А. Е. Назимов продолжал читать курсы государственного и административного права в звании доцента, а

³⁵³ См. подробнее о нем и его творчестве: Егоров С. А. На честное дело жизни. Ярославль, 1997. С. 169–173; Он же. Выдающийся русский юрист А. Е. Назимов // Государство и право. 2000. № 2. С. 115–121.

³⁵⁴ См.: Профессор Александр Евгеньевич Назимов: Биография и воспоминания современников. Одесса, 1904.

³⁵⁵ Назимов А. Е. Реакция в Пруссии (1848–1858). Ярославль, 1886.

³⁵⁶ См.: Романович-Славатинский А. В. «Реакция в Пруссии (1848–1858)» Исследование А. Назимова. Ярославль, 1886 // Журнал министерства народного просвещения. 1887. № 1. С. 152 и далее.

затем – исправляющего должность экстраординарного профессора. Будучи преподавателем Демидовского юридического лицея, как уже отмечалось, он в основном занимался проблемами государственного и административного права. Его основные труды были посвящены теоретическим проблемам государственного права зарубежных стран³⁵⁷.

В 1891 г. А. Е. Назимов перешел в Новороссийский университет на кафедру полицейского права. Именно в этот период он разрабатывает, обосновывает учение о внутреннем управлении и полицейском праве³⁵⁸, читает лекции по полицейскому праву³⁵⁹. Последние годы жизни А. Е. Назимов работал над докторской диссертацией, посвященной истории министерства полиции, но, к сожалению, этот труд не был завершен в связи со смертью ученого. Его литографический конспект лекций по полицейскому праву содержит учение о государственном управлении. По сложившимся традициям курс открывался обстоятельным историческим очерком административно-полицейских учреждений в России, историческими обзорами законодательства по делам о печати, правительственных мер в области общественного призрения, народного просвещения, охраны здоровья и т. д. Учение о государственном управлении рассматривается ученым в структуре учения о государственном устройстве. По сути, речь шла о взаимодействии государственного права и административного (полицейского) права. По этому поводу А. Е. Назимов отмечал, что между обеими этими дисциплинами существует отношение, подобное тому, которое есть между анатомией и физиологией. В учении о государственном устройстве (государственное право) излагается структура органов государства и намечается та роль, которую выполняет каждый из этих органов; в учении о государственном управлении эти органы рассматриваются в их взаимной связи и в их согласованной деятельности при осуществлении целей общежития. При этом в учебном курсе А. Е. Назимов ограничил его предмет изучением государственного управления внут-

³⁵⁷ См.: Назимов А. Е. Теория конституционализма и самоуправления Рудольфа Гнейста // *Временник Демидовского юридического лицея*. Кн. 27. Ярославль, 1881. С. 19.

³⁵⁸ См.: Назимов А. Е. Учение о внутреннем управлении. (Полицейское право): Литографический конспект лекций. Одесса, 1893.

³⁵⁹ См.: Назимов А. Е. Лекции по полицейскому праву. Б. м., 1903.

ренными делами государства (внутреннее управление), противопоставляя его управлению делами международными, финансовыми, военными и т. д. Область внутреннего управления, по мнению ученого, выделяется из сопредельных областей администрации специфическим характером. Если администрация военная, дипломатическая и финансовая только косвенно содействуют внутреннему преуспеванию народа, обеспечивая государству надлежащее международное положение, материальные средства для удовлетворения его потребностей, то внутреннее управление ставит преуспевание народа главной и непосредственной задачей, поэтому последнее служит центром государственной администрации.

Таким образом, главную и непосредственную цель государственного внутреннего управления ученый видел в заботе о преуспевании народа, в развитии физических, интеллектуальных и экономических сил населения посредством согласованной деятельности общества и правительства. Следует подчеркнуть, что А. Е. Назимов считал «архиважной задачей» развитие общественных начал в делах внутреннего управления, развитие самодеятельности граждан посредством участия в учреждениях управления. Такая самодеятельность, как утверждал ученый, сближает между собой разнородные элементы местного населения, приучает граждан подчинять свои эгоистические интересы соображениям общего блага, расширяет политический кругозор и вообще может считаться лучшей политической школой для народа.

В науке государственного управления А. Е. Назимов, как и большинство полицейстов, выделял два основных раздела: учение о государственном благоустройстве и учение о полиции безопасности. Благоустроительная деятельность государства состоит в учреждении почты, железных дорог, заботе о развитии кредитных учреждений и т. д. Учение о полицейской безопасности сопрягается с полицейской деятельностью государства, отличительной чертой которой является принуждение.

Раскрывая юридический характер внутреннего государственного управления, А. Е. Назимов писал о закономерной, т. е. основанной на законе, деятельности администрации. Сравнивая роль закона для судьи и для администратора, А. Е. Назимов отмечал: «Для судьи закон служит единственной целью деятельности; для администратора закон есть только предел, престу-

пать который он не вправе; но, вращаясь в пределах закона, администратор может принять то или иное решение в зависимости от соображений целесообразности»³⁶⁰. Однако усмотрение в административном управлении не делает его произвольным и безграничным, не лишает строго юридического характера. По этому поводу ученый особо подчеркивал, что юридическая природа внутреннего управления сказывается в том, что действия администрации вращаются в формах, установленных законом. Этот формализм является первым условием закономерности управления.

Ученик А. Е. Назимова, студент Демидовского юридического лицея, а в последующем и его преподаватель И. Я. Гурлянд, в своих воспоминаниях свидетельствовал, что А. Е. Назимов постоянно подчеркивал, что административист «должен быть в одно и то же время и юристом, и философом, и историком»³⁶¹.

Видным административистом был **Эдуард Николаевич Берендтс** (1860 – после 1924), который, как и названные выше ученые, свыше 10 лет творческой научной и преподавательской деятельности отдал Демидовскому юридическому лицей. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1894 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «Государственное хозяйство Швеции», а в 1895 г. – докторскую по теме «Обзор политико-социального и экономического развития Швеции в 19-м столетии»³⁶².

С 1891 по 1898 гг. он читал в Демидовском юридическом лицее лекции по административному праву. Особый интерес представляют обоснованные Э. Н. Берендтсом положения о методе юридических наук в приложении к задачам, системе и ме-

³⁶⁰ Назимов А. Е. Учение о внутреннем управлении (Полицейское право). С. 3–4.

³⁶¹ Цит. по: Профессор Александр Евгеньевич Назимов: Биография и воспоминания современников. Одесса, 1904. С. 33–34.

³⁶² См. также: Берендтс Э. Н. Меркантилисты и физиократы в Швеции в XVIII столетии: Исторический этюд. Ярославль, 1892; Он же. Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890–1894. Ч. 1–2; Он же. Обзор политико-социального и экономического развития Швеции в XIX столетии. Ярославль, 1894.

тоту науки административного права³⁶³. На материалах лекций, читаемых в Демидовском лицее, он издает труд «Опыт системы административного права» (Ярославль, 1898. Т. 1. Вып. 1) Он причисляет этот учебник ко второму поколению учебников по полицейскому праву.

Э. Н. Берендтс определял административное право как совокупность норм, регулирующих обязательно и принудительно называемую управлением деятельность органов государственной власти, а также общественных групп и частных лиц для осуществления государственных задач, и совокупность обусловленных этой деятельностью юридических отношений между государством вообще, его органами и частными лицами. Административное право им разделяется на три составные части. К первой относится так называемое объективное право, т. е. совокупность юридических норм, определяющих права и обязанности органов государственной власти, а также всех других членов государственного общения при осуществлении государственных задач. Нормы эти выражают собою оценку интересов и составляют обязательное и принудительное разграничение в связи с осуществлением государственных задач. Нормы эти в свою очередь распадаются на две крупные категории. Первая обнимает нормы писанного права, вторая – нормы права обычного. В первую входят законы, распоряжения органов власти, постановления высших административных судов, во вторую – нормы обычного права. Последние, подчеркивается Э. Н. Берендтсом, играют в области администрации не менее важную роль, чем в области суда. Сюда им относится практика административных судов, а также практика различных административных мест.

Ко второй составляющей части им относится так называемое субъективное административное право государственной власти и ее органов, т. е. организация учреждений, предназначенных для осуществления государственных задач и выяснения тех обязательных и принудительных норм, которые могут быть приняты органами власти в пределах, указанных нормами административного права. В эту часть включается учение о юри-

³⁶³ См.: Берендтс Э. Н. О методе юридических наук (Задачи, система и метод науки административного права) // Русский вестник. 1897. № 4. С. 284–307.

дической природе государственной должности, о юридической природе административного действия в его различных видах.

Содержанием третьей составляющей части является субъективное право участников государственного общения, т. е. учение о тех отношениях, в которые вступают они к органам власти и друг к другу при несении обязанностей в угоду осуществления государственных интересов и при защите своих частных индивидуальных прав.

Право вообще, а также и административное право, отмечает Э. Н. Берендтс, не растет и не развивается само по себе, исключительно из себя. Его развитие на каждом шагу обусловлено развитием всей совокупности жизненных отношений, в которые поставлен данный народ, данное общество. Основные понятия, которыми оперирует наука административного права (государство, государственная должность, государственное управление, самоуправление, административное распоряжение, административное действие и т. д.), не являются абсолютными понятиями, а находятся в постоянной зависимости от исторических, социальных, экономических и других условий и меняются сообразно с их изменением.

«Нет ни одной точки в государственном теле, – писал ученый, – которая не подчинялась бы историческому течению и развитию, ни одной части в его организме, которая не изменялась бы в своей структуре ... настоящим, полным юридическим методом должно признать только тот научный юридический прием, который дает возможность понять не только форму юридического института, внешние формы юридических идей, но их внутреннее содержание. При выяснении генезиса данного административного института каждый исследователь, несомненно, должен обратиться к ознакомлению с политическими, социальными и экономическими условиями, при которых он возник»³⁶⁴. В этой связи неслучайно первый том его «Опыта системы административного права» был полностью посвящен обзору истории административного права России, оценке проводимых в России административных и судебных реформ. Так, положительно в целом характеризуя судебную реформу Александра II, автор делает обобщающий вывод о том, что «если не

³⁶⁴ Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. Т. 1. Вып. 1. С. 17.

признан принцип судебного контроля над администрацией, если не признано право каждого подданного преследовать всякое должностное лицо за нарушение его прав судебным порядком, то ... отделение суда от администрации поставило последнюю в более определенные рамки. Суд гласный является школой, благодаря которой в народе развивается и укрепляется правовое чувство и правосознание. И только по мере укоренения в обществе правосознания и правового чувства можно ожидать установления правомерности в администрации, ибо должностные лица плоть от плоти общества и кровь от его крови. Каково общество, такова и администрация. Здоровое дерево всегда дает здоровые плоды»³⁶⁵. Это утверждение ученого в отношении государственной службы звучит актуально и сегодня.

В этом же томе рассматриваемого учебника Э. Н. Берендтса специальный раздел был посвящен развитию французского административного права.

В 1903 г. Э. Н. Берендтс составляет записку «О прошлом и настоящем русской администрации», которая была представлена министру внутренних дел В. К. фон Плеве. Впоследствии автором эта записка была опубликована³⁶⁶. Она представляет собой размышления ученого о недостатках российского государственного строя, устройства и путях их устранения. Но эти размышления строятся на основе анализа хронологического развертывания организации управления в России в разные периоды нашей истории. Особый интерес представляет и авторская оценка административных реформ в указанные периоды.

По мнению Э. Н. Берендтса, главными недостатками российского государственного строя, современником которого был автор, являются отсутствие закономерности (законности) в действиях администрации и отсутствие гласности. Но, как отмечает автор, эти недостатки государственного строя «лежат на поверхности». Если «вникнуть глубже в сущность этих недостатков, нельзя не признать, что они плод двух более коренных недостатков, из которых один имеет духовно-нравственный характер, а второй – характер политический и технико-административный»³⁶⁷. Авторская характеристика этих недос-

³⁶⁵ Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. С. 209–210.

³⁶⁶ См.: Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913.

³⁶⁷ Там же. С. 9

татков и сегодня звучит весьма актуально и злободневно. Так, в отношении духовно-нравственных недостатков нашего российского общества Э. Н. Берендтс писал, что наше общество легко воспламеняется всеми новыми идеями, без критики относится ко всякому новшеству, в особенности если оно окрашено ореолом сильного радикализма и в то же время с беспощадной критикой смотрит на родное достояние, на то, что добыто потом и кровью предков. Мы «быстро увлекаемся реформами, – пишет автор, – но столь же быстро охлаждаемся, если наши преувеличенные чаяния и надежды не столь быстро оправдываются ... Приобретение новых прав встречается всегда с громким энтузиазмом, а неразрывно связанные с ним возрастание и усложнение обязанностей ... легко почитается помехой в наслаждении правами ... Редкое общество так страстно, как наше, готово отвергать авторитеты в государстве, церкви, школе, науке, искусстве, и вместе с тем так легкомысленно и доверчиво гоняться за новыми, гордиться своими успехами и в то же время бичевать самих себя и злорадно открывать перед чужими свои недостатки и промахи»³⁶⁸. Обращение к этике российского общества обусловлено суждением автора о том, что неудачи в истории нашего административного развития объясняются не столько недостатком норм права, которые регулировали управление, сколько недочетами в тех личных элементах, которым пришлось приводить эти нормы в действие.

Другим коренным недостатком российской государственности являлось, как считал ученый, отсутствие единства в строе нашей администрации и в направлении ее деятельности, в политике внутреннего управления. Это единство означает единство в действиях администрации и гармонию организации ее органов, а равно единство в признанных целях и задачах управления, т. е. реализация сознательно выработанного и продуманного плана политики внутреннего управления. Э. Н. Берендтс полагал, что в истории России, с момента вступления ее в ряды великих европейских держав, только о трех царствованиях можно сказать, что они проникнуты единством идеи и отличаются систематичностью (системностью) в действиях. То были царствования Петра Великого, Екатерины II и Николая I. Одна-

³⁶⁸ Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. С. 10.

ко задуманные этими тремя крупнейшими из русских государей широкие и смелые планы внутренней политики не были приведены в исполнение и не осуществились в действительности. Причины тому кроются, по мнению ученого, не в недостатках энергии и силы воли монархов, а опять-таки в недостатках административного строя. И здесь буквально дословно следует воспроизвести вывод автора, который не утратил своего значения по сей день: «Как лучшая администрация, построенная единообразно и систематически во всех разветвлениях, не может действовать плодотворно, раз нет единства в задачах, которые ей поставлены, так, наоборот, и стройный план внутреннего управления остается неисполненным без стройной и гармонически действующей административной машины. Но неудовлетворительнее всего развивается государство, если политика внутреннего управления не имеет единства, если она не построена на какой-либо одной, охватывающей все мысли, а состоит из цепи друг с другом не согласованных мероприятий и если при том осуществление их вручено органам администрации, разьединенным не только пространством, что необходимо, но и духом и направлением, что вредно»³⁶⁹.

И. Т. Тарасов называл Францию колыбелью административного права, где уже с начала XIX в. стали появляться специальные исследования в данной отрасли³⁷⁰. Изучению французского административного права был также посвящен капитальный труд приват-доцента кафедры всеобщей истории права и выпускника Демидовского лицея **Сергея Петровича Покровского** (1880 – не ранее 1928) «Государственный совет во Франции как орган административной юстиции в отмене административных решений». Сосредоточение исследовательских усилий именно на этой стороне деятельности «Совета», позволило автору, по его выражению, проникнуть в самый механизм французского положительного административного права, сделать важный вывод о том, что «административная юстиция Франции является моделью, образцом для установления прин-

³⁶⁹ Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. С. 13–14.

³⁷⁰ См.: Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М., 1891. С. 35.

ципов»³⁷¹. В марте 1914 г. в Московском университете он защитил магистерскую диссертацию по указанной выше теме. Предметом специального историко-догматического исследования С. П. Покровского была также и министерская система управления в России. Это исследование он подготовил, будучи студентом Демидовского юридического лицея³⁷². Особое внимание ученый уделял и вопросам превышения власти во французском административном праве, отграничивая его от злоупотребления властью³⁷³. В мае 1915 г. он был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре истории русского права, где он продолжил исследование французского административного права и теории административного процесса³⁷⁴.

Илья Яковлевич Гурлянд (1868 – после 1921 г.) закончил в 1890 г. Демидовский юридический лицей со степенью кандидата права и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В лицее читал курсы административного и торгового права. Первым его научным наставником был названный выше А. Е. Назимов. В 1900 г. он защищает магистерскую, а в 1902 г. – докторскую диссертации по полицейскому праву, после чего избирается ординарным профессором. Талантливый и честлюбивый ученый был замечен и в 1904 г. переведен в центральный аппарат МВД с назначением членом Совета Министров внутренних дел и чином действительного статского советника. С 1907 г. он становится руководителем правительственного официозного издания «Россия» и одним из ближайших советников П. А. Столыпина. Говоря современным языком, он стал спичрайтером (составителем речей) сначала главы МВД, а затем и председателя правительства П. А. Столыпина. Многие

³⁷¹ Покровский С. П. Государственный Совет Франции как орган административной юстиции в отмене административных решений. Ярославль, 1916. С. XVI.

³⁷² См.: Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906.

³⁷³ См.: Покровский С. П. Превышение власти во французском административном праве и его отличие от злоупотребления властью // Юридические записки Демидовского юридического лицея. 1914. Вып. 1/2. С. 271–298.

³⁷⁴ См.: Покровский С. П. Административный процесс о превышении власти (Его роль во французском административном праве). Вып. 1. Казань, 1920.

из ярких речей этого последнего действительно крупного реформатора царского периода были подготовлены именно Гурляндом. В 1915 г. он становится директором Бюро печати, а с 1916 г. – главой всей информационной службы России, т. е. фактически министром информации. Революционные события 1917 г. он не принял и оказался в числе эмигрантов первой волны. Его дальнейшая судьба нам достоверно не известна, но на начало 20-х гг. XX в. он находился в Париже.

В интересующем нас контексте отметим, что И. Я. Гурлянд проводил историко-правовые исследования ямской гоньбы (служба по обслуживанию военных, дипломатических гонимых, иностранных послов и т. д.) и приказного строя в России. Им была опубликована монография «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в.» (Ярославль, 1900), которая получила высокую оценку современников в ключе ее новизны, выполнении значительного пробела в изучении этого вопроса. Так, приват-доцент Демидовского лицея А. Свирцевский писал, что появление названной книги проливает новый свет также и на некоторые финансовые явления Московского государства и вынуждает сделать две поправки к известным ранее изысканиям Лаппо-Данилевского и Милокова³⁷⁵. П. П. Гензель в своем известном библиографическом указателе отметил, что названная работа И. Я. Гурлянда «основана на обширном архивном материале»³⁷⁶. Это свидетельствует об обоснованности выводов автора, достоверности его заключений.

Не менее значимыми были исследования И. Я. Гурлянда по истории приказа Сыскных дел в системе органов управления Московского государства в XVII в.³⁷⁷ и приказа Тайных дел царя Алексея Михайловича³⁷⁸. Наш современник С. А. Егоров считает, что до И. Я. Гурлянда эта проблема не была предметом

³⁷⁵ См.: Свирцевский А. Лекции по русскому финансовому праву. Вып. 1. Ярославль, 1900. С. 71.

³⁷⁶ См.: Гензель П. П. Библиографический указатель финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Ярославль, 1908. Вып. 1. С. 22.

³⁷⁷ См.: Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел // Сб. ст. по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, его учениками и почетателями. Киев, 1904.

³⁷⁸ См.: Гурлянд И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.

специального научного рассмотрения. Тайная роль приказа определялась на основе архивных документов. В работе И. Я. Гурлянда было «показано подлинное назначение приказа как органа надзора за всей системой управления, возглавлявшейся непосредственно царем»³⁷⁹.

Владимир Андреевич Гаген (1874–1930)³⁸⁰, выпускник Ярославского Демидовского юридического лицея, доктор полицейского права, профессор Императорских Варшавского и Санкт-Петербургского университетов. В его научном творчестве особое место отводилось проблемам административной юстиции. Он утверждал, что «административные законы определяют то, что администрация может требовать от частных лиц, а последние от администрации. Всякая норма публичного права, изданная в интересах частных лиц, создает публичное субъективное право этих частных лиц»³⁸¹. Споры с администрацией ученый подразделял на две категории: спорные административные дела, которые разрешаются обычными или административными судами, и просто административные дела, которые должны решаться самой администрацией. При этом если дело судебно-административное, то жалобщик может обратиться одновременно к двум органам (суду и администрации), а если чисто административное, то у него остается лишь один путь обращения – к высшей власти³⁸². В. А. Гагеном был обобщен опыт организации административной юстиции в странах Западной Европы, а равно состояние и перспективы организации административной юстиции в России. Ученый рассмотрел деятельность российских учреждений, которые имеют отношение к административной юстиции. Присутствия по делам страхования рабочих, по мнению В. А. Гагена, в большей степени напоминали административные суды. Эти присутствия появились после издания Законов 1912 г. об обеспечении рабочих врачебной помощью и о страховании рабочих от несчастных случаев

³⁷⁹ Егоров С. А. Доктор полицейского права И. Я. Гурлянд // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000. Вып. 4. С. 49.

³⁸⁰ Биографические данные о В. А. Гагене даны в главе 12 настоящего раздела, посвященной ярославской школе трудового права и права социального обеспечения.

³⁸¹ Гаген В. А. Административная юстиция. Ростов н/Д, 1916. С. 4.

³⁸² Там же. С. 6.

на производстве. Их компетенция охватывала и распорядительную, и судебно-административную деятельность. Последняя состояла в рассмотрении жалоб на действия членов фабричной инспекции, дел о привлечении должностных лиц больничных касс к судебной ответственности. Как отмечает ученый, эти административные суды отличают от других присутствий некоторые выгодные стороны. Так, в состав этих присутствий впервые введены представители от рабочих. Само производство дел построено на началах привлечения заинтересованного лица к присутствию и активному участию на суде³⁸³. Иная оценка прозвучала в отношении Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, состоявшего в ведении Министерства торговли и промышленности. По своему составу оно «мало походит на административный суд в связи с преобладанием бюрократического элемента». Не соответствует деятельности Присутствия «как административного суда и порядок производства дел, где значение сторон сведено почти к нулю, им не дано никаких судопроизводственных гарантий – ни устности, ни гласности, ни состязательного начала, одним словом, нет ни одного элемента административного процесса»³⁸⁴.

Основные положения административного права В. А. Гагеном были представлены в его авторском учебнике «Административное право» (Ростов-на-Дону (1916), поскольку в этот период Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону³⁸⁵). В 1921 г. В. А. Гаген стал профессором факультета общественных наук Донского университета, читал курсы административного права и административной юстиции.

Таким образом, подводя черту под рассматриваемым досоветским периодом развития российского полицейского и административного права, еще раз подчеркнем две основные взаимообусловленные закономерности. Первая связана с дифференциацией политико-правовой науки – науки о полиции, отпочкованием от нее полицейского права как юридической науки, которая стала источником иных юридических наук: финансового права, трудового права и т. д. Вторая тенденция обусловлена самоидентификацией науки административного права

³⁸³ Гаген В. А. Административная юстиция. С. 84 и далее.

³⁸⁴ Там же. С. 98–99.

³⁸⁵ В этом же году выходит второе издание его книги: Гаген В. А. Административная юстиция. Ростов н/Д, 1916.

на базе полицейского права как очередной этап развития полицейского права. В конце XIX в., как подчеркивается нашими современниками, рассматриваемая нами отрасль знания приобрела тот вид, который нам хорошо знаком под именем науки административного права. Следует отметить, что в этот период отмечалась устарелость указанной науки полицейского права и предлагалось перейти к использованию термина «административное право»³⁸⁶. В начале XX в. все чаще стали появляться учебники по административному праву, авторами которых были не только вышеназванные ученые, но и профессора: В. М. Гессен³⁸⁷, читавший курсы по административному праву в учебных заведениях Санкт-Петербурга, А. И. Елистратов³⁸⁸ – в Московском университете, Ивановский В. В.³⁸⁹ – в Казанском университете. Отметим, что Э. Н. Берендтс, который в 1900 г. как крупнейший специалист в области финляндского права был назначен помощником статс-секретаря министра по делам Великого княжества Финляндского, по окончании этой службы читал лекции по административному праву Великого княжества Финляндского в Санкт-Петербургском университете³⁹⁰.

Для российской науки административного права 1917 г. – год социальных катаклизмов – стал действительно рубежным. Первую генерацию советских специалистов в области административного права составили в основном ученые, публиковавшие свои работы еще до 1917 г. Среди них можно назвать

³⁸⁶ См. подробнее: Гундарин О. Т., Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии. СПб., 1999. С. 13.

³⁸⁷ См.: Гессен В. М. Административное право: Популярные лекции для самообразования (Семейный университет Ф. С. Комаровского. Юридический факультет). СПб., 1903; Программа курса административного права проф. В. М. Гессена. СПб., 1914.

³⁸⁸ См.: Елистратов А. И. Административное право: Лекции. М., 1911; Он же. Учебник русского административного права. Вып. 1–2. М., 1911; Он же. Основные начала административного права. М., 1914.

³⁸⁹ См.: Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). Казань, 1904.

³⁹⁰ См.: Берендтс Э. Н. Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского, читанные в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1901–1902 уч. году. Т. 1–2. СПб., 1903; Он же. Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского. СПб., 1910.

А. И. Елистратова, доктора полицейского права, специалиста в области административного права, преподававшего в Казанском и Московском университетах³⁹¹, А. Ф. Евтихиева – в Харьковском университете³⁹² и др. В советской России само упоминание о полиции ассоциировалось с царским режимом. На смену полицейскому праву пришла уже признанная правовая дисциплина – административное право. Но поскольку первое в мире государство рабочих и крестьян взяло на вооружение марксистско-ленинское учение об отмирании государства при коммунизме, постольку и административное право оказалось «на задворках истории», исчезло из учебных программ университетов. Более того, как писал в 1927 г. известный административист Карадже-Искров: «Индивидуальная свобода не является для нас основным принципом..., наше государство проникнуто идеями коллективизма и не склонно выдвигать на первый план личность. Наоборот, оно рассматривает отдельных личностей как средство для достижения своих целей..., у нас личность не является чем-то самоценным, она лишь винтик огромной машины. Поэтому и обеспечение ее прав стоит на втором месте»³⁹³.

Только к началу 40-х гг. XX в. наука административного права была «восстановлена в правах», а в университетах возобновлено преподавание этой дисциплины, появились первые учебники, начали проводиться монографические исследования проблем советского социалистического государственного управления (Г. И. Петров, В. М. Манохин, Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев, М. И. Пискотин, Д. Н. Бахрах, А. И. Галаган и др.).

Поступательное развитие науки административного права продолжается и сегодня. Новые «вызовы времени» требуют и новаций административно-правовых учений. В настоящее время в системе административного права исследователями выделяются четыре основные подсистемы, а именно управленческое

³⁹¹ См.: Елистратов А. И. Вопросы административного права Л.; М., 1922.

³⁹² См.: Евтихий А. Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925.

³⁹³ Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права. Иркутск, 1927. С. 83.

право, служебное право (Ю. Н. Стариков и др.)³⁹⁴, полицейское право (К. С. Бельский, И. И. Мушкет и др.)³⁹⁵ и административная юстиция.

Вместе с тем новый облик российского административного права начала XXI в. предполагает преемственность сложившимся правовым традициям, в том числе и ярославской школы административного права, сформировавшейся в Демидовском юридическом лицее. Речь идет о признании верховенства прав человека и гражданина, реализации идей правового государства и гражданского общества. Прежде всего, сохраняют свою актуальность и практическую значимость:

- выводы о социальных функциях правового государства (концепция социального государства);
- доктринальное определение административного права как права защиты гражданина от произвола, «административной неправды» администрации, исполнительной власти;
- легализация права граждан, их объединений на участие в управлении государством, правовой статус «соединств» (по терминологии И. Т. Тарасова);
- гарантии субъективных публичных административных прав, институты контроля за правомерностью актов управления (отчетность, ревизии, административная юстиция), дисциплинарная и судебная ответственность в сфере исполнительной власти; административная юстиция (административные суды);
- определение границ права исполнительной власти на принуждение, характеристика мер принуждений (отрицательных мер) в единой системе координат с мерами положительными, при ведущей роли последних в государственном управлении обществом.

³⁹⁴ См.: Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М., 2007. С. 253–330; Стариков Ю. Н. Служебное право. Воронеж, 1996.

³⁹⁵ См.: Бельский К. С. Полицейское право. М., 2004; Бельский К. С., Елисеев Б. П., Кучеров И. И. Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12. С. 45–53; Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: Проблемы теории. СПб., 1998.

**Ярославская школа финансового права
Демидовского юридического лица
и развитие отечественной науки финансового права**

В соответствии с последним дореволюционным университетским уставом 1884 г. на всех юридических факультетах учреждались кафедры финансового права. После этого нововведения университетские преподаватели стали переименовывать свои дисциплины, курсы сообразно названию той кафедры, которую они занимали, – финансовое право³⁹⁶. Наука финансового права, финансовое право сформировались в России только ко второй половине XIX в. Зарождалась российская наука финансового права в лоне политической экономии, науки о финансах, отчасти государственного и полицейского права. На протяжении всего XIX столетия вопросы о соотношении науки финансового права и политической экономии, соотношения финансового права и государственного, полицейского права разрешались неоднозначно. Шел процесс обособления, приобретения самостоятельного статуса наукой финансового права и финансовым правом, имеющими свой предмет изучения и правового регулирования. В этот же период складывались и научные школы финансового права, как правило, на базе ведущих университетов: **московская, Санкт-Петербургская, казанская, новороссийская и ярославская**. Но при этом с очевидностью прослеживаются взаимообусловленность, развитие этих школ в едином процессе формирования российской школы финансового права. Так, яркие представители ярославской школы финансового права, покинув стены Демидовского юридического лица, продолжили преподавательскую деятельность: в Императорском Московском университете – И. Т. Тарасов, А. А. Исаев – в Санкт-Петербургском университете, Э. Н. Берендтс – в Императорском училище правоведения (Санкт-Петербург).

Особенно ярко процесс «самоопределения» финансового права в тот период прослеживается на примере издаваемых учебников по финансовому праву, поскольку они содержали авторское видение предмета и системы финансового права.

У истоков **московской школы финансового права** стоял профессор финансового права Московского университета

³⁹⁶ См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 241–242.

Ф. Б. Мильгаузен, который был первым, кто издал курс лекций по финансовому праву в 1865 г.³⁹⁷ В нем рассматривались вопросы, связанные с бюджетом Российского государства, его доходной и расходной частями. У данного профессора обучался и был замечен И. И. Янжул (1846–1914)³⁹⁸, который впоследствии стал профессором кафедры финансового права Московского университета. Его перу принадлежали широко известные как научные³⁹⁹, так и учебные издания по финансовому праву⁴⁰⁰. Так, П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» охарактеризовал учебник И. И. Янжула как «прекрасный, но, к сожалению, незаконченный, т. к. не уделено места бюджету, государственному кредиту и местным финансам»⁴⁰¹. Другой современник автора И. Т. Тарасов также с сожалением отмечал, что «"Финансовое право" проф. Янжула, невзирая на бесспорные достоинства... не заключает в себе многих отделов этой науки»⁴⁰².

С 1898 по 1917 гг. кафедру финансового права возглавлял профессор И. Х. Озеров (1869–1942), который продолжил преподавательскую работу в СССР до конца 20-х гг. XX в.⁴⁰³ Его современник Э. Н. Берендтс дал следующую емкую характеристику

³⁹⁷ См.: Мильгаузен Ф. Б. Финансовое право: Курс лекций. М., 1865; Финансовое право: Конспект лекций Ф. Б. Мильгаузена. 1868/69. М., 1868.

³⁹⁸ См. о нем подробнее: Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. М.: Статут, 2002. Т. 3. С. 3–31 (серия «Золотые страницы финансового права России»).

³⁹⁹ См.: Янжул И. И. Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз. М., 1974; Он же. История финансового права. СПб., 1882; Он же. Финансовое право. М., 1889 и др.

⁴⁰⁰ См.: Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. СПб., 1899; Он же. Темы и задачи для практических упражнений по финансовому праву. М., 1895 и др.

⁴⁰¹ Гензель П. П. Библиография финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Ярославль, 1908. Вып. 1. С. 96.

⁴⁰² Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. М., 2004. Т. 4. С. 109.

⁴⁰³ См.: Озеров И. Х. Подоходный налог в Англии. М., 1898; Он же. Государственный кредит: Конспект лекций по финансовому праву. М., 1901; Он же. Финансовое право: Конспект лекций (Бюджет, формы взимания и местные финансы) М., 1901; Он же. Основы финансовой науки: Курс лекций. Вып. 1–2. М., 1909, 1910; Он же. Финансовое право. СПб., 1915; Он же. О приемах изучения финансовой науки. М., 1903 и др.

стику книги И. Х. Озерова «Основы финансовой науки» (В 2 т. М., 1911): «Это очень обстоятельное изложение финансовой науки, богатое статистическими данными и отличающееся новизной в постановке вопросов и оригинальностью мысли»⁴⁰⁴. Московскую школу финансового права отличало органическое сочетание экономической и юридической составляющих финансового права, широкое применение статистических методов в исследованиях. Это не случайно, т. к. И. И. Янжул, И. Х. Озеров были также известными экономистами, финансистами.

*Санкт-Петербургская школа финансового права*⁴⁰⁵ ассоциируется с именами профессоров И. Я. Горлова, В. П. Безобразова (1828–1889)⁴⁰⁶, В. А. Лебедева (1833–1909)⁴⁰⁷, Л. В. Ходского (1854–1919), В. Г. Яроцкого (1855–1917)⁴⁰⁸. И. Я. Горлов читал лекции по финансовому праву, политэкономии и статистике в Императорском Александровском лицее и училище правоведения. Предметом его исследований был широкий спектр вопросов о государственных доходах и расходах, налоговой системе, государственном кредите, выпуске металлических и бумажных денег⁴⁰⁹. Его работы были написаны в целом в политэкономическом ключе, юридическая трактовка финансовых категорий, как отмечал К. С. Бельский, была отодвинута на второй план, а нередко вообще отсутствовала⁴¹⁰. И. Я. Горлов был последователем немецкой школы экономистов первой половины XIX в., в особенности К. Г. Рау. Аналогичным образом был написан и курс лекций по финансовому праву В. П. Безобразовым, который он читал в Александровском училище. Этот

⁴⁰⁴ Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 29–30.

⁴⁰⁵ См также: Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / Под ред. В. В. Иванова, В. В. Ковалева, С. А. Белозерова. СПб., 2006.

⁴⁰⁶ См.: Безобразов В. П. Государственные доходы: 1. Теоретические и практические исследования. 2. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение. СПб., 1872.

⁴⁰⁷ См.: Лебедев В. А. Местные налоги: Опыт исследования теории и практики местного обложения. СПб., 1886; Он же. Бумажные деньги. СПб., 1889 и др.

⁴⁰⁸ См.: Яроцкий В. Г. Финансовое право. М., 1885; Он же. Учебник финансового права. СПб., 1898.

⁴⁰⁹ См.: Горлов И. Я. Теория налогов. СПб., 1840; Он же. Теория финансов. Казань, 1841; Он же. Начало политической экономии. СПб., 1852–1862.

⁴¹⁰ См.: Бельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 47.

курс являлся рукописной работой, в ней отсутствовал юридический анализ, но автор признавал, что без юридического элемента финансовая наука развиваться не может⁴¹¹. С 1867 г. и до 1909 г., в течение 40 лет, вплоть до своей кончины, финансовое право в Санкт-Петербургском университете преподавал В. А. Лебедев. Свою научную деятельность он начал с перевода на русский язык учебника К. Г. Рау «Основные начала финансовой науки» (СПб., 1868). В петербургском университете долгие годы (до выхода учебника В. А. Лебедева «Финансовое право») названный труд К. Г. Рау оставался основным учебным пособием по курсу теории финансов и финансового права, а самого К. Г. Рау окрестили «отцом финансовой науки». Изданный В. А. Лебедевым учебник «Финансовое право» (СПб., 1-е изд. 1882–1885; 2-е изд. 1888–1893) получил высокую оценку его современников. Например, профессор Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасов отмечал содержательную объемность книги и богатство материала⁴¹². Его труд стал для того времени, по сути, финансовой энциклопедией⁴¹³. Научную и педагогическую школу В. А. Лебедева прошли уже упомянутый И. Х. Озеров и Л. В. Ходский⁴¹⁴, которые вели практические занятия в рамках курса, читаемого В. А. Лебедевым. Впоследствии Л. В. Ходский стал ординарным профессором по кафедре финансового права Санкт-Петербургского университета. Его известный труд «Основы государственного хозяйства. Курс финансовой науки» (СПб., 1894, 1901, 1907, 1913) наш современник А. Н. Козырин называет оригинальным исследованием об организационно-правовой основе публичных финансов России на рубеже XI–XX вв., которая в течение нескольких десятилетий оставалась «настойной книгой» студентов-юристов и представляет несомненный интерес и для нынешних исследова-

⁴¹¹ Безобразов В. П. Финансовое право: Лекции. СПб., 1878.

⁴¹² См.: Тарасов И. Очерк науки финансового права. Ярославль, 1889. Вып. 1. С. 208.

⁴¹³ См. подробнее: Лебедев В. А. Финансовое право: Учебник. М.: Статут, 2000. Т. 2. С. 7–32 (серия «Золотые страницы финансового права России»).

⁴¹⁴ См.: Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства/: Пособие по финансовой науке. СПб., 1894; Он же. Конспект по курсу финансового права. СПб., 1904.

телей⁴¹⁵. В. Г. Яроцкий, профессор политической экономии и статистики, читал лекции по финансовому праву в Александровском лицее, Военно-юридической академии (Санкт-Петербург)⁴¹⁶.

Новороссийская школа финансового права (Новороссийский университет) заявила о себе в 1870–1880 гг. плеядой талантливых ученых-финансистов: И. Ю. Патлаевский (1838–1883)⁴¹⁷ и С. И. Иловайский (1861–1907)⁴¹⁸, издавших также и учебники по финансовому праву. Э. Н. Берендтс в отношении учебника по финансовому праву С. И. Иловайского писал, что это издание «обещает быть самым полным курсом финансовой науки в России и вместе с тем руководством финансового права, ... содержит в себе превосходное изложение сущности финансового хозяйства вообще, государственных расходов, бюджетного права, финансового управления, кассового и контрольного строя»⁴¹⁹. Добавим, что этот учебник также содержал сравнительно-правовой анализ пошлин и налогов (поземельный, подомовой, промысловый, поимущественный и др. налоги), а равно характеристику местного финансового хозяйства. Отметим, что С. И. Иловайский своим учителем считал профессора В. А. Лебедева, которому посвятил одну из своих работ по теории и практике косвенного налогообложения⁴²⁰.

⁴¹⁵ См.: Козырин А. Н. Леонид Владимирович Ходский и российская наука финансового права конца XIX – начала XX в. // Финансовое право. 2008. № 11. С. 2–7.

⁴¹⁶ См.: Яроцкий В. Г. Учебник финансового права. СПб., 1898.

⁴¹⁷ См.: Патлаевский И. Ю. Курс финансового права. Одесса, 1885; Он же. О подоходных налогах: Сб. государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. Т. 4. СПб., 1877; Он же. Денежный рынок в России от 1700 до 1762 гг. Одесса, 1868; Он же. Теория денежного обращения Риккардо и его последователей. Одесса, 1871.

⁴¹⁸ См.: Иловайский С. И. Определение, содержание и значение науки финансового права. Одесса, 1887; Он же. Казенные монополии как способ обложения предметов потребления. Одесса, 1896; Он же. Учебник финансового права. Одесса, 1899, 1904.

⁴¹⁹ См.: Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 29.

⁴²⁰ См.: Иловайский С. И. Косвенное обложение в теории и практике. Вып. 1–2. Одесса, 1892.

Казанская школа финансового права – это имена профессоров Казанского университета Е. Г. Осокина (1819–1880)⁴²¹ и Д. М. Львова (1850 – после 1899)⁴²², уделявших особое внимание правовым проблемам налогообложения (таможенные пошлины, промысловый налог, налог с наследств). Причем докторская диссертация Е. Г. Осокина была посвящена внутренним таможенным пошлинам в России, а Д. М. Львова – налогу с наследств. Последняя признавалась лучшим в то время русским сочинением по данному вопросу. В рецензии на труд Д. М. Львова о налоге с наследств современник автора П. П. Гензель отметил, что «в книге преобладает строго догматическое изложение, сводящееся подчас к простому комментированию отдельных законодательных актов всех культурных стран»⁴²³. Учебник Д. М. Львова по финансовому праву, изданный в 1888 г., по мнению его современника И. Т. Тарасова, «представляет собой в действительности полный курс данной науки, с включением также местных и даже имперских финансов, изложенных однако в чрезмерно сжатом и неполном очерке»⁴²⁴. Уже наш современник К. С. Бельский также отмечает, что, несмотря на слабый юридический анализ, учебник был наиболее полным и обстоятельным курсом данной науки⁴²⁵.

Кстати, упомянутый выше В. А. Лебедев слушал курс лекций по полицейскому и финансовому праву у Е. Г. Осокина, закончил Казанский университет и защитил там в 1868 г. магистерскую диссертацию «О поземельном налоге».

⁴²¹ См.: Осокин Е. Г. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850; Он же. Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права. Казань, 1855; Он же. О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России. Казань, 1856.

⁴²² См.: Львов Д. М. Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и России. Казань, 1878; Он же. Отчет об учебных занятиях по финансовому праву во время командировки 1882 года. Казань, 1882; Он же. Налог с наследства по современному учению финансовой науки. Казань, 1883; Львов Д. М. Курс финансового права. Казань, 1887; Он же. Налог с наследств. СПб., 1898.

⁴²³ Гензель П. П. Библиография финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Вып. 1. Ярославль, 1908. С. 49.

⁴²⁴ Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 109.

⁴²⁵ См.: Бельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 48.

В начале XX в. финансовое право в университете преподавал известный специалист по проблемам социального страхования профессор П. А. Никольский.

Ярославская школа финансового права. Одним из уникальных явлений в истории российской правовой науки стал Демидовский юридический лицей, открывший немало талантливых имен отечественной юриспруденции⁴²⁶. Этому способствовало то, что еще со времен камерального направления лицея в нем на высоком уровне было поставлено преподавание политической экономии и финансового права. Ряды преподавателей этих дисциплин украшают имена таких выдающихся личностей, как М. Н. Капустин, И. Т. Тарасов, А. А. Исаев, а также А. Р. Свирщевский, Э. Н. Берендтс. Уникальность и научная мощь этой блестящей плеяды ученых общепризнанна. Более того, в настоящее время труды по финансовому праву И. Т. Тарасова и А. А. Исаева переизданы и доступны для широкого круга читателей. Переиздание этих трудов сопровождалось предисловиями, включающими биографию авторов и развернутый анализ их творческого наследия, который дан современными учеными-финансистами А. Н. Козыриным, А. А. Ялбулгановым, И. И. Кучеровым⁴²⁷. В этой связи мы позволим ограничиться лишь краткими характеристиками научного творчества И. Т. Тарасова и А. А. Исаева и более подробно остановиться на «забытых» и менее доступных трудах еще двух ярких представителей Демидовского юридического лицея А. Р. Свирщевского и Э. Н. Берендтса.

Но начало преподавания науки о финансах в Демидовском юридическом лицее связано с именем **М. Н. Капустина**. Он был сторонником немецкого ученого К. Г. Рау, который науку о финансах считал составной частью политической экономии⁴²⁸.

⁴²⁶ См. также: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 6–40 (серия «Золотые страницы финансового права России»).

⁴²⁷ Финансы и налоги: Очерки теории и политики. И. Т. Тарасов, А. А. Исаев. Т. 4 М., 2004. (серия «Золотые страницы финансового права России»); Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. М., 2004 (серия «Научное наследие»).

⁴²⁸ См.: Рау К. Г. Основные начала финансовой науки. Т. 1. СПб., 1867.

М. Н. Капустин науку о финансах не признавал самостоятельной наукой, включая ее в структуру политической экономии, а также не видел необходимости в выделении юридической науки о финансах (иными словами, науки финансового права) и относил последнюю к области государственного права⁴²⁹.

Свой читаемый курс ученый называл курсом политической экономии и финансов. Этот курс включал три основных раздела: 1) хозяйство, его формы и организация; 2) производство и доход; 3) расход и сбережение. При этом каждый из разделов курса содержал блок вопросов, непосредственно связанных с публичными финансами, т. е. с государственным хозяйством, государственными доходами и расходами, государственными долгами и государственным бюджетом. Основной и определяющей статьей государственных доходов ученый признавал налоги как «денежные средства, которые отдельные лица доставляют государству, по его требованию, для удовлетворения общих нужд страны»⁴³⁰, и государственные сборы – «суть те уплаты, которые производятся лицами, пользующимися тем или другим государственным учреждением в своих частных интересах, или же взносы в вознаграждение за расходы, которые государство обязано сделать ради этих лиц исключительно»⁴³¹. При этом он не уделял должного внимания доходам, получаемым государством от использования государственного имущества. Как отмечает А. Н. Козырин, такое представление о государственных доходах, исключаящее из этого понятия все доходы, получаемые от использования государственного имущества, не соответствовало сформировавшемуся уже в то время (во второй половине XIX в.) представлению об этом разделе финансового права⁴³². М. Н. Капустин все расходы в политэкономическом смысле подразделял на личные, общественные и государственные. Отмечая особенность государственных расходов, он писал, что «государственные расходы имеют своим назначением удовлетворение общественных потребностей не непосредственно самими лицами, а при посредстве государства,

⁴²⁹ См.: Капустин М. Чтения о политической экономии и финансах. Ярославль, 1879.

⁴³⁰ Капустин М. Указ. соч. С. 259.

⁴³¹ Там же. С. 309.

⁴³² См.: Финансы и налоги: Очерки теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 17.

которое берет на себя расходование получаемых им долей народного дохода»⁴³³.

Отрицание М. Н. Капустиным самостоятельности финансового права вызвало волну критики⁴³⁴. Практически каждый ученый, бравшийся за написание учебника по финансовому праву, считал своим долгом высказать несогласие с названной позицией М. Н. Капустина. Отметим, что взгляд на финансовую науку как раздел политической экономии господствовал в конце XVIII – первой половине XIX в. Затем большинство исследователей подчеркивали взаимообусловленность науки о финансах (финансовой науки) и финансового права (науки финансового права). Так, В. А. Лебедев в своем известном учебнике «Финансовое право» писал о многослойности финансовой науки, которая должна излагаться в двух направлениях: юридико-догматическом и политическом. По утверждению ученого, «юридико-догматическое изучение финансовых законодательств и есть финансовое право, а изучение правил финансового хозяйства с экономической и политической стороны составляет финансовую науку, которую иногда называют и финансовой политикой»⁴³⁵. И. Х. Озеров также подчеркивал двойственный характер финансовой науки, утверждая, что «финансовая наука принадлежит к циклу экономических наук одной стороной, другой – к правовым, и есть наука о хлебе насущном, о том, почему население сыто или голодно, почему оно имеет хлеб или не имеет его»⁴³⁶. Но все «громче» раздавались «голоса», ратующие за обособление правовой составляющей финансовой науки – науки финансового права. И здесь следует обратиться к исследованиям представителя ярославской школы финансового права И. Т. Тарасова. Наши современники подчеркивают уникальность исследований И. Т. Тарасова по финансовому праву, отмечая, что в этих работах четко выделена как раз правовая составляющая финансовой науки⁴³⁷. Как уже отмечалось выше, большинство работ по финансовому праву того пе-

⁴³³ Финансы и налоги: Очерки теории и политики. С. 335.

⁴³⁴ Там же. С. 15.

⁴³⁵ Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1882. С. 10.

⁴³⁶ Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Вып. 1: Учение об обыкновенных доходах. М., 1908. С. 16.

⁴³⁷ См.: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. С. 18.

риода представляли собой исследования экономико-юридического характера, где доминировали экономические аспекты.

Начав читать политическую экономию и науку о финансах в Демидовском лицее, М. Н. Капустин вскоре оставил преподавание этой дисциплины. Ему на смену пришли И. Т. Тарасов и А. А. Исаев. **И. Т. Тарасов**, биографию которого и основные вехи творческого пути мы проанализировали в предшествующем разделе, читал курс финансового права с 1878 по 1881 учебные годы. На базе лекций, прочитанных в Демидовском юридическом лицее, он издал «Очерк науки финансового права» (Ярославль, 1883). В отличие от М. Н. Капустина, И. Т. Тарасов обосновывал самостоятельность и самодостаточность науки финансового права, при этом разграничивал положительное финансовое право и науку финансового права.

О науке финансового права и финансовом праве. В своем труде «Очерк науки финансового права» (1-е изд. 1883 г.; 2-е изд. 1889 г.) автор, прослеживая исторический путь исследуемой им науки, отмечает, что она только благодаря учению о правовом государстве возвысилась до значения самостоятельной науки, «в которой нашло выражение то основное начало, что как добывание средств в пользу государства, так и расходование добытых средств на удовлетворение государственных потребностей должны быть правомерны и государственны»⁴³⁸. Кроме того, подчеркивает И. Т. Тарасов, само ведение хозяйства неизбежно создает юридический порядок соотношения между государством, с одной стороны, а гражданами – с другой. Анализ этого порядка и входит в науку финансового права как науку о правомерном государственном хозяйстве. Наука финансового права определяется И. Т. Тарасовым как наука о правовых нормах, определяющих сферу государственного хозяйства.

Теория финансов не отбрасывается правовой наукой, а находится с ней в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. В науке финансового права И. Т. Тарасовым усматриваются в нераздельности правовой, политической и экономической элементы. В этой юридической науке, подчеркивается им, «анализ законов хозяйственных явлений и анализ правовых

⁴³⁸ Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. М., 2004. Т. 4. С. 51. (Здесь и далее указаны страницы работы И. Т. Тарасова по данному переизданию.)

норм, определяющих государственно-хозяйственную сферу, идут об руку. Эта наука учит не только тому, что есть и почему оно происходит, но и тому, что в этой области согласно с экономическими законами, со значением и целью государства и с понятиями о правде и справедливости»⁴³⁹. Ученый также анализирует связь, соотношение науки финансового права с политическими, юридическими, общественными и техническими науками.

Положительное финансовое право, по мнению ученого, есть совокупность положений, определяющих государственно-хозяйственную сферу. К числу источников финансового права И. Т. Тарасовым относятся законы, административные распоряжения и обычаи, допускаемые законом. Но автор считает, что нельзя рассматривать в этом качестве судебные решения и научные положения, несмотря на их влияние на развитие положительного финансового права. И. Т. Тарасов полагал затруднительным, нереальным и даже нежелательным кодификацию положительного финансового права, ввиду чрезвычайной подвижности государственно-хозяйственной правовой сферы.

Наука финансового права как теория представляет собой нечто постоянное, твердо устоявшееся, хотя и не лишное элементов развития, необходимых каждой науке. Финансовое же право данного государства есть только отражение действительности, реального применения начал науки финансового права в данное время.

О предмете и системе науки финансового права. В рассматриваемом «Очерке науки финансового права» И. Т. Тарасов, пожалуй, впервые в дореволюционной финансово-правовой литературе выстроил структуру, систему курса на основе юридических, правовых конструкций «финансового закона», «полномочий законодательной и исполнительной власти», «юридической ответственности» и т. д.⁴⁴⁰ В системе науки финансового права И. Т. Тарасов выделял три основных раздела: введение, общая часть и особенная часть⁴⁴¹. Во введении содержатся вопросы понятийного аппарата науки, в частности, ее

⁴³⁹ Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 53.

⁴⁴⁰ См.: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 20.

⁴⁴¹ Там же. С. 62.

системообразующего понятия «государственного хозяйства», связи с другими науками, методы исследования и система, история развития государственного хозяйства.

В *Общую часть* курса науки финансового права И. Т. Тарасов включал три раздела:

1) Организация финансового управления (границы и органы финансового управления: законодательные, исполнительные, контрольные, судебные, органы самоуправления, союда, корпорации, общества, товарищества);

2) Законодательная и исполнительная власть (финансовые законы, исполнение финансовых законов);

3) Обеспечение порядка и закономерности (кассоводство, счетоводство и отчетность, контроль и ревизия и ответственность).

В авторском видении была представлена и *Особенная часть* курса науки финансового права. Ее составляли три основных разновидности (формы) государственного хозяйства, выделение которых соответствовало историческому и генетическому развитию государственного хозяйства, от зародыша до современного состояния:

1) Натуральное хозяйство (домены, натуральные повинности, монополии, регалии, пошлины);

2) Денежное хозяйство (прямые подати, косвенные налоги);

3) Кредитное хозяйство (финансовый кредит, государственные займы, бумажные деньги).

Первоначально государства удовлетворяли все свои потребности за счет собственных имуществ и промыслов, пользуясь содействием граждан только в редких случаях, и при том в форме натуральных повинностей. Затем при дальнейшем развитии государство, не будучи в состоянии удовлетвориться только собственными своими средствами и не имея возможности ввиду замены натурального хозяйства денежным довольствоваться содействием граждан в форме одних лишь натуральных повинностей, начинает требовать денежной платы в форме пошлин за оказываемые услуги, в форме податей прямых и косвенных, которые превращаются потом в постоянные сборы и делаются главным источником государственных доходов. Наконец, все более и более возрастающие потребности вынудили государства прибегнуть к помощи кредита, сначала как к источнику чрезвычайному, а затем и как постоянному. В со-

временном государственном хозяйстве, по мнению ученого, находится место всем трем основным формам и источникам. Государство, «имея попечение о материальном благосостоянии народа», кроме налогов, должно рационально эксплуатировать государственные домены, регалии, монополии, сохранять некоторые натуральные повинности, развивать кредитное государственное хозяйство⁴⁴².

В рассматриваемом очерке И. Т. Тарасов анализирует последовательно теорию и практику натурального государственного хозяйства России, в том числе и в сравнительно-правовом ключе.

Рассматривая денежное государственное хозяйство, И. Т. Тарасов высказывался за установление всеобщего, прогрессивного подоходного налога с освобождением от податного обложения минимума, необходимого для существования. В споре между сторонниками единого налога и сторонниками множественности налогов И. Т. Тарасов занимал особую позицию. В частности, он считал, что сама по себе теория единства налога совершенно правильна, но практика не находит единого податного объекта, в этой связи для современного состояния более целесообразна множественность налогов, приведенных в систему, в основании которой лежит не произвол, а политическое и общественное значение налогов. Оценивал положительные и отрицательные стороны прямых и косвенных налогов (податей), их значение в налоговой системе. Если косвенные налоги, по мнению ученого, выполняют в основном фискальную функцию, то прямые налоги отличает наибольшая хозяйственность, уравнительность, наименьшее обременение для бедных классов. Однако фискальное значение косвенных налогов не устраняет необходимости согласования их с основными податными принципами всеобщности и уравнительности налогов, освобождения от налогообложения минимума существования. Иными словами, косвенные подати должны рассматриваться не отдельно, а в связи с целым, т. е. всей податной системой.

Кредитное государственное хозяйство И. Т. Тарасов отграничил от частных кредитов, выделив два вида государственных кредитов: финансовый кредит и собственно государственный

⁴⁴² Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 294.

кредит или государственный займ (внутренние и внешние, погашаемые и непогашаемые, процентные и беспроцентные и др.). К видам финансового кредита ученый причислял: 1) принудительные займы, которые объявляются государственным долгом; 2) бумажные деньги; 3) текущие долги.

Учение о финансовых законах. И. Т. Тарасов является первопроходцем в обосновании концепции финансового закона в российской науке финансового права. Но, к сожалению, эта концепция не получила дальнейшего развития в трудах российских, а затем и советских ученых. Однако она не утратила своей актуальности до настоящего времени. В Налоговом, Бюджетном кодексах особое место отводится определению налогового и бюджетного законодательства, специальным правилам, определяющим порядок их действия во времени и т. д.

Ученый рассматривал *финансовые законы как средство к ограждению прав казны и плательщиков налогов*. Согласно цели *по ограждению прав налогоплательщиков в финансовых законах* должны быть проведены следующие основные положения: 1) все государственные сборы и повинности могут быть устанавливаемы не иначе, как законом; 2) все привилегии и изъятия могут быть определяемы только законом; 3) законом определяются порядок взимания налогов, меры понуждения и меры взыскания; 4) неправильное обложение может быть обжалуемо в законом установленном порядке; 5) сумма предполагаемых доходов и расходов в течение законом установленного срока определяется в государственной росписи (бюджете), утверждаемой в законодательном порядке; 6) законом определяется участие плательщиков в раскладке податей и повинностей; 7) гражданам, права и законные интересы которых будут нарушены органами финансового управления, должно быть предоставлено право судебной защиты этих прав и интересов; 8) установление полной гласности по финансовому управлению; 9) утверждение исполнения росписи в законодательном порядке.

В *финансовых законах, ограждающих права казны, фиска*, по мнению И. Т. Тарасова, должны были проводиться следующие положения: 1) определение законом судебной, судебно-административной и дисциплинарной ответственности органов финансового управления за нарушение ими казенного интереса и вообще служебных обязанностей; 2) определение условий и порядка ответственности плательщиков в случае уклонения их

от несения правильно наложенных на них податных тяжестей; 3) определение границы и формы прав казны в случаях чрезвычайных и 4) установление правильного соотношения в финансовом управлении между органами правительства, самоуправления и соединства⁴⁴³.

В отношении *законов, устанавливающих налоги и повинности*, должны, как писал ученый, соблюдаться ряд требований, условий. Во-первых, это определенность налогового закона, т. е. закон должен определить с точностью плательщика предмет, т. е. податный объект, податное действие, формы объявления, исчисления, предписания и квитанций, податный контроль, погашение, взыскание. Во-вторых, плательщик подати должен знать податные законы, потому что они не опираются на внушения совести, на обычаи и нравы; поэтому нельзя довольствоваться обыкновенными средствами обнародования, нужно прибегнуть еще и к добавочным средствам. В-третьих, закон, устанавливающий налог, должен быть справедлив, не должен посягать на религиозные, политические, национальные и иные воззрения налогоплательщиков. В-четвертых, такой закон должен сообразоваться с началами науки народного хозяйства, а именно налог должен быть взимаем с наименьшим обременением народа и с наибольшей выгодой для государства, налог не должен препятствовать хозяйственному успеху и т. д.

При характеристике росписи и сметы доходов и расходов государства И. Т. Тарасов дал развернутый перечень правил составления бюджета⁴⁴⁴.

Об исполнении финансовых законов и принуждении. В указанном разделе своего «Очерка науки финансового права» И. Т. Тарасов, по сути, определил добровольный и принудительный порядок исполнения налоговой обязанности, а также способы обеспечения исполнения этой обязанности. В отношении принудительного взыскания налогов и способов обеспечения уплаты налога он отметил, что допустимыми являются только те меры, которые касаются имущества, а не лиц и их личных прав. В качестве примеров первого порядка, касающихся имущества лица, приводятся залог в форме ценных бумаг,

⁴⁴³ См.: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 126.

⁴⁴⁴ Там же. С. 148–149.

недвижимого имущества применительно к уплате косвенных налогов в форме акцизов, удержание документов до уплаты причитающейся суммы налога, взыскание штрафа или пени в случае неуплаты налога в срок и др. И наоборот, ученый считал неоправданными те способы обеспечения уплаты налога, которые направлены прямо или косвенно против лиц, например установленная российским законодательством круговая порука сельских обществ при уплате недоимок⁴⁴⁵.

Об ответственности в финансовом праве. И. Т. Тарасов разграничил два вида юридической ответственности. С одной стороны, это ответственность органов финансового управления (дисциплинарная, административная, судебная и судебно-административная). С другой стороны, ответственность частных лиц за нарушение прав и интересов казны (административная, гражданская и уголовная). В первом случае дисциплинарная и судебная ответственность органов финансового управления, по утверждению ученого, имеет репрессивное значение, ею восстанавливаются уже нарушенные права граждан или уже нарушенный порядок в управлении. Поэтому очевидно, что без содействия еще и мер превентивных одна эта ответственность бессильна обеспечить полную правомерность в области деятельности органов финансовой администрации. Превентивное значение имеет возможность отмены неправильных распоряжений и предписаний финансовой администрации. Речь идет о таких распоряжениях и предписаниях, которые искажают законы, что отражается на правах граждан. В этой связи И. Т. Тарасов ратовал за учреждение административной юстиции (административных судов)⁴⁴⁶.

Ответственность частных лиц за нарушение прав и интересов казны подразделяется на административную и судебную (гражданскую, уголовную). В отношении административного порядка наложения взысканий И. Т. Тарасов писал о том, что этот порядок допускается не иначе как в законом предусмотренных случаях и в законом определенных размерах. Кроме того, за лицами, подвергшимся таким взысканиям, следует признать право судебного обжалования как единственно надежной гарантии против возможного в данном случае произвола со

⁴⁴⁵ Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 169.

⁴⁴⁶ Там же. С. 200–201.

стороны администрации⁴⁴⁷. Возможная конкуренция административного и судебного взыскания должна разрешаться в пользу судебного, т. к. в противном случае был бы поколеблен авторитет суда и в одном и том же деле допущено было бы суждение двух разных властей.

Андрей Алексеевич Исаев (1851–1924) родился в Черниговской губернии. После окончания с золотой медалью Московской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. Спустя год он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, который окончил со степенью кандидата права в 1873 г. После этого его оставляют для подготовки к профессорскому званию по кафедре политэкономии и отправляют в зарубежную командировку. В 1873 и 1874 гг. он стажировался в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, занимаясь политической экономией под руководством профессоров В. Рошера и А. Книса. Первый из них был сторонником общественной благотворительности и разрабатывал проблемы борьбы с бедностью⁴⁴⁸. После сдачи магистерского экзамена в Московском университете в 1875 г. А. А. Исаев провел исследование промыслов Московской губернии по приглашению местного земства⁴⁴⁹. После этого в 1877–1878 гг. он опять находился в зарубежной командировке, занимаясь политэкономией и финансовой наукой в университетах Лейпцига, Йены, Страсбурга, Берлина и Парижа. Результатом его исследований становится публикация, посвященная промышленным товариществам во Франции и Германии⁴⁵⁰. В этот период выработался творческий стиль ученого, которого

А. А. Исаев

⁴⁴⁷ Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерк теории и политики. С. 203.

⁴⁴⁸ См.: Рошер В. Система призрения бедных и мероприятия против бедности. Черкассы, 1894.

⁴⁴⁹ См.: Исаев А. А. Промыслы Московской губернии. Вып. 3. М., 1876.

⁴⁵⁰ См.: Исаев А. А. Промышленные товарищества во Франции и Германии. М., 1879.

можно назвать видным специалистом в области политэкономии, финансового права, социологии и статистики. Столь широкий охват проблемы способствовал комплексному характеру его исследований, которые зачастую велись на стыке научных дисциплин. Он хорошо знал французский и немецкий языки, свободно ориентировался в зарубежном законодательстве и научном материале. Это позволяло ему при разработке каждой проблемы учитывать ее компаративный аспект.

В начале 1879 г. А. А. Исаев защищает магистерскую диссертацию по политэкономии и в этом же году избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, а затем занимает должность экстраординарного профессора по кафедре политической экономии. В этой связи одна из первых его публикаций в Демидовском юридическом лицее была посвящена задачам и методу политической экономии⁴⁵¹, ее составным частям⁴⁵². По общепризнанному мнению, именно на ярославский период приходится расцвет научного творчества ученого. При этом современные специалисты по финансовому праву считают его одним из самых выдающихся ученых дореволюционного периода⁴⁵³.

В лицее А. А. Исаев читал курс политической экономии, науку о финансах, вел практические занятия по экономической статистике, активно публиковал свои научные работы. Помимо трудов по политэкономии и налоговому праву он издал работы, посвященные отмене крепостного права, российским артелям, влиянию больших городов на общественную жизнь и др.⁴⁵⁴. Его научные статьи по теории и практике налогообложения были посвящены проблемам сравнительного анализа пропорциональных и прогрессивных налогов, процессам сложения и пере-

⁴⁵¹ См.: Исаев А. А. Задачи и метод политической экономии. Ярославль, 1879.

⁴⁵² См.: Исаев А. А. Составные части и методы политической экономии. Ярославль, 1887.

⁴⁵³ См.: Ялбулганов А. А. А. А. Исаев (1851–1924) // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 377–382.

⁴⁵⁴ См.: Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881; Он же. Освобождение крестьян от крепостной зависимости в России. Ярославль, 1881; Он же. Недоразумения по вопросу об артелях. Ярославль 1883; Он же. Значение семейных разделов крестьян по личным наблюдениям // Вестник Европы. Т. 4. М., 1883. С. 333–349; Он же. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль, 1887.

ложения податей, совершенствования в российскую налоговую систему подоходного налога⁴⁵⁵.

Ученый позитивно относился к марксистскому экономическому учению, но делал из него вывод в пользу экономических и политических реформ. В историю отечественной науки он вошел прежде всего как экономист. В Экономической энциклопедии, изданной в советское время, он характеризуется как «экономист народнического направления, статистик и социолог, который сочувственно относился к марксизму, но толковал его с позиции реформизма ..., пропагандировал т. н. кооперативный социализм ..., полагал возможным переход к социализму без революции и диктатуры пролетариата»⁴⁵⁶.

Ученый вел активную общественную и благотворительную деятельность. На августовском (1880 г.) заседании Совета лицея был одобрен доклад А. А. Исаева «Хозяйственное значение благотворительности». Совет рекомендовал прочитать этот доклад на совместном собрании преподавателей и студентов лицея. Следует отметить, что этим докладом А. А. Исаев положил начало своей благотворительной деятельности. В лицее существовала добрая традиция читать публичные лекции в пользу бедствующих студентов. После защиты докторской диссертации по политэкономии он получил орден Святой Анны 2-й степени по представлению министра народного просвещения (1887 г.) и был утвержден в гражданском чине статского советника. Ярославский этап профессорско-преподавательской деятельности А. А. Исаева был завершён в 1888 г., о чем свидетельствует хроника «Временника», в которой зафиксировано, что «распоряжением г. управляющего Министерством народного просвещения ординарный профессор А. А. Исаев 22 августа уволен, согласно прошению, от службы в отставку»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁵ См.: Исаев А. А. Пропорциональные или прогрессивные налоги? // Юридический вестник Московского юридического общества. 1885. № 4. С. 619–656; Он же. Процесс сложения и переложения податей // Экономический журнал. СПб., 1887. № 3. С. 1–39; Он же. Наши финансы и подоходный налог // Труды императорского Вольного экономического общества. СПб., 1887. № 4. С. 371–417.

⁴⁵⁶ См.: Экономическая энциклопедия: Политическая экономия. Т. 2. М., 1975. С. 69.

⁴⁵⁷ Временник. 1890. Кн. 50. С. 10.

В период службы в Демидовском юридическом лицее им были опубликованы работы по финансовому праву, две из которых заслуживают особого внимания и составляют «Золотые страницы финансового права России». Речь идет о работах «Государственный кредит» (Ярославль, 1886) и «Очерки теории и политики налогов» (Ярославль, 1887). Первая работа – «Государственный кредит» – представляет собой систематизированные материалы лекций, которые А. А. Исаев читал в Демидовском лицее в течение 1884/1885 и 1885/1886 учебных годов.

Книга состоит из двух основных частей. Первая часть является теоретической и представляет собой очерк теории и политики государственного кредита. Во второй части анализируются учения о государственном кредите европейских и российских авторов (Л. фон Штейна, А. Вагнера, Леруа-Болье, С. Д. Сисмонди, Д. Юм, Д. Рикардо, Ж. Б. Сэя, Дж. Стюарта, Н. Х. Бунге, И. Т. Тарасова и др.) и история государственного долга в России, Англии, Франции и Пруссии.

О понятии и видах (формах) государственного кредита.

А. А. Исаев рассматривает государственный кредит как один из способов покрытия расходов государства, когда «текущие расходы не покрываются обыкновенными доходами по несоответствию во времени, когда совершение первых опережает поступление вторых»⁴⁵⁸. Он определяет природу государственного кредита, сопоставляя его с «общественно-хозяйственным» кредитом, регулируемым нормами частного права, называет черты их сходства и различия. В отношении последних автор отмечает особый статус государства-должника, которое как источник правового порядка может, ссылаясь на соображения «высшей политики», «общего блага», приостановить уплату долгов. В подобных случаях, как образно пишет ученый, «для кредитора-туземца нет высшего судилища, к которому он мог бы апеллировать; для кредитора-иностранца последним средством является победоносная война его отечества с государством-должником, средство, имеющее на практике только призрачное значение»⁴⁵⁹. Кроме того, отличительной характеристикой государ-

⁴⁵⁸ Исаев А. А. Государственный кредит // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 392–393 (серия «Золотые страницы финансового права России». Здесь и далее цитируемые страницы указаны по данному переизданию).

⁴⁵⁹ Исаев А. А. Государственный кредит. С. 393–394.

ственного кредита служит и кредитоспособность должника-государства, т. е. его способность вернуть долг. Кредитоспособность государства обеспечивается всем народным хозяйством и в этой связи государственный кредит может быть почти безграничным. Государство по своей идее вечно, что предопределяет и особый характер форм (видов) кредита. Государственный кредит в переносном смысле (не буквальном) может быть вечным. Этот кредит может заключаться без предварительного назначения срока уплаты, с правом для государства отсрочить возврат долга на неопределенное время.

А. А. Исаев выделял три вида государственного кредита. Во-первых, это краткосрочный кредит, имеющий свое покрытие в обыкновенных доходах государственного, земского, городского казначейства. Во-вторых, это долгосрочный кредит, которым пользуется государство для покрытия чрезвычайных потребностей, он не имеет покрытия в текущих доходах. Этот кредит обнимает так называемые постоянные, утвержденные государственные долги. В-третьих, это бумажно-денежные долги. Как отмечает ученый, «какой бы цели не служили выпускаемые государственной властью бумажные деньги, покрытием ли обыкновенных расходов или удовлетворению чрезвычайных потребностей, они являются особой, специфической формой кредита. Но выпущенные бумажные деньги не образуют долга только до тех пор, пока они являются капиталом и для государства, и для общественного хозяйства. В случае если этот предел перейден и оборот переполнен бумажными деньгами ..., здесь начинается пагубное влияние бумажных денег на это хозяйство, разрушение ценностей и здесь возникает бумажно-денежный долг. Отсюда вытекает требование возможно быстрого погашения этого долга, т. е. извлечения из оборота излишней суммы бумажных денег»⁴⁶⁰.

О пределах государственного кредита и влиянии государственного кредита на общественное хозяйство. А. А. Исаев считал порочной финансовую практику, согласно которой по шаблонному делению обыкновенные расходы государства погашаются за счет налогов, а чрезвычайные – за счет займов. Неизмеримо труднейшая задача возникает перед финансистом-политиком, когда, отрешившись от шаблонного воззрения на

⁴⁶⁰ Исаев А. А. Государственный кредит. С. 398.

кредит как единственный источник покрытия чрезвычайных расходов, он пытается покрыть часть их из налогов⁴⁶¹. Более того, А. А. Исаев писал о том, что к государственному кредиту, увеличивая государственный долг, государство может прибегнуть только для удовлетворения потребностей общества, которые отвечают, по крайней мере, трем основным условиям: 1) потребности, которые государство удовлетворило путем кредита, были неотложны; 2) эти потребности могли быть наиболее выгодно удовлетворены именно общественной властью; 3) эти потребности имели всеобщее значение. Таким образом, делает заключение автор, «увеличение государственных долгов тем в большей мере может быть оправдано, чем выгоднее данная потребность удовлетворяется именно государственной властью, чем она более настоятельна, чем более расход соответствует поднятию материального благосостояния и духовного развития беднейших классов»⁴⁶².

Особому анализу были подвергнуты основные направления влияния государственного кредита на общественное хозяйство в сферах производства, обмена, потребления и распределения. Но в этой части исследования автора носят не правовой, а политэкономический характер.

Организация государственного кредита рассматривается А. А. Исаевым в зависимости от форм кредита. Автор выделяет две основные формы кредита: краткосрочный и долгосрочный, анализируя основания и порядок их возврата (погашения).

Краткосрочный государственный кредит используется в виде долгов по управлению, связанных с отдельными ведомствами, и долгов по финансовому управлению, связанных с «кассовыми разрывами» или краткосрочными банковскими кредитами.

В отношении долгосрочных государственных кредитов А. А. Исаев дает развернутую их классификацию. Они подразделяются на два вида: погашаемые и непогашаемые. В первом случае государство обязуется уплатить в течение определенного срока капитал, а во втором – государство, не обещая уплаты капитала и предоставляя своему усмотрению выбор времени погашения долга, обещает уплатить только проценты. Таким

⁴⁶¹ Исаев А. А. Государственный кредит. С. 418.

⁴⁶² Там же. С. 421.

образом, непогашаемые займы всегда являются бессрочными. К погашаемым займам А. А. Исаев относит облигационные и лотерейные займы, а также пожизненные ренты; к непогашаемым займам – рентные займы с правом государства возратить капитал или без предоставления такого права. В зависимости от способа заключения займов выделяются займы принудительные, патриотические и «нормальные». Последние основаны исключительно на экономической заинтересованности владельцев денежного капитала.

Необходимой составляющей организации государственного кредита является управление государственным долгом. В управление государственным долгом включаются вопросы выбора валюты займов (главным образом для стран с неблагоустроенным денежным обращением), установление процента по кредиту, однообразие государственных долгов (формы займа, срока уплаты процентов и т. п.); погашение долга. А. А. Исаев анализирует основные источники погашения государственного долга, такие как продажа государственного имущества (земель, лесов и т. д.) и налогообложение. Единственно правильным способом уплаты государственных долгов, по мнению ученого, является их погашение из бюджетных остатков, но «дабы погашение долгов при незначительности бюджетных остатков не было слишком медленно, правительство должно напрягать все силы для улучшения системы налогов, для увеличения государственных доходов, насколько это допускает состояние народного хозяйства»⁴⁶³.

Остановился автор также и на исследовании алгоритма способов погашения бумажно-денежного долга. К таковым он отнес следующие: 1) уничтожение бумажных денег, ценность которых понизилась почти до нуля; 2) девальвация, т. е. понижение нарицательной ценности бумажных денег до полного уничтожения лажа; 3) извлечение из оборота и уничтожение известного количества бумажных денег посредством займов (внутренних и внешних); 4) совокупность экономических и финансовых мероприятий в связи с мерами, действующими прямо на бумажно-денежное обращение. При этом автор заявил, что он «с особой настойчивостью указывает на решительное преимущество» последней из указанных мер перед всеми другими.

⁴⁶³ Исаев А. А. Государственный кредит. С. 447.

Рассматриваемая работа А. А. Исаева «Государственный кредит» вызвала научную дискуссию. Одним из первых откликнулся на появление этого исследования его коллега по Демидовскому лицезу И. Т. Тарасов. В своей рецензии он указал на необоснованное, по его мнению, отнесение бумажных денег к долгам. И. Т. Тарасов считал, что бумажные деньги можно считать разновидностью кредита, а не долга⁴⁶⁴. А. А. Исаев ответил на критику оппонента заметкой «Несколько слов о бумажных деньгах (ответ профессору И. Т. Тарасову)», где подчеркивал, что бумажные деньги он причисляет к специфическому долгу⁴⁶⁵. Наш современник А. Н. Козырин по этому поводу отмечает: «...сам факт научной полемики между двумя профессорами одного и того же учебного заведения, а также характер такой полемики – основательный, конструктивный, гласный – ... демонстрирует тот высокий научный уровень, которым отличалось преподавание финансово-правовых дисциплин в Демидовском юридическом лицезе»⁴⁶⁶.

Современник А. А. Исаева, ранее упоминаемый, П. П. Гензель в своей «Библиографии финансовой науки», опубликованной в Юридической библиографии Демидовского юридического лицеза (1907 г.), дал краткую характеристику рассматриваемой работы «Государственный кредит». В частности, он писал: «В этом исследовании чрезвычайно систематично сформулированы основные выводы современной теории о государственном кредите; метод – абстрактно-дедуктивный. Однако историческая перспектива отсутствует, а история государственного кредита в Англии, Франции, Пруссии и России сводится, к сожалению, преимущественно к перечислению главнейших фактов в области публичного кредита. Указана литература вопроса и сделан краткий обзор главнейших сочинений»⁴⁶⁷.

Еще одна работа А. А. Исаева, написанная в стенах Демидовского лицеза, заслуживает особого анализа. Речь идет об «Очерке теории и политики налогов», который представляет

⁴⁶⁴ См.: Тарасов И. Т. Бумажные деньги. СПб., 1886. (Отд. оттиск.)

⁴⁶⁵ См.: Исаев А. А. Несколько слов о бумажных деньгах (ответ профессору И. Т. Тарасову). СПб., 1887. (Отд. оттиск.)

⁴⁶⁶ Финансы и налоги: Очерки теории и политики. С. 32.

⁴⁶⁷ Гензель П. П. Библиография финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Ярославль, 1908. Вып. 1. С. 76.

собой капитальное исследование в области теории налогообложения. Долгое время она оставалась единственным наиболее полным курсом теории налогов и налогового права. Так, один из известных исследователей в области налогового права Александр Александрович Соколов (1885 – после 1928) в предисловии к своей работе «Теория налогов» (1928 г.) писал: «Со времен издания (1887 г.) работы профессора А. Исаева "Очерк теории и политики налогов" в русской литературе не появлялось курса, специально посвященного теории налогов. Имеется еще превосходная работа профессора В. Н. Твердохлебова "Финансовые очерки" вып. I, 1916 г., но она не носит характера систематического курса»⁴⁶⁸. Отметим, что А. А. Исаев в Демидовском юридическом лицее читал курс науки о финансах (финансовой науки), в то время с ним И. Т. Тарасов читал курс финансового права.

В структуре данного исследования А. А. Исаева прослеживаются две органично совмещенных основных составляющих. Первая, назовем ее теорией налогов, в значительной части представляет собой юридико-догматический анализ основных положений теории налогообложения. По сути, речь идет о формировании теории налогового права и основных институтов налогового права: 1) определение налогов и пошлин, 2) классификация налогов; 3) элементы налоговой обязанности, 4) принципы налогообложения, 5) установление налогов; 6) исполнение налоговой обязанности (взимание налогов); 7) налоговый контроль; 8) ответственность за нарушение налогового законодательства.

Вторая составляющая работы А. А. Исаева связана с анализом политики налогов. В этой части автор был, по-видимому, сторонником выделения в науке финансового права особого метода исследования, основанного на политической оценке налоговой системы и налоговых реформ. Активно этот метод пропагандировал И. Х. Озеров, который предлагал изучать причины той или иной организации финансов в государстве, а не довольствоваться обычным в литературе способом – давать оценку (в сущности субъективную) этой организации или рецепты для исправления податного строя в том или ином направлении. Не случайно И. Х. Озеров определял финансовое

⁴⁶⁸ Соколов А. А. Теория налога. М., 2003. С. 59 (серия «Научное наследие»).

право как «кристаллизовавшийся результат движения (борьбы) социальных групп в известном круге явлений при данном экономическом строе»⁴⁶⁹. Возвращаясь к работе А. А. Исаева, отметим, что именно с позиции политики налогов автор оценивает учения о пропорциональном и прогрессивном налогообложении, о мере (степени) тяжести налога как с точки зрения налогоплательщика, так и с точки зрения народного хозяйства, о процессах сложения и переложения налогов, о множественности налогов и невозможности их замещения единым налогом, обосновывает авторскую (идеальную) систему налогообложения, основанную на двух классах налогов – подоходных и имущественных, и др.

Таким образом, по содержанию проведенное А. А. Исаевым исследование относится к сфере науки о финансах (финансовой науки). С очевидностью, автор проводил грань между финансовой наукой и наукой финансового права. В этой части уместно обратиться к трудам И. И. Янжула, где это различие подчеркивается особенно ярко. Так, И. И. Янжул утверждал, что финансовое право имеет своей задачей юридико-догматическое изучение финансового законодательства, в его историческом развитии и современном состоянии, и имеет в виду преимущественно прошедшее и настоящее время государственной жизни. В то время как финансовая наука изучает влияние финансового законодательства с экономической и юридической стороны, представляет собой ряд обобщений из данных финансового законодательства, имеет в виду преимущественно будущее время и стремится создать такие нормы, которыми бы правительство могло руководствоваться в будущей политике⁴⁷⁰. Именно с позиций задач и методов финансовой науки А. А. Исаев рассматривает теорию и политику налогов. Если подходить к анализу труда А. А. Исаева с указанных позиций, то не представляется возможным согласиться с некоторыми критическими замечаниями П. П. Гензеля, откликнувшегося на эту работу в своей библиографии. В частности, П. П. Гензель отмечал: «Полное отсутствие исторической точки зрения и

⁴⁶⁹ Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Вып. 1: Учение об обыкновенных доходах: Курс лекций, читанный в Московском университете. М., 1908. С. 21.

⁴⁷⁰ См.: Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. 4-е изд. СПб., 1904. С. 13.

ультраабстрактное направление являются характерными для этой книги: автор даже склонен, по-видимому, ставить себе в заслугу совершенное игнорирование "разума истории"...). Более того, он свел всю работу автора «к более или менее остроумной гимнастике ума». Однако П. П. Гензель признает, что в работе А. А. Исаева «читатель найдет точность определений, и выдержанность системы, и ясность стиля»⁴⁷¹. Последнее достигается и за счет того, что значительное число суждений, выводов зарубежных и российских ученых-финансистов даны по тексту в сносках (подстрочнике), автор выстраивает свои лаконичные выводы, в том числе на основе критики положений названных ученых.

О понятии, элементах налога и видах налогов (понятийный аппарат налогового права). Автор определяет налоги как «суть обязательные денежные платежи частных хозяйств, служащие для покрытия общих расходов государств и единиц самообложения»⁴⁷², тем самым называя три основных квалифицирующих признака налогов, отграничивающих их от иных государственных доходов: обязательность, денежная форма и назначение для покрытия общих расходов государства.

А. А. Исаеву принадлежит и «пальма первенства» в наиболее полном определении элементов налога, которые в настоящее время легально закреплены в НК РФ в качестве элементов налоговой обязанности, общих условий установления налогов (ст. 17). В начале автор называет *податное лицо* (субъект налога) – лицо (физическое, юридическое, подданные и иностранцы), юридически обязанное платить налог. Далее дается характеристика *податного предмета*, т. е. объекта налогообложения, то, к чему приурочивается уплата налога (вещественные и невещественные блага, действия человека и др.), называется *податный источник*, т. е. совокупность ценностей, из которых уплачивается налог (в современном звучании база налогообложения): имущество (земельный участок, здание, денежный капитал) или доход (рента, прибыль, заработок). При этом автор пишет, что не следует смешивать податный источник с предметом налога. Также автором называются *податная единица* как

⁴⁷¹ Гензель П. П. Указ. соч. С. 40.

⁴⁷² Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. М., 2004. С. 25 (серия «Научное наследие»). (Здесь и далее цитируемые страницы указаны по данному переизданию.)

отдельный предмет налога, определенный числом, мерой и весом, *оклад*, т. е. сумма налога, взимаемая с податной единицы, *податные кадастры, податные тарифы*⁴⁷³.

Налоги классифицируются автором на основании отличительных признаков: 1) податный источник; отсюда деление налогов на поимущественные и подоходные; 2) основание для установления налогов – личные и вещные; 3) по способу взимания налоги могут быть разделены на прямые и косвенные; 4) раскладочные и окладные.

О налоговой системе и началах управления налогами (принципах налогового права). А. А. Исаев рассматривает налоги не просто как совокупность отдельных видов налогов, а как систему налогов, основанную на главного рода хозяйственных явлениях (хозяйственных актах): производство, потребление и обращение. Вместе с тем начала управления налогами, или в современном звучании «основные начала законодательства о налогах и сборах» (ст. 3 НК РФ) (принципы налогового права), ученый, вслед за А. Смитом, сводит к трем основным, раскрывая содержание этих принципов:

1) Определенность податей. Каждый налог должен быть установлен законодательной властью. Язык законов должен быть точен, дабы не вызывать недоразумений. Законы и распоряжения должны охватывать во всей полноте сферу данного налога: лицо и предмет налога, оклад, время и место платежа, гражданская и уголовная ответственность за недоимки и др.

2) Удобство взимания налогов имеет значение как для плательщиков, так и государства. Эти требования относятся к форме, месту, времени платежей. Для доставления наибольших удобств бедным плательщикам необходима рассрочка оклада по четвертям года и даже по месяцам. Наконец, контроль над плательщиками не должен содержать мероприятия, полезность которых сомнительна и которые служат только к обременению граждан.

3) Дешевизна взимания налогов обеспечивается эффективной работой служащих финансового управления⁴⁷⁴.

О механизме управления налогами (в современном звучании – о предмете налогового права, налоговых правоотношениях). В лаконичных формулировках А. А. Исаев весь меха-

⁴⁷³ Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. С. 30–33.

⁴⁷⁴ Там же. С. 246–248.

низм управления налогами сводит к следующим моментам: 1) установление подателей, 2) их взимание и 3) контроль и ответственность плательщиков. Отметим, что в действующем НК РФ (ст. 2) в отношении, регулируемые законодательством о налогах и сборах, включаются властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов и сборов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Анализируя в прикладном ключе механизм управления налогами, А. А. Исаев обосновывает конкретные предложения по совершенствованию этого механизма. Ряд этих положений звучат актуально и сегодня. Часть их уже нашли закрепление в современном российском законодательстве, а ряд представляют интерес в плане дальнейшего его совершенствования.

Сравнивая формы взимания налогов, А. А. Исаев предлагает заимствовать опыт стран Запада – участие выборных (податных) комиссий из местных жителей в осуществлении проверки окладных списков и показаний налогоплательщиков. Податные комиссии должны формироваться, по мнению ученого, на следующих принципах. Во-первых, в комиссиях должны быть представлены все основные социальные группы – землевладельцы, промышленники, коммерсанты, ремесленники, представители свободных профессий и т. д. Во-вторых, участие в работе податных комиссий должно признаваться общественной повинностью (по аналогии с воинской повинностью, участием в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей).

В отношении принудительного взыскания недоимки за счет имущества налогоплательщика, А. А. Исаев высказался за индивидуализацию этой процедуры. Одно дело, когда недоимка проистекает от нежелания плательщика нести финансовые обязанности или от его небрежности, и другое, когда это вызвано кризисами, неурожаями, временными денежными недоборами (замедление в сбыте товаров и т. д.). В последнем случае финансовым органам «нужно действовать с возможной снисходительностью, этого требует не только чувство гуманности, но и выгоды казны. Если для взыскания недоимки подрывается источник дохода, то временный недоимщик становится таковым

надолго или навсегда»⁴⁷⁵. Для таких случаев А. А. Исаев предлагает использовать институты отсрочки налоговых платежей, частичное или полное списание (скидка) недоимки.

Налоговый контроль подразделялся на основной и текущий. К основным мероприятиям налогового контроля относились сбор сведений (статистические переписи), составление кадастров земельных участков, зданий промыслов. В современном значении речь идет об организации налогового учета налогоплательщиков, их имущества, доходов. К текущим мерам контроля причислялись опрос свидетелей и налоговые проверки. В отношении первой меры А. А. Исаев считал необходимым, чтобы закон вменял в обязанность дачу показаний тем лицам и учреждениям, которые имеют необходимые сведения о податных силах плательщиков. В отношении второй меры – предоставить право податным комиссиям собирать все сведения, которые они найдут нужными для проверки объявлений плательщиков, приглашать местных обывателей, просматривать акты, договоры и другие документы.

Применительно к ответственности за неуплату налогов А. А. Исаев вел речь о ее комплексном характере. Во-первых, гражданско-правовой ответственности отводилась роль возмещения причиненных убытков казне. При этом она должна быть сопряжена с денежными пени, превосходящими в несколько раз оклад с утаенной части дохода или имущества. Однако в случае обмана этих мер недостаточно, лицо должно подлежать уголовной каре. По мнению автора, «денежные пени и продолжительность лишения свободы должны быть для богатейших плательщиков более велики, нежели бедных: чем выше доход и имущество, подлежащее налогу, тем легче скрыть часть их от бдительности финансовой администрации, а потому, тем тяжелее должна быть кара за обман»⁴⁷⁶. Еще раз убеждаемся, что и данное высказывание ученого остается злободневным и провидческим.

О политике налогов. Как уже отмечалось выше, в рассматриваемый период наука финансового права формировалась в лоне политической экономии, финансовой науки как ее составной части. В этой связи исследования дореволюционных

⁴⁷⁵ Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. С. 258.

⁴⁷⁶ Там же С. 265–266.

ученых-финансистов представляли собой неразрывное единство экономической и в меньшей мере юридической составляющей государственного хозяйства. В рассматриваемой работе А. А. Исаева эта закономерность также прослеживается. Поскольку рассматриваемая работа А. А. Исаева относится к сфере финансовой науки, постольку, вероятно, автор преследовал цель построения, по его мнению, идеальной модели налоговой системы, которая может стать основой для развития финансового законодательства. И такую модель автор предлагает, причем приводит соответствующие расчеты и называет условия, необходимые для реальной реализации на практике этой модели. Ученый полагал, что податная (налоговая) система должна состоять из налогов двух классов: 1) подоходных, падающих на производство, и 2) покапитальных, падающих на имущество. Предлагаемая двухклассная податная система, по мнению ее автора, соответствует интересам общественного хозяйства, т. к. устраняет косвенные налоги, обеспечивает справедливое переложение подоходных налогов, характеризуется большой дешевизной взимания налогов. А. А. Исаев был уверен, что «дурное состояние финансов, хронические недочеты в государственном хозяйстве – таково нынешнее положение России – не только не должны удерживать от коренных преобразований, но должны особенно возбуждать к их совершенствованию»⁴⁷⁷.

В обоснование предложенной автором модели налоговой системы был положен анализ основных положений теории налогов, содержащихся в исследованиях главнейших финансистов теоретиков (А. Смита, А. Вагнера, К. Г. Рау, Леруа-Болье, Дж. Б. Сэя, Дж. Ст. Милля, В. А. Лебедева и др.). Начала справедливости в политике налогов А. А. Исаев определял посредством ответа на два основных вопроса: 1) кто должен платить налоги? и 2) как достигнуть уравнительности при распределении налогов между налогоплательщиками? При ответе на первый вопрос автор не отрицал принципа всеобщности податей, но при этом считал справедливым установление налоговых льгот в виде изъятий, которые объясняются целями государства – идеей всеобщего блага. В этой связи он обосновывал необходимость освобождения от налога двух категорий плательщиков: 1) всех юридических лиц, имеющих своей целью содейст-

⁴⁷⁷ Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. С. 244.

воват умуственному, нравственному развитию народа или же росту благосостояния малоимущих классов; 2) физические лица, доход которых едва достаточен для покрытия крайне необходимых потребностей. В отношении ответа на вопрос об уравнительности при распределении налогов А. А. Исаев отстаивает идею прогрессивного налогообложения, где прогрессия должна начинаться от самых крупных доходов и переходить к мелким в порядке нисходящем.

Еще один вывод автора заслуживает особого внимания. А. А. Исаев ратовал за международную унификацию налогового законодательства. Он писал: «Почему не надеяться, что международные конгрессы могут содействовать построению податных систем всех цивилизованных государств на началах однородных, соответствующих более высоким общественным идеалам? Если международные финансовые конгрессы войдут в обычай и будут работать над улучшением податных систем, то финансовая политика постепенно подчинится этому влиянию...»⁴⁷⁸.

В январе 1889 г. Исаев, покинув Ярославль, переходит на должность приват-доцента Петербургского университета, а осенью того же года занимает кафедру полицейского права Императорского Александровского лицея. В Санкт-Петербурге он продолжил активно заниматься общественной деятельностью, стал одним из учредителей общества для помощи нуждающимся переселенцам, председателем кустарного отделения в обществе для содействия русской промышленности и торговле. В этот период он публикует фундаментальные исследования по политической экономии, пишет о влиянии экономики на общественную жизнь, о взглядах народников на перспективы российской общественной жизни⁴⁷⁹, о значении мирового хозяйства для общественной жизни отдельных стран, о связи мирового хозяйства с таможенной политикой государств и др.⁴⁸⁰

А. А. Исаев продолжил работать и после революции. Одной из последних его работ стала публикация «Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917–1924 гг.)» (М., 1924).

⁴⁷⁸ Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. С. 245.

⁴⁷⁹ См.: Исаев А. А. Настоящее и будущее русского общественного хозяйства. СПб., 1896.

⁴⁸⁰ См.: Исаев А. А. Мировое хозяйство. СПб., 1910.

Другим крупным финансистом лица был **Александр Рафаилович Свирщевский** (1861 – после 1937), который около четверти века преподавал в лицее, затем перешел в Ярославский университет. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1914 г. исполняющий должность экстраординарного профессора. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию при кафедре финансового права. С 1890 по 1918 гг. читал курс финансового права в Демидовском юридическом лицее. В связи с его преобразованием в Ярославский университет становится профессором этого вуза. Был первым ученым секретарем Совета и Президиума университета, преподавал вплоть до его закрытия в 1924 г. Последняя из известных нам публикаций ученого датировалась 1937 г.⁴⁸¹

Сферу научных интересов А. Р. Свирщевского составляли проблемы финансового права, налоговой политики, статистики⁴⁸². Отметим, что в известном Энциклопедическом словаре издателей Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона автором раздела «Финансы» являлся А. Р. Свирщевский, где он дал краткое изложение истории развития и современного состояния науки о финансах, финансового хозяйства, местных финансов⁴⁸³.

Первым научным трудом этого ученого был доклад о введении в г. Москве сбора с квартир и жилых помещений, составленный им совместно с Н. Янковским по поручению московского городского головы Н. А. Алексева. В докладе исследовано значение проектируемого налога с трех точек зрения: 1) увеличения городских доходов; 2) установления большей равномерности в городском обложении; 3) распространения избирательных прав на тех лиц, которые до сих пор ими не пользовались. Доклад получил высокую оценку профессора И. Т. Тарасова в рецензии, опубликованной в «Юридической библиографии», издававшейся в Ярославле. По мнению И. Т. Тарасова, бесспорно, доклад г.г. Свирщевского и Янов-

⁴⁸¹ См.: Свирщевский А. Бюджет // Энциклопедический словарь бр. Гранат. Т. 7. М., 1937.

⁴⁸² См.: Свирщевский А. Р. Статистическое обозрение народного образования в Ярославской губернии за 1881–1899 гг. Ярославль, 1900; Он же. Материалы к истории обложения соли в России. Ярославль, 1908 и др.

⁴⁸³ Энциклопедический словарь. Т. 35А. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. С. 867–884.

ского является результатом чрезвычайно добросовестной работы солидно подготовленных молодых ученых, на долю которых выпал счастливый случай приложить свои знания к живому, общественному делу. Доклад составлен толково, убедительно и систематично, изложен он сжато и вполне доступно.

К числу наиболее значительных работ этого ученого относится «Подходный налог» (М., 1886). Эта работа имеет подзаголовок «Исследование» не случайно. Во-первых, в силу ее актуальности и злободневности для российской налоговой системы. В России в 1812 г. предпринималась попытка введения подходного налога, но завершилась неудачей. С тех пор, как писал автор, обстоятельства изменились: получила развитие промышленность, появились новые налоги на промышленные и торговые предприятия и на проценты с капитала, общественное мнение свыкло с мыслью о несовершенстве российской податной системы и необходимостью ее реформирования. Введение подходного налога в России будет залогом прогресса российской налоговой системы. Во-вторых, в данном исследовании в дискуссионном ключе, оценивая все «за» и «против», анализируются основные проблемы подходного налогообложения. Дискуссия ведется с конкретными, в основном известными западными (А. Смит, К. Буркарт, Дж.С.Милль, В. Рошер, С. Германн, А. С. Шеффле и др.) и реже российскими (А. А. Алексеенко, В. А. Лебедев, И. Т. Тарасов, И. И. Янжул) представителями науки о финансах, но при этом четко прослеживается авторское мнение и авторская аргументация. В-третьих, исследование носит ярко выраженный сравнительно-правовой характер. А. Р. Свирщевский отмечал: «...как ни сильно отличается наша экономическая и политическая жизнь от западноевропейской, но хочется верить, что подходный налог и у нас может быть тем же, чем он является на Западе – воплощением правды в налоге и элементом развития податной системы»⁴⁸⁴. В этой части заслуживают внимания выводы ученого о возможности рецепции тех или иных положений законодательства европейских стран о подходном налоге.

Красной нитью эту работу пронизывает идея о необходимости реализации принципа справедливости в налогообложении доходов. Как пишет автор, справедливость в налогообло-

⁴⁸⁴ См.: Свирщевский А. Р. Подходный налог. М., 1886. С. 247.

жении выражается в двух требованиях: во-первых, чтобы никто из подданных государства не был избавлен от участия в несении общего податного бремени (всеобщность налогообложения); во-вторых, чтобы доля участия каждого подданного определялась равномерно с долями каждого из остальных подданных⁴⁸⁵. По проблеме равномерности налогообложения А. Р. Свирщевский обращается к анализу известных теорий «интереса или вознаграждения» и теории «налогоспособности». Согласно первой теории, задача равномерного обложения состоит в том, чтобы распределить податное бремя соразмерно, когда уплачиваемый налог находится в точном соответствии с той ценностью, которую гражданин получает в виде общественных услуг от государства (налог – эта плата за услуги государства). Доказывая несостоятельность этой теории, ученый дискутирует с ее сторонниками и приводит аргументы в пользу теории налогоспособности, т. е. распределения налогового бремени согласно с платежной способностью или налогоспособностью граждан, солидаризируется в этой части также с позициями А. Вагнера, К. Г. Рау и др. Именно с позиций данной теории ученый анализирует положительное западное законодательство и законопроекты о подоходном налоге Австрии, Германии, Пруссии и др., а равно перспективы введения подоходного налогообложения в России.

Подоходный налог исследуется А. Р. Свирщевским по ставшей сегодня классической формуле «установления налоговой обязанности», т. е. определяет правовой статус налогоплательщиков, объект, налоговую базу (совокупный доход лица), налоговую ставку, порядок исчисления и уплаты налога, налоговые льготы. В отношении дохода как фактора налогоспособности автор делает вывод, что объектом налога на доходы физических лиц должен выступать не валовый и не чистый доход, а так называемый «свободный» доход. Если чистый доход определяется как разность валового дохода за вычетом издержек, то свободный доход должен определяться как вычитание из чистого дохода необлагаемого минимума (минимума средств существования). Поэтому «наиболее точным масштабом налогоспособности должна считаться та часть дохода, которая остается после удовлетворения важнейших, насущных личных по-

⁴⁸⁵ См.: Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 2.

требностей налогоплательщика⁴⁸⁶. При анализе зарубежного законодательства и различных теорий налогообложения ученый отметил, что современные ему законодательства о подоходном налогообложении освобождают от подоходного налога только беднейшие слои населения, т. к. их доходы ниже минимума существования, у остальных классов облагается чистый доход, т. е. не допускается вычета минимума существования. Ученый же отстаивает иную позицию, согласно которой «освобождение минимума средств существования должно иметь место для всякого рода доходов, ибо в нем следует видеть не только льготу для беднейшего населения, но и неотъемлемое право, принадлежащее всем без изъятия»⁴⁸⁷.

Субъектов подоходного налога ученый подразделял на физические лица и юридические лица. В отношении физических лиц рассматривался критерий проживания иностранцев на территории другого государства (ныне критерий налогового резидентства), а также получения доходов российских подданных, получающих доходы из заграничных источников, а также живущих за границей и получающих доходы из России, и проблемы устранения двойного налогообложения, которые должны решаться международными договорами. Применительно к особой категории субъектов – чиновников, получающих доходы от государственной службы, – высказывалось суждение о неуместности привилегий в налогообложении этих лиц. Однако рекомендовалось, на опыте европейских стран, освобождение от подоходного налога солдат, находящихся на действительной службе. В зависимости от особенностей налогообложения доходов юридические лица подразделялись на две категории: публично-правовые (ныне некоммерческие) и частноправовые (коммерческие). Так, отмечалось, что учреждения, выручка которых должна идти на общественные цели, должны подлежать налогу, если только их цель не совпадает с задачами деятельности государства. В отношении юридических лиц частноправового характера, например акционерных обществ, А. Р. Свирщевский считал справедливым освободить от налога само акционерное общество как таковое, но обложить получаемые

⁴⁸⁶ Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 41.

⁴⁸⁷ Там же. С. 118.

акционерами дивиденды в их совокупном доходе по прогрессивной шкале.

Ученый выделял два вида доходов: доходы в денежной форме и доходы в натуральной форме, в последнем случае он вел речь об оценке этого дохода по средним ценам сложившимся в данной местности и данное время, а также ставил проблему оценки имущества, приносящего доход, и имущества, не приносящего дохода. Поскольку объектом налогообложения А. Р. Свирщевский признавал совокупный доход налогоплательщика, то специальному анализу подверг источники получения дохода: с недвижимого имущества, движимого имущества, прибыль от промысла, заработной платы, проценты по ценным бумагам. В последнем случае, вопреки широко распространенному в то время мнению о необходимости освободить от налога проценты по государственным ценным бумагам, ученый считал необходимым и справедливым такое налогообложение.

Интересны суждения автора о разграничении доходов на фундированные (доходы от владения имуществом) и нефундированные (доходы от личного труда) и обоснование в пользу облегчения налогообложения именно нефундированных доходов исходя из принципа обложения по налогоспособности. Именно нефундированные доходы подвержены риску старости, болезни плательщика, необходимости обеспечения членов семьи значительным колебаниям, носят непостоянный характер. В конечном итоге А. Р. Свирщевский поддержал мнение профессора Гензеля в отношении повышенного налогообложения фундированных доходов от владения имуществом за счет установления имущественной подати (налог на имущество), который одинаково взимается как с имущества, не дающего дохода, так и с доходного имущества. Как дополнение, «корректив подоходного налога – имущественный налог, по мнению ученого, является весьма удобным и желательным финансовым средством»⁴⁸⁸. Решить проблему дифференциации налогообложения фундированных и нефундированных доходов можно также и иным способом. Законодательство о подоходном налогообложении должно учитывать и число членов семьи налогоплательщика, т. е. принимать во внимание семейное положение

⁴⁸⁸ Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 185.

плательщика, а также предусматривать вычет процентов по долгам.

А. Р. Свирщевский подчеркивал и важное значение при исчислении дохода точного определения хозяйственного периода (элемент, который мы сегодня называем «налоговый период»). Таким он считает должен быть календарный год, но при этом отмечает, что в других странах обычно практикуют три года.

В дискуссионном ключе, полемизируя с противниками прогрессивного налогообложения (Леруа Болье, К. Г. Рау, С. Миль и др.), он обосновал, в том числе и с необходимыми расчетами, справедливость прогрессивной ставки по подоходному налогу. Более того, вывел перечень правил прогрессивного налогообложения доходов, которые звучат актуально и сегодня, и назвал их «правилами целесообразного устройства прогрессии»: 1) Прогрессия не должна переходить границы, за которой она угрожает существованию частных капиталов, должна будет изгонять капиталы из страны или побуждать к значительным утайкам и обманам. 2) Прогрессия должна быть медленная и умеренная. 3) При обложении свободного дохода знаменатель прогрессии должен также понижаться, но только гораздо медленнее. 4) При обложении чистого дохода прогрессия всегда должна быть устроена таким образом, чтобы минимум средств существования оставался свободным от налога. 5) Прогрессия должна возрастать не относительно всего дохода, а только относительно вновь прибавившейся части дохода. 6) Пределы доходов, входящих в один и тот же класс и обложенных одним и тем же процентом, не должны быть значительно удалены друг от друга. 7) Шкала окладов должна представлять собой непрерывный бесконечный ряд, ни один из членов которого не должен превышать известный максимум дохода. В практике обычно после этого налог становится пропорциональным⁴⁸⁹.

Одной из сложных проблем подоходного налогообложения является оценка доходов налогоплательщика. Как справедливо замечает А. Р. Свирщевский, прежде чем приступить к оценке доходов налогоплательщика, необходимо провести точную перепись всех жителей податного округа (частных лиц, учреждений). Это то, что сегодня мы называем налоговым учетом. Обязанность составления таких списков должна быть возложена на

⁴⁸⁹ См.: Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 163–168.

те учреждения, которые производят оценку доходов и проверяют декларации. А для облегчения их труда закон должен привлекать к исполнению этой задачи домовладельцев и землевладельцев, требуя от них ведомости о лицах, живущих в этих домах или на их земельных участках. В современной интерпретации речь идет о так называемых налоговых информаторах.

Автор, с учетом в том числе и зарубежного опыта подоходного налогообложения (в основном Англии и Пруссии), выделил шесть возможных форм оценки доходов налогоплательщиков, охарактеризовав достоинства и недостатки каждой: 1) бюрократическая оценка органами, состоящими из лиц, назначаемых только государством; 2) оценка через комиссии; 3) оценка через декларации. В свою очередь эти формы могут сливаться между собой и представлять три смешанные комбинации: а) оценка через комиссии, состоящие из лиц, выбранных плательщиками и назначенных правительством; б) оценка через комиссии с помощью обязательных или необязательных деклараций; в) оценка через декларации с их бюрократической оценкой. Каждая из этих форм в отдельности, по мнению ученого, малопригодна для подоходного налога, целесообразно их определенное сочетание. Оценка должна проводиться по одному основному способу, которым признается подача налоговой декларации, а два других способа – комиссионный и бюрократический – оценки доходов должны применяться в том случае, если возникли сомнения относительно верности декларации. При этом бюрократической оценке должно отводиться последнее место, как правило, в роли апелляционной инстанции.

В отношении налоговых деклараций А. Р. Свирщевский высказал довольно интересную позицию. Он полагал, что подача декларации – это право налогоплательщика, а для значительного числа случаев законодательством в фискальных целях следует установить обязанность плательщиков подать налоговую декларацию. При этом автор считал неэффективным штрафную ответственность за непредоставление декларации, а вместо этой меры предусмотреть для налогоплательщика неблагоприятное последствие в виде известной потери прав, а именно лишение права протеста против оценки комиссии. Такая система, как утверждает автор, совместима с уважением свободы личности граждани-

на⁴⁹⁰. А в отношении ложных деклараций наиболее соответствующим цели средством признавалось назначение денежного штрафа. Размер денежного штрафа должен «совершенно уничтожить материальную выгоду, которую плательщики извлекают из неточных деклараций, необходимо уничтожить расчет плательщика, при которой при предположении, например, открытия обмана один раз из десяти, имел бы еще барыш практиковать его». При этом следует различать, произошла ли неточность в декларации по ошибке или под влиянием умысла лица, более того, величину штрафа следует соизмерять и с величиной имущественных средств виновного⁴⁹¹.

Полномочия комиссий, рассматривающих декларации, А. Р. Свирщевский полагал необходимым ограничить таким образом, чтобы они собирали сведения для проверки декларации без прямого обращения к налогоплательщику, без «стеснительного» для него исследования его имущественного положения. Поэтому комиссия не должна наделяться правом требовать предоставления торговых или промысловых книг плательщика, вызывать их для объяснений. Но при этом комиссия должна наделяться правами по истребованию сведений у иных лиц и учреждений, являющихся источниками дохода налогоплательщика (тех, кого мы сегодня называем налоговыми агентами). На поправки, сделанные комиссией в декларациях, плательщику должно предоставляться право жалобы в высшие податные инстанции. Это право должно служить обеспечением права декларации. В свою очередь, высшая инстанция должна иметь право получать информацию, доказательства не только побочным путем, от иных лиц, но и непосредственно от налогоплательщика, требовать от него объяснений, выписок из книг и балансов, словом, всех доказательств его жалобы.

Заключение в рассматриваемой книге Р. А. Свирщевского звучит «гимном» подоходному налогу, который автор «называл идеальным, наиболее совершенным видом обложения доходов», налогом, который удовлетворяет постулатам равномерности и всеобщности налогообложения. Но при этом речь идет о подоходном налоге, каким его видел автор: «Истинный и рационально устроенный подоходный налог должен падать по

⁴⁹⁰ Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 214.

⁴⁹¹ Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 218

прогрессивной шкале на реальный, свободный доход всех жителей государства, определяемый на основании собственных декларативных показаний налогоплательщиков; при этом оклад налога должен понижаться для лиц, получающих временные нефундированные доходы и вообще находящихся в условиях, которые уменьшают их налоговоспособность»⁴⁹².

П. П. Гензель в своей «Библиографии финансовой науки» характеризует рассматриваемую работу А. Р. Свирщевского как «обстоятельную в сфере чистых финансов, отразившей в себе влияние господствующего направления в финансовой науке»⁴⁹³.

А. Р. Свирщевским изданы в Ярославле «Лекции по финансовому праву» (1900. Вып. 1). Это был, по словам автора, краткий конспект лекций, прочитанных студентам Демидовского юридического лица и изданных в качестве пособия для подготовки к курсовым испытаниям. В выпуске 1 лекций содержится очерк финансовой истории России и рассматриваются обыкновенные доходы государства: налоги, выкупные платежи, пошлины, правительственные регалии, казенные имущества и капиталы, доходы от проданного имущества. О выпуске 2 лекций автор заявил, что в него войдут сведения о государственных расходах, о чрезвычайном бюджете, о государственном долге, о финансовом управлении, отчетности и контроле и о местном (земском, городском и мирском) финансовом хозяйстве. Рассматривая историю финансового хозяйства России, А. Р. Свирщевский особое внимание уделял оценке проводимых реформ прямого и косвенного налогообложения, в том числе и реформ в финансовом хозяйстве, проводимых министерством под руководством И. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского, С. Ю. Витте, отмечая их заслуги, успехи и неудачи, поражения. Например, весьма положительно автор оценивал прогрессивные реформы И. Х. Бунге по приведению в равновесие доходов и расходов бюджета, улучшения денежной системы, покровительство промышленности за счет повышения ставок таможенного тарифа и, что важно подчеркнуть, учреждение особых местных органов финансового управления – податных инспекторов. Самыми успешными признавались проводимые И. Х. Бунге мероприятия

⁴⁹² Свирщевский А. Р. Подоходный налог. С. 240.

⁴⁹³ Гензель П. П. Библиография финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Ярославль, 1908. Вып. 1. С. 47.

по улучшению податной системы в России, в том числе отмену в 1883 г. подушного налога, что послужило мерой, «уничтожившей последние следы рабства и открывшей путь к изменению паспортной системы, круговой поруки и иных условий крестьянского строя»⁴⁹⁴.

Классическим является и проведенный А. Р. Свирщевским научный анализ государственных доходов и их источников в составе государственного бюджета России. При этом автор обратился к сравнительно-правовому и статистическому методу исследования указанной проблемы, сопоставляя и выявляя закономерности формирования доходов и расходов бюджетов России, Франции и Англии за период с 1832 по 1898 гг. Так, определяя соотношение доходов от поступления налогов, ученый пишет, что доходы от косвенных налогов в 6 раз превышают доходы от прямых налогов, тогда как в развитых европейских странах эта цифра гораздо ниже. «Причиной этой важной роли косвенных налогов в нашей податной системе, – утверждает он, – является нерешительность, с которой была начата и осуществлена податная реформа: отмена подушных сборов, из боязни перед слишком коренным преобразованием, не сопровождалась привлечением к прямому обложению более зажиточных классов, хотя бы посредством подоходного налога...»⁴⁹⁵ Кроме того, он считал необходимым провести изменения в законе о государственном промысловом налоге, чтобы установить полное соответствие основного промыслового налога с размерами облагаемых предприятий, изменить порядок учета подлежащей налогу прибыли в отношении дополнительного промыслового сбора. Иными словами, необходимо, по его мнению, «подготовить путь к подоходному обложению» торговых, промышленных предприятий, личных промысловых занятий⁴⁹⁶.

Предметом исследования А. Р. Свирщевского также стала история обложения соли и организация в России казенной солевой монополии⁴⁹⁷. Как отмечал автор, эта проблема была мало разработана, тем более что проведенное исследование осно-

⁴⁹⁴ Свирщевский А. Р. Лекции по русскому финансовому праву. Вып. 1. Ярославль, 1900. С. 54.

⁴⁹⁵ Там же. С. 77.

⁴⁹⁶ Там же. С. 96.

⁴⁹⁷ См.: Свирщевский А. Р. Материалы к истории обложения соли в России. Ярославль, 1908.

вывалось на первоисточниках, т. е. на обширном деле «о порядке продажи соли во всей Российской империи», оставшееся от Екатерининской комиссии о питейном и соляном сборе и хранящегося в Московском архиве Министерства юстиции в числе прочих дел Сената⁴⁹⁸. В этом исследовании ученый говорил о возникновении и частичном осуществлении в Екатерининскую эпоху идеи справедливости и необходимости переложения податного (налогового) бремени с «полого» народа на плечи людей, «в подушный оклад неположенных». При этом, пишет автор, на практике роль этой идеи оказалась весьма невеликой⁴⁹⁹. Тем не менее предпринятые попытки замены соляным сбором более или менее значительной части подушного налога хотя и не увенчались успехом и не были осуществлены, однако по своей идее они предваряли известную реформу И. Х. Бунге (отмена подушного налога за счет увеличения косвенных налогов)⁵⁰⁰.

Другим крупным исследованием А. Р. Свирщевского является труд «Главнейшие моменты в истории императорского финансового хозяйства в Германии», также опубликованный в 1910 г. в Ярославле. Интерес автора к состоянию финансового хозяйства Германской империи был обусловлен тем обстоятельством, что это государство, переживая общее экономическое процветание, промышленный подъем, катилось вместе с тем к полнейшему развалу финансовой системы. Превышение расходов над доходами за 9 лет (1900–1909) достигло в Германии 9 миллиардов. Хронический дефицит и усиленный рост имперского долга вел к резкому падению курса германских внутренних займов. В числе причин расстройств финансов Германии автор усматривал, наряду с растущими расходами на вооружение, неупорядоченность финансовых отношений между империей и союзными государствами, отсутствие твердых конституционных гарантий в области финансов⁵⁰¹. А. Р. Свирщевский приводит ряд примеров прямого вмешательства центральной власти в законодательную область союзных государств, ус-

⁴⁹⁸ Дело Правительствующего Сената № 905-3388. Кн. 12.

⁴⁹⁹ См.: Свирщевский А. Р. Материалы к истории обложения соли в России. С. 1–2.

⁵⁰⁰ Там же. С. 29.

⁵⁰¹ См.: Свирщевский А. Р. Главнейшие моменты в истории императорского финансового хозяйства в Германии. Ярославль, 1910. С. 23.

тановления налогов без согласия на то их законодательных учреждений, что вело к усложнению финансовых отношений империи с союзными государствами, к расстройству финансов последних, в результате подобной недальновидной политики подрывались основы всей имперской финансовой системы. Спасение последней от полного развала автор видит в проведении радикальной финансовой реформы, в отказе от имперских финансовых притязаний.

В период научно-педагогической деятельности в Демидовском юридическом лицее А. Р. Свирщевский был одним из редакторов «Юридической библиографии», издаваемой лицеем с 1907 г. Он публикует обзоры и развернутые рецензии на исследования по политической экономии, финансовой науки своих современников (И. Х. Озерова, П. П. Мигулина, И. И. Янжула, В. Н. Печковского, М. Ю. Цеховского, Н. М. Цытовича и др.). Эти рецензии зачастую написаны в полемическом ключе. Так, в рецензии на работу И. Х. Озерова «Русский бюджет доходный и расходный. С диаграммами, исполненными в красках» (М., 1907) А. Р. Свирщевский отмечает ее как опыт популяризации сведений о государственном бюджете, в этой части подчеркивается полезность данной книги. В качестве существенных недостатков издания он назвал «небрежность изложения, которая доходит до непонятности». Свою оценку аргументировал ссылкой на конкретные положения рецензируемой книги. В частности, он писал: «Недостаточно научным представляется и часто применяющийся прием автора – делать умозаключения о необходимых реформах на основании сравнения столь различных по существу (основанному на различии экономического состояния обеих стран) величин, как бюджеты России и Англии»⁵⁰².

Несомненную заслугу А. Р. Свирщевского составляет выполнение переводов на русский язык трудов иностранных специалистов в области финансового права и финансовой науки Ф. С. Нитти⁵⁰³, К. Т. Эеберга⁵⁰⁴. В отношении первого, П. П. Гензель писал, что это «прекрасный учебник, приспособ-

⁵⁰² Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1907. № 2. С. 47.

⁵⁰³ См.: Нитти Ф. Основные начала финансовой науки; пер. с итал. / Под ред и с доп. А. Свирщевского. М., 1904.

⁵⁰⁴ См.: Эеберг К. Т. Очерк финансовой науки / Под ред. А. Свирщевского. Ярославль, 1893.

ленный благодаря дополнениям (правда чересчур схематичным) А. Свирщевского, для русских читателей... Каждая глава учебника содержит подробную библиографию, тщательно дополненную А. Свирщевским»⁵⁰⁵. А. Р. Свирщевский в вышеназванной «Юридической библиографии» Демидовского лицея также публиковал обширные указатели иностранной литературы по финансам с авторскими комментариями ряда иностранных публикаций⁵⁰⁶. Например, в отношении исследования немецкого ученого Гофмана (Hoffman, dr. Al) автор пишет, что это издание «исполнено с большим трудолюбием и знанием дела о саксонской податной системе в ее историческом развитии и современном состоянии. Особенно тщательно Гофман останавливается на подоходном налоге, ... подвергает его критическому рассмотрению и отмечает его сильные и слабые стороны как по отношению к бюджету, так и по отношению к плательщикам»⁵⁰⁷. Из публикаций, изданных в Швейцарии, А. Р. Свирщевский выделил работу Герлова (Gerlow W.), которая посвящена одному из сложнейших вопросов справедливого подоходного обложения акционерных обществ. При этом А. Р. Свирщевский изложил и основную идею данной работы, а именно обоснование ее автором необходимости введения для акционерных обществ «особого налога, и притом двухчленного. Одна часть которого должна состоять из налога на прибыль, прогрессивно возрастающего в зависимости от отношения прибыли к акционерному капиталу, другая – из пропорционального налога на капитал, должествующего служить оплатой за те особые услуги, которыми акционерные общества пользуются от государства как в промышленном и биржевом праве, так и в виде особого содействия общественных учреждений»⁵⁰⁸.

Эдуард Николаевич Берендтс, о котором мы уже писали выше, с 1891 по 1900 гг. преподавал в Демидовском юридическом лицее. В 1900 г. как крупнейший специалист в области финляндского права был назначен помощником статс-секретаря

⁵⁰⁵ Гензель П. П. Библиография финансовой науки: Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. Ярославль, 1908. Вып. 1. С. 96.

⁵⁰⁶ См.: Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1907. № 3; № 4.

⁵⁰⁷ Там же. № 4. С. 7.

⁵⁰⁸ Там же. С. 9.

министра по делам Великого княжества Финляндского. Его перу принадлежит ряд глубоких исследований финансового управления и финансового права Великого княжества Финляндского⁵⁰⁹. В 1904 г. Э. Н. Берендтс возвращается в Демидовский юридический лицей. Как уже отмечалось, ему выпала честь стать первым выборным директором этого учебного заведения. Но в 1905 г. он подал прошение об отставке и перешел на кафедру финансового права в Училище правоведения (Санкт-Петербург). В том же году в Ярославле была опубликована переведенная Э. Н. Берендтсом работа И. Н. Ланга «Промысловое право Великого княжества Финляндского».

Однако самая крупная его работа по финансовому праву была опубликована, когда он уже оставил Демидовский лицей. Речь идет о курсе лекций по русскому финансовому праву, прочитанному в Санкт-Петербурге, в Императорском училище правоведения, – это курс Э. Н. Берендтса «Русское финансовое право» (СПб., 1914). А. Н. Козырин назвал его одним из лучших дореволюционных учебников по финансовому праву, в котором внимание акцентировано на юридической составляющей финансовой науки⁵¹⁰. Во введении к своему учебнику Э. Н. Берендтс особо подчеркивал, что «мы будем изучать государственное хозяйство с точки зрения правовой, ... мы будем изучать специально правовые основы государственно-хозяйственной деятельности и постараемся выяснить как права и обязанности государственной власти и ее органов при ведении государственного хозяйства, так и установленные государственными законами права и обязанности граждан при доставлении средств, необходимых для исполнения государственных задач»⁵¹¹. Таким образом, в рамках финансового права предметом исследования признавались не только права и обязанности государства (финансовая деятельность государства), но и права, обязанности граждан, защита прав граждан-налогоплательщиков. Э. Н. Берендтс писал, наука финансового права излагает и объясняет правовые нормы, которые опреде-

⁵⁰⁹ См.: Берендтс Э. Н. Краткий обзор финансов и финансового управления Великого княжества Финляндского. СПб., 1900; Он же. Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX столетии. СПб., 1900.

⁵¹⁰ См.: Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: Очерки теории и политики. С. 39.

⁵¹¹ Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 11.

ляют хозяйственную деятельность государства и подчиненных ему общественных союзов (земств, городов, сельских обществ и др.), а равно те правовые отношения, которые возникают между государством, с одной стороны, и гражданами – с другой⁵¹². Наш современник К. С. Бельский отмечает, что Э. Н. Берендтс «ошибочно расширял сферу применения финансового права, полагая, что финансово-правовые нормы регулируют отношения, связанные с "государственным хозяйством", т. е. с имуществом и денежными средствами, принадлежащими государству»⁵¹³.

По замыслу Э. Н. Берендтса его курс финансового права включал две книги. В первой книге, которая и станет объектом нашего анализа, рассматривались следующие институты финансового права: предмет, источники; права Верховной власти в области государственного хозяйства; права и обязанности подданных в области государственного хозяйства; финансовое управление и кассовый строй; государственный контроль; государственные расходы; государственные доходы; бюджет и бюджетное право, пошлины и налоги (налоговое право). Книга вторая должна была охватывать вопросы государственного долга и местных финансов. Рассматриваемый учебник «имеет свое лицо». Если, например, наиболее известный учебник В. А. Лебедева «Финансовое право», о котором упоминалось выше, по замечаниям современников автора учебника, носил характер финансовой энциклопедии, где значительное место отводилось историческому сравнительному обзору финансовых учений и финансового законодательства европейских стран и России, содержал обширные библиографические указатели по темам. В отношении объема и подробности изложения материала в учебнике В. А. Лебедева А. И. Буковецкий отмечал: «Громадное количество материала, представляемое читателю данной работы, делает труд Лебедева похожим на хорошую хрестоматию, а местами и систематический справочник, очень далекий от учебника. Слушателям своего курса Лебедев рекомендовал, готовясь к экзаменам, читать только определенные страницы его учебника»⁵¹⁴. Иной характер носил учебник

⁵¹² Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. С. 1.

⁵¹³ Бельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 50.

⁵¹⁴ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в

Э. Н. Берендтса. История науки о государственном хозяйстве и финансового права была изложена емко, но лаконично, основное внимание было уделено теоретическим (основным) положениям финансового права, правовым основам финансовой деятельности государства и анализу на этой базе российского финансового законодательства. При изложении материала постоянно прослеживается авторская позиция и оценка, формулируются предложения по необходимым изменениям в действующую финансовую систему России того времени. Рассмотрим по порядку.

О субъектах финансового права, их правах и обязанностях. В отношении государства и верховной власти в сфере государственного хозяйства (финансовой деятельности) Э. Н. Берендтс писал, что современное государство называется правовым, поэтому и его хозяйство может быть названо правовым государственным хозяйством, т. е. организованным на основе положительных законов. По мнению ученого, государство и верховная власть могут быть твердыми и сильными лишь тогда, когда первое организовано, а вторая действует на основе права, т. е. на основании и в пределах законов, в качестве норм, обязательных для всех членов государственного общения, начиная с высших и кончая низшими⁵¹⁵.

К обязанностям российских подданных были отнесены обязанности уплачивать установленные законом налоги и пошлины, а равно обязанности отбывать законные повинности. Эти обязанности, как писал Э. Н. Берендтс, имеют своим основанием публично-правовую связь, существующую между государством и членами государственного союза. При этом отмечалось, что, во-первых, эта публично-правовая связь (в современном значении – правоотношение) носит односторонний характер. Гражданин (или подданный) данного государства находится с ним не в договорной связи, поэтому ни отдельный гражданин, ни сословие, ни класс не могут по своему усмотрению определять условия их участия в покрытии расходов, обусловленных потребностями государства. Мера участия каждого

XIX – первой четверти XX в. // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге: Сб. ст. СПб., 1997. С. 19.

⁵¹⁵ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 34.

гражданина в несении финансовых тягот устанавливается односторонним волевым актом Верховной власти⁵¹⁶. Во-вторых, эта публично-правовая связь носит обязательный, принудительный характер. По мнению ученого, без ограничения экономической свободы граждан и без применения к ним принудительной власти государственное хозяйство существовать не может. Оно поэтому и называется хозяйством «принудительным». Финансово-административная власть вторгается в хозяйственную жизнь гражданина: принудительное взимание налога, т. е. принудительное изъятие из частной собственности части дохода или имущества гражданина; принудительное изъятие промыслового занятия из сферы свободного применения частной предприимчивости и др. В этой части ученый обращает внимание на противостояние интересов государства и граждан, стремящихся всячески уклониться от исполнения податной обязанности, утаить доход или переложить тяжесть налогов на других.

О бюджете и бюджетном праве. При характеристике бюджета Э. Н. Берендтс в первую очередь отмечал три его основные характеристики: правомерность, планомерность и политическую «окраску». В правовом государстве ни одна копейка государственных денег не должна быть затрачена, иначе как на законные цели и в порядке, предусмотренном законом, и планомерно (во времени, по различным частям государственной территории и предметам), т. е. в соответствии с росписью (сметой) ожидаемых доходов и предстоящих расходов. В-третьих, по мнению ученого, опыт истории доказал, что даже в демократических государствах народные представители, избранные хотя бы и при всеобщей и равной подаче голосов, не всегда стоят за бережливое и справедливое пользование народными средствами. Довольно современно звучат его слова: «Зачастую места депутатов занимают профессиональные политики, которые из представительства народа делают источник дохода для себя и превращают свое место в средство политической карьеры. О беспристрастном отношении к нуждам народа и потребностям государства со стороны таких народных представителей речи быть не может»⁵¹⁷.

⁵¹⁶ Там же С. 44.

⁵¹⁷ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 65.

Вопрос о юридической природе бюджета – закон или акт управления (акт административный) – решался ученым следующим образом. Он полагал, что бюджет по содержанию представляет собой акт управления (не содержит правовых норм, а только цифры, но может служить основанием для издания правовых норм), по форме – это закон⁵¹⁸. С точки зрения права, как писал Э. Н. Берендтс, бюджет должен быть гласным, единым, полным, специализированным и точным, но российский бюджет, по его мнению, не удовлетворял принципам полноты и единства.

О финансовом управлении, государственном контроле и кассовом строе. Постоянные финансовые законы и закон о бюджете являются правовой основой государственного хозяйства. Э. Н. Берендтс под финансовым управлением понимал закономерную (правомерную) деятельность государственных органов, должностных лиц в целях получения финансовых средств и затраты их для осуществления задач управления. В систему органов финансового управления он включал центральные (Министерство финансов и др.) и местные органы (губернские, областные акцизные управления и др.). Среди органов финансового управления выделял финансовые кассы (Казначейство и др.), в которые стекаются финансовые средства и из которых они выдаются сообразно указаниям закона. По мнению ученого, эффективное финансовое управление предполагает, что финансовые органы должны находиться под наблюдением, надзором независимого органа (государственный контроль). А для разрешения жалоб между финансовыми органами и гражданами необходимо установление особых органов – административной юстиции. В частности, отмечалось, что в России нет единообразно построенного органа административной юстиции по финансовым делам, на местах отсутствуют такие органы, отсюда необходимость реформы административной юстиции на началах единства организации и порядка производства дела очевидна.

Государственный контроль, для того чтобы действовать с пользой, как писал автор, должен быть, во-первых, самостоя-

⁵¹⁸ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 62–63.

тельным, т. е. независимым не только от органов администрации (исполнительной власти), но и законодательных учреждений, в особенности там, где законодательные учреждения организованы на началах народного представительства, в которых действуют и борются друг с другом политические партии. Во-вторых, органы контроля должны быть наделены достаточной властью, чтобы предупредить всякое злоупотребление государственными средствами, независимо от того, исходит ли такое злоупотребление от высших или низших органов управления, от влиятельных или заурядных членов государства⁵¹⁹. Их полномочия должны быть довольно широкими, поскольку они должны контролировать не только законность финансового управления, но и целесообразность действия органов управления, распоряжающихся финансовыми средствами. В-третьих, государственный контроль должен действовать не только в центре, но и на местах иметь своих представителей везде, где действуют органы финансового управления. В-четвертых, система государственных органов контроля должна обеспечить оперативность реагирования на случаи незаконного или нецелесообразного обращения с государственными средствами. Установление подобных фактов по истечении продолжительного времени имеет только формальное значение, а иногда и теряет смысл. Э. Н. Берендтс по форме и объекту действия разграничил следующие виды контроля: 1) предварительный и последующий; 2) документальный и материальный. При этом под документальным контролем подразумевалась проверка отчетных документов с точки зрения не только арифметической верности, но и закономерности (законности) распоряжений. Материальный или фактический контроль имел своей целью проверку добросовестности и целесообразности действий администрации при приобретении за счет государства каких-либо материалов, а равно их расходования.

В отношении кассовой системы подчеркивалась значимость единства касс для современного кассового строя, введения правил счетоводства и отчетности, которыми определяются порядок хранения государственных сумм и порядок предостав-

⁵¹⁹ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 144.

ления отчетов об операциях касс. Высказана была идея-прогноз о возрастании роли Государственного Банка и о поручении, передаче ему в будущем всех операций казначейств.

О государственных расходах и доходах. Под государственными расходами с правовой точки зрения Э. Н. Берендтс подразумевал все выдачи и затраты государственных хозяйственных средств, производимых органами государства, уполномоченными законом, в закономерной (законной) форме для исполнения задач, требуемых или допущенных законом⁵²⁰. В отличие от частных хозяйств, где расходы соотносятся с доходами, в государственном хозяйстве, наоборот, доходы должны стоять в зависимости от расходов государства. Это положение правильно, но с серьезной оговоркой. Размер расходов поставлен в зависимость от платежной способности народа. Следовательно, как писал ученый, финансовая наука выставляет следующий краеугольный принцип в отношении государственных расходов: их сумма должна соизмеряться с размером финансовых средств государства, получаемых им без чрезмерного напряжения платежных сил населения, с положением народного хозяйства и культурным развитием народа. Э. Н. Берендтс дал развернутый анализ, в том числе на примере российского бюджета, классификации расходов в соответствии с их назначением, формой и ролью, которую они играют в государственном хозяйстве и государственном управлении. В этой связи различались следующие расходы: 1) расходы на удовлетворение потребностей реальных (вещественных) и потребностей личных (пенсии, пособия, содержание государственных служащих и др.); 2) расходы в натуральной форме и в форме денежных затрат; 3) расходы на удовлетворение потребностей обыкновенных и на удовлетворение потребностей чрезвычайных; 4) расходы по взиманию доходов и на потребности управления; 5) расходы сообразно задачам и целям государственного управления.

Анализ российского бюджета позволил автору констатировать, что в России, как и в других государствах, растут расходы, при этом львиную долю составляют расходы на оборону и пла-

⁵²⁰ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 156.

тежи по государственным долгам. Расходы же на культурные потребности народа занимают сравнительно скромное место. По этому поводу выводы Э. Н. Берендтса звучат довольно актуально и современно, несмотря на то что они были сделаны почти сто лет тому назад. Ученый писал: «Всякий гражданин России может только пожелать, чтобы расходы на культурные потребности России росли непрерывно. Чем выше будет культурный уровень России, тем успешнее русский народ использует громадные естественные богатства России, из коих многое еще лежит под спудом, ожидая прикосновения умелой, просвещенной руки. Если благодаря расширению сети образовательных установлений (учреждений) и улучшению постановки учебного дела разовьются на просторе все производительные силы русского народа, то государственная власть спокойно может взирать на дальнейший рост расходов, ибо они будут покрыты с избытком доходами, результатом хозяйственной деятельности многочисленного населения»⁵²¹.

Государственные доходы Э. Н. Берендтс определил как материальные средства, поступающие в государственную казну безвозвратно для удовлетворения государственных потребностей. В этой связи займы государства не могут быть названы доходами, ибо подлежат возврату кредиторам. Ученый отмечал, что в теории финансовой науки доходы государства обычно подразделяются на частноправовые (механические) и публично-правовые (органические). Считая эту классификацию весьма условной, не основанной на четких критериях, он предложил иную классификацию доходов в зависимости от источника и формы их получения, разделив их также на две группы. Первая группа доходов – это доходы от государственного имущества и государственных промысловых предприятий, которые государство получает без употребления своей принудительной власти и не вторгается в сферу частно-имущественную (доходы от государственных земельных имуществ, лесов, казенных горных заводов, от эксплуатации казенных железных дорог, от предприятий, эксплуатируемых не ради фискальных целей, а ради общественной пользы, т. е. доход от т. н. регалий (монетной и

⁵²¹ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 179.

почтово-телеграфной)). Вторая классификация связана с доходами от имущества граждан, в силу применения государством принудительной власти при взимании налогов (прямых и косвенных) и сборов⁵²².

Особое внимание ученый уделил правовому режиму государственного имущества. В финансово-правовом смысле государственным имуществом (движимым и недвижимым) ученый признавал вещественные блага, которые предназначены служить источником государственных доходов (имеющие фискальное значение) и которые поэтому являются объектом финансового управления: домены (недвижимое имущество), промышленные государственные имущества. В отношении государственных земельных имуществ, лесов сохранила свою актуальность и дискуссия «об отчуждении названного имущества в частные руки, поскольку государство – плохой хозяин». Не соглашаясь с таким подходом, Э. Н. Берендтс убедительно доказывает, что «государство имеет полную возможность, ... и нет препятствий для правильной постановки хозяйства в помеях. Бюрократический формализм и неподвижность, на которые всегда ссылаются, могут быть сведены до минимума, если на то будет добрая воля»⁵²³ государства.

О налоговом праве (о податном праве). Э. Н. Берендтс разграничивал налоги и пошлины. Под налогом понимается всякий принудительный сбор, взимаемый государством для государственных целей, в то время как пошлины – это такие сборы, которые гражданин вносит в государственную казну как возмездие за особую услугу, оказываемые государственными учреждениями или органами в виде удовлетворения потребностей данного гражданина⁵²⁴. Обязанность уплаты налога не обусловлена какой-либо услугой со стороны государственной власти и ее органов. Это есть, как подчеркивает ученый, безусловная обязанность граждан, которые должны участвовать в удовлетворении потребностей государственного союза. Уплату пошлин и налога автор квалифицирует как «публично-правовое обязательство частного лица в пользу государства».

⁵²² Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 180–183.

⁵²³ Там же. С. 187.

⁵²⁴ Там же. С. 45–46.

Совокупность правовых норм, которые определяют виды налогов, размер их и порядок взимания, формулировались как податное право данного государства. Отмечалось, что эта система покоится на исторических основах и обусловлена индивидуальными особенностями государства, т. е. не может существовать налоговой системы, пригодной для всех стран. Он предложил следующую схему классификации налогов. В начале он их разделил на прямые и косвенные. В свою очередь прямые налоги в зависимости от объекта налогообложения классифицировались на личные, реальные, подоходные и поимущественные. Прямые налоги также в зависимости от способа определения размера налоговой обязанности подразделялись на две группы: раскладочные и окладные (оценочные или долевыe). Косвенные налоги делились на две категории: налоги на предметы потребления, производимые внутри страны, и налоги на предметы потребления, привозимые из-за границы⁵²⁵.

Предметом исследования стали и принципы податной политики (в современном звучании – принципы налогового права). Вслед за А. Смитом он считал, что правильная политика налогообложения должна строиться на началах равномерности (справедливости), правомерности, целесообразности и дешевизны взимания. Э. Н. Берендтс равномерность (справедливость) налогообложения сводил к согласованности платежной обязанности с платежной способностью, с материальной обеспеченностью плательщиков. В этой связи полагал, что обложение пропорциональным налогом целесообразно заменить обложением налогом прогрессивным. Но это не единственное средство достижения справедливого (равномерного) налогообложения. Ученый ратовал за установление вычета, определения размера свободного от обложения минимума дохода, который учитывает также и местные условия жизни, и семейное положение плательщиков. По результатам сравнительно-правового анализа подоходного налогообложения в Англии и Пруссии Э. Н. Берендтс обосновывал необходимость введения подоходного налогообложения и в России.

⁵²⁵ Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. С. 305–306.

Советская наука финансового права. События 1917 г. сыграли роковую роль в судьбе ярославской школы финансового права.

Советская власть начала строительство финансовой системы государства рабочих и крестьян с того, что упразднила в университетах существовавшие кафедры финансового права. В первые годы советской власти российские ученые «царской школы» еще продолжали свои исследования проблем финансового права. Особенно познания так называемых «буржуазных специалистов» были востребованы в период проведения новой экономической политики (нэпа). Они продолжали публиковать свои работы, пусть небольшие, в виде статей, реже брошюр. Речь идет об упомянутых ранее профессорах московской школы финансового права П. П. Гензеле, который накануне революции был деканом экономического отделения Московского коммерческого института⁵²⁶, И. Х. Озерове⁵²⁷. Следует также назвать и профессоров той же московской школы финансового права А. М. Гурвича, М. Д. Загряцкова⁵²⁸, С. А. Котляревского, А. А. Соколова⁵²⁹, представителей петербургской школы финансового права В. Н. Твердохлебова⁵³⁰, Э. Э. Понтовича⁵³¹ и

⁵²⁶ См.: Гензель П. П. Система налогов Советской России. М.; Л., 1924; Буковский А. И., Гензель П. П., Кулишер И. М., Твердохлебов В. Н. Налоги в иностранных государствах. М., 1926; Гензель П. П. Прямые налоги. Л., 1927; Он же. Местные налоги: Юридическое исследование. Л., 1927 и др.

⁵²⁷ См.: Озеров И. Х. Действующее законодательство о подоходно-поимущественном налоге и проект его реформы // Вестник финансов. 1923. № 33.

⁵²⁸ См.: Загряцков М. Д. Бюджетные права местных Советов. М., 1924; Он же. Административно-финансовое право. М., 1928.

⁵²⁹ См.: Соколов А. А. Налоги как орудие новой экономической политики // Вестник финансов. 1922. № 7–8; Он же. Шаг вперед или шаг назад? (О проекте нового положения о государственном подоходно-поимущественном налоге) // Там же. 1923. № 45; Он же. Государственный бюджет в условиях новой экономической политики // Там же. 1924. № 11; Он же. К теории переложения налогов // Там же. 1927. № 5–6; Соколов А. За марксистский анализ налогов, тяжести обложения. М., 1930.

⁵³⁰ См.: Твердохлебов В. Н. Новейшие финансовые проблемы (1914–1923 гг.) Пг., 1923; Он же. Государственный кредит. Теория и техника. Л., 1924; Он же. Государственный кредит. Л., 1928; Он же. Местные финансы. М., 1928.

⁵³¹ См.: Понтович Э. Э. Финансовый контроль. Л., 1928.

др. Исследования этого периода носили, как правило, прикладной характер, касались вопросов формирования бюджетной и налоговой систем, финансового контроля первого в мире государства диктатуры пролетариата. Так, одна из первых работ по советскому финансовому праву была написана в годы военного коммунизма А. М. Гурвичем «Бюджетное право по законодательству РСФСР», в которой был подвергнут анализу раздел пятый Конституции РСФСР «Бюджетное право»⁵³².

С 1922 до конца 1920-х гг. наука финансового права пополнялась целым рядом специальных исследований, связанных с формированием бюджетной, налоговой и денежной систем советского государства периода нэпа. Этот период характеризовался и проведением ряда плодотворных дискуссий по указанным проблемам. Так, профессор А. А. Соколов (1885 г. – после 1929 г.), который начал свою научную и преподавательскую деятельность еще до революции в Московском коммерческом институте, активно участвовал в деле создания и совершенствования финансовой системы РСФСР⁵³³. Не ограничиваясь научными публикациями, он работает во всевозможных комиссиях и совещаниях, например, по вопросам денежного обращения, прямых налогов в Народном комиссариате финансов РСФСР, регулярно принимает участие в работе финансовой секции Института экономических исследований НКФ СССР, где в дискуссиях также участвовали И. Х. Озеров и П. П. Гензель. Последние упоминания в журнале «Вестник финансов» об участии И. Х. Озерова в обсуждении финансово-экономических вопросов в Институте экономических исследований датируются 1926 г., а в отношении А. А. Соколова – 1929 г. Дальнейшая судьба этих ученых не известна. Мы можем лишь предположить, что они стали жертвами политических сталинских репрессий, разделив печальную судьбу большинства представителей русской дореволюционной научной школы. Нельзя не вспомнить и о профессоре С. А. Котляревском (1873–1939), защитившем докторскую диссертацию по государственному праву в Московском университете. Он был крупнейшим специали-

⁵³² См.: Гурвич А. М. Бюджетное право по законодательству РСФСР. М., 1918.

⁵³³ См. подробнее: Кучеров И. И. Профессор А. А. Соколов – основоположник учения о налогах // Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003. С. 6–58 (серия «Научное наследие»).

стом в области бюджетного права. В советский период, в 1920 г., был приговорен к условному заключению на 5 лет, работал в Институте советского права, журнале «Советское право» и после 1925 г. активно публиковал свои исследования в названной научной сфере⁵³⁴.

С конца 20-х и до начала 50-х гг. XX в. интеллектуальная свобода исследований была жестко ограничена, а начиная с 30-хх гг. – просто отсутствовала. Это был период, когда юридическое исследование финансовых вопросов было практически свернуто и вплоть до начала 1940 г. не занимало сколько-нибудь заметного места в правовой науке. Большинство финансовых журналов в 1930-е г. было закрыто. Выходил один журнал под названием «В помощь финработнику», в котором печатались отчетные балансы финансовых органов. Как пишет К. С. Бельский, «реабилитация» финансового права датируется началом 1940-х гг.⁵³⁵ В 1941 г. Институтом права АН СССР были опубликованы тезисы «Система советского социалистического права», в которых указывалось, что финансовое право занимает в системе права место самостоятельной отрасли права. Появляются первые исследования предмета и системы отрасли финансового права⁵³⁶ и первый советский учебник по финансовому праву под общей редакцией М. А. Гурвича⁵³⁷. Впоследствии этот учебник переиздавался и на протяжении 1950-х гг. служил основным учебником для студентов и вузовских преподавателей. В 1939 г. финансовое право снова включено в учебные программы юридических факультетов и институтов.

С 1950-х гг. начался новый этап в развитии науки советского финансового права, его называют «золотыми» годами науки советского финансового права. Мы можем вести речь о поступательном ее развитии, была реанимирована в новом звучании сис-

⁵³⁴ См.: Котляревский С. А. Бюджет СССР. Л., 1925; Он же. Бюджет и местные финансы. М., 1926; Он же. Финансовое право. М., 1926; Он же. Финансовые взаимоотношения Союза, республик и мест в реконструктивный период // Советское строительство. 1931. № 10.

⁵³⁵ См.: Бельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 55.

⁵³⁶ См.: Гурвич М. А., Шварцман А. О. Основные вопросы советского финансового права. М., 1940; Ровинский Е. А. Предмет и система финансового права // Советское государство и право. 1940. № 3.

⁵³⁷ Гурвич М. А., Залесский М. Я., Райхер В. К., Шварцман А. О., Шмаков К. К. Финансовое право. М., 1940.

темообразующая отраслевая категория «финансовая деятельность государства», ранее в дореволюционных трудах ученых финансистов эта категория означала «государственное хозяйство». Финансовая деятельность государства рассматривалась как основанная на законе деятельность Советского государства, направленная на мобилизацию денежных средств в один общий бюджет для последующего его распределения. Государственная («общенародная») собственность на средства производства, плановая социалистическая экономика и коммунистическая идеология диктовали и приоритетные направления научных исследований в финансовом праве – это вопросы бюджета как финансового плана и финансового фонда социалистического государства, бюджетного устройства и бюджетного процесса. Само финансовое право в советских учебниках по финансовому праву определялось как совокупность норм, которые способствуют мобилизации в непосредственное распоряжение государства денежных средств, необходимых для выполнения его функций.

Таким образом, советское финансовое право формировалось и развивалось в основном вокруг проблем бюджетного права. Именно этим проблемам посвящались фундаментальные работы представителей московской школы финансового права Е. А. Ровинского⁵³⁸, М. И. Пискотина⁵³⁹, проблемами бюджетного права также занимались и профессор Киевского университета Л. К. Воронова⁵⁴⁰, профессор Саратовского юридического института, а впоследствии Московской юридической академии Н. И. Химичева⁵⁴¹ и др. В советский период на периферии финансово-правовых исследований оставались проблемы налогового права и валютного регулирования, отчасти и кредитно-расчетных отношений. По этим вопросам фундаментальные работы появлялись гораздо реже⁵⁴². Можно вспомнить работы

⁵³⁸ См.: Ровинский Е. А. Советское бюджетное право. М., 1971.

⁵³⁹ См.: Пискотин М. И. Советское бюджетное право. М., 1971.

⁵⁴⁰ См.: Воронова Л. К. Правовые основы расходов государственного бюджета в СССР. Киев, 1981.

⁵⁴¹ См.: Химичева Н. И. Правовые основы бюджетного процесса в СССР. Саратов, 1966; Она же. Субъекты советского бюджетного права. Саратов, 1979.

⁵⁴² См.: Воронова Л. К. Правовое регулирование расчетно-кредитных отношений в народном хозяйстве. Киев, 1988; Советское финансовое право / Под ред. Н. И. Химичевой, Л. К. Вороновой. М., 1987.

профессора Московского университета С. Д. Цыпкина по налоговому праву⁵⁴³, профессора Московского финансового института В. И. Лисовского⁵⁴⁴, который обосновывал самостоятельность института валютного права в структуре финансового права. Это имело свои причины. Во-первых, согласно марксистско-ленинской догме при коммунизме налоговая система должна отмереть. В этой связи не случайно, что в советском финансовом законодательстве вместо налогов устанавливались обязательные отчисления. Во-вторых, «железный занавес», слабые торговые связи СССР с капиталистическими странами принижали значение института валютного права как в практическом, так и на научном плане. Исключение составляли вопросы финансового сотрудничества стран – членов СЭВ (Совет экономической взаимопомощи стран социалистического лагеря)⁵⁴⁵. В этой части можно согласиться с утверждением К. С. Бельского об одностороннем развитии советской науки финансового права, которая должна была обслуживать прежде всего интересы социалистического государства и заниматься преимущественно проблемами бюджетного права⁵⁴⁶.

В советское время была в значительной мере утрачена «преэминентность» научных поколений. Исследования в сфере финансового права объективно ограничивались идеологическими постулатами марксистско-ленинского учения. Замалчивались исследования дореволюционных ученых-финансистов, прерывалась связь научных школ российского финансового права.

По тем же идеологическим причинам опыт финансово-правового регулирования западных стран подвергался жесткой критике, вскрывалась его «реакционная антинародная сущность». Практически в каждом учебнике по финансовому праву

⁵⁴³ См.: Цыпкин С. Д. Правовое регулирование налоговых отношений в СССР. М., 1955; Он же. Доходы государственного бюджета СССР: Правовые вопросы. М., 1973; Он же. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности советского государства. М., 1983.

⁵⁴⁴ См.: Лисовский В. И. Международное торговое и финансовое право. М., 1974.

⁵⁴⁵ См., например: Ровинский Е. А. Международно-правовые формы управления в области валютно-финансовых отношений стран – членов СЭВ // Экономические и правовые проблемы хозяйственной реформы. М., 1974.

⁵⁴⁶ См.: Бельский К. С. Финансовое право. С. 67.

того периода имелся специальный раздел, посвященный критике финансового законодательства буржуазных стран, «стоящего на страже интересов монополий». Но в противовес, все по тем же причинам, был дан «зеленый свет» исследованиям финансового права европейских социалистических стран⁵⁴⁷, проводились международные симпозиумы юристов финансового права социалистических стран⁵⁴⁸. За семьдесят лет советской власти были переведены на русский язык всего две книги по финансовому праву французских ученых Г. Жеза⁵⁴⁹ и П. Годме⁵⁵⁰.

Однако, несмотря на все эти «препоны» в развитии науки финансового права, не вызывает сомнения тот факт, что именно в этот период были заложены основы самостоятельности отрасли финансового права в системе советского права. Так, нельзя не вспомнить монографическую работу Е. А. Ровинского «Основные вопросы теории финансового права»⁵⁵¹, в которой рассматривались проблемы предмета и системы финансового права, финансово-правовые нормы и финансовые правоотношения. По оценке специалистов, это был блестящий труд. Е. А. Ровинский использовал иностранные источники, хорошо знал экономическую и финансовую литературу. Однако, несмотря на некоторую самостоятельность мышления, автор был связан идеологией по рукам и ногам. В работе излишне много пропагандистских штампов, реверансов в сторону Коммунистической партии Советского Союза⁵⁵². Но эта была не «вина», а беда всех советских исследователей, вынужденных в значительной части заниматься комментированием «решений партии и советского правительства» в сфере финансовой политики. В противном случае их исследования не были бы опубликованы.

Российская наука финансового права: современное состояние и тенденции развития. На рубеже XX – XXI вв. в переломный период формирования российской системы финансо-

⁵⁴⁷ См.: Финансовое право европейских социалистических стран / Под ред. В. И. Лисовского. М., 1976.

⁵⁴⁸ См.: Международный симпозиум юристов финансового права социалистических стран / Под ред. Т. Надь. Будапешт, 1975.

⁵⁴⁹ См.: Жез Г. Общая теория бюджета. М., 1930.

⁵⁵⁰ См.: Годме П. Финансовое право. М., 1978.

⁵⁵¹ См.: Ровинский Е. А. Основные вопросы финансового права. М., 1960.

⁵⁵² См.: Бельский К. С. Финансовое право. С. 57.

вого права обеспечивалась преемственность научных исследований благодаря трудам ранее названных ученых советской школы финансового права Н. И. Химичевой⁵⁵³, О. Н. Горбуновой⁵⁵⁴, С. В. Запольского⁵⁵⁵ и др. Поступательное развитие современной науки финансового права связано со следующими основными направлениями исследований.

1) Активное обновление правовой основы финансовых отношений служило «катализатором» для расширения сферы научных изысканий, особенно в тех областях, которые ранее оставались «в тени». В первую очередь это касалось проблем налогового права (А. В. Брызгалин⁵⁵⁶, Д. В. Винницкий⁵⁵⁷, С. Г. Пепеляев⁵⁵⁸, Г. В. Петрова⁵⁵⁹, Д. М. Щекин⁵⁶⁰ и др.) и валютного права (Б. Ю. Дорофеев⁵⁶¹ и др.) в структуре финансового права. Сохранили свою злободневность и вопросы бюджетного права (Ю. А. Крохина⁵⁶², Н. А. Шевелева⁵⁶³ и др.), финансового контроля (Е. Ю. Грачева и др.)⁵⁶⁴.

2) Для постсоветской науки финансового права актуальной практической задачей стала разработка новой, во многих отно-

⁵⁵³ См.: Финансовое право / Под ред. Н. И. Химичевой. М., 1995

⁵⁵⁴ См.: Горбунова О. Н. Совершенствование финансово-правовых институтов в современных условиях перестройки управления народным хозяйством. М., 1988; Она же. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003.

⁵⁵⁵ См.: Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. М., 2008.

⁵⁵⁶ См.: Налоги и налоговое право / Под ред. А. В. Брызгалина. М., 1997; Налоги, люди, время... / Под ред. А. В. Брызгалина. Екатеринбург, 2008 и др.

⁵⁵⁷ См.: Винницкий Д. В. Российское налоговое право. СПб., 2003.

⁵⁵⁸ Основы налогового права / Под ред. С. Г. Пепеляева. М., 1996; Налоговое право / Отв. ред. С. Г. Пепеляев. М., 2003.

⁵⁵⁹ См.: Петрова Г. В. Общая теория налогового права. М., 2004.

⁵⁶⁰ См.: Щекин Д. М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права. М., 2007.

⁵⁶¹ См.: Дорофеев Б. Ю., Земцов Н. Н., Пушин В. А. Валютное право России. М., 2000.

⁵⁶² См.: Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм. М., 2002.

⁵⁶³ См.: Шевелева Н. А. Бюджетная система России. СПб., 2004.

⁵⁶⁴ См.: Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М., 2000; Грачева Н. Ю., Толстопятенко Г. П., Рыжкова Е. А. Финансовый контроль. М., 2004 и др.

шениях принципиально иной концепции отрасли финансового права: предмета⁵⁶⁵, метода (И. В. Рукавишникова⁵⁶⁶), структуры отрасли, правовых норм и нетипичных нормативных предписаний, финансово-правовых отношений (М. В. Карасева⁵⁶⁷ и др.).

3) В целях возможной рецепции зарубежного опыта ученые обратились и к сравнительно-правовым исследованиям финансового законодательства зарубежных стран (А. Н. Козырин, И. И. Кучеров и др.⁵⁶⁸), проблемам гармонизации и унификации европейского налогового права (Г. П. Толстопятенко⁵⁶⁹ и др.), налогового законодательства стран СНГ (Д. М. Щекин⁵⁷⁰). В современных условиях состояние и тенденции развития российской финансовой системы нельзя правильно понять и оценить без учета ее связей с международной средой. В этой связи особое внимание исследователей уделяется и международному финансовому праву (В. М. Шумилов, В. А. Кашин и др.⁵⁷¹).

4) Критическое осмысление учеными-финансистами феномена советского финансового права, обращение к дореволюционным исследованиям, переиздание трудов вышеупомянутых ученых А. А. Исаева, И. Т. Тарасова, И. И. Янжула и других, т. е. обращение к историческим истокам, во многом стимулируют новые подходы к анализу современных проблем финансового права.

5) Эффективность исследований проблем финансового права напрямую связана с их организационной основой – развитием школ финансового права на базе специализированных кафедр высших учебных заведений. В дореволюционной России кафедры финансового права были в университетах Москвы (московская школа), Казани (казанская школа), Одессы (новороссийская

⁵⁶⁵ См.: Ашмарина Е. М. Некоторые аспекты расширения предмета финансового права в Российской Федерации: проблемы и перспективы. М., 2004.

⁵⁶⁶ Рукавишникова И. В. Метод финансового права. М., 2004.

⁵⁶⁷ См. Карасева М. В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997.

⁵⁶⁸ См.: Козырин А. Н. Налоговое право зарубежных стран: вопросы теории и практики. М., 1993; Кучеров И. И. Налоговое право зарубежных стран. М., 2003 и др.

⁵⁶⁹ См.: Толстопятенко Г. П. Европейское налоговое право. М., 2001.

⁵⁷⁰ См.: Щекин Д. М. Налоговое право государств – участников СНГ (Общая часть). М., 2008.

⁵⁷¹ См.: Кашин В. А. Налоговые соглашения России. М., 1998; Шумилов В. М. Международное финансовое право. М., 2005.

школа), в советской России – не было ни одной. Финансовое право, как правило, «квартировалось» на кафедрах административного или гражданского права⁵⁷². Не был исключением и Ярославский государственный университет. В советский период финансовое право преподавалось сначала представителями кафедры теории и истории государства и права (кандидат юридических наук, доцент Г. М. Петров), а позднее – кафедры гражданского права и процесса (ассистент, а впоследствии кандидат юридических наук, доцент О. Ю. Комарова), которые были специалистами по смежным правовым дисциплинам. В 2005 г. была создана кафедра трудового и финансового права. К этому времени уже сложились предпосылки для организационного обеспечения дисциплины финансового права, поскольку профессором, доктором юридических наук М. В. Лушниковой были изданы учебно-методические комплексы, учебные пособия по финансовому праву⁵⁷³. Названный преподаватель читает лекции по курсу финансового права в Ярославском государственном университете с 1998 г. по настоящее время.

Сегодня отечественные школы финансового права не ограничиваются только представителями московской, санкт-петербургской школ, продолжили свои традиции, сложившиеся еще в советский период, саратовская (Н. И. Химичева и др.), екатеринбургская (А. В. Брызгалин, Д. В. Винницкий и др.) школы финансового права, заявила о себе и «воронежская» школа финансового права (М. В. Карасева и др.).

⁵⁷² См.: Бельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 71.

⁵⁷³ См.: Лушникова М. В. Правовой режим налогового планирования. Ярославль, 1999; Она же. Правовые основы налоговой системы. Ярославль, 2000; Она же. Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство. Ярославль, 2004; Она же. Налоги юридических лиц. Ярославль, 2005; Она же. Финансовое право: Практикум. Ярославль, 2008 и др.

Глава 10. Школы римского права, гражданского права, гражданского процесса

Римское право

Как уже указывалось выше, постановка преподавания римского права в Демидовском юридическом лицее изначально была организована на высоком уровне, недостижимом для большинства юридических факультетов университетов. Этой дисциплине было выделено значительное число часов, преподавание было разделено на циклы (историческая часть, догмы и др.), что явилось примером для последующего преобразования и в других вузах. Ярославская юридическая школа имеет крупные достижения в области исследования римского права. Они связаны, в том числе, с первым профессором кафедры римского права Демидовского юридического лицея **Николаем Львовичем Дювернуа** (1836–1906). Он был по отцу французом (его отец преподавал французский язык в Александринском сиротском институте), но представлял собой тип истинно русского интеллигента. Н. Л. Дювернуа родился 10 ноября 1836 г. в Москве. В 1853–1857 гг. он обучался на юридическом факультете Московского университета, где первоначально его больше интересовали проблемы истории. Это неудивительно, в свете того, что лекции ему читали лучшие российские историки того периода Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, С. П. Шевырев. Среди преподавателей правовых дисциплин он выделял историка русского права И. Д. Беляева и специалиста по истории римского права Н. И. Крылова. По окончании университета он работал гимназическим учителем законоведения в Москве, пока не получил возможность в 1865–1866 гг. изучать немецкое гражданское право в Гейдельбергском университете. Магистерскую диссертацию «Источники права и суд в Древней Руси. Опыт по исто-

Н. Л. Дювернуа

рии гражданского права» защитил в Московском университете (1869 г.). В 1870 г. его приглашают в Демидовский юридический лицей для чтения курса римского права. Предварительно почти два года он провел в зарубежной научной командировке, преимущественно в Венском университете. Здесь он знакомится с Р. Иерингом, который до этого был для него высоким научным авторитетом. Так завязались дружеские отношения между российским и немецким учеными. В конце 1871 г. Дювернуа начинает чтение курса римского права в лицее, где преподает до 1875 г. В Ярославле он опубликовал свои первые исследования, о которых речь пойдет ниже, защитил докторскую диссертацию (1874 г.). После этого он был приглашен занять кафедру в Новороссийском университете, где преподавал в 1875–1882 гг. Наконец, с 1882 г. до своей смерти в 1906 г. он преподавал на кафедре гражданского права Петербургского университета. Н. Л. Дювернуа подготовил целую плеяду видных юристов, среди которых выделяются Ф. А. Вальтер, А. Ф. Волков, А. И. Каминка, А. Э. Нольде. Одним из его любимых учеников был В. М. Гордон, о котором речь пойдет далее. Умер ученый после продолжительной болезни 18 апреля 1906 г.

Чтение курса римского права в Демидовском юридическом лицее Н. Л. Дювернуа начинал с лекции на тему «Значение римского права для русских юристов». Текст этой лекции, имеющей важнейшее методологическое значение, был сначала опубликован во Временнике Демидовского юридического лицея⁵⁷⁴, а затем и в виде отдельного издания⁵⁷⁵. Основная мысль лектора, не утратившая своей актуальности до сегодняшнего дня, состояла в том, что в римском праве полнейшим образом исторически реализовалась отвлеченная идея права: «Это не значит, что римское право составляет нечто непреложное, непогрешимое на вечные времена, или что с одним римским правом может обойтись какая-либо из современных национальностей; это значит только, что в нем тот существенный и общий элемент, который составляет основу всякого права, развит в такой степени, как нигде. Мы видим в самом деле в современной науке, что даже в тех вопросах, которые, по-видимому, служат

⁵⁷⁴ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов // Временник Демидовского юридического лицея. 1872. Кн. 1. С. 33–57.

⁵⁷⁵ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872.

именно особым признаком нашего времени – в вопросах, например, о бумагах на предъявителя, полисах, государственных облигациях, закладных листах, – то же римское право до сих пор продолжает служить солиднейшей основой для научной конструкции»⁵⁷⁶.

Другой труд Н. Л. Дювернуа «Основная форма корреального обязательства: Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву» вышел в Ярославле в 1874 г. и был защищен автором как докторская диссертация. В нем на широком историко-правовом фоне исследуется один из древнейших институтов римского обязательного права – корреалитет, давно уже утративший свою практическую значимость. Однако последнее обязательство не снижало к нему научного интереса.

Согласно краткому истолкованию диссертанта, «существенный признак корреального обязательства, в отличие от солидарного, заключается в том, что в солидарном удовлетворение (*perceptio, satisfactio*), последовавшее от одного из должников, погашает все обязательство; в корреальном иск (*litis contestatio, electio*) одного из верителей или против одного из должников консумирует, поглощает требования всех остальных верителей или либерировывает всех остальных должников»⁵⁷⁷. Выбор столь необычной темы, давным-давно утратившей свою практическую значимость, Н. Л. Дювернуа объяснял тем, что «вопрос о корреальном обязательстве составляет один из тех, на которых легко и удобно наблюдать существенные законы развития юридических организмов вообще, и с другой стороны, в ближайшем отношении к обязательствам, это один из центральных вопросов всей системы римских обязательств, до сих пор, как известно, составляющей ключ к разумению современных систем»⁵⁷⁸. Критически оценив господствовавшие в то время германские теории корреальности, Н. Л. Дювернуа изложил свой взгляд на проблему, который, однако, не снискал научной поддержки.

Обширная юридическая, особенно немецкая, литература, порожденная стремлением юристов раскрыть природу и сущность корреального обязательства, не только поясняла, но и за-

⁵⁷⁶ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. С. 20.

⁵⁷⁷ Там же. С. 7–8.

⁵⁷⁸ Там же. С. 3.

путывала существо вопроса. Н. Л. Дювернуа старается выявить связанность корреалитета с особой исторической обстановкой, с особенностями развития римской юридической жизни, вскрыть глубже его зависимость от стипуляции (римский формальный договор, общая форма, в которую можно вложить любое содержание). Это частное явление римского обязательного права он изучает не путем микроскопического исследования его догматической структуры, в которое ударились немецкие юристы, а исторически⁵⁷⁹.

«Не толкование фрагментов, – писал А. Э. Нольде, – должно дать ответ на вопрос о сущности корреалитета и его значения; напротив, все особенности этого института, отличия от ближайших к нему и родственных Николай Львович старается объяснить историческими условиями, всем характером Римского права той эпохи, как продукта духа ее. Поэтому он прежде всего обращается к исследованию формальных контрактов и, в частности, к стипуляции, которая является центральной формой всего обязательственного оборота в Риме»⁵⁸⁰. По определению Н. Л. Дювернуа корреальная форма стипуляции – первоначальная – «есть сопоставление двух стипуляций, способное служить для всевозможных целей оборота с требованиями»⁵⁸¹. Составив такую точку зрения, Н. Л. Дювернуа поставил под сомнение теории, исходившие из единства корреального обязательства. «Главную слабость теории единства, – отмечает А. Э. Нольде, – он усматривал в том, что источники допускают возможность индивидуализации отдельных обязательств, образующих одно сложное. Создавшееся в теории стипуляции новое явление – корреальность – было перенесено впоследствии и на другие обязательства»⁵⁸². Исследование Н. Л. Дювернуа не привело к разрешению сложной проблемы. Его выводы не получили общего признания. Но сама по себе основательная попытка по-новому вскрыть природу корреалитета, определить его предназначение получила высокую научную оценку.

⁵⁷⁹ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. С. 12–21.

⁵⁸⁰ Нольде А. Е. Дювернуа Н. Л. Некролог // Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 4. С. 106.

⁵⁸¹ Цит. по: Там же.

⁵⁸² Там же. С. 106.

После Н. Л. Дювернуа римское право и институции римского права преподавал **Фаддей Владиславович Григорович** (1848–?). Он был уроженцем Минской губернии, среднее образование получил в Париже, затем окончил Дерптский университет со степенью кандидата права (1872 г.). Магистр уголовного права (1876 г.). С 1875 по 1877 гг., как уже указывалось, преподавал римское право и институции римского права в Демидовском юридическом лицее. Затем до 1878 г. был и. о. доцента по кафедре энциклопедии права. В 1878 г. уволился со службы. Доктор уголовного права (1880 г.). С 1880 г. возобновил преподавание в Варшавском университете (до 1883 г.), затем до начала XX в. – профессор Казанского университета по кафедре уголовного права.

В 1875 г. в Санкт-Петербурге вышел капитальный труд будущего профессора лицея **Дмитрия Ивановича Азаревича** (1848–1912) «Патриции и плебеи в Риме», посвященный исследованию римского государственного права. Это был подлинный преемник Н. Л. Дювернуа на профессорской кафедре римского права, которую Д. И. Азаревич занимал с 1876 по 1882 гг. Именно в этот период он защитил докторскую диссертацию и написал свои основные научные труды. Он родился в Могилевской губернии в семье профессора законовещения. По окончании юридического факультета Петербургского университета оставлен там же на кафедре римского права. Защитил магистерскую диссертацию «О различии между опекой и попечительством по римскому праву» (1872 г.). В дальнейшем он был профессором римского права Новороссийского университета (1882–1887 гг.) и профессором кафедры гражданского процесса Варшавского университета (с 1887 г.)

Д. И. Азаревич

В труде «Патриции и плебеи в Риме» автор отстаивает оригинальную точку зрения о происхождении патрицианства от сенаторства, а не от принадлежности к знатному роду. Имея равные с патрицием права на участие в высшей государственной власти, утверждает ученый, плебей, избранный в сенат,

«автоматически» становится основателем патрицианского рода, для этого не требуется особого государственного акта⁵⁸³. Таким образом, «начало обособления так называемых патрицийских родов лежит в происхождении от сенаторов. Лица эти носили название просто патрициев, то есть таких лиц, которые считали в числе своих предков одного в достоинстве патера»⁵⁸⁴. Общим выражением патерства было сенаторство. Вскрывая противоречивый характер римского общества, автор подчеркивает, что раздираемое последнее противоборство враждебных сил гораздо сложнее и объемнее, чем борьба между патрициями и плебеями⁵⁸⁵. Исследование Д. И. Азаревича было подвергнуто критике со стороны С. А. Муромцева, на что «уязвленный» автор ответил резкой, местами высокомерной полемикой⁵⁸⁶, что, конечно, не делает ему чести как ученому.

Д. И. Азаревич в числе очень немногих русских юристов занимался исследованием византийского права. В 1876 г. в Ярославле вышел первый том его «Истории византийского права». В 1877 г. издан второй том. Обосновывая в предисловии выбор темы исследования, автор писал: «Необходимость взяться за разработку византийского права именно русским ученым обуславливается не только громадным значением для истории и догмы русского права изучения истории законодательства того народа, который дал нам христианство и сложил под его влиянием и помимо того чисто внешним образом массу правовых воззрений, изучение которых в их источнике могло бы предохранить от навязывания культурно чуждых нам систем, выработанных на началах чисто римского права»⁵⁸⁷.

Д. И. Азаревичем в его труде широко раскрывается внешняя история византийского права, анализируются причины издания после «Свода Юстиниана» новых законодательных па-

⁵⁸³ См.: Щербакова Н. В. Патриции и плебеи в трактовке Д. И. Азаревича // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. на международ. науч. конф. / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 52.

⁵⁸⁴ Цит. по: Там же. С. 52.

⁵⁸⁵ См.: Там же. С. 53.

⁵⁸⁶ См.: Азаревич Д. И. Сергей Муромцев и мои «Патриции и плебеи в Риме» // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1878. Кн. 16. С. 3.

⁵⁸⁷ Азаревич Д. И. История византийского права. Ярославль, 1876. Т. 1. Ч. 1. С. 9–10.

мятников, таких как «Эклога», «Вазилики» и др., а также исследуются особенности развития традиционных институтов римского права в новых социально-экономических условиях.

Византийское право ученым рассматривается как греко-римское право, отмеченное византийским элементом⁵⁸⁸. Именно византийское, а не чисто римское право, полагает Д. И. Азаревич, послужило образцом для создания правовых систем Греции, грузин, армян и славянских народов. Однако ученый допускает явное преувеличение влияния византийского права на правовой строй и юридическую практику Древней Руси, как известно, ее светское законодательство, да и судебные порядки имели самобытные начала. Д. И. Азаревич отстаивает в своем труде точку зрения, согласно которой история византийского права не завершилась турецким завоеванием и византийский правовой порядок был не разрушен, а наследован турками.

В 1877 г. Д. И. Азаревич издает в Ярославле книгу «Прекариум по римскому праву», которую в том же году он защитил как докторскую диссертацию в Новороссийском университете. Эта работа посвящена исследованию одного из своеобразных институтов римского права, который долгое время стоял особняком ко всему праву. Прекариуму посвящена обширная научная литература. Отдельные немецкие ученые отождествляли его с коммодатом, но эта точка зрения признана несостоятельной. Д. И. Азаревич проявил историко-догматический подход к изучению этого института. Он пришел к выводу, что его своеобразие связано с тем, что римляне первоначально при сравнительно тесной общине знали только общую форму отдачи в пользование. В правовом отношении, подчеркивает Д. И. Азаревич, эта сделка отмечалась одним фактом передачи вещи из рук в руки, т. е. была простым жизненным явлением. «Такая сделка, – пишет он, – стояла вне признания законодательством. Позднее же ее признание не могло выразиться сразу в регуляции этого отношения со всех сторон определенными нормами. Признание происходило медленно по мере обращения на него внимания претора со стороны частных лиц. Претор предоставлял интердикт по требованию возвратить вещь, уступленную прекарию, до остальных отношений ему не было дела. Но когда классические юристы стали пытаться выработать из этой сделки отдельный само-

⁵⁸⁸ См.: Азаревич Д. И. История византийского права. С. 5.

стоятельный институт, то пришлось брать из жизни признаки случайные, не выдержавшие теоретической критики и непреодолимо влекшие за прекариумом характер договорного отношения»⁵⁸⁹. Происхождение и существование прекариума, по мнению Д. И. Азаревича, объясняется отрицательно тем, что римская практика сначала не знала вовсе, а затем медленно вырабатывала понятие реального контракта. Позднейший прекариум, полагает он, не мог ассимилироваться с коммодатом и должен был обрести характер договорно-обязательственного отношения в форме безымянного договора.

В 1879 г. также в Ярославле выходит историко-юридическое исследование Д. И. Азаревича «Брачные элементы и их значение». В нем проводится важная мысль о влиянии христианского вероучения на нравственность и семейно-брачное законодательство классического Рима и Византии. Гуманистическая философия, подчеркивает автор, много достигшая в утверждении нравственных начал в древнем обществе, не сумела серьезно поколебать основ житейской морали античного мира. Значительно большего в этом отношении добилась христианская религия. С ней Д. И. Азаревич связывает укрепление и облагораживание супружеских отношений. «Этический элемент в супружеских отношениях как главнейшее связующее начало в браке, – пишет он, – впервые выдвинут был христианством»⁵⁹⁰. Именно благодаря христианству за брачными отношениями был признан этический элемент взаимной склонности и любви. Ранее брак сводился к достижению жизненно необходимых, но сугубо практических целей и, как основанный почти исключительно на «реальном элементе», был лишен возвышенного значения. Противное духу христианства признание за женщиной «служебного», подчиненного положения со временем было преодолено в законодательстве Византии. Из общих начал христианского учения о равенстве вытекала идея равноправия женщин, отрицания за ними значения материального средства. В 439 г., указывает Д. И. Азаревич, император Феодосий окончательно запретил профессию сводника под страхом наказания розгами и изгнания из столицы. В соответствии с законом этого

⁵⁸⁹ Азаревич Д. И. Прекариум по римскому праву. Ярославль, 1877. С. 201.

⁵⁹⁰ Азаревич Д. И. Брачные элементы и их значение. Ярославль, 1879. С. 79.

императора ни одну христианку, «будь она рабыней или свободной, нельзя было принудить сделаться содержанкой или актрисой»⁵⁹¹. Брак возвышается христианством до религиозного таинства. Он приобретает значение нерасторжимого союза, нерасторжимого общения двух лиц. Этот взгляд, отмечает Д. И. Азаревич, впервые нашел законодательное выражение в «Эклоге» Льва Исавра. «Каждый из супругов, – пишет автор, – получает полное право на всю любовь другого»⁵⁹². Супружеская неверность стала рассматриваться как тяжкий проступок. В труде «Античный мир и христианство», составленном из трех публичных лекций, прочитанных в пользу недостаточных студентов лица, Д. И. Азаревичем обосновывается мысль о нравственном и объединяющем народы начале христианства. Вместе с тем автор а вызревание ряда гуманистических, органически присущих христианскому вероучению идей, в недрах дохристианского греческого и римского древнего мира. Особенно подчеркивается в этой связи гуманистическая направленность философии стоиков, проповедовавших, что любовь есть природное, естественное чувство всякого человека, что любить следует не только своих сограждан, но весь человеческий род. Отсюда взгляд стоиков на благотворительность как естественный человеческий долг. «По словам Сенеки, – указывает Д. И. Азаревич, – благотворительность не должна останавливаться даже пред неблагодарностью и не должна вызываться тщеславием и ожиданием благодарности. Благodeяния немощным, бедным, бесславным должны совершаться тайно, чтобы известны были только тем, кому они оказываются»⁵⁹³. Это положение подтвердил и Марк Аврелий. Делая добро, человек поступает согласно со своей природой, а поэтому обязанность эта не может условливаться поведением облагодетворенных. Эти идеи, подчеркивает автор, получили широкое развитие в христианском вероучении и практическое закрепление в благодеяниях христианской церкви.

В 28 книге «Временника Демидовского юридического лица» было опубликовано извлечение из курса лекций

⁵⁹¹ Азаревич Д. И. Брачные элементы и их значение. С. 93.

⁵⁹² Там же. С. 68.

⁵⁹³ Азаревич Д. И. Античный мир и христианство. Ярославль, 1880. С. 78.

Д. И. Азаревича по римскому праву, относящееся к учению о юридических лицах.

Под понятие юридического лица автором подводится все то, что, не будучи человеком, способно состоять правовым субъектом, т. е. способно иметь права и обязанности. Название «юридическое лицо» автор считает не вполне удачным, поскольку если слово «юридическое» употреблять в том смысле, что соответствующая личность признана положительным правом, то в этом отношении и человек будет юридическим лицом. «Поэтому данный эпитет, – пишет он, – должен оттенять лишь тот признак, что положительным правом возводится в лицо то, что не имеет необходимых качеств лица»⁵⁹⁴. Но, несмотря на его недостатки, этот термин получил права гражданства, «приобрел почти техническое значение», тем более что другие названия, как-то: моральные лица, фиктивные лица – совершенно неудачны. Слово «моральный» в обычном его смысле наводит на предположение о существовании неморальных лиц, но в истории Рима были случаи, и весьма нередкие, установления юридических лиц далеко не с моральными целями. «Другое также распространенное название "фиктивные лица", – продолжает свою мысль Д. И. Азаревич, – хотя и имеет за себя некоторое основание в природе данных субъектов, но в общем этот эпитет наводит сомнение на действительное существование их»⁵⁹⁵.

Существуют также наименования «бестелесные, нефизические лица», но они вообще не получили распространения.

Учение о юридических лицах Д. И. Азаревичем прослеживается со времен классического Рима, хотя в источниках Рима отсутствует техническое наименование этого рода субъектов, но каждый вид их обозначался особым названием. Римскому праву были известны такие категории, как объединение физических лиц, образующих в своей совокупности правовой субъект, учреждение с благотворительной целью и некоторые другие. Сначала эти объединения и учреждения были сильно ограничены в правах, только особыми императорскими законами им предоставлялось право патроната. Но со времени Юстиниана,

⁵⁹⁴ Азаревич Д. И. Юридические лица: Условия (из курса лекций по римскому праву). Ярославль, 1882. С. 2.

⁵⁹⁵ Там же.

отмечает Д. И. Азаревич, стала допускаться возможность для юридических лиц владеть правами через представителей. «Только с развитием идеи представительства, – пишет он, – открылась для юридического лица возможность вступать в наследство и принимать отказы: так что в юстиниановском праве уже могли вполне быть назначаемы наследниками казны и общины как светские, так и церковные благотворительные учреждения»⁵⁹⁶.

В этом «Курсе лекций» автором подвергаются критике попытки новейшей литературы к расширению понятия права за установленные ему пределы, раздвигать его до бесконечности, отправляясь не от идеи права, а от практических случаев, фактов. «... Правовая идея, – утверждает Д. И. Азаревич, – имеет самостоятельное, априористическое, идеальное содержание, определяемое философскими принципами, а все отдельные правообразования суть необходимые выводы из основной идеи. Поэтому отдельные правовые явления не могут нарушать гармонии в целом построении права, не могут служить основанием для таких определений, которые стали бы в противоречие с главным положением права»⁵⁹⁷. Совершенно правильно, продолжает свою мысль Д. И. Азаревич, поступают те юристы, которые стараются согласовывать факты с идеей права, а не пересматривают последнюю, чтобы согласовать ее с фактами.

В 1888 г., уже будучи профессором Варшавского университета, Д. И. Азаревич выпустил двухтомный труд «Система римского права».

В ходе методологической дискуссии С. А. Муромцева с позитивистами Д. И. Азаревич активно выступал на стороне последних. В пылу полемики иногда выходил за рамки дозволенного.

В 1880 г. во «Временнике Демидовского юридического лицея» выходят «Институции римского права» *М. Н. Капустина* (в том же году эта работа издается в Москве), которые, являясь одним из первых доступных для студентов руководств по римскому праву, имели в то же время значение солидного научного труда. Вся эта четко продуманная и максимально приближенная к студенческому пониманию работа как бы проникнута

⁵⁹⁶ Азаревич Д. И. Юридические лица: Условия. С. 36.

⁵⁹⁷ Там же. С. 6.

стремлением автора сделать осязаемым то, над чем упорно трудились великие римские юристы, – приобщить студентов к тайнам мастерства правового конструирования древних римлян. М. Н. Капустин обращает особое внимание на те недостижимые высоты, которые достигнуты римскими юристами в разработке обязательственного права. Отличие обязательного права от вещного им усматривается в том, что последнее ограничивает всех лиц по отношению к собственнику, тогда как обязательство есть право требовать известного исполнения только от определенного лица. Подчеркивая, что система обязательств римскими юристами разработана с наивысшей полнотой, М. Н. Капустин с присущей ему афористичностью пишет по этому поводу следующее: «... ни один институт римского права не получил такого всемирного значения как договоры. Римляне в понятии об обмене начали с обмена собственности на собственность, а затем перешли к обмену собственности на обещания и, наконец, возвысились до признания обмена обещаний на обещания; с формальной стороны они начали с самых строгих обязательств, в которых форма стояла выше содержания, и завершили самым полным устранением формальностей, какая только возможна в юридической области»⁵⁹⁸. Бросается в глаза удивительная четкость, с какой М. Н. Капустиным обрисовываются основные институты римского права, раскрываются понятия, которыми оперировали классические римские юристы. Сопоставляя договоры о безвозмездном пользовании чужой вещью прекариум и *commodatum*, автор тонко проводит различие между ними. Если договор *commodatum*, подчеркивает он, состоял в передаче вещей большей частью движимых в пользование на известный срок под условием возвращения той же самой вещи, то прекариум прилагался не только к телесным вещам, но и к сервитутам. Если *commodatum* предполагал ответственность за всякую вину, то прекариум подходил к этому вопросу избирательно. «Давний прекариум, – уточняет М. Н. Капустин, – не имел иска, а мог защищать свое право только интердиктом»⁵⁹⁹, т. е. посредством приказа, исходящего от магистратов как меры защиты и восстановления права (часто

⁵⁹⁸ Капустин М. Н. Институции римского права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1880. Кн. 24. С. 224.

⁵⁹⁹ Там же. С. 225.

полицейского характера). Автором емко дается характеристика средств защиты против иска, выступающих под общим названием *exsertio*.

М. Н. Капустин особо подчеркивает, что римские юристы отождествляли понятие права с понятием справедливости, видели в праве систему добра и справедливости. Автором четко проводится представляющее значительную сложность разграничение подходов к теоретическому изложению права его стороны прокульянцев и сабинианцев. Различие между этими школами он усматривает в том, что последователи Прокула (Лабсо) выводили право из всестороннего исследования свойств и природы каждого института с последующим изложением определенного юридического принципа, тогда как теория представителей школы Сабина (Капито) выводилась из опыта, ее основанием служила практическая цель того или иного института. Дуализм этих направлений, продолжавшийся более ста лет, неодинаковость подходов к изучению права, указывает М. Н. Капустин, плодотворно сказались на развитии юридической науки. К числу последователей Сабинианской школы автор относит Гая, «который был далек от каких бы то ни было отвлеченных построений, он объяснял все институты из положительного права, из истории»⁶⁰⁰. М. Н. Капустиным дается оценка научных заслуг этого юриста, создателя обширной системы права.

В последующем этому римскому юристу *И. Я. Гурляндом* посвящена отдельная работа. В ней Гай характеризуется как выдающийся систематик. Преимущество его системы перед ранее существовавшими *И. Я. Гурлянд* видит в том, что в ней отделено право от процесса и в самом праве различны права и защита прав. Заслугой Гая является и осознание того, что «правовые нормы нужно квалифицировать не по внешним данным, а по внутреннему содержанию норм»⁶⁰¹. И самую главную заслугу римского юриста *И. Я. Гурлянд* усматривает в детальной разработке им выставленных в системе начал. Благодаря Институциям Гая, утверждает он, «нами приобретен целый запас совершенно новых знаний». «В особенности, – пишет *И. Я. Гурлянд*, – это относится к учению о древнем процессе, о

⁶⁰⁰ Капустин М. Н. Институции римского права. С. 12.

⁶⁰¹ Гурлянд И. Я. Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль, 1896. С. 129.

котором, не будь институций, мы бы решительно ничего не узнали и который погиб бы для нас безвозвратно»⁶⁰². Эта работа ярославского юриста является первым из написанных на русском языке трудов о Гае.

Во «Вступительной лекции по римскому праву», на которую мы уже ссылались ранее, и. д. ординарного профессора **Иван Григорьевич Табашников** (1842–1913) воспроизводит исторический путь римского права от узко национального права квиристов до универсального права, приобретшего общечеловеческое значение. Ученый родился в 1842 г. в Одессе, юридический факультет Петербургского университета окончил экстерном (1873 г.). После этого оставлен там же для продолжения научной работы, в 1875–1882 гг. – в судебных органах (1879–1882 гг. судья). Магистр римского права (1882 г.). Сменил Д. И. Азаревича на кафедре римского права Демидовского юридического лица (1882–1887 гг.), где был и. д. экстраординарного профессора. Впоследствии был профессором Новороссийского университета (1887–1898 гг.), профессором Томского университета (1898–1906 гг.), одновременно там же был деканом юридического факультета в 1898–1902 гг. С 1906 г. в отставке.

Вернемся к «Вступительной лекции по римскому праву» И. Г. Табашникова. «Всякий, имевший случай остановиться на особенностях римского народа, – отмечает он, – не станет отвергать того, что римляне, покоряя своему владычеству государства и народы, отнюдь не подавляли их культуры, но, напротив того, широко раскрывали ей двери в свое государство и чрезвычайно охотно усваивали все то, что в ней было лучшего. Таким образом, к ним проникли и постепенно водворились все наиболее целесообразные институты древнего мира... Так как право, действовавшее собственно для римлян, не могло быть достаточно известно и понятно для иностранцев, то явилась необходимость подыскивать и вырабатывать такие формы его проявления, которые по своему соответствию с природою вещей и отношений были бы понятны и доступны всякому индивиду, к какой бы национальности он не принадлежал. Таким образом, сложилось так называемое *jus gentium*, которое юрист Гай в начале своих Институций называет правом, которое естественный разум установил для всей людей. ... Вот почему рим-

⁶⁰² Гурлянд И. Я. Римский юрист Гай и его сочинения. С. 152.

ское право перестало быть только правом римского народа, а сделалось правом универсальным»⁶⁰³. Римское право, подчеркивает И. Г. Табашников, в каком-то отношении прокладывало путь к свободе личности, явившись «провозвестником свободы гражданина в его частном быту и наподобие Евангелия раскрыло человечеству все те догматы и естественные пределы, отрицать которые ныне считается величайшим абсурдом, смертным грехом против здравого смысла»⁶⁰⁴.

На важное «завоевание» римского права в области наследственного права новых германских народов указывает в статье «Единство рода и постепенность призвания к открытому наследству по закону» доцент лицея *А. А. Борзенко* (о нем в следующем параграфе). Как значительную по своим последствиям победу он рассматривает введение порядка наследственного преемства в законодательство Германии, через преодоление издавна сложившегося народного понятия о наследственном преемстве в порядке близости степеней родства. Уступили римскому праву в конце концов и местные обычаи Франции. Автор дает следующее тому объяснение: «Органическое понятие единства рода как единства родоначальника и нисходящих определяет порядок наследственного преемства по закону, опирающийся на естественный строй семьи, которому вполне соответствует понятие единства рода»⁶⁰⁵.

После И. Г. Табашникова курс римского права читал **Сергей Михайлович Нечаев** (1860–1935). Этот выпускник Московского университета (1881) в 1888–1889 гг. был и. д. приват-доцента по кафедре римского права Демидовского юридического лицея. Впоследствии он преподавал в Новороссийском (1889–1893 гг.), Юрьевском (1893–1902 гг.), Петербургском (1902–1917 гг.) университетах. В 1924–1931 гг. состоял членом Арбитражной комиссии при СТО.

Михаил Митрофанович Катков (1861 – после 1929) был приват-доцентом по кафедре римского права Демидовского

⁶⁰³ Табашников И. Г. Вступительная лекция по римскому праву // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1882. Кн. 32. С. 12–14.

⁶⁰⁴ Там же. С. 14–15.

⁶⁰⁵ Борзенко А. А. Единство рода и постепенность призвания к открытому наследству по закону // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1877. Кн. 13. С. 4.

юридического лица с 1890 по 1906 гг., но значительных работ в этот период не подготовил. С 1906 по 1918 гг. он являлся профессором Киевского университета, затем в эмиграции.

В этом контексте достойны внимания труды **Виктора Адамовича Юшкевича** (1867–1908). Он окончил Императорское училище правоведения (Петербург) в 1888 г., а затем продолжил образование в Берлинском университете, где слушал лекции Г. Дернбурга и К. Экка. С 1894 г. он избирается приват-доцентом по кафедре гражданского права Демидовского юридического лица, а в 1899 г. после защиты магистерской диссертации возглавляет эту кафедру. В 1901 г. он переводится в Томский университет, где занимает кафедру торгового права. В 1905 г. по личному указанию принца А. П. Ольденбургского он вызывается в столицу, где избирается профессором Императорского училища правоведения и одновременно Московского лица Цесаревича Николая. Это был широко образованный цивилист⁶⁰⁶, талант которого не раскрылся в силу его ранней кончины 22 сентября 1908 г. Его докторская диссертация «О приобретении владения по римскому права» так и не была защищена, хотя ее первая часть была издана⁶⁰⁷.

Изданный в Ярославле в 1899 г. труд В. А. Юшкевича «Учение Пандект о намыве, юридической природе русла публичных рек, об островах, в публичных реках возникающих, и сочинения римских землемеров» (защищен им в том же году в качестве магистерской диссертации) – глубокое исследование источников римского права. В этом труде предпринимается попытка дать теоретическое обоснование тем противоречивым взглядам, которые господствовали в римской юриспруденции по вопросу о юридической судьбе земли, незаметно примываемой к берегам рек и других водохранилищ, о судьбе русла реки переменяющей свое течение.

Эти разногласия во взглядах В. А. Юшкевич объясняет принадлежностью исследовавших этот вопрос римских юристов к двум господствовавшим в римской теоретической юриспруденции школам. Римское классическое право характеризу-

⁶⁰⁶ См.: Юшкевич В. А. Руководящие начала к преподаванию русского гражданского права. Ярославль, 1900; Он же. Наполеон I на поприще гражданского правоведения и законодательства. М., 1905 и др.

⁶⁰⁷ Он же. Исследования в области учения о владении. Ч. 1. О приобретении владения по римскому права. М., 1908.

ется В. А. Юшкевичем как орудие юридического мышления, как образцовый материал для упражнений. Оно приобретает к постижению прекрасного в праве.

К числу весьма значительных исследований римского права следует отнести вышедшие в начале XX столетия труды ярославских ученых Б. Н. Фрезе «Общее и местное право Римской империи» и «Индивидуализм римского права» М. П. Бобина, «Об юридических лицах по римскому праву» Н. С. Суворова.

Отметим, что **Бенедикт Николаевич Фрезе** (1866–1942) работал на кафедре римского права Лицея наиболее продолжительный период (1901–1918 гг.: 1901–1913 гг. – приват-доцент, 1913–1918 гг. – и. о. экстраординарного профессора). Он окончил Дерптский университет (1890 г.), оставлен там же для подготовки к профессорскому званию. В 1894–1897 гг. учился в Институте римского права при Берлинском университете. В 1898–1901 гг. – приват-доцент Рижского политехнического института. В начале 1918 г. эмигрировал, в 1919–1939 гг. профессор римского права Высшей школы Латвии (с 1923 г. – Латвийский университет). С 1933 по 1939 гг. профессор Института Гердера в Риге. Степень доктора права получил в Лейпцигском университете (1921 г.). Дальнейшая его судьба достоверно не известна. Вероятно, как этнический немец прибалтийского происхождения в годы немецкой оккупации он не пострадал. Умер в 1942 г. на территории оккупированной Польши.

Приват-доцент **Михаила Павловича Бобина** (1866 – после 1917) преподавал на кафедре римского права Демидовского юридического лицея с 1901 по 1909 гг. Он окончил Харьковский университет (1890 г.), готовился там же к профессорскому званию, два года стажировался за границей. Затем некоторое время был помощником присяжного поверенного округа Харьковской судебной палаты. В годы работы в лицее в 1907 г. активно участвовал в деятельности местной организации кадетов, избирался депутатом Государственной Думы, был председателем ее библиотечной комиссии. После ухода из лицея был приват-доцентом Томского (1909–1911 гг.) и Московского (1911–1916 гг.) университетов. В 1916–1917 гг. являлся помощником попечителя Киевского учебного округа. Дальнейшая его судьба нам не известна.

Его труд «Индивидуализм римского права» – вступительная лекция, прочитанная студентам лицея 16 октября 1901 г. Содержание ее составляет обоснование того, как надо правиль-

но понимать индивидуализм римского права, являющийся одной из характерных его особенностей. М. П. Бобин отвергает как неосновательное мнение ряда романистов, полагавших, что римские юристы видели в институтах частного права проявление и осуществление только эгоистических интересов частных лиц. Несмотря на обособленность институтов публичного и частного права, последние, утверждает лектор, проникнуты идеями благополучия не только частных лиц. В защиту общего интереса были направлены отдельные законы, деятельность цензора, сената, судов, преторский эдикт. «И самое главное, – отмечает М. П. Бобин, – строение институтов частного права рассчитано было на общий интерес»⁶⁰⁸. Далее им высказывается возражение против видения в римском праве собственности бытия безграничной свободы, беспредельного властвования над вещами. Свое возражение он основывает на факте отсутствия в источниках римского права указаний на *jus abutendi*, на признание безусловного характера полномочий собственника, а также на существование в Риме с давних пор законных ограничений собственности в виде сервитутов и др.

Довольно яркое выражение, признает М. П. Бобин, индивидуализм римского права находит в институте общей собственности (*condominium*). Он построен на признании самостоятельности каждого собственника. В этой конструкции собственности ставится под защиту не только меньшинство (вопросы относительно распоряжения общей вещью решаются не по большинству голосов), но даже каждый отдельный участник получает возможность противиться всем остальным товарищам. Соглашаясь, что от подобной конструкции *condominium*'а страдают общие интересы, М. П. Бобин обращает внимание на те злоупотребления большинства, от которых страдают, например, современные акционерные компании при полном отсутствии прав сопротивления у меньшинства. И та и другая организация, считает он, имеет свои недостатки. И потому «нельзя решать прямолинейно в силу одного принципа о качестве и пригодности института»⁶⁰⁹. М. П. Бобин указывает как на явное заблуждение на суждение такого рода, «что там, где отдельное

⁶⁰⁸ Бобин М. П. Индивидуализм римского права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1902. Кн. 85. С. 4.

⁶⁰⁹ Там же. С. 6.

лицо наиболее связано, – наилучше удовлетворяются социальные цели»⁶¹⁰. Рассматривается им и другая особенность римского института общей собственности – легкая возможность сособственника освободиться от общения. Он может изъять свою часть независимо от интересов и воли своих сотоварищей. Последние никакого преимущественного права на покупку отчужденной части, как это устанавливает немецкое право, не имеют. «Это может иногда казаться несправедливым по отношению к остающимся в общей собственности товарищам, – отмечает М. П. Бобин, – но и немецкая система имеет обратную сторону. Отдельный сособственник может оказаться совершенно в руках товарищей при возможной их недобросовестности»⁶¹¹. К числу достоинств римского права ученый относит его подвижность, способность под воздействием жизненных ситуаций вносить поправки в институты, смягчать их строгость. Оно допускает возможность самых разнообразных отклонений от обычного типа общей собственности по желанию сторон.

Какаясь вопроса о юридических лицах, М. П. Бобин критикует германистов за искажение смысла учения римских юристов о них, за придание им значения фикций, утверждает, что юридические лица были для римлян величинами реальными, что, прибегая к фикции как к приему мышления, они отнюдь не ставили под сомнение реальности существования юридических субъектов.

Характеризуя обязательственное право римлян как максимально приспособленное к требованиям гражданского оборота, признавая широкую свободу договора в Риме, М. П. Бобин считает важным подчеркнуть, что это начало свободы разумно сочеталось с рядом вполне определенных ограничений, что иначе и не могло быть, поскольку римское право в своем развитии никогда не отрывалось от конкретных требований жизни и не было проводником безусловно отвлеченных начал. В числе таких ограничений законодательно установленная (эдилским эдиктом) обязанность продавца указывать покупателю на пороки продаваемой вещи. В строгие законодательные рамки ставился промысел банкиров. Римское право с давних пор знало ограничение процентов. Признавались недействительными договоры о безнравственном.

⁶¹⁰ Бобин М. П. Указ. соч.

⁶¹¹ Там же. С. 6.

Касаясь римского наследственного права, М. П. Бобин высказывает критическое отношение к его пониманию как «юридического бессмертия»: «...не личность и ее воля являются объектом наследования, а только то, что эта личность создала»⁶¹². Правоспособность наследодателя не оказывает влияния на правомочия наследника. Законы XII таблиц не знали абсолютной свободы завещания. Отец семейства никогда не был безусловно свободен в распоряжении своим имуществом. Завещание могло иметь место только при отсутствии законных наследников. Римское законодательство в своем развитии, подчеркивает ученый, все более ограничивало индивидуума в сфере наследования, «врезалось массой своих постановлений в свободу завещания»⁶¹³.

Заканчивая рассмотрение существа римского индивидуализма, М. П. Бобин указывает на опасность подхода к оценке юридических начал исключительно с отвлеченных точек зрения: «Жизнь не знает действия одного принципа. И юристу следует, выяснив начала, проникающие юридическую жизнь, находить ту, часто колеблющуюся равнодействующую, которая наиболее способна устранить страдания, проистекающие от неудовлетворительности правовых учреждений. Римское право в этом отношении дает хорошие примеры и к его изучению следует приступать без предвзятых идей. Мы увидим в нем самое главное качество здоровой юриспруденции – близость к жизни»⁶¹⁴. Индивидуализм как теория, заключает ученый не противобщения: «Индивидуализм требует только, чтобы не было общений подневольных. И в этом отношении он будет всегда идеалом гражданского права. Как начало нравственное он не есть эгоизм»⁶¹⁵. Этот здоровый индивидуализм, подчеркивается М. П. Бобиным, весьма значим и в плане влияния на ход истории: «Римское право, как известно, оказалось наиболее прогрессивным средством при разложении остатков средневекового строя с его полным подавлением личности»⁶¹⁶.

Эта небольшая работа имела и продолжает сохранять значение определенного вклада в изучение римского права. Ее ос-

⁶¹² Бобин М. П. Указ. соч. С. 14.

⁶¹³ Там же. С. 14.

⁶¹⁴ Там же. С. 16.

⁶¹⁵ Там же. С. 7.

⁶¹⁶ Там же.

новая ценность в отстаивании как научно и жизненно оправданных исходных точек правовых воззрений римских юристов.

Основательные суждения относительно *индивидуализма* римского права высказывались также профессором лицея *Т. М. Яблочковым* (о нем ниже). Без учета этого его свойства, утверждалось им, невозможно усвоение юридической природы конструкций римских юристов. Русский ученый, исследуя институт *смешанной вины*, ставит в упрек немецким романистам стремление конструировать ее понятие на особой «социальной» точке зрения, в основании которой идея конфликта свободы двух лиц, тогда как римская юриспруденция всецело исходит из идеи *индивидуума*, обособленного в своих правах и с точно ограниченными обязанностями. «Каждая имущественная сфера, – пишет он, – строго разграничена, как индивидуален ее носитель-субъект. Вмешательство в нее само по себе уже *culpa*, независимо от намерения лица»⁶¹⁷. *Т. М. Яблочков* считает научно совершенно недопустимым осовременивание понятий и представлений давно минувшей эпохи, настаивает на строгом соблюдении требования конкретно-исторического подхода: «Слишком уж велика пропасть, отделяющая римский правопорядок от современного, чтобы смотреть на римские институты сквозь призму современных представлений. Современное право имеет целью очистить потерпевшего от убытков. Римское право – наказать делинквента»⁶¹⁸.

Крупным вкладом в изучение римского права является монография доктора канонического права *Н. С. Суворова* «Об юридических лицах по римскому праву», вышедшая в 1892 г. в Ярославле. Не подлежит сомнению, что этот во многих отношениях образцовый труд послужил для студентов лицея и других юридических школ ценнейшим пособием в плане уяснения природы института юридического лица, именно на основе источников римского права, через призму воззрений римских юристов. Хотя в монографии значительное место отводится анализу средневековых и новейших привнесений в понятие о юридических лицах, научный взгляд автора остается постоянно сосредоточенным на классических римских образцах, на непре-

⁶¹⁷ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков (Очерки законодательной и судебной практики). Ярославль, 1911. Т. 2. С. 60.

⁶¹⁸ Там же. С. 48.

ходяще значимых аспектах понимания этого института корифеями римской юриспруденции. Второе издание монографии вышло в Москве в 1900 г.

Н. С. Суворов, так же как М. П. Бобин, не приемлет господствовавшей в те времена теории фикции, согласно которой юридическое лицо в действительности не существует, являясь искусственно созданным для юридических целей фиктивным субъектом права. Хотя римские юристы, отмечает ярославский правовед, иногда прибегали к помощи фикции как приему мышления, однако были мало расположены заниматься отрешенными от действительности спекуляциями. Они всегда исходили из реальности существования предполагаемого юридического субъекта.

Ученым подробно охарактеризованы виды юридических лиц по римскому праву, порядок их возникновения и способы прекращения.

Многие научные подходы Н. С. Суворова к раскрытию понятия и сущности юридического лица в римском и новейшем европейском праве по сей день не утратили своей научной значимости, чему подтверждением служит недавнее издание кафедрой гражданского права Московского госуниверситета его труда в серии «Классика российской цивилистики». Нельзя не согласиться с утверждением авторов вступительной статьи к этому изданию, что книга Н. С. Суворова для многих поколений цивилистов «была и осталась одним из наиболее познавательных и поучительных пособий по изучению института юридического лица»⁶¹⁹.

Гражданское право

Н. Л. Дювернуа был одним из тех ученых, кто заложил традиции ярославской школы гражданского права. Одним из проявлений этой традиции стал исторический подход к проблемам цивилистики, о чем мы уже упоминали ранее. В магистерском сочинении на тему «Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права»⁶²⁰ Н. Л. Дювернуа ставил перед со-

⁶¹⁹ Ем В. С., Козлова Н. В., Селяков Н. Ю. Неугасимая лампада // Н. С. Суворов: Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000 (Классика российской цивилистики). С. 21.

⁶²⁰ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. Будучи переизданной в 2004 г. Санкт-Петербургским издательством «Юридический центр Пресс», эта работа доступна любому современному читателю.

бой задачу провести исследование «условий и органов развития права и процесса, как они являются нам в Русской Правде, договорных грамотах, памятниках юридической практики и законодательства XIV и XV вв.»⁶²¹. Положив за основу представление Пухты, Вангерова, Гербера и других представителей германской исторической школы права, в соответствии с которым история права начинается гораздо раньше появления каких-либо законодательных актов, Н. Л. Дювернуа на примере нашей истории убедительно показывал, что «деятельность законодателя, его влияние на развитие права чрезвычайно слабы» и что «была другая деятельная сила, которая давала движение и жизнь праву, которая ничем не уступала в продуктивности последующему законодательному процессу»⁶²². Этой силой, по мысли ученого, являлся обычай как выработанное народной жизнью убеждение поступать определенным образом в конкретной ситуации. «Если право гражданское, как мы его себе представляем, – писал Н. Л. Дювернуа, – есть существенным образом объективированный организм свободы лица, то прежде, нежели образовались все диспозитивные положения, которые составляют его содержание в гражданском обороте, в юридических сделках лицо само устанавливает те нормы, по которым должно быть обсуждаемо его юридическое отношение. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любую закладную грамоту XV в., припоминая, что никакой законодательный акт не определял, что следует чинить по договорам залога или залога. Лицо является в этих актах как бы само устанавливающим для себя закон»⁶²³. Приходится только сожалеть, что в большинстве современных юридических учебников право представляется исключительно как продукт законодательной деятельности государства.

Во второй половине своего творческого пути Н. Л. Дювернуа работал над проблемами гражданского права. Результатом этой работы стало опубликование «Пособия к лекциям по гражданскому праву» (выпуски I–II, 1899–1901), а также окончательного, четвертого, издания первого тома «Чтений по гражданскому праву»⁶²⁴, которые Н. Л. Дювернуа писал, пе-

⁶²¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыт по истории русского гражданского права. СПб., 2004. С. 40.

⁶²² Там же. С. 32.

⁶²³ Там же. С. 38–39.

⁶²⁴ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. 4-е изд. Т. 1: Вып. 1. Введение и часть общая. СПб., 1902; Вып. 2. Лица. Вещи. СПб.,

реписывал и публиковал частями более двух десятилетий (1883–1905 гг.). Ученик Николая Львовича по Санкт-Петербургскому университету А. И. Каминка, отзываясь о «Чтениях по гражданскому праву» своего учителя, говорил, что «было бы неправильно рассматривать их как простой курс по гражданскому праву: под этим скромным названием мы имеем целый ряд монографий по самым сложным и спорным вопросам гражданского права, – монографий, выполненных с тем мастерством конструирования, которое составляет основную черту таланта Дювернуа». Не случайно эта работа Н. Л. Дювернуа также переиздана для современного читателя⁶²⁵. Что касается второго тома четвертого издания «Чтений по гражданскому праву», то он в связи с последовавшей в 1906 г. смертью Н. Л. Дювернуа так и не увидел свет.

Наравне с Н. Л. Дювернуа традиции ярославской школы закладывал **Порфирий Леонтьевич Карасевич** (1845–1878), избранный в 1871 г. и. о. экстраординарного профессора Демидовского юридического лицея. Помимо прочего, он вел занятия по гражданскому праву, имел научные публикации по данной дисциплине. В 1873 г. он переходит в Московский университет, где был сначала доцентом, а затем профессором. Доктор гражданского права (1875 г.). О его наследии как историка и теоретика права говорилось ранее.

Примечательно, что среди первых преподавателей законоведения Демидовского юридического лицея в 1871–1873 гг. был *Николай Павлович Боголепов* (1846–1901), впоследствии известный цивилист, ректор Московского университета и министр народного просвещения, смертельно раненный 14 февраля 1901 г. эсером П. В. Карповичем. Впрочем, в Ярославле его блестящая карьера только начиналась.

Полностью принадлежит ярославской юридической школе видный цивилист *Александр Александрович Борзенко*, известный своими трудами «Русское гражданское право», «Личность, общественность, собственность», «Учредительство и железные дороги», «Гражданские ограничения железнодорожных пред-

1902; Вып. III. Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. СПб., 1905.

⁶²⁵ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М., 2004. Т. 1, 2.

приятый», «Концессия железнодорожного права» и др. Все эти труды вышли в Ярославле.

Александр Александрович Борзенко (1847–1915) родился 19 ноября 1847 г. в Тифлисе, но являлся выходцем из дворян Екатеринославской губернии. С золотой медалью окончил Решельевскую гимназию в Одессе, продолжил обучение на юридическом факультете Новороссийского университета, завершил образование на юридическом факультете Московского университета (1870 г.). В 1871–1873 гг. был прикреплен к кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея для подготовки к профессорскому званию. После защиты магистерского экзамена в 1874 г. он был принят приват-доцентом по кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея, где преподавал до 1884 г. Он вел занятия по гражданскому и торговому праву, а также римскому праву и гражданскому судопроизводству. Магистр гражданского права (1885 г.). В 1884–1894 гг. был присяжным поверенным в Москве, в 1894–1896 гг. – юрисконсультom Одесской конторы госбанка. А. А. Борзенко был известным меценатом и благотворителем, много сделавшим для развития отечественной культуры и образования⁶²⁶. Умер ученый в Одессе 12 февраля 1915 г.

Значительный научный интерес представляет одна из первых работ А. А. Борзенко «Русское гражданское право», опубликованная в двух книгах «Временника Демидовского юридического лицея» за 1874 и 1875 гг. Вышла также отдельным изданием. Работа посвящена М. Н. Капустину в связи с 25-летием научно-педагогической деятельности последнего. В этом труде А. А. Борзенко предпринимает попытку раскрыть сущность права, определить его социальную ценность. Им придается большое значение правовому содержанию законов. Подлинную действенность, по его мнению, обретают только те из них, которые полно выражают потребности и желания народа, отвечают его исторически сложившимся представлениям о правде и справедливости. «Несоответствие закона, – пишет он, – при самом его обнародовании, с господствующими в обществе воззрениями о нравственности, справедливости, охране интересов, короче, несоответствие закона сложившимся представлениям

⁶²⁶ См.: Егоров С. А. Научное и общественное служение цивилиста А. А. Борзенко // Законность. 2001. № 3. С. 54–56.

общества о материальном праве не преграждают формальную действительность права, созданного силою закона, но неминуемо вызывают отпор, сопротивление. Столкновение не может оставаться нерешенным: если законодательство не уступит, согласно своему назначению, отражая господствующие в обществе представления, зиждительная сила времени освещает бесправие первоначального несоблюдения закона продолжительным от него отступлением, отменяя его силу и действие»⁶²⁷.

А. А. Борзенко солидаризируется с точкой зрения К. П. Победоносцева об опасности перенесения на нашу законодательную практику идей и самих терминов из иностранных законодательств. Закон А. А. Борзенко рассматривает как меру свободы каждого частного лица и границу власти каждого органа государства. Поэтому частные лица должны видеть в законе меру дозволенного и недозволенного, меру своих обязанностей по отношению к государству. Государственные органы суда и управления обязаны в свою очередь «искать в законодательных определениях границу своей компетенции и степень своей власти»⁶²⁸. А. А. Борзенко, как мы видим, четко проводится мысль о правовой связанности государства, о подчинении его закону. Вместе с тем он ратует за представление исполнительной власти определенной свободы действий в принадлежащей ей сфере государственной деятельности. Он считает, что многие виды и меры исполнительной власти не нуждаются в законодательном определении, так как не заключают в себе ничего юридического. К числу таких мер, с небольшими изъятиями, он относит вопросы общественной гигиены, народного продовольствия, призрения бедных, эксплуатации соляных копей, добывание каменного угля. «... Совокупность практических мер, – утверждает А. А. Борзенко, – техника управления, должны оставаться вне юридического определения, следовательно, вне деятельности законодательной власти ... Здесь открывается свободное поприще для свободной деятельности администрации, для ее распоряжений»⁶²⁹. Автором подчеркивается важность разграничения закона и административного распоряжения.

⁶²⁷ Борзенко А. Русское гражданское право: Введение. Ярославль, 1875. С. 77–78.

⁶²⁸ Там же. С. 60.

⁶²⁹ Там же. С. 61–62.

А. А. Борзенко импонируют воззрения исторической школы права, историческую заслугу которой и философское значение он видит в стремлении понять основание возникновения права «далее механического его объяснения из простого соблюдения», что характерно для естественно-правовой доктрины. Выражая несогласие с естественно-правовым учением, постулирующим вечные, всегда и везде неизменные приращенные права человека, А. А. Борзенко обращает вместе с тем внимание и на уязвимые места учения исторической школы, которая в своем «стремлении разорвать всякую связь с предшествовавшим направлением ... впала в противоречивую крайность, отрицая всякое значение за внешним соблюдением того, что по народному пониманию принимается за право»⁶³⁰. Солидаризируясь с Д. М. Мейером, он считает, что происхождение некоторых обычаев только и можно объяснить соблюдением. Так, случайное соблюдение известного срока порождает мысль о его обязательности. Однообразное повторение завещаний создает соответствующий обычай. Признавая за последним правовое значение, А. А. Борзенко подробно комментирует те условия, при которых Устав гражданского судопроизводства разрешает мировому судье руководствоваться общеизвестными местными обычаями. Работа А. А. Борзенко содержит обширное историческое обозрение деятельности комиссий по кодификации российского законодательства. Более подробно автор останавливается на анализе работы екатерининской (восьмой по счету) комиссии, которая после шестилетнего своего существования упразднена, «оставив лишь так называемые планы, то есть заглавия проектов, и оставив некоторые, в виде опыта, сочинения по этим заглавиям, нерассмотренные и неутвержденные»⁶³¹.

«Свод законов Российской империи» А. А. Борзенко оценивается как новый строй старых законов. Он обращает внимание на многочисленные противоречия, содержащиеся как в отдельных гражданских законах, так и в основных воплощенных в «Своде» началах гражданского законодательства. «В числе таких противоречий, – указывает он, – дозволение одним законом выкупать проданное родовое имение в течение трех лет и

⁶³⁰ Борзенко А. Указ. соч. С. 70–71.

⁶³¹ Там же. С. 24.

разрешение другим – обращать его неограниченно в залог». «По сему закону, – пишет А. А. Борзенко, – купивший родовое имя всегда может заложить его втрое выше цены его, следовательно, выкуп сделать невозможным»⁶³².

А. А. Борзенко также обращает внимание на то, что некоторые узаконения «Свода» вовсе не имеют юридического характера. Так, статья 106 (т. X, ч. I) предписывает мужу «любить свою жену, как собственное тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ей недостатки и облегчать ее немощи», а статья 107 того же тома обязывает жену «пребывать в любви, почтении, неограниченном послушании к мужу, оказывая ему всякое угождение и привязанность». «Личные права семейственных союзов, – пишет по этому поводу А. А. Борзенко, – ограниченная семейственным положением правоспособность лица и только правоспособность, а не правом определенное содержание отношений семейственных союзов, по своей физиологической и нравственной природе вне принудительности правил права, бессильных к приведению в исполнение предписания "мужу любить свою жену..."»⁶³³.

Эти и многие другие несообразности, подчеркивает ученый, связаны с тем, что составители «Свода» разбирали законы «по собственному плану без различия законов действующих от недействующих лишь бы они имели отношение к данному предмету».

Отрицательно на «Своде» сказалось возведение в статьи закона большого многообразия частных случаев. «Законодательство частных случаев, – утверждает он, – прямой враг всякой науки права. Нося в себе зародыш ее смерти, оно предвидением всех частных случаев в самом законе делает всякую попытку юридического построения бесполезною. Законодательство частных случаев теряется в подробностях вместо установления понятий и начал права, откуда научным путем могли бы быть сделаны выводы в применении к отдельным случаям. Препраждая установление общих начал, не допуская новых выводов, законодательство частных случаев ограждено от возведения в закон своих ложных выводов»⁶³⁴.

⁶³² Борзенко А. Указ. соч. С. 57.

⁶³³ Там же. С. 48.

⁶³⁴ Там же. С. 11.

Подвергая критическому анализу систему изложения в Своде законов Российской империи законов гражданских (т. X, ч. I), А. А. Борзенко развивает и отстаивает свои научные идеи. Ученый указывает на неудачность избрания составителями «Свода» субъективных прав за определяющее начало общего строя права, поскольку это ведет их к разрыву с институтами гражданского права, понимаемых им как связь и единство положений права и правоотношений. «... Каждое субъективное право, – пишет он, – прикасается многих институтов права, например, право требования залогодержателя в связи с правом вещным и требований, перейдя по наследству, касается права наследственного, сохраняя среди их положение средоточия, содержание свое заимствуя от окружающих институтов права»⁶³⁵. Из-за неправильного подхода, полагает А. А. Борзенко, узаконения о владении не получили в «Своде» законченности и целостности. Они оказались разбросанными по разным частям свода гражданского и даже отнесенными к другим отраслям законодательства.

Исходя из рассмотрения институтов права как единства «правоотношений и ими созданных и их определяющих правоположений», А. А. Борзенко дает следующее определение гражданскому праву: «Гражданское право – совокупность положений права, определяющих правоотношения частных лиц в их обособленном бытии, т. е. в их имущественные и семейственные отношения»⁶³⁶. При этом ученым подчеркивается, что именно «гражданские отношения людей порождают их определяющее право»⁶³⁷. Таким образом, он придерживается точки зрения Ф. Савиньи о первенствующем значении в праве правоотношений. Правоположению отводится роль их определителя. «В основании отрасли права, – указывает А. А. Борзенко, – лежит особенность его создавших отношений»⁶³⁸. В признаке внешнего принудительного осуществления он видит отличие правоотношений от отношений нравственных и физических положений, состоящих в исключительной зависимости от внешней необходимости, слишком неуклонной для допущения возможности принуждения.

⁶³⁵ Борзенко А. Указ. соч. С. 50.

⁶³⁶ Там же. С. 14.

⁶³⁷ Там же. С. 10.

⁶³⁸ Там же. С. 16.

Таким образом, гражданское право состоит из двух групп институтов – имущественных и «семейственных». Совокупность институтов, определяющих право лица на вещи, степень его господства над ними, дает вещное право.

«Семейственное право, – указывает он, снова подчеркивая роль исходного, первоначального в праве за правоотношением, – состоит из единства отношений и ими порожденных, их определяющих правил – из институтов семейственного права»⁶³⁹. Но семейственные отношения оказывают влияние на имущественные отношения членов семьи, что порождает к жизни совокупность имущественно-семейственных институтов. «Совокупность имущественных отношений умершего, – пишет А. А. Борзенко, – их единство с их определяющими положениями права институты наследственного права слагаются в наследственное право»⁶⁴⁰. Последнее он рассматривает, опираясь на Ф. Савиньи, как завершение организма права, продленного за пределы бытия обособленного, отдельного лица, в связи с чем наследственное право выступает как «камень замкнутости системы права гражданского»⁶⁴¹. «В таком виде, – завершает свою мысль ученый, – расстилается перед нами обширный мир гражданских правоотношений и их определяющих правоположений, единство которых – институты права, разнообразие – виды гражданского права, порядок – система его»⁶⁴².

Весьма интересным представляется учение А. А. Борзенко об источниках права. Под ними ученым понимаются начальные проявления созданных человеком правил, нашедших выражение в слове и деянии. К источникам русского гражданского права в слове он относит закон, устав, учреждение, к источникам в деянии – обычное право, законом признанное за источник права. А. А. Борзенко допускает возможность существования отрицательного обычного права, действующего вопреки закону. Ученый четко выражает свое отрицательное отношение к воззрениям (Х. Данкварт и другие) о преобладающем значении в праве хозяйственной стороны. «Назначение права, – пишет

⁶³⁹ Борзенко А. Указ. соч.

⁶⁴⁰ Там же. С. 17.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Там же.

он, – служить нравственной свободе человека, а не раболепствовать перед хозяйственной расчетливостью»⁶⁴³.

Ученый в числе немногих русских цивилистов специально занимался проблемами железнодорожного права. Они исследуются им в работах: «Материалы по железнодорожным вопросам», «Гражданские ограничения железнодорожных предприятий», «Концессия железнодорожного права». Эти труды посвящены изучению особенных институтов в праве гражданского, возникших с появлением железнодорожного права, таких как «железнодорожные сервитуты», «право экспроприации» и другие, а также обязательственных отношений железнодорожных компаний. Автором обосновывается необходимость усиленной ответственности железнодорожных компаний по обязательствам, что создает ограниченную их правоспособность в праве гражданском. «... Принятие за основание железнодорожного права, – пишет он, – начала гражданских ограничений железнодорожных предприятий не только подтверждается частными случаями, но дает руководящее правило для железнодорожного права в его совокупности ...»⁶⁴⁴ В работе «Учредительство и железные дороги» автором рельефно показан вклад земских учреждений в железнодорожное строительство.

Исследованию правового положения личности, ее взаимодействия с институтами собственности и общественности посвящен очерк А. А. Борзенко «Личность, общественность, собственность». «Три неоднородные силы, – подчеркивает автор, – создают явления, составляющие содержание гражданского права, трем целям оно служит: личности, общественности, собственности»⁶⁴⁵.

А. А. Борзенко рассматривает собственность как право, основанное на творческом труде. Уже в силу этого вновь созданное благо, естественно, принадлежит его создателю, но не всецело. Собственность не должна противостоять общественности. Неприкосновенность частной собственности не носит абсолютного характера. Право собственности как частный интерес не

⁶⁴³ Борзенко А. Указ. соч. С. 19.

⁶⁴⁴ Борзенко А. Гражданские ограничения железнодорожных предприятий: Сравнительно-законодательное исследование: Право вещное. Ч. 1. Ярославль, 1881. С. 5.

⁶⁴⁵ Борзенко А. А. Личность, общественность, собственность. Ярославль, 1881. С. 16.

может быть выше интереса общества. «Правосознание всех народов, – пишет А. А. Борзенко, – обрекает на жертву право отдельного человека, если от этого зависит сохранение достояния, обеспечение выгод многих. Товар бросается за борт, чтобы спасти целостность корабля, застигнутого бурей, дом разносится, чтобы не дать пожару распространиться на дальнейшие строения. ... Нередко встречается такой порядок, когда частная собственность на землю по прошествии известного времени, в течение которого поле находилось в исключительном пользовании одного лица, уступает место иному поземельному отношению, – земля поступает надолго в общее пользование жителей села, например, когда вслед за пахотной обработкой земли наступает пользование ею как пастбищем ... Общественное значение железных дорог до такой степени обширно, что переход из частного права собственности в обладание государственное становится неизбежно необходимым. Государство имеет поэтому право выкупа сооруженных акционерными компаниями железных дорог и право на переход их в свое обладание по истечении срока концессии...»⁶⁴⁶

Особое внимание в очерке уделяется правовому положению личности. Автор подчеркивает, что «в праве личности находят свое признание и защиту обладание и проявление духовных и телесных сил и способностей человека». К числу важнейших принципов правового статуса личности он относит равенство в праве. «Конечная цель права личности, – пишет А. А. Борзенко, – состоит в том, чтобы признаваемая им самостоятельность человека в проявлении и пользовании личными благами была в равной мере признана для всех людей, чтобы между ними установилось равенство в праве, так как равенство положений, личных способностей, сил достигнуть нет возможности»⁶⁴⁷. Солидаризируясь с французским ученым Ренуаром, он признает за равенством значение закона для права личности.

Одним из первых среди выпускников лицея известным педагогом и ученым-цивилистом стал **Леонид Николаевич Казанцев** (1854–1896). Он являлся уроженцем Ярославля, учился в Ярославском приходском, затем уездном училищах. Завершил получение среднего образования Л. Н. Казанцев в Ярославской

⁶⁴⁶ Борзенко А. А. Личность, общественность, собственность. С. 38.

⁶⁴⁷ Там же.

классической гимназии в 1873 г. После этого он поступил в Демидовский юридический лицей, который окончил в 1877 г. со степенью кандидата права по представлении сочинения «Представительство при обязательных договорах» (напечатано во «Временнике Демидовского лицея» в 1878 г. под названием «Учение о представительстве в гражданском праве», о нем далее). Его подлинной научной страстью были римское право и латынь, что привело его на филологический факультет Московского университета, на который он поступил сразу после окончания лицея. В 1878 г. он был избран Советом лицея стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. В 1881 г. Л. Н. Казанцев выдержал магистерский экзамен в Киевском университете и был оставлен там же приват-доцентом для чтения лекций по римскому праву. В Киевском университете он защитил магистерскую диссертацию на тему «Свободное представительство в римском гражданском праве. Историко-юридическое исследование» и в 1884 г. и был избран там же экстраординарным профессором. В этой должности он остается до самой смерти 19 сентября 1896 г. Примечательно, что основную тему своих научных исследований – представительство по гражданскому праву, он определил еще со студенческой скамьи и занимался ей последовательно и неуклонно (см. его работы «Понятие представительства» (1882 г.), магистерскую диссертацию и др.).

Надо отметить, что в западно-европейской, особенно германской, цивилистике XIX столетия пристальный интерес ученых привлекали те правовые институты, которые являлись новыми для той поры, поскольку не имели непосредственной опоры в положениях римского права. К их числу относились, в частности, институты перемены лиц в обязательствах *inter vivos*, договоров в пользу третьего лица и представительства.

Русские цивилисты не остались в стороне от этих веяний, и в 1878–1879 гг. с небольшим отрывом друг от друга появилось несколько работ, посвященных институту представительства. Эта тема стала предметом и кандидатского исследования Л. Н. Казанцева⁶⁴⁸, о чем уже упоминалось ранее. Напомним, что это было дипломное исследование студента выпускного курса.

⁶⁴⁸ Казанцев Л. Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878.

Оригинальностью отличается структура работы. Л. Н. Казанцев начинает свое исследование не с анализа понятия представительства, а с отграничения его от смежных явлений: от фактического пособничества (например, деятельности *punitius'a*), от юридического соучастия (например, присутствия при сделке законных свидетелей или официальных лиц) и других правовых конструкций. Рассматривая соотношение представительства и договора в пользу третьего лица, автор указывал, что право требования третьего лица возникает непосредственно из договора, заключенного в его пользу, причем «*ipso iure* и в тот момент, в который право вообще возникает из договора, в который, следовательно, промиссар приобретал бы право для себя, если бы договор был заключен в его пользу»⁶⁴⁹. Впоследствии к этому взгляду примкнуло большинство отечественных авторов⁶⁵⁰.

Для современной науки, где относительно понятия полномочия до сих пор ведутся споры, представляет интерес определение Л. Н. Казанцевым представительного полномочия как права заключить сделку от имени принципала и произвести правовые последствия непосредственно для него⁶⁵¹.

Отметим, что вопросами гражданского права в лице занимались и ученые, основная научная специализация которых была достаточно далека от цивилистики. Особого внимания заслуживает монография экстраординарного профессора Демидовского юридического лицея **Ивана Трофимовича Тарасова** (1849–1929) (экстраординарный и ординарный профессор лицея в 1878–1889 гг., о его биографии было сказано в разделе об административном и финансовом праве) «Учение об акционерных компаниях». Впервые она была опубликована во «Временнике Демидовского юридического лицея» в 1880 г. (кн. 20, 21, 22). Данное исследование в 1880 г. было им защищено в качестве

⁶⁴⁹ Казанцев Л. Учение о представительстве в гражданском праве. С. 87.

⁶⁵⁰ Ср.: Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 205 с прим. 1. Это обстоятельство упускается из виду Е. А. Сухановым, по мнению которого «традиционно принято считать», что третье лицо приобретает право требования к должнику лишь с момента выражения должнику своего намерения воспользоваться данным правом (см.: Гражданское право / Под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М., 2005. Т. 3. С. 38 с прим. 1).

⁶⁵¹ См.: Казанцев Л. Указ. соч. С. 97, 100.

диссертации на степень доктора полицейского права. Эта работа была переиздана в 2000 г. и далее ссылки будут именно на это издание. Ради справедливости отметим, что в 1885/1886 учебном году профессор читал в лицее курс торгового права.

Труд И. Т. Тарасова по акционерному праву представляет собой комплексное исследование истории акционерных компаний, вопросов создания, деятельности, управления акционерными предприятиями. Несомненно, значителен вклад ученого в разработку сущности и природы основных категорий и явлений акционерного права таких, как акция, акционер, его статус, права акционеров, учредители акционерных компаний, способы оплаты уставного капитала и многих других. Большинство идей и взглядов автора монографии восприняты современным законодателем, составили фундамент акционерного права. К сожалению, не все выводы профессора получили должное отражение в законе.

Исследуя основу акционерной компании – акцию, автор под ней понимал документ, указывающий на участие в акционерном предприятии в качестве акционера. Акция закрепляет принадлежность к личному составу акционерного предприятия, а также на связанное с этим участием акционерное право.

Приведенное определение ценно для нас выделением категории «акционерного права» и дальнейшей попыткой уяснить его природу. Сопоставляя сущность акционерного права и прав, принадлежащих владельцу облигаций, И. Тарасов приходит к выводу, что в отличие от последнего акционер не обладает обязательственными правами в отношении акционерной компании. Отношения между акционером и акционерным предприятием нельзя рассматривать как отношения между кредитором и должником, это отношения части и целого, отношения принадлежности, включенности в состав акционерной компании.

И. Т. Тарасов видел практическое значение данного вывода в следующем: «Вопрос о том, следует ли считать несостоятельною, и потому подлежащею правилам о конкурсе, ту компанию, имущество которой, будучи достаточным для удовлетворения кредиторов, недостаточно для удовлетворения акционеров, – разрешается в отрицательном смысле, так как ... акционеры ни в коем случае не считаются кредиторами компании и акции их

не суть долговые обязательства на компанию, а только документы на акционерное право...»⁶⁵².

Поэтому вызывает сомнения абз. 2 п. 2 ст. 48 ГК РФ, который устанавливает, что к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся хозяйственные общества.

Акционерное право, с точки зрения автора, представляет собой единое целое, состоящее из: 1) права на долю акционерного капитала, 2) права на долю прибыли, 3) права на участие в управлении, 4) права контроля и 5) права жалобы, иска и протеста как его интегральных частей.

Несомненная заслуга И. Тарасова в том, что он «право на долю акционерного капитала» не отождествляет с вещным правом. Право это не может иметь место, пока существует компания, вследствие чего оно осуществляется только при ликвидации. К ликвидации автором приравнивается не предусмотренное в уставе изменение цели деятельности компании, увеличение основного капитала, выпуск привилегированных акций.

И. Т. Тарасов был одним из первых, кто провел тщательный всесторонний анализ субъективных прав акционеров.

Рассмотрение понятия «акция» привело автора к выводу о недопустимости отделения от акции как документа прав, связанных с ней. Иван Трофимович писал: «Мы... признаем за акцией только значение документа, указывающего на участие в акционерном предприятии в качестве акционера. Отделять от значения акции как документа те права (и обязанности), которые связаны с этим документом, ... мы считаем столь же ошибочным, как если бы при определении векселя от него как документа отделены были права и обязанности, связанные с ним»⁶⁵³.

И вновь приходится лишь сожалеть, что законодатель при закреплении института бездокументарных ценных бумаг не учел опыт и предостережения великого предшественника и ввел понятие, не соответствующее российской правовой системе. Результат оказался плачевным. В частности, введение бездокументарной формы существования акций привело к массовым злоупотреблениям на рынке ценных бумаг, связанным с

⁶⁵² См.: Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 371.

⁶⁵³ Там же. С. 390–391.

незаконным списанием акций с лицевых счетов владельцев. А противоречивость конструкции бездокументарных ценных бумаг не позволяет выработать эффективный способ защиты прав и интересов владельцев акций.

Значительное внимание в монографии было уделено понятию «акционер», его статусу. И. Т. Тарасов справедливо отмечал, что акционера не может характеризовать только владение акцией, этого признака недостаточно. Такое определение, по мнению профессора, «упускает из виду существенную и несомненную связь между акционером и акционерным правом». «Аномальным явлением» автор называл акционера, не пользующегося акционерным правом. В итоге было предложено следующее определение акционера – это «лицо, пользующееся акционерным правом на основании участия его в образовании акционерного капитала, т. е. в понятие об акционере входит как существенный элемент не владение акцией..., но пользование акционерным правом»⁶⁵⁴.

Современное акционерное законодательство связывает возникновение прав акционеров не только с фактом приобретения акций, но и с включением владельцев в список лиц, имеющих право на соответствующее акционерное право. Между датой составления названного списка и датой реализации корпоративного права (например, получения дивидендов, проведения общего собрания акционеров) проходит значительный временной период. В результате приобретатель акций, не попавший в список уполномоченных лиц, не может реализовать права акционера.

Необходимо согласиться с оценкой, данной И. Т. Тарасовым таким «неполноправным акционерам», как «анормальное явление». Как мы видим, вопросы, нашедшие разрешение в труде выдающегося представителя Демидовской юридической школы, до сих пор не утратили своей актуальности. Мы не теряем надежду, что выводы, сделанные автором, найдут отражение в акционерном законодательстве в ходе его реформирования.

Александр Иванович Загоровский (1850 – после 1917), выпускник Киевского университета (1875 г.), трудился в звании приват-доцента гражданского права в Демидовском юридическом ли-

⁶⁵⁴ Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. С. 405–406.

нее в 1879–1880 гг. В дальнейшем он являлся приват-доцентом и профессором Харьковского университета (1880–1892 гг.), профессором Новороссийского университета (1892–1917 гг.). Доктор гражданского права (1884 г.). Это был один из наиболее крупных дореволюционных специалистов по семейному праву.

В своих трудах А. И. Загоровский, как и некоторые другие видные цивилисты конца XIX – начала XX в., исследуя природу брака, подчеркивал, что брак «в происхождении своем заключает элементы договорного соглашения, но в содержании своем и в прекращении далек от природы договора; как содержание брака, так и его расторжение не зависят от произвола супругов. Поэтому брачный институт следует причислить не к области договорного права, а к разряду институтов особого рода (*sui generis*)».

А. И. Загоровский

При этом особенности русского законодательства состоят в том, продолжает автор, что оно, относя брак к институтам семейного права, смотрит на него как на акт по преимуществу религиозный – относительно условий заключения и расторжения, взаимодействующий, однако, со светским правом. Это, с одной стороны, облегчает задачи законодателя «при нормировании столь важного и столь трудно регулируемого правом института», но, с другой стороны, и создает немало затруднений: вносит в брачное право разнородность начал, стесняет свободу совести, затрудняет реформирование брачного права вследствие «совершенно понятной неподатливости религиозных правил на изменение»⁶⁵⁵.

А. И. Загоровским исследовались и различные исторические формы брака, в частности, гражданский (светский) брак как результат реформаторства в этой области в конце XVI в. в Голландских Штатах, автор характеризовал его как «вынужденный гражданский брак для лиц, исповедующих иные религии»⁶⁵⁶.

⁶⁵⁵ Загоровский А. И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 5.

⁶⁵⁶ См.: Там же. С. 30. Об исторических формах брака см. также: Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. С. 17 и след.

В другом своем труде ученый констатирует постепенный отказ семейного права от влияния христианской религии, для которой семья всегда была «предметом особых забот и попечения». Его развитие осуществляется при весьма деятельном участии государства, взявшего из рук церкви брачное право и строящего его «на началах общекультурных», в других разделах семейного права приводя принципы равноправия и «покровительства и защиты слабейших членов семейного союза». А. И. Загоровский подчеркивал и существенное отличие семейных имущественных отношений от имущественных гражданских. В основании первых положены, продолжал автор, хозяйственно-экономические нужды, а вторых – «потребности физической природы и нравственного чувства», первые порождают господство над вещью, вторые ставят «в определенную личную зависимость одного члена семейного союза от другого», создают определенное юридическое положение для них... В отношениях семейных мера и счет прав затруднены в силу особых свойств этих отношений, больше моральных, чем юридических; отсюда регулирование правом отношений семейных гораздо труднее, чем отношений имущественных⁶⁵⁷.

Таким образом, А. И. Загоровский, солидаризируясь с другими цивилистами той эпохи (К. Д. Кавелиным, Д. И. Мейером, В. И. Синайским и др.), своими трудами подготовил почву для суверенизации семейного права от права гражданского, предпосылки для формирования специфического метода правового регулирования семейных отношений и системы семейного права, семейного законодательства.

Не смог закрепиться на кафедре гражданского права выпускник Демидовского юридического лица **Александр Серафимович Невзоров** (1861–1936). После завершения учебы он был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но в 1888–1889 гг. был вынужден трудиться бухгалтером лицея, а затем учителем в Вятской губернии. Однако с 1890 по 1918 гг. он преподавал в Дерптском (с 1893 г. Юрьевском) университете: до 1894 г. приват-доцент, затем профессор. В 1918–1924 гг. он профессорствовал в Воронежском университете. Это говорит о высокой конкуренции на преподавательские должности в лицее.

⁶⁵⁷ См.: Загоровский А. И. Семейное право. Одесса, 1902. С. 1–3.

К числу важных исследований в области гражданского права относятся труды профессора **Сергея Павловича Никонова** (1868 – после 1928) «Усадьбыные земли крестьян-общинников с точки зрения гражданского права» и «Секвестрация в гражданском праве» (1901 г., защищена как магистерская диссертация в том же году). Он родился 2 декабря 1868 г. в семье потомственного дворянина Казанской губернии. Окончил юридический факультет Казанского университета (1890 г.) с дипломом первой степени и золотой медалью за выпускное сочинение. Оставлен при том же университете, в 1891 г. командирован на три года в Берлин. С 1895 по 1903 гг. в Демидовском юридическом лицее (приват-доцент, с 1901 г. и д. экстраординарного профессора кафедры гражданского права). Магистр права (1901 г.). Затем был профессором Харьковского (1903–1909 гг.), Новороссийского (1909–1912 гг.) и Петербургского (1912–1917 гг.) университетов. В 1917–1920 гг. профессор Томского университета, с 1920 по 1928 гг. – Владивостокского университета. Дальнейшая судьба ученого нам не известна.

С.П. Никонов

Рассматривая секвестрацию как институт, обеспечивающий сохранность спорной вещи до окончательного решения ее судьбы в судебном процессе, ученый дает убедительное обоснование его практической значимости, подвергает критике российское законодательство за непредоставление этому институту заслуженного места в гражданско-правовой жизни. С. П. Никонов усматривает в секвестрации наилучшее средство обеспечения нематериальных интересов тяжущихся, связанных часто с эстетическим отношением к вещи⁶⁵⁸. Надлежащее восприятие отечественным законодательством этого важного института, подчеркивает ученый, служило бы делу облегчения процесса по искам об определенных видовыми признаками предметах.

⁶⁵⁸ См.: Никонов С. П. Секвестрация в гражданском праве // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1901. Кн. 81. С. 221.

Ярославский профессор, подвергая подробному исследованию историческое развитие института секвестрации, обращает внимание на остающуюся невыясненность его юридической природы в современных законодательствах и литературе.

С. П. Никонов указывает на необходимость четкого различения секвестрации и судебной поклажи, поскольку смешением этих понятий продолжают грешить многие законодательства. «... В то время как секвестрация, – пишет он, – устанавливается ради получения победителем в процессе спорной вещи в целостности и сохранности, судебная поклажа совершается должником в целях освобождения его от обязательства перед кредитором и устранения возможности наступления просрочки в платеже»⁶⁵⁹. При секвестрации, уточняет автор, в отличие от договора поклажи возникает не частноправовое отношение, а публично-правовое между одним из контрагентов договора и государственным учреждением (судом). Если поклажа должна быть возвращена лицу, давшему ее, по первому его требованию, то секвестр может выдать вещь только тому из тяжущихся, который окажется победителем в иске относительно секвестрируемой вещи.

Трудясь над выяснением юридической природы секвестрации, ярославский ученый обращался за советами к знаменитому коллеге, основоположнику психологической теории права Л. И. Петражицкому и выразил последнему в конце своей книги глубокую благодарность.

Сергей Егорович Собинин (1867–1937) – известный специалист по римскому праву и выпускник Московского университета (1890 г.), был и. д. экстраординарного профессора Демидовского юридического лица по кафедре гражданского права (1906–1910 гг.). Одновременно он был и приват-доцентом Московского университета по кафедре римского права. До работы в Ярославле – профессором римского права Томского университета (1899–1906 гг.), а впоследствии профессором Харьковского (1910–1918 гг.) и Таврического (1918–1920 гг.) университетов. К его публикациям мы вернемся в разделе, посвященном трудовому праву.

В активе ярославской юридической школы цивилистические исследования **А. Е. Минервина** (выпускник лицея, читал там же институции римского права в 1883–1898 гг.) «Исходные

⁶⁵⁹ Никонов С. П. Секвестрация в гражданском праве. С. 158.

моменты в учении о закладном праве», *Б. В. Чредина* (о нем уже упоминалось в части первой данной книги) «Гражданское право и гражданский суд».

Александр Леонович Фрейтаг-Лоренговен (1878–1942) в 1910–1911 гг. был приват-доцентом, а в конце 1911 г. – экстраординарным профессором по кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея, редактировал местные «Юридические записки». Он родился 18 ноября 1878 г. в Лифляндии, окончил юридический факультет Юрьевского университета (1901 г.), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1908–1910 гг. приват-доцент Петербургского университета, магистр гражданского права (1910 г.). Из Ярославля он перевелся в Юрьевский университет, где был профессором (1911–1917 гг.) и деканом (1912–1915 гг.) юридического факультета. В 1917 г. эмигрировал в Германию, с 1918 г. профессор Бреславского университета по кафедре славянского права. Будучи этническим немцем, активно включился в политическую жизнь Германии: в 1924–1933 гг. был депутатом Рейхстага, с 1933 г. – член Госсовета Пруссии. Стоял на крайне националистических позициях, но в фашистские организации не входил. Умер 19 ноября 1942 г. в Бреслау. В свой ярославский период деятельности он подготовил ряд интересных публикаций по гражданскому праву⁶⁶⁰.

В начале XX в. в юридическом лицее протекала научная деятельность крупного цивилиста **Тихона Михайловича Яблочкова** (1880–1926). Он родился 2 февраля 1880 г. в Ефремовском уезде Тульской губернии в семье директора народных училищ. Окончил юридический факультет Московского университета с дипломом первой степени (1902 г.), после чего до 1906 г. работал в судебных органах. В 1908 г. принят приват-доцентом Демидовского юридического лицея, неоднократно командировался за границу для проведения научной работы (Гейдельберг, Париж, Берлин и др.). Магистр (1910 г., Киевский университет) и доктор (1912 г., Казанский университет) гражданского права. С 1912 по 1914 гг. экстраординарный профессор лицея по кафедре гражданского судопроизводства и торго-

⁶⁶⁰ См.: Фрейтаг-Лоренговен А. Л. Система залоговых прав по проекту вотчинного Устава. Ярославль, 1912; Он же. Национальность в гражданском праве и в проекте гражданского уложения. СПб., 1911.

вого права. Таким образом, в лицее он работал с 1908 по 1914 гг. С 1914 по июнь 1917 гг. был ординарным профессором Киевского университета, а затем до конца своих дней преподавал в Варшавском (Донском, Северо-Кавказском) университете в Ростове-на-Дону. Его труды «Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков» (Т. 1, 1910; Т. 2, 1911), «Понятие непреодолимой силы в гражданском праве» (1911), «Курс международного процессуального права» (1909) и другие, подготовленные в Ярославле, приобрели широкую известность.

Опубликованное в Ярославле в 1910 г. капитальное исследование Т. М. Яблочкова «Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. 1 (Часть теоретическая)» посвящено критическому разбору главнейших теорий о юридическом основании вины. Автор, солидаризируясь с английским философом Д. С. Миллем, считает, что в мире нет ничего такого, что было бы исключительно пассивно, а также нет ничего такого, что было бы исключительно активно. Страдательный объект также, как и воздействующий объект, в той или иной степени активно участвует в создании конкретного результата в возникновении той или иной вредоносной ситуации. Причину изменения состояния надо всегда искать во взаимодействии тел, а не рассматривать одно из них как пассивный объект, на который действует внешняя сила. «При всяком вредоносном событии, представляющем собой столкновение двух тел, – пишет он, – мы также можем констатировать в лице страдательного субъекта наличность круга условий, которые перед беспристрастным объективным трибуналом правосудия возводят потерпевшего из роли жертвы на положение деятеля. Наблюдая явления нашей повседневной жизни, мы констатируем тот факт, что во всяком богатом разнообразии жизненных отношений крайне редки случаи, когда жертва играет чисто пассивную роль, когда несчастье как бы ищет потерпевшего, без того, чтобы последний не сделал ни одного шага к нему. На практике в громадном большинстве случаев он равно содействует наступлению событий, и лишь в исключительных случаях в происшествии роли сторон строго распределены: полная активность на стороне деликвента, абсолютная пассивность на стороне потер-

певшего»⁶⁶¹. Однако практические юристы, отмечает автор, исследуя причину несчастного случая, проявляют односторонний подход, исходя «из идеи, что данное лицо не пострадало бы, даже сохраняя свои физические и духовные недостатки и соблюдая свои порочные привычки, если бы не было воздействия извне...»⁶⁶² Т. М. Яблочков считает необходимым во имя торжества справедливости применять к жертве «те же принципы каузальных построений, что и к деятелю-деликвенту»⁶⁶³.

Вопросы, затронутые Т. М. Яблочковым в работе о влиянии вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков, получили определенное развитие в советской цивилистике⁶⁶⁴ и не утратили своего смысла в наше время. Обращение к данному труду Т. М. Яблочкова имеет чрезвычайно важное значение для юриста, который разыскивает теоретическое обоснование и критерии практического применения предписаний, содержащихся в пунктах 1 и 2 ст. 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В своем исследовании автор делает шаг вперед по сравнению с традиционным учением, рассматривавшим гражданское и уголовное понятие вменяемости на равных началах. Т. М. Яблочков строго разграничивает два вполне самостоятельных института: вменяемость и деликтоспособность. Вменяемость им относится к воле деятеля как причине совершившегося (духовная связь инициативы лица с его деянием). Деликтоспособность определяется автором как «обладание известными произвольно устанавливаемыми положительным законом психическими свойствами, без наличия которых человек не признается способным совершить правонарушение и быть привлеченным к гражданской способности. Это область – не научных изысканий, а положительного законодательства»⁶⁶⁵. Этим трудом Т. М. Яблочков вносит значительный

⁶⁶¹ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Ярославль, 1910. Т. 1. (Часть теоретическая). С. 12.

⁶⁶² Там же. С. 4.

⁶⁶³ Там же. С. 313.

⁶⁶⁴ См., например: Агарков М. М. Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда // Советское государство и право. 1940. № 3; Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950.

⁶⁶⁵ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. С. 313.

вклад в разработку общефилософской концепции гражданского права. Теоретические аспекты проведенного исследования весьма значимы и для других юридических наук⁶⁶⁶.

В 1911 г. Т. М. Яблочков издает второй том этого труда, посвященный анализу законодательной и судебной практики по вопросам определения размера возмещаемых потерпевшему убытков при наличии вины с его стороны. Поскольку профессором В. А. Удинцевым (выпускник и бывший преподаватель Демидовского юридического лицея) на докторском диспуте и в рецензии, опубликованной в «Юридической библиографии», издаваемой Демидовским юридическим лицеем, высказывались критические замечания по поводу первого тома труда в том плане, что автор написал и опубликовал теоретическую часть монографии прежде изучения вопроса с практической точки зрения, Т. М. Яблочков во введении ко второму тому высказал ряд доводов в пользу методологической оправданности его подхода к исследованию проблемы. Суть их сводится к тому, что практика далеко не всегда и не во всем может служить отправной точкой для юридической науки. Более того, утверждает ученый, комментаторский, экзегетический метод исследования при его абсолютизации закономерно ведет к абсурдам, что наглядно демонстрируют некоторые немецкие юристы, которые спорнейшие вопросы науки обосновывают на самом исследуемом тексте положительного закона, исследуемым они доказывают исследуемое: «Так, на вопрос, являются ли правовыми обязанности отвращать от себя вред, они отвечают, что являются таковыми, поскольку санкционированы § 254 Германского Гражданского Уложения»⁶⁶⁷. Во втором томе монографии Т. М. Яблочковым детально изучается применительно к теме исследования законодательная и судебная практика ряда европейских государств, а также Российской империи. Анализируя многочисленные примеры судебных ошибок, неправового истолкования источников, ученый аргументированно отстаивает положения и конструкции, сформулированные и теоретически обоснованные им в первом томе, доказывает несостоятельность

⁶⁶⁶ См.: Кругликов Л. Л. К вопросу о вине потерпевшего в праве // Для великого блага отечества ...: Демидовские чтения. С. 53.

⁶⁶⁷ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков: Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. Ярославль, 1911. С. 7.

избрания принципа вины потерпевшего как масштаба разложения убытков между сторонами. Им резко критикуются шокирующие логической своей непоследовательностью решения немецкого судебного деятеля Рейхсгерихта, который зачастую пытается обосновать ответственность потерпевшего на фикции вины его. «Исключительны по своей грубости и несправедливости, – пишет русский цивилист, – решения тех казусов, в коих ответчик создал общую опасность, которую потерпевший реализовал через свою неосторожность»⁶⁶⁸. Необходимо, постоянно подчеркивает Т. М. Яблочков, для выхода на справедливое решение строго научное применение каузального и виновного масштабов. «В 99 % несчастных случаев, – заявляет ученый, – можно сделать упрек потерпевшему, что он мог бы избежать вред, если бы напряг свое внимание и усмотрел опасность: и во всех этих случаях нам пришлось бы, вопреки всей справедливости, отвергать притязание потерпевшего. Так поступает Рейхсгерихт в тех случаях, когда потерпевший получил увечье, спускаясь по неосвященной лестнице»⁶⁶⁹. Вина потерпевшего, утверждает русский цивилист, не может в принципе снять всей ответственности с деликвента, если она является содействующей причиной вредоносного результата: «При наличии обоюдной вины в роли масштаба разложения убытков между сторонами мы должны взять принцип каузальности, а принцип вины допустить лишь в качестве аксессуарного масштаба. Всякие другие масштабы (напр., имущественная состоятельность и пр.) в этой роли неприемлемы»⁶⁷⁰.

Он критикует немецкую юриспруденцию также за смешение понятий, за включение в состав вины условий деликтоспособности: «... предположения *свободы воли и зрелости ума*, установленные положительным законом как условия гражданской ответственности, не имеют ничего общего с понятием вины, а входят в содержание самостоятельного понятия деликтоспособности»⁶⁷¹. Что касается вины, то субъективное содержание ее понятия, по утверждению ученого, исчерпывается налично-

⁶⁶⁸ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков: Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. С. 249.

⁶⁶⁹ Там же. С. 250.

⁶⁷⁰ Там же. С. 9.

⁶⁷¹ Там же. С. 237.

стью естественной волееспособности (свободной инициативы действия лица). Но наиболее резкой критике подвергается Т. М. Яблочковым французская юриспруденция, которая правовым основанием зачета вины выставляет общие соображения справедливости, «не приурочивая последних к какой-либо юридической предпосылке». Размер присуждаемых убытков французскими судьями определяется по своему свободному усмотрению. Склонность этих юристов к конкретной справедливости, т. е. решать не только «по делу», но и «по человеку», вызывает, по мнению Т. М. Яблочкова, серьезные нарекания: «Раз французский суд решает сообразно особенностям каждого отдельного случая, то, естественно, нет места выработке общих правовых начал, кои в качестве отвлеченных принципов руководили бы судьей при каждом однородном деле»⁶⁷². Поэтому, делает вывод русский юрист, французская судебная практика не выдвигает общепризнанных отвлеченных принципов, воплотившихся в ясную и определенную форму. В результате падает авторитет права, а «неустойчивость практики – лишний толчок к сутяжничеству в надежде выиграть на "обстоятельствах дела" и конкретной справедливости»⁶⁷³. Подобное направление французской судебной практики (по вопросу о возмещении убытков при наличии смешанной вины), полагает Т. М. Яблочков, объясняется полным отсутствием соответствующего законодательского материала, могущего служить французским юристам отправным пунктом для их построений, и неразработанностью учения о причинной связи во французской литературе⁶⁷⁴.

В завершающей части своего исследования ученый детально анализирует русскую судебную практику по применению ст. 683 т. X ч. I Свода законов Российской империи. Т. М. Яблочков приходит к выводу, что российскими судами по-настоящему не уяснена юридическая природа ответственности железнодорожных предприятий как особой легальной ответственности, постулирующей идею профессионального риска. Суть этой ответственности в том, что даже грубая вина со стороны потерпевшего не исключает получения им известной части вознаграждения от железной дороги. Неусвоение этой ис-

⁶⁷² Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. С. 288.

⁶⁷³ Там же. С. 288.

⁶⁷⁴ Там же. С. 287.

тины, констатирует ученый, приводит к тому, что даже Сенатом *профессиональная опасность* не возводится «на степень особого момента, которому как *самостоятельному фактору* обязано всякое несчастье, случившееся при эксплуатации железнодорожного промысла. Вот почему Сенат принцип "смешанной вины" применяет лишь там, где и на стороне железной дороги приходится неосторожность или вина железнодорожных агентов. Принцип специальной железнодорожной ответственности здесь выступает как принцип виновной ответственности»⁶⁷⁵. Т. М. Яблочков указывает на недостаточность обычных приемов интерпретации законов для толкования закона 25 января 1878 г. (ст. 683 по продолжению 1879 г.). Надо обратиться непосредственно к тем идеям, из которых вырос принцип специальной железнодорожной ответственности, и логически анализировать те начала, которые положены в основу закона.

В 1911 г. в Ярославле вышла работа Т. М. Яблочкова «Понятие непреодолимой силы в гражданском праве»⁶⁷⁶. В своем исследовании⁶⁷⁷ автор подвергает критическому анализу господствовавшие в германской литературе построения понятия непреодолимой силы (*vis major*) на идее необычности (чрезвычайности) явления (*Stinzing*, *Knauer*, *Dungs* и др.) и на почве выяснения мотивов, побудивших законодателя установить безвиновную ответственность за вред для некоторых категорий лиц (*Goldschmidt*, *Dernburg*, *Eger*, *Exner*, *Windscheid*, *Biermann*, *Baron*, *Bruckner* и др.). По словам Т. М. Яблочкова, «представители одного направления исходят из идеи, что *vis major* есть "Божья сила"»...; «представители другого направления исходят

⁶⁷⁵ Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. С. 372.

⁶⁷⁶ Яблочков Т. М. Понятие непреодолимой силы в гражданском праве (отдельный оттиск из № 2, 1911 г. «Юридических записок», издаваемых Демидовским юридическим лицеем). Ярославль, 1911.

⁶⁷⁷ Необходимо отметить, что проблемы, поднятые Т. М. Яблочковым в данной работе, уже на тот момент не являлись новыми для русскоязычной литературы (см., напр.: Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895). Эти проблемы продолжали быть предметом научных исследований и в последующее время (см., напр.: Пергамент М. Я. Война и «непреодолимая сила». СПб., 1914; Туманов В. А. Понятие непреодолимой силы в советском гражданском праве // Вопросы советского гражданского права. М., 1955; Павлодский Е. А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 1978).

из идеи, что *vis maior* есть все, что остается за бортом ответственных случаев, определяемых "*ratione legis*"»⁶⁷⁸. Не удовлетворившись означенными конструкциями непреодолимой силы, Т. М. Яблочков считал единственно правильным строить понятие *vis maior* негативным путем – путем исключения: «Мы устанавливаем: за что отвечает данное лицо или предприятие. Все, что не связано причинной связью с этим основанием усиленной ответственности, есть *vis maior*. Посему, мы должны отказаться от того, чтобы заранее установить а priori перечень случаев, которые были бы всегда и во всех случаях «*vis maior*»⁶⁷⁹. «Настоятельные потребности оборота, – писал Т. М. Яблочков, – выставляют идею профессионального риска, т. е. ответственность предпринимателя за всякий убыток, вызванный опасностью промысла. Там, где несчастье не стоит в причинной связи с опасностью промысла, нет места профессиональному риску: предприниматель свободен от обязанности вознаграждения. Здесь – *vis maior*»⁶⁸⁰.

Ошибки судебной практики по применению законодательства по этому вопросу, считает ученый, проистекают из-за неусвоения сущности принципа профессионального риска, из которого должно выводиться понятие непреодолимой силы. Согласно утверждению Т. М. Яблочкова, если несчастье вызвано и «опасностью промысла», и «непреодолимой силой», то в каком бы «сочетании эти основания ни сплетались друг с другом, – ответственность наступит в силу ст. 1 Закона 2 июня 1903 года»⁶⁸¹, т. е. предприниматель будет отвечать за случившееся независимо от принятия или непринятия им мер ограждения рабочего от действия внешней силы, даже если это непреодолимая сила природы. Необходимо только, уточняет ученый, чтобы влияние этой силы не стояло вне всякой зависимости от работ предприятия.

Учитывая приведенные идеи Т. М. Яблочкова о понятии непреодолимой силы, не получившие широкого научного признания, можно по достоинству оценить предписание п. 3 ст. 401 ГК РФ, в соответствии с которым лицо, не исполнившее или ненад-

⁶⁷⁸ Яблочков Т. М. Понятие непреодолимой силы в гражданском праве. С. 32.

⁶⁷⁹ Там же. С. 33.

⁶⁸⁰ Там же. С. 36–37.

⁶⁸¹ Там же. С. 52.

лежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Спектр цивилистических интересов Т. М. Яблочкова не исчерпывался одними лишь проблемами возмещения вреда⁶⁸². В своих многочисленных публикациях он обращался к вопросам теории и истории международного частного права⁶⁸³, а также к основным вопросам учения о сделках⁶⁸⁴.

Успехи преподавателей лица в научной разработке **торгового права** также достаточно значительны. Первоначально они были связаны с именем **Николая Алексеевича Миловидова** (1844–?). Он окончил Московский университет со степенью кандидата (1870 г.). С 1870 по 1876 гг. был связан с Демидовским юридическим лицеем: сначала готовился к профессорскому званию, а с 1873 по 1876 гг. – являлся и. д. приват-доцента кафедры гражданского права. Магистр гражданского права (1875 г.). Затем до 1879 г. являлся доцентом Харьковского университета, после чего подал в отставку. Дальнейшая судьба ученого нам не известна.

Основной труд автора в этой области представлен работой «Вексельное право. Сравнительно-критический очерк» (напечатан во «Временнике Демидовского юридического лицея» и отдельным изданием в 1876 г.). В то время она представляла собой наиболее полное изложение вексельного права на русском языке. Последовавшие за этим курсы по вексельному праву П. П. Цитовича (Киев, 1887 г.), С. М. Бараца (СПб., 1893) и А. Ф. Федорова (Одесса, 1906) несколько заслонили работу Н. А. Миловидова, хотя по своему научному уровню она уступает им разве что в объеме. В не-

⁶⁸² Эти проблемы Т. М. Яблочков исследовал как в вышеуказанных, так и в других своих работах (см., напр.: Яблочков Т. М. Смешанная вина и ст. 683 т. X ч. I. Ярославль, 1910).

⁶⁸³ См., например: Яблочков Т. М. Значение Ф. Ф. Мартенса в науке частного международного права. Ярославль, 1910; Он же. Патриотизм в правосудии // Вестник права. 1915. № 8.

⁶⁸⁴ См., напр.: Яблочков Т. М. Эвакуация и квартирные договоры // Вестник гражданского права. 1916. № 3; Он же. Негативный договорный интерес // Право и жизнь. 1923. Кн. 3; Он же. Форма договора и последствия ее несоблюдения // Вестник советской юстиции. 1926. № 3.

большом (196 с.), но емком произведении автор рассмотрел все основные положения науки вексельного права: историю развития вексельного обращения, выдачу векселя, правовую природу простого и переводного векселя, индоссамент, аваль, акцепт, платеж, протест, регресс, вексельную давность.

Во вступительной части труда автором дается емкая характеристика торгового права как отрасли, обладающей свойством всемирности, универсальности, обнимающей «в своих принципах целую неизмеримую область меркантильного мирового оборота». Таким же значением универсальности им наделяется вексель, которому торговля как великому ее двигателю «обязана большей частью своего развития и прогресса»⁶⁸⁵. При изложении вопроса о происхождении векселя Н. А. Миловидовым подчеркивается, что он не есть счастливое изобретение какого-либо коммерсанта, одаренного спекулятивным умом, а является созданием мудрого законодателя: «Возникши из потребностей торговли, – пишет автор, – вексель вырабатывался мало помалу, в связи с постепенным развитием торговли, – и уже после того, как целые века был в употреблении у торговых людей, вошел в систему законодательства»⁶⁸⁶. Н. А. Миловидовым отмечается, что у нас в России вексель появляется не как учреждение, постепенно выработавшееся в сфере торговых обычаев и практики, а как готовый институт, заимствованный у западных народов и введенный в нашу юридическую жизнь путем законодательным.

В работе проводится основательный сравнительно-критический анализ вексельных законодательств многих государств, рассматриваются и соответственно научно оцениваются различные точки зрения относительно юридической природы векселя. Автор разделяет воззрение на вексель немецкого юриста Кунце как на формальное и притом одностороннее обязательство. Н. А. Миловидов считает совершенно необходимым установление единого международного вексельного права. Полагает, что более успешному развитию торговли в России будет служить совершенствование российского вексельного судопроизводства в плане обеспечения ускоренного взыскания по векселям.

⁶⁸⁵ Миловидов Н. А. Вексельное право: Сравнительно-критический очерк // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1877. Кн. 13. С. 2.

⁶⁸⁶ Там же. С. 5.

Высказываясь по дискуссионному до сих пор вопросу о природе переводно-простого векселя, Н. А. Миловидов относит такой вексель к числу простых векселей⁶⁸⁷. Двойственную позицию занял автор в отношении содержания переводного векселя. С одной стороны, в переводном векселе содержится обещание векселедателя «произвести платеж через другое лицо» (трассата), с другой – векселедатель принимает на себя обязательство «платить по векселю в случае отказа в платеже со стороны трассата»⁶⁸⁸. Примечательно, что эти подходы, несовместимые в рамках одной точки зрения, нашли своих сторонников каждый по отдельности. Одни авторы видят в обязательстве векселедателя условное обязательство («обязуюсь сам уплатить по векселю, если не заплатит плательщик»)⁶⁸⁹, другие рассматривают обязательство векселедателя тратты как обязательство уплатить по векселю денежную сумму через третье лицо («обязуюсь уплатить по векселю, но платеж будет произведен третьим лицом – плательщиком»)⁶⁹⁰.

Исследование вексельной проблематики было продолжено Н. А. Миловидовым позднее в рамках статьи, вышедшей в 1880 г. Автор достаточно подробно рассмотрел два признака вексельного обязательства: формализм⁶⁹¹ и договорный характер⁶⁹². В разное время Н. А. Миловидов пишет также статьи о врантах, чеках, банковском счете и договоре комиссии.

Капитальные труды по торговому праву «История обособления торгового права» (Киев, 1900) и «К вопросу о включении в гражданское уложение постановлений о торговых сделках» (Киев, 1901) подготовил еще в ярославский период творчества бывший преподаватель лицея и его выпускник **Всеволод Аристархович Удинцев** (1865–1930). Он окончил Демидовский юридический лицей в 1889 г., оставлен там же для подготовки к

⁶⁸⁷ Миловидов Н. Вексельное право: Сравнительно-критический очерк. Ярославль, 1876. С. 66.

⁶⁸⁸ Там же. С. 89.

⁶⁸⁹ См., напр.: Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. СПб., 1909. Т. 3. С. 25, 26, 75.

⁶⁹⁰ См., напр.: Нерсесов Н. И. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву. М., 1896. С. 222.

⁶⁹¹ Миловидов Н. Юридический характер вексельного обязательства // Юридический вестник. 1880. № 4. С. 747–753.

⁶⁹² Там же. С. 753–759.

профессорскому званию, затем приват-доцент (1893–1897 гг.) и профессор (1897–1900 гг.) лица. С 1900 по 1911 гг. он был профессором, а в 1910–1911 гг. еще и проректором Киевского университета. Наконец, с 1911 по 1917 гг. – профессором кафедры гражданского права Петербургского университета, одновременно в 1913–1916 гг. деканом юридического факультета Петербургского университета, а в 1916–1917 гг. – начальником гражданского управления по делам печати. Вершиной его карьеры стала должность товарища министра народного просвещения в январе – марте 1917 г., а затем с мая 1917 г. – начальника Главного управления почт и телеграфа. Затем последовала отставка с госслужбы. Известно, что в 1920-е гг. он преподавал в Азербайджанском государственном университете (г. Баку).

Широко проявил себя как коммерциалист права в послелицейский период научно-педагогической деятельности *В. М. Гордон*. К числу его трудов по торговому праву относятся «Составление векселя» (Харьков, 1911), «Составление и протест векселя» (Харьков, 1913) и др. Особенно активизируется его деятельность как коммерциалиста в советский период. Поскольку эти труды вышли в «послелицейский» период его научной деятельности, мы не будем останавливаться на их подробной характеристике, однако подчеркнем несколько важных их положений. В работе «Мировое объединение вексельного права» (1912) автор так же, как Н. А. Миловидов, высказывается за создание единого для всех народов вексельного права, постепенное стирание правовых различий между странами мира. В 1917 г., в связи с изданием Временным правительством закона об охране прав на предъявительские ценные бумаги, В. М. Гордон выпускает работу «Амортизация бумаг на предъявителя», в которой проводит мысль о допустимости амортизации такого рода бумаг только в исключительных случаях, в особые исторические моменты.

Наряду с комментарием Н. Г. Вавина, самой известной работой по вексельному праву периода нэпа является монография В. М. Гордона по вексельному праву, изданная уже после смерти автора. В ней рассмотрены не только практические, но и некоторые теоретические аспекты вексельного обращения (например, отстаивается тезис о том, что бланкоиндоссированный вексель не относится к предъявительским бумагам, а сохраняет

природу ордерной ценной бумаги)⁶⁹³. В 1925 г. В. М. Гордон выпускает руководство по советскому вексельному праву для практиков и учащихся под названием «Положение о векселях в частной кодификации».

Из числа других работ В. М. Гордона-коммерциалиста можно отметить «Систему советского торгового права» (Харьков, 1924). Это был первый в нашей стране опыт систематизации распыленного советского торгового законодательства. В этом труде автор изложил свои основные взгляды по проблемным вопросам торгового права, твердо и аргументированно высказался за сохранение отдельного от гражданского торгового законодательства. Эту точку зрения он обосновывал тем, что в отличие от общегражданских торговые законы должны быть рассчитаны на регламентирование сделок, совершаемых массовым образом. Именно массовый характер делового оборота в торговле породил обособление торговых законов от общегражданских. В. М. Гордон подчеркнул, что торговое право с этой точки зрения представляет собою продукт приспособления законов, регулирующих гражданские действия, к массовому их совершению. По мнению ученого, являясь специфическими, нормы торгового права служат восполнением содержания гражданского права. Речь идет, подчеркивает В. М. Гордон, не о двух различных отраслях, а о неразрывно связанных друг с другом частях единого целого, именуемого хозяйственным правом. Эти нормы находятся в постоянном взаимодействии, взаимопроникновении. С течением времени гражданское право воспринимает в себя торговые нормы, и происходит так называемая «коммерсализация» гражданского права, и то, что было законом торговым, становится законом гражданским. Но на этом не остановится процесс поступательного движения. Новые торговые законы опять будут иметь самостоятельное значение, но и они, сыграв свою роль, войдут со временем в общегражданские, заменяясь новым притоком торговых законов. Один из рецензентов трудов В. М. Гордона в области торгового права, профессор В. И. Серебровский относит его как коммерциалиста к научному течению, которое принято называть догматическим. Представителей этого направления сравнительно мало интере-

⁶⁹³ Гордон В. М. Вексельное право, сущность векселя, его составление, передача и протест. Харьков, 1926. С. 40.

совали философски-правовые проблемы торгового права. В. И. Серебровский отмечает, что В. М. Гордон блестяще владел догматическим методом изучения правовых явлений. Но, являясь блестящим юристом-догматиком, В. М. Гордон никогда не задавался целью создания юридических конструкций ради их самих. «Он умел, – пишет В. И. Серебровский, – видеть социальные процессы и сдвиги, происходящие в глубинах человеческого общения, и полученными наблюдениями немедленно корректировать свои научные выводы»⁶⁹⁴.

В сфере научных интересов **Альфонса Эрнестовича Вормса** (преподавал в лицее римское право в 1911–1912 гг., о нем будет сказано в разделе о трудовом праве) входили весьма разнообразные вопросы права: крестьянского землевладения⁶⁹⁵, определения размера возмещаемого вреда⁶⁹⁶ и т. д. Но главным образом профессор А. Э. Вормс известен как специалист по торговому праву. Его перу принадлежит комментарий к положениям ГК РСФСР 1922 г. о товариществах⁶⁹⁷, сборник нормативных и справочных материалов по торговому праву⁶⁹⁸, статьи о чеках⁶⁹⁹ и о защите интересов кредиторов при несостоятельности должника⁷⁰⁰.

Основным направлением научных изысканий в торговом праве А. Э. Вормса были векселя⁷⁰¹. Для специалистов по вексельно-

⁶⁹⁴ Серебровский В. И. Профессор В. М. Гордон как коммерсиалист // Вестник советской юстиции. Харьков, 1926. № 3. С. 106.

⁶⁹⁵ См., напр.: Вормс А. Э. Выдел из общины по действующему праву // Вестник права. 1906. Кн. 4; Он же. Применение обычая к наследованию в личной собственности на надельные земли. Ярославль, 1912.

⁶⁹⁶ Вормс А. Э. Зачет пенсий и страховых сумм при исчислении вознаграждения за телесные повреждения. СПб., 1909.

⁶⁹⁷ Вавин Н. Г., Вормс А. Э. Товарищества простое, полное и на вере. М., 1924.

⁶⁹⁸ Вормс А. Э. Источники торгового права, за исключением морского права. М., 1914. Второе издание вышло в 1918 г. в соавторстве с Е. Н. Даниловой.

⁶⁹⁹ Вормс А. Э. Чек в законодательстве СССР: Проект Положения о чеках // Кредит и хозяйство. 1927. № 3–4.

⁷⁰⁰ Вормс А. Э. Ответственность приобретателя при переходе торговых предприятий // Вестник права и нотариата. 1913. № 17.

⁷⁰¹ См., напр.: Вормс А. Э. Влияние выдачи векселя на основную сделку // Вестник права и нотариата. 1912. № 25; Он же. Реформа вексельного права // Очерки кредитного права. М., 1926; Он же. Залог векселя // Кредит и хозяйство. 1927. № 6; Он же. Домицилирование векселя:

му праву особенное значение имеет небольшая по объему работа «Вексельные бланки», опубликованная как брошюрой (М., 1914), так и в виде статьи в сборнике статей памяти Г. Ф. Шершеневича (М., 1915). Опираясь на труды германских, итальянских, российских и французских цивилистов, автор на высоком научном уровне рассматривает понятие бланко-векселя, выдачу, передачу и заполнение этого документа. Интересны его выводы по многим проблемам как специального, так и общего характера. «Выдача бланка, – пишет А. Э. Вормс, – как и выдача векселя, является вещным договором (traditio)»⁷⁰². В этой связи можно по достоинству оценить утверждение одного из современных авторов, будто российской дореволюционной цивилистике было неизвестно понятие вещного договора, а передача вещи в собственность традиционно рассматривалась в нашем праве как односторонняя сделка, а не договор⁷⁰³. Касаясь минимума того, что должен содержать вексельный бланк, А. Э. Вормс пишет: «На бланке должна быть изображена часть текста, по меньшей мере, подпись лица, выдавшего бланк»⁷⁰⁴. Вопрос о том, может ли лист бумаги, содержащий одну лишь подпись бланкодателя, считаться бланко-векселем, до сих пор остается предметом дискуссий в отечественной литературе по вексельному праву. Следуя научным традициям А. Э. Вормса, нынешнее поколение цивилистов Ярославского государственного университета также активно занимается исследованием проблем применения бланко-векселей⁷⁰⁵.

А. Э. Вормс был автором многих рецензий на труды отечественных и иностранных юристов, например, на русское издание курса гражданского права М. Планиоля, на работу

Оговорка о месте платежа и плательщике в советских и иностранных векселях, обращающихся за границей // Кредит и хозяйство. 1928. № 2–3.

⁷⁰² Вормс А. Э. Вексельные бланки // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву: Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 594.

⁷⁰³ Гражданское право / Под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М., 2005. Т. 2. С. 50.

⁷⁰⁴ Вормс А. Э. Вексельные бланки. С. 592.

⁷⁰⁵ См., напр.: Крашенинников Е. А. Заметки о бланко-векселе // Очерки по торговому праву. Ярославль, 1998. Вып. 5; Потапенко О. П. К понятию бланко-векселя // Очерки по торговому праву. Ярославль, 1999. Вып. 6; Чуваков В. Б. Понятие бланко-векселя // Юридические записки ЯрГУ. Ярославль, 2000. Вып. 4; Грачёв В. В., Потапенко О. П. Основные вопросы бланко-векселя // Правоведение. 2004. № 3.

Б. Н. Фрезе о греко-египетских частноправовых документах, на курс лекций Л. С. Эльяссона по чековому праву. Под редакцией А. Э. Вормса вышли «Законы гражданские (Свод Законов Российской империи. Т. X, ч. 1). Практический и теоретический комментарий» (М., 1913), «Из текущей юридической практики. 710 вопросов и ответов» (М., 1912), «Очерки кредитного права» (М., 1926) и другие издания.

В Демидовском юридическом лицее гражданское право в 1915–1917 гг. преподавал приват-доцент *Валентин Александрович Рязановский* (1884–1968), о котором мы уже упоминали в первой части данной книги. После получения среднего образования в Костроме он учился в Демидовском юридическом лицее, но затем перевелся в Московский университет, который окончил в 1908 г. В дальнейшем он преподавал в Томском, Иркутском и Дальневосточном университетах (1918–1921 гг.). В эмиграции он стал крупнейшим специалистом по монголоведению и международному праву, одним из идеологов евразийства.

Отметим, что в 1918–1919 гг. кафедру промышленного права Ярославского государственного университета возглавлял профессор *Анатолий Васильевич Венедиктов* (1887–1959), ставший впоследствии одним из наиболее видных советских цивилистов. Подробнее о нем будет сказано в разделе, посвященном трудовому праву.

В 1919–1920 гг. на кафедре истории права и государства числился известный отечественный цивилист *Иван Борисович Новицкий* (1880–1858), бывший в то время профессором 1-го МГУ. Однако о фактическом проведении им занятий достоверно не известно. В крайнем случае, с июня 1920 г. до конца того же года он к чтению курса не приступил, а в 1920–1921 гг. уже не числился среди профессоров университета⁷⁰⁶. В 1920 г. профессором ЯрГУ был избран известный цивилист *Михаил Михайлович Агарков* (1890–1944), однако для проведения занятий он так и не прибыл. Остается только сожалеть о том, что могло бы быть, если бы в университете одновременно вели преподавание три, вероятно, наиболее ярких отечественных цивилиста второй четверти XX в. А. В. Венедиктов, И. Б. Новицкий и А. А. Агарков.

⁷⁰⁶ Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль, 1923. С. 155, 173.

Гражданский процесс

Начало научной деятельности *Н. А. Миловидова* (и. д. приват-доцента лицея в 1873–1876 гг.) связано с гражданским процессуальным правом. В 1875 г. издается его монография о законной силе судебных решений, состоящая из двух глав. В первой рассматривается вопрос об объективном объеме законной силы судебного решения. Сделан вывод, что законная сила судебного решения распространяется лишь на то право или правоотношение, по поводу которого истец обратился в суд. Критикуя Ф. К. Савиньи, автор не признает распространение законной силы на мотивы решения⁷⁰⁷. Вторая глава посвящена субъективному объему законной силы. Опираясь на принцип состязательности сторон, автор доказывает, что судебное решение должно распространяться лишь на тяжущихся лиц. Лица, не участвующие в процессе, не должны ставиться в зависимость от произвола и небрежности сторон в ведении процесса⁷⁰⁸. В целом работа получилась не слишком удачной из-за непоследовательности изложения и отсутствия четких выводов. Тем не менее это была первая публикация представителя ярославской школы гражданского процессуального права.

Зенит развития этой школы связан с именем профессора лицея **Владимира Михайловича Гордона** (1871–1926). В начале XX в. он заявил о себе как крупнейший в стране специалист в области гражданского процесса. Он родился 6 ноября 1871 г. в г. Лохвицы Полтавской губернии в семье дворянина, действительного статского советника. В 1894 г. Владимир Михайлович окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был прикомандирован к III Департаменту Правительствующего Сената, а в 1897 г. стал там же регистратором. Одновременно в 1894 г. его оставляют при университете для подготовки к про-

В. М. Гордон

⁷⁰⁷ Миловидов Н. Законная сила судебных решений по делам гражданским. Ярославль, 1875. С. 23 и след.

⁷⁰⁸ Там же. С. 107 и след.

фессорскому званию, где его научной работой руководил профессор Н. Л. Дювернуа. С 1900 г. он становится приват-доцентом в Петербургском университете, а в 1901 г. избирается в Демидовском юридическом лицее на ту же должность по кафедре гражданского судопроизводства. В 1903 г., после защиты магистерской диссертации, его избирают экстраординарным профессором там же. В 1906 г. он переводится в Харьковский университет, где после защиты докторской диссертации в 1907 г. становится ординарным профессором по кафедре торгового права.

Уже в Харькове он стал статским советником (светским полковником), кавалером ордена Святой Анны II степени. В 1912 г. он подавал документы на перевод в столичный университет⁷⁰⁹ и повторно в 1917 г. С марта по ноябрь 1917 г. он был ординарным профессором кафедры торгового права Петроградского университета, а с мая по ноябрь – сенатором IV Департамента Сената. Революционная смута нарушила планы ученого, и в конце 1917–1918 гг. он работал преподавателем Московского коммерческого института и Московских высших женских курсов. Далее он был профессором Таврического университета в Симферополе (1919–1922 гг.), одновременно юрисконсультом НКЮ Крымской АССР. С 1922 г. он до конца своих дней был связан с Харьковом: декан правового факультета и заведующий кафедрой современного права Харьковского института народного хозяйства. В советский период он продолжал активную научную и педагогическую деятельность⁷¹⁰. Умер ученый 3 января 1926 г.

В. М. Гордон является одним из выдающихся русских процессуалистов наряду с Е. В. Васьковским, А. Х. Гольмстеном, К. И. Малышевым, Т. М. Яблочковым (преемником Гордона в лицее, о котором уже упоминалось) и др. В. М. Гордон, можно сказать, стоял у истоков становления науки гражданского процесса в России. Большинство русских цивилистов его времени, подобно многим их немецким коллегам, смотрело на гражданский процесс как на совокупность процессуальных действий, а задача науки ими сводилась к описанию этих действий, уяснению последних, в результате чего внешней оболочкой, внешней стороной явления заслонялась его внутренняя сторона, существо.

⁷⁰⁹ РГИА. Ф.733. Оп. 155. Д. 352. Л. 111–116.

⁷¹⁰ См.: Р. Д. 20-летию со дня смерти В. М. Гордона // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 70–72.

В своей вступительной лекции «Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства», прочитанной для студентов Демидовского юридического лица в 1901 г., приват-доцентом В. М. Гордоном подвергаются критике эти упрощенные, ограниченные видением практической стороны дела представления и обосновывается понимание гражданского процесса как правоотношения. Солидаризируясь с немецким процессуалистом О. Бюловым и русским цивилистом А. Х. Гольмстеном (к которому он относился с большим уважением)⁷¹¹, он характеризует это правоотношение как единое, несмотря на трехчленный его состав. «Гражданский процесс, – четко формулирует свою мысль В. М. Гордон, – есть трехстороннее отношение между судом как органом государства, истцом и ответчиком: правоотношение это сложно по составу, но едино по тому предмету, ради которого оно возникает и развивается»⁷¹². Эту идею он развивал и в дальнейшем. Конспект к его лекциям по гражданскому судопроизводству был опубликован во «Временнике Демидовского юридического лица» (1902, кн. 84), а затем отдельным изданием⁷¹³.

Перу В. М. Гордона принадлежат две капитальные монографии по гражданскому процессу: «Основание иска в составе изменения исковых требований» (Ярославль, 1902, это его магистерская диссертация) и «Иски о признании» (Ярославль, 1906, защищена в качестве докторской диссертации).

В первой из них автор рассмотрел такой элемент иска, как его основание. По признаку новирования иска им проведено различие между изменением и исправлением иска⁷¹⁴, рассмотрены особенности изменения основания в так называемых правоградительных и конфликтных исках⁷¹⁵, обосновывается, что в состав основания иска входит лишь правообразующая совокупность фактов, но не факты повода к иску и легитимации к делу⁷¹⁶.

⁷¹¹ Гордон В. М. Профессор Адольф Христианович Гольмстен. СПб., 1913.

⁷¹² Гордон В. М. Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства. Ярославль, 1901. С. 17.

⁷¹³ Он же. Система русского гражданского судопроизводства (конспект лекций). Вып. 1. Ярославль, 1902.

⁷¹⁴ Гордон В. М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902. С. 133 и след.

⁷¹⁵ Там же. С. 270–316.

⁷¹⁶ Там же. С. 204.

Работу об исках о признании, пожалуй, можно назвать самой яркой публикацией в российской дореволюционной науке гражданского процессуального права. В. М. Гордон сравнивает иски о присуждении и иски о признании, отмечая, что оба иска имеют своей целью судебное подтверждение. Различие между ними он проводит по предмету подтверждения: в исках о присуждении подтверждается право истца «на немедленное исполнение чего-либо со стороны ответчика»⁷¹⁷, в исках о признании подтверждается гражданское правоотношение⁷¹⁸. Автор допускает судебное признание правоотношения, которое существовало в прошлом⁷¹⁹, и условного правоотношения⁷²⁰. К сожалению, до сих пор многие отечественные процессуалисты сомневаются в допустимости такого подтверждения. Значительным вкладом в теорию защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов является вывод В. М. Гордона о нераспространении исковой давности на установительные притязания⁷²¹. Этот правильный взгляд хотя и встречает непонимание со стороны большинства практических работников и ученых, разделяется такими отечественными процессуалистами и цивилистами, как Б. В. Попов, Е. А. Крашенинников, А. П. Сергеев и др.

Применение на практике исков о признании диктовалось настоящей жизненной потребностью юридически подтвердить, удостоверить существование определенного правоотношения, определить истинные права и обязанности сторон, хотя бы и не подлежащие реализации сегодня, с тем, чтобы предупредить правонарушения, угрожающие завтра. «Иски о признании, – пишет В. М. Гордон, – это один из способов достижения судебной помощи не по случаю нарушения права, но именно на случай нарушения»⁷²².

Хотя решение превентивной юстиции и не подлежит принудительному исполнению, оно делает совершенно очевидным для ответчика то обстоятельство, что если он откажется осуще-

⁷¹⁷ Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 31.

⁷¹⁸ Там же. С. 72. По мысли В. М. Гордона, решением о признании подтверждается правоотношение, не связанное с существованием права требовать предоставления со стороны ответчика.

⁷¹⁹ Там же. С. 70–71.

⁷²⁰ Там же. С. 69 с прим. 3.

⁷²¹ Там же. С. 322 и след.

⁷²² Там же. С. 15.

ствить требование, вытекающее из подтвержденных судом отношений, то второй процесс окончится для него несомненным приговором, поскольку его исход предрешен первым, состоявшимся по иску о признании. Этот важный, постоянно выдвигаемый жизнью вопрос, не был урегулирован в Уставе гражданского судопроизводства, поэтому его четкая юридическая постановка и фундаментальная разработка В. М. Гордоном имела большое практическое значение. Заботясь о путях практической реализации своей научной концепции, В. М. Гордон с особой тщательностью определяет условия допустимости исков о признании. Прежде всего, им выдвигается требование наличности юридического интереса, при этом подчеркивается, что не всякое желание истца выяснить отношения с ответчиком подлежит удовлетворению в судебном порядке. Нужно, чтобы этот интерес диктовался необходимостью выяснения и упрочения материально-правовой позиции истца. Кроме того, должен открыться надлежащий повод к иску, т. е. то или иное обстоятельство, дающее основание опасаться нарушения права истца (или иные действия, в которых выражаются разногласия между сторонами по вопросам о праве).

Давая оценку этому исследованию, профессор Харьковского университета Б. В. Попов, выступавший в качестве оппонента, писал в своей рецензии при защите В. М. Гордоном диссертации: «Оценивая труд профессора В. М. Гордона в общем и целом, надобно сказать, что новое исследование представляет несомненный вклад в науку. Если говорить сперва о самом характере научных изысканий автора, то приходится отметить в особенности логичность и последовательность общей концепции задуманной работы. Одни выводы строго вытекают из других, вся конструкция скована как бы одной цепью. Монографическая полнота исследования почти не оставляет желать лучшего; нет ни одного вопроса, прямо относящегося к теме, который был бы оставлен открытым... Между тем надобно отметить, что тема настоящей работы обстоятельного монографического исследования, по крайней мере, в объеме, взятом у автора, даже в столь богатой немецкой литературе еще не получила. Если бы русских ученых читали за границей, то работа профессора В. М. Гордона, несомненно, дала бы дальнейший толчок разработке темы. Самостоятельное отношение к затрагиваемым вопросам, научная пытливость, смелая постановка самых слож-

ных, казалось бы, проблем (например, вопрос о природе иска вообще), строгая логичность – таковы достоинства рецензируемого сочинения. Для русской науки процесса все, начиная с учения об иске вообще и кончая доказательством возможности исков о признании *de lege lata*, представляет новые идеи. Книга профессора В. М. Гордона имеет полезное практическое значение. Если институту "исков о признании" суждено будет водвориться в нашем судебном обиходе, то в огромной степени русская практика будет обязана этим новому труду ... С его появлением дело законодательной разработки и практического проведения может считаться имеющим все шансы успеха»⁷²³.

Довольно активно В. М. Гордон публиковался в периодической печати по процессуальным и цивилистическим проблемам. Отвечая на вопрос, кто должен выступать ответчиком по иску о признании завещания недействительным, В. М. Гордон указывал, что наследники по завещанию не всегда могут быть заинтересованы в сохранении завещания. В этой связи соответствующий иск должен предъявляться «к лицу умершего завещателя»⁷²⁴. При этом представлять интересы умершего завещателя должно лицо, назначенное опекуном (управляющим) наследственного имущества⁷²⁵. В статье об альтернативных обязательствах В. М. Гордон подчеркнул, что возмещение убытков за нарушение обязательства «есть предмет исполнения уже совершенно нового обязательства, возникающего вследствие нарушения права»⁷²⁶. Это положение вполне вписывается в теорию охранительных правоотношений, разрабатываемую цивилистами Ярославского государственного университета. Наряду с теоретическими вопросами В. М. Гордон рассматривал и практические проблемы (например, о возможности отдельного предъявления иска о взыскании капитальной суммы и иска о взыскании процентов)⁷²⁷. Под его редакцией издавался Устав

⁷²³ Попов Б. В. В. М. Гордон как процессуалист // Вестник советской юстиции. Харьков, 1926. № 3. С. 103.

⁷²⁴ Гордон В. Ответчик по иску о признании завещания недействительным // Вестник гражданского права. 1913. № 1. С. 90.

⁷²⁵ Там же. С. 70–77.

⁷²⁶ Гордон В. М. Юридическая природа альтернативных обязательств // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 9. С. 91.

⁷²⁷ Гордон В. М. Увеличение иска процентами // Там же. 1904. № 1. С. 77–92.

гражданского судопроизводства Российской империи с систематизированными материалами (неоднократно переиздавался с 1903 по 1911 гг., дополнялся в 1915 г.).

Учение об иске получает дальнейшее развитие в работах В. М. Гордона «Иски о воспрещении» (Литературное обозрение) (СПб., 1913), «Отсутствие права на иск» (СПб., 1912), «Допустимость иска» (Харьков, 1912) и др. Результаты своих научных исследований в области процессуального права В. М. Гордон успешно использовал при разработке советского гражданского процессуального законодательства, ГПК Украинской ССР. В 1924 г. в работе «Право защиты по ГПК» ученый обратился к одному из актуальных в то время вопросов – вопросу о месте прокурора в гражданском процессе. Возражая против попыток свести роль прокурора к положению стороны, В. М. Гордон обосновывает его процессуальное значение как представителя государства: «В лице прокурора действует само государство. Прокурор не может быть отождествлен со стороной в процессе, хотя его действия могут быть фактически благоприятны для той или другой из них»⁷²⁸.

Ярославский цивилист *Т. М. Яблочков* был также видным процессуалистом. Более того, он получил наибольшее признание именно как ученый-процессуалист⁷²⁹. Интересна и до сих пор также не утратила актуальной значимости его статья «Право расспроса», опубликованная в двух номерах «Вестника права». Она посвящена весьма важному институту процессуального права, существование, а тем более широкое применение которого как бы находилось в полосе сомнения. Известно, что при принятии «Устава гражданского судопроизводства» 1864 г. 13 членов законодательной комиссии голосовало против института расспроса, как представляющего собой «род нравственно насилия» и заключающего в себе «элемент чисто следственного

⁷²⁸ Цит. по: Попов Б. В. В. М. Гордон как процессуалист. С. 104.

⁷²⁹ См., напр.: Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909; Он же. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль. 1910; Он же. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд. Ярославль, 1912; Он же. Формы «спора» и «неоспаривания» в гражданском процессе // Юридический вестник. 1914. Кн. 7–8 (3–4); Он же. Право расспроса // Вестник права. 1916. № 1, 2; Он же. Нормативная сила судебного решения // Вестник гражданского права. 1916. № 1 и др.

порядка». Хотя институт этот получил закрепление в законе, многие ученые-юристы продолжали проявлять к нему негативное отношение, полагая, что им подрываются состязательные начала судопроизводства. Синдром этот был связан с более чем столетним безраздельным господством в дореформенном судопроизводстве следственных начал.

В статье убедительно обосновывается значение института расспроса для торжества подлинного, а не формального правосудия. Его существованием суд выводится из пассивного выжидательного положения и получает возможность юридически квалифицированно влиять на решение спора в интересах установления истины, «воздействовать на стороны в целях более обстоятельного субстанцирования ими их требований»⁷³⁰.

Разграничение области спорного и неспорного, подчеркивается автором, составляет одну из главнейших задач суда. У Т. М. Яблочкова, в отличие от ряда ученых и судебных деятелей, не вызывает опасений допущение следственных начал в состязательный процесс. «Поскольку этот процесс, – пишет он, – не ограничивается лишь выяснением грамматического и логического смысла заявлений сторон, он, без сомнения, принадлежит к следственному началу»⁷³¹. Но без его применения невозможно установление взаимного понимания юридического взаимодействия суда и сторон, выведение последних из нередко возникающих в процессе тупиковых ситуаций. «Бесспорно то, – утверждает автор, – что "право расспроса" принадлежит к одной из важнейших форм деятельности суда по материальному руководству процессом, состоящей в выяснении и установлении истинности фактических основ судебного решения. Отрицать это "материальное руководство" суда способны лишь те далекие от жизни "кабинетные ученые", которые, очевидно, никогда не соприкасались с живой действительностью, и потому не понимают, что без этого полномочия суда юстиция устраняется в самом корне»⁷³². Автором критикуются попытки узкого толкования Сенатом законоположения (ст. 368 Устава гражданского судопроизводства), представляющего суду право требовать от сторон разъяснений по обстоятельствам дела.

⁷³⁰ Яблочков Т. М. Право расспроса // Вестник права. 1916. № 2. С. 33.

⁷³¹ Там же. С. 35.

⁷³² Там же. С. 36.

Суд, по мнению Т. М. Яблочкова, обязан воспользоваться правом расспроса и в том случае, если сторона грамматически выражается ясно, но неточно формулирует свое заявление, в силу чего оно не соответствует действительному намерению стороны. Суду надлежит исправить допущенную неточность, не заменяя, разумеется, одного волеизъявления другим. Т. М. Яблочков отмечает, что тупиковые ситуации в суде подчас возникают по той причине, что стороны вместо того, чтобы дать фактическое обоснование своим притязаниям, увлекаются юридической стороной дела и запутываются в юридических хитросплетениях. «Бесспорно, – пишет он, – в процессе сторонам надлежит утвердить лишь фактические обстоятельства, на коих они основывают свои притязания, а подведение их под понятия и нормы есть дело судьи. В действительности же по большей части судье преподносится фактический материал уже в юридически препарированном виде. Стороны говорят и состязаются не фактами, а юридическими понятиями (например: купля-продажа заключена под суспензивным условием и проч.). Но раз возник спор, задача суда настоять на том, чтобы стороны строго разделили факт и подведение его под норму и дали простой рассказ о происшедшем, свободный от юридических понятий. Суд побуждает обе стороны к более детальному изложению обстоятельств дела, т. е. истории их деловых переговоров»⁷³³. В некоторых случаях требуется, считает автор, в интересах торжества правосудия энергичное вмешательство суда в судебное состязание.

Т. М. Яблочков приводит ряд примеров из судебной практики, когда из-за пассивности суда проигрывает процесс правая сторона, не сумевшая юридически правильно сформулировать свои требования. В одном из приведенных им случаев причиной отказа в удовлетворении справедливых требований истицы (неграмотной женщины) послужило ее неумение провести разграничение понятий «зависимого» и «независимого» владения. Подобного рода формально правильные решения, по убеждению автора, «компрометируют юстицию в глазах населения»⁷³⁴, подрывают веру в правосудие.

⁷³³ Яблочков Т. М. Право расспроса // Вестник права. 1916. № 2. С. 35.

⁷³⁴ Яблочков Т. М. Право расспроса // Вестник права. 1916. № 1. С. 3.

Т. М. Яблочков неоднократно заявлял о себе как о принципиальном противнике подчинения науки сложившимся стереотипам судебной практики. Он отстаивал широкое право ученого на ведение научного спора по любому животрепещущему вопросу, невзирая на то, что судебная практика твердо определила по нему свою позицию. В своей рецензии на практическое руководство сенатора А. М. Нолькена Т. М. Яблочков отмечает, что «высокими судебными сановниками подчас возводятся на пьедестал не запросы жизни, не требования справедливости, а чисто чиновничий шаблон, бездушный, холодный формализм. Подчинение научной мысли шаблонам, выработанным судебной практикой, утверждает ученый, "есть могила всякому профессору", а следовательно, и науке права»⁷³⁵. От практического руководства, тем более идущего от сенатора, мы вправе, считает Т. М. Яблочков, требовать наличия единой концепции, руководящей идеи, путеводной звезды, иначе оно рассыпается «в беспочвенную "казуистику" отдельных вопросов»⁷³⁶, приносит больше вреда, нежели пользы.

Некоторые труды Т. М. Яблочкова были посвящены исследованию проблемы взаимодействия отечественного и международного гражданского процессуального права. В 1909 г. в Ярославле вышла его монография «Курс международного гражданского процессуального права». Труд этот интересен в том отношении, что в нем прослежены основные аспекты сотрудничества дореволюционной России с европейскими государствами в гражданско-правовой сфере. Любопытен тот факт, что при принципиальной несовместимости правовых систем еще далеко не преодолевшей пережитки феодализма России и передовых, давно порвавших законодательные путы средневековья буржуазных государств, шел процесс совершенствования норм взаимодействия в этой области, преодолевая в силу объективной необходимости международного правового общения имевшиеся трудности на этом пути.

В работе проводится мысль об исторической обреченности под воздействием этого процесса отдельных обветшалых, не

⁷³⁵ См.: Яблочков Т. М. Барон А. М. Нолькен. Сенатор: Устав гражданского судопроизводства: Практическое руководство. Вып. 2. Пг., 1916 // Вестник права. 1916. № 28. С. 684.

⁷³⁶ Там же.

отвечавших духу времени, но упорно сохранявшихся российским абсолютизмом правовых форм.

Автором дается определение международного процессуального права, которое им рассматривается как «совокупность норм и правил, регулирующих компетентность судебных органов, форму и оценку доказательств и исполнение решений в международно-правовой жизни на тот случай, что наступит коллизия процессуальных законов и обычаев различных государств»⁷³⁷. При этом ученым обосновывается, что весьма методологически значимо, необходимость строжайшего разграничения понятий процессуального и материального права, ибо нормы коллизии, которые регулируют конфликты законов в международном процессуальном праве, отнюдь не совпадают с нормами коллизии, которые регулируют споры в праве материальном. Гражданский процесс, указывает он, имеет своим предметом установление формальных правил относительно предъявления исков, представления доказательств, порядка обжалования и приведения в исполнение судебных решений.

Посредством процессуальных норм организуется «санкция права», тогда как гражданское материальное право ограничивается установлением прав и обязанностей каждого. Способы судебного осуществления прав и содержание самих гражданских прав вовсе не тождественны⁷³⁸.

Характерное отличие международного процессуального права от права материального автором усматривается также в том, что процессуальное право имеет корни в публичном праве, а потому оно находится под особо сильным влиянием принципа государственного суверенитета.

«Этим публичным характером процессуального права, – развивает далее свою мысль Т. М. Яблочков, – объясняется ограниченность той свободы, которой пользуются тяжущиеся стороны. Если в частном праве – в силе принцип автономии воли договаривающихся лиц, то в международном процессуальном праве эта автономия сторон принципиально исключена. Стороны, например, не могут объявить любое процессуальное право исключительно авторитетным для их тяжбы. Недопусти-

⁷³⁷ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909. С. 8.

⁷³⁸ См.: Там же. С. 3.

мо, чтобы стороны предписали русскому судье вести процесс по французскому или немецкому законодательству»⁷³⁹. Соглашение сторон (иностранцев), уточняет автор, об окончательном разрешении спора в первой инстанции и отказе от дальнейших правовых средств защиты (апелляция, кассация) будет действительно по французскому, но недействительно по русскому праву, и русский судья будет рассматривать это соглашение как ничтожный договор.

В монографии получает убедительное обоснование воззрение автора, согласно которому правосудие должно оказываться не гражданину, «право судебной защиты должно быть признано за ним независимо от всяких трактатов и условий взаимности»⁷⁴⁰.

Комментируя ст. 224 Устава Гражданского судопроизводства, из текста которой следует, что дела иностранцев, находящихся в России, подлежат ведомству русских судебных установлений, Т. М. Яблочков настаивает на более широком ее понимании, указывая на неверность узкого логического толкования статьи, которое ведет к непризнанию процессуальных прав иностранцев, проживающих вне России. Неудачность редакции этой статьи, по его мнению, не может служить основанием для несправедливого ущемления права иностранцев, не проживающих в России, поскольку они пользуются безусловным правом приобретать движимое и недвижимое имущество в России, вытекающим из соответствующих статей т. IX и т. X Свода Законов Российской империи.

Право на приобретение имущества не может существовать без права на его судебную защиту, утверждает автор.

Т. М. Яблочков критикует российское законодательство за отсталость в вопросе о признании правоспособности иностранных юридических лиц, что создает огромные затруднения для русских контрагентов за рубежом. Дело в том, что пользующиеся статусом юридических лиц иностранные акционерные (анонимные) товарищества, получают в России право законного существования и судебной защиты лишь в силу особой дипломатической конвенции. Подобное положение оборачивается,

⁷³⁹ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. С. 5–6.

⁷⁴⁰ Там же. С. 32.

таким образом, вопиющей несправедливостью для русских, учреждающих за границей соответствующие общества, так как они оказываются бессильными в осуществлении своих прав при отсутствии соответствующего трактата.

Автор обращает внимание на особую затрудненность международного сотрудничества в сфере брачно-семейного права из-за господства в России ортодоксального взгляда на брак как на таинство, как на исключительно религиозный союз.

Гражданский брак допускался в России как исключение только для старообрядцев. Дела о разводе по российскому до-революционному законодательству не подлежали светскому суду, находясь в подсудности духовных консисторий. Русские браки православных, проживающих постоянно за границей, могли быть расторгнуты только русскими духовными консисториями.

«Глубокая, непроходимая пропасть, – пишет автор, – разделяет русское законодательство с его религиозным браком и духовной подсудностью дел о расторжении брака с Западно-Европейскими законодательствами, знающими лишь гражданский брак и светскую подсудность. Это коренное различие в воззрениях на брак как на религиозный союз и как на гражданскую сделку не дало возможности России присоединиться к Гаагской конвенции 12 июня 1902 г.»⁷⁴¹ На практике это приводило к тому, что гражданские браки иностранцев, заключенные на русской территории даже у их национальных консулов, считались недействительными. Дело в том, что религиозная форма брака рассматривалась российским правительством как норма публичного порядка, в нарушение которой виделось посягательство на суверенитет.

Находясь на территории иностранного государства, русский подданный (православный) не мог иначе вступить в законный брак как посредством венчания у русского священника в посольской церкви. Таинство брака православной религией усматривалось в совершении его священнослужителем. Согласно же католической церкви, таинство брака заключается в согласии вступающих в брак сторон. Участие духовенства не рассматривалось как необходимое условие действительности

⁷⁴¹ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. С. 56.

брака ни у евреев, ни у мусульман. Поэтому сугубо православная точка зрения на брак служила в известном смысле камнем преткновения на пути совершенствования международного сотрудничества в сфере брачно-семейного права.

Сознанием невозможности поколебать позицию России в этом вопросе продиктовано одно из положений Гаагской конвенции 12 июня 1902 г., предоставившее государствам, допускающим только религиозную форму брака, право не признавать силу гражданских браков, заключенных их подданными за границей. Однако, сделав эту уступку, международное сообщество продолжало придавать первостепенное значение браку гражданскому. В странах, где он признавался, существовал строгий запрет совершать религиозный обряд прежде регистрации брака у гражданских чиновников. Запрет этот выступал как норма публичного права и распространялся не только на местное духовенство, но и на духовных лиц, состоявших при посольских церквях. Наши русские священники неоднократно привлекались к уголовной ответственности за нарушение этого правила.

Рассматривая вопрос о порядке заключения актов и договоров на территории иностранных государств, Т. М. Яблочков наиболее подробно останавливается на изложении требований, предъявляемых к духовным завещаниям, для которых обязательна нотариальная форма. Как и другие акты, завещания могли совершаться по законам и обряду страны пребывания, но нотариально удостоверенными становились лишь посредством явки в консульство или посольство. Не подлежали утверждению те волеизъявления, которые недопустимы по русским законам. Российское законодательство запрещало, например, словесные завещания (изустная память) (см. ст. 1023, т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи). Но такие словесные завещания известны, например, австрийскому праву. Поэтому, «если русский, пребывающий в Австрии, составит завещание согласно австрийским законам в устной форме, то оно будет ничтожно в глазах русского судьи»⁷⁴².

Весьма подробно Т. М. Яблочков останавливается на анализе решений Гаагской конвенции 16 ноября 1896 г., обязывающей подписавшие ее государства к взаимной правовой по-

⁷⁴² Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. С. 117.

мощи. По твердому убеждению автора, судьи одной страны должны исполнять требования судей другой страны и независимо от наличия на этот счет конвенции.

«Юридическое основание этому то, – заявляет русский ученый, – что все судьи на всем земном шаре служат одному делу – раскрытию судебной истины, а потому взаимобязаны помощью»⁷⁴³.

Автор особое внимание уделяет институту права бедности, признание которого отечественным законодательством и международным правом служит основанием для освобождения лиц, находящихся в затруднительном материальном положении, от судебных издержек, пошлин, гербовых сборов и т. д. Этот институт, регулировавшийся ст. 880–889 Устава гражданского судопроизводства, получил основательное закрепление в решениях Гаагской конференции ноября 1896 г. Дополнительную нормировку институт права бедности получил в решении Гаагской конвенции 17 июля 1905 г., установившей следующую важную норму: «если подданный одного из договаривающихся государств живет в сфере действия договора, то свидетельство о праве бедности выдает консул его страны»⁷⁴⁴.

Русский ученый связывает существование этого института с высокими правовыми принципами справедливости и гуманности. «Как дарование права бедности туземцам есть дело справедливости, – пишет он, – также дарование того же права иностранцам есть требование международной гуманности»⁷⁴⁵.

В 1915 г. Т. М. Яблочков выступил в «Вестнике права» со статьей «Патриотизм в правосудии», в которой подвергнул резкой критике решение общего собрания Правительствующего Сената от 9 февраля 1915 г., лишавшего пребывавших в России подданных воюющих государств прав судебной защиты.

«Таким образом, – констатировал ученый, – подданные воюющих с нами государств, пребывающие на нашей территории, обрекаются на участь дичи в открытом поле. Сладкая приманка для любителей легкой наживы»⁷⁴⁶.

⁷⁴³ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. С. 116.

⁷⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 168.

⁷⁴⁵ Там же. С. 166.

⁷⁴⁶ Яблочков Т. М. Патриотизм в правосудии // Вестник права. 1915. № 8. С. 235.

Подобная противоправная мера, предостерегал ученый, пагубно окажется на отечественном правопорядке, развяжет жестокие инстинкты, поставит под удар русских, пребывающих за границей, сделает их жертвой новых репрессий со стороны германцев. В связи с этим он обвиняет Сенат в величайшей неосмотрительности. Что касается противозаконности его решения, то оно не подлежит никакому сомнению. Гаагская конвенция 1907 г., ратифицированная Россией 17 ноября 1909 г. и подтвержденная в начале войны Высочайшим указом от 28 июля 1914 г., положительно запрещает «объявлять потерявшими силу, приостановленными и лишенными судебной защиты права и иски подданных противной стороны»⁷⁴⁷.

Лишение лиц иностранного происхождения прав судебной защиты в их деловых отношениях расценивается ученым как «узаконение нарушения закона», ведущее к «нравственной анархии». Война ведется, утверждает Т. М. Яблочков, между государствами, и враждебные действия в принципе не направляются на частных лиц и их имущество, и уже поэтому меры жестокости против отдельных лиц, не вызываемые военной необходимостью, резко осуждаются современным правосознанием. Автор статьи призывает судебных деятелей не увлекаться взрывом ложного «патриотизма», твердо стоять на позициях права и справедливости. Т. М. Яблочков высказывает уверенность в том, что «судебные деятели найдут в себе мужество настаивать на соблюдении точного смысла закона и не давать увлечь себя взрывом политической страсти. Такой выход вполне закономерен»⁷⁴⁸.

Обращение к трудам видного русского цивилиста, приобщающих нас к важным аспектам исторического становления международного гражданского процессуального права, позволяет нам глубже осознать гуманистическую значимость прогрессивных норм и принципов, ныне ставших канонами международного правового общения, яснее представить себе пути дальнейшего совершенствования этого процесса.

⁷⁴⁷ Цит. по: Яблочков Т. М. Патриотизм в правосудии. С. 236.

⁷⁴⁸ Там же. С. 236.

Глава 11. Школы уголовного права и уголовного процесса

Последняя четверть XIX в. оказалась весьма непростым временем для науки уголовного права. С момента выхода в свет в 1876 г. книги Ч. Ломброзо и до конца XIX в. его учение оказалось в эпицентре внимания научной общественности. В это время ученым классической школы уголовного права пришлось выдержать немало критики со стороны представителей позитивной школы уголовного права по принципиальным вопросам о предмете, методе уголовного права. Дискуссии, в которых активно участвовали юристы, врачи, антропологи и социологи, «выплескивались» на страницы ученых журналов, стали предметом трех конгрессов, посвященных уголовной антропологии, собиравшихся в Риме (1885), Париже (1889) и Брюсселе (1892).

Научные взгляды Ломброзо и его последователей (Ферри, Гарофало и др.) с момента своего появления подвергались критике со стороны зарубежных и российских ученых. Не могли остаться в стороне от этих дискуссий известные криминалисты ярославской школы – многие из них посчитали своим долгом высказаться относительно предмета и метода, задач науки уголовного права⁷⁴⁹. Анализ работ криминалистов ярославской школы того времени дает основание говорить о том, что некоторые из них посвятили значительную часть своей научной деятельности развенчанию идей возникшей школы позитивного права⁷⁵⁰ (А. К. Вульферт), а на других идеи школы позитивного права оказали определенное влияние в части расширения предмета, методов и задач науки уголовного права (А. А. Пионтковский).

Большинство криминалистов Демидовского юридического лицея принадлежали к классической школе уголовного права, видевшей задачу своей науки в разработке догмы права. Одним

⁷⁴⁹ Духовской М. В. Задача науки уголовного права. Ярославль 1872 г.; Вульферт А. К. Методы, содержание и задачи науки уголовного права. Ярославль. 1891 г.; Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории уголовного права России. Ярославль. 1909 г.

⁷⁵⁰ В настоящее время указанная школа обычно называется антропологической школой.

из ярких представителей данного научного направления стал профессор А. К. Вульферт.

Антон Карлович Вульферт (1843 – после 1910) в 1866 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1888 г. защитил магистерскую диссертацию по монографии «Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии», а в 1893 г. – докторскую по второй части этого труда. После окончания Московского университета А. К. Вульферт с 1866 по 1868 гг. состоял кандидатом на судебные должности. В 1868 г. назначен товарищем прокурора Тульского окружного суда, а в 1870 г. – на ту же должность в Москву. С 1873 по 1884 гг. товарищ прокурора Московской судебной палаты. С 1884 г. по 1891 г. А. К. Вульферт в звании приват-доцента читал курс уголовного права и судопроизводства в Московском университете. В 1891 г. назначен на должность и. д. экстраординарного профессора по кафедре уголовного права и судопроизводства Демидовского юридического лицея. В 1894 г. перешел в Военно-юридическую академию и до 1910 г. состоял ее профессором по кафедре уголовного права. А. К. Вульферт принимал активное участие в трудах Московского юридического общества, был председателем комиссии по выработке заключения по проекту Уголовного уложения 1903 г.

Его основные труды: «Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование» (М., 1887. вып. 1); «Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование» (Ярославль, 1891); «Курс русского уголовного судопроизводства» (М., 1885); «Курс русского уголовного судопроизводства» (М., 1888). Главная сфера его научных интересов – проблемы уголовного права и процесса. Являясь приверженцем классической школы уголовного права, А. К. Вульферт отстаивает ее главенствующее положение среди других школ и направлений уголовно-правовой мысли.

Не умаляя научного значения трудов профессора А. К. Вульфорта в целом, хотелось бы более подробно остановиться на отдельных работах, изданных в Демидовском юридическом лицее: «Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование» (Ярославль, 1893.

Вып. 2); «Оценка доктрины Ломброзо после его смерти в Италии» (Ярославль, 1911)⁷⁵¹.

В своем основном труде «Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии»⁷⁵² А. К. Вульфферт подвергает глубокому и всестороннему анализу учения основных представителей возникшей в 70-х гг. XIX в. Ново-Итальянской школы Ломброзо, Ферри и Гарофало, поставивших целью при помощи антропологических, опытно-психологических и социологических исследований коренным образом перестроить уголовное право. А. К. Вульфферт поставил перед собой задачу объективно и концептуально проанализировать антрополого-позитивную доктрину во всех ее ипостасях «сравнительно с коренными основаниями классической или юридической школы уголовного права». «Несмотря на название позитивной, которое указанная школа сама дает себе, — отмечает ученый, — ко всем ее коренным воззрениям примешивается сильная струя материалистической метафизики... это проявляется в сведении преступления на степень ее естественного явления, преступности, — функции организма у Ломброзо, в объяснении психологических свойств рядом присущих человеку наслоений разных эпох, коим приписываются механические свойства, в определении человека как одушевленной машины превращения сил...». При этом общественные явления сводятся к естественным, «для статистических явлений выковывается закон по подобию химического, процессуальные учреждения, например суд присяжных, обсуждаются на основании безграничного по своей сущности и безразличного метафизического принципа эволюции»⁷⁵³.

А. К. Вульфферт акцентирует внимание на крайне пренебрежительном отношении к исторической и этической стороне уголовного права представителями критикуемой школы, которые пытаются находить подтверждение своим научным воззре-

⁷⁵¹ В Демидовском юридическом лицее также начинал свою деятельность Дмитрий Германович Тальберг (о нем далее), известный трудами в области уголовного права и процесса, в том числе вышедшем в Киеве сочинением «Антропологическое исследование в уголовном праве», которое привлекло внимание криминалиста А. К. Вульфферта.

⁷⁵² См.: Вульфферт А. К. Антрополого-позитивистская школа уголовного права в Италии // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1893–1894. Кн. 58–62.

⁷⁵³ Там же. Кн. 62. С. 551.

ниям, обращаясь весьма неразборчиво с историческими фактами, так что «Ломброзо ничего не находит у первобытных и диких народов, кроме повальной преступности, Гарофало приравнивает современным дикарям в виде общего явления состояние вырождения, Ферри ничего не видит в кровной мести, кроме природного инстинкта, проявляющегося в чисто внешнем воздаянии, а в нравственной вине и ответственности остатка теократического периода»⁷⁵⁴. Поэтому и суд присяжных признается институтом первобытной юстиции, негодным для культурного времени, а в науке уголовного права лишается признания ее нравственная сторона⁷⁵⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что в отличие от многочисленных критиков Ново-Итальянской школы, злоупотребляющих черной краской, А. К. Вульферт также отдает должное проделанной школой работе по сбору и обработке многочисленных фактов, составившей богатый материал, который при меньшей односторонности в пользовании им может оказаться ценным для науки. К числу достоинств антрополого-позитивной школы ученый относит критику господствующего научного и законодательного направления уголовного права по поводу вялости и недостаточности репрессивной юстиции, «она совершенно верно указывала на необходимость обеспечения общественной безопасности от оставляемых на свободе душевно-больных, освобожденных от уголовного преследования»⁷⁵⁶. Он признает правильной негативную оценку кратких сроков лишения свободы криминалистами-антропологами, как способствующих росту рецидивной преступности. Внешне выглядит привлекательным и указание антропологической школы на такие действенные меры борьбы с преступностью, как «устранение всех жизненных невзгод и общественных неправд», однако

⁷⁵⁴ Вульферт А. К. Антрополого-позитивистская школа уголовного права в Италии. Кн. 62. С. 553.

⁷⁵⁵ Несмотря на резкую критику передовой научной общественностью антрополого-позитивной доктрины за ее антигуманную сущность, особенно проявившуюся в учении о преступном типе, прирожденном преступнике, утилитаризм и эмпиризм, натянутость и искусственность многих построений, она собрала, тем не менее, в ряде стран мира, в том числе в России, довольно многочисленных сторонников (В. Ф. Чиж, Д. А. Дриль, П. Н. Тарниевская и др.).

⁷⁵⁶ Вульферт А. К. Антрополого-позитивистская школа уголовного права в Италии. Кн. 62. С. 559.

здесь, отмечает А. К. Вульферт, школа остается верной себе, рассматривая влияние социальной среды лишь в виде факторов, обуславливающих «народнение несчастных и порочных психико-физических организаций, наклонных к пороку и преступлению», т. е. прирожденных преступников.

А. К. Вульферт убедительно обосновывается несостоятельность и антигуманность взгляда антропологической школы на преступника как на дикаря или существо, психически неполноценное, «телесно и духовно неподобное другим лицам», а потому заслуживающее исключения из общества. Взирая на преступников как на специальный класс, криминалисты этой школы, утверждает А. К. Вульферт, ратовали за применение к ним самых радикальных карательных средств, вплоть до смертной казни. Выражая полнейшее несогласие с этой антигуманной точкой зрения, А. К. Вульферт утверждает, что «даже самая тяжчайшая преступность не есть что-либо физиологически и органически роковое». Поэтому он считает неправильной и вредной для дела борьбы с преступностью и нравственного оздоровления общества выдвигаемую, к сожалению, не только криминалистами антропологической школы, мысль о выделении из общей массы преступников категории неисправимых, к которым целесообразно применять исключения из общества, заключение в тюрьму на неопределенный срок.

В завершение повествования профессор Вульферт отмечает, что «есть основание предполагать, что конец нашего века, после пронесшейся, говоря словами г. Сергеевского, грозовой тучи в виде учения Ломброзо, не представит в области научной мысли радикальной противоположности движению научной мысли конца прошлого столетия». Обосновывая жизненность традиционных институтов уголовного права, автор утверждает, что «заветы Беккария и Гоуэрда остаются по-прежнему близки научным деятелям и практикам наших дней»⁷⁵⁷.

И в дальнейшем доктрина Ломброзо неоднократно подвергалась критике. После его смерти сочли необходимым высказать собственные суждения в адрес научных взглядов Ломброзо корифеи новой позитивной итальянской школы. В связи с этим

⁷⁵⁷ Вульферт А. К. Антрополого-позитивистская школа уголовного права в Италии. Кн. 62. С. 566.

профессор Вульферт пишет очередную работу⁷⁵⁸. Свое отношение к позициям Ферри и Гарофало ученый высказал следующим образом. «Изложенная критика доктрины Ломброзо дает величайшую честь Гарофало, который с такой научной искренностью и беспристрастием, несмотря на личные и научные связи с покойным и с всею его школой, так прямо и открыто высказал свои существенные разногласия с Ломброзо... вследствие своей особенной переоценки доктрины Ломброзо, Гарофало вступает в разное противоречие с Ферри». Там, где Ферри видит «гениальные институты (теория прирожденного преступника, теория тождества прирожденного преступника, нравственного помешанного и эпилептика), Гарофало усматривает роковые заблуждения»⁷⁵⁹. По поводу основного вопроса о значении антропологического подхода к исследованию преступности Гарофало разрешает его «в пользу преобладающего значения уголовной психологии. Эта точка зрения все больше и больше находит приверженцев в наши дни», пишет Вульферт⁷⁶⁰.

Профессор поддерживает Гарофало в критических замечаниях антропологической школы: «преступление есть феномен социологический и точка зрения юриста на него не всегда может совпадать с точкой зрения психиатра. Различие их состоит в том, что юрист должен считаться и с такими элементами, которых психиатр не обязан иметь в виду. Юрист не может оставлять без внимания ценность и действительность наказания как предостережения и примера, как одной из причин, могущих внушать отвращение к преступлению, как влиятельную причину образования нравственного чувства»⁷⁶¹. Таким образом, воспитательное и предупредительное воздействие наказания на общество в целом оставляется в стороне теми учеными, которые исключительно занимаются влиянием наказания на преступника. С другой стороны, нельзя допускать обращения с преступниками, как с душевно-больными, из-за того, что у них оказываются физические или нравственные аномалии, – указывает А. К. Вульферт, – поскольку нет человека, который бы не

⁷⁵⁸ См.: Вульферт А. К. Оценка доктрины Ломброзо после его смерти главнейшими представителями позитивной школы уголовного права в Италии // Юридические записки. Ярославль, 1911. Вып. 2–3.

⁷⁵⁹ Там же. С. 245.

⁷⁶⁰ Там же. С. 246.

⁷⁶¹ Там же. С. 244.

имел какой-либо «нервной неуравновешенности» и т. п. Действительно, каким образом должен был поступать директор больницы по поводу назначения курса лечения «аномального субъекта с цветущим здоровьем и нормальным рассудком? Так что «теория Ломброзо, рассматривающего преступника как больного, социально опасна и практически неосуществима»⁷⁶². Профессор Вульферт совершенно справедливо отмечает, что установление точной грани «между поясом здоровья и поясом более или менее болезненных аномалий должна была озабочивать юристов ... при установлении нравственной ответственности, если даже оставить в стороне случаи наследственности, душевной болезни, остается сомнительным, мог ли преступник, в силу многочисленных условий общественной среды, быть иным, чем он есть?»⁷⁶³.

В заключение Гарофало и вслед за ним автор данной работы, профессор А. К. Вульферт признают «великую любовь к истине, великую искренность» Ломброзо, которую он внес в свою научную и публичную деятельность в качестве члена городского совета в Турине. «Следует всецело присоединиться к отзыву Гарофало о научной честности и искренности Ломброзо. Неустойчивый и страстный труженик, он сам подавал критикам доводы против себя, он не скрывал спорных выводов двусмысленными объяснениями ... в отличие от Ферри, который пытается рекламировать свою школу и приписывать не принадлежащие ей заслуги, вознося своего покойного учителя, Ферри, он восхваляет и самого себя... гораздо достойнее выглядит честование памяти Ломброзо с прекрасными словами Гарофало о нравственной личности покойного, чем пустая риторика»⁷⁶⁴.

Продолжателем идей классической школы уголовного права в Демидовском юридическом лицее явился профессор Н. Д. Сергеевский.

Николай Дмитриевич Сергеевский (1849–1908), 160-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году (род. 24 сентября 1849 г.), относится к плеяде крупнейших и талантливейших русских ученых-криминалистов последней четверти

⁷⁶² Вульферт А. К. Оценка доктрины Ломброзо после его смерти главнейшими представителями позитивной школы уголовного права в Италии. С. 262.

⁷⁶³ Там же. С. 265.

⁷⁶⁴ Там же. С. 248.

XVIII – начала XIX в. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1872 г.) он был оставлен при университете в качестве магистранта, совмещая научную подготовку с преподавательской практикой по уголовному праву в частных гимназиях города. Вскоре его направляют в Демидовский юридический лицей в качестве преподавателя – исправляющим делами (исполняющим обязанности) доцента кафедры уголовного судопроизводства. Его вводная лекция, прочитанная в лицее 14 ноября 1874 г., оставила столь благоприятное впечатление, что она уже на следующий год была опубликована во «Временнике Демидовского юридического лицея»⁷⁶⁵.

После двухлетнего преподавания в лицее уголовного процесса ему была предоставлена возможность (начало 1877 г.) вновь заняться разработками вопросов уголовного права. Н. Д. Сергеевский был направлен на повышение квалификации за границу, где около двух лет слушал в Лейпциге лекции известного в то время учёного-юриста К. Биндинга, а в Граце (Австрия) посещал занятия Варга. Параллельно он работал по теме магистерской диссертации.

С практически готовым текстом диссертации молодой учёный в 1878 г. возвратился в Ярославль, изложив в течение следующего 1879 г. основные её положения на страницах различных юридических журналов. Преподавательскую деятельность в лицее (теперь уже по уголовному праву) он начал вступительной лекцией «Философские приёмы и наука уголовного права», которая ввиду её высокого научно-методического уровня была опубликована в центральном журнале⁷⁶⁶.

В 1882 г. перешел на кафедру уголовного права Санкт-Петербургского университета. Одно время читал курс уголовного права в Александровском лицее. С 1890 по 1892 гг. издавал и редактировал «Журнал Министерства юстиции». С 1895 г. помощник статс-секретаря Государственного Совета, управляющий отделением «Свода Законов». В 1906 г. назначен членом Государственного Совета. Тайный советник (светский генерал-лейтенант).

⁷⁶⁵ См.: Сергеевский Н. Д. Основные начала и формы уголовного процесса // Временник Демидовского юридического лицея. 1875. Кн. 9. С. 595–614.

⁷⁶⁶ См.: Сергеевский Н. Д. Философские приёмы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 1. С. 39–87.

Зарекомендовал себя как убежденный противник каких-либо преобразований государственного строя России.

Основные труды: «О значении причинной связи в уголовном праве» (Ярославль, 1880); «О праве наказания» («Юридический вестник». 1881. Т. IV); «Наказание в Русском праве XVII в.» (СПб., 1887); «О ссылке в древней России» (СПб., 1887); «Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. 1-е изд.» (СПб., 1887. Выдержало 10 изданий); «К вопросу о Финляндской автономии и основных законах» (СПб., 1902); «Антропологическое направление в исследованиях о преступлениях» («Юридический вестник», 1882. Т. IX. № 2). Сфера его научных интересов – проблемы уголовного права и процесса.

Н. Д. Сергеевский всецело принадлежал к классической школе криминалистов. В работе «Антропологическое направление в исследованиях о преступлениях» ученый, подвергая критике учение Ломброзо, отмечает, что «в основе всей этой теории о преступлении лежит некоторая методологическая ошибка – какое-то странное смещение понятий». Так, например, «Ломброзо и его последователи сами признают, что под установленный им тип преступника не подходят лица, занимающиеся имущественными обманами разного рода», равно как и «лица, совершающие преступления по службе, преступления политические, религиозные, преступления против порядка управления... и т. д. Преступления этих разрядов, за небольшим исключением, не могут быть вовсе поставлены в связи с ... морфологическими особенностями организма, так как эти преступления по содержанию своему, безусловно, изменчивы, и состав их, соответственно условиям места, времени и государственного устройства, образуется самыми разнородными действиями. Между тем эти преступления составляют громадное большинство в любом современном уложении»⁷⁶⁷.

Подводя итог в целом, Н. Д. Сергеевский задает вопрос о том, какое же действительно значение имеют исследования Ломброзо и его последователей для учения о преступлении в уголовном праве? И оценивает его как «весьма малое», где все

⁷⁶⁷ Сергеевский Н. Д. Антропологическое направление в исследованиях о преступлениях // Юридический вестник. Ярославль, 1882. Т. 9, № 2. С. 217–218.

сводится исключительно к констатации уже вполне бесспорного факта, что «в числе запрещенных под страхом наказаний деяний находится несколько таких, которые по содержанию своему противны природе человека вообще и культурного человека в частности». Далее представителями антропологической школы подтверждаются начала законосообразности человеческих действий, опровергая старую теорию свободной воли и основанного на ней учения, что вовсе не является чем-либо новым. Поскольку «современная наука уголовного права, – отмечает Сергеевский, – давно уже выставила начала вменения преступлений помимо фикции свободной воли, а в нашей русской литературе произведения последних лет основаны на отрицании свободной воли человека, на признании принципа законосообразности человеческих действий». И этим ограничиваются исследования антропологической школы по поводу учения о преступлении. Что же касается учения Ломброзо о наказании, то и здесь высказывания профессора Сергеевского далеки от оптимизма. «Учение оставляет совершенно в стороне основные моменты наказания как института правового, являющегося юридическим последствием преступления и основанного на юридической природе последнего». Согласно учению Ломброзо, наказание представляет собой простое средство истребления или защиты от вредных животных, является делом государственной администрации, а не уголовного правосудия; «...и для юриста остается только непонятным, почему рекомендуемые им меры должны прилагаться лишь к совершившим преступления, а не ко всем людям, принадлежащим по своей организации к несчастному типу низшей расы»⁷⁶⁸. Рассуждая о «практических требованиях, предъявляемых Ломброзо к порядку государственной жизни», где в качестве предупредительных мер предлагаются: отмена суда присяжных, уничтожение публичности и гласности судопроизводства, ограничение права собраний, печати, отстранение представителей науки права от законодательных работ в целях «наилучшего прогресса и усовершенствований человеческой породы», профессор Н. Д. Сергеевский характеризует это предложение как «едва ли не состояние восточных деспотий», которое «не может иметь хо-

⁷⁶⁸ Сергеевский Н. Д. Антропологическое направление в исследованиях о преступлениях. С. 219.

рошего воспитательного влияния», а в социально-политическом отношении повлечет за собой такие последствия, вред которых многократно превысит сомнительные выгоды, обещаемые представителями антропологической школы. Указанные предложения представляются несостоятельными, «лишенными всякой плодотворной силы», пишет Н. Д. Сергеевский.

Конечно, для антропологии и «области человеческого ведения» не вызывает сомнений «громкое значение» школы Ломброзо, но связь этой школы с уголовным правом, по мнению Н. Д. Сергеевского, «основана исключительно на недоразумении, она не принадлежит уголовному праву»⁷⁶⁹.

В довольно объёмном тексте вступительной лекции «Философские приёмы и наука уголовного права»⁷⁷⁰ им был затронут ряд вопросов, многие из которых не потеряли своей актуальности и поныне. Ко времени чтения упомянутой лекции довольно длительное время в науке уголовного права боролись два направления: философское, представляющее естественное право, и позитивистское. Представители первого направления – такие видные учёные-юристы, как А. Фейербах и А. Ф. Бернер, считавшие Общую часть уголовного права философской и рассматривавшие философию как источник права.

Н. Д. Сергеевский как убежденный сторонник второго направления (позитивистского) весьма критически относился к философскому методу и признанию уголовного права наукой философской, отмечая ряд недостатков этого направления. Главный из них он усматривал в следующем: философия строит свои выводы а priori, исходя из того или другого вечного, неизблемого начала и руководствуясь в дальнейшем единственно законами логики; она придаёт своим выводам и положениям значение неприкосновенных, священных истин. По мнению представителей этого направления, коренная основа всякого права – это разум, который может творить право из самого себя, свободно, чисто отвлеченным способом, отрешившись от всех реальностей жизни. Сообразно этому, создание права путём законодательства представляется вполне самостоятельным актом субъективного разума и идеалом всякого развития права.

⁷⁶⁹ См.: Сергеевский Н. Д. Антропологическое направление в исследованиях о преступлениях С. 220–221.

⁷⁷⁰ См.: Сергеевский Н. Д. Философские приёмы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 1. С. 39–87.

Лектор не отрицал вовсе значение философского метода и философии в жизни каждого общества. Он замечал, в частности: все религии по структуре своей суть философские системы, и если мы признаем за всякой религией (не только за истинной) культурно-историческое значение, то мы должны признать право гражданства и за философией. В то же время он утверждал, что «каждый метод может быть хорош и необходим на своём месте», и потому резонен вопрос о том, приемлем ли этот метод для науки уголовного права. Если исходить из того, что положительное уголовное право заключает в себе вечные, неизменные истины, стоящие выше людей с их конкретными свойствами и потребностями и с теми преходящими формами, в которых развивается человеческое общество, то такой подход неприемлем. Таких неизменных истин в уголовном праве не имеется, а, наоборот, все положения и всё содержание уголовного права, «от первой буквы до последней, вытекают из конкретных свойств человека, а следовательно, изменяются вместе с этими свойствами и с условиями исторического развития общества». Н. Д. Сергеевский не ограничивается этими общими постулатами, приводя примеры «господства» философского метода в теории уголовного права и показывая, к чему это ведёт.

Во-первых, касательно утверждения сторонников этого метода о религиозной окраске уголовного правосудия. Утверждалось, что государственное правосудие есть ветвь правосудия божеского, что оно подчинено одним и тем же началам и должно поэтому руководствоваться теми же принципами. Не зря современники лектора отмечали: восприятие этих идей ведёт лишь к извращению в средствах познания истины. Обращает на себя внимание жёсткость научных позиций лектора. И в данном случае он не затрудняется «прямо сказать, что уголовное правосудие не имеет ничего общего с божеским правосудием, и смешение их ведёт лишь к извращению понятий и к изуверству». В частности, уголовное законодательство Германии наглядно это демонстрировало: «от первой статьи до последней, проникнутое религиозным направлением, по духу своему оно стояло совершенно на одном уровне с грубейшими инстинктами своего времени и часто проникалось теми же страстями и тем же отсутствием всякого уважения к личности человека...».

С точки зрения религии, отмечал Н. Д. Сергеевский, уголовное правосудие должно карать только злых и грешных лю-

дей, награждая добрых и праведных. Но так ли это на самом деле? Наказывается, например, и преступник, руководствовавшийся самыми добрыми мотивами, если его деяние подходит под статью уголовного закона. Знаменитый св. Криспин, по ремеслу сапожник, воровал у богатых кожу и шил из неё бесплатно сапоги бедным. Церковь причла его к лику святых, но уголовное правосудие без сомнений вынуждено было предварительно наказать его за кражу⁷⁷¹.

Слова Иисуса Христа по поводу прелюбодейки, приговорённой к побитию камнями, были: «Иже есть без греха в вас, прежде верзи камень в неё». Лектор задаёт в этой связи вопрос: как поступили бы мы с тем судьёй, который, например, оправдал взяточника на том основании, что за ним самим этот грех водится?

Или: согласно канонам церкви наказание грешников в будущей жизни вечно. Наука уголовного права уже в XIX в. считала высшей несправедливостью пожизненное наказание. Или: грешники, все без различия, обрекаются на муку вечную, о различии наказания по степени вины религия не упоминает. Уголовное же право все усилия направляет на то, чтобы довести до высшей степени делимость наказания.

В итоге Н. Д. Сергеевский приходит к выводу: «Люди наказывают людей ради своих человеческих целей по своим человеческим расчётам; всякая ссылка на божеское правосудие неуместна и, скажем даже, недобросовестна, так как направляется единственно к тому, чтобы сковать критическую мысль».

Во-вторых, философия утверждает о присущей человеку от рождения идее справедливости. По мнению лектора, это утверждение также несостоятельно. В качестве довода обычно приводят тот, что всякий человек ощущает невольно чувство удовольствия при виде торжества справедливости и, напротив, чувство неудовольствия, когда справедливость нарушается. Н. Д. Сергеевский приводит следующий контрдовод: «повседневный опыт представляет нам явление совершенно противоположное: чело-

⁷⁷¹ Приведём пример более современный: Деточкин из фильма «Берегись автомобиля» угонял автомашины лиц, приобретших их на противоправно добытые средства, а полученные в результате продажи этих авто деньги переводил на счета детских домов. Он также был осуждён за хищения, хотя его мотивы поведения вызывали симпатии у многих законопослушных граждан.

век, приобретший себе неправедным путём выгоды, радуется им нисколько не менее честного труженика; мало того, краденый кусок, говорят, вкусней дарёного, а краденая копейка дороже жалованной. Когда торжество справедливости совпадает с нашими интересами, тогда оно действительно доставляет нам удовольствие; но за этими пределами ничего подобного не замечается. ...если бы оно было врожденно действительно, то его отрицание было бы невозможно». И далее: «Если чувство справедливости врождено всем людям, то каким образом оказывается, что люди обладают им в различной степени, притом развитые и образованные в большей, чем необразованные?». Лектор резонно полагает, что так называемым чувством справедливости обладает в наибольшей мере хороший юрист именно на том основании, что чувство это приобретается и развивается человеком в гражданской жизни, а не даётся свыше.

Третье положение. О том, что в мире царствует тот закон воздаяния каждому должного, который мы называем справедливостью; что идеям наказания зла и вознаграждения справедливости подчиняется всё существующее, в том числе и человек. По этому поводу Н. Д. Сергеевский замечает: понятия эти суть понятия исключительно человеческие, притом общественные; для человека вне общества они существовать не могут. Различение понятий добра и зла – плод исключительно человеческого общества, выработанный культурой последнего и сообразно с ним изменяющийся. Самым очевидным доказательством является определение области преступного у различных народов и в различные времена; то, что в одну эпоху облагалось смертной казнью, в другую считается вполне дозволительным⁷⁷². Да и само понятие добродетели не является неизменным: христианская добродетель – нищета духом – находится в полном противоречии с гражданской добродетелью; современное право признаёт защиту своих прав добродетелью, а старое государство относилось к праву необходимой обороны враждебно и стесняло его до последней возможности. Наконец, в различных классах общества и сословиях также имеется разное понимание добродетели, справедливости; например, в идеалах человека, принадлежащего к буржуазному слою и находящегося вне его

⁷⁷² В нашу эпоху – это, например, частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество.

или, скажем, у военного человека. Экономия, аккуратность, скопидомство, благоразумие в уклонении от опасности составляют добродетель для одного и почти позор для другого.

Лектор приводит показательный пример: часто говорят, что помимо обыденной честности, ограничивающейся запретом воровать платки из карманов, существует ещё другая, высшая честность, несопоставимая с такими мелочами⁷⁷³. Так, Прудон и его сторонники утверждали, что собственность есть кража⁷⁷⁴; это самостоятельное представление о добродетели. Можно соглашаться с данным мнением или нет – это дело личных убеждений, но мы должны признать, что понятие добродетели, справедливости не есть незыблемое понятие, оно суть человеческое, как и все прочие. Чем дальше идём мы в глубь истории, говорит далее лектор, тем отчётливее осознаётся, что не справедливость, а сила есть главный фактор в истории человечества. Справедливость есть новая идея, возникшая из прямого отрицания старой идеи. Что она когда-нибудь сделается господствующим законом, не приходится сомневаться, если только не прекратится общественный прогресс; но что она в настоящее время есть горькая сирота, едва ли можно сомневаться. «Если бы справедливость была господствующим законом, то никакое ощущение удовольствия не было бы возможно, так как тогда проявление справедливости было бы таким же обыденным делом, как перемена дня и ночи, зимы и лета; мы не можем радоваться тому, что камень тонет в воде, а земля движется вокруг солнца. Мировой закон справедливости и это чувство удовольствия суть два положения, взаимно друг друга исключаящие».

⁷⁷³ В свете сказанного не воспринимается как удачное нововведение в УК РФ, касающееся усиления наказуемости за кражу, совершенную «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» (см.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848). Даже если отвлечься от издержек языкового характера при определении этого квалифицирующего признака (одежда на потерпевшем – это кладь? Вряд ли, ибо кладь есть вещи, предназначенные для перевозки, переноски. См., например: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 245), трудно согласиться с введением этого признака по существу, ибо при его наличии не обнаруживается резкого повышения степени общественной опасности содеянного.

⁷⁷⁴ Приватизация по-чубайсовски, именуемая в народе «прихватизацией», – веское тому подтверждение.

Являясь последовательным сторонником позитивистской школы в науке уголовного права, Н. Д. Сергеевский по сути подтверждает известную мысль К. Маркса о том, что законодатель должен смотреть на себя как на естествоиспытателя: он не делает законов, он их открывает, формулирует. Действительно, замечает лектор, юрист-историк знает, под каким влиянием возникают и слагаются характернейшие черты уголовных законов. Здесь нет ничего, что имело бы своим источником «чистый разум» или что-либо подобное. Всякое государство выдвигает в законе на первый план те преступления, которые угрожают его жизненным принципам. Так, теократия облагает смертной казнью оскорбление божества и богоотступничество, относя нарушение поземельных границ к разряду преступлений маловажных. Государство земледельческое, наоборот, нарушение поземельных прав карает весьма строго, а к деяниям против религии относится весьма снисходительно. Государство торговое преследует в первую очередь подделку денежных знаков и документов; например, в Англии за эти деяния, а равно за кражу товаров из лавок полагалась смертная казнь, которая применялась нещадно. Военное государство энергично преследует нарушение субординации, преступления по службе и т. п.; абсолютная монархия – преступления против величества; республика со всей страстностью ополчается на тех, кто стремится к монархической власти. Если мы и встречаем в истории обратные явления, замечает Н. Д. Сергеевский, то это не более как временные, счастливые недоразумения или признак приближения новой эпохи.

Констатируя зависимость содержания уголовного закона и его отдельных институтов от конкретных условий места и времени, лектор эту свою мысль демонстрирует на конкретных примерах.

Наказание. «В истории любого государства мы можем проследить, как изменяется наказание рядом с историческим ростом государства; безусловного и абсолютно неизменного не найдём мы ничего», – говорит автор. Он солидаризируется в этом вопросе с А. Ф. Бернером, по мнению которого одно и то же преступление с точки зрения его наказуемости получает в государствах различную оценку, смотря по той твёрдости, которой достиг правовой порядок. Твёрдо установившийся порядок не нуждается в столь строгих наказаниях, как новый и сла-

бый. Абсолютно установленного и для всех времён пригодного размера наказания не существует и не может существовать.

Со сказанным трудно не согласиться, как и с тем, что при политических неурядицах, даже временном возврате старого, при нестабильности правопорядка и т. д. «аффекты страха» в обществе, политические страсти, религиозный фанатизм и т. п. вспыхивают вновь как искры из пепла, отыскивая снова своих жертв. Многочисленные изменения УК РФ (за время его действия принято уже свыше 60 уголовных законов) нарушили системный принцип конструирования законодательства, породили многочисленные недоразумения касательно содержания санкций⁷⁷⁵.

Согласно наблюдениям Н. Д. Сергеевского, по мере стабилизации обстановки в обществе пробивают себе дорогу силы этические и разумные, идеи, добытые культурой, которые производят коренные изменения в области уголовного правосудия: сострадание к преступнику, признание прав личности, различение ступеней субъективной виновности. Они были чужды природе человека 500 лет назад, когда труп мёртвого врага приятно щекотал нервы.

Интерес представляет и разделяемая лектором точка зрения Р. Иеринга, по мнению которого количество практикуемых карательных мер находится всегда в обратном отношении с совершенством правового порядка и со зрелостью народа. История наказания есть его постепенное отмирание. Отталкиваясь от приведённого суждения, лектор заявляет: «Современное уголовное право прямыми шагами идёт к ограничению наказания двумя формами – лишением свободы и денежным штрафом, теми видами, которые в старое время прилагались только к легчайшим правонарушениям». Жизнь подтверждает это мнение, хотя необходимо признать, что при этом резко сужаются возможности суда в части индивидуализации назначаемых преступнику мер воздействия. По этой причине ведётся активный поиск альтернативных видов ответственности, необходимых и достаточных для достижения сформулированных в уголовном законе целей.

⁷⁷⁵ См. об этом, например: Кругликов Л. Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110–114.

Смертная казнь как вид наказания. По выражению лектора, «лучший пример» вымирания под влиянием изменившихся условий жизни представляет история смертной казни – наказания, в защиту которого менее 60 лет назад произносились такие слова: всякая власть и всякий порядок основываются на палаче. Уничтожьте его, и тотчас же порядок уступит место хаосу, троны падут и общество погибнет! Кто в наше время рискнет говорить таким образом?! – восклицает Н. Д. Сергеевский. Мир всё более и более склоняется к убеждению, что «смертная казнь есть болезненная оргия дурных страстей». А ведь было время, когда это наказание считалось таким же нормальным, как розги в эпоху крепостного права, тюремное заключение в настоящее время. Она была не высшей формой наказания за высшие разряды преступлений, как смотрим мы на неё теперь, а средством истребления людей, опасных для государства, независимо от того, совершили ли они какое-либо преступление или же нет. Значение человеческой личности как таковой не сознавалось в древнем мире; и в Греции, Египте, Риме сотни и тысячи людей предавались смертной казни по соображениям чисто административным и политическим.

В новом мире эта мера получила значение наказания в строгом смысле, и вместе с тем она являлась одним из самых обыкновенных наказаний, которое могло быть применено чуть ли не за все преступления.

Интересна статистика, приводимая лектором. В Нидерландах только в 1567 г. было казнено около 18 тыс. протестантов. В XV в. в Германии казнено до 100 тыс. волшебников и ведьм. В Англии за неполных 40 лет (с 1509 по 1547 гг.) придано смертной казни 72 тыс. человек. Император Австрийский в 1705 г. приказал казнить за воображаемое оскорбление величества каждого 15-го жителя в занятых его войсками областях Баварии. Прусский эдикт 1725 г. предписывал повесить всех цыган, которые окажутся в королевстве; в итоге в одном Гессене два дня с утра до вечера продолжалась кровавая работа. В XVI столетии на Руси даже не преступников, а просто пленных татар, отказывавшихся принять христианство, выводили сотнями на Москву-реку и спускали под лёд; вспомним также стрелецкие казни Петра I. В Ирландии в начале XIX в. один судья в течение только одного обеда вынес 98 смертных приговоров, 97 приведены в исполнение. Наконец, поучителен такой факт: в Штеттине в 1518 г. каз-

нено 118 человек за церковную кражу; оказалось, что все они, сознавшиеся под пыткой, были невиновны, а 4 настоящих вора разысканы после казней. Перед этим фактом меркнет даже взбодражившее в своё время всё наше общество дело Чикатило, где были также безвинно казнённые люди!

Интересно, что когда в 1810 г. был поднят вопрос об отмене смертной казни за кражи, корпорация судей, обращаясь к членам парламента, заявила так: если вы примете этот билль, мы не будем уже более знать, стоим ли мы на ногах или на голове. Но уже в середине XIX в. большинство правителей Европы считало делом совести не утверждать смертные приговоры.

Базируясь на приведённых и иных данных, лектор резюмирует: «Если мы с точки зрения современного права восстаём против смертной казни, то не потому, чтобы она противоречила каким бы то ни было высшим, незыблемым идеалам, а потому, что находим её в современном государстве, которое основывается на признании прав личности, во-первых, несовместной с этим основным принципом, и, во-вторых, вследствие этого и в высшей степени вредной с этической стороны. Если, напр., в теократии или в деспотии прогрессивная партия восстаёт против смертной казни, то она должна сознавать, что восстаёт не против смертной казни самой по себе как нарушения каких-то вечных законов или идеалов, а единственно как против одного из атрибутов существующего строя». Как современно всё это звучит для России, пережившей в XX в. «кровавое воскресенье» и солонки, две мировые войны и расстрел Белого дома! И в то же время надо признать, что пока ещё российское общество не преодолело «дурные страсти»; иначе чем, как не боязнь потерпеть фиаско, объяснить позицию руководства страны по отсрочке обращения к Федеральному Собранию относительно отмены в стране смертной казни? И что мы будем делать после введения суда присяжных на территории Чеченской республики и вынужденной отмены моратория на применение смертной казни, этой, по выражению Хетцеля, несправедливой, нецелесообразной, неразумной, бесчеловечной, безнравственной и не современной меры?

Телесные наказания. Лектор напоминает: если они и сохранились кое-где в законодательствах, то в новой литературе защиту их удаётся встретить весьма редко. А между тем совсем в недалёкое время, вплоть до отмены крепостного права на Руси, телесное наказание «было одним из главных факторов жизни» в помещичь-

ем хозяйстве, в деревенской общине, семье, школе, монастыре, полицейском управлении и, наконец, в российском законодательстве. Закон 1863 г., отменивший телесное наказание для женщин, вызвал целый ряд комичных недоразумений; десятки процессов показали, что не только крестьянское начальство, но и мировые посредники сплошь не знали ничего об этом законе, не хотели верить в его существование и наказывали женщин по-прежнему розгами. «Кто помнит крепостное право, тот поймёт всю естественность этих недоразумений», – поясняет Н. Д. Сергеевский. И далее: изменились условия жизни, пропали и те мотивы, которые вызвали когда-то эту форму наказания, она ныне сделалась несправедливой. Целые разряды преступлений, облагавшихся когда-то самыми строгими наказаниями, констатирует лектор, пропадают из уголовных кодексов; другие выступают на их место соответственно новым условиям жизни, новым воззрениям, новым потребностям. Они суть основания всякого запрета и всякого понятия преступления и наказания.

С высоты прошедших времён и современности эти выводы учёного предстают как достаточно зрелые и обоснованные, равно как и его замечание: вернись то время – вернётся и уголовное законодательство той поры. Подтверждений тому немало и поныне. Так, пусть и не в полном объёме, но вернулись, казалось бы, почившие в бозе навеки времена рабства, и как итог – даже в России появились уголовно-правовые нормы о торговле людьми, об использовании рабского труда (ст. 127¹, 127² УК РФ). И это в обществе, считающем себя цивилизованным, современным! А телесные наказания, членовредительство? Напомним, что, в частности, по действующему УК Республики Йемен за совершение преступлений применяются ныне такие наказания, как отсечение руки, четвертование, бичевание (удары плетью за прелюбодеяние и злоупотребление алкоголем), кисас (причинение того же характера телесного вреда, который нанесён пострадавшему)⁷⁷⁶; всё это соответствует существующему в стране укладу жизни, законам шариата.

В представлении лектора, позитивная разработка предмета уголовного права должна заключаться «ближайшим образом в

⁷⁷⁶ См.: Алави Абдулракиб Абдулмажид. Преступление и наказание по Уголовному кодексу Республики Йемен: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

изучении действующего положительного уголовного права, т. е. уголовного законодательства в тесном смысле... Это есть центр, около которого должна вращаться наука уголовного права». Вместе с тем автором признаётся, что наука одним действующим правом не может и не должна ограничиваться. С одной стороны, будучи отделённым от своего прошлого и от современности, он станет непонятным и мёртвым. С другой стороны, за исследованием *de lege lata* идёт исследование *de lege ferenda*, и здесь ограничиваться одним действующим законодательством нет возможности.

Сообразно этому необходимыми условиями для прогресса науки уголовного права, по мнению лектора, выступают:

1) национальное направление, в соответствии с которым российская наука должна иметь национальный характер. Грешим в этом вопросе более всех мы, русские, замечает Н. Д. Сергеевский, за что и подвергаемся вполне заслуженным порицаниям в западной Европе. В частности, многому – дурному и хорошему – научились мы от немцев, но не научились одному искусству: быть такими же русскими, какими немцы являются немцами. Золотые слова!

2) сравнительный метод. Чувство национального не означает, что русский криминалист должен ограничиться рамками отечественного права и закрыть глаза перед всем не русским. «Это значило бы из одной крайности удариться в другую, хотя и не худшую, но, во всяком случае, для науки права весьма вредную». Проповедовать национальную замкнутость – значит отрицать новейшую историю права и ставить на место реальной действительности свою собственную, может быть, произвольную утопию. Цивилизованным народам не суждена замкнутая жизнь, международные влияния проникают во все сферы, и игнорировать это мы не можем. Лектор обращает внимание на то, что «задача при пользовании чужеземным материалом заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет; он должен служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом подражания». Немцы и в этом отношении могут служить примером: гордые своей юридической литературой, они тем не менее весьма дорожат знанием права других государств;

3) наука уголовного права не может ограничиваться изучением только уголовно-правовых предписаний. Лишь немногие

положения кодекса самодостаточны; содержание многих из них невозможно понять без обращения к смежным отраслям, таким как гражданское или государственное право. Н. Д. Сергеевскому импонирует та мысль И. Я. Фойницкого, что все законы государства должны представлять собой единое целое, написанное одной рукой, одним языком; отделить уголовный закон от других областей права и рассматривать совершенно отдельно, изолированно было бы неправильным. Криминалист, ограничивающий свои занятия только уголовными законами, говорил он в своей лекции, изучает одну только форму, не касаясь содержания; он знает, как наказывает закон, но очень часто не будет знать, за что наказывает закон и что стремится он охранить своей карой.

И в этой части лектор вкупе с профессором Фойницким, безусловно, прав, хотя действительность нам даёт немало примеров иного характера. Так, Федеральный закон «Об оружии» 1996 г. к самостоятельным видам оружия относит, в частности, холодное и метательное. В противовес этому УК РФ 1996 г., устанавливая уголовную ответственность, говорит о незаконном сбыте или изготовлении холодного, *в том числе* метательного оружия (ст. 222, 223). Или: вопреки ст. 454 ГК РФ, ст. 127-1 УК в первоначальной редакции определяла торговлю людьми как «куплю-продажу человека либо его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение». Можно ли в таких случаях вести речь о едином целом, о написанном одной рукой тексте закона?

4) прошлое закона. По убеждению Н. Д. Сергеевского, наука уголовного права не может ограничиться действующим правом, оставив в стороне его прошлое, его историю. Необходимо проследить происхождение права, всю его генеалогию. Говоря об изучении старины, пояснял лектор, мы говорим не о возвращении к ней, а об исследовании в ней источников и корней настоящего. Ссылаясь на мнение Савиньи, он подчёркивал: не буква старого закона нужна нам, а дух его. Дух же можно понять только по старому тексту. Проследив происхождение известного института или законоположения, мы узнаём те условия, которые породили его и которые влияли на его развитие. В свою очередь, зная это, мы получаем возможность оценить его современное значение, получаем возможность решить: должно ли быть это законоположение сохранено или оно должно уступить

место другому как потерявшее своё жизненное основание вследствие изменившихся условий.

Следует признать справедливым высказанное лектором суждение: «Едва ли мы ошибёмся, если скажем, что всё развитие нашего уголовного законодательства, начиная с Петровской эпохи и даже до последних дней, пропитано тем противуисторическим и антинациональным духом, который так хорошо выразился в известном приёме Сперанского, который заказал немцу, никогда не бывавшему до того времени в России и почти не знавшему русского языка, сочинить для России новое уложение».

Занимая отрицательную позицию по отношению к натур-философии в науке уголовного права, лектор без достаточных к тому оснований, на наш взгляд, громит некоторые «более мелкие изобретения, которые вырастают и пропадают в доктрине как метеоры или, вернее, как мыльные пузыри, не оставляя после себя ничего, кроме недоразумений...». К числу таких «пузырей» – родных детей философии – он относит понятия прямого и косвенного умысла (*dolus generalis*, *dolus indirectus*), виды вины (*culpa*), теории уменьшенной вменяемости и т. п., которые, как известно всем современным юристам, доказали свою жизненность. Мы поэтому, напротив, считаем серьёзным достижением юриспруденции законоположения, сформулированные в ч. 1 ст. 24 УК РФ («Виновным в преступлении признаётся лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности») и ст. 25 УК («Преступлением, совершённым умышленно, признаётся деяние, совершённое с прямым или косвенным умыслом»), равно как и законодательную дефиницию «уменьшенной» вменяемости в ст. 22 УК. Речь в данных случаях идёт о законодательных конструкциях, навеянных, вопреки мнению Н. Д. Сергеевского, не исключительно вольнодумством сторонников философского направления в юриспруденции, а продиктованных самой жизнью, практикой. Так, выделение – в качестве относительно самостоятельного – прямого умысла важно для понимания стадии покушения (покушение возможно только с прямым умыслом), для надлежащей индивидуализации наказания (прямой умысел при прочих равных данных свидетельствует о большей общественной опасности содеянного виновным). Если преступление совершено с косвенным умыслом, содеянное квалифицируется по наступившему результату, а если с прямым – исходя из субъективной на-

правленности поведения виновного, т. е. виды умысла сказываются на процессе квалификации преступного поведения. Важное уголовно-правовое значение имеет и «уменьшенная» вменяемость, когда вменяемое лицо во время совершения преступления в силу психического расстройства не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения либо руководить им. Такое лицо, во-первых, как вменяемое лицо подлежит уголовной ответственности; во-вторых, сопровождавшее преступление психическое расстройство (не исключающее вменяемости) учитывается судом при назначении наказания; в-третьих, такое психическое расстройство может послужить основанием для назначения преступнику мер медицинского характера.

Впрочем, и сам Н. Д. Сергеевский признаёт, что сторонники философского направления в науке уголовного права также создают свои построения не из сугубо чистого разума, поскольку «разум не свободен и не творит сам из себя ничего». О правильности такого вывода свидетельствует легализация принципов уголовного права («принципов уголовной ответственности» – по терминологии современного законодателя, см. ч. 2 ст. 2 УК РФ). В период разработки и принятия ныне действующего Кодекса многие юристы, и прежде всего практические работники, выступали против включения в него норм о принципах, мотивируя своё неприятие прежде всего их абстрактностью, практической никчёмностью, «голым теоретизированием». В условиях серьёзного противодействия большинству разработчиков УК удалось отстоять позицию о необходимости не только закрепления в Кодексе определенного круга принципов, но и приведения их законодательных дефиниций (ст. 3–7). Другое дело, что в результате игнорирования принципов, и прежде всего, как это ни странно, в законотворческой деятельности, ожидаемого эффекта не удаётся достичь, а вносимые дополнения и изменения в уголовный закон носят нередко беспорядочный и противоречивый характер, превращая Кодекс в разноцветное лоскутное одеяло. Но в этом не вина закрепленных в уголовном законе принципов, а их беда, ибо неприменение или искажённое применение соответствующего законоположения лишает его жизненности, возможности эффективно воздействовать на процесс нормотворчества и правоприменения.

Исходя из вышеизложенного, представляется правильной умеренная позиция, в своё время проповедуемая А. Ф. Берне-

ром и его сторонниками. С одной стороны, теория не должна отрывать от жизни, от практики, равно как и закон не должен быть итогом «припадков субъективно-созидательных стремлений». В этой части лекторская позиция Н. Д. Сергеевского нам представляется безусловно правильной. С другой стороны, наука уголовного права, законодательство и практика не должны уподобляться червю, копающемуся в навозной куче. Верно замечено лектором: криминалист философского направления, как и позитивист, должен брать (и берёт) материал из эмпирических наблюдений; в то же время реальные отношения в обществе и внешние факторы должны осмысливаться и учитываться при издании и применении закона. К этой мысли в конечном счёте склоняется и сам лектор, говоря: «отрекаясь от философских направлений и приёмов, мы не считаем, однако, возможным ограничиться одним действующим уголовным законодательством и далее никуда не ходить и ничего не искать... Мы далеки от мысли стать на сторону этого направления, иначе говоря, превратить науку уголовного права в практический комментарий к кодексу. Философское направление – это великан, принесший много вреда и много хорошего; это – сила. Наоборот, комментаторское направление есть бессилие, прикрывающееся знаменем непосредственной, ближайшей пользы. У писателей философского направления среди самых чудовищных построений прорываются нередко в высшей степени меткие мысли, которые, сами по себе, получают большое значение и для теории, и для практики».

Мудрое и смелое признание учёным важности философского направления в науке уголовного права!

Основным научным трудом, который Н. Д. Сергеевский подготовил в период своей педагогической и исследовательской деятельности в Демидовском юридическом лицее, является его магистерская диссертация «О значении причинной связи в уголовном праве»⁷⁷⁷. Проблематикой причинной связи он на-

⁷⁷⁷ См.: Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. Ярославль, 1880. С. 1–130 (начало); Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 22. Ярославль, 1880. С. 131–193 (окончание). В дальнейшем при цитировании сохранена орфография и пунктуация Н. Д. Сергеевского, соответствующая времени написания им сочинения о причинной связи. От-

чал заниматься по совету профессора Н. С. Таганцева еще в 1872 г., и именно этой теме была посвящена диссертация Н. Д. Сергеевского на соискание степени кандидата наук.

Магистерская диссертация явилась, по признанию самого автора, «данью уважения ученика к учителю». Защита (диспут) данной диссертации состоялась в Санкт-Петербургском университете 21 апреля 1880 г. Официальными оппонентами выступили учитель соискателя Н. С. Таганцев и И. Я. Фойницкий, в качестве частного оппонента – Н. А. Неклюдов. Три оппонента – известные отечественные криминалисты, профессора – высоко оценили научное исследование Н. Д. Сергеевского и последнему была единогласно присуждена ученая степень магистра.

По словам автора, в своей магистерской диссертации он преследовал цель на основе имеющихся разработок по вопросу о причинной связи «сделать прогрессивный, объединяющий шаг в последовательной разработке предмета, шаг, от начала до конца основанный на том, что уже сделано раньше». Во введении работы Н. Д. Сергеевский показывает различия между, говоря современным языком, материальными и формальными составами преступлений. Здесь же он подчеркивает, что применительно к первого рода составам разрешению вопроса о вменении должно предшествовать «предварительное констатирование надлежащей связи между явлением, образующим собой нарушение нормы, и деятельностью лица, которому это нарушение вменяется»⁷⁷⁸. Однако, как признается сам автор, отыскание этой (причинной) связи не всегда легко и задачей теории является всесторонне исследование данного вопроса и выработка общих правил для судебной практики. В последующем на страницах своего сочинения Николай Дмитриевич с блеском решает поставленную задачу.

Согласно авторской концепции, причиной должно признаваться каждое условие из совокупности факторов, вызвавших явление. «Водород, кислород и огонь производят явление взрыва; для этого явления одинаково необходимы все три элемента, необходимо далее, чтоб они стали в известное соотношение и

метим, что анализируемый труд переиздан в наше время (см.: Сергеевский Н. Д. Избранные труды / Отв. ред. и автор биографического очерка А. И. Чучаев. М., 2008. С. 295–445).

⁷⁷⁸ Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. С. 7.

чтобы присущие им силы начали действовать. Мы не можем признать ни одного из них имеющим большее, сравнительно с другими, значение... Все эти силы будут условиями явления, все будут его причинами»⁷⁷⁹. Таким образом, ученый исходил из равноценности условий, породивших какое-либо явление и на этом основании критически относился к теориям, построенным на иных посылах (в частности, теориям «ближайшей причины», «адекватной причины», «исключительной причины»).

Однако для юридических наук, продолжает Н. Д. Сергеевский, «представляется вполне возможным признавать за причину только действия человека, все же остальное подводить под общее понятие необходимых условий и специальному рассмотрению не подвергать»⁷⁸⁰.

Отправной точкой авторской концепции причинной связи явилась теория необходимого условия, которая «представляет собой непоколебимое основание для всех дальнейших построений». Ввиду этого для установления искомой связи между действием человека и последствиями «следует только мысленно выделить это действие из всей суммы предшествующих фактов, и если окажется, что, несмотря на то, последствия наступили бы в том же порядке, то это значит, что последствия эти не могут быть приписаны обвиняемому; если же, напротив того, окажется, что за выделением действий обвиняемого результат не впоследствии бы или хотя бы и впоследствии, но не в том порядке, то это значит, что данное лицо есть причина происшедшего результата... Правило это ясно и просто; приложение его к конкретным случаям не представляет никаких затруднений»⁷⁸¹. Заметим, что Николай Дмитриевич отнюдь не являлся сторонником хорошо известной ему из немецких источников теории необходимого условия (*conditio sine qua non*). Он полагал, что эта теория является лишь основой, на которой должно строиться истинное учение о причинной связи.

Итак, причину, на его взгляд, следует искать среди всех человеческих действий, явившихся необходимыми условиями наступивших последствий. При этом способ действия – физическое или психическое воздействие – не влияет на решение дан-

⁷⁷⁹ Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. С. 21.

⁷⁸⁰ Там же. С. 24-25.

⁷⁸¹ Там же. С. 27.

ного вопроса. «Если я объявлю кому-либо, что при первой попытке его выйти из комнаты я прострелю ему голову, и если подобное заявление состоялось при обстоятельствах, побуждающих верить ему вполне, то разве это не будет точно такое же лишение свободы, как и то, которое достигается посредством замка и веревок?», – задает риторический вопрос ученый. Поэтому в работе делается вывод о том, что «причиной с точки зрения уголовного права может быть всякое действие человека, в какую бы форму оно ни облекалось»⁷⁸².

Однако при таком подходе причиной явления могут быть названы слишком многие человеческие действия, что, по мнению Н. Д. Сергеевского, неприемлемо. «Причиной смерти лица, например, умершего от простуды, будет и портной, сшивший ему холодное платье, и слуга, ошибочно уверивший его, что погода теплая, и извозчик, который слишком тихо вез его по улицам города в морозный день, и, наконец, он сам, надевший холодное платье в большой мороз. Причиной смерти лица, убитого выстрелом из пистолета, будет одинаково и оружейник, делавший пистолет, и то лицо, которое произвело выстрел... Все это совершенно справедливо: не шей портной дурного платья, не ошибись слуга в определении температуры, не будь на свете револьверов – все эти лица были бы живы. Но тем не менее для уголовного права это не имеет непосредственного значения. Ясно, что вменены могут быть далеко не все явления, стоящие в причинной связи с действиями человека... Мы не можем сказать, что человек ответственен за все те явления, для которых действия его являются причинами в установленном выше смысле. Для вменения недостаточно такой общей причинной связи: она необходима; но кроме нее необходимы и еще некоторые другие условия»⁷⁸³.

Эти рассуждения привели ярославского криминалиста к выводу о необходимости выделения двух причинных зависимостей явлений от деятельности человека, т. е. двух причинных связей: общей (логической) и специальной (уголовно-правовой). Поскольку вопрос о причинной связи ставится в связи с вопросом о вменении, постольку «для уголовного права

⁷⁸² Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. С. 35.

⁷⁸³ Там же. С. 37.

причинная связь между действиями и явлением имеет значение лишь настолько, насколько представляется возможность вменения этого явления субъекту этих действий; последствия, охватываемые причинной связью в общем смысле, далеко не могут быть охвачены вменением; те действия, соответствующие которым явления безусловно не подлежат вменению, не будут и причинами в смысле уголовного права»⁷⁸⁴.

Чем же, по мнению ученого, определяется область вменения? В работе дается исчерпывающий ответ на этот вопрос: необходимость субъективной виновности для вменения может быть признана общим и всеобъемлющим положением современного уголовного права, т. е. область вменения определяется *Dolus* (умыслом) и *Culpa* (неосторожностью): за этими пределами ученый не признает вменения. Субъективная виновность лица по отношению к последствиям его действий предполагает, что это лицо имело возможность предвидеть результаты своих действий. Отсюда Николай Дмитриевич приходит к выводу о том, что «причиной в смысле уголовного права должно считаться такое действие, которое, во-первых, является причиной в общем смысле для запрещенного явления, а во-вторых, совершалось при возможности предвидения этого явления, как последствия»⁷⁸⁵.

Обратим внимание, что с позиции обоснования уголовной ответственности рассматриваемый подход выстроен логично и последовательно. В нем четко и понятно сведены в единое целое объективные и субъективные условия ответственности за причинение вреда, что для дореволюционного периода развития правовой доктрины являлось прогрессивным шагом. Нетрудно видеть, однако, что Н. Д. Сергеевский внес в понимание причинной связи в уголовном праве элемент вины, и на этом основании по праву признается одним из основоположников теории виновной причинности⁷⁸⁶.

Вполне закономерна поэтому, на наш взгляд, и критика данной теории, которая строится на недопустимости смешения причинной связи как объективной категории с виной – катего-

⁷⁸⁴ Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. С. 38.

⁷⁸⁵ Там же. С. 45.

⁷⁸⁶ См., напр.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 175; Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 126.

рией субъективной. Кстати, основоположник теории *conditio sine qua non* немецкий ученый Круг еще в 1855 г. указывал на недопустимость такого смешения: «В уголовном праве должны быть разделены вопрос о виновности и вопрос факта, внутренняя причинная связь и внешняя... Эти две стороны должны быть рассмотрены отдельно»⁷⁸⁷.

Вместе с тем уязвимость концепции причинной связи, предложенной Н. Д. Сергеевским, нисколько не умаляет теоретического и практического значения его работы. Внеся в трактовку причинной связи элемент вины, ученый плодотворно потрудился над разработкой не только объективных составляющих причинной связи, но и субъективного ее элемента. В частности, он всесторонне изучил вопрос о том, что значит «предвидеть явление» и «когда мы можем предвидеть явление». Очевидно, что решать данный вопрос юристам приходится независимо от того, какой теории причинной связи они придерживаются, поскольку без предвидения (либо его возможности) не мыслима уголовная ответственность. К сожалению, это обстоятельство нередко упускается из виду при оценке рассматриваемого научного труда и в итоге «остается за кадром» масса ценных положений, разработанных виднейшим дореволюционным криминалистом.

По мнению Н. Д. Сергеевского, мы одинаково можем предвидеть явление только тогда, когда знаем соответствующую ему комбинацию предыдущих сил и факторов. Не зная этой комбинации, нет возможности предвидеть явление точно так же, как, не сознавая своей деятельности, нельзя предвидеть ее последствий. Вне такого предвидения явлений существует лишь вера или доверие, в смысле уверенности в правдивости того источника, из которого черпаются наши сведения, а затем следует область простых желаний. Мы не предвидим нашей будущей жизни, а только верим. Железнодорожный строитель может отлично знать, что всякая дорога дает известный процент несчастных случаев; но предвидеть эти несчастные случаи он может только тогда, когда построит дурной мост или положит негодные шпалы.

Исходя из этого, предвидение, по мнению Н. Д. Сергеевского, означает осознание лицом комбинации предыдущего, од-

⁷⁸⁷ Цит по.: Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. С. 30.

ним из членов которой служат его собственные действия. При этом нельзя утверждать, что лицо предвидело последствие, если последнее произойдет из другой комбинации, которой лицо это не предвидело, хотя в состав ее и входили его действия. Обоснованность данных положений подкрепляется в рассматриваемом сочинении разнообразными жизненными примерами. Так, один человек дает яд другому в пищу с намерением его отравить, но последний, по несчастному случаю, подавился первым куском отравленной пищи и умер. Автор справедливо отмечает, что в данной ситуации предвидения нет, поскольку лицо не осознавало новый и неожиданный элемент комбинации – то обстоятельство, что потерпевший подавится куском пищи. Значит, не имеется и причинной связи, а следовательно, не мыслима ответственность за оконченное убийство⁷⁸⁸.

Анализируя вопросы виновности, ученый делает еще один крайне важный вывод, актуальный до сих пор: «Признавая предвидение или его возможность необходимым условием вменения человеку последствий его деятельности как преступлений, мы можем и должны требовать предвидения *всех тех черт или сторон явления, которые входят в состав преступления... Предвидение каждой черты, входящей в состав преступления, безусловно необходимо*»⁷⁸⁹ (*курсив наш* – авторы монографии). Обратим внимание, сколь современно звучат эти слова и насколько точно передают они истинное содержание принципа вины (ст. 5 УК РФ).

Далее автор доказывает, что сформулированная им концепция причинной связи подлежит применению независимо от степени осложнения в развитии явления, независимо от числа промежуточных фактов, сил и событий. Никакая сила из входящих в комбинацию, сколь бы самостоятельна она ни была, не может прерывать причинной связи, если только действующий предусматривал ее присоединение к комбинации или мог и должен был это предусмотреть, а следовательно, и предвидеть последствие. Например, кто-либо наносит другому рану. Раненый попадает в госпиталь, где господствует больничная лихорадка, и он от нее умирает. Смерть лица может быть вменена

⁷⁸⁸ См.: Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 21. С. 45.

⁷⁸⁹ Там же. С. 50.

действующему только тогда, когда он предвидел или мог предвидеть эту привступающую силу. Это положение применимо и к случаям присоединения человеческой деятельности к развитию явления. Так, нянька кладет ребенка на ночь в постель к пьяному отцу: она может и должна предвидеть, что пьяный задушит ребенка; возможно, что она прямо на это рассчитывает.

Серьезной критике подвергнуты в магистерской диссертации попытки некоторых правоведов, в том числе германских, провести различия между алгоритмом установления причинной связи в зависимости от формы вины. Положения причиной связи одинаковы, по мнению дореволюционного правоведа, как для *Dolus*, так и для *Culpa*. Устанавливать какие-либо особые условия для причинной связи при вменении за *Culpa* не представляется ни малейших оснований. *Dolus* и *Culpa* суть две видовые формы родового понятия виновности и проводить между ними какое-либо различие в вопросах причинной связи являлось бы высшим произволом.

Обстоятельно рассмотрев все основные вопросы причинной связи в уголовном праве и четко обрисовав свою концепцию, Н. Д. Сергеевский в последующих частях магистерской диссертации приложил данную концепцию к различным видам и подвидам человеческого поведения (по современной терминологии – действию, бездействию и их разновидностям), а также проиллюстрировал действие своей теории на примере мошенничества. Выводы, которые он сделал при этом, представляют немалую теоретическую и практическую ценность.

Так, автор убедительно доказывает наличие причинной связи между бездействием и неблагоприятными последствиями. Например, ситуация, когда доктор не лечит больного и допускает его смерть, обоснованно расценивается в работе как причинение смерти. Однако если совершение соответствующего действия оказалось бы малопрепятствующим условием для наступления результата, то причинная связь отсутствует. Например, управляющий порохострельными работами на руднике не подал сигнал проезжему остановиться за указанной чертой, экипаж тяжело нагружен, дорога идет круто под гору, и лошади не могут сдержать его. В итоге проезжий погибает при взрыве. Выясняется, что проезжий погиб бы во всяком случае, хотя бы и был предупрежден об опасности. По мнению Н. Д. Сергеевского, в такого рода ситуациях бездействие не

имеет никакого влияния на возникновение последствия: «Причинная зависимость уничтожается во всех тех случаях преступного бездействия, в которых совершение препятствующего действия не имело бы никакого эффекта и последствие возникло бы своим порядком без малейшей задержки»⁷⁹⁰. Здесь хорошо заметно, что «объективный элемент» в структуре причинной связи ученым последовательно устанавливает посредством теории *conditio sine qua non*.

Немалый научный интерес представляют рассуждения автора о единстве действия как необходимом условии вменения. Речь идет о ситуациях – весьма частых в обыденной жизни, – когда какое-либо последствие вызвано рядом действий, порой не совпадающих во времени. Разновидностью таких ситуаций являются продолжаемые преступления. Критериями, которые определяют водораздел между отдельными действиями (в частности, отдельными преступлениями) и едиными действиями (в том числе продолжаемыми деликтами), являются, по мнению ярославского криминалиста, следующие моменты: время; прекращение всякой связи между человеком и тем, что им сделано; нарушение единства в способе действия; различие субъективного настроения в отдельных актах.

Рассматриваемая проблема злободневна по сей день, наиболее остро она стоит при квалификации отдельных эпизодов экономических преступлений. При этом наблюдается дефицит в современных рекомендациях по вопросам разграничения совокупности и продолжаемых преступлений. В этой связи суждения Н. Д. Сергеевского по данной проблеме, отличающиеся добротной проработкой, заслуживают самого пристального внимания. Так, относительно времени как одного из критериев он указывал: «Сколь бы ни были отдалены друг от друга по времени отдельные акты, они связываются воедино, если они проникнуты одним субъективным настроением и составляют осуществление одного плана»⁷⁹¹. В качестве иллюстрации данного тезиса в работе приведены следующие примеры. А. нападает на Б., бьет его, наносит раны и отнимает имущество – разбой как одно действие. А. нападает на Б., наносит раны; через

⁷⁹⁰ См.: Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 21. С. 123.

⁷⁹¹ Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 22. С. 159.

несколько дней приходит и похищает его имущество, пользуясь его слабостью. Два действия и, сообразно тому, два преступления: нанесение телесного повреждения и грабеж или кража. Автор работы предлагает соединить эти действия субъективным моментом, т. е. представить себе, что они составляют осуществление одного плана, и, по его мнению, мы опять будем иметь одно действие и одно преступление, т. е. разбой.

В тексте рассматриваемого научного труда содержатся и многие другие положения, которые представляют несомненный теоретический и прикладной интерес: о видах уголовно-правовых норм, подвидах действия и бездействия, соучастии, формах мошеннического обмана и т. д. Характерно, что большинство выводов, сделанных Н. Д. Сергеевским, не утратило актуальности по сей день.

В сочинении о причинной связи Николай Дмитриевич продемонстрировал незаурядный кругозор не только в области юриспруденции, но и в сфере других отраслей знаний (философии, физики и т. д.). При анализе работы обращает на себя внимание также глубина проработки существующих источников по исследуемой проблематике. По сей день ни одно исследование о причинной связи не превзошло работу Н. Д. Сергеевского по части обширнейшего анализа зарубежных источников XIX в.: и законодательных, и теоретических – работ Круга, Бури, Листа, Биндинга, Миттермайера, Майера, Хорна, Глазера, Шварце, Гейера, Пфицера и др. (а ведь большинство теорий причинной связи зародилось именно в немецкой уголовно-правовой литературе того периода).

Магистерская диссертация ярославского криминалиста вызвала в доктрине бурную дискуссию о причинной связи. Были опубликованы отзывы официальных оппонентов Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкого, в которых маститые ученые излагали собственные воззрения на предмет исследования, отличавшиеся от позиции соискателя степени магистра. Подробно освещалась концепция Н. Д. Сергеевского и в советское время. Наконец, в наше время ни одна специальная работа по данной проблематике не обходится без ссылок на первое монографическое исследование о причинной связи в науке российского уголовного права. Все это свидетельствует о глубоком вкладе, который внес отечественный ученый в уголовно-правовую доктрину,

подготовив обстоятельное и актуальное по сей день исследование о причинной связи.

В следующей своей работе «Лишение жизни как уголовное наказание»⁷⁹² Н. Д. Сергеевский продолжает разговор по теме, затронутой во Вводной лекции. «Науки общественные и юридические, – пишет он, – знают во множестве такие вопросы, которые никогда не могут потерять своего значения, которые из века в век привлекают к себе критическую мысль человека и останутся, так сказать, вечно новыми...»

В ряду вопросов такого рода едва ли не первое место занимает вопрос о том явлении нашей государственной жизни, которое принято называть смертной казнью и которое состоит в лишении жизни одного гражданина силой всех прочих граждан за совершенное им нарушение установленного порядка общежития. Ещё в прошлом столетии выдвинут он наукой и жизнью, но и до наших дней остаётся неразрешённым. Исследований написано сотни; потрачена масса труда; но старый вопрос остаётся открытым: допустима ли смертная казнь? Может ли, должна ли она занимать место в лестнице уголовных наказаний?»

По мнению автора, ошибка, в силу которой сохраняется рознь между юристами по данному вопросу, заключается в самом методе исследования. Для человека, знакомого с историей вопроса, «вся задача – найти её, выяснить и поставить исследование на ту точку, которая может обещать ему плодотворный результат... Жизнь не ждёт; поэтому-то не только дозволительно, но и безусловно необходимо, чтобы каждый, кто только может, вносил свою лепту в общую сокровищницу науки, не стесняясь её незначительностью, но руководствуясь той мыслью, что всякая попытка пробить новый путь, даже самая неудачная и самая незначительная, принесёт свою пользу, если только она ведена добросовестно и имела одну цель – интересы науки».

Н. Д. Сергеевский делает краткий обзор литературы, имеющей прямое отношение к рассматриваемому вопросу, упоминая труды Хетцеля, Хазе и Каплера⁷⁹³. Особое место он отводит книге профессора Кистяковского⁷⁹⁴, называя её класси-

⁷⁹² Юридический вестник. Ярославль, 1879. Кн. 6. С. 829–860.

⁷⁹³ Hetzel. Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung, 1870; Hase. Vom Justiz-Morde, 1826; Kappler. Handbuch der Literatur des Criminalrechts, 1838.

⁷⁹⁴ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867.

ческим исследованием, в котором «отличным образом сведено всё то из сказанного о смертной казни, что заслуживает внимания». Отдавая должное этим сочинениям, автор оговаривается, что ограничится лишь анализом общей постановки вопроса, уделяя авторское внимание только тому, что не было достаточно выяснено или что подавалось под неверным освещением.

Почему, задаётся вопросом учёный, дискуссия о смертной казни возникла только с конца XVIII – начала XIX в., а ранее она не вызывала особых рассуждений и тем более сомнений? Потому что ранее, особенно в древнем мире, считает он, она не воспринималась в качестве уголовного наказания, а являлась естественным средством истребления вредных и опасных людей, представление же о ней как об уголовном наказании отходило далеко на задний план. И даже позднее, в эпохи политических неурядиц, в государствах Европы смертная казнь использовалась как средство истребления неугодных людей, независимо от их преступности и виновности, а как наказание она применялась в широких размерах, была явлением ординарным и общепризнанным, самым обыкновенным и наиболее часто применяемым.

Автор обращает внимание на ту особенность, что, когда институт смертной казни сделался предметом горячего спора и борьбы, исследователи не задавались вопросом, откуда возникла реакция против этой карательной меры, что заставило людей отнестись критически к данной мере, существовавшей в обществе тысячи лет, а законодателей – приступить к изгнанию смертной казни из уголовных кодексов.

В статье последовательно проанализированы два направления исследования проблемы смертной казни в уголовном праве.

Первое из них – философско-метафизическое, которое автору представляется ошибочным, бесперспективным. Ошибочные выводы данного направления видятся Н. Д. Сергеевскому в ненадлежащем методе исследования, избранном сторонниками этого направления. «Вместо того, чтобы начать работу с исследований положительных, они задалась разрешением чисто метафизических вопросов: имеет ли государство право на отнятие жизни у гражданина вообще? Имеет ли право сам человек отказываться от жизни (для теорий общественного договора)? Нарушима или ненарушима жизнь человека? Соответствует ли смертная казнь христианской религии? Справедлива ли смерт-

ная казнь, соответствует ли она вечному закону справедливости или врождённой человеку идее, справедливости? и т. д. и т. д.».

Автор статьи считает такую постановку бесплодной, о чём свидетельствует опыт целого столетия, и приводит прежде всего тот аргумент, что на подобные темы можно вести спор до бесконечности и всё-таки не прийти ни к какому позитивному результату.

Так, метафизики говорят о ненарушимости жизни. Между тем ещё А. Ф. Кистяковский отмечал: нужно совершенно забыть целые тысячи лет жизни народов, чтобы решиться утверждать, что жизнь человеческая свята и ненарушима⁷⁹⁵. Или: ссылаются на глас народа, требующий будто бы крови за кровь, жизни за жизнь. Даже если бы всё было так, это ещё не доказательство правоты. Вновь делается ссылка на А. Ф. Кистяковского: «не придёт же никому в голову руководствоваться народными воззрениями в вопросах о налогах, о кредите, о вращении солнца, о ведьмах, о колдунах»⁷⁹⁶. Да и при констатации того, что народ не требует крови за кровь, противники смертной казни также не обогатились бы лишним доказательством своей правоты. Сторонники философского направления, отмечает автор статьи, обосновывают применение смертной казни воздаянием равного за равное, логичностью этой меры за убийство. Н. Д. Сергеевский аргументировано возражает против такого утверждения. Во-первых, убийства никогда не бывают равными. Во-вторых, «и смертная казнь не представляет равенства: для одного человека она является источником мучений, далеко превышающих всякие представления; для другого – бывает нередко лишь поводом к отвратительным фарсам и бравоуству; для третьего – торжеством мученического венца». Если говорить в целом о требовании соответствия наказания преступлению, то и здесь не всё гладко, ибо очевидно, что каторжные работы не равны убийству, тюрьма не равна краже, денежный штраф не равен нарушению полицейских правил и т. д. Столь же ущербно соображение, что смертная казнь как институт установлена самим Богом, что он основывается на Библии и на Евангелии, на догматах христианской религии, что для спасения души может и должна быть допущена погибель

⁷⁹⁵ См.: Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. С. 39.

⁷⁹⁶ Там же. С. 76.

тела. Но почему же, ставит вопрос автор, никто не вздумал обосновать наказание розгами и плетью на слове Божьем? Иначе, как пустословием, изложенные выше рассуждения философов автор научной статьи не называет.

Вместе с тем, как и во вступительной лекции 1878 г., Н. Д. Сергеевский делает реверанс в сторону философского направления, заявляя: «Мы не хотим этим осуждать бесповоротно и безусловно доктрину философского направления; мы хотим лишь указать на бесплодность этого направления в применении к вопросам уголовного права вообще и к смертной казни в частности. Наоборот, философско-метафизические приёмы бывают неизбежны и необходимы в те эпохи, когда человечество стремится к прогрессу, но недостаток позитивных знаний не даёт возможности строить положительные программы. Едва ли мы ошибёмся, если назовём с этой точки зрения философско-метафизические порывы одним из лучших проявлений человеческого духа и неизбежной ступенью во всяком прогрессивном повороте». Сладкая приправа к горькой пилюле! Думается, философское осмысление реальной действительности необходимо, оно позволяет, в соответствующей мере абстрагируясь от конкретных фактов, выдвинуть научные гипотезы, нуждающиеся, разумеется, в соответствующей проверке и привязке к практике.

Затем автор научной статьи переходит к анализу второго направления (именуемого им английским), замечая, что бесплодность философского подхода к предмету исследования уже давно осознана лучшими умами человечества, в том числе в 1793 г. Ч. Беккариа, стоявшим «вполне на философско-метафизической почве». Он выдвинул для оценки смертной казни соображения иного рода, вытекающие из категорий целесообразности и полезности. У этого взгляда нашлись сторонники, число которых постоянно возрастает; «соображения интереса и целесообразности – вот тот критерий, который принимается для оценки смертной казни как уголовного наказания», пишет автор статьи. Обращается внимание на то, что английская школа, ставшая (за немногими исключениями) господствующей в теории уголовного права), опирается на опыт, практику, что придаёт ей противоположный характер относительно философско-метафизического направления. С позиции полезности и целесообразности смертной казни представители английской школы задаются рядом вопросов: 1) устрашает эта мера или не устра-

шает; 2) уменьшает она число преступлений или, может быть, увеличивает; 3) способна она подавить тот вид преступления, за который назначается, или, может быть, способна увеличить? При ответе на данные вопросы сторонники и противники смертной казни опирались на эмпирические данные, «опытные наблюдения». Приводились и дополнительные доводы. Так, защитники смертной казни указывали на а) надёжность этой меры как средства защиты общества и б) её дешевизну. Противники ссылались на то, что а) данная мера поддерживает грубые инстинкты в народе и б) она невознагражима (неустранима) в случае судебной ошибки.

Н. Д. Сергеевский приходит к выводу, что и данное направление не может дать прямого ответа на вопрос, должна ли смертная казнь занимать место в лестнице наказаний. Его суждения опираются на ряд доводов.

Во-первых, из приводимых учёными английской школы опытных данных с бесспорностью не следует, что рассматриваемая мера во всех случаях достигает своих целей – устрашения и снижения массы преступлений. В одних случаях это наблюдается, но в других – нет. Рядом наблюдений доказано, что с отменой смертной казни число преступлений не увеличивается, а в некоторых случаях даже уменьшается. Заставляет задуматься и такой факт: по наблюдениям бристольского священника Робертса, из 167 человек, которых он напутствовал на смертную казнь, 161 бывали прежде зрителями при исполнении публичной смертной казни.

Весьма к месту приводится мысль профессора Кистяковского, что очень может быть и даже вероятно следующее: «не потому совершается больше преступлений в известных странах, что там часто прибегают к смертной казни, а наоборот: потому там часто прибегают к смертной казни, что много совершается преступлений»⁷⁹⁷. Уголовная политика современной России наглядно подтверждает это утверждение, хотя и (в условиях моратория на применение смертной казни) косвенным путём: санкции многих статей УК РФ ужесточаются, а доля лишаемых свободы лиц не уменьшается по мотивам роста преступности в целом и определенных категорий преступлений в частности.

⁷⁹⁷ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. С.47.

Во-вторых, как резонно замечает автор научной статьи, если бы даже было доказано, что смертная казнь вовсе не устрашает и не уменьшает число преступлений, то и тогда нет веских доводов против существования этой меры. Ведь тюремное заключение тоже не устрашает (о чём свидетельствует высокий уровень рецидива) и весьма вероятно тоже не уменьшает числа преступлений, равным образом как и денежный штраф. Однако на этом основании ещё никто не ратовал за отмену тюремного заключения и денежного штрафа.

В-третьих, бесспорные плюсы смертной казни также не дают возможности прийти к однозначному решению.

Так, приводят тот довод, что данная мера служит лучшей защитой общества от преступников. Всё это так. Но, основываясь на подобном соображении, целесообразно предусмотреть её за преступления, которые отличаются свойством повторяемости, то есть в первую очередь за преступления против собственности; однако с этим не согласится даже самый ярый защитник смертной казни.

Или говорят: смертная казнь дешева, дешевле всех других видов наказания. И это совершенно верно. Но парирует автор «содержание, напр., зверинцев стоит несравненно дороже тюрьмы, почему же никто не предлагает перебить зверей из экономии? Или, может быть, жизнь заморского зверя ценится дороже человеческой? Если речь заходит о сокращении государственных расходов, то не разумнее ли было бы обратить внимание на некоторые другие статьи в государственном бюджете, прежде чем предлагать такую странную, чтобы не сказать более, экономию».

Соображения противников рассматриваемой меры столь же неубедительны. Говорят: это наказание поддерживает в народе грубые инстинкты. Но война, замечает автор, поддерживает такие инстинкты ещё в большей степени. Или: смертная казнь невознаградима, не имеет пути назад. Но и телесное наказание, тюремное заключение тоже невознаградимы; один денежный штраф вознаградим, да и то не всегда. То, что раз свершилось, не может сделаться не бывшим.

В-четвёртых, «оценка той или другой карательной меры с точки зрения её целесообразности или нецелесообразности далеко не решает дела». Имеет место, по мнению учёного, смешение понятий, а именно: целей отдельных карательных мер

(целей наказания) и целей (назначения) всего уголовного правосудия. Целями последнего всегда выступают охрана и поддержание правового порядка посредством осуждения нарушающих его деяний. Цели же отдельных наказаний могут быть различны: устрашение, исправление и т. д. «Нетрудно видеть, что достижение общей цели уголовного правосудия не находится в безусловной зависимости от достижения специальных целей отдельных карательных мер: эти последние цели очень часто не достигаются, но из этого ещё не следует, чтобы и общая цель – охранение правового порядка – тоже не достигалась». Автор иллюстрирует свою мысль следующими примерами. 1). Недалеко ушло то время, когда наказания базировались на одной цели – устрашения. Эта цель не достигалась, но тем не менее нельзя сказать, что уголовное правосудие в ту эпоху не выполняло своего назначения. 2). Ни одно из существующих наказаний не достигает своей специальной цели: ссылка не делает из преступника полезного гражданина и, вместо колонизации ненаселённого края, служит источником всевозможных бедствий для местных жителей; каторжные работы вместо дохода приносят государству убыток; тюрьма вместо исправительного заведения является школой разврата и преступления; рабочий дом – домом безделья и т. д. «Более яркого примера нецелесообразности карательных мер, – пишет учёный, – искать трудно; однако можем ли мы сказать, основываясь исключительно на этой нецелесообразности, что правовой порядок в России дурно охраняется, что уголовное правосудие не исполняет своего общего назначения?». Существует также ряд наказаний (денежные штрафы, кратковременное лишение свободы и т. п.), которые не имеют и не могут иметь никаких специальных целей, а между тем они служат общей цели уголовного правосудия не хуже всех остальных и являются поэтому вполне уместными в лестнице наказаний.

Как считает Н. Д. Сергеевский, когда не достигаются *цели отдельных наказаний*, это вызывает известные экономические и административные затруднения для государства и возможно – рецидив, повторение преступлений. Когда же не достигается *общая цель правосудия*, «разрушается правовой порядок, государство разлагается и должно по необходимости замениться другим строем».

Различны и условия эффективности тех и других целей. Так, целесообразная организация карательных мер зависит от условий экономических, от государственного строя, от степени образованности граждан и т. д., то есть «от всей совокупности культурно-исторических условий места и времени»; сам выбор целей – от совокупности культурно-исторических условий. Достижение же общей цели уголовного правосудия «остаётся всегда неизменной» и зависит, во-первых, от реализации принципа неотвратимости («чтобы ни один виновный не избегнул суда») и, во-вторых, от последовательного проведения в жизнь принципа субъективного вменения («ни один невиновный не был наказан без вины»). Чем меньше процент отступлений, тем мы ближе к достижению целей.

Отсюда последователен тот вывод, к которому склоняется автор статьи: оценка карательной меры с точки зрения её целесообразности не предрешает вопроса о её пригодности (или непригодности) в уголовном правосудии, о её допустимости (или недопустимости) в лестнице наказаний. Сказанное вполне приложимо и к смертной казни: если бы даже было установлено, что она ни одной из целей наказания не достигает, то и тогда не было бы достаточных оснований требовать отмены этой карательной меры. Оставаясь последовательными, мы должны были бы «уничтожить и тюрьмы и изобрести такое гомеопатическое наказание, которое заменило бы и эшафот и всё прочее»⁷⁹⁸. С другой стороны, и установление полезности смертной казни для достижения целей наказания – недостаточный аргумент уместности и необходимости её в системе наказаний.

Нельзя отказать автору статьи в логичности его суждений, как и в резюмируемом им положении о том, что исследования английской школы остались столь же безрезультатны относительно судьбы смертной казни (должна ли она сохраняться в лестнице наказаний), как и рассуждения философско-метафизические. В то же время им признаётся, что представители английской школы «дали нам массу выводов, относящихся к анализу института смертной казни с точки зрения социологической...».

Причину неудач обеих школ (философско-метафизической и английской) Н. Д. Сергеевский усматривает в использовании ненадлежащего метода: обособлении (изолировании) смертной

⁷⁹⁸ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. С. 50.

казни среди прочих видов наказания при выборе предмета исследования, признании её чем-то особенным. В итоге учёные этих школ ставили вопрос: имеет ли государство право лишать жизни своих граждан, не задавая другой вопрос, а вправе ли государство лишать граждан свободы или стеснять её? Отсекать человеку руку или ногу или отрезать язык давно признали невозможным, но почему же считают возможным отрезать язык вместе с головой?

Рассмотрение смертной казни как «нечто совершенно особого» автор статьи считает «коренной ошибкой». «Отрешаясь от всяких предвзятых мыслей и предрассудков и становясь на почву положительной науки, мы должны, полагает автор, неуклонно исходить именно из того положения, что смертная казнь, лишение жизни преступника есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке, по одним общим правилам и на основании одних и тех же критериев».

Что же предлагает учёный взамен критериев, которыми пользовались представители двух других направлений? Он предлагает исходить из того факта, что карательные меры в обществе не представляют собой чего-либо постоянного и неизменного, они не могут оцениваться вне условий места и времени. Нельзя отсюда утверждать, что то или иное наказание безусловно недопустимо и непригодно ни для какой-либо эпохи и ни для какой-то страны. Что в одну эпоху является уместным, нормальным и правомерным (та же смертная казнь), в другое время выглядит недопустимым, нецелесообразным и бесчеловечным.

Главнейших условий два.

1. Господствующее в соответствующую эпоху воззрение на личность человека и гражданина. Был период, когда человека принимали за вещь, за расходный материал и т. п.; настали времена, когда личность всё более оказывается в центре внимания и заботы государства и общества. «Степень уважения личности, человека как таковой, с одной стороны, и размер заботливости государства об этой личности – с другой, – вот те факторы, которые главнейшим образом определяют собой организацию института наказания в каждом государстве, на каждой ступени его развития. Уважение личности заставляет ограничивать по возможности вред и страдания, причиняемые человеку; начало го-

сударственных забот и попечения о личности, хотя бы и преступной, влагает в наказание различные цели».

2. Рядом с этим условием и в ближайшей связи с ним в процессе исторического развития народов вырабатывается и второе условие, оказывающее на физиономию наказаний не меньшее влияние: «Постепенная культура смягчает характер человека, развивает в нём нравственные начала над животными, в тесном смысле, побуждениями некультурного человека. То, что прежде доставляло человеку чувственное удовольствие, возмущает теперь его душу; то, что прежде казалось нормальным и естественным, противоречит теперь этическому чувству, оскорбляет нравственность». Начала гуманности пронизали всю жизнь человека и стали его постоянными, повседневными, практическими принципами. Кровавое зрелище, в том числе и при исполнении смертной казни, уже кажется отвратительным; страдания человека, хотя бы и совершившего преступление, вызывают сожаление. Немалую роль в этом играет и религия: «гуманизировав человека, христианская религия должна была мало-помалу гуманизировать наказание или, по крайней мере, способствовать этому»⁷⁹⁹.

Упомянутые выше два условия Н. Д. Сергеевский проиллюстрировал на примере развития института смертной казни. Последняя в государствах классического мира, равно как и при теократии и деспотии, была вполне правомерна и уместна, естественна и проста, ибо человек как таковой был предметом права собственности, вещь, тягловой силой, скотом. Его живое тело можно было употребить для вскармливания рыб; вывести для потехи на арену с мечом в руке, чтобы он зарезал себе подобного; заставить погибать ради выгод и удовольствия земного владыки. Не было мотивов беречь жизнь и личность человека, а следовательно, не могло существовать тех соображений или чувств, которыми руководствуемся мы ныне.

В обществе, основанном на идее личности человека, всё наоборот: государство существует для людей, а не люди для государства. Достижение максимальных условий материального, умственного и духовного благосостояния граждан – вот цель госу-

⁷⁹⁹ Те же начала формирования лестницы наказаний определялись автором в его вводной лекции по уголовному праву (Журнал гражданского и уголовного права. 1879. № 1).

дарства. Выше личности человека нет ничего; «она есть отправной пункт и центр, около которого вращается вся государственная деятельность. Поэтому общим и основным принципом для нового государства является охранение жизни граждан». Если в прежнем государстве смертная казнь была, по общему правилу, допустима и, следовательно, могла применяться беспрепятственно (хотя бы ради её дешевизны), то в новом, наоборот, она в принципе недопустима и, следовательно, «для применения её в каждом отдельном случае нужно доказать её безусловную необходимость: это же последнее, очевидно, невозможно».

Остаётся удивляться прозорливости автора статьи, основательности его суждений. В то же время не оставляет чувство горечи, что прошло без малого полтора века, а воз, как говорится, и ныне там. По-прежнему не утихают споры о судьбе смертной казни, а в числе доводов за и против немало и тех, по которым, как катком, «прошёлся» писчей ручкой маститый учёный – Н. Д. Сергеевский.

В этом свете заслуживает быть упомянутым ещё одно сравнение, используемое в теории уголовного права поныне: говорят, что смертная казнь легче долголетнего, а тем более пожизненного лишения свободы, она есть акт милосердия к личности преступника. Мотив далеко не новый, известный со времён Сергеевского, писавшего по этому поводу: «Смешно и вместе с тем горько слушать подобные возражения: человек, которому раз отрубили голову, не воскреснет и второй жизнью жить не будет. Кто мешает осуждённому самому лишиться себя жизни, если бы он предпочёл такой исход? Гвоздь, осколок стекла, даже булавка суть орудия, для этой цели вполне достаточные. Далее, кто измерит те физические и психические страдания, которые испытывает казнимый? По новейшим исследованиям отрубленная голова живёт, сознаёт и чувствует от 10 до 40 секунд. Что думает эта голова, глядя на своё собственное туловище? За всем тем остаётся почти неизбежный страх смерти, превышающий всякие физические страдания».

Вывод автора статьи из вышесказанного категоричен: смертная казнь противоречит всей природе современного человека, как физической, так и психической. «Она или поражает его страхом и ужасом, или заставляет разыгрываться в нём самые дурные, животные страсти, те именно страсти, уничтожение которых есть главная задача всей культуры человечества».

Помимо упомянутых этических черт, автор статьи обращает внимание ещё и на «общее политическое значение» смертной казни. Она «неизбежно возбуждает представление, что жизнь человека не есть что-либо неприкосновенное, но что, наоборот, она может быть приносима в жертву соображениям высшей важности. Применяя смертную казнь, сам законодатель указывает на то, что жизнь человека не есть преграда при достижении высших целей». И далее: «Каково может быть практическое применение подобного принципа, понятно всякому. Едва ли мы ошибёмся, если скажем, что с этой точки зрения смертная казнь есть одно из самых деморализующих и растлевающих народную совесть учреждений. Теория политических убийств – вот результат применений смертной казни в наше время; эта же теория, скажем необинуясь, есть одно из позорнейших явлений XIX в.». Добавим: и века двадцатого. Период массовых репрессий и казней 1920–1930-х гг. в России – нагляднейшее тому подтверждение.

Н. Д. Сергеевский приводит слова Бисмарка, сказанные в своё время в защиту смертной казни; нет никакого основания сохранять жизнь преступникам в то время, когда сотни и тысячи людей честных гибнут на войне, в рудниках, на фабриках, от голода, бедности и т. д. Автор статьи едко замечает: налицо параллель между смертной казнью и привилегированными способами лишения жизни сотен и тысяч честных людей. Из этих слов канцлера, по мнению учёного, напрашивается другой вывод: смертная казнь, бывшая когда-то нормальным учреждением, сделалась болезненным явлением в нашу эпоху. «Не наступит ли когда-нибудь время, когда и к этим способам лишения жизни граждан, которые кажутся ныне нормальными, отнесутся так же, как ныне к смертной казни?» Хочется надеяться, что так оно в конечном счёте и будет: войны люди признают варварским способом снятия межгосударственных и межнациональных противоречий, смерть граждан от голода и недоедания отнесут на счёт преступного правительства, от которого надо как можно скорее избавиться, предав его суду, и т. д.

Отдавая должное научному исследованию профессора Кистяковского, в котором многое «исполнено образцово», автор статьи не оставил без внимания слабые моменты этого важного труда, которые подвигли автора на подготовку статьи. Суть их видится в том, что А. Ф. Кистяковский «не сказал в своём сочи-

нении последнего слова по возбуждённому вопросу», допустил определённую непоследовательность в ряде мест книги, решая отдельные вопросы чисто метафизическим путём. Так, в числе доводов против смертной казни в исследовании фигурирует соображение, что она уничтожает возможность покаяния грешника, лишает небо радости и доставляет радость «иным силам»; что человек «от природы» чувствует отвращение к убийству. Если бы было иначе, он был бы хуже лютого зверя». Человек «от природы» вовсе не чувствует отвращения к убийству, резонно возражает автор статьи, а наоборот, «с полным удовольствием съедает убитого врага». И далее: не от природы чувствует человек отвращение к убийству, а потому, что культура выработала в нём это чувство. Вызывает несогласие у автора статьи и ещё одно утверждение: «Странно строить силу нравственного порядка на казнях ..., на этом фундаменте не может существовать ни одно общество»⁸⁰⁰. Такие общества были, существуют и, вероятно, долгое время будут существовать, парирует Н. Д. Сергеевский.

Внимательное изучение научных положений небольшого по объёму труда профессора Сергеевского убеждает читателя в том, что перед ним одно из великолепнейших по содержанию и форме исследований, главное достоинство которого видится в строгой логичности изложения материала и завершенности исследования, предлагаемых в итоге читателю выводов. Автор желал бы считать свою статью «маленьким продолжением» большого труда профессора Фойницкого. Продолжение же получилось весьма ёмким и многозначным, за что читатель и наука уголовного права не могут не быть глубоко благодарны Н. Д. Сергеевскому. Приводя заключительные слова исследования Хетцеля о том, что смертная казнь а) несправедлива, б) нецелесообразна, в) неразумна, г) бесчеловечна, д) безнравственна и е) несовременна, автор статьи сохраняет лишь две составляющие: несовременность и бесчеловечность смертной казни, отражая тем самым квинтэссенцию идеи, суть последней.

Первые труды Николая Дмитриевича Сергеевского, выпущенные в Демидовском юридическом лицее, были посвящены проблемам уголовного судопроизводства. Работы «Основные начала и формы уголовного процесса» и «О суде присяжных»,

⁸⁰⁰ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. С. 41, 47, 66.

опубликованные в книге 9 Временника Демидовского юридического лица в 1875 г., продолжают представлять для нас научный и практический интерес.

Вступительная лекция на тему «Основные начала и формы уголовного процесса» была прочитана ученым 27 ноября 1874 г. и впоследствии издана. Основной целью лекции являлось выяснение основных принципов уголовного процесса, их исторического развития, взаимного соотношения и зависимости, без чего, по мнению ученого, невозможно изучение курса судопроизводства.

В рамках данной работы автором были сформулированы несколько основных начал уголовного процесса. Основываясь на утверждении о том, что целью государства является охрана правового порядка, Н. Д. Сергеевский приходит к выводу, что преступление как нарушение правопорядка должно вызывать самостоятельную деятельность государства, не зависящую от соизволения частных лиц или от их призыва государству на помощь. Инициатива преследования преступлений должна исходить всегда от государства независимо от воли пострадавшего лица.

Из этого основного положения вытекает следующее: начав преследование от своего лица, государство должно стремиться к определению материальной истины, а потому не может в дальнейшем производстве по делу ограничиться тем, что представят стороны. Достигнуть материальной истины оно может только путем собственной деятельности, направленной на определение с возможной точностью фактических отношений и обстоятельств правонарушения. Таким образом, уголовное правосудие от начала и до конца проводится самим государством независимо от кого бы то ни было из частных лиц, заинтересованных в деле, «не обращая никакого внимания на то, что лицо, пострадавшее от преступления, желает прекратить преследование, не имеет средств доказать факт совершения, или лицо, обвиняемое по своей оплошности или нежеланию, не опровергает взведенных на него неправильных обвинений или даже усиливает их».

Продолжая рассуждения, ученый формулирует третье основное положение: государство, «как организм правового порядка, имеет не только право, но и обязанность, и не только нравственную, но и юридическую, отправлять правосудие, судить и наказывать преступников».

Названные основные положения образуют в своем единстве принцип уголовного процесса, который Н. Д. Сергеевский предлагает именовать «общественно-обязательным началом», *Officialmaxime*. В современном уголовном судопроизводстве рассматриваемые тезисы входят в содержание принципа публичности.

Совершенно обратное начало – начало Свободного определения, *Dispositionsmaxime* – пронизывает гражданский процесс. В области частных прав, по мнению автора, деятельность государства ограничивается заботой о том, чтобы каждому лицу была гарантирована полная свобода пользования своими правами, была гарантирована безопасность этих прав от посягательства посторонних лиц, а также обеспечены средства для защиты их прав. Ученый замечает, что «вмешательство государства без призыва потерпевшего лица с целью заглавить нарушение частного права было бы посягательством на свободу, признанную государством в этой области, было бы поэтому нарушением справедливости и правового порядка». Однако господство этого начала приводит к тому, что в решении гражданского суда заключается лишь формальная истина, в противоположность истине материальной, составляющей цель уголовного процесса.

В то же время, отмечает Н. Д. Сергеевский, существует целый разряд преступлений, преследование которых покоится на начале Свободного определения. Это так называемые преступления частные, в которых государство не усматривает нарушения общественных интересов; они представляют лишь нарушение интересов и прав частного лица, являясь для общества или безразличными, или «задевая его интересы весьма мало», например, оскорбления чести частных лиц. В делах этого рода должно быть признано полное господство начала Свободного определения относительно инициативы преследования и всего ведения процесса: отказ от жалобы, прощение или примирение, на каком бы этапе процесса оно ни последовало, должно влечь прекращение процесса.

От частных преступлений необходимо отличать публично-частные преступления, инициатива производства по которым зависит от пострадавшего лица, но если жалоба уже заявлена, то государство ведет весь процесс от своего лица, руководствуясь началом общественно-обязательным. Автор объясняет, что государство не начинает само преследование публично-частных

преступлений потому, что «преследование их влечет за собой неминуемо оглашение факта, которое может быть весьма вредно и, во всяком случае, нежелательно лицу пострадавшему».

Два основных начала уголовного процесса определяют существование двух форм уголовного процесса: соответствующая началу Свободного определения – обвинительно-состязательная форма и соответствующая началу общественно-обязательному – следственная форма.

Характеризуя обвинительно-состязательную форму, Н. Д. Сергеевский отмечает, что каждый момент производства по делу зависит от произвола сторон, как в гражданском процессе. Частное лицо или представитель власти при преступлениях, направленных непосредственно против интересов этой власти, обладает правом, но не обязанностью преследовать преступление, а потому его отказ от жалобы влечет за собой прекращение процесса.

Суд, в свою очередь, выслушивает доводы обеих сторон и их возражения, названных сторонами свидетелей и, устранившись от всякого влияния на ход состязания, постановляет приговор, основанный на тех фактах, обстоятельствах и доводах, которые представлены сторонами, и не выходящий за пределы жалобы.

Следственная форма отличается тем, что и инициатива, и ведение процесса передаются в руки суда как единственного органа, уполномоченного осуществлять правосудие. Материал, необходимый для судебного приговора, «все, что служит за и против подозреваемого», собирается путем официального исследования, путем следствия, производимого органами судебной власти. При этом судебная власть, собирая справки и доказательства, действует независимо от виновного и пострадавшего с целью достижения материальной истины.

Соответственно, замечает Н. Д. Сергеевский, органы, производящие следствие, отделяются от суда, постановляющего приговор, так как в своей деятельности следственный орган часто может быть предвзят, относясь слишком мягко или слишком сурово к обвиняемому. Кроме того, следствие является предметом для судебного обсуждения и последнее не могло бы быть беспристрастно, если бы было поручено одному и тому же лицу.

Ученый поднимает актуальную и на сегодняшний день проблему ограничения прав лиц при производстве по уголовному делу. Он пишет о том, что «развитие прав личности по от-

ношению к государственной власти стоит в обратном пропорциональном отношении к строгости мер и средств следствия. Следствие есть, во всяком случае, вред по отношению к лицу, ему подвергающемуся, в особенности, когда лицо это невиновно. Справедливость и уважение гражданской свободы требует, чтобы этот вред не был причиняем без достаточных к тому оснований». Наиболее заботящимся о сохранении прав личности автор признает английское право, в котором ограничение свободы личности допускается лишь на основании судебного предписания, выданного компетентным лицом в надлежащей форме.

Н. Д. Сергеевский критически оценивает возникший в XIV в. и дошедший до полного развития к XVIII в. инквизиционный процесс, который немецкие юристы справедливо называют пародией на следственный процесс. В этой форме одно и то же лицо являлось и обвинителем от имени государства, и следователем, и судьей; оно же должно было заботиться и о правах обвиняемого, так как защитник не допускался. К числу недостатков инквизиционного процесса ученый отнес, в частности, полное преобладание государства над отдельной личностью и полное бесправие этой личности, а также бесконтрольность следователя, являющегося одновременно судьей.

Историческое развитие обусловило возникновение иной формы процесса, «которая представляла бы полную гарантию личности обвиняемого и поставила бы суд в возможность постановлять приговоры, действительно соответствующие материальной истине, а следовательно, справедливости и правовому порядку». Такая форма была составлена из соединения форм обвинительно-состязательной и следственной, причем в ее основу было положено общественно-обязательное начало.

Эта новая форма, по мнению Н. Д. Сергеевского, может быть названа следственно-состязательной; она освобождает суд от исполнения двух несовместимых ролей – преследователя и защитника обвиняемого. При производстве по делу в этой форме со стороны государства, на котором лежит обязанность преследования преступлений, выступает прокуратура; другой стороной является обвиняемый и его защитник, который должен находиться в отношении полной равноправности с представителем государства (прокурором). Между этими двумя сторонами, но выше их должен стоять беспристрастный суд, который

действует с единственной целью достигнуть материальной истины, не служа ни обвинению, ни защите. Ученый обращает внимание, что ни прокуратура, ни суд не должны быть подчинены ни прямо, ни косвенно административной власти, а прокуратура, в свою очередь, должна быть подчинена суду и не должна иметь над обвиняемым никакой самостоятельной власти. Кроме того, с точки зрения ученого, наряду с государственными обвинителями все частные лица должны иметь право возбуждать уголовное преследование по всем делам, не ограничиваясь теми случаями, когда они оказываются пострадавшими от преступления, так как каждый член общества должен иметь право заботиться о сохранении правового порядка.

Таким образом, уже в 70-е гг. XIX в. прогрессивный русский ученый придавал огромное значение принципу состязательности, определяющему построение современного российского уголовного процесса.

Работа «О суде присяжных» является извлечением из курса лекций по уголовному судопроизводству для студентов Демидовского юридического лица и также представляет большой интерес. В этом труде рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся природы суда присяжных как общественного института правосудия, принципов и форм участия народа в его отправлении, определенных «Учреждением судебных установлений» и «Уставом уголовного судопроизводства». Ценно то, что автором проводится сопоставление действующего в России суда общественной совести с аналогичными учреждениями Западной Европы и Северной Америки, послуживших образцом для отцов Судебной реформы 1864 г.

Исследуя задачи и значение суда присяжных, Н. Д. Сергеевский говорит о том, что решение вопроса о виновности лица не зависит от права, для этого не требуется знания определений закона, а достаточно «иметь здравый смысл и желание отнестись к разбираемому делу внимательно, взвесив все обстоятельства, как субъективные, лежащие в личности обвиняемого, так и объективные». Это положение создает возможность существования этого института, но в суде присяжных существует и необходимость. Ученый верно отмечает, что закон по существу своему представляет консервативный элемент в правовой жизни народа, он весьма часто не поспевает за прогрессом, перестает удовлетворять потребностям жизни или да-

же противоречит им. «Для приложения положительного права к современной жизни необходим институт, который сообщал бы ему гибкость, ... являлся бы справедливой нормой для каждой новой жизненной комбинации». Гибкость эту может дать лишь такое учреждение, которое в своем составе имеет общественный, жизненный элемент, то есть суд присяжных.

Признавая за судом присяжных значение выразителя народного правосознания, Н. Д. Сергеевский считает вполне нормальным явлением отрицание ими чуждых народной жизни уголовных законов. Автор указывает на значительное число уголовно наказуемых деяний, которые народным правосознанием не воспринимаются как общественно опасные и остаются без применения. Среди этих деяний похищение свечи, поставленной в паникадило в церкви или в часовне, караемое по статье 222 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» каторжными работами на срок от 4 до 6 лет. Даже самых религиозных присяжных, замечает Н. Д. Сергеевский, покоробит жестокость предусмотренного этим законом наказания. Они, полагает ученый, могут проявить сочувствие к детоубийце, оказавшейся в состоянии отчаяния и безысходности.

Кроме того, рассуждает автор, судья изо дня в день сталкивается с преступниками и в нем постепенно притупляется чувство сострадания к падшему человеку; в каждом преступнике он начинает видеть простой объект для приложения наказания. Рассматривая обстоятельства дела, судья обязан подвести частный случай под общую норму закона, вследствие чего, чем искуснее судья становится в применении закона, тем одностороннее определяет он деяния; «навык облегчает ему решение юридического вопроса». Тогда как присяжные «могут самым полным и беспристрастным образом разрешить вопрос о факте и о виновности; впечатлительность их не притупляется привычкой к ремеслу; они могут беспристрастно сопоставить и интерес общественный, и интерес лица подсудимого».

Проводя ретроспективный и сравнительный анализ деятельности института суда присяжных в Англии, Северной Америке и Франции, Н. Д. Сергеевский выделяет характерные их черты, достоинства и недостатки. Признавая суд присяжных в Великобритании «самобытным, неподражательным учреждением», автор отмечает, что в этой стране смотрят на присяжных скорее как на судей, которые обязаны решать дело по закону. Однако не

каждый англичанин, замечает автор, может привлекаться к отпращиванию правосудия, а лишь удовлетворяющий определенному имущественному цензу. В Америке, напротив, демократические начала, представление о равенстве всех граждан не допускают, чтобы выбор в присяжные зависел от имущественного ценза. В то же время закон определяет нравственные требования, которым должен удовлетворять присяжный. Автор отмечает, что весьма широко применяется в американской системе право отвода присяжных без объяснения мотивов, а право отвода с объяснением причин безгранично. Но и в Америке суд присяжных не свободен от недостатков: на беспристрастность судей из народа оказывают влияние господство религиозных, социальных и политических партий; «разноплеменность населения, имеющая часто своим последствием враждебное отношение представителей различных национальностей».

Существенный недостаток французского уголовного процесса Н. Д. Сергеевский видит в чрезмерном развитии прокурорского надзора. Прокурор имеет в процессе такие права, вследствие которых он может иметь большое влияние на присяжных и может склонить их к произнесению обвинительного вердикта. «Во французском процессе вся заботливость прокурора ... направлена к тому, чтобы с самого начала выставить подсудимого виновным и показать, что, судя по прежнему образу жизни, он вполне способен совершить и то преступление, в котором обвиняется. Понятно, что такой порядок может легко ввести присяжных в заблуждение».

Переходя к характеристике суда присяжных в России, ученый замечает, что по внешней форме он создавался по французскому образцу, «но внутреннее его значение стоит выше французского», несмотря на то, что круг лиц, призываемых к отправлению должности присяжного, уже. Однако, по мнению автора, «это ограничение вызвано вполне разумным намерением законодателя составить суд присяжных из лиц развитых и пользующихся общественным доверием». Отвергнув теорию формальных доказательств, наше законодательство не одобрило «французской системы всеведения присяжных, основанного на безотчетных впечатлениях». Большое значение Н. Д. Сергеевский придает роли и значению председателя суда в процессе, который, по мнению ученого, должен назначаться из числа наиболее сведущих, образованных и опытных лиц. Это позволит пред-

седателю давать присяжным надлежащие объяснения о том, «с какою осмотрительностью надлежит определять силу каждого из приведенных по делу доказательств» и каким образом из одних известных и не подлежащих сомнению обстоятельств можно прийти к заключению о наличии других, менее достоверных. Ученый приходит к выводу, что «русское законодательство 1864 г., организуя суд присяжных, желало соединить внешнюю стройность, систематичность и полноту французского права с внутренними достоинствами порядка английского, руководствуясь при этом данными, добытыми наукой права». Значительное внимание в работе было уделено рассмотрению систем большинства и единогласия при постановлении вердиктов. У русского ученого-юриста сложилось критическое отношение к англо-американской системе единогласия присяжных. В течение столетий, отмечает он, присяжных принуждали к единогласию различными насильственными мерами и наказаниями. Неприемлемость системы единогласия ученый усматривает в тех случаях, когда преступное деяние, вследствие укоренившейся привычки, представляется по взгляду меньшинства безразличным. Так может обстоять дело с отношением к взяточничеству в тех странах, где в течение десятков лет должностные лица воспринимают получение взяток как норму жизни. Это преступление при системе единогласия рискует остаться безнаказанным, так как в составе присутствия присяжных может оказаться хотя бы одно лицо, убеждения которого позволяют ему не видеть в получении взятки ничего преступного.

Н. Д. Сергеевский считает совершенно правильным закрепление в российском законодательстве системы большинства по ряду причин. Во-первых, ни один из поставленных перед присяжными вопросов не представляет такой простоты и ясности, чтобы мог быть разрешен ими всегда единогласно. Во-вторых, с его точки зрения, разногласие при разрешении вопроса о преступности деяния есть естественное последствие прогрессивного развития общества. Тогда как «единодушное всеми членами общества решение вопроса о том, подходит ли данное деяние под понятие преступления, нарушает ли оно правовой порядок, есть только желательный, но едва ли достижимый во всех случаях идеал, к которому может стремиться человеческое общежитие...». В-третьих, решение вопроса о виновности большинством голосов правильно потому, что в мнении большинства находит

выражение общественное правосознание, полагает ученый, но и в его связи с тем, что «внутренне убеждение присяжных должно вырабатываться путем анализа и оценки доказательств, а не основываться на предполагаемом инстинкте правды и истины». Кроме того, по мнению автора, решение большинства столь же справедливо, как и решение единогласное.

Заметим, что в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве признаваемая ученым-юристом идея вынесения вердикта большинством голосов трансформировалась: согласно положениям УПК РФ 2001 г. при обсуждении поставленных перед ними вопросов присяжные должны стремиться к принятию единодушных решений и только при недостижении согласия в течение 3 часов могут выносить решение путем голосования.

Как и большинство русских юристов, Н. Д. Сергеевский относится критически к бюрократическим коррективам, нацеленным на ослабление силы института присяжных, на сужение сферы участия представителей общественной совести в отправлении правосудия. «...Десять лет, протекших со времени издания Судебных Уставов, – констатирует он, – принесли с собою многое чуждое духу первоначальных постановлений». Но ученый уверен в том, что никакими бюрократическими усилиями невозможно свести на нет дело великой реформы. «Каких размеров могут достигнуть эти отступления, – пишет Н. Д. Сергеевский, – насколько разойдется позднейшее направление с направлением 1864 года, решить трудно – это дело будущего; но начала, положенные в основание судебных уставов, останутся всегда единственно истинными и правильными началами уголовного процесса, пока не изменится весь строй человеческого общежития и вместе с ним взгляд на преступление».

В том же 1879 г. в «Юридическом вестнике» вышла третья научная работа, посвящённая проблемам уголовного права⁸⁰¹. В этой статье, невеликой по объёму, был затронут дискутировавшийся в те времена вопрос о соотношении науки, которая много позднее стала именоваться криминологией, и уголовным правом. Существовали две диаметрально противоположные позиции: одни

⁸⁰¹ Сергеевский Н. Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки (задача науки уголовного права) // Юридический вестник. 1879. Кн. 12. С. 887–904.

юристы считали, что набирающая силу криминальная социология должна стать самостоятельной отраслью знаний (в числе их был и Н. Д. Сергеевский), а другие считали, что эти две науки сольются под эгидой уголовного права.

Прежде чем рассмотреть вопрос по существу, автор статьи напоминает замечательные слова А. Ф. Бернера, писавшего в своём учебнике, что на входных воротах излагаемой науки должно быть прежде всего написано её понятие. Лицо, приступающее к занятиям какой-либо наукой, должно тот час же ориентироваться в ней и обезопасить себя от неправильного на неё взгляда.

Уместность этого высказывания выдающегося криминалиста не вызывает сомнений, поскольку, как правильно замечает Н. Д. Сергеевский, для юридических наук оно имеет особое значение, так как относительно их задач, содержания и методов высказывается масса сомнений, в том числе и в среде специалистов. К наукам юридическим предъявляются требования, которых они разрешить не в состоянии. А отсюда неправильное отношение общества к юридической науке, бесплодная «трата сил и времени на занятия».

Сказанное в полной мере касается и доктрины уголовного права: ей принадлежит чуть ли не первое место по числу ошибок, начиная от построения философско-метафизических систем и кончая низведением науки до уровня комментаторства уголовного закона, с одной стороны, и возведения её в ранг медицины и патологии – с другой. И всё это – из-за путаницы её предмета, задачи и содержания.

В этой связи автором статьи подвергается анализу несколько теорий. Первая из них касается упомянутой выше социологии в приложении к уголовному праву. Традиционно считается, что уголовное правоведение – это одна из юридических наук, которая имеет своим предметом преступление и наказание. Как писал А. Ф. Кистяковский, «задача уголовного права состоит в исследовании, обобщении и систематизации понятий, относящихся до преступлений и наказаний...»⁸⁰². Этим определяется, замечает Н. Д. Сергеевский, содержание уголовного права как науки юридической. Она даёт представление, во-первых, об от-

⁸⁰² Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875. С. 1.

дельном виде преступления и, во-вторых, заключает в себе учение об уголовном законе и учение о наказании.

Нетрудно, однако, видеть, что на тот же предмет – преступление и наказание – можно смотреть и с иной точки зрения: как на явление социальной жизни, подчиняющейся законам этой жизни так же, как и всякое другое явление. Преступление – явление, управляемое известными законами. Несомненно, например, что политическое устройство страны, религия, общественные и семейные отношения людей в государстве, их умственное и экономическое положение, привычки, потребности и т. д. в своей совокупности управляют возникновением, количеством и распределением преступлений. Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что голодный год, злоупотребления в администрации повлекут за собой вскорости же увеличение преступлений⁸⁰³. Известна фраза Кетле, говорившего, что преступление есть своего рода подать, которую выплачивает каждый народ с не меньшей аккуратностью, как и обыкновенную подать.

Отсюда, полагает автор статьи, определение места преступления в социальной жизни, исследование причин возникновения посягательств и т. д. столь же естественны, как и относительно рождаемости, браков, эмиграции, оплаты труда и т. п. То же самое можно сказать и относительно наказания: являясь последствием преступления, для социолога оно предстаёт таким явлением, которое, наподобие военной службы, отвлекает рабочие руки от производительного труда, влечёт перемещение людей из одной местности в другую, создание новых бытовых институтов – тюремной общины, каторжной артели и т. д.

Исследования в этом русле и преступления, и наказания в высшей степени полезны, дают немалую пищу для размышлений и законодателю, и практике, и науке, являются «одним из главных руководств для организации предупредительной деятельности в широком смысле». Известно, например, что умножение потребностей, спроса без соответствующего увеличения средств к их удовлетворению напрямую ведёт к умножению преступлений.

⁸⁰³ За примерами недалеко ходить и в наше время: кризисное состояние современного общества, безработица, ржавчина коррупции дают о себе знать ростом числа преступлений. Лишь искажая статистику, можно создать видимость благополучия в стране.

Вопрос, однако, в другом: преступление и наказание – это предмет двух различных исследований: юридического и социологического, либо одного, совокупного исследования? Дело в том, что бытует мнение: социологическое исследование рано или поздно должно войти в науку уголовного права, соединиться с ним, стать его частью, ибо уголовное право ныне само по себе – это схоластика, и узкоюридическая сторона вопроса лишена живого интереса; поэтому ему необходима подпитка в виде уголовной статистики, исследований социальной направленности. Впереди учения о наказании должно стоять изучение причин преступности. «Я считаю положительно неверным взгляд на уголовное право как на науку, изучающую только преступление и налагаемое за него наказание, – приводит автор статьи слова М. В. Духовского. – ... Уголовное право занимается исследованием того явления в общественном строе, которое называлось и называется преступлением. Исследуя это явление, наука, конечно, не могла не заметить с первого же взгляда, что преступление есть явление аномальное, а поэтому, сообразно с общей задачей, принятой на себя науками общественными, уголовное право должно было приступить к исследованию этого аномального явления и к указанию чрез это средство для его искоренения»⁸⁰⁴. Цитируемый учёный сравнивал уголовное право с медициной: последняя должна изучить болезнь, причины её и указать средства, которыми можно было бы предотвратить появление болезни. И только тогда, когда эти средства окажутся недействительными, медицина должна указать лекарство, чтобы залечить открывшуюся рану. То же самое и в уголовном праве: преступление есть болезнь, порождаемая недостатками государственного и общественного строя, а уголовное право поэтому может быть уподоблено медицине. Наука уголовного права, изучая преступление, должна указывать государству средства его предупреждения. Таким виделась этому ярославскому учёному (М. В. Духовскому) задача науки уголовного права: он ставил социологическое исследование на первый план, оставляя юридическое позади – ни об анализе со-

⁸⁰⁴ Духовской М. В. Задача науки уголовного права: Вступительная лекция. 3 октября 1872 // Временник Демидовского юридического лицея. Вып. 4. 1873. С. 251.

става преступления, ни об изучении действующего права и его истории М. В. Духовским не говорится ни слова.

Автор статьи с этим решительно не согласен. По его разумению, «оба направления имеют совершенно самостоятельное значение, а следовательно, и одинаковую важность как всякая отрасль человеческого ведения». Но если для судьи большую значимость имеет юридическое исследование, то для администратора в широком смысле – социологическое. Верно ли, задаётся вопросом автор статьи, считать преступление болезнью, возникающей из недостатков общественного строя, и нельзя ли, излечив, исправив общественный строй от его недостатков, тем самым уничтожить и преступления?

Прежде всего, понятие болезни неприменимо к целой массе преступлений: разве побег из тюрьмы, незаконное оставление отечества, отказ от православной веры, недоносительство и т. д. – результат болезни или сама болезнь? Или: почему преступление есть болезнь, а гражданское правонарушение, так называемая гражданская неправда, болезнью не является? А если является, то тогда и оно окажется своего рода медициной и должно заняться исследованием социальных причин гражданских правонарушений.

Н. Д. Сергеевский убедительно доказывает, что понятие болезни ничего общего не имеет с понятием преступления. Во-первых, преступление – явление изменчивое: то, «что сегодня считается преступлением и облагается наказанием, завтра может оказаться безразличным с точки зрения уголовного права, и наоборот. Между тем болезнь всегда остаётся одним и тем же: расстройство желудка, зубная боль, вывих всегда были, есть и будут болезнями». Во-вторых, можем ли мы категорически утверждать, что преступление суть порождение недостатков общественного строя? Откуда же тогда берутся убийства из ревности, мести, с целью сокрытия следов преступления? То же самое – преступления против собственности, которые, как принято говорить, порождаются неправильным распределением богатств. Очевидно, доля истины в этом есть. Но представим себе экономический строй, пишет автор статьи, совершенно противоположный нашему, а именно базирующийся на евангельской или коммунистической общности имущества: «разве этот строй не даст нам точно так же, как и современный, преступлений против законов о собственности, только с обратным

содержанием? Доказательством служат монастыри и религиозные общества, не допускающие частной собственности: в них преступления этого рода так же часты, как у нас кражи, мошенничества и т. д.». Любая реформа общества, даже самая благотворительная, всякий переворот вызывают рост преступлений на более или менее продолжительное время, пока общественная жизнь не войдёт в постоянные рамки, не уляжется, пока новые потребности не найдут себе соответствующих средств удовлетворения.

Периоды первоначального накопления капитала на диком Западе, «прихватизации» в России – наглядное подтверждение вышесказанному.

В основе преступности – в представлении Н. Д. Сергеевского – лежат коллизии интересов. Поэтому на вопрос: возможно ли и при каких условиях полное отсутствие преступлений в обществе? – автор статьи отвечает так: возможно, если иссякнет источник коллизий. Но тогда прекратится и всякое движение в обществе. «Возможно ли такое состояние человечества? Мы думаем – нет!». И далее: «Мы не можем вовсе сказать, что с прогрессом человечества должны уменьшиться преступления; они будут видоизменяться, распределяться иначе – это не подлежит сомнению; но предполагать их уменьшение мы не имеем никаких данных: чем дальше пойдёт прогресс, тем многочисленнее будут случаи коллизии частного интереса с общим и, следовательно, тем обильнее будет источник преступлений. Если говорить гадательно, то в будущем мы можем с большей вероятностью ожидать увеличения преступлений, чем уменьшения их; но для положительного решения этого вопроса мы не имеем достаточно данных».

И вновь приходится во многом соглашаться с маститым учёным: наблюдается быстрый рост экономических, компьютерных и транспортных преступлений, совершаемых не невеждами, а зачастую людьми весьма образованными и с хорошим материальным достатком.

Ещё большее неприятие у автора статьи вызвали взгляды немецкого криминалиста Вальберга. Вместо широкого социологического исследования тот выдвигает в качестве ведущей экономической теорию объяснения причин преступления и наказания, стремится придать уголовному праву политико-экономическую окраску. Сообразно этой теории преступление

объявляется деянием «экономически вредным», а наказание – «возмещением экономического убытка», причиненного преступлением частным лицам и государству. Эти положения, по его мнению, должны были лечь в основу всей науки уголовного права. Не подлежит сомнению тот факт, пишет Н. Д. Сергеевский, что исследование преступления и наказания с экономической точки зрения вполне допустимо. Но такое исследование будет отражать лишь одну сторону того явления, которое именуется социологией. И не более того. «Сравнение преступления с причинением убытка, а наказания с платежом является, – как считает автор статьи, – во-первых, совершенно произвольным, а во-вторых, и совершенно бессодержательным, так как идея полного уравнивания преступления с наказанием, говоря простыми словами, – принцип материального или формального талиона, – представляется в современном праве не более, как диалектическим оборотом или риторической фигурой, а между тем начало талионного возмездия есть единственный вывод, который можно сделать из всего того, что говорит Вальберг об экономической точке зрения и экономической оценке преступления».

Что же касается соединения социологического и юридического исследований в рамках одной науки, автор статьи считает такое неправильным, ввиду различий в их методе и цели. Применительно к уголовному праву предмет их, очевидно, совпадает – преступление и наказание. Но цели и методы – разные.

Так, *цель* юридического исследования прямо вытекает из его задач (по Кистяковскому – исследование, обобщение и систематизация понятий, относящихся к преступлению и наказанию), она тройкая: во-первых дать руководство *судебной практике* для подведения частных, в жизни встречающихся случаев под общее правило, выраженное в форме закона; во-вторых, дать руководство *законодателю* к более правильному построению этого закона, чтобы он мог охватывать в своих общих определениях частные случаи действительности; в-третьих, посредством изучения *истории* уголовного права дать ключ к пониманию и оценке действующего уголовного права в его целом и частностях.

Напротив, социологическое исследование не имеет таких целей; социолог стремится к одному: определить значение и место преступления в ряду других явлений социальной жизни, «следовательно, стремится к разрешению задачи, общей всем

социологическим изысканиям: проследить и формулировать законы развития человеческого общежития. Этим кончается задача социолога; добытые им положения принимаются другими науками, имеющими практические цели, за отправные точки, за руководство для дальнейших рассуждений в известном, специальном направлении – уголовным правом (как юридической наукой), полицейским правом, финансовым правом, наукой судопроизводства и т. д., даже медициной, сельским хозяйством и проч.». Уголовное право также берёт положения, добытые психологией, физиологией. В такой связи находятся между собой все науки, но это не отождествляет их задач и целей.

Не менее рельефно различаются между собой и *методы*, замечает автор статьи. Юридическое исследование принимает за отправную точку преступление как родовое понятие; взяв, например, предметом своего исследования кражу, юрист занимается определением состава этого преступления, рассмотрением истории его развития, выяснением его отношения к нормам гражданского права и т. д. Далее, переходя к частностям, юрист определит состав отдельных видов кражи: со взломом, ночной, домашней (квартирной) и т. д., а потом займётся анализом каждого из тех видов. Социолог, наоборот, и здесь будет иметь дело с большими числами: он покажет соотношение количества этих видов в стране, постарается отыскать причину такого соотношения, продемонстрирует бытовое и экономическое значение семейной кражи и конокрадства и т. д.

Особо обращено автором статьи внимание на то, что социологическое исследование должно служить основанием выделения квалифицированных видов преступлений: «здесь юрист возьмёт положение, добытое путём социологического исследования». В этой связи заметим, что современная уголовно-правовая наука выработала критерии отнесения определенного рода обстоятельств к категории квалифицирующих, исходя из их содержания. Первое и самое общее правило вытекает из понятия квалифицирующих признаков: лишь существенный перепад в уровне общественной опасности деяния (по сравнению с зафиксированным в основном составе преступления) даёт основание для конструирования разновидности состава. Но помимо этой, главной, необходима совокупность ещё ряда черт, среди которых видное место занимает следующая криминологическая особенность: фактическая или вероятностная распро-

страненность на практике данного более опасного варианта преступного поведения («типичность»). Под этим подразумевается их свойственность, характерность для отражаемого в квалифицированном составе вида преступления. Например, совершение деяния посредством симуляции болезни характерно для деяний, именуемых уклонением от призыва на военную службу, и у законодателя были основания для выделения в ст. 80 УК РСФСР 1960 г. квалифицированного вида уклонения. Но такой способ мыслим лишь в единичных случаях применительно к многим другим видам посягательств, описанных в Особенной части Кодекса. Поэтому данное обстоятельство не нашло себе места в других уголовно-правовых нормах. То же самое можно было бы проиллюстрировать на примере таких признаков, как совершение преступления в извращённой форме; в заповеднике; в местах нереста; и т. д.

Вместе с тем вводимые в качестве квалифицирующих признаков в соответствующую часть статьи обстоятельства не должны сопровождать большинство преступлений, отражённых в основном составе, быть *нормой* для последних. Действующему уголовному законодательству известны, однако, отдельные отступления от этого правила. Например, типичным для разбоя, всегда сопряженным с насилием или угрозой применения насилия, опасными для жизни или здоровья, является применение оружия либо других предметов, используемых в качестве оружия, без которых, как правило, разбой и немыслим. Вот почему в ряде кодексов стран «ближнего зарубежья» (Белоруссии, Украины и др.) указания на такой признак в квалифицированном составе разбоя не содержится. Комментируя мотивы, по которым этот признак не был в своё время включён в Уголовный кодекс Грузии, В. Г. Макашвили отмечал, что почти все разбойные нападения совершаются с применением упомянутых предметов и потому введение в закон квалифицированного состава разбоя с учётом данного признака сводит к минимуму применение основного состава этого преступления⁸⁰⁵. Думается, при отборе обстоятельств в качестве квалифицирующих законодатель обязан располагать всесторонней, в том числе криминологической, характеристикой преступного деяния и его

⁸⁰⁵ См.: Особенности уголовных кодексов союзных республик. М., 1963. С. 252.

разновидностей с тем, чтобы было обеспечено соответствие выделяемого признака упомянутому выше требованию.

Сказанное важно иметь в виду при оценке некоторых предложений по совершенствованию законодательства. Так, высказываются за дополнение квалифицированного состава угона транспортных средств (ст. 166 УК РФ) следующими признаками: угон из хранилищ; лицом без водительских прав; в состоянии опьянения⁸⁰⁶. Согласно выборочным данным, эти признаки сопутствуют соответственно 45%; 53–88%; 66–86%⁸⁰⁷. Если бы законодателем подобные дополнения были осуществлены, часть первая упомянутой статьи практически не стала бы применяться.

На наш взгляд, в недостаточной мере криминологическая характеристика учтена и при признании квалифицирующим признаком нарушения правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ) факта состояния опьянения водителя⁸⁰⁸. Ситуация совершения автоаварий в таком состоянии – весьма распространённое явление, и есть опасение, что резко сократится применение тех частей ст. 264, которые не предусматривают этого признака.

В итоге рассмотрения вопроса автор статьи приходит к следующему выводу: «Юридическое и социологическое исследование различны и по целям, и по методу. ... Сообразно этому наука уголовного права, будучи наукой юридической в тесном смысле, не может дать в своей системе места социологическому исследованию о преступлении и наказании. Это последнее исследование, являясь, как мы видели, в высшей степени важным для юридической науки, имеет в то же время совершенно самостоятельное научное значение и, следовательно, может образовать собой самостоятельную науку, самостоятельную отрасль обществоведения. Такая новая наука, если она когда-нибудь образуется, несомненно, займёт видное место в ряду социальных наук, но с уголовным правом она никогда не соединится. Зачатки такого выделения социологического исследования о преступлении и наказании в особую науку уже существуют: так называемая уголовная политика – вот то первоначальное ядро,

⁸⁰⁶ См.: Грекова Т. М. Уголовная ответственность за угон транспортных средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.

⁸⁰⁷ Там же. С. 13–22.

⁸⁰⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 788.

из которого, думается нам, разрастётся или, по крайней мере, может разрастись эта новая наука: материалом же для неё послужат главнейшим образом данные, добываемые через посредство статистических работ».

Прошедшие с момента написания этих слов годы подтвердили прозорливость Н. Д. Сергеевского и его умение аналитически мыслить. Криминология обособилась в качестве самостоятельной отрасли знаний, оказывая существенную помощь и в процессе законотворчества, прогнозирования изменений в последнем, и в понимании духа и буквы закона. Вместе с тем нужно прислушаться к мнению автора статьи относительно существования в социологии, равно как и в криминологии, не только очевидных для всякого образованного человека положений, но и тех, которые «добываются лишь путём обширных специальных исследований и без них были бы нам неизвестны» или, добавим от себя, малоубедительны.

За примерами недалеко ходить. Сам автор статьи упоминает положения о значении в уголовном праве повторяемости преступлений – привычек, ремесла. Ныне законодатель отказался от такого вида множественности преступлений, как неоднократность в любом её виде – и простой, общей, и однородной либо даже тождественной, и профессиональной, имеющей форму преступного промысла. Отвлечёмся от того, насколько удачно было обрисовано понятие неоднократности, её видов, связи с другими формами множественности с точки зрения законодательной техники. Зададимся иным вопросом: почему перечёркнут многовековой опыт признания за неоднократностью в целом или её наиболее характерными видами (совершение однородных преступлений, учинение деяний систематически, в виде промысла, занятие преступлениями как профессией и т. п.)? Неужели этот опыт ничему не учит, равно как и современная статистика, и неужели законодатель искренне считает, что неоднократность и её виды характеризуют только личность виновного, но никак не преступление?

Остаётся изложить резюме, приводимое Н. Д. Сергеевским. Преступление есть неизбежный спутник всякого прогресса. По содержанию своему оно есть вред, причиняемый обществу; но вред этот служит красноречивым свидетельством того, что общество живёт и движется. Не только недостатки общественного строя, но и хорошие его стороны, всякая черта, всякое событие,

дурное и хорошее, могут служить и действительно служат источником преступления. Разница заключается лишь в том, что те стороны и те события порождают наибольшее число преступлений, которые по существу своему способны вызвать наибольшее число случаев коллизии частного интереса с общим; к этому же могут быть одинаково способны как хорошие, так и дурные стороны общественной организации.

Последняя из научных работ, подготовленная Н. Д. Сергеевским в период преподавания его в Ярославле, была посвящена вопросам наказания⁸⁰⁹, точнее, праву наказания. На тот момент проблема правового основания наказания была одной из наиболее обсуждаемых. Диапазон мнений был весьма широк – от полного отрицания правомерности наказания, объявления его простым актом насилия органов власти в отношении преступников до заявления, что право государства наказывать не нуждается в обосновании (Шютце) и признания дискуссии о праве наказания спором праздным, «как праздны споры, необходимо или нет жить человеку в обществе»⁸¹⁰.

В доктрине наказания отчётливо выделялись две теории: *абсолютная и относительная*. Первая из них основывала право государства наказывать на идеях и принципах, имеющих вечное, непреходящее значение: божеский закон справедливости, врождённая идея справедливости, категорический императив разума и т. д. Отталкиваясь от этих постулатов, их сторонники утверждали, что наказание государством налагается только потому, что того требует вечная, выше людей стоящая идея, абсолют. Напротив, относительные теории выводили право наказания из соображений полезности: государство, говорили они, при решении своих задач нуждается в устрашении преступников, исправлении их, самозащите, предостережении и т. п.; поэтому за государством и признаётся право на карательную деятельность как на средство достижения указанных целей.

По мнению автора научной статьи, все эти теории несостоятельны: «абсолютные теории разбиваются прежде всего полной бездоказательностью», «в свою очередь относительные теории оказываются не более состоятельными: ближайшим об-

⁸⁰⁹ Сергеевский Н. Д. О праве наказания // Юридический вестник. 1881. Кн. 3. С. 415–457.

⁸¹⁰ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев, 1875. С. 293.

разом против этих теорий выдвигается то соображение, что они не дают никаких указаний, на чём основывается право государства наказывать в тех случаях, когда достижение целей наказания невозможно или излишне, когда, например, преступник безусловно неисправим или, наоборот, вовсе не испорчен. Но и помимо этого обстоятельства все относительные теории заключают в себе коренную ошибку в самой постановке вопроса: из доброй цели нельзя вывести право». На это обстоятельство справедливо обращал внимание Гейнц: «Без всякого сомнения государство имеет интерес в том, чтобы преступные действия не были совершаемы. Конечно, оно может и должно принимать меры к предотвращению будущих преступлений. Однако отсюда ещё не следует, чтобы наказание было для этого безусловно необходимым средством и ещё менее, чтобы оно было правомерным средством»⁸¹¹.

В последние 10–15 лет, отмечает автор научной статьи, в немецкой литературе ряд исследователей старается основать институт наказания на юридических свойствах, на правовом характере преступления. «Если правонарушение, – пишет Биндинг, – есть основание наказания, то необходимо прежде всего отбросить неправильные представления о нём, т. е. о правонарушении, и его действительное значение принять за отправную точку»⁸¹². В данном случае наказание рассматривается как правовое последствие (Rechtsfolge) преступления. В части отрицания абсолютных идей и принципов эта теория расходится с абсолютной теорией, а в части признания самого факта преступления основанием наказания – сродни ей. С другой стороны, по последней из названных особенностей теория, которая может быть названа правовой, отличается от теории относительной, а предметом сходства с последней служит взгляд на челове-

⁸¹¹ Heinze. Strafrechtstheorien and Strafrechtsprinzip // Holtzend. Handbuch. I. S. 265. Существовали и смешанные теории: указывая на врождённую справедливость как на основание наказания, её приверженцы в то же время называли и другие основания, касающиеся соображений полезности: исправление преступника и т. д. Встречались и утверждения (А. Ф. Кистяковский), что право наказания проистекает из исторического факта наказания. Однако, как справедливо возражал ему Н. Д. Сергеевский, от факта наказания мы не можем ещё делать заключения к праву наказания.

⁸¹² Binding. Das Problem der Strafe in der Wissenschaft. Grunhut's Zeitschrift. 1877. S. 6.

ский правопорядок как на начало и конец всех рассуждений о преступлении и наказании.

Вместе с тем в воззрениях сторонников правовой концепции наказания есть и определенные расхождения. Так, Гейнце рассматривает наказание как совершение чего-либо преступником в пользу общества, как отбывание повинности или совершение подвига с целью восстановить правовое равенство, нарушенное преступлением и необходимое для того, чтобы преступник мог оставаться полноправным членом правового союза. Право государства налагать наказание независимо от желания преступника, по мнению Гейнце, вытекает из того, что государственная форма общежития безусловно необходима для цивилизации, развитие которой есть его конечная задача. «Наказание не есть вовсе противоположение преступлению ..., но, наоборот, выражение его значения для права»; оно налагается в интересах самого преступника, для примирения его с обществом и для установления государственного порядка.

Из тех же предпосылок исходит, но приходит к иным выводам Лайстнер: последствие преступления он рассматривает не в качестве исключения или отрешения преступника от общей воли, а наоборот, как подчинение последнего воле пострадавшего, поступление в его распоряжение. «К этому объективному факту присоединяется, как вторая ступень, наказание или прощение, смотря по тому, захочет ли пострадавший сделать употребление из возникшего для него права распоряжения над личностью виновного». Отсюда сущность наказания как последствия преступления заключается не в выполнении, а именно в подчиненности воле пострадавшего. По мнению Лайстнера, государство вторгается в чужую сферу прав в силу необходимости, для удовлетворения справедливых притязаний пострадавшего, которому государство только тогда может воспретить месть, когда заменит её наказанием.

Таким образом, Гейнце выводит право наказания из необходимости восстановления правопорядка, примирения преступника с обществом, а Лайстнер – из самого факта вторжения виновного в чужую сферу, из следующих отсюда соображений политики.

Признавая все вышеупомянутые воззрения на право наказания (в том числе абсолютную, относительную и правовую теории) несостоятельными, автор научной статьи так формули-

рует свою исходную позицию по рассматриваемой проблеме: «Вопрос о праве наказания, думается нам, может быть удовлетворительно разъяснён только тогда, когда сущность наказания (или значение уголовного правосудия в целом) и формы наказания (или содержание карательных средств) будут рассматриваться как два самостоятельные момента и когда при этом мы будем исходить от анализа юридических свойств преступления».

Дальнейшие его рассуждения сводятся к следующему: понятие преступления характеризуется двумя признаками – противоправностью и наказуемостью⁸¹³. В представлении автора, первый элемент преступления – противоправность деяния – есть элемент внутренний, определяемый содержанием преступления; второй – наказуемость – является элементом внешним, определяемым теми последствиями, которые закон связывает с преступлением. «Сколь бы деяние ни было вредно, сколь бы ни возмущало общественное правосознание, наконец, сколь бы определено оно ни было запрещено законодателем, но без прямого предписания уголовного закона оно не может быть обложено наказанием».

Весьма интересны и актуальны соображения автора статьи относительно конструкций составов преступлений. Отталкиваясь от содержания преступлений, он выделяет: а) деяния, наносящие действительный вред всему обществу и частным лицам (то, что ныне мы именуем преступлениями с материальным составом), б) деяния, хотя и не наносящие действительного вреда ни обществу, ни частным лицам, но заключающие в себе опасность такого вреда (составы поставления в опасность) и, наконец, в) простое непослушание велениям законодателя (то, что ныне нередко именуется преступлениями с формальным составом). По мнению автора, «иногое содержания правонарушения иметь не могут...». На самом деле это не так: в ходе развития отечественной науки уголовного права всё чаще выделяют деяния, содержащие «усеченный» состав: по воле законодателя момент окончания таких деяний перенесён на стадию покуше-

⁸¹³ Из этого видно, что автор придерживается так называемого формального определения преступления. Материально-формальное определение, из которого исходит действующее российское уголовное законодательство (ч. 1 ст. 14 УК РФ 1996 г.), опирается, помимо упоминаемых автором, также на признаки общественной опасности и виновности.

ния или приготовления к преступлению (разбой, вымогательство, призывы к массовым беспорядкам, создание банды, преступного сообщества, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и т. д.).

Как замечает далее автор, и противоправность, и наказуемость обладают свойством изменчивости; причём изменение норм подчас отражает более прихоть законодателя, нежели изменения в обществе, соображения необходимости и полезности. В качестве примеров он приводит уголовно-правовые запреты ношения русского платья, сокрытия новорождённых уродов при Петре Великом; ловли соловьёв в окрестностях Петербурга, провоза покойников мимо Зимнего дворца при Елизавете. «Это постоянное движение, свойственное праву каждого народа, нисколько не изменяет, как видим, юридического характера преступления: оно всегда было, есть и будет правонарушение, т. е. нарушение юридических норм или тех обязательных правил, которые устанавливаются законодателем для данной эпохи и для данного места».

В период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. и разработки нового УК 1996 г. часть российских учёных высказывала мысль о дополнении элементов преступления признаком аморальности. В этой связи интересны соображения, которые высказывает Н. Д. Сергеевский по вопросу соотношения права и морали. Юридические нормы, пишет он, обязательны для всех, чего нельзя сказать о нормах нравственных. Далее, «даже такие деяния, как кража, убийство, будут представляться безнравственными лишь для большинства, но не для всех лиц: мы можем встретить множество людей, убеждённых в том, что если эти деяния совершаются не из личных корыстных видов, а ввиду блага общего, то эта польза возводит преступление в деяние в высшей степени нравственное. Существует, далее, множество преступлений, совершенно безразличных с точки зрения нравственности; таковы, например, нарушения различных правил благоустройства и благочиния, правил о торговле книгами, дуэль и т. д. Наконец, весьма возможны случаи, когда право становится в разлад и противоречие с нравственными правилами...; такое значение имеет, например, широкая, не знающая исключений обязанность доносить о преступлениях политических, запрещение отправлять богослужение некоторых вероисповеданий и т. п.». В итоге делается небесспорный вы-

вод: безнравственность, которая может заключаться в преступлениях, не имеет никакого существенного значения.

Вряд ли это так. Сила, авторитет нормы права, в том числе уголовно-правового предписания, тем выше, чем более норма опирается на нравственные начала в обществе. Если правонарушение, преступление безнравственно, по убеждению абсолютного большинства людей оно нетерпимо и подлежит искоренению, а лицо – безусловному осуждению, порицанию.

Возвращаясь к основному вопросу, являющемуся предметом научного анализа в статье, – на каком юридическом основании покоится право государственной власти на наказание, – автор приходит к тому выводу, что каковы бы ни были форма и содержание наказания, при всём их разнообразии в них есть одна общая черта: «все они заключают в себе осуждение и порицание преступных действий, притом не простое осуждение, но осуждение, выраженное в такой форме, которая точно и ясно определяет размер и степень осуждения соответственно сравнительной важности этих деяний». Институт осуждения и порицания правонарушений, по Сергеевскому, одинаково присущ все правопорядкам. В этом суть уголовного правосудия как необходимого элемента правопорядка. Отсюда государство имеет право наказания на том основании, что оно не может существовать без уголовного правосудия, как без правосудия немислим правопорядок в обществе.

По мнению автора научной статьи, не нужно смешивать сущность наказания (уголовное правосудие) и содержание (формы и виды наказания, его цели): «Практика жизни всегда показывала, что специальные цели наказаний не только мало достигаются, но и вовсе не достигаются; однако же ни одно государство не нашло возможным отказаться от уголовного правосудия как от бесполезной и дорого стоящей системы»; «уголовное правосудие может и должно существовать независимо от тех или других целей, к которым направляются отдельные карательные меры...».

«Таким образом, – резюмирует Н. Д. Сергеевский, – говоря о праве и обязанности государства наказывать, мы имеем в виду лишь сущность наказания: что же касается до страдания преступников, то это есть, так сказать, лишь внешняя необходимость: мы физически лишены возможности выразить осуждение и порицание в иной форме»; «мы признаём безусловную

необходимость уголовного правосудия, но на само наказание преступников, на их мучение и страдание смотрим как на неизбежное зло, которое мы терпим только потому, что оно есть единственный способ выразить от лица общества осуждение и порицание правонарушительного действия, притом в такой форме, которая указывала бы размер и степень нарушения».

Исходя из такого значения карательных средств, автор формулирует два положения, уже признанные наукой и прогрессивным законодательством. Первое положение заключено в правиле экономии карательных средств: во-первых, государство не должно слишком щедро расточать наказания за маловажные нарушения и за нарушения таких норм, которые и помимо наказания достаточно надёжно охраняются вознаграждением, принуждением к исполнению и т. п. Во-вторых, определяя наказания, их виды и размеры, соответственно сравнительной важности правонарушений, законодатель должен ограничиваться наименьшим по возможности вредом; необходимо придерживаться этого правила также и при разрешении всех вопросов, касающихся самой организации наказания: устройства мест заключения, содержания заключенных, способов пересылки и т. д.; в этом заключается основание постоянного смягчения наказаний и улучшения их организации, которое составляет господствующую черту в истории уголовного законодательства в Новое время.

Второе положение сводится к необходимости предупредительной деятельности: государственная власть обязана предпринимать все меры к сокращению случаев применения наказания, к уменьшению числа преступлений. Люди XIX в. путём горького опыта пришли к сознанию того, что самые сильные, самые жестокие кары не уменьшают количества преступлений и что наказание преступников, само по себе, есть тяжёлая необходимость и дорого обходится обществу. «На этом основании новое время выдвигает на первый план предупредительную деятельность в двух её направлениях: полицейские меры надзора, с одной стороны, а с другой – устранение по возможности тех условий, из которых порождаются мотивы к совершению преступлений, и организация институтов, способствующих к раскрытию преступлений; таковы: меры против пауперизма, устройство родильных приютов и воспитательных домов, противодействие пьянству, широкое развитие гласности как луч-

шого средства против преступлений по должности со стороны органов власти и т. д.»).

И первое, и второе положения весьма актуальны и в современных условиях. Во-первых, места лишения свободы переполнены, отсутствуют элементарные условия для содержания заключённых и воздействия на них администрации в позитивном направлении. Во-вторых, неокапитализм, нарастание кризисных явлений в обществе породили ряд новых негативных явлений и усугубили уже существовавшие. В итоге происходит дальнейшее обнищание населения, появляется масса безработных, формируется заметная прослойка люмпен-пролетариата, резко возрастает число детей-беспризорных, скитающихся по стране и остающихся без крыши над головой, увеличивается число брошенных детей-малюток («отказников»), всё большее число людей приобщается к пьянству и потреблению наркотиков и т. д., а следовательно, возникают благоприятные условия для роста правонарушений, в том числе и преступности в стране. В этих условиях меры, предлагавшиеся в своё время автором научной статьи, пусть они и половинчатые, заслуживают самого пристального внимания государственных органов и общественности.

Что оказывает наибольшее влияние на выработку законодательных форм наказания? – задаётся вопросом автор научной статьи. Во-первых, положение личности человека в государстве: её уважение как таковой или поглощение государственным деспотизмом. Например, государство, в котором личность сама по себе не имела никакого значения, могло применять беспрепятственно смертную казнь в самых широких размерах. Во-вторых, отношение государства к церкви и к догматам религии. «Сообразно тому, приписывается ли государству божественное происхождение и оно считается царством божьим на земле, или, наоборот, оно признаётся учреждением самостоятельным, для людей только существующим, получает различный характер всё уголовное правосудие, а вместе с тем должно получать различное содержание и наказание. Лучшим примером может служить преследование религиозных преступлений и беспощадное сожжение еретиков и волшебников в XVI и XVII вв. на Западе». В-третьих, степень общей культуры и смягчение нравов. Под влиянием этого обстоятельства сошли со сцены наказания изувечивающие, квалифицированные виды смертной каз-

ни и т. п. В-четвёртых, степень крепости государственного строя. Чем крепче государство, тем меньше оно боится всяких колебаний установленного порядка и тем гуманнее его меры против нарушителей закона. Наоборот, чем слабее государство внутри себя, тем сильнее и жёстче наказание. Наконец, в-пятых, это экономические условия. В частности, при недостаточности финансовых средств государство прибегает к наказаниям наиболее дешёвым, каково, например, телесное наказание (порка) сравнительно с тюремным заключением.

Интересны также выводимые учёным черты и свойства наказания новейшего времени: 1) наказание должно быть индивидуально, то есть должно по возможности падать только на преступника, не задевая других лиц, виновному близких. Как известно, ч. 3 ст. 60 УК РФ предписывает суду учитывать влияние назначаемого наказания на условия жизни семьи осуждённого. С другой стороны, вопреки упомянутой черте, штраф, назначенный несовершеннолетнему осуждённому, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей (ч. 2 ст. 88 УК); 2) наказание должно отличаться постепенностью и обладать свойством делимости; 3) оно должно быть равное для всех классов общества; 4) оно должно быть очищено от всяких излишних физических и психических мучений или страданий, заключать в себе минимум страданий, необходимых для выражения осуждения и порицания; 5) отдельный вид наказания должен быть направлен к достижению той или другой полезной цели, не превращающей однако человека в средство. «Цели наказаний могут быть весьма различны; но все они сводятся к созданию в преступнике мотивов, препятствующих преступлению. Таковы: исправление, в тех случаях, когда преступление свидетельствует о существовании вредных для общества наклонностей в характере преступника; устрашение, притом не столько тяжестью наказания, сколько неизбежностью его за каждое преступление, приучение к работе, если праздность служила источником мотива к преступлению; наконец, всякие другие воздействия, сообразно субъективным и объективным условиям отдельных случаев, напр., умственное развитие и образование...».

Поучителен и следующий вывод Н. Д. Сергеевского: если даже ни одна из целей наказания не будет достигнута, уголовное правосудие всё равно сохранит своё значение и останется столь же безусловно необходимым.

Сказанное позволяет говорить о недопустимости смешения двух категорий: целесообразности наказания (достижения общественно полезных целей), с одной стороны, и необходимости уголовного правосудия и важности его в обществе – с другой.

В период полного господства в области уголовного права классической школы, «провозвестником» нового социологического направления, его родоначальником в отечественном уголовном праве по праву считается М. В. Духовской.

Михаил Васильевич Духовской (1850–1903) в 1872 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1874 г. защитил магистерскую диссертацию по монографии «Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц», а в 1891 г. – докторскую по монографии «Имущественные отношения по решениям волостных судов».

С 1885 г. и. д. экстраординарного профессора по кафедре уголовного судопроизводства, а с 1891 г. – ординарный профессор по той же кафедре.

Научно-педагогическую деятельность М. В. Духовской начал в 1872 г. в Демидовском юридическом лицее, читал курс уголовного права в должности приват-доцента по кафедре уголовного права и судопроизводства. Но в 1874 г. его ученая деятельность была пресечена арестом по подозрению в причастности к народнической пропаганде. Подозрение подтверждения не нашло, дело в отношении его было прекращено, но, как попавший в сферу внимания уголовной юстиции, М. В. Духовской уже не мог продолжить преподавание в Демидовском лицее и вступил в присяжные – поверенные в Москве. Только в 1885 г. он смог вернуться к научно-педагогической деятельности, приступив к чтению лекций по уголовному судопроизводству в Московском университете.

Основные труды М. В. Духовского: «Задача науки уголовного права» // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1872. Кн. 4; «Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц» (Ярославль, 1873); «Имущественные отношения по решениям волостных судов» (М., 1891); «Русский уголовный процесс» (М., 1897, 1902, 1905, 1910)⁸¹⁴.

⁸¹⁴ Кроме указанных трудов, перу М. В. Духовского принадлежат такие имевшие значительный научный и общественный резонанс публикации, как «О смертной казни с точки зрения рационального учения о наказаниях» (1879), «Заметки о главном суде» (1879), «О заочном разбира-

Сфера научных интересов ученого – проблемы уголовного права и судопроизводства. Во всех своих трудах ученый-криминалист страстно ратовал за освобождение уголовного права от жестоких анахронизмов средневековья, а уголовного процесса – от бюрократических новелл последнего времени.

М. В. Духовской вошел в историю юридической науки как пионер уголовной политики. Как справедливо отметил М. П. Чубинский, «...раньше итальянских антропологов профессор Духовской развил широкую программу науки уголовного права, не упомянув лишь о неразработанных тогда данных уголовно-антропологического характера»⁸¹⁵.

Прочитанная им в 1872 г. вступительная лекция «Задача науки уголовного права» имела большое методологическое значение. Этой лекцией было положено начало социологическому направлению в уголовно-правовой науке. В его лекции получила убедительное обоснование идея о том, что наука уголовного права не должна ограничиваться исследованиями строго юридического характера. «Самую громадную услугу, по отношению к точному отысканию тех обстоятельств, которые производят преступления, оказали нам работы статистиков», – отмечает профессор Духовской. С помощью статистических данных ему удалось установить, что «преступления в обществе совершаются ежегодно приблизительно в одном и том же числе». Благодаря этому факту разрушается мнение об определении в качестве причины преступлений свободной воли человека..., «ясно, что в природе есть другая причина, порабощающая, до некоторой степени, саму волю и притом причина, действующая в течение известного периода почти непрерывно; если бы не было этого, не могло бы существовать и факта совершения одного числа преступлений в каждой стране из года в год»⁸¹⁶. При этом ученый отмечает работу русских статистиков (особенно судебных) как «много менее удовлетворительную» в сравнении с западноевропейскими исследователями в области

тельстве уголовных дел» (1899), «Об условно-досрочном освобождении из заключения» (1898). Ученый часто выступал со статьями по уголовно-правовой тематике в газете «Русские ведомости».

⁸¹⁵ Чубинский М. П. Курс уголовной политики // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1909. Кн. 99. С. 12.

⁸¹⁶ См.: Духовской М. В. Задачи науки уголовного права // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 4. С. 11–12.

статистики. М. В. Духовской не только констатировал наличие «постоянных» причин преступности, связанных с условиями, в которых живет человек, и общественным строем, но и осуществил эмпирическое сопоставление показателей преступности и общесоциальной статистики. Такой подход позволил ему сделать обоснованный вывод о том, что охрана общества от преступлений связана прежде всего с улучшением его политического и экономического строя. Вместе с тем он рассмотрел и паллиативные меры специальной профилактики, включая полицейские меры и наказание.

В лекции анализируются статистические данные (в абсолютных величинах), характеризующие уровень судимости (1862–1866 гг.) как по России в целом, так и по Ярославской губернии (1860–1864 гг.). В результате проведенных исследований автор высказывает суждение о том, что «преступление не есть явление случайное..., а зависит еще от известных постоянных причин». В качестве главной причины преступлений выступает, по его мнению, общественный строй. «Дурное политическое устройство страны, дурное экономическое состояние общества, дурное воспитание, дурное состояние общественной нравственности и целая масса других условий... – причины, благодаря которым совершается большинство преступлений»⁸¹⁷. Важно отметить, что профессор Духовской дифференцировал причины преступлений по уровню их воздействия, что впоследствии послужило основой для разработки современного криминологического учения о детерминации преступности. Ученый акцентирует внимание на необходимости и важности обстоятельного исследования всех причин, влияющих на совершение преступлений. Это «...есть великое дело. Русская наука более, чем какая-либо другая, страдает громадным недостатком в этом отношении... Серьезных сочинений, посвященных этому, мы почти не имеем, а между тем появление их выяснило бы нашему законодательству многие

⁸¹⁷ Духовской М. В. Задачи науки уголовного права. С. 14, 22–27. Вместе с тем лектор указывает, что помимо основных причин существуют еще некоторые другие причины, «общие для всех преступлений: крепостное право, дурное устройство тюрем, дурные наклонности, которые развиваются в человеке благодаря внешним влияниям среды, и т. п. и причины, влияющие на то или иное преступление в отдельности, например, плохое состояние паспортной системы, отсутствие воспитательных домов и т. п.»

стороны дела, на которые оно, конечно, не замедлило бы обратить свое внимание»⁸¹⁸.

Он статистически обосновал связь указанных причин на преступность, прежде всего связь числа преступлений с экономическим положением страны, в том числе имущественным состоянием граждан, а также с демографическими параметрами (уровень смертности), «степенью образования граждан, степенью нравственности между народонаселением». Используя отечественные и зарубежные статистические данные, характеризующие коэффициенты преступности на 10 000, 100 000 жителей, коэффициент судимости, метод группировки «преступников по тем мотивам, какие по большей части влияют на то или другое преступление», ученый исследовал территориальное распределение преступности в России и западноевропейских государствах, а затем на основе указанных данных изучил структуру российской преступности⁸¹⁹. Анализ приведенных данных позволяет говорить о некоторой преемственности тенденций во внутреннем строении преступности по отношению к современному ее состоянию: «В то время, – отмечает Духовской, – громадное большинство, а именно: воровство-кража и мошенничество – 31% общего числа преступлений; преступлений против собственности государства – 32%... Но это далеко не все преступления, совершаемые из имущественных соображений, – убийство, поджоги и многие другие преступления совершаются часто для достижения тех же имущественных целей»⁸²⁰.

В результате обстоятельного анализа автор дела делает вывод: «Уголовное право изучает преступление, узнает причины его появления и указывает государству средства, годные к предупреждению этого явления. Но, видя, что в настоящее время, по крайней мере, нет никакой возможности предупредить самое появление преступлений, уголовное право должно заняться исследованием наказания, как единственно годного, по убеждению настоящего времени, средства поддержать порядок общественного строя, нарушаемый преступлением. Уголовное право должно узнать, как следует организовать наказание так, чтобы оно достигло не главной, но и единственной своей цели – под-

⁸¹⁸ Духовской М. В. Задачи науки уголовного права. С. 28–29.

⁸¹⁹ См.: Там же. С. 15–17.

⁸²⁰ Там же. С. 14.

держания порядка в общественном строе»⁸²¹. Именно в этом, по мнению профессора Духовского, состоит задача уголовного права. Тем самым было предложено включить в предмет уголовного права исследование причин преступлений и их предупреждение.

М. В. Духовской пользовался широкой известностью как общественный деятель. Он являлся одним из основателей русской группы Международного союза криминалистов, был организатором третьего съезда этой группы, происходившего в Москве в 1901 г. Состоял почетным мировым судьей, гласным Московской городской думы, московского губернского и уездного земских собраний, членом многих просветительных и благотворительных обществ.

Михаил Павлович Чубинский (1871–1943) – ординарный профессор по кафедре уголовного права (1900–1902 гг.), затем директор Демидовского юридического лицея (1906–1909 гг.). О его биографии уже говорилось в первой части книги.

Основные труды ученого: «Современная борьба взглядов за и против суда присяжных и реформаторские попытки в этой области» (Киев, 1897); «Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве» (Ярославль, 1900); «Очерки уголовной политики» (Харьков, 1906); «Курс уголовной политики» (Ярославль, 1909); «Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. Т. 1 (1896 – 1906)». (Харьков, 1906); «Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. Т. 2 (1906 – 1911)». (СПб., 1912).

М. П. Чубинский – один из виднейших представителей социологического направления науки уголовного права. В своей магистерской диссертации «Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве» ученый всесторонне раскрывает самостоятельное значение мотива в уголовном праве, понятию которого как в российском законодательстве, так и в науке отводилась более чем скромная роль. Автор исследует роль мотива в уголовных кодексах и проектах на примерах действующего уголовного законодательства Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Германии, Венгрии, России и других западноевропейских государств. Рассматривает учение о мотиве в его практическом применении и связи с другими вопросами

⁸²¹ Духовской М. В. Задачи науки уголовного права. С. 18–21.

уголовного права: о вменении и наказуемости, о влиянии мотива на наказание и классификации мотивов⁸²².

Остановимся более подробно на отдельных аспектах общего учения о мотивах. Некоторыми криминалистами мотив рассматривался как «ничтожный элемент» учения об умысле. А. К. Вульферт полагал, что понятие мотива не обладает определенностью. М. П. Чубинский возражал такой позиции. Он писал, что «мотив не должен рассматриваться как ничтожный элемент учения об умысле», не следует к нему относиться как «к чему-то допускаемому чуть ли не из снисхождения»⁸²³.

Не преуспели в плане раскрытия роли мотива в уголовном праве и зарубежные криминалисты⁸²⁴.

Впервые сделав проблему мотива предметом специального исследования, М. П. Чубинский поставил, что называется, все точки над *i*. Ученый пришел ко вполне определенному выводу, что для уголовного права мотив есть «внутренняя сила, которая, порождая волевой процесс, движет индивидом в его сознательной деятельности и приводит при содействии всей его психики к совершению преступного деяния»⁸²⁵. При этом он отмечал, что в каждом отдельном случае изучение и оценку мотива нужно производить не изолированно, а в связи с изучением личности, т. к. свойства личности налагают свой отпечаток на процесс мотивации. В свою очередь под мотивацией автором диссертационного сочинения понимается «причинность, проходящая через среду сознания и приводящая к известному результату при содействии всей психики данного индивида»⁸²⁶.

Ученый утверждал, что «зависимость каждого действия от вызвавшего его мотива... реальна, безусловна и необходима», но при этом указывал, что «ничего фатального в такой зависи-

⁸²² См.: Чубинский М. П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1900. Кн. 79–80.

⁸²³ Там же. Кн. 80. С. 348.

⁸²⁴ Речь идет о критике М. П. Чубинским точек зрения Листа, Липмана, Салайля по поводу понятия мотива.

⁸²⁵ Чубинский М. П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. С. 37.

⁸²⁶ Чубинский М. П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. С. 14.

мости нет, иначе пришлось бы смотреть на мотив как на единственный и исключительный критерий при оценке деяния»⁸²⁷.

В этом труде М. П. Чубинский обосновал необходимость расширения рамок науки уголовного права. Сама жизнь, утверждает он, выдвинула на сцену вопрос о факторах преступности и о постановке целесообразной борьбы с ней. «Нужно строго различать, с одной стороны, факторы преступности, а с другой – мотивы отдельных преступлений». По мнению ученого, фактор есть родовая, внешняя причина группы явлений, рассматриваемых в массе, а мотив – это причина индивидуальная, внутренняя отдельно рассматриваемого преступления. Профессор Чубинский высказывает опасения по поводу того, что многие исследователи данной проблемы упускают из виду это различие, опираясь лишь на статистические данные, «создают фатальные построения в области мотивов», совершая тем самым грубейшую ошибку⁸²⁸.

Кроме того, в своей работе он уделял особое внимание психологическому, моралистическому и юридическому значению мотива, их взаимосвязи. «Чрезвычайно важно уже то, что в пользу серьезного значения мотива говорят психология и этика; решающим же являются соображения, которые должны быть признаны юридически, если мы станем на точку широкого изучения и понимания задач правосудия. Для успехов науки и прогресса правосудия роль мотива должна быть значительно расширена»⁸²⁹.

Не менее важное значение для развития уголовно-правовой науки в плане социологическом имеет труд М. П. Чубинского «Курс уголовной политики»⁸³⁰. Являясь одним из фундаментальных трудов в этой области исследования, он систематизировал практически весь уголовно-политический материал. Наряду с обоснованием полноправного положения уголовной политики в сообществе юридических дисциплин, М. П. Чубинским подвергаются критике доходящие подчас до нелепостей крайности уголовно-социологической школы, суждения такого рода, что «наука права должна быть поглощена социологией» (Дорадо), что

⁸²⁷ Там же. С. 67–68.

⁸²⁸ См.: Чубинский М. П. Указ. соч. Кн. 80. С. 52.

⁸²⁹ Там же. С. 136.

⁸³⁰ См.: Чубинский М. П. Курс уголовной политики // Временник Демидовского юридического лица. Ярославль, 1909. Кн. 99.

судьям следует предоставить безграничный простор для усмотрения. Ученый категорически отрицает точку зрения итальянского антрополога Ферри, согласно которой вся юстиция будущего сосредоточится на преступнике как биопсихической личности, совершенно игнорируя преступление как абстрактную сущность. М. П. Чубинский утверждает, что преступление никогда не выпадет из поля зрения науки уголовного права, и юридический элемент всегда будет занимать в ней достойное место. Вместе с тем он отдает должное автору труда «Уголовная социология» Ферри в плане способствования правильной постановке уголовной политики, выдвижения требования расширения рамок науки уголовного права. Критикуя Ломброзо за теорию атавизма, за чрезмерное возвеличение закона наследственности, отвергая установленную им одностороннюю этимологию преступности, М. П. Чубинский усматривает в его работах ряд элементов, имеющих научное значение и важных для уголовной политики. Труды этого итальянского антрополога, отмечает он, содержат много ценного материала для опровержения тех монистических теорий, которые объясняют преступность исключительно факторами социальными. Не соглашаясь с Ломброзо в признании рокового характера наследственности, мы должны, считает М. П. Чубинский, признать, что «от рождения человек получает известные психофизические особенности, известные предрасположения, которые под влиянием ряда условий могут привести его к преступлению, т. е. мы должны признать, что преступность имеет, хотя и лишенную фатального характера, но все же органическую подкладку»⁸³¹. По мнению русского криминалиста, Ломброзо исследованием и описанием жизни, особенностей и привычек преступного люда оказал большую услугу в трудной работе правосудия. Поэтому, отрицая учение о прирожденном преступнике, мы должны признать, полагает он, что основная идея этого итальянского антрополога, идея целесообразной борьбы с преступностью при помощи изучения преступного мира, оказалась глубоко жизненной и плодотворной и что изучение биологических факторов дало много ценного материала. Среди ученых, значительно подвигнувших развитие уголовно-политической науки, М. П. Чубинский называет Листа, усматривая его заслугу в отстаивании идеи тесного союза уголовного

⁸³¹ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. С. 340.

права с уголовной политикой, которая, по утверждению немецкого криминалиста, должна быть постоянной руководительницей законодателя, опираясь на научное исследование причин преступности и действия, производимого наказанием. М. П. Чубинскому вполне импонирует взгляд Листа на предназначение этой науки давать систематическое развитие принципов для критики действующего законодательства, указывать законодателю путь, по которому должна следовать реформа уголовных законов в целях более эффективного ведения борьбы с преступностью. Однако первенство в постановке вопроса о введении в науку уголовного права научно поставленного уголовно-политического элемента он отдает русскому ученому М. В. Духовскому, который в статье «Задача науки уголовного права» раньше Листа и итальянских антропологов с полной определенностью высказался за возложение на уголовное право обязанности изучать причины преступности, указывать государству средства для успешной с нею борьбы. Этот русский криминалист убедительно подчеркнул, что наука уголовного права должна применять превентивные меры и указывать на необходимость проведения социальных реформ. М. П. Чубинский, полемизируя с криминалистами классической школы (Н. Д. Сергеевским, Н. С. Таганцевым и др.), убедительно отстаивает правомерность широкого понимания науки уголовного права. Сведение же этой жизненной науки к конструкции юридических понятий, утверждает он, влечет за собой то, что самые жгучие, самые «трепещущие нужды», самые жизненные вопросы остаются без рассмотрения и приносятся в жертву «неумолимому божку, именуемому строго-юридической точкой зрения». Ученый высказывает уверенность в том, что включение необходимого антропологического и социологического материала в науку уголовного права содержательно обогащает эту науку, расширяет ее возможности в достижении преследуемых ею целей. «При такой постановке дела, – уверяет М. П. Чубинский, – явится органическая связь между юридическим и неюридическим материалом в науке уголовного права, явится возможность того органического соединения, которое наши оппоненты отвергают, без дальнейших доказательств, утверждая, что оно будет лишь механическим»⁸³². Автор «Курса» уважительно отзывается

⁸³² Чубинский М. П. Курс уголовной политики. С. 37.

о трудах новейших русских криминалистов М. Н. Гернета, В. В. Есипова и А. А. Пионтковского, защищавших научную точку зрения о необходимости расширения рамок науки уголовного права посредством внесения в нее позитивно обоснованного уголовно-политического элемента. «Курс» М. П. Чубинского выгодно отличается от трудов других представителей этого научного направления глубокими экскурсами в историю. В нем прослеживается, начиная с античной древности, весь ход развития уголовно-политической мысли. Большое место в данном сочинении отводится анализу уголовно-политических начертаний Платона, усматривавшего главную цель государства в насаждении любви и справедливости и в силу этого обязанного посредством наказания добиваться ослабления в преступнике дурных наклонностей. Предназначение наказания, по утверждению великого мыслителя, не в причинении зла правонарушителю, а в том, чтобы сделать его лучшим или менее злым. И применяться уголовная кара должна не во что бы то ни стало, а лишь в пределах необходимости, которую следует признать печальной необходимостью. «Возвышаясь над взглядами своего времени и даже более поздних времен, — пишет М. П. Чубинский, — Платон требует, чтобы наказание было личным и не распространялось на детей и потомков преступника даже при измене, святотатстве и посягательствах на государственный порядок»⁸³³. И Платон, и Аристотель, отмечает автор, центр тяжести переносили с объективной на субъективную сторону преступления. Характеризуя уголовно-политические воззрения Цицерона, М. П. Чубинский подчеркивает настойчивое отстаивание этим мыслителем идеи неотвратимости наказания. Он утверждал, что надежда на безнаказанность является одной из сильнейших побудительных причин к совершению преступлений и что законодатель обязан всегда это иметь в виду. Для Цицерона, так же как и для Платона, подчеркивается им, является совершенно очевидным, что наказание должно назначаться только за вину и соответствовать вине. М. П. Чубинским внимательно прослеживается движение уголовно-политической мысли в средние века и в новое время. Но лишь во второй половине XVIII в., отмечает он, возникает (в трудах Монтескье, Беккариа, Вольтера и др.) могучий реформаторский поток, который привел к созданию уголовной политики

⁸³³ Там же С. 57.

как научной дисциплины. Просветители, подчеркивается им, с большой полнотой систематизировали необходимый для развития этой науки материал, критически относясь к существующим порокам правосудия и намечая лучшее и должное. С этих трудов вроде бы и следовало начинать, замечает М. П. Чубинский, историю уголовной политики как науки. Но тогда еще не существовало самого термина «уголовная политика» и вопрос о ее соотношении с наукой уголовного права не ставился. Что касается самой юриспруденции, констатирует М. П. Чубинский, то она в большинстве своих представителей отнеслась «враждебно к явившемуся потоку уголовно-политических идей»⁸³⁴. Особое место в развитии уголовной политики как научного направления автором отводится И. Бентаму, который, по его выражению, как бы прозрел будущий ход развития науки уголовного права, указав на необходимость для плодотворного ее развития той «позитивной подкладки», о которой совершенно умалчивали его предшественники, стоявшие на почве чистого умозрения, и которую «недостаточно оттеняли его современники»⁸³⁵. М. П. Чубинский дает высокую оценку выдвинутому И. Бентамом как общее положение принципу: всякое наказание включает в себе элемент вреда и является злом; поэтому наказание может быть допустимо лишь постольку, поскольку оно обещает устранить большее зло; в противном случае оно не должно иметь места. Важную научную заслугу Бентама как уголовного политика автор видит и в том, что он указал на недопустимость привлечения к уголовной ответственности за причинение «зла воображаемого», актов, которые невинны сами по себе, но ставятся в число преступлений вследствие предрассудков, антипатий, ошибок администрации, аскетического принципа, когда караются ересь, колдовство, недозволенная эмиграция, преступления против самого себя, нарушения всякого рода несправедливых по своей сути запретительных правил. М. П. Чубинским отмечается, что И. Бентам всемерно ратует за разработку широкой программы мер, направленных на предупреждение преступности, полагает совершенно необходимым в этих целях стремиться к возвышению «морального уровня масс», для чего нужно избегать «кровавых» законов, имеющих тенденцию делать людей жесто-

⁸³⁴ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. С. 2.

⁸³⁵ Там же. С. 4.

кими, удалять народ от грубых и кровавых зрелищ, заботиться о разрушении предрассудков, отвращать людей от несправедливой исключительности, например, от той несправедливой любви к отечеству, которая превращается в ненависть к другим народам, или той любви к семье, которая заглушает любовь к родине. И. Бентам ратовал за гуманизацию мер наказания, за отбывание заключения в благоустроенных тюрьмах. «Бентаму, – пишет М. П. Чубинский, – принадлежит первый и решительный протест против телесных наказаний, не только уродующих, но и обыкновенных»⁸³⁶. Автор отдает должное представителям утопического и научного социализма в плане внесения позитивного вклада в развитие уголовной политики. Марксистская доктрина, считает он, во многом способствовала уяснению экономических факторов преступности, окончательному прекращению обоготворения наказания. Начало же становления уголовной политики как науки автор «Курса» относит к последней четверти XIX в. Благодаря М. П. Чубинскому уголовная политика была введена в число обязательных специальных курсов и сделалась предметом отдельного планомерного факультетского преподавания. Ученый принадлежал к числу прогрессивных русских криминалистов, всемерно ратававших за введение условного осуждения. Однако в отличие от А. А. Пионтковского он был противником отнесения условного осуждения к мерам уголовной репрессии, считал, что оно не является наказанием⁸³⁷.

Андрей Антонович Пионтковский (1862–1916), и. д. экстраординарного профессора Демидовского юридического лицея (1895–1898 гг.). Родился 3 июля 1862 г. в Херсонской губернии. Он окончил юридический факультет Новороссийского университета (1885 г.) со степенью кандидата наук, впоследствии адвокат, с 1889 г. – стипендиат Новороссийского университета, командировался за границу. Магистр уголовного права (1894 г.). 30 марта 1895 г. был назначен и. д. экстраординарного профессора в Демидовском юридическом лицее по кафедре уголовного права и судопроизводства. 1 января в 1899 г. назначен и. д. экстраординарного профессора в Казанском университете, с 1901 г. ординарный профессор там же.

⁸³⁶ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. С. 175.

⁸³⁷ См.: Егоров С. А. «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997. С. 229–230.

Главные труды А. А. Пионтковского: «Об уголовной давности» (Одесса, 1891); «Тюрьмоведение, его предмет, задачи и значение» (Одесса, 1892); «Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование» (Одесса, 1894); «Условное осуждение в Норвегии» (Одесса, 1895); «Уголовная политика и условное осуждение» (Одесса, 1895); «Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение» (Ярославль, 1896); «Исправительно-воспитательные институты в Северной Америке» (Ярославль, 1897); «Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование» (Казань, 1900).

Концепция широкого понимания уголовного права получает изложение в прочитанной А. А. Пионтковским вступительной лекции 15 сентября 1895 г.⁸³⁸ Уголовное право в лекции определяется как наука, «занимающаяся изучением преступной деятельности, раскрытием естественных законов, обуславливающих собою эту деятельность, и изучением и установлением средств и способов борьбы с этой деятельностью. Профессором акцентируется внимание на то, что наука уголовного права – наука сложная и не представляет из себя нечто постоянное, неизменное. Она растет, развивается». В современном своем очертании она распадается на несколько тесно друг с другом связанных отраслей: 1) криминологию, 2) уголовную политику и 3) уголовную догматику⁸³⁹.

Андрей Антонович утверждал, что «меры борьбы с физико-социальными фактором преступной деятельности затрагивают разнообразные стороны общественной жизни – политическую, экономическую и проч., регуляция применения этих мер относится к тем отраслям общественности, которые занимаются изучением этих сторон общественной жизни, каковы государственное право, гражданское право, полицейское право».

Уголовное право, продолжает А. А. Пионтковский, наконец, не ограничивается изучением «вопросов, входящих в область т. н. материального права. Она останавливается на изучении процессуальных вопросов, уголовного процесса – норм, регулирующих

⁸³⁸ Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1895. Кн. 71.

⁸³⁹ В дальнейшем при цитировании сохранена орфография и пунктуация А. А. Пионтковского, соответствующая времени написания им анализируемого сочинения.

применение уголовного права». Далее, продолжает автор, «она не оставляет без рассмотрения и изучения вопросов о вознаграждении лиц, потерпевших от преступления, вопрос, относящийся к области уголовного, а не гражданского права»⁸⁴⁰.

При этом автор признает, что намеченные им для науки уголовного права границы не являются в настоящее время общепризнанными. Критикуя существующие на Западе (Биндинг и др.) и среди отечественных криминалистов (Н. С. Таганцев, Н. Д. Сергеевский и др.) «соображения, говорящие в пользу сужения области нашей науки, представляются неубедительными»⁸⁴¹. Наука уголовного права, по его мнению, должна заниматься не только «изучением положительного опыта, его уяснением, его систематизацией, его критической оценкой»⁸⁴²; изучением уголовно-правовых положений с точки зрения *de lege lata* и *de lege ferenda*. А. А. Пионтковский для себя находит «целую серию соображений в пользу соединения криминологических, уголовно-политических и уголовно-догматических доктрин в единое целое»⁸⁴³. Одним из таких аргументов является признание многих из современных криминалистов Запады. Таким образом, «тесная связь и зависимость между криминологическими, уголовно-политическими и уголовно-догматическими доктринами, думается мне, в высшей степени очевидна»⁸⁴⁴.

Думается, что столь «безбрежное» определение границ науки уголовного права является неприемлемым, подобный подход фактически «растворяет» науку уголовного права в семье социальных наук.

Криминология получает определение как отрасль науки уголовного права, которая занимается изучением преступной деятельности в качестве явления социального, установлением естественных законов, обуславливающих собою образование и развитие этой деятельности. Преступная деятельность, подчеркивается А. А. Пионтковским, всегда находилась и находится в тесной зависимости от взаимодействия двух основных факторов: «1) индивидуальных особенностей преступного люда (ин-

⁸⁴⁰ Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. С. 16.

⁸⁴¹ Там же. С. 17.

⁸⁴² Там же. С. 17.

⁸⁴³ Там же. С. 19.

⁸⁴⁴ Там же. С. 21.

дивидуальный фактор) и 2) условий внешней среды, способствующих развитию, образованию и проявлению во вне этих особенностей (физико-социальный фактор)»⁸⁴⁵.

Уголовно-антропологическими изысканиями, направленными на изучение индивидуального фактора, уясняются характер и особенности преступного мира. Этими изысканиями, отмечает ученый, рассеяны иллюзии пионеров в области уголовной антропологии о существовании антропологического типа прирожденного преступника, но в то же время установлена зависимость преступной деятельности от характера и особенностей психофизической структуры человека. Но этот фактор не является определяющим. Большое значение А. А. Пионтковским придается уголовно-социальным изысканиям, нацеленным на изучение влияния физико-социального фактора. «Криминологические исследования, – указывает ученый, – приводят к выводу, что могучее влияние внешней среды сказывается сильно на образовании самого индивидуального фактора преступления, преступной личности; не отрицая наследственности, но и не преувеличивая этого значения, они признают доминирующее значение за условиями внешней среды»⁸⁴⁶.

Что касается уголовной догматики, то предмет этой отрасли науки уголовного права А. А. Пионтковским усматривается в изучении тех правовых норм, в которые облекается борьба с преступностью, а задача – в построении этих норм в соответствии с целями этой борьбы и потребностями защиты и охраны прав личности от возможного насилия и произвола. Однако уголовная догматика, подчеркивает профессор, не занимается всесторонней регуляцией этой борьбы. Ее удел – регуляция «отношений, возникающих по поводу непосредственной борьбы с индивидуальным фактором преступной деятельности». Совокупность норм, регулирующих эту борьбу, образуют из себя уголовное право в широком смысле слова. Оно и является предметом изучения уголовной догматики. Лектором обращается внимание на историческое развитие уголовного права, на обретение им на современном этапе основной формы выражения в уголовном законе и сведения почти к нулю обычного уго-

⁸⁴⁵ Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. С. 7.

⁸⁴⁶ Там же. С. 7.

ловного права. «Уголовная догматика, – развивает свою мысль профессор, – и занимается изучением этой, выработанной историческим процессом регуляции уголовно-правовых отношений». Изучая ее, она «стремится установить и определить условия, при наличии которых возможно применение средств непосредственной борьбы с преступностью, стремится облечь эти средства в соответствующую правовую форму. Исходя из положения, представляющегося основной гарантией защиты свободы личности от произвола и насилия, она заботится об обозначении точными признаками тех деяний, которые почитаются преступными, и устанавливает, таким образом, возможность отличить эти деяния в ряду других деяний, с уголовно-правовой точки зрения безразличных, возможность отличить одну группу этих деяний от другой. Она далее точно определяет меры, которые могут быть применены к преступникам»⁸⁴⁷.

Как мы видим, ученый нисколько не умаляет значения уголовной догматики в деле борьбы с преступностью, но не может согласиться с учеными, сводящими к ней всю науку уголовного права. В числе сторонников сужения области этой науки им критикуется лейпцигский профессор Биндинг, с точки зрения которого уголовно-правовая наука должна заниматься изучением положительного уголовного права, его уяснением, его систематизацией, его критической оценкой и только⁸⁴⁸. Уголовная политика А. А. Пионтковским рассматривается как отрасль науки уголовного права, которая имеет своим предметом изучение средств борьбы с преступностью, задачей – целесообразное построение этих средств. Связь криминологии с уголовной политикой, указывает ученый, состоит в том, что ее данные «служат путеводной нитью для уголовно-политических изысканий». Опираясь на эти данные и на результаты непосредственного изучения средств борьбы с преступностью и руководствуясь интересами целесообразности, уголовный политик строит свою доктрину.

«Признавая, что успешная борьба с преступностью возможна только путем целесообразного воздействия на воспроизводящие ее факторы, – разъясняет лектор, – уголовная политика, сообразно указаниям криминологии, заботится о создании соответ-

⁸⁴⁷ Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. С. 49.

⁸⁴⁸ Там же. С. 50.

ствующих мер борьбы как с индивидуальными, так и с физико-социальными факторами преступной деятельности. Она ратует за изменение и уничтожение тех неблагоприятных условий внешней среды, которые способствуют развитию преступности, ратует за улучшение и усовершенствование условий общежития. Она, далее, заботится об установлении целесообразных средств непосредственной борьбы с индивидуальным фактором преступной деятельности, с самим преступным человеком»⁸⁴⁹.

Подводя итог вышесказанному, следует в очередной раз признать, что идеи ведущих ученых Демидовского юридического лица, стоявших у истоков формирования и развития социологического направления науки отечественного уголовного права, по-прежнему не утратили своего важного значения. Исследователи, представлявшие интересы классической юридической школы, – Н. Д. Сергеевский, А. К. Вульферт – отстаивали позицию о традиционном понимании предмета науки уголовного права. Научное наследие М. В. Духовского и его последователей, традиционно относимых к так называемой социологической школе уголовного права, по существу знаменовало постепенное становление криминологических исследований в России. При этом некоторые теоретики, например А. А. Пионтковский, выступали за соединение криминологических, уголовно-политических и уголовно-догматических доктрин под «одной крышей». М. П. Чубинский и его последователи в дореволюционной науке разработали ряд значимых положений для исследования связи преступности с другими явлениями, личности преступников и эффективности мер воздействия на преступность. Криминологи-социологи считали, что познание преступности зависит от полноты изученности ее факторов, а потому основное внимание уделялось анализу многочисленных данных, свидетельствующих о статистической зависимости между различными социальными, экономическими и личностными характеристиками преступников, с одной стороны, и фактами нарушения уголовного закона – с другой.

Леонид Сергеевич Белогриц-Котляревский (1855–1908). Учился в полтавской гимназии, затем на юридическом факультете Киевского университета Св. Владимира, где окончил курс

⁸⁴⁹ Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. С. 51.

в 1876 г. После окончания университета был оставлен на кафедре уголовного права для приготовления к профессорскому званию. В 1880 г. получил степень магистра уголовного права за историко-догматическое исследование: «О воровстве-краже по русскому праву» (Киев, 1880). Удивительно, но труд начинающего ученого почти сразу был признан классическим исследованием этого вопроса. В отличие от принятого тогда типа диссертаций он представлял собой обширнейшую работу, богатую историческим и сравнительно-правовым материалом, оригинальными теоретическими построениями. В 1881 г. молодой ученый был командирован с научной целью за границу на два года, являлся слушателем в Лейпцигском и Гейденбергском университетах. В 1883 г. назначен доцентом по кафедре уголовного права в Ярославский Демидовский юридический лицей. В 1886 г. в Петербургском университете защитил на степень доктора уголовного права диссертацию под заглавием: «Преступления против религии в важнейших государствах Запада» (Ярославль, 1886); в 1887 г. назначен ординарным профессором Демидовского лицея по занимаемой им кафедре, в 1891 г. перешел в Киевский университет Св. Владимира на ту же кафедру, которую и занимал до самой смерти.

Основные труды ученого: «О воровстве – краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование» (Киев, 1880); «Понятие уголовного права и основание наказания» (Ярославль, 1883); «Особые виды воровства – кражи по русскому праву» (Ярославль, 1883); «Преступления против религии в важнейших государствах Запада» (Ярославль, 1886); «Роль обычая в уголовном законодательстве» (Ярославль, 1888); «Творческая сила обычая в уголовном праве» (Ярославль, 1890); «Общие черты истории уголовного права» (Киев, 1893); «Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части» (Киев, 1904)⁸⁵⁰.

Сфера научных интересов Л. С. Белогриц-Котляревского довольно широка. Им исследовались проблемы русского и зарубежного уголовного права в основном в историко-догматическом плане, а также некоторые вопросы общего уче-

⁸⁵⁰ См. подробнее о научно-исследовательской деятельности Л. С. Белогриц-Котляревского: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 135–148; Томсинов В. А. Проблемы уголовного права в трудах Л. С. Белогриц-Котляревского // Законодательство. 2000. № 1.

ния о праве. Труд ученого «Преступления против религии в важнейших государствах Запада»⁸⁵¹ представляет собой первую в юридической литературе историко-догматическую монографию по данному вопросу. Автором подробно обосновано отношение к религиозной свободе в древнем и среднем мире, исследован широкий круг преступных деяний против веры в еврейском, римском и западноевропейском праве. Причем последнее ученым подразделяется на два периода: 1) «варварский» и период феодализма; 2) период абсолютизма. Право последнего периода рассматривается им по отдельным государствам: в Германии, во Франции и в Англии.

Большое место в труде занимает историко-правовое исследование реформаторских учений об отношении государства к религиозной свободе, анализ особенностей законодательной регламентации преступных посягательств в этой сфере в различных государствах. В конце книги рассматриваются преступления против религии в действующем законодательстве Российской империи. Автором собран и проанализирован обширный законодательный материал о наказуемости таких деликтов, как богохульство, ересь, волшебство, святотатство, осквернение трупов и гробниц в праве еврейском, римском и западноевропейском, о преследованиях за религиозные убеждения⁸⁵².

Дальнейшее исследование проблем отечественного и зарубежного уголовного права Л. С. Белогриц-Котляревский осуществил в работах «Понятие уголовного права и основания наказания» (Ярославль, 1883), «Роль обычая в уголовном законодательстве» (Ярославль, 1888), «Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части» (Киев, 1904) и др.

Ученый понимает под уголовным правом, «во-первых, право положительное как совокупность норм, определяющих меры наказания за преступления» и, во-вторых, науку, «которая занимается исследованием и обобщением понятий о преступлениях и наказаниях»⁸⁵³. Говоря о науке уголовного права, Л. С. Белогриц-Котляревский четко различает природу теории

⁸⁵¹ Белогриц-Котляревского Л. С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада: Историко-догматическое исследование. Ярославль, 1886.

⁸⁵² См.: Там же.

⁸⁵³ Белогриц-Котляревский Л. С. Понятие уголовного права и основания наказания. Ярославль, 1883. С. 3.

права (в том числе и уголовного) и исторической науки и, вместе с тем, обращает внимание и на тесную связь между ними. Всякая норма, по его мнению, «создается на почве факта; последний в истории необходимо предшествует праву... Таким образом, раскрытие внутренней природы права неизбежно предполагает изучение и элемента историко-физиологического»⁸⁵⁴. Следовательно, считает автор, задача уголовного права как юридической науки сводится к раскрытию логической конструкции в основании понятий преступления и наказания, к установлению принципов их внутреннего соотношения⁸⁵⁵.

Много внимания в работах Л. С. Белогриц-Котляревского уделяется исследованию доктринальных проблем наказания. Все теории наказания сведены им к четырем группам: а) абсолютные; б) относительные; в) смешанные; г) отвергающие наказание. Ученые-«абсолютисты» (Шталь, Герbart, Кант, В. Д. Спасович, Н. Д. Сергеевский и др.) полагают, что наказание должно быть «независимо, абсолютно», в основе его должен лежать «принцип возмездия, воздаяния равным за равное». В свою очередь «относительные теории» (Беккариа, Руссо, Монтескье и др.) определяют наказание как средство к достижению различных общественно полезных целей, а потому признают необходимость наказания лишь настолько, насколько оно может достигнуть этих целей, состоящих в устрашении, предупреждении, исправлении и т. д. Теории смешанные (Росси, Ортолан, А. П. Чебышев-Дмитриев, С. Будзинский и др.) предполагают в качестве цели наказания восстановление общественного порядка, которое достигается тремя путями: наставлением, устрашением, исправлением. Отсюда следует, что: а) наказание должно распространяться не на все злодеяния, а лишь на те, которые нарушают общественный порядок, и б) общественное правосудие должно действовать в пределах трех названных последствий, то есть настолько, насколько наставление, устрашение, исправление могут быть достигнуты наказанием. Четвертую группу теорий, по мнению Л. С. Белогриц-Котляревского практически неприемлемых к реальной практике уголовной юстиции, составляют теории, отвергающие наказание (Йох, Томсон, Р. Оуэн и др.). В основе таких теорий лежит идея, что по-

⁸⁵⁴ Там же. С. 4–5.

⁸⁵⁵ Там же. С. 6.

ведение, характер человека «не есть продукт свободной воли», а результат внешнего воздействия окружающей среды. Следовательно, если противоправное поведение лица зависит от причин, лежащих вне его личности, то тогда человек не может подлежать ответственности. «Наказание должно быть отменено и на его место должно выступить воспитание»⁸⁵⁶.

Значительное место в научном наследии ученого отведено анализу отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств. К смягчающим наказание он предлагал относить: 1) деяние виновного лица, чистосердечно и осознанно «явившегося с повинной, или и взятого к допросу по подозрению, если он не только укажет всех сообщников, но и сверх того доставлением верных и своевременных сведений предупредит исполнение какого-либо другого преступного умысла, так что этим пунктом не мог воспользоваться преступник, не имевший сообщников или не имеющий сведений о каком-либо ином преступлении, кроме учиненного им»; 2) прежнюю безупречную службу или иные заслуги и достоинства преступника; 3) длительное нахождение под судом или под стражей, если виновный совершил незначительное преступление⁸⁵⁷. Интересна его негативная позиция в отношении обстоятельства, «в основании коего признавалось причиной смягчения наказания принятие нехристианином во время суда и следствия православия»⁸⁵⁸. Это законодательное положение было закреплено в Уложении 1845 и 1857 гг. и затем отменено по Закону 24 марта 1866 г. Многие политики и ученые-криминалисты того периода (М. Д. Дриль, П. Лякуб) были категорически против такого законодательного решения и настаивали на возвращении указанного обстоятельства в ст. 153 Уложения о наказаниях 1885 г.⁸⁵⁹

Понятие объекта преступления, по мнению учёного, должно отражать реально существующее и затрагиваемое преступлением внешнее явление действительности, обладающее свойствами ценности – цели, в определенном состоянии которого и соответственно в защите которого общество заинтересовано.

⁸⁵⁶ Белогриц-Котляревский Л. С. Понятие уголовного права и основания наказания. С. 8–13.

⁸⁵⁷ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 234.

⁸⁵⁸ Там же. С. 238.

⁸⁵⁹ См.: Ратманов С. О. О развитии криминологии в дореволюционный период. М., 1991. С. 65.

Возможность причинения вреда данному феномену должна составлять сущность общественной опасности любого преступного посягательства. Такому представлению об объекте преступления более всего соответствует концепция объекта преступления как правового блага (правоохраняемого интереса)⁸⁶⁰.

Заметим, что ярославский ученый одним из первых критически оценивал получившую развитие в доктрине российского уголовного права в конце XIX в. акцессорную концепцию соучастия⁸⁶¹. Характерно, что несогласие с принципом акцессорного соучастия, при котором характер и тяжесть ответственности соучастника определялись характером и тяжестью деяния исполнителя, вполне отчетливо представлено в трудах и других видных учёных российского уголовного права (И. Я. Хейфец, И. Я. Фойницкий)⁸⁶². Аргументация этих юристов связана с посылкой о необходимости отказа от служебной роли подстрекательства и пособничества, необходимости рассматривать их в качестве самостоятельной виновности.

Особое место в работах Л. С. Белогриц-Котляревского занимают исследования дискуссионных вопросов конкретных преступных посягательств. Многие выводы и предложения, сделанные им, актуальны и полезны уголовно-правовой науке и практике и по сей день.

Так, анализируя преступления против личности, ученый изучает угрозу и в качестве подготовительных действий, и в роли самостоятельного посягательства. Автор отвергает утверждение о том, что «угроза выступает одним из моментов предварительной преступной деятельности, а равно о том, что угрозу следует принимать за оскорбление или преступление против общественного порядка»⁸⁶³. Объектом угрозы необходимо признавать личную свободу, поскольку угроза определенным обра-

⁸⁶⁰ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная части. С. 161.

⁸⁶¹ См.: Там же. С. 214.

⁸⁶² См.: Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914. С. 5; Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. 1891. № 1. С. 23.

⁸⁶³ Такое мнение достаточно распространено в теории отечественного уголовного права. См.: Сафин Р. Г. Преступления против личности в истории отечественного уголовного права // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 54.

зом стесняет возможность лица распоряжаться самим собой – потерпевший вынужден для охраны своих благ принимать определенные меры предосторожности. «Способ действий при угрозе», по мнению автора, может быть различен, «включая и конклюдентные действия»⁸⁶⁴. Характеризуя угрозу как «действительное» зло, он, тем не менее, считает, что в основе угрозы может находиться не только ее реальность, способность виновного ее реализовать, а и «фиктивное» зло, когда потерпевший, пусть и добросовестно заблуждаясь, воспринимает угрозу как реальную⁸⁶⁵. В современной теории уголовного права субъективное восприятие угрозы потерпевшим считается одним из определяющих признаков многих преступлений⁸⁶⁶.

Различна, по мнению ученого, природа сокрытия имущества собственного и принадлежащего акционерному установлению, во вред не только кредиторам последнего, но и ему самому. Следовательно, становится реальностью возможность причинения банкротскими преступлениями вреда имущественным интересам самого несостоятельного должника, считал Л. С. Белогриц-Котляревский. Он писал, что имущественная природа преступлений, связанных с несостоятельностью, вытекает из того, что, «во-первых, их объектом являются права кредиторов на удовлетворение их долговых претензий из имущества должника, а во-вторых, имущество самого должника виновным образом умалывается в ущерб кредиторам»⁸⁶⁷.

Ученым утверждалось, что допущение аналогии в уголовном праве не является нарушением принципа *nullum crimen*, поскольку аналогия выступает как способ восполнения судом несовершенства закона, как один из приемов его толкования. Однако аналогия не может быть допущена, когда предложенное суду деяние представляется суду новым, безусловно расходящимся со всеми типами жизненных интересов, предусмотренными законодателем, лишённым каких-либо общих с ним черт.

⁸⁶⁴ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная часть. С. 378.

⁸⁶⁵ Там же. С. 377.

⁸⁶⁶ См.: Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение // Российский следователь. 2006. № 18. С. 34.

⁸⁶⁷ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная часть. С. 234.

Являясь в основном позитивистом, Л. С. Белогриц-Котляревский, тем не менее, проявляет солидарность с крупнейшим представителем социологического направления в правоведении С. А. Муромцевым в вопросе о творческой силе юриспруденции. Он так же, как и последний, считает вполне правомерным и общественно полезным активное участие судьи в процессе правообразования. В случае, когда законоположение не соотнобразуется с тем или иным особым отношением, судья обретает право, полагает Л. С. Белогриц-Котляревский, на творческое обращение с законом, на принятие решения по своему усмотрению. «Решитель правовых столкновений – судья, – пишет ученый, – встречаясь с правоотношениями, не объемлемыми законной нормой, путем принадлежащей ему интерпретации видоизменяет последнюю так, чтобы она отвечала природе данного столкновения. Это видоизменение есть большею частью развитие данной законной нормы, но иногда оно равносильно и новому правообразованию. ... Творческая деятельность судьи в этих случаях самая широкая: она не ограничивается только неважными модификациями законной нормы или обречением ее на бездействие, она иногда ведет к существенной реформе данных норм, совпадающей лишь с системой родственных норм, с общей волей творца».

Л. С. Белогриц-Котляревский разделяет также мнение С. А. Муромцева, что законодательная функция не может быть вполне отделена от судебной. В отличие от Н. Д. Сергеевского, решительно возражавшего против сближения науки уголовного права с социологией, Л. С. Белогриц-Котляревский выдвигал задачу изучения общих свойств преступлений и наказаний как социальных явлений.

В трудах Л. С. Белогриц-Котляревского глубоко раскрывается созидательная роль обычая в правовой жизни народа. Особенно интересна в этом отношении уже упомянутая его работа «Творческая сила обычая в уголовном праве», в которой, замыкаясь в рамках уголовного права, ученый последовательно развивает свой взгляд на процесс правообразования.

Источником образования норм обычного права Л. С. Белогриц-Котляревский считает не общественное, а индивидуальное сознание и с этих позиций критикует историческую школу права. «... Нормы обычного права, – утверждает он, – возникают первоначально из убеждений отдельных лиц, а не из

народного духа, не из народного сознания непосредственно, как учила историческая школа, возведшая народный дух на степень какого-то самостоятельного объективного творческого фактора, действующего независимо от личного сознания отдельных лиц. По учению Савиньи и Пухты первоисточник права есть сам народ или, иначе, естественное единство народного убеждения». Не в пользу учения этой школы, утверждает Л. С. Белогриц-Котляревский, свидетельствует наличие общих черт в обычном праве разных народов. «...Сходство обычаев разных народов, – подчеркивается им, – не находит себе объяснения в теории Пухты, согласно которой право есть чисто национальный продукт, непосредственное выражение духа данной нации; будучи верен себе, Пухта не признавал обычных норм даже в сфере международного права»⁸⁶⁸.

Отдавая должное законодателю, ярославский ученый не склонен преувеличивать значение творческой инициативы законодателя, он полагает, что никакая самая успешная законодательная деятельность не может свести на нет процесс образования обычного права. Жизнь, потребности общения, преломляясь в индивидуальном сознании, всегда будут порождать необходимые нормы общения, опережая законодателя. «Право, – пишет Л. С. Белогриц-Котляревский, – не есть только продукт отвлеченной мысли; оно создается на почве жизненных потребностей, отношений, интересов. Сии же последние постоянно разнообразятся и меняются, ибо жизнь не стоит, а, подобно большой реке, пребывает в постоянном движении, и как эта последняя постоянно меняет свои берега, так и жизнь меняется и разнообразит потребности, отношения, интересы. Законодатель, как бы он ни был чуток к запросам жизни, не может познать все потребности ее одновременно с отдельными гражданами... Законодателю большею частью приходится лишь закреплять уже возникшее правовое убеждение, уже выраженное правоположение»⁸⁶⁹.

Автор рассматривает как неверное повторяемое Иерингом господствующее учение, утверждающее, что все реформы права сводятся к одному закону, что обычаю остается лишь регу-

⁸⁶⁸ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Ярославль, 1888. С. 34.

⁸⁶⁹ Белогриц-Котляревский Л. С. Роль обычая в уголовном законодательстве. С. 35.

лизовать движение по существующим путям, способствовать ему, но отнюдь не препятствовать.

По утверждению криминалиста, не только в сфере гражданского, но и в сфере уголовного права обычаю иногда принадлежит реформаторская роль. Образуюсь под влиянием перемен в жизненном укладе, а также порождаясь несовершенством самого закона, обычное право в определенных условиях выполняет историческую миссию разрушения старого и установления на его место нового, адекватного духу времени, права.

Л. С. Белогриц-Котляревский приводит многочисленные примеры влияния обычного права на законодательство, главным образом в плане его гуманизации. В числе таких примеров он ссылается на французский полевой закон 1791 г., принятый в интересах обеспечения «права бедных» под влиянием древнего гуманного обычая, предоставлявшего нищим и немощным людям данной местности право сбора в открытых полях хлебных колосьев, сена, винограда, оставшихся после сбора хозяином урожая⁸⁷⁰.

Автором написано также значительное число рецензий. Среди последних наибольший интерес представляют отзывы на учебник по уголовному праву («Русское уголовное право. Часть общая») и монографию «Наказание в русском праве XVII в.» Н. Д. Сергеевского. Обстоятельной критике рецензентом подвергается утверждение автора об оправданности особыми обстоятельствами института групповой уголовной ответственности, а также признания им за преступлением значения «спутника прогресса». Как мы видим, многие из научных положений и выводов ученого актуальны и значимы для развития современной теории уголовного права.

Григорий Самуилович Фельдштейн (1868 – после 1915) окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата. В 1902 г. защитил магистерскую диссертацию по монографии «О формах виновности в уголовном праве», а в 1909 г. – докторскую по монографии «Главные течения в истории науки уголовного права в России». С 1906 г. и. д. экстраординарного профессора, с 1910 г. ординарный профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства.

⁸⁷⁰ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль, 1890. С. 31.

После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Читал курс уголовного права. В 1906 г. перешел в Демидовский юридический лицей на кафедру уголовного права и судопроизводства. Читал наряду с уголовным правом курс истории его науки. В 1912 г. вернулся в Московский университет.

Его главные труды: «О необходимой обороне и ее отношении к так называемому правомерному самоуправству» // Журнал Министерства юстиции. 1889. № 5; «Учение о формах виновности» (М., 1902); «Психологические основы и юридическая конструкция форм виновности в уголовном праве» (М., 1903); «Умышленное и непроизвольное убийство в ранних памятниках канонического права» (СПб., 1905); «Профессор С. И. Баршев» (Ярославль, 1908); «Общественные причины преступности» (М., 1908); «Главные течения в истории науки уголовного права в России» (Ярославль, 1909); «Лекции по уголовному судопроизводству» (М., 1915).

Основная сфера научных интересов ученого – проблемы уголовного права и истории российской уголовно-правовой мысли.

Значение солидного научного труда имеет вышедшая в 1899 г. в Журнале Министерства юстиции статья Г. С. Фельдштейна «Необходимая оборона и ее отношение к так называемому правомерному самоуправству». В этой статье ученым обстоятельно анализируется вся имевшаяся по этому предмету как отечественная, так и зарубежная юридическая литература. Необходимая оборона им рассматривается как институт исторический, находящийся в той или иной зависимости от условий общежития.

Г. С. Фельдштейн выступает как противник формально-ограничительной трактовки этого института, ухода при его конструировании от реалий жизни. Им критикуется как совершенно несостоятельное выдвигаемое старой доктриной положение о неоправданности права на применение насилия нападающему в случае существования для обороняющегося возможности «безопасного» или «непозорного» бегства. В понятии необходимой обороны, по мнению ученого, должна наличествовать, наряду с формальной, материальная сторона этого института. Согласно его точке зрения, «необходимая оборона должна быть рассматриваема как правомерное насилие, причиняемое противозаконно

нападающему; при этом является несущественным вменяемо ли лицо нападающее, и необходимо только, чтобы нападение неустранимо было никакими другими средствами, не считая, впрочем, бегства, и чтобы насилие причинялось в надлежащий момент». Г. С. Фельдштейн всесторонне рассматривает вопрос о правомерности обороны против незаконных действий органов власти и утвердительно на него отвечает. Ученым подчеркивается, что объектом защиты при необходимой обороне могут быть честь и свобода человека. Применительно к этому обращает на себя внимание крайняя зауженность права на оборону в действующем уголовном кодексе.

Г. С. Фельдштейном дается довольно широкая трактовка правомерности самоуправства, рассматривая последнее по аналогии с необходимой обороной, однако он признает его правомерным и после момента окончания преступления, если самовольное вмешательство являлось единственным средством восстановления правопорядка и не выходило за пределы строго необходимого.

Г. С. Фельдштейну принадлежит единственное в своем роде наследование исторического хода развития российской науки уголовного права. В фундаментальном труде «Главные течения в истории науки уголовного права в России» всесторонне изучены важнейшие направления российской уголовно-правовой мысли, начиная со второй половины XVIII в. и кончая дореформенным периодом XIX столетия, объективно оценен вклад каждого из русских криминалистов этих эпох в становлении науки о преступлении и наказании. Автором внимательно прослеживается весь сложный путь преодоления отдельными представителями этой науки рутинных представлений о сугубо карательном предназначении уголовного права и приближения к осознанию общечеловеческой сути проникающих его истин. Ход развития науки уголовного права в монографии тесно увязывается с политико-законодательными мерами правительства, оказывавшими на него, особенно в период управления Николая I, тормозящее воздействие. Отдавая должное «Своду законов» как свершению эпохального значения, внесшему упорядоченность в законодательную жизнь империи, ученый рассматривает его и как препятствие на пути прогресса в сфере юридической, поскольку с выходом «Свода» предписывалось вести научные исследования только на основе сформулированных им законоположений. Вся-

кое критическое переосмысление установлений законодателя, в том числе совершенно чуждых общественному правосознанию, исключалось. Затруднено было, по выражению Г. С. Фельдштейна, «даже свободное изложение действующего права, монополизированного "Сводом"». Еще более парализующее воздействие на уголовно-правовую мысль, подчеркивается ученым, оказало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., которое, «выступив как улучшенное издание свода законов уголовных, завершило собой с формальной стороны процесс консолидации нашего уголовного законодательства и в связи с недопущением культивирование идей, предлагавших сколько-нибудь серьезную критику существующей системы, сыграло роль могильного камня над творческим развитием уголовно-политической мысли. Вся эпоха Николая I представляется временем поразительно бедным на проявление даже самых скромных попыток освещения вопроса об изменении уголовно-правовой рутины»⁸⁷¹. Г. С. Фельдштейном подробно анализируются эклектические учения этого периода российской истории, проникнутые духом апологетики исторических начал, воплощенных в Уложении 1845 г., стремлением примирить научные выводы с николаевским режимом, оправдать наиболее жестокие стороны этого режима, подвести под них теоретический фундамент. Особенно в этом преуспел, по мнению автора, видный представитель российской криминалистики николаевской эпохи, профессор Московского университета С. И. Баршев, энергично ратовавший за расширение сферы преступного и наказуемого, за искоренение нарушений нравственных и религиозных норм мерами уголовной репрессии, считавший, что все начала уголовного права осуществлены в Уложении 1845 г. и не нуждаются в рассмотрении с рационалистической точки зрения. Единственно за что, замечает Г. С. Фельдштейн, этот криминалист покритиковал «Уложение», так исключительно за излишнюю его мягкость. Пример, достойный подражания, им видится в памятниках законодательства минувшей эпохи, вроде Артикула Воинского и Морского Устава. Г. С. Фельдштейном детально рассматривается взгляд С. И. Баршева на наказуемость покушения на преступление. С точки зрения последнего, добровольно оставленное по-

⁸⁷¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 649.

кушение не подлежит освобождению от наказания, оно лишь мягче наказывается по сравнению с воспрепятствованным. Покушение, по утверждению этого криминалиста, существует всегда, как скоро есть намерение совершить преступление, а ведет или не ведет оно к совершению преступного деяния для понятия и наказания покушения не имеет значения. Достаточно, следовательно, иронизирует Г. С. Фельдштейн, согласно школьному примеру, помолиться о смерти другого, чтобы провиниться в покушении на его жизнь⁸⁷².

К представителям исторической школы русских криминалистов ученый относит А. Попова, Н. Д. Иванищева и С. И. Баршева, означивших это направление российской криминалистики своими трудами, вышедшими в 40-е гг. XIX в. Последний из названных Г. С. Фельдштейном, являясь профессором Петербургского университета, выступил с призывом к разработке русского уголовного права в духе учений исторической школы в Германии, последовательно развивая мысль о том, что право проистекает из глубин народной жизни «подобно первоначальному образованию языка», и рассматривая законодательство как точное выражение юридической жизни народа, призванное облекать в букву закона начала правды, присущей народу.

Важное место отводится российским криминалистам – гегельянкам. Среди них Г. С. Фельдштейн выделяет П. Г. Редкина и А. И. Палюмбецкого. Высоко оценивая их вклад в науку, особенно первого, автор отмечает почти буквальное их следование Гегелю в вопросах научной трактовки понятий преступления и наказания. С наибольшей подробностью Г. С. Фельдштейном рассматриваются учения представителей историко-философской школы уголовного права, которые достигли своего апогея в трудах выдающегося русского юриста А. П. Чебышева-Дмитриева, полагавшего, что уголовное право как предмет изучения определяется историческими и философскими началами, которые дают указание для общего направления законодательства, уголовной политики. Подчеркивается проникновение этих трудов идеями гуманизма, стремлением к выявлению факторов, порождающих преступность. Г. С. Фельдштейн отмечает, что в отличие от других представителей школы Г. С. Гордеенко и П. Д. Колосовского А. П. Чебышев-Дмитриев начинает пони-

⁸⁷² Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 623.

мать историю как проявление определенных факторов, придающих устойчивость уголовному законодательству и изменяющих объем того, что подлежит изучению криминалиста. Отдавая должное высоким стремлениям, благородству научного служения криминалистов этого направления, исследователь констатирует неразрешение ими поставленных научных задач. Успех их творческим исканиям мог быть обеспечен, полагает Г. С. Фельдштейн, только при условии предварительного выполнения ряда исторических работ: «Если не создано положительного фундамента в виде установления неизменной зависимости между рациональными принципами уголовного законодательства и историческим их выражением, то самое направление это не может дать ожидаемых от него плодов»⁸⁷³. Поэтому криминалисты историко-философской школы, далее развивает свою мысль Г. С. Фельдштейн, даже в лице наиболее блестящего из них – А. П. Чебышева-Дмитриева должны были возвратиться к схеме криминалистов-гегельянцев, оперировавших больше с постулатами собственных идеалистических учений, чем с реальными фактами исторической жизни.

Монография содержит много важных сведений по истории юридического образования в России. В ней детально охарактеризована школа законоискусства в лице ее виднейших представителей З. А. Горюшкина и Н. Н. Сандунова. Автором высказывается резко критическое отношение к политике камерализации юридического образования.

Ученый проявил себя и как процессуалист. В 1915 г. в Москве вышли его лекции по уголовному судопроизводству. Г. С. Фельдштейну принадлежит заслуга открытия как выдающегося криминалиста казанского профессора Г. И. Солнцева, который в 20-е гг. XIX в. за читаемый им курс уголовного права был подвергнут «остракизму», отстранен от преподавания в университете. О том, что Г. И. Солнцев успешно занимался догматической разработкой российского уголовного права, не было известно вплоть до исследования в начале XX в. случайно обнаруженной рукописи его труда. Эту рукопись Г. С. Фельдштейн получил от директора Демидовского лицея С. М. Шпилевского, который в бытность профессором в Казани купил ее одновременно с грудой рукописного хлама у торговца старыми

⁸⁷³ Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 665.

книгами. Внимательно изучив рукопись, Г. С. Фельштейн пришел к выводу, что перед ним первый оригинальный научный курс русского уголовного права. В 1907 г. сочинение Г. И. Солнцева, относящееся к 1820 г., было издано в Ярославле со вступительной статьей Г. С. Фельдштейна, в которой раскрывалось большое значение для науки почти сто лет пребывавшего в неизвестности самобытного труда опального казанского профессора.

Ширяев Валериан Николаевич (1872–1937) родился в Ярославле, окончил в 1895 г. Демидовский юридический лицей с серебряной медалью, приват-доцент (с 1904 г.) и профессор (с 1910 г.), а также последний директор (с 1917 г.) Демидовского юридического лицея и первый ректор Ярославского госуниверситета (1918–1922 гг.). В 1910 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «Религиозные преступления: историко-догматические очерки», а в 1916 г. – докторскую по монографии «Взяточничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях» (подробнее о его биографии сказано в части I данной книги).

Его основные труды: «К вопросу о рецидиве» (СПб., 1903); «Оскорбление чести по русскому праву» (М., 1905); «Уголовно-правовая охрана религиозной свободы» (Ярославль, 1907); «Религиозные преступления. Историко-догматические очерки» (Ярославль, 1909); «Особые суды для подростков» (М., 1910); «Взяточничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях» (Ярославль, 1916); «Ярославский губернский комитет 1858 – 1859 гг. и составленный им проект положения об устройстве быта помещичьих крестьян» (Ярославль, 1912); «Вопросы правотворчества и суда в Советской России» (Ярославль, 1919); «Дисциплинарная ответственность служащих» (М., 1926); «Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года» (Минск, 1926); «Основные начала уголовного законодательства СССР» (Минск, 1926); «Таганцев и его значение для науки уголовного права» (Минск, 1928) и др.

Основная сфера научных интересов ученого – проблемы религиозной и должностной преступности.

Как и большинство дореволюционных ученых-юристов, В. Н. Ширяев являлся сторонником исторического изучения права. В одном из самых значительных своих трудов «Религиозные преступления» им в историко-догматическом плане рас-

смачивается ход развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против религии, анализируются различные научные подходы к оценке правонарушений такого рода. В. Н. Ширяев видит и обосновывает необходимость ограничения уголовно-правового вмешательства государства в сферу отношений гражданина и церкви, расширения религиозной свободы человека, высказывается за отмену различий между гражданами по «вероисповедному» признаку, полемизируя с Н. Д. Сергеевским, полагавшим, что установление такого рода различий правомерно. Выдвигая требование конкретно-исторического подхода, В. Н. Ширяев указывает на важность определения исследователем того, что понималось в данном праве в ту или иную эпоху его развития под религиозным преступлением, какое благо или интерес охранял законодатель, относя известную группу деяний к категории религиозных преступлений. В его труде выясняется уголовно-правовая конструкция преступных деяний этого вида в различные периоды и моменты истории.

В. Н. Ширяев критикует российское уголовное законодательство за придание исключительного значения защите государственных интересов в ущерб интересам личности, которые отодвигаются на самый отдаленный план, за абсолютизацию идеи устрашения.

Этому капитальному труду предшествовала опубликованная В. Н. Ширяевым в 1907 г. в «Журнале Министерства юстиции» обширная статья «Уголовно-правовая охрана религиозной свободы», в которой автором связывается с освобождением церкви от стеснительной опеки государства освобождение российских граждан от религиозного гнета.

В. Н. Ширяев считает допустимым и оправданным вмешательство государства в религиозную жизнь граждан только в том исключительном случае, когда распространение того или другого вероучения будет представлять реальную непосредственную опасность для государства или общественных интересов.

Статья эта имела не только научное, но и широкое общественное звучание, вполне отвечала духу времени.

Труд «Взятничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях» также является историко-догматическим исследованием.

До выхода в свет этой монографии ученый многократно выступал со статьями по проблемам должностной преступности в «Журнале уголовного права и процесса», в «Юридическом вестнике», в «Журнале Министерства юстиции», в «Юридических записках» и других изданиях.

В первой части этого фундаментального труда изложены вопросы общего учения о должностных преступлениях, такие как юридическая природа и понятие должностного преступления. Одна из глав содержит исторический очерк российского законодательства и судебной практики о должностных преступлениях.

Вторая часть монографии посвящена специальному догматическому анализу взяточничества и лиходейства, которому предшествует исследование процесса исторического конструирования этих двух составов в римском, каноническом праве, в законодательствах западноевропейских государств и в российском.

Раскрывая юридическую природу должностных преступлений, автор особое внимание уделяет поиску научного критерия для принципиального разграничения должностных преступлений и служебных провинностей, отсутствие которого влекло зачастую возведение в ранг уголовно-наказуемых деяний проступков по службе, заслуживающих всего лишь дисциплинарного воздействия. Решение этого вопроса, по мнению ученого, кроется в выяснении взаимоотношения, существующего между нарушением служебного долга и нарушением правового блага. Если нарушение служебного долга, указывает В. Н. Ширяев, является преобладающим, то в таком случае имеет место дисциплинарная провинность; таковы, например, случаи так называемого нерадения по службе, формальные упущения и т. п., если же за этим нарушением служебного долга с большей или меньшей очевидностью усматривается нарушение интересов публичных или частных, в этом случае имеет место должностное преступление. В правонарушении такого рода, уточняет автор, на первом плане стоят поврежденные или поставленные в опасность интересы государства, общества или частных лиц, а не отвлеченная идея служебного долга.

Одна из важных задач исследования состояла в том, чтобы дать ответ на вопрос о возможности участия в должностных преступлениях частных лиц. Российское законодательство решало его отрицательно, а судебная практика не проявляла последовательности в этом вопросе, в результате частные лица,

склонившие чиновника на должностное преступление, в большинстве случаев оставались вне сферы уголовной ответственности. На ненормальность подобного положения указывали некоторые русские юристы, в том числе А. Ф. Кони.

Государственный Совет в одном из своих мнений признал возможным участие частного лица в преступлениях по службе лишь в том единственном случае, «когда учиненное должностным лицом является вместе с тем и общим преступлением, т. е. деянием, запрещенным законом под страхом наказания, независимо от того, будет ли оно совершено лицом должностным или же частным человеком». Это мнение сделалось руководящим и повторялось в ряде последующих решений Сената. При таком подходе исключалась возможность признания соучастия частных лиц в преступлениях, именуемых должностными в собственном смысле, т. е. в тех деяниях, которые заключаются в нарушении исключительно служебных обязанностей. Некоторые криминалисты предлагали решать вопрос об участии частных лиц в должностных преступлениях, исходя из общего учения о соучастии, тем самым игнорируя специфику, особую юридическую природу этих деяний. Сторонники такого воззрения допускали соучастие в должностных преступлениях без каких-либо ограничений. Возражая против подобной научной позиции, В. Н. Ширяев отстаивает свою точку зрения, согласно которой ключ к разрешению проблемы следует искать в различении деяний по объекту посягательства и по способу их совершения.

Автор усматривает полную возможность участия частных лиц в той группе должностных преступлений, которая характеризуется способом своего учинения. Служебный способ действия, доступный должностным лицам, подчеркивает он, обеспечивает здесь причинение результата; остальные лица могут лишь создавать условия, содействовать наступлению результата; они могут выступать в качестве подстрекателей и пособников должностных лиц. Примером такого деяния может быть служебный подлог.

Особо тщательному исследованию в монографии подвергнута юридическая природа взяточничества, наиболее опасного и распространенного из должностных преступлений в собственном смысле этого слова.

Взяточничество определяется Ширяевым как должностное преступление, заключающееся или в изъятии согласия

на принятие подарка или иной материальной выгоды, или в принятии их, или даже в требовании их должностным лицом за учинение или опущение (взяточничество – вознаграждение) или ради учинения или опущения (взяточничество – подкуп) какого-либо действия по службе.

Тесно связанное с взяточничеством *лиходательство* рассматривается автором как деяние, заключающееся в обещании, предложении или предоставлении должностному лицу подарка или иной материальной выгоды с целью склонить это должностное лицо к желательному для интересов лиходателя образу действия по службе (лиходательство – подкуп) или с целью заплатить должностному лицу за услуги, уже оказанные им лиходателю (лиходательство – вознаграждение).

Изучение обширного законодательного материала о должностных преступлениях и судебной практики по этой категории дел убеждают автора в необходимости усиления ответственности за преступления, совершаемые должностными лицами как заключающимися в себе особую общественную опасность: «Если массовое проявление общей преступности способно вызвать и породить общественную тревогу, то развитие и умножение должностных преступлений может быть рассматриваемо как общественное бедствие»⁸⁷⁴.

В. Н. Ширяев зарекомендовал себя как один из непримиримых борцов против «разгулявшегося» в послереволюционной России правового нигилизма. В вышедшем в 1920 г. в Ярославле «Сборнике Ярославского университета» он выступил с полемической статьей «Вопросы правотворчества и суда в Советской России», в которой со свойственной ему прямоотой подверг критике «залихватские призывы» видных деятелей народного комиссариата юстиции Д. И. Курского, П. И. Стучки и других об изгнании из советского правосудия всех буржуазных догм и гарантий, как несовместимых с диктатурой пролетариата.

В. Н. Ширяев обосновывает в статье непреходящее значение общечеловеческих норм правосудия, отказ от которых открывает путь произволу, ведет к сокрушению правопорядка.

Старые правовые ценности не могут отбрасываться, отвергаться только потому, что они принадлежали и служили старо-

⁸⁷⁴ Ширяев В. Н. Взятничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916. С. 2.

му революцией отвергнутому строю. Автор усматривает в правовой преемственности один из важнейших законов общественной жизни.

«Каждая историческая эпоха, – пишет он, – передает другой свой правовой уклад, но передает, по образному выражению Колера, не как поклажу, которую надо хранить в неприкосновенности, а как основу, из которой должны развиваться новые формы, новое право». Возведение в абсолют классового интереса, по мнению ученого, дело опасное, праву несозвучное.

У В. Н. Ширяева вызывает недоумение третирование с тех же ультрареволюционных позиций теории правового государства. Он утверждает, что в действительности не существует несовместимости между правовой государственностью и социализмом. В. Н. Ширяевым высказываются весьма основательные суждения по этому поводу: «В социалистической литературе довольно часто можно встретить противопоставление правового государства – государству социалистическому: в противоположность последнему первое определяется, как "буржуазное". Противопоставление это совершенно неправильно, ибо сравниваются понятия разнородные: при определении государства известного типа, как правового, имеется в виду его юридическая природа, его правовая организация, характеризуя данный строй как социалистический, определяют его экономический, хозяйственный уклад, противоположный капиталистическому строю».

Ученый-юрист высказывает принципиальное несогласие с утверждением П. И. Стучки, что главный путь к созданию нового права проходит через революционное правотворчество народных судов. «Теперь не то время, – возражает В. Н. Ширяев, – когда народ через своих "судных мужей" путем судебных решений творил право и судебная практика была главным, если не единственным, источником права». Революция не является отрицанием цивилизации, далее продолжает он свою мысль, а потому не может обойтись без научно разработанных, юридически правильно сформулированных законов, которые бы авторитетно и единообразно регулировали новые общественные отношения. Судья должен руководствоваться законами советской власти, а не революционным правосознанием, пролетарской этикой. «Пролетарская этика, – пишет он, – не может быть признана безусловно неизменным и неколебимым критерием». Советская власть, подчеркивает В. Н. Ширяев, не

может обойтись и без квалифицированных, научно образованных судей, поэтому не укладывается в рамки здравого смысла витающая в правительственных кругах идея упразднения юридических факультетов.

«Юридические факультеты, – утверждает он, – до сих пор были главными рассадниками для подготовки деятелей в общественно-административной, и главным образом в судебной, отраслях, для этих отраслей деятельности юристы являлись наиболее пригодными по своей научной подготовке». Являясь воспитанником и активным деятелем дореволюционной юридической школы, он сохраняет к ней высокое уважение. Но если новые деятели, полагает автор, усматривают в старой системе юридического образования какие-то серьезные изъяны, то вопрос надо ставить о ее разумном реформировании в соответствии с новыми запросами жизни, а не об упразднении как таковой, что граничит с безрассудством.

Проходящие в стране сложные процессы преобразований, по твердому убеждению В. Н. Ширяева, со все большей настойчивостью выдвигают требование законности, установление и укрепление которой невозможно без юридически компетентных кадров, высокой правовой культуры. Поэтому одну из важнейших задач советской власти должно составлять, по его мнению, всемерное развитие и совершенствование системы юридического образования при непременно сохранении его лучших традиций.

Революцию В. Н. Ширяев воспринимал как историческую закономерность, и критика им некоторых экстремистских мер революционной власти была продиктована не отрицательным отношением к этой власти, а стремлением обратить ее внимание на опасность схождения с правового пути. Он был исполнен готовности служить новому строю, но служить честно, не поступаясь принципами.

В сфере научных интересов В. Н. Ширяева постоянно находились вопросы совершенствования советского уголовного законодательства. Каждым своим выступлением в печать по этим вопросам он стремился обратить внимание законодателя на чрезмерное увлечение отрицанием традиционного в праве, на пренебрежительное отношение к правовым аксиомам, общепринятой терминологии, на игнорирование по сути жизненных реалий под предлогом классового подхода и борьбы с пережит-

ками. «Несомненно, – пишет он, – что уголовный законодатель должен бороться с предрассудками всякого рода и пережитками, что он должен быть руководителем и внедрять в сознание масс здравые идеи, но он не может в то же время пренебрегать теми социально-правовыми понятиями, которые не только жизненны, но и жизнеспособны. К числу таких жизненных и жизнеспособных понятий следует отнести понятие вины и наказания. Отказываться от них было бы преждевременно». Как известно, «Основные начала уголовного законодательства СССР» 1924 г. полностью отказались от понятия наказания в пользу «мер социальной защиты». И это отнюдь не простая смена терминологии, подчеркивает ученый, а принципиальный переход к перестройке уголовного законодательства на основе учения об опасном состоянии личности. При последовательном проведении этого учения вменяемость и виновность, утверждает В. Н. Ширяев, теряет всякий смысл, становятся излишними такие институты, как необходимая оборона и крайняя необходимость. В. Н. Ширяев указывает на ст. 11 и 12 «Основных начал», как сформулированные совершенно в духе учения об опасном состоянии. Согласно этим статьям, для определения меры наказания не имеет значения степень завершенности преступной деятельности. «Согласно статье 11 "Основных начал", – подчеркивает В. Н. Ширяев, – остановившийся на стадии приготовления может быть подвергнут той же мере социальной защиты, что и закончивший с желаемым успехом преступное деяние, а на основании ст. 12 пособник той же мере воздействия, что и исполнители или подстрекатели. Оба эти пункта последовательно отвечают началу выбора целесообразной меры воздействия в соответствии со степенью социальной опасности; ибо и лицо, застигнутое в стадии приготовления, и второстепенный пособник могут оказаться гораздо опаснее, чем достигший желаемого результата главный виновник».

Хотя законодатель, замечает В. Н. Ширяев, не отказывается от понятия вменяемости, которая является «одним из условий виновности, но которая представляется излишней, как скоро система борьбы с преступностью построена на принципе опасного состояния». В таком же положении оказывается и понятие виновности. Хотя ст. 6 «Основных начал» различает умысел и неосторожность «при последовательном проведении учения об опасном состоянии эти виды виновности теряют свой смысл,

ибо учинивший преступное деяние по неосторожности иногда может быть более опасен, чем учинивший его умышленно».

В. Н. Ширяев обращает внимание и на такую несообразность «Основных начал», как допущение вынесения относимого к мерам социальной защиты «предостережения» при оправдательном приговоре: «В оправдательном приговоре суда заключается ответ на вопрос о виновности».

Решительное осуждение у В. Н. Ширяева вызывает допущение «Основными началами» применения в силу признания лица социально опасным наказания без предъявления конкретного обвинения или после предъявления обвинения, окончившегося оправданием.

Критическую оценку со стороны В. Н. Ширяева получает и чрезмерно широкое разрешение «Основными началами» применения уголовного закона по аналогии. Если Уголовный кодекс в редакции 1922 г., указывает он, предусматривал исполнение путем аналогии пробелов закона, выработанного в срочном порядке, а потому не свободного от казуистичности, то «Основные начала» «допускают создание путем аналогии новых преступных деяний, без всяких ограничений». В. Н. Ширяев принципиально против оживления в советском уголовном законодательстве средневекового института «гражданской смерти» – «mort civile», имея в виду такую меру социальной защиты, как объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР навсегда. Ученый высказывает ряд принципиальных замечаний в отношении Уголовного кодекса редакции 1926 г., выступая последовательным сторонником воплощения в советском уголовном законодательстве общечеловеческих устоев уголовного правосудия.

Последний из печатных трудов В. Н. Ширяева относится к 1928 г. Примечательно его название: «Таганцев и его значение для науки уголовного права». Выступать с подобной работой, вступаться за честь и достоинство ошельмованного выдающегося русского криминалиста было само по себе делом рискованным и требовало большого мужества. Будучи отстраненным от преподавания, ученый долгое время продолжал упоминаться А. Я. Вышинским в числе криминалистов-распространителей вредоносных буржуазно-догматических учений. Упорное нежелание равнодушно внимать разгулу правового нигилизма, попранию правовых аксиом, стремлению называть вещи своими

именами вполне могли быть оценены в духе того времени как «вредительство» на «правовом фронте» со всеми вытекающими отсюда последствиями, тем более В. Н. Ширяев уже заключался в 1918 г. в концлагерь за свое кадетское прошлое.

В. Н. Ширяев умер в 1937 г. с ярлыком «вредителя», который в наши дни следует расценивать не иначе, как свидетельство научной честности и принципиальности.

В плеяду видных представителей ярославской школы уголовного процесса входит **Адам Францевич Зачинский** (1854–после 1905). Он был выходцем из дворян Гродненской губернии. В 1878 г. окончил Московский университет со степенью кандидата права. В 1880 г. оставлен там же для подготовки к профессорскому званию, в 1883 г. стажировался в университетах Гейдельберга, Вены, Парижа, Граца. С 1886 г. приват-доцент Демидовского юридического лицея, читал курс уголовного судопроизводства. В 1889 г. перешел в Московский университет и в том же года избран приват-доцентом Дерптского университета по кафедре энциклопедии права. С 1893 г. и. д. экстраординарного, а затем ординарный профессор там же. Все свои работы по уголовному процессу он подготовил в ярославский период своего научного творчества⁸⁷⁵. В этом ряду стоит и сочинение А. Ф. Зачинского «О начале государственного обвинения»⁸⁷⁶, где рассматривается историческое развитие идеи уголовного преследования. На первом этапе формирования государства и права преступление представлялось обществу посягательством на личные блага и уголовное преследование считалось делом чисто личным. По мере ограничения права самоуправления потерпевший вынужден обращаться к государственной власти. Последняя относилась к делу преследования пассивно и осуществляла его только по требованию частного лица. С признанием в преступлении нарушения общего порядка, а следовательно, общественной опасности каждый член общины приобретает право преследования преступника, обвинение становится сначала общественным правом, а затем – общественной обязанностью. Так возникает идея публичного

⁸⁷⁵ См.: Зачинский А. Ф. Программа по уголовному судопроизводству с указанием литературы. Ярославль, 1889; Он же. Уголовное судопроизводство. Ярославль, 1888.

⁸⁷⁶ Зачинский А. Ф. О начале государственного обвинения // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1887. Кн. 45. С. 1–17.

земского иска, право предъявления которого принадлежит каждому гражданину государства. Имеется в виду так называемое «народное обвинение», когда право возбуждать преследование и выступать обвинителем признается за любым гражданином. Такая форма господствовала в Древнем Риме времен республики, в котором обвинителем мог выступить каждый полноправный римский гражданин.

Но для осуществления обвинения в подобной форме необходима развитая система самоуправления. Понятно, что такое обвинение, как исключительная форма, не будет обеспечивать в достаточной мере государственных интересов даже в странах с наиболее развитым гражданским обществом. Не всегда, особенно в случаях преступлений общеуголовных, найдутся организации или лица, готовые взять на себя риск и трудности обвинения. Трудно представить осуществление такого обвинения рядовым гражданином. Не исключаются обвинения из мести, по шантажным и иным недобросовестным побуждениям. Так «образовалась почва для государственного обвинения, и государство, в силу исторического хода вещей, должно было взять и взяло уголовное преследование в свои руки»⁸⁷⁷, поручив его судебным органам либо прокуратуре. По мере укрепления государственной власти прокуратура получила монополию на обвинение. Частное лицо устраняется от публичной обвинительной деятельности, приобретая лишь обязанность доноса в интересах государства.

«Практика обвинительной монополии, – пишет А. Ф. Зачинский, – привела повсеместно к признанию, что деятельность прокуратуры решительно отклоняется от её высокого призвания. Несмотря на всю полноту её власти, множество преступлений остается без преследования и ускользает от наказания прямо по вине прокуратуры, и, наоборот, благодаря тому же полномочию часто возбуждаются неправильные обвинения»⁸⁷⁸. Говоря сегодняшним языком, монополия на государственное обвинение приводит к преобладанию в деятельности прокуратуры сугубо государственных либо ведомственных интересов (например, защита «чести мундира», погоня за показателями), либо к утрате «энергии» обвинения, когда государственный об-

⁸⁷⁷ Зачинский А. Ф. О начале государственного обвинения. С. 5.

⁸⁷⁸ Зачинский А. Ф. О начале государственного обвинения. С. 7.

винитель в силу профессиональных стереотипов сводит свою деятельность к оценке противоправности деяния в ущерб оценке его общественной опасности. Не зря эти пороки государственного обвинения А. Ф. Зачинский считал органическими, не поддающимися исправлению.

В качестве ответа на недостатки государственного обвинения и появилась идея ограничения монополии прокуратуры путем «...восстановления старинного земского иска или предоставления потерпевшему и другим частным лицам права субсидиарного ... обвинения»⁸⁷⁹, то есть допущения частных лиц к ведению обвинения либо параллельно с прокурором, либо в случае отказа последнего от уголовного преследования.

Далее автор делает важный теоретический вывод о исторически сложившихся формах уголовного преследования. Это: 1) частный иск, возбуждаемый исключительно в частных интересах с целью удовлетворения за обиду; 2) общественный (земский) иск, предоставляющий право уголовного преследования любому, даже не имеющему личного интереса члену общины во имя её интересов; 3) государственное обвинение в лице специальных органов, отстаивающее публичный (государственный) интерес; 4) субсидиарное частное обвинение, дополняющее и корректирующее обвинение государственное⁸⁸⁰.

Из всех форм обвинения преобладающим является государственное. Однако, зная современное для себя положение вещей, автор пишет: «Никогда прокуратура не оказывалась способной стоять на высоте своего призвания, проникнуться необходимым бесстрашием и сознанием всей важности своих этических обязанностей. Напротив того, она слишком часто злоупотребляла и злоупотребляет своею властью, то обнаруживая чрезмерное рвение в деле преследования, плодящее неосновательные обвинения, то пользуясь в широких размерах и без достаточных оснований своим правом оставлять без движения уголовное преследование»⁸⁸¹.

Ученый прекрасно понимает, что упразднение прокуратуры без замены её адекватным институтом невозможно. Поэтому он настаивает на её реформировании, а также на реформировании

⁸⁷⁹ Там же. С. 8.

⁸⁸⁰ См.: Там же. С. 8–9.

⁸⁸¹ Зачинский А. Ф. О начале государственного обвинения. С. 12.

находящегося в плачевном состоянии предварительного следствия. Одним из направлений реформирования может быть устранение монополии на государственное обвинение, в том числе путем введения права на общественный (земский) иск.

Очевидно, что народное обвинение не может быть в современном государстве единственной или даже главной формой обвинения. В современных российских условиях наиболее вероятен был бы вариант, приближенный к когда-то существовавшему институту общественных обвинителей, участвующих в процессе наряду с прокурором и выражающих общественную оценку деяния. Выразителями такой общественной позиции могли бы быть представители различных институтов гражданского общества (например, Комитета солдатских матерей, Хельсинской группы и т. п.).

А. Ф. Зачинский выступал также за лишение прокуратуры «несвойственного ее природе права надзора над деятельностью судебных органов»⁸⁸². Процессуалисты конца XIX – начала XX в. прекрасно понимали, что прокурорский надзор за судебной деятельностью противоречит принципу состязательности и является способом управления судами, подавляя судебскую независимость. В условиях надзора, который осуществляет сторона обвинения, позиция данной стороны становится для суда приоритетной. Однако только в конце XX в. в ходе судебной реформы эта идея нашла свое воплощение в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Николай Николаевич Полянский – профессор Демидовского юридического лица (1916–1918 гг.) и Ярославского государственного университета (1918–1921 гг.), наиболее широко проявил себя как процессуалист (о его биографии уже говорилось в первой части книги). Свою вступительную лекцию к курсу уголовного процесса, прочитанную 27 сентября 1916 г. в Демидовском юридическом лицее, он посвятил теме «Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса». В лекции подчеркивалось, что правовая государственность характеризуется не только господством объективного правопорядка, но и ограниченностью власти правами человека и гражданина⁸⁸³.

⁸⁸² Там же. С. 16.

⁸⁸³ См.: Полянский Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса // Юридический вестник. 1916. Кн. 17 (4). С. 85.

Решающая роль в обеспечении правовой государственности Н. Н. Полянским отводится суду, который им рассматривается как фундамент правового государства. Идея ограничения государства правом, подчеркивается им, находит самое первое, самое раннее осуществление в суде. Даже в условиях господства абсолютизма суд играет роль ограничителя власти. В правовом государстве суд выступает на первый план. Н. Н. Полянский считает совершенно «бесспорным право суда проверять закономерность распоряжений и постановлений органов исполнительной власти»⁸⁸⁴. Наиболее губительным образом на авторитете права в государстве, по его мнению, сказываются отступления от его начал, допускаемые агентами власти, должностными лицами. Он совершенно согласен с В. Н. Ширяевым, что преступное нарушение законов с их стороны следует рассматривать как общественное бедствие. В этой связи Н. Н. Полянским утверждается, что существенный признак правового государства составляет неуклонная ответственность должностных лиц перед судом.

Установление одинаковой со всеми уголовной ответственности для должностных лиц (в царской России они, как известно, пользовались особыми процессуальными правами и «судились» за преступления своим начальством, «домашним порядком») ученый рассматривает как один из действенных факторов, обеспечивающих верховенство права.

Защищая объективный правопорядок, подчеркивает Н. Н. Полянский, суд тем самым защищает и признание этим правопорядком субъективных прав граждан, в том числе и так называемых неотъемлемых прав. Под особой защитой суда находится важнейшее из этих прав – неприкосновенность личности.

Ярославским профессором придается особое значение в деле обеспечения торжества правопорядка и защиты прав личности качественному состоянию процессуального законодательства, честности и принципиальности служителей правосудия. Поскольку уголовный процесс есть единственный путь, которым материальный закон получает применение, отмечает Н. Н. Полянский, то нельзя не согласиться с тем, что «удовлетворительная постановка уголовного процесса важнее совер-

⁸⁸⁴ Там же.

шенства материальных уголовных законов»⁸⁸⁵. Он совершенно уверен в том, что при хорошей постановке дела правосудия материальные недостатки уголовного права не столь опасны. «Наоборот, – пишет Н. Н. Полянский, – наиболее целесообразный закон, карающий преступление, является опасным орудием в руках суда, дурно организованного и недостаточно ограниченного в своем произволе процессуальным законом»⁸⁸⁶. При этом профессор ссылается на Монтескье, который считал, что «ничто в мире не имеет для человеческого рода такого значения, как учение о наиболее надежных средствах, которых должно придерживаться в уголовном процессе»⁸⁸⁷. Являясь фундаментом правового государства, суд, подчеркивает Н. Н. Полянский, должен в своей организации и деятельности гармонически соответствовать строю и духу правовой государственности.

«Так, из начала, условно называемого началом разделения властей, которое определяет юридическую природу правового государства, – пишет он, – вытекает требование возможно большей независимости судебной власти; из начала общественной солидарности, которое обуславливает другой существенный признак правового государства – народное представительство – вытекает для суда принцип участия общественных элементов в отправлении правосудия; начало личной самостоятельности, развитие которого знаменует собой переход от государства полицейского к государству правовому, освобождающему личную инициативу от полицейской опеки, – это начало преобразует самый тип современного процесса: процесс из розыскного, в котором обвиняемый был лишь бесправным предметом преследования, а судья был в то же время и обвинителем, превращается в состязательный, построенный на самостоятельности равноправных сторон и оставляющий судье преимущественно функции закрепления, рассмотрения и оценки представленных сторонами доказательств»⁸⁸⁸.

⁸⁸⁵ Полянский Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса. С. 89.

⁸⁸⁶ Там же.

⁸⁸⁷ Цит. по: Полянский Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса. С. 90.

⁸⁸⁸ Полянский Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса. С. 92–93.

Н. Н. Полянскому весьма импонирует английский уголовно-процессуальный порядок, построенный со стадии предварительного следствия на начале самостоятельности сторон.

Ученый призывает к преодолению предубеждений против формализма уголовного судопроизводства, подчеркивает животворящее значение процессуальных форм. Значение это он видит в том, что, во-первых, вносимая формами строгость и определенность упорядочивает и организует деятельность учреждений и лиц по отправлению правосудия, упрощает для них осуществление поставленных задач, а, во-вторых, что следует признать самым главным, форма является необходимою гарантией законности. Стесняя граждан, она одновременно стесняет и власть, ставит преграды ее произволу. За этим рассуждением следует четкий вывод Н. Н. Полянского: «Строго упорядоченное, т. е. протекающее в установленных законом формах, производство, составляющее основной признак судебной функции, обуславливает, если не исключительно, то в значительной мере, ту связанность государственной власти правом, которая так существенна в правовом государстве и которая в области правосудия появляется больше чем в какой-либо другой области»⁸⁸⁹.

В работе Н. Н. Полянского проводится также важная мысль, что проникнутая идеей правового государства наука уголовного процесса должна иметь не только образовательное, но и воспитательное значение. От того, насколько воспитан юрист, насколько он бескорыстен, рыцарски предан делу общественного служения, зависит авторитет права, его сила, т. е. нечто большее, чем судьба определенных лиц, ибо утрата авторитета права обрекает страну на безнадежное положение. «Там, где право бессильно, – утверждает автор, – там и законодательные реформы не в силах что-либо изменить»⁸⁹⁰. Мысль, безусловно, важная и адресованная сегодняшним дням России.

В связи с выходом проекта постановления Временного правительства Февральской революции «О временном устройстве местного суда» Н. Н. Полянский выступил на Московском съезде с докладом, в котором обосновал необходимость введения народного элемента в состав местного суда, т. е. присяжных заседателей. В результате прений, вызванных постановкой этого во-

⁸⁸⁹ Там же. С. 95.

⁸⁹⁰ Там же. С. 97.

проса, Московский мировой съезд пришел к заключению о желательности присоединения к мировым судьям присяжных заседателей в числе шести для рассмотрения дел по обвинению в краже, мошенничестве, присвоении или ростовщичестве.

Основные тезисы своего доклада Н. Н. Полянский изложил в статье «Мировой суд с присяжными заседателями», опубликованной в журнале «Вестник права», который издавался при его ближайшем участии. Проект Временного правительства предусматривал установление коллегиального рассмотрения дел мировыми судьями, но без участия присяжных заседателей. «Как можно, – писал Н. Н. Полянский, отстаивая свою точку зрения, – отказаться от введения этой гарантии правосудия, по крайней мере, для тех важнейших дел мировой подсудности, осуждение по которым угрожает чести и свободе лица»⁸⁹¹. В статье дается убедительное обоснование необходимости включения в число таких дел кражи, мошенничества, присвоения и ростовщичества. Поскольку не только наказание за совершение этих преступлений, но само по себе «признание подсудимого виновным в одном из них влечет за собою для осужденного тяжелое поражение чести, умаление в глазах общества»⁸⁹².

Будучи профессором Ярославского госуниверситета, Н. Н. Полянский выступил с работой «Цель в уголовном процессе», в которой обстоятельно исследован основной вопрос общей теории уголовного процесса как объяснительно теоретической компоненты процессуальной науки. Многие процессуалисты усматривали эту цель в реализации материального карательного права государства на наказание виновного⁸⁹³. Н. Н. Полянский подходит к решению проблемы более обстоятельно, выработывая сначала метод исследования проблемы. Во-первых, цель процесса должна определяться не вообще, а с точки зрения конкретного субъекта. Поскольку правосудие народу предоставляет государство, то именно цель, которую ставит государство, должна устанавливаться прежде всего. Во-вторых, это должна быть цель, достигаемая в рамках уголовно-

⁸⁹¹Полянский Н. Н. Мировой суд с присяжными заседателями // Вестник права. 1917. № 22–23. С. 462.

⁸⁹² Там же. С. 463.

⁸⁹³ Ссылки приведены в самой работе: Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. С. 1–36.

го процесса и не отделимая от него. В-третьих, это должна быть цель, которая сделала уголовный процесс исторически необходимым. В-четвертых, это не должна быть цель, которую преследует законодательство, ибо цели деятельности и регулирующего её закона не могут совпадать⁸⁹⁴.

Для ответа на вопрос о природной цели уголовного процесса автор исследует исторический генезис этого вида деятельности⁸⁹⁵. Сначала процесс был лишь преимуществом, которым римские граждане пользовались перед иноплеменниками, а позже стал в Риме способом предварительного рассмотрения доказательств виновности. Развивался он под влиянием роста прав граждан и связывания империи законом. Древнеримская юстиция сделала суд разновидностью «корма», что породило интерес суда к вынесению обвинительных решений, искажая тем самым смысл правосудия. В средние века формировался розыскной процесс, исходивший из презумпции виновности. Но даже в нем при наличии отрицательной системы формальных доказательств не мог быть постановлен обвинительный приговор. Уже это порождает сомнения в исключительно карательной цели процесса.

В ходе исследования Н. Н. Полянский дает прекрасную характеристику полицейскому государству, в котором полицейская функция смешивается с судебной. Смешение различных отраслей деятельности влечет и смешение методов деятельности, и задача уголовного преследования становится главной для суда. Во всякого рода чрезвычайных судах отправление правосудия сводится до пустой формальности.

По мере развития общества идея ограничения власти субъективными правами граждан порождает закономерный вопрос: к чему нужны «...все многочисленные формальности, которые, несомненно, нередко чувствуются органами уголовного правосудия, как путы, связывающие руки, или как препятствия, только мешающие быстрому и энергичному действию карательной власти?» Не оказывается ли так, что «...всякий раз, когда процесс заканчивается оправдательным приговором, деятельность суда оказывается не достигшею цели работою...»⁸⁹⁶?

⁸⁹⁴ См. о подходах к исследованию: Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе. С. 4–5.

⁸⁹⁵ См.: Там же. С. 9–15.

⁸⁹⁶ Там же. С. 15, 16.

Н. Н. Полянский считает, что осуществление карательного права вообще не является целью уголовного процесса. «Осуществление карательного права государства, – пишет ученый, – возможно без процесса и без процессуального законодательства, как оно возможно и без материальных уголовных норм. Государственная власть фактически может осуществлять свои карательные полномочия и помимо суда и без всякого процесса, и, как хорошо известно, именно тогда, когда усматривает необходимость особо широкого использования своих полномочий, она освобождает себя от тормозящих ее карательную деятельность форм процесса»⁸⁹⁷. Поскольку уголовный процесс заканчивается приговором, то именно в приговоре она должна находить свое решение.

Автор критически анализирует определения цели процесса, предложенные П. И. Люблинским⁸⁹⁸, Н. Н. Розиным⁸⁹⁹, Г. С. Фельдштейном⁹⁰⁰, а также немецкими авторами⁹⁰¹. В конечном итоге цель уголовного процесса, по мнению профессора Полянского, состоит «в установлении для конкретного случая существования ... права государства на наказание и ... тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению»⁹⁰².

Интерес представляет и заключительная часть работы, в которой рассматривается теоретическое и практическое значение решения вопроса о цели уголовного процесса. Выводы, которые здесь сформулированы, имеют исключительно актуальный теоретический характер. Во-первых, цель выявляет смысл институтов уголовно-процессуального права. Видимо, поэтому в УПК РФ норма о назначении уголовного судопроизводства открывает главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Во-вторых, цель процесса определяет его конечную границу – постановление приговора. Что касается начальной границы, то

⁸⁹⁷ Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе. С. 17.

⁸⁹⁸ См.: Люблинский П. И. Новая теория уголовного процесса. 1916. С. 36.

⁸⁹⁹ См.: Розин Н. Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 2. С. 312.

⁹⁰⁰ См.: Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 1.

⁹⁰¹ См. об этом: Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе. С. 18–21.

⁹⁰² Там же. С.21.

Н. Н. Полянский считает необходимым различать цели досудебного и судебного производства. Сформулированная им цель есть цель суда. Рассматривать эти два производства как единое целое, по мнению профессора, невозможно⁹⁰³. Не в этом ли коренятся те трудности, с которыми сталкивается законодатель, определяя единое назначение для всего уголовного процесса и пытаясь применить единый масштаб к регулированию всей процессуальной деятельности? В-третьих, предложенное определение цели уголовной юстиции дает основания для сближения её с юстицией гражданской и административной, для формирования на общих принципах отрасли судебного права⁹⁰⁴.

Что касается практического значения определения цели процесса, то она, безусловно, значима при толковании закона, а также при установлении взаимоотношений суда с административными органами.

Власть в любом случае должна оберегать суд, позволяя ему работать по правилу, указанному в ст. 9 Устава Воинского 1716 г.: «лучше есть 10 виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить». Иначе говоря, «вопрос о виновности подсудимого должен быть всегда разрешаем так, как если бы всегда оставались неизменными условия места и исторической обстановки»⁹⁰⁵. Указанные обстоятельства могут учитываться лишь при определении пределов карательного права государства, но только в рамках закона, примат которого для судьи всегда остается верховным принципом, не знающим исключений.

И ещё один аспект учения о цели уголовного процесса имеет в виду ученый: «Оно должно служить факелом, освещающим законодателю его путь, когда он берется за создание уголовно-процессуального кодекса или отдельных уголовно-процессуальных норм»⁹⁰⁶.

Дмитрий Николаевич Стефановский (1860–1898) был выпускником юридического факультета Московского университета, занимая должность товарища прокурора Ярославского окружного суда. В 1894 г. он приступил к чтению курса уго-

⁹⁰³ См.: Полянский Н. Н. Цель в уголовном процессе. С. 29.

⁹⁰⁴ См.: Там же. С. 32. См. также: Розин Н. Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса. С. 6–15.

⁹⁰⁵ Там же. С. 35.

⁹⁰⁶ Там же. С. 36.

ловного судопроизводства в Демидовском юридическом лице в звании приват-доцента, для приобретения которого необходимо было защитить на Совете лица упрощенного типа диссертацию и прочесть две пробные лекции. Д. Н. Стефановский предполагал после защиты магистерской диссертации полностью посвятить себя научно-педагогической деятельности, но умер в 1898 г. в возрасте 38 лет.

Представляет несомненный интерес и для современных юристов опубликованная в двух номерах «Временника», значительная по объему работа Д. Н. Стефановского «Очерк теории относимости доказательств». В ней обосновывается важность законодательного установления ограничения области исследования, в связи с тем или иным преступлением, строго необходимым кругом фактов и доказательств. Написание этого труда было продиктовано отсутствием в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве надлежащих правил и принципов определения пределов исследования, чем предоставлялась следователю и судье полная свобода усмотрения относительно включаемых в сферу судебного разбирательства обстоятельств и привлекаемых доказательств. «Составители отечественного Устава, – пишет он, – почти не коснулись вопроса о пределах исследования; придерживаясь преимущественно французского образца, они ограничивались лишь немногими формальными постановлениями о допустимости доказательств, а вопрос об относимости их, т. е. определении границ исследования, предоставили свободному усмотрению судебных органов»⁹⁰⁷.

Упование на мудрость суда – дело весьма рискованное. В сложных ситуациях, нередко возникающих в судебном процессе, подчас трудно принять взвешенное решение. Автор указывает на серьезную опасность, возникающую особенно при рассмотрении дела с участием присяжных, из-за отсутствия заранее установленных границ и принципов исследования. Стороны могут воздействовать на присяжных в сугубо нужном им направлении. В результате внимание «присяжных и без того неустойчивое намеренно ослабляется, а затем отвлекается в сторо-

⁹⁰⁷ Стефановский Д. Н. О пределах исследования в уголовном процессе: Очерк теории относимости доказательств // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1894. Кн. 67. С. 17.

ну. Подобные приемы переносят дело на зыбкую почву субъективных предубеждений, предрассудков, личных вкусов и капризов и производят, по мнению Кони, извращение уголовной перспективы»⁹⁰⁸.

Современная практика производства с участием присяжных заседателей дает немало примеров, когда по инициативе стороны защиты допрашиваются новые свидетели, повествующие о каких-либо второстепенных обстоятельствах, которые, по мнению защиты, могли бы повлиять на иное, чем трактует обвинение, развитие событий. В итоге присяжным представляется некая гипотетическая версия, цель которой – любой ценой породить сомнения в том, что описанное в обвинении событие было именно таковым. Именно о подобных опасностях предупреждал автор исследуемой работы.

Особенно ощутимым является, по мнению автора, полное отсутствие гарантии в законе против допущения таких мнимодоказательных материалов, которые совершенно не имеют никакого отношения к непосредственно решаемому фактическому вопросу, но способны породить замешательство и возбудить страсти. Д. Н. Стефановскому как товарищу прокурора приходилось неоднократно наблюдать возникновение подобных ситуаций в судебных процессах. Поэтому он совершенно убежден в необходимости руководящих принципов, которые настоятельно требовали бы соблюдения логической связи между доказуемым вопросом и средствами доказывания и исключения всего, не имеющего непосредственного отношения к делу. Как на образец, достойный подражания, он указывает на английскую теорию относимости, коренное правило которой гласит, что «доказываемые факты должны стоять в тесной связи с обвинительным пунктом». Ограничение исследования необходимо также в интересах целесообразности и экономии труда.

Последующее развитие законодательства и теории доказывания подтвердило правоту ученого. Современное право формирует конструкцию предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), который является основным критерием относимости доказательств; определяет понятие доказательства через его связь с обстоятельствами, подлежащими доказыванию (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Свойство относимости доказательств лежит в основе пра-

⁹⁰⁸ Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 13.

вил разрешения ходатайств (ст. 159 ПК РФ), а также в основе признания вопросов сторон в ходе судебного следствия относящимися к делу.

Как указывал Д. Н. Стефановский, если сторона, предложившая на допросе вопрос, по-видимому, совершенно не относящийся к делу, обязуется объяснить его значение впоследствии, то судье надлежит допустить подобный вопрос, так сказать, на веру⁹⁰⁹. Очевидно, что почти любой факт, как бы он ни был отдален и ничтожен сам по себе, может косвенным образом приобрести большое значение, как доказательство *extra causam*, для контроля свидетелей. Бентам по этому случаю приводит известный пример Сусанны и двух обвинявших ее лжесвидетелей, по словам которых преступление происходило под деревом. Допрошенные порознь о том, какой породы было дерево, один назвал одну породу, а другой – другую. «Совершено ли было преступление под деревом, и если под деревом, то какой именно породы, – вопросы, очевидно, не имеющие ни малейшего отношения к виновности. В силу произведенного ими разногласия они получили, однако, случайную важность и привели к желаемой цели»⁹¹⁰. Поэтому единственное условие для включения проверочных фактов в пределы допроса свидетеля в качестве относящихся к делу состоит в том, чтобы они действительно соответствовали этой цели. Простое же «поддавливание» свидетеля на мелких неточностях, объясняемых естественными причинами человеческой памяти, выражениями словами мыслей и т. п., не должно допускаться председательствующим.

Именно с отсутствием строгих законодательных установлений относительно границ исследования Д. Н. Стефановский связывает такие нарушения судебной этики, как оглашение в процессе разного рода материалов компрометирующего свойства, явно выходящих за рамки обвинения. «Тот факт, что подсудимый пользуется дурной репутацией, – утверждает автор, – не имеет отношения к делу за исключением лишь того случая, когда вопрос о репутации лежит в основе самого дела»⁹¹¹. На этом правиле основано положение ч. 8 ст. 335 действующего УПК РФ, запрещающего исследовать с участием присяжных

⁹⁰⁹ См.: Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 108.

⁹¹⁰ Цит. по: Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 108.

⁹¹¹ Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 89.

данные о личности подсудимого, способные вызвать у присяжных предубеждение относительно последнего. Из той же идеи исходит Правило 404 Федеральных правил использования доказательств в судах США: «Характер лица как доказательство не допускается для доказывания действия». Данное правило в российской уголовно-процессуальной доктрине ярославским приват-доцентом было сформулировано раньше многих русских процессуалистов.

Д. Н. Стефановский считает совершенно недопустимым превращение процесса в полоскание грязного белья, в обливание подсудимого грязью: «Действительно, невозможно под предлогом разыскания истины, а, в сущности, ради праздного любопытства, выносить на всенародное посмеяние мелкие слабости и пороки, имеющие разве отдаленное отношение к делу, невозможно обращать судебное следствие в опозорение на законном основании»⁹¹².

Уважение человеческого достоинства подсудимого должно неизменно составлять одну из священных обязанностей суда и всех участвующих в процессе лиц. «Жизнь каждого человека, – развивает эту мысль автор, – имеет свои интимные стороны, обнажение которых бывает для него в высшей степени болезненно. Правосудие должно по возможности уважать человеческое достоинство, судья, подобно врачу и священнику, имеет право разоблачать тело и душу подсудимого лишь в пределах самой строгой необходимости, тем более что судья отправляет свою обязанность публично»⁹¹³. Не случайно сегодня уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность частной жизни являются общепризнанными принципами (ст. 21, 23 Конституции РФ).

Д. Н. Стефановский указывает также на недопустимость со стороны прокурора и адвоката всякого рода третирования свидетелей, выпрашивания последних об интимных сторонах их собственной жизни в сомнительных целях ослабления ценности показаний. На российской почве не приживается институт отвода свидетелей, основанный на их компрометации в глазах суда.

⁹¹² Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 9.

⁹¹³ Там же. С. 8–9.

С точки зрения теории доказательств наибольший интерес для своего времени, да и для современного читателя представляют несколько проблем, затронутых автором.

1. В работе проведено разграничение между относимостью, допустимостью и достоверностью доказательств⁹¹⁴. Недопустимым может быть признано средство доказывания (например, показания душевнобольного, супруга, показания по слуху либо догадке). Относимость же означает, по мнению Д. Н. Стефановского, отсутствие причинной связи между фактами⁹¹⁵. При этом не должны отвергаться как не относящиеся к делу сведения, полученные от неназванного лица, либо предположительно ложные. Такие сведения могут быть относимыми, но недостоверными. Их достоверность можно оценить только при сопоставлении с другими сведениями. Причем достоверность должна оцениваться не по личности свидетеля, а по сути самого доказательства⁹¹⁶.

2. Выступая за равноправие сторон в доказывании, автор считает неправильным со стороны суда отказывать в исследовании доказательств защиты, не заслушанных на предварительном следствии. Защита сама вправе судить, кто нужен для оправдания лица⁹¹⁷. Д. Н. Стефановский по этому поводу пишет: «Орган государства, председательствующий всегда склонен в пределах предоставленной ему произвольной власти порадовать для государства. Огромное большинство председательствующих из коронных судей везде, в целом мире, сами того не сознавая, склонны расширять область исследования для обвинения, оставив защите только законом ей отведенное»⁹¹⁸.

3. Ученый поддерживает позицию В. К. Случевского о пределах исследования доказательств: не относящиеся к делу факты не должны исследоваться даже в общественных интересах, например, для выявления причин преступления; нельзя откладывать решение дела ввиду недостаточности доказательств; не нуждаются в доказывании положительный закон и общеизвест-

⁹¹⁴ См.: Стефановский Д. Н. Указ. соч.

⁹¹⁵ См.: Там же. С. 48.

⁹¹⁶ См.: Там же. С. 33.

⁹¹⁷ См.: Там же. С. 25.

⁹¹⁸ Там же. С. 44.

ные факты; не требуют проверки обстоятельства сверхъестественные; относимые факты подлежат обязательной проверке⁹¹⁹.

4. Относимыми Д. Н. Стефановский признает обстоятельства, образующие состав преступления, умысел, мотив и цель, характер и личность подсудимого, как они проявились в преступлении⁹²⁰. Иначе говоря, критерием относимости доказательств выступает то, что ныне называется предметом доказывания.

5. Подробно рассматривая английские правила доказательств, автор исследует вопрос об относимости косвенных улик, к которым причисляет факты, объясняющие мотивы поведения лица; его последующее поведение; сообщения, которыми лицо сопровождало свое поведение; поведение потерпевшего.

Детальность исследования практических вопросов доказательственного права в работе Д. Н. Стефановского делает её актуальной до настоящего времени.

Дмитрий Генрихович Тальберг (1853–1891) родился в Киеве, окончил Киевский университет в 1874 г. со степенью кандидата и золотой медалью за выпускное сочинение. В 1876–1879 гг. состоял стипендиатом для подготовки к профессорскому званию. В мае 1880 г. назначается приват-доцентом Демидовского юридического лица, где читает курс уголовного судопроизводства. Магистр уголовного права за исследование «Насильственное похищение имущества по русскому праву» (опубликовано в 1879 г., защищено в сентябре 1880 г. в Киевском университете). В июле 1881 г. утвержден экстраординарным профессором Демидовского юридического лица. В мае 1884 г. перешел приват-доцентом в Киевский университет, в 1888 г. защитил докторскую диссертацию «Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс» (опубликована в 1888 г.), после чего утвержден ординарным профессором по кафедре уголовного права, читал курс уголовного судопроизводства и судопроизводства. Готовил курс «Русского уголовного судопроизводства», но долгая болезнь не позволила ему довести работу до конца, и третий том оказался неизданным. Умер под Киевом 30 мая 1891 г.

⁹¹⁹ См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: Судопроизводство. СПб., 1892. С. 151–153, 166–171.

⁹²⁰ См.: Стефановский Д. Н. Указ. соч. С. 42.

Видный специалист в области уголовного процесса, Дмитрий Германович Тальберг в период преподавания в лицее (1880–1884 гг.) не выпустил крупных работ по уголовному судопроизводству⁹²¹. Все его фундаментальные труды, в том числе двухтомный курс «Русское уголовное судопроизводство» (Киев, 1889–1890), вышли в киевский период научно-педагогической деятельности. Тем не менее опубликованная в Ярославле работа Д. Г. Тальберга («Вступительная лекция по уголовному процессу») представляет значительный научный интерес. В ней нашли выражение многие из прогрессивных идей, получивших широкое развитие в последующих трудах криминалиста, которые обеспечили ему всероссийское научное признание.

Вступительная лекция, прочитанная 25 сентября 1880 г., как и положено по жанру, имеет методологический характер. Во-первых, Д. Г. Тальберг дает в ней обоснование необходимости *историко-сравнительного* приема для изучения теории уголовного процесса. «Необходимость историко-сравнительного приема, – разъясняет он студентам, – вытекает из следующих соображений: с одной стороны, уголовный суд есть явление историческое, имеющее в прошлом свои задачи и законы развития, и всякое действующее в данный момент законодательство составляет продукт предшествующей правовой жизни общества, с другой стороны, при современных условиях цивилизации юридическая жизнь каждого народа имеет много общего с развитием права соседних государств, взаимно влияя на их юридический быт. Ввиду этих соображений историко-сравнительный материал войдет в курс наш как пособие в деле выяснения общих начал процесса и особенностей русского уголовно-процессуального законодательства»⁹²². Подобный подход в современный для автора период был, с одной стороны, новаторским, а с другой – очевидным. Новаторским, потому что историко-сравнительных исследований уголовного судопроизводства было явно недостаточно. Очевидным, потому что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. ввел в юридический оби-

⁹²¹ Есть сведения, что в 1883 г. в Ярославле он опубликовал работу «Уголовное судопроизводство», но обнаружить ее нам не удалось.

⁹²² Тальберг Д. Г. Вступительная лекция по уголовному процессу // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1880. Кн. 24.С. 12.

ход взамен сформировавшейся к XVIII в. инквизиционной формы судопроизводства новую для России того времени модель уголовного процесса, учитывающую опыт как европейского суда с его состязательностью и судом присяжных, так и старорусского процесса с его гласностью, устностью и участием народных представителей. Конечно, с точки зрения современного исследователя, описание Д. Г. Тальбергом историко-сравнительного метода выглядит ограниченным в силу замкнутости его в сфере права. Несмотря на наличие собственных законов развития уголовного судопроизводства, причины формирования той или иной модели процесса в государстве коренятся в его экономической, политической, идеологической (религиозной) основах. История российского уголовного процесса тому подтверждение: усиление центральной власти, централизация собственности, монополия в идеологии влекли за собой инквизиционную либо следственную форму процесса; и наоборот, внедрение демократических элементов, многообразие форм собственности вызывали к жизни те или иные разновидности состязательного процесса, внедрение диспозитивных начал. Примененный с учетом конкретных исторических условий историко-сравнительный метод исследования уголовного судопроизводства не теряет своей ценности.

Во-вторых, отдавая должное догматическому методу, необходимому для уяснения действующего уголовно-процессуального законодательства, Д. Г. Тальберг придает особое значение *критическому приему*, представляющему собой *логический анализ и оценку* действующего права. Без этого важного элемента, по его мнению, немислима теория процесса. «Под именем критического приема, – указывает он, – разумеется такой научный прием, при помощи которого исследователь на основании знакомства с природой учреждения и общих понятий, почерпнутых из истории и сравнительного правоведения, производит оценку законодательных постановлений, указывает недостатки закона и способы их устранения»⁹²³. Д. Г. Тальберг высказывает возражение против широко распространенного в литературе того периода мнения, согласно которому вся теория процесса должна основываться на законе как

⁹²³ Тальберг Д. Г. Вступительная лекция по уголовному процессу. С. 13–14.

обязательной норме, а не на пособиях науки и для юриста является уместной только положительная критика, извлекающая свои истины и доводы из положительного права и ограниченная его пределами. «С такими доводами, – считает профессор, – трудно согласиться. Научная теория процесса возможна только под условием допущения отрицательной критики, которая смотрит на закон как на изменяющееся явление, подлежащее отмене и изменению, и производит оценку известных учреждений и форм суда с точки зрения общих понятий пользы и интересов общества. Лишить юриста-теоретика права относится с отрицательной критикой к положительному закону – значит признать непогрешимость его оснований и низвести теорию процесса на степень практического комментария закона. Критическое отрицательное отношение к положительному законодательству имеет за собой великую заслугу перед человечеством в истории, и этот прием всегда будет служить в руках научной теории орудием против несовершенств действующих законов, которые необходимо должны изменяться под влиянием требований действительной жизни и социальных условий жизни общества»⁹²⁴.

Подробная аргументированная точка зрения профессора как нельзя лучше убеждала студентов в необходимости глубокого научного проникновения в правовую материю и к не менее глубокому осознанию реалий действительности. Благодаря своим последующим трудам Д. Г. Тальберг вошел в историю как один из наиболее последовательных критиков «Устава уголовного судопроизводства» в целях его постоянного совершенствования в соответствии с велениями жизни и созвучной ей научной теории. Ключевым в изложенном подходе представляется понимание критического приема как основанного на *природе* изучаемого явления, в нашем случае – уголовного судопроизводства. Такой подход позволяет исследователю, независимо от законодательных конструкций, создавать идеальную модель процесса, и уже с точки зрения этой идеальной модели оценивать процессуальную, как, впрочем, и иную правовую действительность.

⁹²⁴ Тальберг Д. Г. Вступительная лекция по уголовному процессу. С. 13–14.

В-третьих, в своей лекции профессор не мог не обратить внимание на соотношение материального (уголовного) и уголовно-процессуального закона. «При дурных законах, – говорил он, – находящихся в резком противоречии с господствующими воззрениями в обществе, уголовное правосудие необходимо теряет свой нравственный авторитет. Наше общество находится именно в таком положении, когда суд, проникнутый новыми началами, обязан применять уголовный кодекс, недостатки коего давно всеми признаны и указаны, в котором многое представляется анахронизмом»⁹²⁵. Многие оправдательные приговоры Д. Г. Тальберг объяснял несовершенством уголовного законодательства.

Не вдаваясь в оценку сегодняшнего соотношения уголовного и уголовно-процессуального права, из данного суждения ученого можно сделать весьма значимый вывод. Как бы ни совершенствовалось уголовное судопроизводство, одной из задач его является применение уголовного закона. Все процессуальные усилия будут сведены на нет, если материальный закон будет социально не обоснован и юридически не совершенен. В итоге цель правосудия не будет достигнута.

Таким образом, вводная лекция Д. Г. Тальберга содержала описание методологии изучения уголовного судопроизводства, которая нашла применение в более поздних трудах ученого.

⁹²⁵ Тальберг Д. Г. Вступительная лекция по уголовному процессу. С. 9.

Глава 12. Школа трудового права и права социального обеспечения

Как уже неоднократно упоминалось выше, конец XIX – XX вв. можно с полным основанием назвать «золотым веком» российской юридической науки. В ряду российских ученых-правоведов названного периода особое место занимают представители ярославской юридической школы. Это касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки. Но особое место среди них занимают ученые-специалисты в сфере трудового права. А. Н. Козырин вполне обоснованно отмечал: «Не будет преувеличением сказать, что в стенах Демидовского юридического лицея зародилась наука трудового права»⁹²⁶.

В данной главе описывается жизненный и научный путь наиболее известных ученых-специалистов в сфере трудового права, творивших в стенах Демидовского юридического лицея, а также других вузов Ярославля, прежде всего Ярославского государственного университета уже советского периода. Некоторые из ученых, чья жизнь и творчество рассматриваются в этой главе, не являются учеными-трудовиками в узком смысле этого слова. Но их научная деятельность оказала влияние на возникновение и развитие отечественной науки трудового права. Судьба этих ученых тесно переплелась с судьбой города Ярославля и ярославских учебных заведений, и это также позволяет отнести их к ярославской школе трудового права.

Наше повествование стоит начать с *Н. Л. Дювернуа* (1836–1906), первого профессора римского права лицея в 1870–1874 гг. Этот выдающийся ученый-цивилист до сих пор недооценен в отечественной юридической науке. Между тем в дореволюционный период его научный авторитет был непререкаем⁹²⁷. В нашу задачу не входит анализ его цивилистических ра-

⁹²⁶ Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // *Финансы и налоги: Очерки теории и политики*. М., 2004. С. 13.

⁹²⁷ См.: Гамбаров Ю. С. Николай Львович Дювернуа // *Вестник гражданского права*. 1914. № 5. С. 5–14; Нольде А. Э. Н. Л. Дювернуа // Там же. 1917. № 1. С. 5–12 и др.

бот, тем более что о них уже говорилось выше. Николай Львович интересен нам как основатель ярославской школы гражданского права, заложивший основы ее фирменного стиля. Именно интерес к истории права, к социальной составляющей цивилистики позволил его ученикам и последователям выйти на проблемы правового регулирования наемного труда.

Развитие договорных отношений, связанных с наемным трудом, он не отождествлял с римским правом, которое допускало низведение человека до категории вещей. Он подчеркивал большое значение в период феодализма союзов (корпораций), которые определяли специфику трудовых отношений конкретных лиц. Отсюда повышенный интерес законодательства и юриспруденции к правам союза и ослабление интереса к правам отдельных лиц, в том числе связанных с использованием своего труда⁹²⁸. Следовательно, само формирование относительно массовых трудовых отношений и зачатков трудового законодательства переносилось им на период капиталистического развития, когда на первый план вышли права отдельной личности, а не корпорации. Н. Л. Дювернуа подготовил целую плеяду юристов, живо интересующихся правовым опосредованием трудовых отношений. Одним из его любимых учеников был В. М. Гордон, о котором речь пойдет далее.

Преемником Н. Л. Дювернуа на кафедре гражданского права Демидовского юридического лица был *А. А. Борзенко* (1848–1915). В 1874 г. он был принят приват-доцентом Демидовского юридического лица, где преподавал около двадцати лет. Для нас его личность особенно примечательна по двум причинам. Во-первых, он рассматривал проблемы трудового права в широком контексте общественных отношений. Он писал: «Назначение права – служить нравственной свободе человека, а не раболепствовать перед хозяйственной расчетливостью»⁹²⁹. Проблемы ограничения права собственности он связывал с правами личности и общественными интересами. Особенно, по его мнению, это касалось промышленных предприятий, функционирование которых основывалось на исполь-

⁹²⁸ См.: Дювернуа Н. Л. Чтение по гражданскому праву. СПб., 1902. С. 268–272 и далее.

⁹²⁹ Цит. по: Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995. С. 151.

зовании наемного труда⁹³⁰. Во-вторых, А. А. Борзенко был крупным меценатом, собирателем редкостей, имеющих научное и общественное значение, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Можно сказать, что А. А. Борзенко поддержал и развил гуманистические традиции ярославской школы цивилистики, заложенные Н. Л. Дювернуа.

Историк права *И. И. Дитятин* (1847–1892) в 1875 г. занимает кафедру истории русского права Демидовского юридического лицея, где остается до 1878 г. Ярославский период был одним из самых плодотворных в жизни ученого. Основным его вкладом в развитие юридической науки явилось доказательство существования в Древней Руси городов-государств с развитым самоуправлением, а также исследование управления городов России, о чем уже говорилось выше. При этом он уделял определенное внимание правовому опосредованию социально-экономических отношений при цеховом производстве. Это прямо вывело его на проблемы генезиса трудового права.

Он утверждал, что огромное влияние на формирующиеся трудовые отношения оказала цеховая организация производства. Если со времен Константина Великого в Риме цеха были «местом заключения, в которых ремесленники приковывались к определенному ремеслу, как куриалы к их куриям», то в средние века было все наоборот. Здесь они вышли «не из подчинения и зависимости промышленного класса, а из его свободы»⁹³¹. Появление цехов как промышленно-экономических и политических корпоративных организаций произошло в конце XI – начале XII в. Но до XIV в. почти нет упоминаний о ремесленниках-работниках (будущих подмастерьях), в основном пишется о мастерах и их учениках. Это объясняется тем, что промышленные предприятия имели свои корни в семейном, а точнее, в расширенном семейно-патриархальном союзе. В дальнейшем идет расслоение на класс ремесленников (хозяев-работодателей) и подмастерьев (наемных работников). В противовес цехам постепенно образуются рабочие союзы (общины подмастерьев), оформившиеся в конце XIV в. и получившие в дальнейшем ши-

⁹³⁰ См.: Борзенко А. А. Личность, общественность, собственность. Очерки права. Ярославль, 1881; Он же. Промышленная собственность. Одесса, 1894.

⁹³¹ См.: Дитятин И. И. Очерк истории цехов в Западной Европе. Ярославль. Б. г. С. 9.

рокое распространение. В этот же период встречаются единичные случаи заключения тарифных (коллективных) договоров, регулировавших условия труда между мастерами и подмастерьями. Борьба между мастерами и подмастерьями, характерная для всего периода средневековья, была связана в значительной части с условиями труда. Мастера отстаивали патриархальный строй отношений, а подмастерья стремились к усилению договорного элемента при определении условий труда.

Постепенно все более активным участником отношений работодателей и работников становится государство. Уже в применении к XIV в. можно констатировать существенное усиление в этой части публично-правовых начал. В 1562 г. в Англии принимается закон, обязывающий желающих заниматься каким-либо промыслом пройти семилетнее ученичество. Этим же законом устанавливалось число занятых для каждого промысла учеников и подмастерьев, а также продолжительность рабочего дня, ограничение срока рабочего договора, а местным мировым судьям прямо поручалось определять ежегодно размер заработной платы и разрешать все возникшие в этой области споры. Только в XVIII в. ситуация радикально изменилась. В XVI–XVIII вв. полицейское государство наложило свою тяжелую руку одновременно и на цеховую автономию и на союзы подмастерьев. Стремление последних к коллективной защите своих интересов рассматривалось как явление, недопустимое с точки зрения государственных порядков. Мастера, таким образом, приобрели мощного союзника в лице государства. Именно в это время в Англии, Франции, Нидерландах и ряде других стран развернулась настоящая борьба карательных органов с «бродягами» (неработающими свободными гражданами низших сословий), целью которой являлось принуждение к труду. Вмешательство государства во внутреннюю жизнь предприятий признавалось необходимым и широко практиковалось, но имело чисто внешний, принудительный характер. Им не регулировалось, а сковывалось проявление социальных сил и правотворческая инициатива заинтересованных общественных групп. Рабочие механически подчинялись хозяевам, власть которых как бы заимствовала свой авторитет от государства. В свою очередь, работодатели сковывались в своей деятельности всесторонним и бдительным административным надзором.

Начиная с XVII в. государство резко ослабило, а потом совершенно уничтожило корпоративную замкнутость ремесленников и тем самым лишило цеховую организацию значительной доли ее практического значения. С XVIII в. цехи могут создаваться уже только с разрешения верховной власти. Корпоративная монополизация в сфере ремесла уже явно тормозила развитие производства и ухудшала качество товара. Трудовое право в этот период имело строго централизованный или публичный характер и составляло только отрасль административного (полицейского права)⁹³². Исследования И. И. Дитятин позволяют сделать вывод о том, что правовая регламентация трудовых отношений формировалась на стыке публичного и частного права⁹³³.

Экономист и специалист по финансовому праву *А. А. Исаев* (1851–1924) в 1879 г. избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, а затем и экстраординарным профессором по кафедре политической экономии (до перехода 1889 г. в Петербургский университет). Широка мышления и достаточно левые взгляды способствовали тому, что А. А. Исаев обратился к проблемам забастовок, рассматривая в единстве их экономическую и правовую составляющие.

Он признавал законным неограниченное право рабочих на участие в забастовке. Последнюю он считал крайностью, но необходимым инструментом для разрешения кризисных ситуаций. При этом А. А. Исаев отмечал важность третейских судов и палат посредников. Он констатировал, что необходимость стачек проистекает, в том числе из-за невозможности примирения сторон. Даже в Англии с 1894 по 1901 гг. палата посредников смогла примирить только 327 стачек, т. е. 5,3% из имевших место, а подчинились ее решению 10,5% рабочих-забастовщиков⁹³⁴. В этой связи особую важность приобретало недопущение стачек посредством разрешения конфликтов на предварительных этапах. Но в случае начала стачки она должна быть обдуманной, с реальными требованиями. Участие в ее органи-

⁹³² См. Дитятин И. И. Указ. соч. С. 10–49.

⁹³³ См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 10–25.

⁹³⁴ См.: Исаев А. А. Забастовка. СПб., 1906. С. 4, 14–20.

защиты профсоюзов было желательно, т. к. они придавали ей осмысленность и могли создать забастовочный фонд. А. А. Исаев не удержался от смешения экономических споров с политическими проблемами, признав право на политическую забастовку⁹³⁵. Примечательно, что его последняя работа была посвящена вопросам, тесно связанным с трудовым правом⁹³⁶.

Достаточным своеобразием отличались взгляды на социальную проблематику выпускника Демидовского юридического лица *И. Я. Гурлянда* (1868 – после 1921 г.), преподававшего там же с 1894 по 1904 гг. В интересующем нас контексте отметим, что *И. Я. Гурлянд* может быть отнесен к числу первых ученых, обратившихся к проблеме права социального обеспечения в рамках формирующейся отрасли трудового права. Он разрабатывал популярную некогда концепцию патронажа в сфере трудового права, которая в итоге совпала с традиционным российским попечительством⁹³⁷. *И. Я. Гурлянд* был ее горячим сторонником и проводником. Провозглашенная им цель была вполне благая: «определить идею законного покровительства, т. е. такого, которое может быть юридически сконструировано». Казалось бы, здесь прямой выход на право социального обеспечения, ибо главная идея патроната «защита слабого со стороны сильных»⁹³⁸. Он выделял самопожертвования (взаимопомощь), пожертвования (благотворительность) и покровительство, т. е. присоединение слабого к себе через попечительство и патронат. В итоге между последними так и не удалось провести правового различия, кроме как по источникам (для попечения – договор, для патроната – закон) и качеству слабости, вызывающей о защите. Если при попечении покрывается слабость физическая и экономическая, то при патронате – только юридическая, параметры которой установлены в самом законе. В итоге патронату было дано следующее определение: «... это идея та-

⁹³⁵ См.: Исаев А. А. Забастовка. С. 34.

⁹³⁶ См.: Исаев А. А. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917–1924 гг.). М., 1924.

⁹³⁷ См. подробнее: Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 91–98 и др.

⁹³⁸ См.: Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. С. IX.

кой защиты, которая в виде той или иной общности интересов оказывается юридически слабым со стороны юридически сильных с целью дать первым возможность приспособиться к процессу приспособления к жизни, устанавливается самим законом и, наконец, определяется совокупностью прав и обязанностей с каждой стороны..., реализует основную цель полицейского права – установление условий для всестороннего развития индивида»⁹³⁹. Такое определение позволяет, с одной стороны, выйти на проблемы государственного страхования рабочих с участием государства, систему государственных пособий, мероприятия государства по борьбе с безработицей. Но, с другой стороны, это позволяет обосновать мелочную опеку рабочих и подробную регламентацию их отношений с работодателями, т. е. на то же пресловутое государственное попечительство.

Николай Николаевич Полянский (1878–1961) преподавал в Ярославле с 1916 по 1921 гг., был первым деканом ФОН ЯрГУ, возглавлял его политико-правовое отделение. Это был выдающийся специалист в области уголовного права и процесса, но его можно отнести и к числу первых ученых-специалистов в области правового регулирования трудовых отношений. О нем уже говорилось в первой части книги, будет сказано и в дальнейшем.

Еще со студенческой скамьи Н. Н. Полянский являлся сторонником экономического учения К. Маркса и во многом из-за этого избрал основным направлением исследования правовую регламентацию стачек и забастовок, а также вопросы коалиционной свободы. Отметим, что организация незаконных стачек в России дореволюционного периода оставалась уголовно наказуемым деянием. Несогласие с такой постановкой вопроса стало для Н. Н. Полянского первым импульсом для обращения к данной теме. Он был хорошо знаком с работами ведущих специалистов по правовому регулированию трудовых отношений, в том числе Ф. Лотмара, П. Пика, Л. С. Таля⁹⁴⁰ (о нем скажем ниже). С 1905 г. он начал публиковать целый цикл статей, посвященных свободе промышленных коалиций, праву на забас-

⁹³⁹ Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. С. 13.

⁹⁴⁰ Полянский Н. Н. Русское уголовное законодательство о стачках и другие статьи по уголовному праву. М., 1912. С. 1–130.

товку и коллективным договорам⁹⁴¹. Ученый выступал не только решительным сторонником легализации права на забастовку и отмены уголовной ответственности за нее, но и связывал этот вопрос с политикой. Он прямо говорил о том, что «Промышленная демократия совместима лишь с политической демократией»⁹⁴². Эту идею он развивал и в дальнейшем. Полянский четко разграничивал понятия стачки и забастовки. По его мнению, стачка (коалиция) – это соглашение рабочих или предпринимателей, имеющее целью изменить условия труда или, наоборот, воспрепятствовать их изменению. Последствием стачки может быть забастовка, но может и не быть⁹⁴³. При этом забастовка без коалиции невозможна.

Итогом его пятилетних изысканий стала магистерская диссертация, представленная к защите в 1907 г. и тогда же опубликованная в виде книги⁹⁴⁴. Ученый утверждал, что из всех свобод одной из самых важных для рабочего класса является свобода коалиций. Эту проблему он рассматривал в трех аспектах: историческом, социологическом и догматическом. В своих работах он анализировал не только теорию коалиций, но и положительное законодательство о рабочих коалициях, преимущественно Франции, Англии, Германии и России. При этом существенное место было уделено истории вопроса. Свою точку зрения исследователь сформулировал в двух основных положениях: 1) уголовное законодательство не должно содержать в себе никаких специальных ограничений свободы коалиций; 2) уголовное законодательство должно взять свободу коалиций под свою охрану. Примечательно, что Н. Н. Полянский рассматривал право коалиций как «право групп». Оно представляет собой, по его мнению, не сумму прав, принадлежащих отдельным лицам, а самостоятельное право, осуществляемое группами лиц, связанных между собой общностью экономиче-

⁹⁴¹ См.: Полянский Н. Н. Забастовки в государственных и общественных предприятиях // Право. 1905. № 42. С. 3454–3461; Он же. Ограничение свободы коалиции в Англии // Право. 1906. № 24. С. 2107–2116; № 25. С. 2218–2225.

⁹⁴² Полянский Н. Н. Проблемы свободы коалиции во Франции // Право. 1905. № 47. С. 3782–3787.

⁹⁴³ См.: Полянский Н. Н. Свобода стачек: История завоевания коалиционной свободы во Франции. М., 1906. С. 5.

⁹⁴⁴ Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.

ского положения. Он, по сути, обосновал выделение коллективных трудовых прав, связав их с правом на коалицию, правом на забастовку и правом на заключение коллективного договора. Эта диссертация Н. Н. Полянского была отвергнута Советом, хотя вызвала как положительные, так и отрицательные отзывы⁹⁴⁵. Главные замечания сводились к тому, что автор увлекся исторической и описательной частью, а для установления природы рабочего договора обратился не к положительному праву, а к учению К. Маркса, откуда взял сравнение трудового договора с договором купли-продажи. Достаточно критично в своих отзывах на диссертацию откликнулись преподаватели Демидовского юридического лица Р. М. Орженцкий и В. Н. Ширяев, о чем будет сказано ниже.

После некоторой доработки в 1909 г. Н. Н. Полянский представил новую магистерскую диссертацию в Ученый совет Московского университета, успешно защитил ее и в начале 1910 г. был утвержден в ученой степени магистра. В эту диссертацию были включены четыре главы из предыдущего исследования, но в переработанном и дополненном виде. Новым являлись только введение и пятая глава, посвященная догматическому анализу русского законодательства о стачках. По-прежнему большая часть работы посвящалась истории уголовного законодательства о коалициях, но диссертация приобрела характер историко-догматического исследования. Н. Н. Полянский указывал, что термин «коалиция» употребляется в самых разнообразных смыслах (военно-дипломатическом, парламентском, юридическом), но он остановил свое внимание исключительно на промышленных коалициях, и главным образом коалициях рабочих. Автор подчеркивал, что коалиция включает в себе известную опасность для общественных интересов и стеснение индивидуальных свобод, и на этой почве могут возникнуть два вида деяний, имеющих уголовно-правовой характер. С одной стороны, некоторые приемы коалиционной деятельности могут быть объявлены преступными, с другой стороны, может быть объявлено преступным принуждение к участию в коалициях. В российском праве был добавлен еще и третий коалиционный деликт – повреждение имущества участниками

⁹⁴⁵ См.: Право. 1907. № 28. С. 1964; Критическое обозрение. 1908. Вып. V. С. 76 и др.

коалиции. Он определял коалицию как основанное на соглашении соединение лиц для достижения одной и той же цели, а промышленную коалицию – как соединение известного числа рабочих или известного числа предпринимателей для защиты их общих интересов. Субъектами коалиции выступали рабочие (служащие) и работодатели, а профсоюзы представляли собой разновидность коалиции⁹⁴⁶. Вместе с тем, в отличие от профсоюзов, коалиции являются в большинстве случаев кратковременным соединением, созданным с определенной целью оказать влияние на условия труда. Основное внимание было обращено на такую форму коалиционной деятельности, как забастовка. В исторической части работы Полянский четко показал различие борьбы за коалиционную свободу рабочих во Франции, Германии и Англии. Во Франции стремление рабочих к коалиционной свободе часто сливалось с широким стремлением к свободе вообще. Следствием этого стало широкое распространение прямых столкновений с силами правительства и бои на баррикадах. В Англии борьба за коалиционную свободу велась преимущественно профессиональными организациями, замыкавшимися в узкую сферу профессиональных интересов и чуждающимися политической деятельности. В Германии борьба за свободу коалиции началась значительно позднее других стран и велась, главным образом, парламентским путем. Говоря об истории законодательства о коалициях в России, автор заметил, что законы против стачек появились у нас раньше, чем произошла первая стачка. Первым законом, предусматривающим наказуемость стачек, явилось Уложение о наказаниях 1845 г. (ст. 1792), тогда как первое применение его в судебном порядке имело место только в 1870 г.

Существенный интерес представляет пятая глава диссертации, посвященная догматическому анализу российского законодательства о стачках. Она включала в себя четыре части: наказуемые забастовки; подстрекательство и возбуждение к забастовке; повреждение имущества участниками забастовки; принуждение к забастовке. Примечательно, что, давая толкование «рабочего» как возможного субъекта забастовки, он делал это в широком смысле «служащего вообще», т. е. любого наем-

⁹⁴⁶ См.: Полянский Н. Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М., 1909. С. 1–17.

ного работника. Н. Н. Полянский отрицал наказуемость не только законных забастовок, преследующих законную цель «принудить предпринимателя к возвышению заработной платы до истечения срока найма или к изменению других условий найма до истечения срока», но и забастовок, преследующих всякую иную цель, забастовок оборонительных и др.

Рассматриваемая публикация Н. Н. Полянского вызвала немало сочувственных отзывов, в том числе бывшего директора Демидовского юридического лицея М. П. Чубинского и приват-доцента П. И. Люблинского⁹⁴⁷. В целом позитивную, но неоднозначную рецензию написал В. Н. Ширяев (о ней ниже). Довольно жесткую критику диссертации дал коллега Н. Н. Полянского по Московскому университету С. В. Познышев (1870–1942), один из лучших теоретиков уголовного права своего времени, но человек достаточно консервативных взглядов. Он отмечал, что историческая часть работы написана хорошо, оставляет благоприятное впечатление и читается с интересом. Догматическая часть работы была подвергнута жесткой критике, в том числе за слишком широкое определение коалиции, за отсутствие дефиниции понятия «коалиционный деликт» и исследования его признаков, за расплывчатость категорий «коалиционная свобода», за увлечение комментариями действующего законодательства⁹⁴⁸. В этом было рациональное зерно, но в целом это был излишне критический подход к новаторскому исследованию на стыке уголовного и нарождающегося трудового права. Некоторые упреки, например, в том, что Н. Н. Полянский не разделяет рабочих и служащих как субъектов права на забастовку вытекают из незнания С. В. Познышевым сути проблемы и учения о трудовом договоре. Между тем дискуссия ученых была достаточно корректной и не носила характера политических нападок⁹⁴⁹.

Исследование Н. Н. Полянским природы рабочего (трудо-вого) договора носило новаторский характер. В частности, он проводил разграничение между рабочим договором и договором товарищества по двум критериям – правовому и экономи-

⁹⁴⁷ См.: Критическое обозрение. 1909. Вып. VI; Право. 1910. № 4.

⁹⁴⁸ См.: Познышев С. В. Разбор сочинения Н. Н. Полянского // Ученые записки лицея в память Цесаревича Николая. 1910. Вып. 4. С. 1–17.

⁹⁴⁹ См.: Полянский Н. Н. Ответ проф. Познышеву // Вестник права и нотариата. 1910. № 9.

ческому. По правовому критерию различие заключалось в следующем: 1) работодатель платит рабочему за труд, в то время как в договоре товарищества такой признак отсутствует; 2) различны цели у сторон рабочего договора и договора товарищества; и их раздельное имущество; 3) эти договоры имеют различную правовую регламентацию. Экономический критерий разграничения Н. Н. Полянский видел в том, что рабочий и предприниматель имеют противоположные экономические интересы. Он дискутировал с известными учеными Ж. Сорелем и А. Менгером и пришел к выводу в духе работ К. Маркса: рабочий договор стоит ближе всего к договору купли-продажи и рабочая сила – товар, имеющий рыночную цену и являющийся фактором производства. Утверждение немецкого ученого Ф. Лотмара о неотделимости рабочей силы от человека, в связи с чем ее нельзя продать как имущество, Н. Н. Полянскому было знакомо, но его не убеждало. Вывод российского ученого заключался в том, что интересы рабочих и работодателей противоположны, причем последние являются экономически более сильной стороной. Из этого следует, что рабочим должно быть предоставлено право на коалицию и коллективную борьбу за свои права⁹⁵⁰. Н. Н. Полянский обосновывал право рабочих на коалицию и проведение стачек и с точки зрения экономической целесообразности⁹⁵¹.

Публикации ученого, подготовленные в ярославский период его деятельности, затрагивали проблемы трудового права фрагментарно⁹⁵². Традиционно получалось так, что Николай Николаевич всегда в чем-то отличался от основной массы ученых: по вероисповеданию он был евангелист-лютеранин, по убеждениям – умеренный марксист, а его научный интерес к проблемам правового регулирования труда всегда вызывал вопросы у его коллег-криминалистов. В советский период он сохранил свою индивидуальность и не был похож на классиче-

⁹⁵⁰ См.: Полянский Н. Н. Право коалиций и природа рабочего договора // Право. 1906. № 49. С. 3837–3845.

⁹⁵¹ См.: Полянский Н. Н. Право стачек // Сборник прогрессивного слова. СПб., 1910. С. 1–41; Он же. По поводу проекта отмены наказаний за самовольный отказ от работы // Вестник нотариата. 1910. № 51.

⁹⁵² См.: Полянский Н. Н. Революция – торжество права. М., 1917; Он же. Народнический социализм. М., 1918; Он же. Идея и идеал кооперации: Общее образование и кооперативная работа. Ярославль, 1920 и др.

ских советских юристов. В 1920-е гг. он опубликовал ряд статей о выдающихся юристах И. А. Покровском и А. Ф. Кони, с которыми был знаком лично, а с последним даже состоял в переписке. Но писать о праве на забастовку и некую коалицию вне официальных профсоюзов стало сначала не актуальным, а затем просто опасным. Впрочем, по отдельным проблемам трудового права ученый высказывался в официальной печати⁹⁵³.

Как нам кажется, Н. Н. Полянского можно отнести к числу первых российских ученых-трудовиков, условно говоря, широкого профиля. Он не только имел свыше 20 публикаций по трудово-правовой проблематике, но и затронул в своих работах целый спектр актуальных и ныне проблем, таких как правовая регламентация коллективных действий работников (стачки, забастовки) и право коалиции, коллективные договоры, правовая природа трудового договора. Но осознание его вклада в развитие науки трудового права начинает происходить только сейчас.

В. Н. Ширяев (1872–1937) – выпускник (1885 г.) и преподаватель (1904–1924 гг.) лицея, его последний директор, а затем первый ректор университета. Эта фамилия уже неоднократно упоминалась на страницах данной книги. Его сложно отнести к ученым-трудовикам, но он активно занимался проблемами дисциплинарной ответственности служащих, а также должностными преступлениями. В этой связи его работы в некоторой части пересекались с трудово-правовой проблематикой.

Примечательно, что даже в отношении тюремного труда он был противником ночных работ, работ в воскресные и праздничные дни, сверхсменных и сверхурочных работ. Он приветствовал отмену ссылки и возражал против того, чтобы труд был дополнительным наказанием для лиц, содержащихся в местах лишения свободы⁹⁵⁴. В. Н. Ширяев живо откликнулся на публикации Н. Н. Полянского, посвященные стачкам и забастовкам в контексте уголовного законодательства. Его рецензии можно считать изложением взглядов ярославского ученого на данную проблему. В отношении книги Н. Н. Полянского (будущего профессора лицея, о котором было сказано выше) «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб., 1907) он отмечал довольно

⁹⁵³ Полянский Н. Н. Дисциплинарная ответственность служащих трестов // Вопросы труда. 1924. № 11.

⁹⁵⁴ См.: Ширяев В. Н. Постановка вопроса о тюремном труде на Первом съезде тюремных деятелей // Право. 1902. № 16. С. 821–827.

существенный перечень недоработок. По мнению В. Н. Ширяева, автору следовало бы обосновать само право на коалицию, выяснить его правовую сущность и установить границы этого права. Он резонно предполагал, что необходимы доказательства важности этого права не только для одного рабочего класса, как это сделал Н. Н. Полянский, но и для всего общества. Кроме того, отмечалась важность выявления возможных нарушений и злоупотреблений правом свободы коалиций. В. Н. Ширяев подчеркнул, что полных и удовлетворительных ответов на эти вопросы в рецензируемой книге не имеется. Он высказал сомнение в том, что широкая свобода забастовок не должна быть ничем ограничена, а обязательный арбитраж может убить право на забастовку. В. Н. Ширяев не без иронии ставит вопрос: если право на коалицию должно быть поставлено под особую уголовно-правовую охрану, то как должен относиться законодатель к случаям нарушения этого права со стороны самих рабочих, отколовшихся от коалиции и перешедших на сторону предпринимателя, тем самым причинивших вред рабочему классу?⁹⁵⁵

В рецензии на переработанную книгу Н. Н. Полянского «Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона» (М., 1909) В. Н. Ширяев обратил внимание на многие ее позитивные стороны. Он отметил, что в связи с добавлением главы, посвященной догматическому анализу русского законодательства о коалициях, все исследование в полном объеме приобрело характер историко-догматического исследования. Особенно позитивно была оценена историко-правовая часть исследования, составляющая большую часть работы. В рецензии дается анализ предложенных автором дефиниций «рабочего», «коалиционного деликта» и их видов, трактовки Н. Н. Полянским отдельных статей Уложения о наказаниях. Отмечено, что в работе имеются промахи методологического характера, в том числе отсутствие освещения в должной мере вопросов особенной части уголовного права и применения к ним начал общей части и более общих начал особенной части, относящихся к той же категории преступных деяний. При этом В. Н. Ширяев призывает согласиться с точкой зрения, согласно которой работу следует оценивать не по тому,

⁹⁵⁵ См.: Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16–19.

чтобы в нее было желательно добавить, а по тому, что в ней действительно дано автором. В этой связи он признает, что работа Н. Н. Полянского является трудом, заключающим разработку обширного материала и представляющим значительный интерес как для теоретиков, так и для практиков. При этом работа не свободна от спорных и даже неправильных положений, на которые В. Н. Ширяев специально обращает внимание⁹⁵⁶.

В силу специфики своих работ по уголовному праву, В. Н. Ширяев обращался к таким категориям, как: «служебные (трудовые) обязанности», «дисциплинарный проступок» и его отличие от должностного преступления⁹⁵⁷. Долгие годы преподавания на кафедре истории русского права способствовали тому, что он стал компетентным специалистом как по истории права, так и по общим проблемам истории⁹⁵⁸. Уже после прекращения деятельности ЯрГУ, в Минске, он снова обратился к проблемам дисциплинарной ответственности служащих⁹⁵⁹, что шло в рамках формирующейся отрасли трудового права.

Труды лицейского профессора в 1906–1918 гг. *Р. М. Орженцкого* (1863–1923) позволяют всесторонне рассматривать вопросы, связанные с правовым регулированием труда. Он занимался, в частности, изучением связи экономических циклов и изменения конъюнктуры рынка с ростом безработицы и динамикой забастовок. Он выступал за направленность бюджета, которую в со-

Р. М. Орженцкий

⁹⁵⁶ См.: Ширяев В. Рецензия на кн.: Полянский Н. Н. «Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона». 1909 // Юридическая библиография. 1910. № 5. С. 194–197.

⁹⁵⁷ См.: Ширяев В. Н. Уголовная ответственность врачей. СПб., 1904; Он же. Об юридической природе должностных преступлений (доктрина должностных преступлений) // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 3. С. 1–51; Он же. Участие частных лиц в должностных преступлениях // Там же. 1915. № 3. С. 28–48; Он же. Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.

⁹⁵⁸ См.: Ширяев В. Н. Историческое изучение права. Ярославль, 1905.

⁹⁵⁹ См.: Он же. Дисциплинарная ответственность служащих. М., 1926.

временных терминах можно назвать «социальной», что связывалось с увеличением ассигнований на поддержку неимущих слоев населения, социальными пособиями и др. В некоторых публикациях он непосредственно касался рабочего вопроса. Так, в рецензии на исследование Н. Н. Полянского (будущего коллеги по Демидовскому юридическому лицезу) «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб, 1907) он опровергал мнение автора рецензируемого труда, будто свобода коалиций делает излишней законодательную охрану интересов рабочих. Для ярославского ученого было очевидно, что коллективные способы борьбы рабочих за свои права должны сочетаться с наличием развитого трудового законодательства, защищающего рабочих от неконтролируемой эксплуатации. Между тем Н. Н. Полянский утверждал обратное, а именно то, что предоставление рабочим широкой коалиционной свободы гораздо ценнее и желательнее для них, чем вся отеческая забота о них законодателя. Р. М. Орженцкий обоснованно отметил, что Н. Н. Полянский не придает особого значения отрицательным сторонам забастовки, хотя они довольно существенны, в том числе для самих рабочих. По мнению Р. М. Орженцкого, забастовку нельзя признать единственным средством борьбы за интересы рабочих, причем это средство является нелегким и для самих забастовщиков. В рецензии обращалось внимание и на то, что Н. Н. Полянский провел свое правовое исследование в некотором отрыве от экономической составляющей затронутых проблем, в частности, рассмотрел не все теории заработной платы, не учитывал экономических последствий забастовок⁹⁶⁰.

Так, постепенно вызревали идейные основы нового научного направления, однако подлинная история не только ярославской школы трудового права, но и российского трудового права вообще началась с творчества **Льва Семеновича Таля** (1867–1933). В настоящее время уже общепризнанно, что Л. С. Таль является отцом-основателем науки трудового права, первым российским ученым-трудо­виком. Более того, его можно считать основателем трех ведущих российских школ трудового права – московской, Санкт-Петербургской и ярославской, о чем будет

⁹⁶⁰ См.: Орженцкий Р. Рецензия на кн.: Н. Н. Полянского «Стачки рабочих и уголовный закон» // Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16–18.

сказано ниже. Его перу принадлежат первые диссертационные и монографические исследования, посвященные проблемам правового регулирования трудовых отношений, а также один из первых учебников по промышленному (трудовому) праву. Он первым разработал основные проблемы общей части трудового права, заложил основы его догматики. Практически все отечественные исследователи первой четверти XX в. опирались на его научное наследие – либо через его признание и интерпретацию, либо через отрицание и оппонирование. В советский период труды Л. С. Таля были труднодоступны, подвергались огульной критике, а само его имя, как «буржуазного теоретика», замалчивалось. Но даже в это время лучшие отечественные ученые-трудовики развивали научные наработки и концепции Л. С. Таля.

Л. С. Таль

Советские концепции трудового договора и работодательской власти основывались на учении Л. С. Таля. Утвердившиеся в советской науке признаки трудового правоотношения также восходили к его трудам. Л. Я. Гинцбург еще в 1977 г. писал о том, что работа Л. С. Таля «Трудовой договор»⁹⁶¹ по широте охвата темы и тонкости юридического анализа стояла на уровне самых выдающихся произведений буржуазной науки XX в. Он отмечал большую роль научного наследия Л. С. Таля в развитии советской науки трудового права 1920-х гг. Л. Я. Гинцбург называл Л. С. Таля, наряду с немцами Ф. Лотмаром, В. Эндеманном, французами М. Капитаном, П. Пиком, буржуазными юристами, констатировавшими появление трудовых правоотношений и зарождение новой отрасли – трудового права⁹⁶².

В настоящее время имеется уже относительно обширная литература, где анализируются труды Л. С. Таля, а также за-

⁹⁶¹ См.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1. Общее учение. Ярославль, 1913; Ч. 2. Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918. (Эти работы были переизданы одной книгой в 2006 г.)

⁹⁶² См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 11, 172–173.

трагиваются фрагменты его биографии⁹⁶³. Российские ученые-трудовики дают научному наследию своего предшественника самую высокую оценку. Показательно в этом плане мнение И. Я. Киселева: «Труды Л. С. Таля отличаются научной глубиной и основательностью, широким привлечением зарубежного нормативного и теоретического материала. Автор виртуозно владеет сравнительно-правовым и историко-правовым методами исследования. Поражает его научная эрудиция, знание истории, теории, философии права, правовой догмы, емкость и четкость мыслей, дар научного предвидения. На наш взгляд, работы Л. С. Таля во многом не устарели и могут сослужить хорошую службу, как в развитии нашего трудового законодательства, так и в разработке теоретических проблем российского трудового права на пути к рынку»⁹⁶⁴. Все это дает основание некоторым ученым говорить о существовании «талеведения»⁹⁶⁵.

Очевидно, что перипетии его жизненного пути тесно связаны с его научной биографией и должны рассматриваться во взаимосвязи. Лев Семенович Таль родился 22 марта 1867 г. (по другим данным 1866 г.) в г. Митава Курляндской губернии в купеческой семье. Первоначально он был наречен Луи (по другим данным Луи-Людвиком)⁹⁶⁶. Впоследствии он перешел из

⁹⁶³ См.: Гундарин О. Т. Основоположник отечественной науки трудового права Лев Семенович Таль: Жизненный путь и научная биография // Российское трудовое право на рубеже тысячелетий. Ч. 1. СПб., 2001. С. 17–33; Киселев И. Я. Трудовое право России: Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 80–96; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 27–31, 146–147; Лушников А. М., Лушникова М. В. Лев Семенович Таль: Жизнь и творчество (1867–1933) // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. С. 7–23; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 424–430; Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001 С. 87–90, 108–109 и др.

⁹⁶⁴ Киселев И. Я. Указ. соч. С. 80 (прим.).

⁹⁶⁵ См.: Гундарин О. Т. Лев Семенович Таль: жизнь и судьба российского правоведа // Правоведение. 2005. № 5. С. 218.

⁹⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 483. Л. 12. В документах дважды, в том числе в формулярном списке, указывается, что он родился в 1867 г. и один раз – что в 1866 г.

иудейского в евангелическо-лютеранское исповедание и принял имя Лев. После окончания гимназии в 1886 г. Таль поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом первой степени, дававшим право на получение десятого классного чина (1890 г.). Вероятно, уже тогда определился его научный интерес в сфере гражданского права. Среди его университетских преподавателей были видные цивилисты Н. И. Боголепов, Ю. С. Гамбаров, Н. О. Нерсесов, экономисты А. И. Чупров и И. И. Янжул, историк П. Г. Виноградов. Посещал он и лекции мэтра отечественной исторической науки В. О. Ключевского. Отсюда берет истоки фундаментальная подготовка по гуманитарным дисциплинам и фактически профессиональное знание истории.

В 1890–1893 гг. Л. С. Таль служил в судебных органах, сначала кандидатом на судебную должность при Московском окружном суде, с января 1892 г. – исполняющим дела, а затем помощником секретаря третьего стола первого Уголовного отделения Московского окружного суда. В январе 1893 г. Л. С. Таль по прошению переводится столоначальником Московского Сиротского суда. В 1893 г. он утверждается в чине коллежского секретаря. В августе 1893 г. Л. С. Таль увольняется с государственной службы «по домашним обстоятельствам». Вполне возможно, что государственная служба тяготила его, а недостаток времени не позволял активно заниматься научными исследованиями. В 1893 г. он выезжает за границу с целью посещения лекций в Бонне и Мюнхене. В Боннском университете в то время читал лекции профессор В. Эндеманн, один из первых ученых-трудовиков, который, наравне с профессором Базельского университета Ф. Лотмаром, оказал на него наибольшее влияние. Впоследствии Л. С. Таль неоднократно выезжал в зарубежные научные командировки. Он в совершенстве знал немецкий, хорошо владел французским, несколько хуже – английским. Большая трудоспособность, знание языков, частые и длительные поездки за рубеж, активное общение с иностранными коллегами сделали его знатоком западной научной литературы и законодательства, особенно Германии и Австро-Венгрии. В 1895–1905 гг. он служит присяжным поверенным в Риге. Но интерес к науке и преподаванию брал свое. В 1901 г.

вышла его первая научная публикация⁹⁶⁷. В 1905 г. (по другим данным – в 1906 г.) он сдает магистерский экзамен по гражданскому праву в Юрьевском университете, защищает диссертацию на тему «Ипотечная отметка». Позднее, по неизвестным нам причинам, документы, подтверждающие защиту, так и не были получены. Впрочем, в 1906 г. диссертация в формате книги была опубликована, а также вышла научная статья. Столь позднему переходу на преподавательскую работу способствовали как обстоятельства личного характера, так и вопрос с вероисповеданием. По утверждению Л. С. Таля, в 1906 г. он был допущен к чтению лекций в Юрьевском университете, но документально это не было подтверждено. Начало педагогической карьеры Льва Семеновича трудно назвать удачным, тем более что столь поздняя защита магистерской диссертации в возрасте почти 40 лет была для российского ученого мира относительной редкостью. Примечательно, что в том же году и в том же университете началась педагогическая деятельность еще одного бывшего присяжного поверенного, впоследствии известного цивилиста В. И. Синайского. Магистерскую диссертацию он защитил год спустя, но был моложе Таля на 9 лет. Е. В. Васьковский, будучи старше Л. С. Таля всего на один год, в 1906 г. уже являлся первым проректором Новороссийского университета и профессором гражданского права с всероссийской известностью.

С осени 1906 г. начинается преподавательская деятельность Льва Семеновича в качестве приват-доцента кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета, где его коллегами были такие выдающиеся цивилисты, как Д. Д. Grimm, М. Я. Пергамент, И. А. Покровский, А. И. Каминка. Л. С. Таль первым в стране стал читать спецкурс «Договоры о труде» (с 1907 г.), а руководимый им студенческий кружок гражданского права (с 1908 г.) также занимался преимущественно изучением проблем правового регулирования трудовых отношений. Через этот кружок прошли известные впоследствии ученые-трудовики И. С. Войтинский, В. М. Догадов и К. М. Варшавский, которых можно назвать первыми учениками Л. С. Таля. Одновременно он читал лекции на Высших женских курсах

⁹⁶⁷ См.: Таль Л. С. Судоходство и сплав по Прибалтийским рекам // Право. 1901. № 9. С. 478–484.

Раева, в Институте высших коммерческих знаний, вел занятия на Бестужевских высших женских курсах по торговому и гражданскому праву. В 1909 г. Л. С. Таль избирается действительным членом Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Большой объем работы по совместительству был связан не только с исключительной работоспособностью ученого. К этому его толкало также отсутствие полной нагрузки в университете и потребность в средствах на содержание семьи. Еще будучи присяжным поверенным, Л. С. Таль вступил в брак с вдовой Е. Л. Изерман. Двух ее детей от первого брака он усыновил в 1899 г.

Революция 1905–1907 гг. вовлекла в орбиту общественно-политической жизни многих российских юристов. Л. С. Таль не стал исключением. Его симпатии были на стороне партии кадетов, в периодических изданиях которой он публиковал свои статьи. Такой выбор был естественным, т. к. эту партию в шутку, но не без основания называли «партией профессоров» и даже «партией юристов». В числе ее лидеров были такие авторитетные правоведы, как М. М. Винавер, И. В. Гессен, С. А. Котляревский, С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, Г. Ф. Шершеневич и др. В «рабочем вопросе» требования партийной программы также были близки Л. С. Талю: введение 8-часового рабочего дня, обязательное страхование рабочих «с отнесением издержек за счет предпринимателей», предоставление свободы союзов, стачек, собраний. Эта была программа «законодательного решения рабочего вопроса». Разработанный Л. С. Талем проект закона о рабочем договоре был частью пакета законопроектов, внесенных кадетами в Первую Государственную Думу (1906 г.). Симпатии к кадетам Л. С. Таль сохранил и в дальнейшем, хотя о его членстве в этой партии достоверно не известно. Политика не обошла стороной и семью ученого. Его приемная дочь, слушательница Бестужевских высших женских курсов Елизавета Львовна Таль (1893–1987) в декабре 1910 г. участвовала в стычке с полицией во время разгона несанкционированной сходки. Впрочем, на карьере ее отца это никак не отразилось.

С 1907 г. основным предметом его научных исследований стало правовое регулирование трудовых отношений, а именно: трудовой договор, работодательская власть и ее пределы, кол-

лективные (тарифные) соглашения⁹⁶⁸. К этому времени он имел обширный опыт судебного чиновника и присяжного поверенного, являлся авторитетным и уважаемым специалистом по гражданскому и торговому праву. К тому же, как уже указывалось, Л. С. Таль хорошо знал западное законодательство и юридическую литературу. Будучи достаточно честолюбивым человеком, он упорно искал свою нишу в науке и нашел ее. Его интерес к спорным теоретическим положениям, правовым пробелам и коллизиям вывел его на правовое регулирование трудовых отношений. Эта проблема в то время была «поделена» между специалистами по гражданскому и административному праву. Надо было обладать большим талантом и упорством, чтобы из разнородного и разноотраслевого массива литературы и законодательства создать целостную теоретическую конструкцию. Это было под силу только неординарно мыслящему ученому, видевшему феномен трудовых отношений в историческом и компаративном ключе. Именно таким ученым и был Л. С. Таль.

Летом 1912 г. он переходит на работу в ярославский Демидовский юридический лицей на должность приват-доцента кафедры гражданского права. Как уже неоднократно указывалось, в то время лицей являлся одним из ведущих высших учебных заведений правового профиля. Ярославский вуз имел выдающийся преподавательский состав, чему способствовали обстоятельства, названные в первой части данной работы. Этот переход был связан и с потребностью ученого в карьерном росте, который в столице был затруднен. К тому же по инициативе министра народного просвещения Л. А. Кассо 19 февраля 1912 г. был принят циркуляр, запретивший приват-доцентам чтение параллельных с профессорами курсов. На юридическом факультете Санкт-Петербургского университета было закрыто

⁹⁶⁸ См.: Таль Л. С. Законопроект о найме торговых служащих // Право. 1907. № 1. С. 6–15; Он же. Французский проект закона о рабочем договоре // Русская мысль. 1907. Кн. 4 С. 72–98; Он же. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485–1500; Он же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Право. 1908. № 33. С. 1770–1778; № 34. С. 1829–1835; Он же. Тарифный (коллективный договор) как институт гражданского права. СПб., 1909; Он же. Новый австрийский закон о найме торговых и других служащих // Право. 1910. № 16. С. 996–1006 и др.

4 таких курса. Это существенно понизило статус приват-доцентов и затруднило формирование их педагогической нагрузки. В Демидовском лицее Л. С. Таль вел занятия по гражданскому и торговому праву, по курсу институций римского права, а также по гражданскому процессу (последние – совместно с Т. М. Яблочковым), причем ему было разрешено вести лекционный курс торгового права и читать лекции по гражданскому праву. Еще до перехода в лицей он имел тесные связи с ярославскими учеными, был членом редколлегий «Юридических записок Демидовского юридического лицея» и издаваемого лицеем журнала «Юридическая библиография». Впоследствии Л. С. Таль стал соредактором «Юридических записок Демидовского юридического лицея» совместно с Б. А. Кистяковским, А. Р. Свирщевским и В. Н. Ширяевым. Кроме того, Лев Семенович был членом постоянной ревизионной библиотечной комиссии и профессорского дисциплинарного суда. Научная и педагогическая деятельность Л. С. Таля активизировала в лицее интерес к трудовому праву. Различными ее аспектами занимались такие известные ярославские цивилисты, как С. Е. Сабинин, Б. В. Чредин, специалисты по уголовному праву Н. Н. Полянский, В. Н. Ширяев, о чем будет сказано ниже. Отметим, что С. Е. Сабинин к этому времени уже проявлял активный исследовательский интерес к правовой природе тарифного (коллективного) договора⁹⁶⁹.

Деловая атмосфера и общность научных интересов с коллегами стимулировали дальнейший научный поиск Л. С. Таля. Особенно близко ученый сошелся со специалистом по римскому праву доцентом Б. Н. Фрезе. Еще раз подчеркнем, что свои основные труды Л. С. Таль подготовил и опубликовал во время работы в Ярославле. 21 ноября 1913 г. в Харьковском университете он, по сути, повторно (после 1905 г.) защищает магистерскую диссертацию на тему «Трудовой договор. Общее учение», текст которой издается в виде монографии в Ярославле в том же году. Эта работа получила широкий научный резонанс. Первым оппонентом на защите диссертации выступил доктор гражданского права, профессор В. М. Гордон (в прошлом –

⁹⁶⁹ Сабинин С. Е. К вопросу о юридическом значении так называемых тарифных договоров // Юридические записки Демидовского юридического лицея. 1910. Вып. 1. С. 482–496.

профессор Демидовского юридического лицея), а вторым оппонентом – магистр гражданского права, профессор Б. В. Попов. В качестве неофициального оппонента выступил приват-доцент В. И. Сливичкий. Все выступления были достаточно критичными, но ученый совет присвоил Талю магистерскую степень единогласно, что было встречено дружными и продолжительными аплодисментами всех присутствующих на защите⁹⁷⁰.

Наиболее детальный разбор данной монографии провел профессор Харьковского университета В. М. Гордон⁹⁷¹. Первоначально это была рецензия на магистерскую диссертацию Л. С. Таля, защищенную именно в Харькове. Эту рецензию также можно считать исследованием по трудовому праву, о чем будет сказано далее.

В марте 1914 г. Л. С. Таль назначается исправляющим должность профессора Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права. Летом того же года он покидает лицей и становится сверхштатным ординарным профессором Московского коммерческого института, директором которого долгие годы был юрист и философ П. И. Новгородцев, где читает курс торгового права. Но на этом его связь с Ярославлем не прервалась. Помимо личных контактов он продолжал участвовать в подготовке лицейских периодических изданий, а вторая часть его монографии «Трудовой договор», так же как и первая⁹⁷², была издана в Ярославле. В тот период его авторитет как ведущего специалиста в сфере рабочего (трудового) права был общепризнан, а невозможность отделения рабочей силы от личности работника признавалась большинством цивилистов⁹⁷³. В октябре 1915 г. Л. С. Таль снова переводится экстраординарным профессором в Демидовский юридический лицей, где и до этого продолжал преподавать по совместительству⁹⁷⁴. Таким

⁹⁷⁰ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 49. С. 2370–2376. Речь Таля перед диспутом опубликована там же (с. 2315–2321).

⁹⁷¹ См.: Гордон В. М. К учению о трудовых договорах (литературное обозрение). СПб., 1914.

⁹⁷² См.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1, 2. Ярославль, 1913–1918.

⁹⁷³ См.: Мезенкамп Н. М. Иски о вознаграждении за личный вред, понесенный вследствие неблагоприятных условий труда // Вестник гражданского права. 1914. № 6. С. 38–39.

⁹⁷⁴ Биографические данные Л. С. Таля на период до 1915 г. приведены по: РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 483. Л. 12; Ф. 470. Оп. 17. Д. 33. Л. 1–2.

образом, Льву Семеновичу было официально разрешено совмещать работу в московском и ярославском вузах. Именно на ярославский период (середина 1912 – конец 1917 гг.) приходится расцвет творчества ученого⁹⁷⁵. По некоторым данным, в 1916/1917 учебном году Таль предпринял попытку прочитать курс «Промышленное право» в Московском университете⁹⁷⁶. В его рамках должны были освещаться и проблемы рабочего (трудового) договора. Эта попытка не увенчалась успехом. Вместе с тем аналогичный курс читался в Московском коммерческом институте и ряде технических вузов.

После Февральской революции 1917 г. в судьбе Л. С. Таля происходят существенные изменения. В мае 1917 г. он назначается сенатором IV Департамента (гражданский кассационный департамент) Правительствующего сената (оставаясь экстраординарным профессором Демидовского юридического лицея) и переезжает в Петроград. В этот период сенаторами стала целая группа университетских профессоров (Л. И. Петражицкий, Ю. С. Гамбаров, М. П. Чубинский (бывший директор Демидовского юридического лицея) и др.), что, впрочем, существенно

В этих делах имеются его краткие биографические справки. Они частично не совпадают с данными формулярных списков: РГИА. Ф. 740. Оп. 17. Д. 33. Л. 14–17; 49–56. Даже в этих списках есть взаимные расхождения. Выше нами приведены факты биографии, подтвержденные несколькими источниками.

⁹⁷⁵ Таль Л. С. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лицея. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386–435; Он же. Наем труда свободных лиц в римском праве // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 2. С. 209–256; Он же. Пути и цели реформы законодательства о найме труда. М., 1912; Он же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Право. 1913. № 49. С. 2315–2321; Он же. Очередные вопросы в области гражданского права (литературное обозрение). Б. м., 1913; Он же. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103–140. Он же. Торговый агент и агентурный договор как правовые типы. М., 1914; Он же. Юридическая природа организации внутреннего порядка предприятия. М., 1915. Он же. Автономное право-творчество в частном праве. М., 1916; Он же. Очерки промышленного права. М., 1916 и др.

⁹⁷⁶ См.: Киселев Я. Л. Краткий очерк развития советского трудового права на юридическом факультете Московского университета // Ученые записки МГУ. Вып. 180. Труды юридического факультета. Кн. 8. М., 1956. С. 145.

не отразилось на работе Сената. При этом Л. С. Таль продолжает преподавательскую деятельность и в сентябре того же года занимает должность приват-доцента юридического факультета Петроградского университета. Он также вел занятия в лицее в память цесаревича Николая и на Высших женских юридических и историко-филологических курсах. Как известный ученый, он включается в Особую комиссию по выработке закона о договоре найма труда, образованную при Отделе законодательных предложений Временного правительства. С разной степенью активности он участвовал в разработке и других законопроектов о труде, в частности о забастовках, о коллективных договорах. Кроме того, он принимал участие в организации Всероссийского союза юристов, учредительное собрание которого прошло 30 апреля 1917 г.

В советский период служебная карьера Л. С. Таля сделала еще один крутой поворот. Ликвидация Сената положила конец его государственной службе, но преподавание он продолжил. 26 мая 1918 г. в Петрограде он защитил докторскую диссертацию на тему «Трудовой договор», которая, как уже указывалось, была издана в виде монографии в том же году в Ярославле. Наряду с учебным пособием по промышленному рабочему праву⁹⁷⁷ это была его последняя публикация в России, посвященная трудовому праву. Официальными оппонентами на защите диссертации выступили известные петроградские профессора М. Я. Пергамент и А. Э. Нольде.

Новую власть Л. С. Таль не принял, хотя и никакого участия в антибольшевистском движении, вероятно, не принимал. Его взгляды на трудовое право никак нельзя назвать просоветскими, что закрывало ему путь к преподаванию этой дисциплины. В начале 1919 г. он получает назначение на работу заведующим Музеем труда Народного комиссариата труда. Вероятно, почти одновременно он был принят на должность профессора в 1-й МГУ. Достоверно установлено, что в 1919 г. он был членом университетской комиссии, созданной для содействия организации университета в Минске⁹⁷⁸. По учебному плану факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ за ок-

⁹⁷⁷ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.

⁹⁷⁸ См.: Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755–1952. М., 2004. С. 285.

тябрь 1920 г. профессор Л. С. Таль должен был вести курсы «Рабочее право» и «Частное право коллективов». Под последним имелось в виду, вероятно, коллективно-договорное регулирование трудовых отношений. По достоверным данным, в 1921/1922 учебном году ему разрешили читать курс трудового права на факультете общественных наук МГУ, но по идеологическим и организационным причинам (частые командировки) курс так и не был дочитан. Возобновил его чтение уже ученик Л. С. Таля – И. С. Войтинский. Таким образом, Л. С. Таля можно назвать пионером в чтении трудовозовых дисциплин в советских вузах. Это первенство с ним вправе разделить его бывшие коллеги по лицу Б. В. Чредин и Н. Н. Голубев (ярославский университет)⁹⁷⁹, о чем мы еще скажем. Отметим, что академическую карьеру выбрала и приемная дочь ученого Е. Л. Таль, о которой уже упоминалось выше. В 1920-е гг. она стала ординатором-хирургом клиники госпитальной хирургии 2-го МГУ, затем защитила кандидатскую диссертацию. В дальнейшем она работала в больнице С. П. Боткина.

В начале 1920-х гг. Л. С. Таль занимался преимущественно гражданско-правовой проблематикой. В частности, он являлся сторонником структурного обособления хозяйственного права в условиях войны или централизованного управления экономикой. При этом он предупреждал, что «...коллективное хозяйство не может быть построено на отрицании свободы общественного самоопределения»⁹⁸⁰. В этот период Льва Семеновича избирают действительным членом научной секции хозяйственно-трудового права Института советского права. Тогда же он продолжал читать курс гражданского права в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а в 1924 г. стал профессором факультета общественных наук 1-го МГУ. Последняя его прижизненная публикация в России была помещена в сборнике статей правового факультета Киевского института народного хозяйства, посвященном памяти его оппонента по магистерской диссертации профессора В. М. Гордона (Киев, 1927). В 1925–1926 гг. Л. С. Таль сотрудничал с германскими юридическими изданиями, помещая в них статьи о развитии советского зако-

⁹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 117, 134, 135, и др.

⁹⁸⁰ Таль Л. С. Понятие и сущность хозяйственного права // Право и Жизнь. 1924. Кн. 9. С. 26.

нодательства. В первой половине 1920-х гг. ему еще разрешали выезжать за рубеж.

Отсутствие интеллектуальной свободы и усилившиеся гонения на инакомыслящих привели к тому, что в 1926 г. он эмигрирует в Германию⁹⁸¹, а затем перебирается во Францию, где становится профессором Франко-русского института. Среди его преподавателей были и другие ученые, занимавшиеся проблемами правового регулирования труда. Это – В. Б. Ельяшевич, который ввел в российский научный оборот термин «трудовой договор», а также бывший глава юридической службы Министерства труда Временного правительства С. О. Загорский. Л. С. Таль читал в институте курсы трудового права, судебного права, занимался проблемами теории права. При этом он опирался на труды Л. И. Петражицкого и Б. А. Кистяковского (коллега по Демидовскому лицезу), с авторами которых он многие годы преподавал в одних вузах и имел ровные, дружеские отношения. К сожалению, сведения о зарубежном периоде жизни и творчества ученого достаточно фрагментарны и противоречивы. Таль умер во Франции в июне 1933 г. Его коллега и сподвижник В. Б. Ельяшевич откликнулся на его смерть проникновенным некрологом, где отметил, что Л. С. Талья воодушевляли социальные проблемы и он верил в их решение в духе социальной справедливости⁹⁸².

Далее мы рассмотрим научный вклад Л. С. Талья в создание теоретического фундамента российского трудового права. В подавляющей части анализируемые ниже положения были сформулированы ученым в ярославский период его творчества (1912–1917 гг.).

Что касается учения *о предмете и методе трудового права*, то можно сказать следующее. Изначально к предмету фабричного (трудового) законодательства российскими учеными относилось регулирование условий найма и работы, т. е. отношения между рабочими и хозяевами, основанные на договоре

⁹⁸¹ Первоначально этот поступок не приравнивался к «измене Родине», но в официальной печати Талья уже иронично именовали «берлиноригио-советским профессором» (см.: Революция права. 1928. № 1. С. 149.).

⁹⁸² См.: Ельяшевич В. Б. Профессор Л. С. Таль // Последние новости. 1933. 14 июня.

личного найма (фабричном, рабочем или трудовом договоре)⁹⁸³. Изучение предмета трудового договора в тот период означало и изучение предмета формирующегося трудового права. Если исходить из ст. 1–2 Устава о промышленном труде (УПТ) (изд. 1913 г.), то в качестве предмета выделялся «должный порядок и благоустройство», а также безопасность на фабриках, заводах и горных промыслах. При этом на фабричную инспекцию возлагалось «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения» (п. 5 ст. 34 УПТ). Л. С. Таль в 1916 г. писал: «Промышленное право – совокупность специальных норм, определяющих внутренний строй промышленного предприятия и взаимоотношения между входящими в его состав лицами. В состав промышленного права входят только нормы, определяющие внутренний порядок промышленного предприятия, коему подчиняются лица, отдающие ему свой труд по договору... Частное промышленное право на наших глазах разрастается в самостоятельный отдел новой научной дисциплины, имеющей большую будущность, дисциплины социального или трудового права»⁹⁸⁴. Основными его институтами являлись хозяйская власть, нормативные (тарифные) соглашения и трудовой (рабочий) договор, т. е. в предмет входили общественные отношения, возникающие по поводу использования наемного (несамостоятельного) труда на основе трудового договора.

В науке трудового права первооткрывателем критериев трудового отношения (трудового договора) является Л. С. Таль. К характерным признакам трудового договора, а следовательно, и трудового отношения он относил следующие:

- нанимающийся по трудовому договору обещает предоставление своей рабочей силы в пользу чужого хозяйства;
- от нанявшегося по трудовому договору требуется личное исполнение работы;
- из трудового договора вытекает обязанность нанимающегося согласовывать свое поведение с порядком, установленным работодателем (хозяином); в свою очередь, наниматель должен

⁹⁸³ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (общая). СПб., 1887. С. 330.

⁹⁸⁴ Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 2.

ограждать личность работника от опасностей, сопряженных с фактическим нахождением его в чужой хозяйской сфере;

- нанявшийся имеет право на вознаграждение за свой труд, оно не зависит от того, воспользовался ли работодатель его трудами или нет⁹⁸⁵.

Позднее в теории советского трудового права названные критерии были обобщены и получили наименование «личностного, организационного и имущественного» признаков трудового отношения, которые рассматривались в неразрывном единстве. Эта конструкция доказала свою состоятельность и в теоретическом, и в практическом значении.

Специфика общественных отношений, составляющих предмет трудового права, во многом определяет и особенности метода их правового регулирования. Для трудовых отношений такой специфической чертой является сочетание частных и публичных начал. Л. С. Таль в этой связи выделял:

- частное промышленное (трудовое) право, предмет которого включает в себя отношения, связанные с хозяйской властью, нормативными соглашениями и трудовым (рабочим) договором;

- публичное промышленное (трудовое) право, предмет которого составляют отношения, связанные с применением законов, касающихся условий охраны труда, организацией надзора за промышленностью и др.⁹⁸⁶

Отсюда очевидно, что частно-трудоу отношения регулируются правовыми средствами, свойственными частному праву, а публично-правовые – публичному праву. Но поскольку такое деление условно делает предмет относительно неоднородным, то и средства воздействия трудового права на общественные отношения также относительно неоднородны. Вышеназванное сочетание публичных и частных начал оказывало определяющее влияние на формирование метода трудового права.

Если говорить об источниках трудового права, то Л. С. Таль делил их на источники частного и публичного трудового права по кругу регулируемых общественных отношений⁹⁸⁷. Первые регулировали общественные отношения, осно-

⁹⁸⁵ См.: Таль Л. С. Трудовой договор: Ч. 1. Ярославль, 1913. С. 80–90.

⁹⁸⁶ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 1–2; Он же. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 2–3.

⁹⁸⁷ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 27–40.

ванные на трудовом договоре, коллективных договорах и соглашениях, а также связанные с работодательской властью. Вторые – отношения по государственному надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, также связанные с организациями работников и работодателей. Лев Семенович анализировал только источники частного трудового права, к которым он относил: законы, «обыкновения», судебную практику, коллективные (тарифные) договоры, формулируемые правообразующей силой социальной автономии. Отдельно в качестве источника права он выделял административную практику, развитую в то время значительно более широко по сравнению с судебной и проводимую через решения нормативного характера фабричной инспекции и присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Нормотворческие функции последних определялись в уставе о промышленном труде (изд. 1913 г.) в п. 1 ст. 24. В современной классификации эти акты можно назвать ведомственными. Л. С. Таль особо подчеркивал, что некоторые акты частного характера (в современной терминологии – локальные нормативные акты), принимаемые работодателем, нуждались для придания им юридической силы в утверждении фабричной инспекцией. Это были так называемые «односторонние нормативные акты», издаваемые под надзором государственной власти. Л. С. Таль отмечал тенденцию по вытеснению односторонних актов на Западе коллективно-договорным началом и ослаблением авторитарного характера этих актов. Придание им юридической силы напрямую связывалось с моментом их государственной регистрации.

Одной из важных проблем, поднятых Л. С. Талем и связанных с работодательской правосубъектностью, стала власть над человеком в гражданском праве и *природа хозяйской (работодательской) власти* как института частного права⁹⁸⁸. Хозяйская власть, по мнению Л. С. Талья, возникала на основании трудового договора и прекращалась вместе с его расторжением. Она формировала частный правопорядок предприятия, прежде всего, через правила внутреннего распорядка, которым работники должны были подчиняться. При этом хозяйская власть не могла

⁹⁸⁸ См.: Таль Л. С. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103–140.

посягать на неотчуждаемые права и свободы работников. Л. С. Таль выделил три направления хозяйской власти:

- дает занятым на предприятии лицам указания и поручения, конкретизирующие их трудовые обязанности. Это право дирекции или диспозитивная власть (аналогичный термин употреблял Ф. Лотмар);

- принимает принудительные или карательные меры для поддержания должного порядка. Это дисциплинарная власть;

- единолично или путем соглашения устанавливает порядок предприятия, насколько оно как дисциплинарное децентрализованное социальное образование обладает способностью к самоопределению. Это нормативная власть⁹⁸⁹.

Л. С. Таль, анализируя правовую природу хозяйской власти, писал о том, что хозяин предприятия вправе применять принудительные или карательные нормы для поддержания должного порядка на предприятии. При этом он собственными силами и средствами, не обращаясь к помощи государства, поддерживает порядок, необходимый для беспрепятственного функционирования предприятия. Л. С. Таль особо подчеркивал принцип, согласно которому «хозяин может в отведенных ему границах пользоваться для указанной цели средствами, которыми он фактически располагает, не прибегая к помощи государства...»⁹⁹⁰. Охрана внутреннего распорядка собственными силами работодателя названа Л. С. Талем «видом правомерной самопомощи»⁹⁹¹, иными словами, самозащиты. Однако власть хозяина осуществляется в отведенных ему законодателем границах. По мнению ученого, «законодатель исходит из предположения о существовании обязательного правопорядка, установленного без его участия, и заботится лишь о том, чтобы он не шел в разрез с интересами государства или общества»⁹⁹².

Известный цивилист А. Г. Гойхбарг высоко оценил вклад Л. С. Таля в развитие учения о власти над человеком в гражданском праве. Он назвал его подход смелым и новаторским, а опубликованные работы – выдающимися. Вместе с тем он отметил некоторые противоречия в концепции Л. С. Таля, кото-

⁹⁸⁹ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 22–23.

⁹⁹⁰ Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 34.

⁹⁹¹ Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 2. Ярославль, 1918. С. 174.

⁹⁹² Таль Л. С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. М., 1915. С. 36.

рый включал в состав хозяйской власти права работодателя как договорной стороны. Одновременно хозяйская власть определялась не как субъективные права, а как правовое положение. А. Г. Гойхбарг вполне резонно предложил определить хозяйскую власть либо как субъективное право, либо как правовое положение⁹⁹³.

Л. С. Таль о *трудовом правоотношении и трудовом договоре*. При изучении трудового договора Лев Семенович акцентировал внимание на правовом статусе его сторон, их взаимных правах и обязанностях. При этом он достаточно редко употреблял термин «трудовое правоотношение», но де-факто уже исследовал все его основные элементы. В. Г. Яроцкий, исследовавший правоотношения между рабочими и хозяевами, применил термин «экономическое правоотношение»⁹⁹⁴. Но в контексте интересующей нас проблемы некоторые немецкие ученые выступали за преобразование отношений власти и подчинения в правоотношение. В аналогичном ключе высказался русский цивилист, приват-доцент Демидовского юридического лица в 1911–1912 гг. *Альфонс Эрнестович Вормс* (1868–1939), ратовавший за превращение трудового договора из «отношения домашнего с крепостническим характером в чисто обязательственный договор»⁹⁹⁵. А. Э. Вормс был выпускником юридического факультета Московского университета, там же читал курс римского права (1906–1911 гг.). Среди его учеников был Б. В. Чредин. После преподавания в 1911–1912 гг. в Демидовском юридическом лицее А. Э. Вормс перевелся в Московский коммерческий институт, затем был адвокатом и юрисконсульт-ом, в 1930-е гг. профессор МГУ. Арестованный в конце 1936 г., он умер в заключении в марте 1939 г. Специально проблемами трудового права А. Э. Вормс не занимался, но принимал участие. В частности, в период работы в Ярославле в обсуждении проблем наемного труда как объекта договора. Зарождающиеся трудовые договоры в этой связи виделись ему как чисто обязательственные. По этому поводу Л. С. Таль справед-

⁹⁹³ См.: Гойхбарг А. Г. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 142–157.

⁹⁹⁴ Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая)... СПб., 1887. С. 82.

⁹⁹⁵ Вопросы права. 1911. Кн. 5. С. 199 и далее.

ливо отмечал, что даже если общественное отношение урегулировано нормой права, то власть и подчинение не исчезают, а ставятся в правовые рамки⁹⁹⁶.

Отметим, что Л. С. Талю принадлежит исключительная роль не только в создании теории трудового договора, но и опосредованно – теории трудового правоотношения. Не случайно все наиболее известные работы советского периода о трудовом договоре и трудовых правоотношениях в той или иной мере опирались на его труды как через согласие с ним, так и через отрицание, критику его положений. В своем классическом труде Н. Г. Александров десятки раз ссылался на работы Л. С. Талья⁹⁹⁷. В. Н. Скобелкин подчеркивал, что и в настоящее время в литературе определение трудового правоотношения часто «строится... по модели определения трудового договора: условия (обязательства) сторон этого соглашения становятся правами и обязанностями субъектов трудового правоотношения»⁹⁹⁸.

При рассмотрении элементов (признаков) трудового правоотношения практически все последующие отечественные исследователи брали за основу выделенные Л. С. Талем три элемента трудового договора, о которых речь шла ранее. Даже само понятие «элемент» использовалось авторами в том смысле, как это делал Л. С. Таль, т. е. как признака, основной характеристики. Таким образом, нерасторжимая связь теорий трудового договора и трудового правоотношения очевидна.

Центральной проблемой науки трудового права на рубеже XIX–XX вв. стала правовая природа трудового договора (рабочего договора, промышленного рабочего договора). Собственно, с этой проблемы и началась история науки трудового права. Понятие «трудовой договор» в современном его понимании в научный оборот впервые ввел, дословно переведя с немецкого, цивилист В. Б. Ельяшевич (1907 г.)⁹⁹⁹. Но основная заслуга в исследовании природы трудового договора принадлежит Л. С. Талю. Отметим, что первоначально, анализируя французский проект закона о рабочем договоре 1906 г., он считал наи-

⁹⁹⁶ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 92.

⁹⁹⁷ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 17, 37, 86, 110, 168, 170, 174 и др.

⁹⁹⁸ Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М., 1999. С. 77.

⁹⁹⁹ См.: Ельяшевич В. Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 172–179.

более адекватным переводу с французского термины не «трудовой договор» и не «договор о труде», а именно рабочий договор¹⁰⁰⁰. Проблемы трудового договора, как уже указывалось, стали центральными в научном творчестве Л. С. Талья¹⁰⁰¹. Он в своем учении пошел вслед за Ф. Лотмаром, но взял в качестве предмета исследования «трудовой договор в узком смысле». Он также выделял договоры о самостоятельном (предпринимательском) труде и договоры о несамостоятельном (служебном) труде. Последний означал трудовой договор как регулятор трудовых отношений, «вытекающих из подчинения рабочей силы одного человека целям и власти другого человека». Отсюда логически необходимым элементом такого договора становилось «обещание работы (обещание труда)»¹⁰⁰².

Некоторые современные исследователи при анализе признаков трудового договора, выделенных Л. С. Талем, берут его известное исследование о трудовом договоре 1913 г. Нам представляется, что в окончательном варианте эта концепция оформилась позднее, когда были выделены 4 основных элемента трудового договора:

- Длительное представление рабочей силы, что нельзя отождествлять с предоставлением имущественных благ.
- Рабочий обещает приложить рабочую силу к промышленному предприятию работодателя.
- Подчинение рабочего внутреннему порядку и хозяйской власти.
- Обещание работодателем вознаграждения, которому присущ алиментарный характер¹⁰⁰³.

¹⁰⁰⁰ См.: Таль Л. С. Французский проект закона о рабочем договоре // Русская мысль. 1907. Кн. 4. С. 72–98.

¹⁰⁰¹ См.: Таль Л. С. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485–1500; Он же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Право. 1913. № 49. С. 2315–2321; Он же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Право. 1908. № 33–34; Он же. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лицея. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386–435; Он же. Трудовой договор. Ч. 1, 2. Ярославль, 1913–1918 и др.

¹⁰⁰² См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 25–31.

¹⁰⁰³ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 72–75; Он же. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 97.

Л. С. Таль справедливо подверг критике концепцию организованного сотрудничества. Истоки этой концепции восходят к трудам французского экономиста первой половины XIX в. Ф. Бастиа, сторонника гармонизации интересов труда и капитала. Он считал, что договорные отношения между работником и работодателем могут создать «усовершенствованную ассоциацию». Эти идеи впоследствии развивал Г. Эренберг, отчасти австрийские юристы-трудовики Э. Штейнбах и А. Мешлени, считавшие, что трудовой договор создает «хозяйственную организацию». Последний можно рассматривать с правовой точки зрения как договор товарищества. Л. С. Таль по этому поводу отметил, что не всякая организация с точки зрения права составляет товарищество. К тому же товарищеский договор направлен на достижение общей цели, что нельзя сказать о трудовом договоре. Вывод ученого был категоричен: «Классификация трудового договора как товарищества совершенно лишена почвы...»¹⁰⁰⁴.

В науке трудового права становление понятия работника связано с теорией трудового договора. А. Н. Быков в 1909 г. одним из первых дал определение фабричного рабочего на противопоставлении с физическими лицами, осуществляющими самостоятельный труд. Он писал: «...Фабричным рабочим признается всякий рабочий на фабрике и для фабрики в пределах фабричного двора, кроме извозчиков, отвозящих и привозящих сырье и продукты, рабочих, занятых исключительно сооружением новых зданий и мастерских, и временных чернорабочих, занятых случайными краткосрочными работами менее семи дней»¹⁰⁰⁵. В положительном законодательстве отсутствовало данное понятие, и А. Н. Быков вывел его, опираясь «на целый ряд административных разъяснений». Л. С. Таль обоснованно утверждал, что понятие «фабричный рабочий» нуждается в более четком определении¹⁰⁰⁶. Отталкиваясь от выведенных им признаков трудового договора, Л. С. Таль определил работника как физическое лицо, которое обещает за известное вознаграждение приложить свою рабочую силу на определенный или неопределенный срок к промышленному предприятию другого

¹⁰⁰⁴ Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 69.

¹⁰⁰⁵ Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 184.

¹⁰⁰⁶ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 74.

лица, подчиняться внутреннему порядку этого предприятия и хозяйской власти¹⁰⁰⁷. Стороны трудового договора названы Л. С. Талем как «работодатель» и «рабочий (физическое лицо)».

Из российских ученых наибольшее внимание проблеме *не-самостоятельного (наемного) труда как объекта трудового договора* также уделял Л. С. Таль. Немец Ф. Лотмар определял предмет трудового договора как всякую деятельность человека, способную удовлетворять чужой потребности, деятельность, за которую по опыту когда-либо и где-либо платилось вознаграждение. Л. С. Таль определял труд как юридически релевантную деятельность в чужом интересе, отправляемую обещавшим ее лично или им организуемую¹⁰⁰⁸. Впоследствии он называл предметом трудового договора как обещанные сторонами действия, так и объекты этих действий, т. е. не только рабочую силу, но и работу как ее экономический результат. При этом работа выступала как факультативное условие. Он неоднократно приводил пример, когда за время дежурства фельдшер – наемный работник может не принять ни одного пациента, но за представление рабочей силы он получит заработную плату. Наоборот, принимая больных в течение всего дежурства, т. е. выполняя свою работу, он при почасовой оплате получит то же вознаграждение. Л. С. Таль вывел следующие признаки рабочей силы как предмета рабочего договора: во-первых, имеет строго индивидуальный характер, во-вторых, не может быть предметом физического или юридического господства, в-третьих, имеет отчасти целью обеспечить ее обладателю нормальные условия существования¹⁰⁰⁹.

Л. С. Таль относил рабочую силу к личным благам (в современных терминах к личным нематериальным благам), которые «не могут быть отчуждаемы, но иногда могут подвергаться добровольным ограничениям посредством возмездного или безвозмездного обещания пользоваться ими определенным образом»¹⁰¹⁰. Уже во второй половине XIX в. считалось безнравственным смотреть на труд как на прочие товары. В защиту нетоварного характера труда можно привести известное положение Л. С. Таля о том, что вознаграждению за труд присущ али-

¹⁰⁰⁷ Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 72.

¹⁰⁰⁸ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 32.

¹⁰⁰⁹ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 89–92.

¹⁰¹⁰ Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 125.

ментарный характер¹⁰¹¹. Это означает относительно эквивалентное вознаграждение за труд, т. к. бывают случаи получения вознаграждения (компенсации) без фактической отработки положенного времени (болезнь, простой не по вине работника и др.)

Л. С. Таль при анализе *коллективного договора* во многом опирался на достижения западной, преимущественно немецкой науки. В России разработка теории коллективных (тарифных) договоров в рассматриваемый период времени представляла для ученых, по его замечанию, в основном теоретический интерес, так как роль коллективных договоров в прошлой жизни России мала, а «для быстрого их развития необходимы два условия: сильные профсоюзы и навык к разрешению коллективных конфликтов»¹⁰¹².

Между тем коллективный договор как новое правовое явление требовал и от отечественных исследователей теоретического осмысления. В этой связи Лев Семенович предпринял попытку дать ему юридическую оценку. Так, по его мнению, коллективный договор как разновидность гражданско-правовой сделки характеризуется тремя признаками:

- одна или обе стороны договора представляют собой коллектив;
- ими определяются условия будущих индивидуальных рабочих договоров;
- эти условия устанавливаются эвентуально, т. е. на случай заключения рабочих договоров¹⁰¹³.

Таким образом, Л. С. Таль настаивал на договорной природе тарифного (коллективного) договора, полемизируя с известным немецким правоведом Г. Еллинеком. Последний выдвинул теорию «смешанной природы» коллективного договора, в соответствии с которой договор, имея своим источником волю сторон, содержит созданные новые правовые нормы¹⁰¹⁴. Именно эта концепция «смешанной природы» коллективного договора нашла поддержку в советской науке трудового права. Возвращаясь к позиции Л. С. Таля, отметим, что названные им признаки коллективного договора, характеристика сторон договора

¹⁰¹¹ Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 97.

¹⁰¹² Таль Л. С. Тарифный (коллективный договор) как институт гражданского права. СПб., 1909. С. 4.

¹⁰¹³ Там же. С. 16.

¹⁰¹⁴ Там же. С. 13.

в последующем получили свое развитие в теории трудового права по вопросу о критериях юридической силы коллективных договоров. Юридическая сила коллективных договоров определялась по его соотношению с индивидуальными трудовыми договорами, по его распространению на работников, не являющихся членами профсоюза. Опираясь на понятие «договорной природы» тарифного соглашения Л. С. Таль сделал весьма важный вывод, не утративший своей актуальности и в настоящее время, о возможности предъявления судебного иска об исполнении к нарушителям договора.

Взгляды Л. С. Талья впоследствии претерпели некоторую эволюцию. Первоначально он рассматривал коллективный договор как институт гражданского права, хотя его юридическая сила не могла быть объяснена исходя из гражданско-правового представительства или договора в пользу третьих лиц. В этой связи он обращается к концепции «социального права», у истоков которой стоял О. Гирке, и «социальной автономии»¹⁰¹⁵. Последняя, в отличие от частной автономии, являлась правообразующей силой, творящей в пределах общего правопорядка нормы частного права. Л. С. Таль не вполне разделял положение о том, что «соглашение воле» в публичном праве отличается от классического договора и имеет правосозидательный эффект, на чем настаивали Г. Еллинек, А. Бендлинг, М. Д. Загряцков. Аргумент для этого был более чем убедительный – любой договор по своей природе остается договором. Но коллективный договор Л. С. Таль признавал нормативным соглашением, имеющим договорный характер, одной из форм внес законодательного правотворчества. При этом профсоюзы заключали коллективный договор в интересах других лиц, а не от их имени или за их счет. Более того, распространить их действие на неорганизованных рабочих мог только законодатель, но не суд и не сторона трудового соглашения. Таким образом, Л. С. Таль был противником приравнивания норм коллективного договора к нормам публичного права, против которых бессильна частная воля. Это позволяет констатировать публично-частноправовой характер коллективного договора. Публично-правовую составляющую Л. С. Таль связывал с деятельностью государства, с принятием соответствующего нормативно-правового акта и го-

¹⁰¹⁵ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 37.

сударственной регистрацией таких договоров, придающих им юридическую силу источников права. Он прямо указывал, что источником права коллективный договор может считаться только в Швейцарии, где ст. 323 Швейцарского Уложения 1913 г. устанавливалась норма, согласно которой трудовые договоры в части, противоречащей коллективным соглашениям, недействительны. Договорный характер коллективного договора не освобождал работодателя от ответственности за нарушения его условий¹⁰¹⁶. Л. С. Таль был готов сравнивать нормы, созданные в рамках социальных автономных образований, только с диспозитивными нормами объективного права¹⁰¹⁷. На наш взгляд, Л. С. Таль признавал нормативность коллективного договора, но не предполагал придание ему статуса источника права без соответствующего санкционирования государством.

Первым оппонентом на защите магистерской диссертации, да и просто научным оппонентом Л. С. Таля «по жизни» был еще один в прошлом (1901–1906 гг.) лицейский профессор *В. М. Гордон* (1871–1926). Его докторская диссертация, подготовленная и опубликованная в Ярославле, оказала косвенное влияние на формирование учения о едином, сложном, длящемся трудовом правоотношении. Доказывая возможность существования комплексного правоотношения, он писал: «Гражданский процесс есть трехстороннее отношение между судом как органом государства, иском и ответчиком: правоотношение это сложное по составу, но единое по тому предмету, ради которого оно возникает и развивается»¹⁰¹⁸. Не являясь формально специалистом по трудовому праву, он воспитал уже в во время работы в вузах Украины целый ряд известных впоследствии советских ученых-трудовиков¹⁰¹⁹. В их числе П. Д. Каминская, А. Е. Пашерстник, Я. И. Давидович и др.

Как уже указывалось, В. М. Гордон был первым оппонентом на защите магистерской диссертации Л. С. Таля, а его выступление на магистерском диспуте было в развернутом и дополненном виде опубликовано в виде отдельного очерка, посвященного учению о трудовом договоре. В. М. Гордон писал:

¹⁰¹⁶ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 43–55.

¹⁰¹⁷ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 60.

¹⁰¹⁸ Гордон В. М. Иск о признании. Ярославль, 1906. С. 18.

¹⁰¹⁹ См.: Р. Д. 20-летию со дня смерти В. М. Гордона // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 70–72.

«С выражением "трудовой договор" уже долгое время связывалось представление об общем понятии трудовой сделки, охватывающей массу определенных видов»¹⁰²⁰. Он анализировал работы немецких ученых В. Эндеманна, Ф. Лотмара, но основное внимание уделил, естественно, разбору монографии (опубликованной диссертации) Л. С. Таля «Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. 1». В. М. Гордон, признавая актуальность проблемы правового регулирования трудовых отношений, отмечал, что «это одна из тех проблем, которые, по своей справедливости, могут быть названы очевидными, требующими внимания и со стороны законодателей, и со стороны деятелей науки»¹⁰²¹. Он соглашался с тем, что устаревшие взгляды на трудовой договор как на куплю-продажу или товарищество были убедительно опровергнуты Л. С. Талем. В целом позитивно была оценена историко-правовая часть работы, особенно анализ воззрений на наемный труд в римском праве. В. М. Гордон выделил главное в новом учении о трудовом договоре: установление власти и подчинения в договорно-трудовых отношениях, а заслугу Л. С. Таля – в постановке проблемы власти над человеком в области гражданского права. В то же время его критика носила довольно конструктивный характер. Он указывал, что в работе Л. С. Таля «не дано точно установленное понятие "трудовой договор" в смысле родовом; определение его в ряду других договоров, фиксирование подходящей терминологии, которая бы устраняла смешение вида с родом, возможность одинакового именованя договоров различного содержания»¹⁰²². В. М. Гордон обратил внимание на отсутствие четкого разграничения понятий «договор о труде» и «трудовой договор». Правомерно указывалось, что определение труда как предмета трудового договора дано через указание на него как юридически релевантную (характерную) деятельность. Между тем это неточно определенное понятие релевантности не характеризует какого-либо вида деятельности. Значительная часть критических замечаний была посвящена учению Л. С. Таля о нерегулированных договорах, которое, по мнению В. М. Гордона, имеет только касательное отношение к учению о

¹⁰²⁰ Гордон В. М. К учению о трудовых договорах (Литературное обозрение). СПб., 1914. С. 4.

¹⁰²¹ Там же. С. 7.

¹⁰²² Там же. С. 29.

трудовом договоре. В целом В. М. Гордон оказался достаточно жестким и принципиальным оппонентом Л. С. Таля. Впрочем, как классический цивилист, В. М. Гордон не смог оценить и понять некоторых сформулированных Л. С. Талем новаторских положений.

Как мы уже упоминали, Л. С. Таль был не единственным представителем ярославской юридической школы, в той или иной мере затронувшим проблемы правового опосредования наемного труда. *Б. А. Кистяковский* (1868–1920) читал в лицее в 1911–1916 гг. сначала курс философии права, а затем и истории философии права в качестве приват-доцента, позднее профессора по кафедре энциклопедии права. Одновременно в 1912–1914 гг. он был соредактором «Юридических записок» лицея. Из лицейских специалистов по теории (энциклопедии) права именно он вплотную подошел к рассмотрению вопросов, связанных с правовым регулированием труда. Это не случайно, т. к. тесная связь теоретических исследований с проблемами отраслевых юридических дисциплин была в традициях ярославской юридической школы. О Б. А. Кистяковском уже неоднократно говорилось выше.

Что касается интересующего нас трудовправового аспекта творчества ученого, то можно сказать следующее. Он приветствовал то, что русский философ В. С. Соловьев перенес проблему социальной поддержки неимущих слоев населения из сферы морали в сферу права. По мнению Б. А. Кистяковского, он сделал это последовательнее и убедительнее, чем даже его сторонники – профессиональные юристы. Само государство виделось русскому философу В. С. Соловьеву как «собираательно-организованная жалость», в связи с чем должна была решаться проблема обеспечения каждому материальных средств к достойному существованию и развитию не в силу жалости, а «в силу самой природы правовой организации»¹⁰²³. Б. А. Кистяковский констатировал, что в начале XX в. сложились три определения права по содержанию правовых норм: нормы, устанавливающие и ограничивающие свободу (школа естественного права и немецкие философы-идеалисты), нормы, разграничивающие интересы (Р. Иеринг), и, наконец, нормы, создающие

¹⁰²³ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 586–588.

компромисс между различными требованиями (А. Меркель). Последнее определение встречало его существенную поддержку и интерес¹⁰²⁴. Это создавало теоретические предпосылки для формирования социального партнерства.

Б. А. Кистяковский может быть отнесен по философским воззрениям, с некоторыми оговорками, к числу неокантианцев. Он отмечал неоспоримую заслугу немецкого ученого Г. Еллинека, который разграничивал «социальный» и «правовой» подходы к государству. Г. Еллинек определял государство как целое единство индивидов, наделенное качествами юридического субъекта, обладающее волей и являющееся носителем права. Он поддерживал идею о самоограничении государства изданными им же правовыми нормами. Наиболее интересно предложенное им деление субъективных прав на частные субъективные и публичные субъективные права. Последние включали в себя право на положительные услуги со стороны государства. Этим подводилась правовая основа под социально-обеспечительные функции государства¹⁰²⁵.

В этой части он был научным оппонентом еще одного теоретика права, лицейского профессора *А. А. Рождественского* (1869 – после 1923), преподававшего в ярославском вузе с 1914 по 1923 гг. Еще в магистерской диссертации он высказался достаточно критически по отношению к научному наследию Г. Еллинека, в частности, к учению о субъективных публичных правах¹⁰²⁶.

Б. А. Кистяковский подчеркивал, что постановка проблемы о праве человека на достойное существование в российской юридической науке связана с именами П. И. Новгородцева и известного цивилиста И. А. Покровского¹⁰²⁷. П. И. Новгородцев подчеркивал юридическое значение этого права, но его природу он так и не выявил, ограничившись констатацией его отнесения

¹⁰²⁴ См.: Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 131.

¹⁰²⁵ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 580.

¹⁰²⁶ См.: Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. М., 1913.

¹⁰²⁷ См.: Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: Социально-философские этюды. СПб.; М., 1911. Впервые свои статьи авторы опубликовали соответственно в 1905 и 1906 гг. и затем неоднократно возвращались к этой теме.

к правам человека. И. А. Покровский обосновал категорию «право на существование», т. к. «достойное человеческое существование» является слишком растяжимой и оценочной категорией. Его можно связать с понятием прожиточного минимума. Общественная благотворительность признавалась явно недостаточной, ибо «не принцип права царит в ней, а принцип милости и милостыни». Но И. А. Покровский также не определяет характер этого права, предлагая относить его к сфере частного права. В этой связи вполне обоснованна критика позиции этого цивилиста, который даже не вспомнил о публичных субъективных правах (концепция Г. Еллинека), слишком противопоставлял частное (децентрализованное) и публичное (централизованное) право. В итоге два вышеназванных известных русских ученых поставленную ими проблему, по мнению Б. А. Кистяковского, в целом не разрешили¹⁰²⁸.

Б. А. Кистяковский, видел продвижение к реализации принципа солидарности и возрастание социальных функций государства в следующем: страхование различного рода (по болезни, от несчастных случаев на производстве, по инвалидности, по старости) при усиливающейся роли государства. При этом страхование должно носить публично-правовой характер. На очереди оказывалось страхование от безработицы и законодательное признание субъективного публичного права на труд. Достойное человеческое существование он предлагал считать критерием для разграничения индивидуального и общего интереса, субъективного и объективного права¹⁰²⁹.

Своеобразным переходным звеном между трудовыми исследованиями лицейского периода и становлением советской науки трудового права в рамках ярославской юридической школы стало научное творчество **Николая Николаевича Голубева** (1875–1950). Он родился 31 августа 1875 г. в г. Вязники Владимирской губернии. После окончания в 1894 г. Владимирской гимназии он поступает на юридический факультет Московского университета, который оканчивает в 1896 г. с дипломом первой степени¹⁰³⁰. В числе его учителей были такие неординарные личности, как юристы и философы П. И. Новгородцев и

¹⁰²⁸ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 583–586.

¹⁰²⁹ См.: Там же. С. 591–592.

¹⁰³⁰ Филиал ГА ЯО ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 917 (личное дело Н. Н. Голубева).

С. Н. Трубецкой, историк П. Г. Виноградов, экономист А. И. Чупров. В декабре 1896 г. подающего надежды выпускника оставляют для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. В 1901–1903 гг. он находился в научной командировке за границей, где слушал лекции по международному, государственному и административному праву в Школе права в Париже, а также в университетах Берлина, Гейдельберга, Женевы, Берна, Цюриха. После сдачи магистерского экзамена в 1903 г. Н. Н. Голубев защитил диссертацию на степень магистра международного права «Международные третейские суды», а в 1904 г. стал приват-доцентом Московского университета. В ноябре того же года он избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, в котором преподавал до 1918 г., а затем продолжил преподавание в Ярославском государственном университете до его закрытия в 1924 г. Сначала он был доцентом кафедры административного права, с 1907 г. – экстраординарным профессором, а с 1910 г. – ординарным профессором по кафедре государственного и административного права. В 1909 г. в Новороссийском университете им была защищена диссертация на степень доктора международного права «Международные административные комиссии XIX в. Очерки теории и практики» (издана в Ярославле в 1908 г.).

Н. Н. Голубев длительное время был членом правления лицея, заведовал его хозяйственной частью. С 1912 по 1917 гг. он руководил технической частью журнала «Юридическая библиография», был членом редколлегии «Юридических записок», а с 1918 по 1924 гг. – членом редакционной комиссии «Сборника Ярославского государственного университета».

Его перу принадлежат три фундаментальные монографии, более 20 статей в журналах и энциклопедиях, а также более 100 рецензий и обзоров отечественной и зарубежной литературы. Прекрасное знание французского, а также английского и немецкого языков позволяли ему регулярно знакомить читателей журнала «Юридическая библиография» с новыми зарубежными изданиями, прежде всего по административному и государственному праву.

По интересующей нас проблеме отметим следующее. Н. Н. Голубев подготовил более 10 рецензий и обзоров на пер-

вые публикации по трудовправовой проблематике¹⁰³¹. Так, в рецензии на книгу Д. Митчеля «Рабочие союзы в Америке» он подчеркивал, что книга проникнута верой в возможность мирного разрешения конфликтов между интересами рабочего класса и интересами предпринимателей. Водворение социального мира, по мнению Д. Митчеля, достижимо путем компромиссов и взаимных уступок. Профсоюзы рабочих могут достичь необходимых улучшений в положении пролетариата посредством борьбы на экономической почве с союзами капиталистов. Н. Н. Голубев отмечал, что оптимизм Д. Митчеля вполне понятен, т. к. его базисом являются факты американского экономического быта¹⁰³².

В рецензии на книгу А. А. Раевского «Трудовая помощь как задача государственного управления» (Харьков, 1910) Н. Н. Голубев выделил пять путей организации государственной властью трудовой помощи: 1) указание труда; 2) организацию общественных работ; 3) организация рабочих и земледельческих колоний; 4) создание продовольственных станций для странствующих рабочих; 5) функционирование домов трудолюбия, мастерских и других мелких учреждений трудовой помощи¹⁰³³. Откликнулся он и на публикацию И. С. Войтинского «Стачка и рабочий договор по русскому праву» (СПб., 1911). Н. Н. Голубев в рецензии подчеркнул, что этот труд заключает в себе разработку двух важнейших как в практическом, так и теоретическом отношении вопросов фабрично-заводского права: о прекращении рабочего договора из-за стачки и о заработной плате за время забастовки для не участвовавших в ней рабочих. Н. Н. Голубев отметил, что И. С. Войтинский строит свои выводы как на анализе отечественного, так и западноевропейского права, в которое он совершал обширные экскурсы. Ярославский ученый согласен со сделанными в работе вывода-

¹⁰³¹ См.: Голубев Н. Н. Рецензия на кн.: Иванов С. Рабочие союзы и другие формы рабочего движения // Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37; Он же. Рецензия на кн.: Чистяков И. И. К вопросу о нормальном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909 // Там же. 1909. № 2. С. 71–72; Он же. Рецензия на кн.: Репенак А. В. К введению страхования рабочих в России. М., 1911 // Там же. 1911. № 4. С. 170–171 и др.

¹⁰³² См.: Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37.

¹⁰³³ Юридическая библиография. 1911. № 4. С. 170.

ми о том, что стачка влечет только временное приостановление исполнения договора, а стачечник не может быть уволен работодателем до истечения двух недель неявки на работу. Рабочий, не участвующий в стачке, не может быть уволен по причине стачки, а равно не может быть лишен и оплаты за забастовочное время, в которое он не имел возможности работать¹⁰³⁴.

Преданность науке и работоспособность Николая Николаевича были удивительными. Он так и не создал семьи, а весь распорядок жизни подчинил своему научному творчеству. В ярославском государственном университете он бессменно возглавлял кафедру публичного (затем административного) права, но карьерного роста не добивался, предпочитая педагогическую и исследовательскую работу. Он мало занимался общественной деятельностью, никогда не состоял в политических партиях, сторонился светских мероприятий. Впрочем, при советской власти он публиковался крайне редко¹⁰³⁵. Помимо курса международного права, в советский период он читал большое количество спецкурсов: «Социальное право», «Распределение рабочей силы», «Трудовая повинность в социалистическом обществе», «Социальное законодательство о труде и социальное обеспечение»¹⁰³⁶. Но он рассматривал преимущественно административную сторону проблемы и деятельность государственных органов. Публикацию его лекций нам обнаружить не удалось. Можно считать, что Н. Н. Голубев был одним из пионеров в преподавании курса публичного трудового права в советской высшей школе. Примечательно, что уже в первых своих публикациях по международному праву он обращал внимание на международные конгрессы и конференции, связанные с охраной труда¹⁰³⁷.

Перед приостановлением деятельности Ярославского государственного университета в 1924 г. его руководство ходатайствовало о назначении Н. Н. Голубеву пожизненной пенсии в размере полного оклада содержания штатного профессора с 25-летней преподавательской деятельностью. Он умер в Ярославле в 1950 г.

¹⁰³⁴ Юридическая библиография. 1911. № 5. С. 202.

¹⁰³⁵ См., например: Голубев Н. Н. Новые задачи современной науки международного права // Право и жизнь. 1922. № 3. С. 36–44.

¹⁰³⁶ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35, 47, 88–91.

¹⁰³⁷ См.: Голубев Н. Н. Международные конгрессы и конференции: Очерки теории и практики. Ярославль, 1905; Он же. Заметки о некоторых вопросах международного права. Б. м., Б. г. и др.

В советский период правовым дисциплинам, связанным с регулированием трудовых отношений, уделялось повышенное внимание. В начале 1919 г. в университете была создана кафедра рабочего права и социальной политики, где читались курсы рабочего права и учение об основных экономических правах. На кафедре истории рабочего движения преподавался предмет «Формы рабочего движения в связи с историей труда и рабочего класса»¹⁰³⁸. Еще в 1918 г. на кафедре промышленного права уже читались отдельные вопросы, касающиеся рабочего права. В 1921 г. среди преподаваемых в ЯрГУ общественных наук значились: «Социальное право» (Н. Н. Голубев), «Организация труда в капиталистическом обществе», «Правовая организация производства и труда в РСФСР» (оба курса закреплены за Б. В. Чрединым), «Распределение рабочей силы», «Трудовая повинность в социалистическом обществе», «Социальное законодательство о труде и социальном обеспечении». Три данные дисциплины первоначально читал Н. Н. Голубев, затем А. В. Горбунов (*сведения о последнем у нас отсутствуют*). Отметим, что **Александр Владимирович Горбунов** (1867 – после 1923) был первым профессором кафедры рабочего права и социальной политики университета. Свою преподавательскую деятельность он начал на рубеже XIX–XX вв. в Варшавском университете в качестве приват-доцента по кафедре полицейского права. Примечательно, что за время работы в Варшаве ему не была предоставлена ни одна зарубежная научная командировка, а все документы «заворачивались» Министерством народного просвещения без объяснения причин. Вероятно, уже тогда он попал в число «неблагонадежных» за свои левые политические взгляды. В смутные годы первой русской революции он перевелся в Московский университет¹⁰³⁹, затем преподавал в ряде вузов Петербурга. Наконец, в 1919 г. он избирается профессором Ярославского госуниверситета, возглавляет кафедру рабочего права и социальной политики. Однако курсы «Рабочее право и социальная политика» и «История рабочего движения» в 1919–1920 гг. им так и не были прочитаны, а в следующий учебный год он уже провел занятия по предметам «Рабочий вопрос» (Ис-

¹⁰³⁸ См.: Сборник Ярославского госуниверситета. Вып. 1. 1918–1919 гг. Ярославль, 1920. С. 351–357.

¹⁰³⁹ См.: Краковский К. П. Нить времени: В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 87, 106, 131, 210.

тория и формы рабочего движения и политика труда) и «Рабочее право». Печатных работ исследователя по данной проблематике установить не удалось, а его дальнейшая судьба нам не известна.

Таким образом, первыми трудовые дисциплины начали преподавать профессор Н. Н. Голубев, о котором говорилось выше, а также А. В. Горбунов и Б. В. Чредин. К этому процессу был причастен А. В. Венедиктов, впоследствии выдающийся советский цивилист. О них в дальнейшем и пойдет речь.

Борис Васильевич Чредин (1885 – после 1928) с 1919 г. и до закрытия в октябре 1923 г. возглавлял ФОН ЯрГУ, а также имел еще целый ряд руководящих должностей, о чем уже говорилось в части первой данной книги. Его учителями по Московскому университету был А. Э. Вормс, который стал и его предшественником в качестве преподавателя римского права в лицее.

Он выступил сторонником государственного вмешательства в отношения труда и капитала, за дальнейшее развитие фабричного законодательства и законодательное закрепление права на труд¹⁰⁴⁰. В начале 1920-х гг. он читал цикл курсов, касающихся правового регулирования трудовых отношений. Особый интерес представляли читаемые Б. В. Чрединым курсы: «Организация труда в капиталистическом обществе» и «Правовая организация производства и труда в РСФСР». Программа первого из названных курсов по большей части совпадает с программой курса трудового права. Она охватывала такие вопросы, как трудовой договор, внутренний распорядок предприятия, институт хозяйской власти, правовое значение рабочих объединений, коллективные договоры, их юридическая сила и соотношение с индивидуальным договором, трудовые споры, правовое значение и последствия стачек, способы разрешения коллективных трудовых споров (примирительные камеры, примирительно-третейские учреждения, примирительные суды)¹⁰⁴¹. При рассмотрении правовой организации производства и труда в РСФСР Б. В. Чредин особое внимание обращал на правовое положение рабочих и служащих, фабричное самоуправление, охрану труда. Его лекции пользовались успехом, но их публикацию нам обнаружить не удалось.

¹⁰⁴⁰ См.: Чредин Б. В. Народное трудовое государство и основы экономического права. М., 1918.

¹⁰⁴¹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35, 47, 88–91.

Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) долгое время оставался единственным специалистом по гражданскому праву, избранным в действительные члены Академии наук СССР, а затем и Российской Академии наук. Но во время годичного пребывания в качестве заведующего кафедрой промышленного права Ярославского госуниверситета он разработал одну из первых программ по рабочему праву для студентов-юристов, а в число рекомендованной литературы включил труды одного из своих учителей – Л. С. Таля. Между тем в некоторых биографических очерках о нем даже не упоминается о периоде преподавания в Ярославле¹⁰⁴².

А. В. Венедиктов

А. В. Венедиктов родился 30 июня 1887 г. в Уфе. В 1910 г. он окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института, а в 1912 г. – юридический факультет Петербургского университета¹⁰⁴³. В числе его учителей были видные цивилисты И. А. Покровский, В. Б. Ельяшевич, А. И. Каминка, М. Я. Пергамент. Занятия по торговому праву и спецкурс по договорам о труде вел Л. С. Таль. В мае 1912 г. молодого ученого оставляют на кафедре торгового права Петербургского политехнического института для подготовки к профессорскому званию, где он работал под руководством А. Г. Гусакова и В. Б. Ельяшевича. В 1912–1914 гг. он находился в учебной командировке в Германии, преимущественно в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. В последнем он два семестра занимался под руководством профессоров Венгера и Хеллмана. Затем он вернулся в Россию и до 1916 г. вел научную работу в политехническом институте. В 1916–1917 гг. он преподавал курс гражданского права на Высших коммерческих курсах, одновременно служил в Министерстве торговли и

¹⁰⁴² См., например: Иванов А. А. Ученый и власть: Жизнь и деятельность А. В. Венедиктова // Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 7–55.

¹⁰⁴³ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 574. Личное дело А. В. Венедиктова.

промышленности, а осенью 1917 г. стал юрисконсультom Главного экономического комитета и чиновником для особых поручений V класса. Октябрьская революция прервала его государственную службу.

В ноябре 1918 г. совет Ярославского госуниверситета единогласно избирает А. В. Венедиктова профессором кафедры промышленного права. Как уже указывалось, он разработал первую программу по рабочему праву. Вероятно, творчество Л. С. Таля оказало на него определенное влияние. Впоследствии он многие годы дружил с известным ученым-трудовиком В. М. Догадовым и постоянно интересовался проблемами правового и экономического регулирования труда¹⁰⁴⁴. Его учение о юридическом лице связывало это понятие с коллективом, что было достаточно прогрессивным и адекватным для идеологии и практики советского периода. А. В. Венедиктов исходил из того, что носителем правосубъектности государственного юридического лица является коллектив рабочих и служащих предприятия, а также всенародный коллектив, организованный в социалистическое государство¹⁰⁴⁵. Е. Б. Хохлов по этому поводу отмечал, что эта теория не свободна от внутренних противоречий, но весьма удобна в практическом применении относительно советского периода¹⁰⁴⁶. Данная теория в свое время поддерживалась такими известными учеными-цивилистами, как С. Н. Братусь, О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Можно предположить, что А. В. Венедиктов выводил свою теорию исходя, в том числе, из своих знаний в области трудового права.

В сентябре 1919 г. А. В. Венедиктов покидает Ярославль и продолжает вести занятия в Петроградском политехническом институте. С 1929 г. он становится также профессором ЛГУ, в 1939–1942 гг. заведует кафедрой в Плановом институте. Наконец, при воссоздании юридического факультета ЛГУ в 1944 г. он становится первым его деканом (до 1949 г.) и заведующим кафедрой гражданского права (до 1954 г.). В 1958 г. его изби-

¹⁰⁴⁴ См.: Венедиктов А. В., Догадов В. М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31–50.

¹⁰⁴⁵ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.

¹⁰⁴⁶ См.: Курс российского трудового права: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 1996. С. 384–385.

рают действительным академиком АН СССР. Еще раз подчеркнем, что этот замечательный ученый внес свой вклад в развитие ярославской школы трудового права. Умер он 9 августа 1959 г.

О воспитанниках ярославской юридической школы – специалистах в области трудового права.

Революционные катаклизмы 1917 г. во многом парализовали учебный процесс, а педагогические «эксперименты» новой власти в Ярославском госуниверситете и скорая приостановка его деятельности еще больше осложнили получение результата. Но ярославская школа трудового права продолжала жить, умножая традиции своих научных предшественников. В советское время ее питомцы на практике реализовывали гуманистические идеи, заложенные в трудах ярославских ученых. Лучшими воспитанниками ярославской юридической школы – специалистами в области трудового права стали А. М. Стопани и В. А. Гаген.

А. М. Стопани

Александра Митрофановича Стопани (1871–1932) можно назвать ярким представителем практиков советского трудового права. Он родился 9 ноября 1871 г. в Иркутской губернии в семье военного врача. После окончания гимназии он поступает на юридический факультет Казанского университета, где идет по пути уже отчисленного годом раньше В. И. Ленина. А. М. Стопани вступил в нелегальный студенческий кружок и увлекся марксизмом. Вследствие этого и за пропуск занятий, он был отчислен из университета и перевелся в Демидовский юридический лицей. Впрочем, в связи с большой занятостью политической работой он так и не смог завершить юридического образования. Но он получил определенный объем знаний по теории права, политэкономии и статистике, вынес некоторое уважение к формальному праву и законодательству, чем позднее существенно отличался от своих однопартийцев – большевиков. В 1895 г. А. М. Стопани организовал в Ярославле первый марксистский кружок, был делегатом Второго съезда РСДРП, где проявил себя «твердым» искровцем и поддержал

позицию В. И. Ленина. В 1903–1904 гг. он участвовал в создании Северного комитета, в 1905–1907 г. был секретарем Костромского комитета РСДРП, делегатом V съезда партии. Его официальная деятельность была связана с земской статистикой.

С 1908 г. А. М. Стопани непосредственно начал заниматься проблемами правового регулирования труда, работая в Союзе нефтепромышленных рабочих г. Баку. Особое внимание он уделял вопросам заработной платы, рабочего времени и времени отдыха, предотвращению несчастных случаев с рабочими нефтяной промышленности. Его труды были основаны на анализе большого статистического и нормативного материала, имели некоторые социологические аспекты. Преимущественно они носили острокритический характер, а позитивная часть сводилась в основном к предложениям политического характера, связанным с изменением общественного строя¹⁰⁴⁷. Впоследствии он принял участие в революционных событиях 1917 г. в Петрограде. В советский период его практическая деятельность была в большей части прямо связана с проблемами труда и его правового опосредования.

В 1918 г. А. М. Стопани назначается комиссаром труда и промышленности в Терский народный совет (Северный Кавказ), а затем членом Коллегии Народного комиссариата труда (НКТ) РСФСР. В 1920 г. он снова член Северо-Кавказского ревкома, уполномоченный НКТ и ВЦСПС на Кавказе. В 1921–1922 гг. он является членом Революционного военного совета (РВС) Кавказской трудовой армии. В годы гражданской войны А. М. Стопани занимался преимущественно вопросами мобилизации трудовых ресурсов и организацией производства. С 1922 г. он продолжил работу в НКТ и одновременно стал членом Верховного Суда РСФСР. Наконец, на 1924–1929 гг. пришелся пик его юридической карьеры, когда А. М. Стопани стал прокурором РСФСР по трудовым делам. Отметим, что в этот же период действовали сессии народных судов по трудовым делам, что в целом обеспечивало относительно эффективный контроль за соблюдением трудового законодательства и опера-

¹⁰⁴⁷ Стопани А. М. Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих в связи с условиями работы на промыслах. Баку, 1910; Он же. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку, 1916; Стопани А. М., Карташев Н. Н. Несчастные случаи с рабочими в нефтяной промышленности (1907–1910 гг.). Баку, 1913 и др.

тивное разрешение трудовых споров. Но это касалось преимущественно частных предприятий. При этом А. М. Стопани налаживал постоянные контакты своего ведомства с профсоюзами, инспекциями труда, руководством наркоматов и предприятий. Большое внимание уделялось не только карательным, но и превентивным мерам, направленным на предотвращение трудовых споров и нарушений трудового законодательства. Практическую деятельность он совмещал с активной публикаторской и научной работой. Были переизданы в переработанном виде его основные дореволюционные исследования¹⁰⁴⁸. В дальнейшем он публиковал преимущественно работы, имеющие характер комментария действующего трудового законодательства и рекомендаций по его применению¹⁰⁴⁹. А. М. Стопани неоднократно выступал в качестве редактора и автора предисловия к сборникам трудового законодательства и комментариям судебной практики по гражданским и трудовым делам¹⁰⁵⁰. Многие годы он являлся главным редактором журнала «Вопросы труда», который стал подлинной трибуной советских ученых-трудовиков, центром обсуждения актуальных трудовых проблем. На его страницах публиковались статьи всех ведущих отечественных специалистов по проблемам труда, а дискуссии не только не пресекались, но и приветствовались. В этом журнале печатались обширные обзоры литературы, в том числе зарубежной. В целом журнал можно сравнить с лучшими дореволюционными периодическими изданиями.

А. М. Стопани всегда был последовательным большевиком, но уважительно относился к чужому мнению и искренне считал, что интересы рабочих не могут приноситься в жертву экономической и политической целесообразности. В этой части он

¹⁰⁴⁸ См.: Стопани А. М. Бакинский нефтепромышленный рабочий, его заработная плата и рабочий день. Л.; М., 1924; Он же. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. М., 1925.

¹⁰⁴⁹ Стопани А. М. Работа конфликтных органов НКГ в центре и на местах. М., 1922; Он же. Год работы прокурора по трудовым делам при Верховном Суде. М., 1925; Он же. Пути к укреплению трудовой дисциплины. М., 1929 и др.

¹⁰⁵⁰ Законодательство о труде в зарубежных странах (со сравнительными данными по СССР) / Под ред. А. М. Стопани. М.; Л., 1925–1927 гг.; Практика Верховного Суда РСФСР по гражданским и трудовым делам / Под ред. А. М. Стопани, М., 1926; Трудовые конфликты: Практическое руководство / Под ред. А. М. Стопани. М., 1925, 1926 и др.

все дальше с конца 1920-х гг. начал расходиться с «генеральной линией» партии. Прокуратура по трудовым делам была ликвидирована вместе с закрытием трудовых сессий народных судов. Оставшись не у дел, А. М. Стопани с 1929 г. занимался в основном делами большевиков-ветеранов. По некоторым данным, он был репрессирован и расстрелян 23 октября 1932 г., впоследствии реабилитирован и перезахоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены. Как нам кажется, семена гуманизма и уважения к праву, посеянные преподавателями Демидовского юридического лицея в душе А. М. Стопани, дали свои всходы.

Владимир Александрович Гаген (1874–1930) родился 12 декабря 1874 г. в семье статского советника. По окончании Костромской гимназии он поступил в Демидовский юридический лицей в 1894 г., который и окончил в 1897 г. со степенью кандидата права. Его лицейскими учителями были И. Я. Гурлянд, А. Н. Ладыженский, В. Г. Щеглов. Еще со студенческой скамьи он специализировался на проблемах административного права. Именно как административист он подходил к проблемам социального законодательства, в том числе зарубежного. Этому способствовало то, что он свободно владел немецким, английским и французским языками. По решению Совета лицея, молодой ученый был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре полицейского права и был командирован для научных занятий в Петербургский университет. Его университетским научным наставником стал видный ученый-административист В. Ф. Дерюжинский. В 1904 г. В. А. Гаген выдержал экзамен на степень магистра полицейского права на юридическом факультете Петербургского университета. В 1908 г. он защищает магистерскую диссертацию «Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии», которая в 1907 г. была издана отдельной книгой. После этого В. А. Гаген избирается приват-доцентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Ему был поручен факультативный спецкурс «Обязательное призрение как отрасль управления». Это дает нам основание считать этого ученого одним из пионеров преподавания права социального обеспечения в российских вузах. В 1911 г. Владимир Александрович направляется делегатом на

Международный конгресс по патронату над лицами, выпущенными из тюрем и беспризорными детьми, в бельгийском Антверпене¹⁰⁵¹. В 1913 г. в Харьковском университете В. А. Гаген защищает докторскую диссертацию по полицейскому праву «Западно-европейский бедняк» (издана в виде книги в 1912 г.). За это исследование он удостоился специальной премии от императрицы Александры Федоровны. Отметим, что борьба с бедностью стала для ученого не только областью научного интереса, но и сферой общественного служения. Он принял активное участие в работе по оказанию помощи населению, пострадавшему от голода 1900 г., за что удостоился благодарности императора. Работал в одном из отделений Собственной его императорского величества канцелярии, ведавшей приютами для бедных, а также в Комитете попечительства и трудовой помощи, состоящем под покровительством императрицы Александры Федоровны. За труды по устройству отдела трудовой помощи на Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1909 г. он был награжден орденом Святой Анны.

В 1911 г. (по другим данным – в 1914 г.)¹⁰⁵² он избирается ординарным профессором юридического факультета Варшавского университета по кафедре полицейского права. В период до начала Первой мировой войны он принимал участие в ряде международных конференций и конгрессов по социальной проблематике, в частности, он был участником Первого Международного конгресса в Брюсселе, посвященного охране детства¹⁰⁵³. Вместе с университетом в годы Первой мировой войны (1915 г.) он эвакуировался в Ростов-на-Дону, где продолжил педагогическую и научную деятельность¹⁰⁵⁴. С 1921 г. он стал профессором факультета общественных наук (ФОН) Донского университета. На правовом отделении он читал курсы админи-

¹⁰⁵¹ См.: Гаген В. А. Пятый Международный конгресс патронатов в г. Антверпене. Варшава, 1913.

¹⁰⁵² См.: Краковский К. П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета). Ростов н/Д, 2003. С. 159–162.

¹⁰⁵³ См.: Гаген В. А. Первый международный конгресс по охране детства в Брюсселе в 1913 г. (краткий отчет о заграничной командировке). Варшава, 1913.

¹⁰⁵⁴ См.: Гаген В. А. Административная юстиция. Ростов н/Д, 1916; Он же. Учебник административного права. Ростов н/Д, 1916 и др.

стративного права и административной юстиции. Кроме того, ученый преподавал рабочее (трудовое) право, социальное обеспечение и страхование. В. А. Гаген стал не только одним из первых преподавателей трудового права в советских вузах, но и одним из первых, кто совмещал его с преподаванием права социального обеспечения. После закрытия ФОН он оказался безработным и был вынужден распродавать остатки своего имущества на рынке. Даже после устройства на работу в Севкавплан его очень тяготил отрыв от академической среды, вузовских занятий. В 1927 г. В. А. Гаген обращался с просьбой дать ему возможность работать в каком-либо вузе как высококвалифицированному специалисту по дефицитной в то время специальности «административное право». Обращение осталось без ответа. Такое поведение новых властей станет более понятным, если учесть, что российские специалисты по полицейскому праву считались едва ли не пособниками «царских сатрапов». Некоторые из не обремененных образованием советских руководителей, вероятно, считали, что полицейское право закрепляет права полиции. При этом Владимир Александрович занимался преимущественно проблемами «полиции благосостояния», которая явилась прообразом права социального обеспечения. Взгляды ученого на данные проблемы отличали гуманизм и сострадание при реалистичности подходов. Он последовательно и неуклонно доказывал необходимость государственного вмешательства в борьбу с бедностью и перевод социального обеспечения в публично-правовую сферу. Но по горькой иронии судьбы В. А. Гаген умер в бедности в 1930 г. в Ростове-на-Дону. Научное наследие этого ученого оказалось востребованным только в последние годы¹⁰⁵⁵.

В своих трудах В. А. Гаген непосредственно рассматривал проблемы трудового права и права социального обеспечения. В традициях дореволюционной юриспруденции он уделял значительное внимание социальному законодательству и науке стран Запада, тем более что российское законодательство в этой части было в зачаточном состоянии, а число отечественных научных трудов было невелико. В частности, он анализировал Француз-

¹⁰⁵⁵ Краковский К. П. Указ. соч.; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 139–140 и др.

ский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных, Германский закон 6 июня 1870 г. об обязательной помощи бедным, а также законодательство других западноевропейских стран об обязательном призрении престарелых и бедных¹⁰⁵⁶. Заслуживает внимания его сравнительный анализ призрения бедных и социальной политики (т. е. права бедного на призрение и права на социальное обеспечение). Уже классификация призрения бедных на частную благотворительность и публичное (законное) призрение позволяет ввести последнее в публично-правовое поле. При этом оно разделялось на факультативное, когда государственные органы аккумулировали средства частных лиц и размер помощи зависел от наличия средств, и облигаторное (обязательное). В последнем случае государственный орган собирал взносы частных лиц, но некоторые средства поступали и за счет налоговых сумм. Это и было так называемое «административное призрение», позволявшее приблизиться к понятию «право на призрение». При этом публичное призрение бедных имело следующие характеристики. Во-первых, право на него возникало тогда, когда экономическое положение человека настолько пошатнулось, что он сам не может добыть себе средств. Во-вторых, эти средства не могут быть доставлены на законных основаниях ни от родных и близких, ни от частной благотворительности. В-третьих, лица, получавшие такое призрение, обычно лишались избирательного права. По мнению ученого, с социальной точки зрения вопрос о бедности выходит далеко за рамки простой юридической проблемы, являясь болезнью социального тела. Эта болезнь тем опаснее, чем больше бедность распространяется.

Социальная политика В. А. Гагеном характеризовалась следующим образом. Во-первых, ее целью было стремление поднять экономическое положение не отдельных лиц, а целых классов. Во-вторых, она должна была предупреждать впадение

¹⁰⁵⁶ См.: Гаген В. А. Западно-европейский бедняк. Варшава, 1912; Он же. Обязательное призрение трудоспособных бедных в Западной Европе. М., 1910; Он же. Обязательная помощь бедным в Германии (Имперский закон 6 июня 1870 г.) СПб., 1908; Он же. Обязательное призрение престарелых в Англии и Франции. СПб., 1910; Он же. Французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных. СПб., 1906.

людей в бедность, требующую вмешательства публичного призрения. В-третьих, ее предоставление не должно сопрягаться с лишением каких-либо прав. Сам В. А. Гаген признавал различие права на публичное призрение и права на социальную защиту «слишком расплывчатым», но методологические основы разграничения были намечены¹⁰⁵⁷.

Он активно сотрудничал с периодическим журналом «Трудовая помощь», который издавался с 1897 по 1918 гг. под покровительством императрицы Александры Федоровны и общей редакцией его учителя В. Ф. Дерюжинского¹⁰⁵⁸. Под патронатом Попечительства о трудовой помощи, которое также находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны, ученый осуществлял переводы зарубежной литературы по проблемам социальной защиты нуждающихся¹⁰⁵⁹.

Особое место в исследованиях В. А. Гагена занимали вопросы занятости и проблемы безработицы. Он ратовал за широкий подход в решении этого вопроса. Ученый считал, что трудовая помощь должна не только охватывать терапию (лечение) бедности, но и предупреждать ее (профилактика бедности). Последняя выражается в создании государством, заинтересованными сторонами (рабочими и работодателями) многочисленных бюро приискания работы, которые обозначались термином «указания труда». Таким образом, посредничество в приискании работы рассматривалось как одна из форм трудовой помощи¹⁰⁶⁰. В ключе классических исследований ученый обращался,

¹⁰⁵⁷ См.: Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907. С. 1–5.

¹⁰⁵⁸ См.: Гаген В. А. Обязательное призрение престарелых в Англии // Трудовая помощь. 1910. № 7. С. 99–116; № 8. С. 255–271; Он же. Обязательное призрение престарелых во Франции // Там же. 1910. № 9. С. 309–330 и др.

¹⁰⁵⁹ См.: Конрад К. Посредничество в приискании работы в Германии; пер. А. Браудо и В. Гагена. СПб., 1913; Лекок Марсель. Трудовая помощь во Франции; пер. А. И. Браудо и В. А. Гагена. СПб., 1905; Мюнстерберг Э. Призрение бедных: Руководство к практической деятельности в области попечения бедных; пер. А. И. Браудо и В. А. Гагена. СПб., 1900.

¹⁰⁶⁰ См.: Гаген В. А. К вопросу об организации указания труда в России // Трудовая помощь. Октябрь – ноябрь. 1901. СПб., 1902; Он же. Частные лица в роли посредников на рабочем рынке // Трудовая помощь. Март. 1900. СПб., 1900; Он же. Земство и общественные работы. СПб.,

прежде всего, к анализу зарубежного законодательства об организации посредничества на рабочем рынке, мерам борьбы с безработицей на примере Германии, Австрии, Франции, Англии, Норвегии, Швейцарии, Румынии и др.¹⁰⁶¹ Затем предметом исследований ученого стали проблемы организации помощи нуждающимся в России. Сравнительно-правовой подход позволял ученому дать оценку положения (состояния) этого вопроса в России, обосновать конкретные рекомендации по правовой регламентации различных видов трудового посредничества и социального призраения. Так, им был дан развернутый анализ организации посредничества на рынке труда в России на примере русских «бирж труда» (учреждений указания труда), не преследующих коммерческие цели. К таковым относились учреждения, в роли организаторов которых выступали земства, городское самоуправление, посреднические конторы при русских домах трудолюбия. Изучая причины неудачной деятельности посреднической конторы при Одесском доме трудолюбия, В. А. Гаген предложил проект примерных правил для посреднических контор при русских домах трудолюбия. Особое внимание ученый уделил вопросам посредничества частных контор на рабочем рынке. Он обосновывал необходимость создания института (по примеру Румынии) особых правительственных инспекторов для надзора за деятельностью таких частных посреднических контор. Он также писал о том, что Россия ощущает постоянную нужду в развитии форм посредничества в приискании труда как организованного (в виде особых контор), так и неорганизованного (биржи труда, частные посредники, публикации в газетах и журналах).

Русскими административистами, и В. А. Гаген здесь не исключение, обосновывалась необходимость государственного участия в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений. Полное господство гражданского права возможно только в полицейском государстве, где царит всемогущество органов власти. Л. А. Шалланд по этому поводу

1905; Он же. Новая организация помощи бедным и борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге. СПб., 1906 и др.

¹⁰⁶¹ См.: Гаген В. А. Безработица в Германии и меры борьбы с нею (Социально-политический этюд). СПб., 1904; Как устраиваются городские общественные работы (опыт германских городов); пер. с нем. и предисловие В. А. Гагена. СПб., 1906 и др.

отмечал, что «вся государственная жизнь, весь публичный строй были лишь отражением частных отношений»¹⁰⁶². При этом полицейское государство имело гражданское, уголовное и процессуальное право, но публичного права не имело. В нем просто не было необходимости, ибо без государственных ограничений, в том числе в отношении самих органов государственной власти, господство гражданского права означает господство сильного. В. А. Гаген отмечал: «господство гражданского права и гражданского процесса в правовой жизни современного государства нужно понимать... лишь как возможность применять к этим отношениям гражданское право, регулирующее в новом государстве отношения лишь частных лиц между собой, и возможность обращаться, в целях противодействия государству, к судам, призванным решать гражданские споры»¹⁰⁶³. Гражданское право стало терять свой универсальный характер по мере сужения сферы отношений, в которых государство выступает с приказом и принудительной властью. Эту же мысль высказывал уже упомянутый выше приват-доцент Демидовского юридического лица Б. А. Кистяковский.

В заключение отметим следующее.

К 1917 г. в России начал формироваться круг специалистов в области правового регулирования трудовых отношений, который в дальнейшем мог составить костяк научных и практических работников в социальной сфере. Более того, некоторые ученые в дореволюционный период уже заняли высокие должности в государственном аппарате. Это, в частности, профессор Демидовского юридического лица И. Я. Гурлянд, ставший, по сути, министром информации, В. А. Гаген, работавший в царской администрации, и др. После февраля 1917 г. на государственную службу перешла целая плеяда видных ученых-трудовиков во главе с Л. С. Талем. Октябрьские события 1917 г. резко оборвали эту тенденцию, а руководство центральными социальными ведомствами осуществлялось в дальнейшем преимущественно коммунистами-практиками, зачастую малообразованными. Достаточно сказать, что из трех наркомов труда

¹⁰⁶² Шалланд Л. А. Юридическая природа территориального верховенства (историко-догматическое исследование). Т. 1. СПб., 1903. С. 7.

¹⁰⁶³ Гаген В. А. Указ. соч. С. 9.

СССР в 1923–1933 гг. (В. В. Шмидт, Н. А. Угланов, А. И. Цихон) ни один не имел даже оконченного среднего образования. В этой связи достаточно долго трудовое право и социальная практика существовали «раздельно».

На Западе ситуация сложилась несколько иначе. Именно преподаватели и выпускники вузов первых двух десятилетий XX в. стали идеологами, а отчасти и руководителями социальных реформ. Так, среди разработчиков трудового законодательства «Нового курса» президента США и дипломированного юриста Ф. Д. Рузвельта¹⁰⁶⁴ были Ф. Д. Биддл (1886–1968), выпускник юридического факультета и юридической школы Гарварда, возглавивший в 1934–1935 гг. Национальный совет по трудовым отношениям, Ф. Перкинс (1882–1965) – выпускница Колумбийского университета, в 1929–1933 гг. возглавлявшая департамент труда штата Нью-Йорк, а в 1933–1945 гг. бывшая секретарем по вопросам труда США. Она была первой женщиной – членом правительства США. Выпускник Принстона Д. Г. Уинант (1889–1947) являлся в 1935–1941 гг. помощником директора МОТ, совмещал преподавательскую и дипломатическую работу. Г. Гопкинс (1890–1946), юрист по образованию, был одним из главных разработчиков социальной политики в годы президентства Ф. Д. Рузвельта. Госсекретарь США в 1949–1953 гг. Д. Г. Ачесон (1893–1973) начинал свою профессиональную деятельность юристом с поста секретаря члена Верховного Суда США Л. Брэндайса, одного из наиболее компетентных американских специалистов по вопросам трудового права. Занимался данными проблемами и его молодой помощник. И это не только специфика США. Многолетний премьер-министр Канады У. Л. Кинг (1874–1950) был крупным специалистом по вопросам труда, в том числе его правового регулирования. Премьер-министр Великобритании К. Р. Эттли (1883–1967) сумел победить на выборах У. Черчилля и возглавить кабинет в 1945–1951 гг. Как юрист он получил известность, выступая защитником по трудовым делам и по делам, связанным с забастовками рабочих на судебных процессах в начале XX в.

¹⁰⁶⁴ См. подробнее: Лушников А. М. «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта и развитие учения о трудовых правах человека // *Lex russica*. 2004. № 4. С. 913–922.

Можно предположить, что недоверие новой советской власти к старым «буржуазным» специалистам по трудовому праву не распространится на новую советскую генерацию юристов. Но этого не произошло. В дальнейшем советскую социальную политику определяли почти исключительно многоопытные партийные функционеры, «крепкие хозяйственники», имевшие в лучшем случае инженерное образование. Отсюда технократичность мышления и утилитарный подход к проблемам труда. Из всех советских специалистов в сфере трудового права исключением был, разве только, К. П. Горшенин (1907–1978), бывший Прокурором СССР и министром юстиции СССР в 1943–1956 гг. Даже существовавший в 1955–1991 гг. Государственный комитет по труду и социальным вопросам возглавляли безликие номенклатурщики, о которых практически ничего не известно: А. П. Волков, В. Г. Ломоносов, Ю. П. Баталин, И. И. Гладкий, В. И. Щербаков. Кто руководил этим комитетом с конца 1950-х до 1976 г. установить вообще не удалось¹⁰⁶⁵. Исключение составил первый председатель в 1955–1956 гг. Л. М. Каганович (1893–1991), один из инициаторов массовых репрессий и человек, глубоко презиравший социальную ценность права.

При этом очевидно, что юридическое образование само по себе ничего не гарантирует и ни от чего не страхует. Напомним о том, что выпускниками юридических вузов до 1917 г. являлись такие не склонные считаться с правом личности, как глава НКВД В. Р. Менжинский (1874–1934), Прокурор СССР А. Я. Вышинский (1883–1954), первый советский нарком юстиции Г. И. Ломов (Оппоков) (1888–1937), известные деятели правоохранительной системы В. П. Антонов-Саратовский (1884–1965), М. С. Кедров (1878–1941) и др. Последний, как уже указывалось, закончил Демидовский юридический лицей. Студентами-недоучками юридических факультетов в дореволюционный период были советские идеологи Н. И. Бухарин (1888–1939) и Е. А. Преображенский (1886–1937), руководители советских карательных органов В. А. Балицкий (1892–1937), М. И. Гай (Штоклянд) (1898–1937), Я. Д. Рапопорт (1898–1962) и др. Вместе с тем юрист, знающий, что он поступает против-

¹⁰⁶⁵ См.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг. М., 1994. С. 415.

правно, менее безнадежен, чем тот, кто даже не догадывается о своем произволе. Это примерно равнозначно тому, что нарушитель правил дорожного движения, знающий их, более вменяем, чем водитель, даже не догадывающийся о существовании этих правил. Так, А. Я. Вышинский, при всей своей одиозности, предпринимал некоторые меры по спасению ученых-юристов старой школы, в том числе Н. Н. Полянского, о котором говорилось выше.

Только руководство советского Наркомата иностранных дел действительно облагородили своим присутствием дореволюционные юристы Л. М. Карахан (1889–1937), Н. Н. Крестинский (1883–1938), И. Л. Лоренц (1890–1942), И. М. Майский (1884–1975), а также известный впоследствии ученый-трудовик Л. Я. Гинцбург (1901–1976). Впрочем, все они были репрессированы, а пережить допросы и лагеря смогли только двое последних. Это же можно сказать о многих советских ученых-трудовиках, которые постепенно были выключены из научной жизни, эмигрировали, как Л. С. Таль, или были репрессированы¹⁰⁶⁶.

Остается только сожалеть, что потенциал ученых-трудовиков ярославской юридической школы начала XX в. так и не был востребован для формирования государственной политики в сфере трудовых и социальных отношений. Если бы события развивались иначе, возможно, мы бы писали о видном дипломате Н. Н. Голубеве, крупных государственных деятелях Л. С. Тале, В. Н. Ширяеве, Н. Н. Полянском, Б. В. Чредине и др. Но мы написали о том, что было. Вместе с тем ярославские ученые создали мощную интеллектуальную базу, своеобразную опору и основу для дальнейшего развития. Советский период при всей его противоречивости, идеологической заданности и даже трагизме также дал немало образцов подлинно научных исследований трудовправовой проблематики.

Но парадигма трудового права меняется, и мир постепенно переходит от индустриальной к постиндустриальной его модели. Моноотраслевой подход все более уступает место комплексному анализу правового регулирования труда, а служебное, подчиненное назначение трудового права уступает место

¹⁰⁶⁶ См. подробнее: Лушников А. М. Наука трудового права России: Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 141–167.

приоритету его гуманистической, социальной функции. В этой связи не просто актуальными, а злободневными становятся трудовые конструкции столетней давности, ставящие во главу угла интересы конкретной личности и согласующие интересы конкретного работника, реального производства и демократического государства. Технический прогресс за этот период до неузнаваемости изменил технологическую сторону процесса труда, но обоснованные ярославскими учеными гуманистические ценности остались неизменными.

Часть 4. Ярославская юридическая школа во второй половине XX – начале XXI в.

Факультет юридический,
Ты Лицею сродни;
Вековые традиции
Неизменно храни.
Мы историей связаны,
Нам порукой она,
Мы сегодня обязаны
Вспомнить тех имена,
Кто в твое воссоздание
Первый камень вложил.
Твоему процветанию
Беззаветно служил.

С. А. Егоров

Глава 13. Кафедра теории и истории государства и права

Кафедра теории и истории государства и права в качестве самостоятельного подразделения Ярославского государственного университета функционирует с 1970 г. В начале она входила в состав отделения права и была составной частью факультета истории, психологии и права (с 1970 до 1972 гг.), а затем – факультета истории и права (с 1972 по 1987 гг.). С 1987 г. она становится самостоятельной структурной единицей юридического факультета ЯрГУ.

У истоков создания первой и до 1974 г. единственной кафедры стояли профессор В. М. Горшенев и Я. О. Мотовиловкер, доцент (с 1975 г. профессор) П. Ф. Елисейкин. Первым заведующим кафедрой (1971–1977 гг.), а в последующем деканом факультета (1975–1977 гг.) стал **Виктор Михайлович Горшенев** (1924 – 1993 гг.) – известный стране ученый, круп-

ный специалист в области общей теории права, о биографии которого было сказано в первой части работы.

В своих трудах В. М. Горшенев отстаивал широкое понимание процессуальной формы, необходимость ее распространения на деятельность не только правоохранительных, но и всех иных государственных органов и общественных организаций в целях упрочнения режима законности и усиления юридических гарантий прав и свободы личности. Согласно концепции ученого, подчинение всех видов государственной и общественной деятельности строго регламентированной процедуре максимально ограничивает произвол, бюрократическое усмотрение и злоупотребление своим положением со стороны должностных лиц.

В 1972 г. в издательстве «Юридическая литература» вышла монография В. М. Горшенева «Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе». В указанной работе обстоятельно рассматриваются содержание и основные разновидности организационно-правовых форм деятельности органов государства в сфере правотворчества и правоприменения, а также подробно исследуется природа норм процессуального права, их особенности, функции, место и роль в структуре советского права.

В 1976 г. в том же издательстве под редакцией профессора В. М. Горшенева и члена-корреспондента Академии наук Украинской ССР П. Е. Недбайло вышла коллективная монография «Юридическая процессуальная форма: теория и практика».

Книга представляла собой новую попытку объединения усилий специалистов различных областей юридической науки в исследовании процессуальной формы. В ней по-новому был поставлен ряд вопросов теории и практики правотворческой и правоприменительной деятельности. Вместе с развитием общего учения о процессуальной форме дана характеристика ее особенностей в сфере реализации норм государственного, административного, земельного и других отраслей права, получила обоснование необходимость процессуальной регламентации правотворчества, а также сферы реализации и охраны прав и свобод граждан.

Введение и первая глава («Процессуальные формы и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе») были написаны В. М. Горшеневым и П. Е. Недбайло. Ими подвергнут критике наблюдаемый в юридической литературе «процессуальный нигилизм» и высказана уверенность в

том, что развитие общего учения о процессуальной форме будет способствовать выработке схемы научного построения системы процессуального права, что в свою очередь облегчит решение проблем совершенствования действующего процессуального законодательства, ускорит формирование новых процессуальных отраслей, поможет определить оптимальное место процессуального права в системе права.

Авторами отдельных глав монографии являлись такие видные ученые-юристы, как В. С. Основин, В. О. Лучин, А. С. Пиголкин, Н. В. Витрук, В. Д. Сорокин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот, И. А. Иконницкая, Т. Н. Добровольская, П. С. Элькинд и др. Это свидетельствует об авторитете ярославского ученого, актуальности проблемы и приоритетности избранного им научного направления.

Учение о процессуальной форме получило развитие в монографии, написанной В. М. Горшеневым совместно со своими учениками (*Ю. И. Мельниковым, В. Г. Крупиным, И. Б. Шаховым и др.*), «Теория юридического процесса» (Харьков, 1985), в которой подробно исследуются методологические проблемы юридического процесса (его объект, генетические и логические основы, системность и др.), структура процессуального права, процессуальные производства, стадии и режимы.

В. М. Горшенев был автором ряда оригинальных учебно-методических работ, среди которых особое место занимает написанная в соавторстве с В. И. Бенидиком «Юридическая деонтология» (Киев, 1988). В этом пособии получила освещение характеристика юриста, взятая в его психических, идейно-политических, профессиональных, нравственных и эстетических качествах. В. М. Горшенев писал, что юридическая деонтология представляет собой отрасль юридической науки, которая обобщает (интегрирует) систему знаний о мудрости общения и искусстве принятия грамотного юридического решения, о поиске атмосферы достижения необходимого, истинного и справедливого результата в общении юриста как с коллегами, так и с теми, кому они представляют свои профессиональные услуги и кого должны обслуживать в процессе реализации ими своего профессионального правового статуса¹.

¹ См.: Горшенев В. М., Бенидик В. И. Юридическая деонтология: Учеб. пособие. Киев, 1988. С. 8.

Не подлежит сомнению, что дальнейшая разработка этой важной проблемы, направляющей юриста на честное самоотверженное служение юридической науке и практике, приобретает особое значение в наше сложное время, когда широкое распространение коррупции реально угрожает основам государственности и становлению развитого гражданского общества в целом.

Профессор В. М. Горшенев был прекрасным лектором, в совершенстве владевшим методикой преподавания и обучения в вузе. Студентам импонировали его тонкий анализ сложных вопросов, лекторский артистизм. Запомнился его тщательный анализ сложных и дискуссионных правовых понятий и концепций, который, наряду с умением четко расставлять акценты на главных вопросах, во многом способствовал глубокому и прочному усвоению материала, в 1977 г. В. М. Горшенев перешел на работу в Харьковский юридический институт. Однако он никогда не порывал духовой связи с Ярославлем, неоднократно навещал наш город, выступал перед студентами и преподавателями с чтением лекций. Не прекращалось его научное наставничество над аспирантами. Под руководством В. М. Горшенева подготовили диссертации и защитили их бывшие его студенты В. И. Лайтман, Г. М. Петров, Ю. Д. Рудкин и др. Первые двое стали доцентами Ярославского университета. Ю. Д. Рудкин избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, в настоящее время – судья Конституционного суда РФ. Его учеником был и Ю. И. Мельников, о котором будет сказано ниже.

В числе первых преподавателей кафедры были: историки права В. Н. Миронов, О. П. Подосенов, Т. Н. Шамарин и В. Д. Шевчук, государствоведы А. Н. Бычек и М. С. Горшенева, административист М. П. Курцев. Они, к сожалению, не оставили каких-либо значимых результатов своей научной деятельности в период работы на кафедре и юридическом факультете.

Первым аспирантом и учеником В. М. Горшенева стал доцент **Юрий Иванович Мельников** (о его биографии было сказано в первом разделе данной работы). Он продолжал развивать идеи своего учителя о широком подходе к юридической процессуальной форме в научных статьях, монографиях и учебных пособиях. Так, особо следует выделить главу 6 в монографии «Теория юридического процесса» (Харьков, 1985), посвященную месту процессуального права в системе социалистического права, а

также учебное пособие «Материальное и процессуальное право» (Ярославль, 1996), в котором раскрывается природа материального и процессуального права и актуальные проблемы их соотношения (единство, различие, взаимодействие, противоречие и т. п.). Ю. И. Мельников возглавлял кафедру в 1977–1979 гг.

С 1979 по 1984 гг. кафедре теории и истории государства и права возглавлял специалист в области международного права профессор **Эдуард Андрианович Пушмин** (1938–1990). Он родился 17 мая 1938 г. в Барнауле в семье рабочего. В 1962 г. он с отличием закончил юридический факультет, а затем аспирантуру Ростовского государственного университета. В 1966 г. под научным руководством профессора Н. М. Минасяна защитил кандидатскую диссертацию на тему «Посредничество в международном праве», с 1969 г. доцент; в 1974 г. – докторскую диссертацию на тему «Примирительная процедура в международном праве». В 1976 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре международного права.

С 1963 г. работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры международного и государственного права Ростовского государственного университета. С 1969 г. – в Калининградском (до 1973 г.), Северо-Осетинском (до 1975 г.), Ивановском (до 1979 г.) университетах, причем в двух последних заведовал кафедрами. Как уже указывалось, с 1979 по 1984 гг. возглавлял кафедру теории и истории государства и права юридического факультета Ярославского университета.

В период работы в Ярославском государственном университете им опубликованы учебное пособие «Мирное разрешение международных споров» (Ярославль, 1979), монографии «Государственные границы» (М., 1981) и «Борьба СССР за совершенствование процесса мирного урегулирования споров» (М., 1983).

Э. А. Пушмин так же, как и его предшественники (В. М. Горшенев, Ю. И. Мельников), проявлял живой интерес к научному наследию Демидовского юридического лицея и процессуальной форме в международном праве. В своих лекциях ссылался на авторитетные суждения лицейских международников М. Н. Капустина и Н. Н. Голубева, а также труды В. М. Горшенева, Ю. И. Мельникова, Я. О. Мотовиловкера и других процессуалистов.

Крупный ученый и хороший лектор, Э. А. Пушмин, являясь международником, не смог, однако, сконцентрировать творче-

ские усилия членов кафедры на перспективных научных направлениях, актуальных для того периода времени. Не сложились у него взаимоотношения с коллегами. В 1984 г. он покинул университет, но то позитивное, что он внес в юридическую науку и учебный процесс в Ярославском университете, несомненно, заслуживает памяти и уважения. Впоследствии он работал в Волгоградском университете, Полтавском и Нежинском педагогических институтах, многие годы являлся членом Советской ассоциации международного права. Умер в 1990 г.

Одним из первых учеников В. М. Горшенева в Ярославле был *Георгий Михайлович Петров*. В 1975 г. он с отличием закончил юридический факультет Ярославского государственного университета. В 1970 г. был избран секретарем комитета ВЛКСМ университета. С 1973 г. – заместитель секретаря комсомола ЯрГУ. С 1975 по 1983 гг. – командир областного студенческого строительного отряда Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1976 г. поступил в заочную аспирантуру к научному руководителю профессору В. М. Горшеневу. Защита в Харьковском юридическом институте в 1981 г. кандидатской диссертации на тему «Юридическая природа студенческих строительных отрядов и их функция в современных условиях».

На кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова работал с 1983 по 2003 гг. Проводил все виды занятий по административному праву, читал спецкурс «Административное делопроизводство». Имеет более 50 научных и учебно-методических работ по проблемам административного и избирательного права.

С 1995 по 2003 гг. работал Председателем Избирательной комиссии Ярославской области. Награжден орденом «Знак Почета». Заслуженный юрист Российской Федерации.

С 1985 г. кафедру возглавил **Станислав Александрович Егоров**. В 1953 г. он окончил юридический факультет Казанского университета, а в 1967 г. – исторический факультет Ярославского педагогического института. Свою трудовую деятельность он начинал на педагогическом поприще, был директором школы в Ивановской области. С 1962 по 1969 гг. – в органах прокуратуры, последняя должность – старший помощник прокурора Ярославской области. С 1969 г. Станислав Александрович находился на партийной работе, в 1983 г. избран секретарем

рем партийного комитета Ярославского государственного университета. С 1983 г. работает на кафедре теории и истории государства и права университета, проводит все виды учебных занятий по «Истории отечественного государства и права» и спецкурсам «История Демидовского юридического лицея» и «Гражданская государственная служба в РФ» (историческую часть). Более 10 лет читал лекции по «Истории политических и правовых учений». В 1976 г. он под руководством доктора юридических наук, профессора О. Э. Лейста защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Политическая доктрина и политическая программа Н. М. Муравьева»; в 2009 г. – докторскую диссертацию на тему «Ярославская юридическая школа. Анализ научно-педагогического опыта Демидовского лицея» в Российской академии правосудия. Эта работа увенчала его многолетние исследования в данной сфере. В течение 6 лет (1985 – 1991 гг.) он заведовал кафедрой, члены которой в этот период продолжали исследовать самые различные научные проблемы: историю Демидовского юридического лицея, теорию юридического процесса, правотворческую и правоприменительную практику, функции права и т. д.

С. А. Егоровым опубликовано 235 научных, учебных и учебно-методических работ. Подавляющая часть его трудов посвящена отдельным представителям отечественной истории государства и права, истории Демидовского юридического лицея и современному состоянию университетского образования в России. Он стал подлинным летописцем истории ярославской юридической школы. Его исследованиями научного и педагогического наследия Демидовского юридического лицея положено основание фундаментальному научному направлению юридического факультета ЯрГУ – «Ярославская юридическая школа». С инициативой С. А. Егорова связано присвоение Ярославскому государственному университету имени П. Г. Демидова. За большой вклад в демидовское движение он награжден знаком правления Международного Демидовского фонда. С. А. Егорову принадлежит первая проникнутая критическим духом постановка вопроса о востребованности наследия доре-

волюционной юридической школы². Статья вызвала широкий отклик читателей и отмечена премией журнала.

Из наиболее значимых его работ можно назвать следующие: «На честное дело жизни: ярославская юридическая школа» (монография). Ярославль: Верхняя Волга, 1997; «Политическое и правовое наследие декабристов Северного общества. Историко-юридическое исследование» (монография). Ярославль: ЯрГУ, 1997; «Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем» / Под ред. В. Т. Анискова (монография в соавторстве). Ярославль: ЯрГУ, 1995; «Ярославское высших наук училище: (страницы из истории высшего образования)». Ярославль: Верхневолжское кн. изд-во, 1980; «История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения» (учебное пособие) Ярославль: ЯрГУ, 2000; «История отечественного государства и права. Вторая половина XIX – начало XX века. Опыт проблемного изложения» (учебное пособие). Ярославль: МУБиНТ, 1999. Во многом благодаря научным изысканиям С. А. Егорова стало возможным написание данной книги, предложенной вниманию читателя.

В 1991 г. на должность заведующего кафедрой теории и истории государства и права был избран **Владимир Николаевич Карташов**. В 1972 г. он с отличием закончил Саратовский юридический институт. С 1972 по 1977 гг. работал преподавателем в этом институте. В 1976 г. под руководством доктора юридических наук, профессора Н. И. Матузова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Институт аналогии в советском праве», в 1991 г. – докторскую диссертацию на тему «Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии» во ВНИИСЗ. С 1992 г. профессор. Научно-педагогический стаж – 37 лет. В

² См.: Егоров С. А. Ярославская юридическая школа // Советское государство и право. 1988. № 11. С. 131–137.

Ярославском государственном университете в качестве старшего преподавателя, доцента и профессора трудится с 1977 г. по настоящее время (32 года). Им проводились все виды учебных занятий (лекции, семинары, консультации, зачеты, экзамены, госэкзамены и т. п.) по «Теории государства и права», «Актуальным проблемам юридической науки» и различным спецкурсам («Ошибки в профессиональной юридической деятельности», «Обобщение материалов юридической практики» и др.).

В. Н. Карташов – ученый и педагогический работник высшей квалификации. Применяет современные достижения вузовской педагогики, используя результаты отечественной и зарубежной юридической науки, материалы юридической практики. Им опубликовано 413 работ, из них: 296 научных работ, в том числе 5 монографий (4 в соавторстве), 192 научных статьи (24 в соавторстве), 93 тезисов докладов (13 в соавторстве), 12 рецензий, а также 111 учебных и учебно-методических работ, в том числе 8 учебников (в соавторстве), 24 учебных пособия (11 в соавторстве), 18 курсов лекций (6 в соавторстве), 30 учебно-методических пособий (26 в соавторстве), 35 статей и тезисов докладов (14 в соавторстве).

Под руководством В. Н. Карташова кафедра внесла существенный вклад в развитие юридической науки и педагогической практики. Членами и аспирантами кафедры разрабатывались и исследуются в настоящее время следующие перспективные научные направления: теория профессиональной юридической деятельности (защищена докторская диссертация и опубликовано несколько десятков научных работ), теория юридических принципов (защищено 7 кандидатских диссертаций и опубликовано более 100 научных статей), теория функций права (защищено 7 кандидатских диссертаций), теория юридической культуры (защищены 2 докторские диссертации и 1 кандидатская диссертация, опубликована монография и более 50 научных статей) и антикультуры (защищено 3 кандидатских диссертации, опубликована 1 монография и 1 учебное пособие, несколько десятков научных статей), теория юридической практики (защищены 9 кандидатских диссертаций, опубликованы 1 монография, 4 учебных пособия, главы в учебниках и курсах лекций, научные статьи), теория правовой системы общества (опубликовано профессором В. Н. Карташовым 10 частей курса лекций и 2 учебных пособия), теория детерминации

юридических явлений (защищено 3 кандидатских диссертации, опубликованы отдельные главы в учебных пособиях и курсах лекций).

С начала 90-х гг. XX в. члены и аспиранты кафедры занимаются изучением юридических технологий и правовых установок личности – приоритетных направлений юридической науки, имеющих фундаментальное теоретическое, дидактическое и практически-прикладное значение (защищены 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций).

В рамках разработки указанных выше концепций В. Н. Карташов осуществляет руководство научно-исследовательской работой аспирантов в Ярославском государственном университете, Владимирском государственном педагогическом университете и Костромском технологическом государственном университете. В настоящее время является научным руководителем у 14 аспирантов и консультантом по 8 докторским диссертациям. 71 его аспирант из 10 субъектов РФ защитили кандидатские, а 3 соискателя – докторские диссертации. В. Н. Карташов был руководителем темы «Правосудие в условиях правовой реформы», разрабатываемой в рамках Всероссийской программы научных исследований «Народы России: возрождение и развитие». Его проекты «Ошибки в профессиональной юридической деятельности», «Правовые проблемы возмещения вреда в РФ», «Правовая система общества и общественный прогресс», «Концепция развития правовой системы общества», «Современные юридические технологии» и др. получили поддержку РГНФ. Он участвовал в разработке программы «Университеты России – фундаментальные исследования». По итогам конкурса программ – проспектов учебных пособий (учебников), проведенного Институтом «Открытое общество» в 1999 г., его проект курса «Теория правовой системы общества» вошел в число лучших инновационных проектов и был отмечен специальной премией.

В. Н. Карташов активно занимался и занимается общественной и организационной работой. Он является членом двух докторских диссертационных советов (в Российской академии правосудия и Нижегородской академии МВД РФ), был помощником депутата Государственной Думы РФ, членом квалификационной коллегии судей Ярославской области, председателем регионального отделения Российского союза юристов,

председателем регионального отделения Российской ассоциации конституционного права, членом экспертного совета Государственной Думы Ярославской области и т. д. С 1980 г. в составе комиссий Минвуза РФ и/или МВД РФ постоянно участвует в проверках, аттестациях и аккредитациях юридических вузов и факультетов Союза ССР и России. Неоднократно был председателем ГЭК (ГАК) в вузах России.

За значительные достижения в научной и методической работе неоднократно поощрялся ректором университета, деканом факультета и губернатором области. Ему дважды присваивалась государственная научная стипендия, учрежденная указом Президента РФ № 1372 от 16.09.93. За заслуги в разработке приоритетных направлений юридической науки, создание научной школы, воспитание и подготовку научных кадров в 1996 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ». За заслуги в области образования в 2000 г. награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». За разработку фундаментальных и прикладных аспектов теории правовой системы общества и актуальных проблем юридической практики награжден медалью «Автору научного открытия».

Список некоторых его основных трудов: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность (монография). Саратов, 1989; Карташов В. Н., Бриль Г. Г. Противоправная деятельность и юридическая ответственность (монография). Кострома, 2007; Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции (монография). Ярославль, 2008; Теория государства и права: учебник / Под ред. В. К. Бабаева. Гл. 18: Юридическая практика. М.: Юрист, 1999, 2002, 2004); Теория государства и права: учебник / Под ред. В. К. Бабаева. Гл. 12: Принципы права. М.: Юрист, 2006; Общая теория государства и права. Академический курс в 2 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 1998. Т. 2. Гл. 14: Юридическая практика; Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001 (2003, 2006). Т. 2. Гл. 4: Принципы права; Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001 (2003, 2006). Т. 3. Гл. 7: Юридическая практика в правовой системе общества; Обществознание: Учебник для подготовки к ЕГЭ / Под науч. ред.

В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. Гл. 5: Теория права; Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Курс лекций. Ярославль: ЯрГУ, 1995 – 2004. Ч. 1 – 10; Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005.; Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. Т. 2. Ярославль: ЯрГУ, 2006.; Карташов В. Н., Бахвалов С. В. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии): Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2007; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 1995 (1997, 1999, 2000, 2002, 2005, 2007). Гл. 20: Юридическая практика.

Нина Викторовна Щербакова окончила в 1966 г. историко-филологический факультет Мурманского педагогического института и в 1972 г. юридический факультет Казанского государственного университета. С 1972 г. начала работу в Казанском университете, сначала младший научный сотрудник социологической лаборатории, затем ассистент кафедры философии. В Ярославском университете работает с 1980 г. и по настоящее время (старший преподаватель, доцент, с 1994 г. профессор). По совместительству заведует филиалом кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии Московского государственного института международных отношений (МГИМО).

В 1978 г. в Москве под научным руководством профессора В. П. Казимирчука защитила кандидатскую диссертацию на тему «Роль правовой установки в формировании социальной активности личности»; в 1993 г. – в МГУ докторскую диссертацию на тему «Социология правовой установки личности». Академик РАЕН.

Всего ею опубликовано более 200 научных и учебно-методических трудов. Среди наиболее значимых работ, название которых отражают научные интересы Н. В. Щербаковой, можно назвать монографии: Правовая установка и социальная активность личности. М.: «Юридическая литература», 1986; Проблемы правовой установки личности. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1992; Местное самоуправление в России: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 1996 (в соавторстве), а также учебные пособия: Социально-правовые основы правомерного поведения личности. Ярославль: ЯрГУ, 1984; Общест-

вознание: Учебник для подготовки к ЕГЭ / Под науч. ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007 Гл. 6: Конституционное право Российской Федерации.

Под научным руководством профессора Н. В. Щербаковой защищено 6 кандидатских диссертаций. При ее активном участии (научное редактирование) и поддержке РАЕН членами и аспирантами кафедры были подготовлены 4 сборника научных трудов «Проблемы теории современного российского права» (М.; Ярославль: Изд-во А. Рутмана, 2004 – 2007 гг.). Она принимает участие в работе Всемирной ассоциации международного права, неоднократно выезжала за рубеж в научные командировки (Берлин, Париж, Торонто и др.). Сферу ее научных интересов составляют правовая психология и правовой статус личности.

Научная новизна основных трудов Нины Викторовны заключается в том, что в них впервые были проведены комплексные исследования правовой установки личности с применением новейших способов машинной обработки данных. Дисциплина труда и установка на ее соблюдение исследованы как сложные явления при помощи многофакторного анализа (взято более 100 признаков). Сформулировано понятие правовой установки личности, дана подробная классификация установок в сфере основных отраслей права. Доказано, что правовая установка – феномен не бессознательного, а сознания, конкретнее – динамический аспект правосознания. Экспериментально доказано воздействие правовой установки на поведение (деятельность) личности.

В 1976 г. с отличием окончил Ярославский государственный университет *Владимир Израйлович Лайтман*. В августе 1976 г. был принят на работу ассистентом кафедры. В сентябре 1976 г. поступил в заочную аспирантуру по специальности 12.00.01 Теория и история государства и права; история политических и правовых учений. В 1978 г. перевелся в заочную аспирантуру Харьковского юридического института в связи с переездом научного руководителя профессора В. М. Горшенева в указанное учебное заведение и окончил ее в 1979 г. В 1982 г. там же защитил кандидатскую диссертацию на тему «Процедурно-процессуальная форма в деятельности общественных ор-

ганизаций СССР», т. е. продолжал развивать одно из направлений концепции своего учителя.

Работал на кафедре в качестве ассистента, старшего преподавателя и доцента. Научно-педагогический стаж – 33 года. Проводит все виды учебных занятий по «Истории государства и права зарубежных стран» и «Международному праву». Ученое звание доцента присуждено в 1988 г.

В период с 1991 по 1992 гг. работал заместителем, а с 1993 по 2000 гг. – ответственным секретарем приемной комиссии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. За заслуги в области образования приказом министра Министерства высшего образования РФ 11 января 2001 г. был награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Всего опубликовано 105 работ, из них: 1 монография («Народный контроль в СССР» (1987 г.), 79 научных статей и тезисов докладов, 25 учебно-методических трудов. Он принимал участие в подготовке двух изданий учебного пособия «Введение в юриспруденцию» / Под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ (1997, 1999) и учебного пособия «Основы государственного права в Российской Федерации». Ярославль: Филиал Военного финансово-экономического ун-та, 2002 (в соавторстве В. В. Овсянниковым, А. М. Майоровым).

Анатолий Николаевич Пьянков в 1982 г. окончил Ярославский государственный университет. С 1984 по 1985 гг. работал ассистентом кафедры теории государства и права Ярославского государственного университета. Преподавал курс истории государства и права зарубежных стран.

С 1985 по 1991 гг. работал ассистентом и старшим преподавателем Московской сельскохозяйственной академии. В 1990 г. закончил аспирантуру в Саратовском юридическом институте. Под руководством профессора Н. И. Матузова в том же институте защитил кандидатскую диссертацию по теории государства и права.

В 1991 г. принят на должность доцента кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета, где и работал до 2005 г. Преподавал курсы Международного права и Международного частного права. В 1993 г. присвоено ученое звание доцента. В период работы проходил стажировку на юридическом факультете университета в

штате Флорида США. Преподавательскую работу активно сочетал с юридической практикой в сфере международного права. Имеет более 30 научных и методических трудов по теории государства и права и международному праву.

В 1998 г. завершила обучение на юридическом факультете Ярославского университета *Любовь Александровна Гречина (Чувакова)*. С сентября 1998 г. по настоящее время (11 лет) трудится на кафедре теории и истории государства и права ассистентом, старшим преподавателем, доцентом.

В 1998 г. поступила в аспирантуру ЯрГУ, которую успешно закончила в 2002 г., а в 2003 г. под руководством профессора В. Н. Карташова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии)».

Проводит все учебные занятия на дневном и вечернем отделениях юридического факультета по курсу «Административное право» и спецкурсу «Государственная и муниципальная служба и проблемы ее реформирования: теория, история и практика (отечественный и зарубежный опыт)». Всего опубликовано 37 работ, из них: 28 научных и 9 учебно-методических изданий, в том числе 1 учебное пособие «Государственная гражданская служба: история и современность». Ярославль: ЯрГУ, 2006 (в соавторстве с доцентом С. А. Егоровым); написала 7 глав («Административное право») в учебнике «Общественное право». СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

Наталья Владимировна Вантеева закончила юридический факультет Ярославского университета в июне 2000 г., а с 1 августа 2000 г. и по настоящее время (9 лет) работает на кафедре теории и истории государства и права. В мае 2005 г. после окончания заочной аспирантуры под руководством профессора В. Н. Карташова в Нижегородской академии МВД РФ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Принципы юридической ответственности (структурно-функциональный анализ)».

Преподает следующие дисциплины: «Муниципальное право», «Основы политологии» и спецкурс «Юридические ошибки в деятельности органов местного самоуправления» (по данному спецкурсу подготовлены к печати учебное пособие и монография). Основное направление научно-исследовательской деятельности – проблемы юридической антикультуры в право-творческой практике органов местного самоуправления.

Имеет 30 публикаций, из них: 23 научные статьи и тезисов докладов, 7 учебных и учебно-методических пособий, в том числе: Гл. 8: «Муниципальное право» в учебнике «Обществознание» / Под науч. ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

Алексей Леонидович Скрябин в 2004 г. окончил юридический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова и в качестве ассистента, а затем старшего преподавателя начал работать на кафедре теории и истории государства и права. Под руководством доцента В. И. Лайтмана в 2005 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Эффективность актов официального юридического толкования». До сих пор эта проблема является предметом пристального внимания членов кафедры и самого автора. Им опубликовано 25 научных и учебно-методических пособий, статей и тезисов докладов. Молод, энергичен, с увлечением занимается наукой. В будущем члены кафедры и факультета ждут от него докторскую диссертацию, посвященную месту и роли эффективности в технологии официального юридического толкования.

Сергей Владимирович Бахвалов – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук. В 2003 г. окончил юридический факультет, а в 2006 г. – очную аспирантуру Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 4 октября 2006 г. в Нижегородской академии МВД России под руководством профессора В. Н. Карташова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии)».

С 1 сентября 2006 г. работает в должности ассистента, а с 1 сентября 2007 г. – в должности старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права. Читаемые курсы – «Теория государства и права», «Актуальные проблемы теории права», спецкурс «Правотворческая практика субъектов Российской Федерации».

С. В. Бахваловым опубликовано 31 научная и учебно-методическая работа. Среди них особо следует выделить учебное пособие «Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии)» (в соавторстве с В. Н. Карташовым). Ярославль: ЯрГУ,

2007. Законодательной технологии и ее основным элементам посвящено подавляющее большинство его трудов. В настоящее время по данной проблеме подготовлена для опубликования в центральном издательстве достаточно солидная монография.

Сергей Петрович Казанков – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук. В 2002 г. окончил юридический факультет, а в 2005 г. – очную аспирантуру Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 7 декабря 2006 г. в Казанском государственном университете под руководством Н. В. Щербакловой защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правовая природа решений органов конституционного контроля и надзора: теоретический аспект».

На кафедре специализируется по международному праву. Кроме того, проводит семинарские занятия в нескольких группах по теории государства и права; на двух факультетах (психологии, биологии и экологии), читает лекции по «Основам права».

С. П. Казанковым опубликовано 19 научных и учебно-методических статей, тезисов докладов. С тематикой по докторской диссертации еще не определился, но есть большое желание сделать существенный вклад в развитие юридической науки в рамках тех перспективных направлений, которыми занимается профессорско-преподавательский состав кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета.

С 2001 г. на кафедре ежегодно начал выпускаться сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества» (отв. ред. В. Н. Карташов), в котором публикуются труды преподавателей, аспирантов и соискателей, имеющих актуальное теоретическое, практическое и дидактическое значение.

Нижний ряд (слева направо): С. А. Егоров, Н. В. Щербакова, В. Н. Карташов,
Л. Н. Лимонова, А. Л. Скрябин; верхний ряд: С. П. Казанков, Л. А. Гречина,
Н. В. Вантеева, В. И. Лайтман, С. В. Бахвалов

Глава 14. Кафедра гражданского права и процесса

Кафедра гражданского права и процесса Ярославского государственного университета была создана в 1975 г. Вся учебная и научная деятельность кафедры неразрывно связана с личностью ее первого заведующего – доктора юридических наук, профессора **Петра Федоровича Елисейкина** (1930–1980). Он родился 30 мая 1930 г. в г. Сердобск Пензенской области в семье рабочего. В 1952 г. окончил Ташкентский юридический институт, после чего проходил службу в органах МГБ МВД Узбекской ССР. В 1953–1957 гг. он работает старшим юристом-консультантом отдела кодификации Министерства юстиции Узбекской ССР. Тяга к научной работе привела его в аспирантуру Института философии и права АН Узбекской ССР с прикомандированием к кафедре гражданского процесса Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В 1960 г. в ЛГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Судебное установление юридических фактов». Ученое звание доцента получено им в 1963 г. В 1960–1961 гг. П. Ф. Елисейкин был старшим научным сотрудником Института философии и права АН Узбекской ССР, подготовил первые крупные научные публикации³. Наконец, в августе 1961 г. начинается его преподавательская деятельность в вузах, которая продолжилась до кончины ученого. Сначала он избирается доцентом по кафедре гражданского права и процесса Дальневосточного государственного университета (ДГУ) во Владивостоке, в 1962–1965 гг. одновременно является заместителем декана историко-правового факультета ДГУ, а с 1967 по 1971 гг. заведует кафедрой теории государства и права историко-правового факультета ДГУ. Отметим, что он читал основной курс теории государства

П. Ф. Елисейкин

³ См.: Елисейкин П. Ф. Судебное установление юридических фактов. Л., 1960; Он же. Судебное установление фактов иждивения. М., 1961.

и права и интерес к этой науке и учебной дисциплине сохранил и в дальнейшем. В мае 1971 г. он избирается доцентом и одновременно заместителем декана факультета истории и права Ярославского государственного университета. С Ярославлем связан наиболее плодотворный период его научного творчества. Так, если на момент прихода в Ярославский госуниверситет у него было около 60 публикаций, то к 1975 г. уже около 90, причем из них 6 монографий и 2 учебных пособия. В 1974 г. Петр Федорович читает курсы гражданского процесса, римского гражданского права, организацию суда и прокуратуры в СССР, спецкурс «Предмет и принципы советского процессуального права». В этот период он защищает докторскую диссертацию (о ней ниже), в 1977 г. получает звание профессора. С сентября 1975 г. он возглавляет вновь выделившуюся кафедру гражданского права и процесса и остается в должности заведующего до своей смерти 20 февраля 1980 г.⁴

Главное, что отличало П. Ф. Елисейкина, – это стремление исследовать наиболее фундаментальные проблемы гражданского процесса на базе общей теории права. Круг научных интересов его был очень широк. Им углубленно разрабатывались проблемы предмета и метода гражданского процессуального права, принципов данной отрасли права, норм гражданского процессуального права, гражданских процессуальных правоотношений, иска, неисковых производств гражданского процесса. И все же главным направлением научной деятельности П. Ф. Елисейкина было исследование механизма защиты субъективных гражданских прав, изучение взаимодействия охранительных механизмов материального и гражданского процессуального права. Сформулированные им идеи о предмете судебной деятельности, о соотношении охранительных материальных и гражданских процессуальных правоотношений, о природе конституционного права граждан на судебную защиту и многие другие внесли весомый вклад в развитие науки гражданского процессуального права.

Наиболее полно научные идеи П. Ф. Елисейкина были изложены в докторской диссертации «Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, места и значение)», успешно защищенной им на заседании Ученого Со-

⁴ ГАЯО. Ф. Р-1010. Оп. 2. Д. 31 (личное дело П. Ф. Елисейкина).

вета юридического факультета Ленинградского государственного университета 12 декабря 1974 г.⁵

П. Ф. Елисейкин считал, что проблема предмета судебной деятельности в гражданском процессе сводится к определению взаимосвязи гражданских процессуальных и соответствующих им материально-правовых отношений, к вопросу о том, на какие общественные отношения и каким образом воздействуют нормы гражданского судопроизводства, к определению места этих норм и регулируемых ими отношений в механизме правового регулирования⁶.

Понятие предмета судебной деятельности П. Ф. Елисейкин выводил из анализа более общей проблемы – объекта правоотношения. Проанализировав достоинства и недостатки существовавших тогда теорий «объекта – действия» и «объекта – вещи», он пришел к выводу, что эти теории не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Считая права и обязанности юридическим содержанием правоотношений, П. Ф. Елисейкин присоединился к мнению ученых, отстаивавших концепцию двух объектов правоотношения – внутреннего и внешнего. Он полагал, что поведение субъектов составляет внутренний объект правоотношения, а материальные или духовные блага – его внешний объект или предмет. В той мере, в какой нет безобъектных правоотношений, в такой не может быть отношений беспредметных, существующих вне связи с материальными и духовными благами. Несмотря на неразрывную связь между ними, объект и предмет правоотношения все же различные явления: если предмет отвечает на вопрос, на что (на какое благо) может быть направлено поведение людей, то объект отвечает на другой вопрос – **как** (с помощью каких средств: поведения, действий и т. п.) может быть реализовано такое благо⁷.

П. Ф. Елисейкин полагал, что ответ на вопрос, чье поведение является объектом гражданских процессуальных правоотношений, зависит от понятия таких правоотношений. Сложившиеся в науке того времени на этот счет мнения – о едином сложном отношении (М. А. Гурвич, В. Н. Щеглов,

⁵ См.: Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1974.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 7.

М. С. Шакарян), множестве отношений (Н. А. Чечина, И. А. Жеруолис), по его мнению, принципиально не отличались друг от друга. «В процессе рассмотрения каждого дела складывается несколько элементарных отношений, которые объединяются в отдельные системы, а эти системы, в свою очередь, составляют единое сложное гражданское процессуальное правоотношение. Причем, если объектом элементарного отношения может быть поведение как суда, так и любого иного участника процесса, объектом сложного отношения является поведение только суда. Происходит так потому, что содержание сложного отношения составляют право заинтересованных лиц на обращение в суд за защитой и обязанность суда – оказать такую защиту»⁸.

В отличие от М. А. Гурвича, П. Ф. Елисейкин считал, что деятельность остальных участников процесса нельзя рассматривать как совместное с судом осуществление правосудия. Осуществление правосудия – исключительная судебная обязанность. Деятельность суда по осуществлению правосудия П. Ф. Елисейкин рассматривал в качестве внутреннего объекта сложного гражданского процессуального правоотношения. Внешним объектом или предметом такого правоотношения П. Ф. Елисейкин считал то, на что направлено поведение суда при осуществлении правосудия по гражданским делам. Таким образом, по его мнению, предмет судебной деятельности и предмет сложного гражданского процессуального правоотношения – одно и то же явление.

В качестве предмета судебной деятельности назывались факты, исследуемые судом (М. С. Строгович), объективная истина (А. А. Мельников), вопрос об ответственности (Н. Н. Полянский, Я. О. Мотовиловкер), спорные материально-правовые отношения (Н. А. Чечина, М. А. Гурвич). Критикуя эти определения, П. Ф. Елисейкин отмечал, что факты, истину, исследуемые судом, можно рассматривать в качестве такого предмета, если деятельность суда сводить к установлению обстоятельств дела. Поскольку же процесс этим не ограничивается, а предполагает решение дела по существу, постольку истина не может рассматриваться в качестве его предмета. Определе-

⁸ Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение). С. 8.

ние как предмета судебной деятельности вопроса об ответственности носит слишком общий характер. Неясно, что скрывается за таким вопросом: юридические факты, нормы права или правоотношения.

Не могут выступать предметом судебной деятельности, по мнению П. Ф. Елисейкина, и защищаемые судом спорные материально-правовые отношения. Приняв такое определение, нужно допустить либо беспредметность процесса (на случай, если устанавливается отсутствие такого отношения), либо признать за судьей право в стадии возбуждения дела проверять, есть ли в действительности такое отношение. «Ни то, ни другое принять нельзя. Не соответствует такая точка зрения и действительному положению вещей: отказывая в удовлетворении иска в связи с тем, что спорное отношение не существовало, суд действует не беспредметно, поскольку были утверждения истца и возражения ответчика, и, следовательно, перед судом проходило как предмет его деятельности известное отношение сторон процесса. Критикуемое определение исходит из тождества предмета деятельности и предмета судебной защиты, тогда как в действительности такого совпадения не может быть: предметом судебной деятельности является требование истца и возражение ответчика, объектом же защиты – существующие в действительности нарушенные или оспоримые права либо охраняемые законом интересы»⁹.

П. Ф. Елисейкин считал неприемлемой как теорию М. А. Гурвича, отождествляющую право на иск с самим нарушенным субъективным правом в «боевом состоянии», годном к немедленному принудительному осуществлению, так и теорию А. А. Добровольского, объединяющую в одном понятии «право на иск» право на предъявление иска и право на удовлетворение иска. Он исходит из самостоятельности права на защиту, возникающего на стороне потерпевшего в момент совершения правонарушения и реализующегося в рамках материальных охранительных правоотношений с правонарушителем. Самостоятельность права на защиту П. Ф. Елисейкин усматривал в обеспеченной законом его обладателю возможности требовать отчет в своем поведении от другого субъекта правоотношения (предполагаемого правонарушителя). Охранительное правоотноше-

⁹ Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение). С. 10–11.

ние существует независимо от обращения в суд. Когда же заинтересованное лицо реализует свое процессуальное право на обращение в суд, охранительное правоотношение становится предметом судебной деятельности, приобретая форму гражданского дела¹⁰.

Главным вкладом П. Ф. Елисейкина в исследование механизма судебной защиты субъективных прав следует считать три взаимосвязанных вывода. 1. Право на защиту является самостоятельным субъективным правом, не тождественным ни нарушенному материальному праву, ни процессуальному праву на обращение в суд. 2. Предмет судебной защиты (нарушенное регулятивное правоотношение) не тождествен предмету судебной деятельности (охранительному правоотношению). 3. В отличие от других сторонников охранительных правоотношений (В. Н. Щеглова, С. В. Курылева, О. В. Иванова) П. Ф. Елисейкин считал, что они складываются между сторонами процесса без участия суда. Суд является субъектом только гражданских процессуальных правоотношений, носителем процессуальной обязанности отправления правосудия, реализуя которую, он разрешает правовой спор, защищает нарушенные права и интересы.

Большое внимание П. Ф. Елисейкин уделял исследованию спора о праве гражданском как предмета судебной деятельности. Он считал, что советскому законодательству известны два понятия спора о праве: «1) материально-правовое – как известное состояние основанного на равенстве своих субъектов регулятивного правоотношения, возникающее в результате нарушения, существующее до и вне процесса; 2) процессуальное – представляющее собой охранительное правоотношение, которое возникает в связи с утверждением заинтересованного лица перед судом (а) о том, что у него есть интерес (б), охраняемый законом (в), но нарушенный или оспариваемый (г) данным ответчиком (д) и поэтому нуждающейся в защите (е)»¹¹.

¹⁰ См.: Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 11–13; Он же. Понятие и содержание гражданского дела // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976. Вып. 1. С. 79–87.

¹¹ Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 13.

П. Ф. Елисейкин четко не разграничивал понятия охранительного правоотношения и спора о праве в процессуальном смысле, иногда отождествлял их.

«Основание рассматриваемого охранительного отношения (споре о праве в процессуальном смысле), – писал он, – составляет предъявление заинтересованным лицом материально-правового требования (иска в материальном смысле) к ответчику и его обращение к суду»¹². «Основное право заинтересованного лица требовать от ответчика отчета за свое поведение, составляя **содержание** данного отношения, предполагает право (и обязанность) истца сформулировать свои требования, обосновать их ссылкой на определенные факты, доказать их. Ответчик, в свою очередь, вправе знать существо предъявленных к нему требований, возражать против них, обосновывать и доказывать свои возражения»¹³.

Из этих высказываний создается впечатление, что охранительное правоотношение (спор о праве между истцом и ответчиком) возникает не в момент нарушения субъективного права и не в момент появления разногласий между сторонами гражданского оборота, а в момент предъявления иска, обращения к суду. Такой вывод был бы, однако, преждевременным, что следует из анализа других работ П. Ф. Елисейкина, посвященным охранительным нормам и правоотношениям.

П. Ф. Елисейкин, как и другие сторонники охранительных норм и правоотношений, считал, что в изучении охранительной основы механизма правового регулирования необходимо выявлять специфику правовых норм в зависимости от выполняемых ими функций. Регулятивные нормы регулируют нормальное, позитивное поведение, охранительные – поведение субъектов в конфликтной ситуации. Регулятивные и охранительные нормы характеризуются своими особыми предметами, «своими» специфическими общественными отношениями. Охранительные отношения противостоят нормальным, обычным отношениям субъектов права. Регулятивные и охранительные отношения

См. также: Елисейкин П. Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978. С. 110–120.

¹² Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 13.

¹³ Там же. С. 14.

требуют разных методов правового регулирования, специфических средств воздействия¹⁴. «Если же отличительные особенности предметов и методов регулирования обуславливают выделение отдельных институтов и отраслей права, то не меньше оснований для выделения регулятивных и охранительных норм как отдельных видов советских правовых норм»¹⁵.

По мнению П. Ф. Елисейкина, охранительные нормы четко выделяются своим местом в механизме правового регулирования. «Об охранительной норме можно и нужно говорить в ее связи с той нормой, которую она призвана охранять, то есть в связи с соответствующей регулятивной нормой. Вне этой связи охранительная норма утрачивает свой правоохранительный характер – она остается всего лишь нормой, регуливающей поведение людей, то есть регулятивной нормой. С другой стороны, регулятивная норма вне связи с охранительной утрачивает свой юридический характер вообще, характер правила поведения, обеспечиваемого принудительной силой государства»¹⁶. Следует подчеркнуть, что деление норм права на регулятивные и охранительные производится безотносительно их принадлежности к различным отраслям права, а также безотносительно деления норм права на материальные и процессуальные. Охранительные нормы есть в любых отраслях права, рассчитанных на позитивное регулирование (гражданском, семейном, трудовом, административном и т. д.). Кроме того, нормы одной отрасли права могут защищаться с помощью норм другой отраслевой принадлежности. Уголовное и процессуальные отрасли права рассчитаны на конфликтную ситуацию. Поэтому они выполняют охранительную функцию по отношению к остальным отраслям права. Именно в этом смысле П. Ф. Елисейкин полагал, что к числу охранительных норм нужно отнести все процессуальные нормы¹⁷. Однако и внутри соответствующей совокупности охранительных норм происходит их дифференциация на регулятивные и охранительные. Так, регулятивные процессуальные нормы регулируют нормальное течение процесса. Охранительные процессу-

¹⁴ Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы (понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1977. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ См.: Там же. С. 32.

альные нормы – поведение субъектов процесса в случае нарушения этого нормального порядка¹⁸.

При исследовании правовых явлений П. Ф. Елисейкин считал недостаточным использование только законов формальной логики. Он стремился использовать также логику диалектическую, то есть изучать все стороны, связи и опосредствования явления, а также брать предмет в его развитии, «самодвижении», изменении. Данный подход был применен им в исследовании структуры правовой нормы и привел к выводу о том, что различные теории структуры правовой нормы (одночленной, двучленной и трехчленной структуры) не противоречат, а, напротив, дополняют друг друга. Трехчленная структура правовой нормы, с точки зрения П. Ф. Елисейкина, отражает статику нормы. Если же рассматривать ее в динамике, в процессе реализации, то следует разграничивать нормы на регулятивные и охранительные в зависимости от выполняемых ими функций. Каждая из них строится по двучленной формуле, но единство регулятивной и охранительной нормы дает нам в итоге традиционную трехчленную формулу. Кроме того, гипотеза, диспозиция и санкция, рассматриваемые в качестве самостоятельных явлений, представляют собой самостоятельное правило поведения. В этом смысле П. Ф. Елисейкин поддерживал и развивал идею О. Э. Лейста о тождественности понятий «норма права» и «диспозиция правовой нормы»¹⁹. При всей спорности такого подхода нельзя не признать его оригинальность. П. Ф. Елисейкину удалось показать сложность проблем понятия и структуры правовой нормы. Данные проблемы до сих пор не решены правовой наукой.

Важнейшим компонентом механизма защиты субъективных прав выступают охранительные правоотношения, опосредствующие поведение субъектов в конфликтной ситуации. П. Ф. Елисейкин критиковал позицию авторов (М. А. Гурвича, С. Н. Братуся, В. А. Тархова и др.), полагавших, что защита

¹⁸ См.: Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы... С. 32; Он же. Структура гражданских процессуальных норм // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1977. С. 59.

¹⁹ См.: Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы... С. 34–35; Елисейкин П. Ф. О структуре юридической нормы // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978. С. 17–47.

субъективных прав происходит в рамках правоотношений, имевших место до правонарушения, путем их принудительного осуществления. Он справедливо указывал на то, что такая концепция обедняет представления о механизме правового регулирования, создает иллюзию того, что принудительное осуществление права является единственным способом его защиты. Между тем это не так. Многие субъективные права в случае их нарушения вообще не могут быть принудительно осуществлены. Некоторые субъективные права прекращают свое существование в результате правонарушения (право собственности в случае уничтожения имущества). Кроме того, защите подлежат не только субъективные права, но и охраняемые законом интересы, то есть не опосредованные регулятивным субъективным правом социальные потребности. В результате нарушения абсолютного субъективного права собственности возникают относительные правоотношения по его защите. Правонарушение может вызвать к жизни правоотношение иной отраслевой принадлежности, чем нарушенные (например, наряду с возмещением имущественного вреда к правонарушителю могут применяться меры административной и уголовной ответственности). Все это говорит о том, что в результате правонарушения, оспаривания и других помех в осуществлении права возникает новое и относительно самостоятельное субъективное право (право на защиту), которому корреспондирует новая, до правонарушения не существовавшая обязанность правонарушителя, входящая в содержание охранительного правоотношения²⁰.

Данная концепция П. Ф. Елисейкина противостоит мнению процессуалистов, полагающих, что охранительные правоотношения складываются с обязательным участием суда (С. В. Курылев, В. Н. Щеглов, О. В. Иванов и др.). Она основывается на следующих положениях. 1. Меры защиты и меры ответственности предусмотрены санкциями материальных норм права. 2. В отраслях права, строящихся на принципах юридического равенства субъектов, защита может осуществляться без юрисдикционного органа (применение мер оперативного воздействия к неисправному контрагенту, добровольная реализация ответственности правона-

²⁰ См.: Елисейкин П. Ф. Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1976. С. 84–90.

рушителем, доюрисдикционное урегулирование разногласий сторонами). Отсюда П. Ф. Елисейкин сделал справедливый вывод о том, что суд является субъектом не охранительных материальных, а процессуальных правоотношений. Попадая на рассмотрение суда, охранительное правоотношение по своим предпосылкам, содержанию, субъектам и объекту остается неизменным и не сливается с гражданским процессуальным правоотношением. Оно лишь приобретает форму гражданского дела, становится предметом судебной деятельности²¹.

О. А. Красавчиков и В. М. Горшенев (профессор юридического факультета Ярославского госуниверситета, о нем говорилось выше) обратили внимание на то, что в предмете правового регулирования любой отрасли права можно выделить два пласта общественных отношений: «организуемые» общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления насущных потребностей людей во всех сферах жизни, и организационные отношения, направленные на упорядочение (нормализацию) процессов в организуемых отношениях²². Взяв за основу их взгляды, П. Ф. Елисейкин развил теорию организационных норм и правоотношений, разграничив понятия организационной и процессуальной нормы и классифицировав организационные нормы на организационно-регулятивные и организационно-охранительные в зависимости от «обслуживаемых» ими «организуемых» норм²³. Будучи противником весьма распространенной теории «широкого» юридического процесса (В. М. Горшенев), П. Ф. Елисейкин считал неправильным отождествление процессуальных и организационных норм, процесса и юридической процедуры. Понятие процесса он связывал исключительно с правоохранительной деятельностью юрисдикционных органов. Вместе с тем защита субъективных

²¹ См.: Елисейкин П. Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. С. 5–10.

²² См.: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 56; Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 30.

²³ См.: Елисейкин П. Ф. Понятие, виды и структура советских гражданских процессуальных норм // Юридические гарантии применения права и режим законности. Ярославль, 1976. С. 108–109.

прав может осуществляться не только юрисдикционными органами, но и с помощью локальных организационных норм и правоотношений самими участниками охранительного правоотношения (самозащита, добровольное возмещение вреда, совместное урегулирование разногласий). П. Ф. Елисейкин подчеркивал, что «доюрисдикционное урегулирование разногласий и характеризующие его признаки суть проявления наиболее существенных элементов метода гражданско-правового регулирования: юридического равенства субъектов, их инициативы в формировании и развитии своих отношений, начал диспозитивности и автономии в осуществлении принадлежащих им прав, имущественной ответственности», что для отраслей, строящихся на принципах юридического равенства, локальные формы защиты «нельзя расценивать как нечто случайное, не характерное для данных отраслей права. Наоборот, для последних они **типичны**, в известных пределах – нормальны»²⁴. Очень актуальное для наших дней высказывание. Сейчас, когда проблема расширения возможностей обращения в суд во многом решена, опять заговорили о необходимости совершенствования судебных форм защиты гражданских прав, установления некоего баланса между ними и правосудием. Рассмотрение проблем гражданского процессуального права во взаимосвязи с «обслуживаемыми» им отраслями материального права – главная установка в научно-исследовательской деятельности П. Ф. Елисейкина. Именно исходя из такой взаимосвязи и взаимозависимости материальных и процессуальных отраслей, П. Ф. Елисейкин стремился решать специальные, «собственные» проблемы гражданского процессуального права.

Считая гражданское процессуальное право самостоятельной отраслью права, обладающей своими собственными предметом и методом правового регулирования, П. Ф. Елисейкин не поддерживал теорию судебного права (Н. Н. Полянский, М. С. Строгович и др.), сторонники которой объединяли в рамках единой отрасли нормы судопроизводства, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права. По его мнению, «правильнее в судебном праве видеть не новую от-

²⁴ Елисейкин П. Ф. Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1975. С. 59 – 60.

расль, а определенную группу самостоятельных отраслей, звено укрупненной классификации отраслей. Если же судебное право понимать именно так, то это позволит рассматривать нормы процессуального права в системе и взаимосвязи. Речь, таким образом, будет идти о комплексном изучении проблем судостроительства, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права, что, безусловно, должно принести положительные результаты. Однако такой подход ни в коей мере не должен означать игнорирования или недооценки связей процессуальных и материальных отраслей»²⁵.

П. Ф. Елисейкин поддержал теорию «широкого» гражданского процессуального права (Н. Б. Зейдер, В. Н. Щеглов, Р. Ф. Каллистратова и др.), полагая, что эта отрасль охватывает своим воздействием не только правосудие, но и несудебные формы защиты. По его мнению, предмет деятельности арбитража и третейского суда во многом совпадает с предметом гражданского судопроизводства. А этим объясняется тот факт, что в методах правового регулирования арбитражного и третейского процессов достаточно широко используются элементы диспозитивности, состязательности, равноправия спорящих сторон, правомочия на одностороннее волеизъявление, иск и др. Отдельные отличия от их одноименных элементов гражданского судопроизводства, конечно, есть, но они не играют существенной роли и вполне укладываются в рамки гражданско-процессуального метода регулирования. Поэтому общественные отношения, складывающиеся в области судебного, арбитражного и третейского разбирательства споров, регулируются, по мнению П. Ф. Елисейкина, гражданским процессуальным правом, которое складывается из трех частей: 1) нормы гражданского судопроизводства; 2) нормы арбитражного процесса и 3) нормы третейского разбирательства споров²⁶.

Данная проблема весьма актуальна в связи с созданием в 1992 г. арбитражных судов, заменивших органы государственного арбитража, и образовавшимся де-факто дуализмом судебной системы для рассмотрения гражданских дел вопреки законодательно провозглашенному принципу единства судебной системы.

²⁵ Елисейкин П. Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974. С. 55.

²⁶ См.: Там же. С. 55 – 56.

Большое внимание П. Ф. Елисейкин уделял проблемам принципов гражданского процессуального права. Такими принципами он считал руководящие идеи, взгляды народа на то, каким должно быть судебное разбирательство гражданских дел, чтобы отвечать представлениям трудящихся о справедливости, истине и законности. Представления народа о правосудии «определяют специфику предмета и метода регулирования процессуальных отраслей, а любой отраслевой принцип есть концентрированное выражение предмета и метода регулирования той отрасли, которую он представляет. Соответственно принципы гражданского процессуального права выражают в обобщенном виде его предмет и метод. Они характеризуют наиболее главные качественные особенности своей отрасли»²⁷.

П. Ф. Елисейкин возражал против включения в систему принципов гражданского процессуального права судеустройственных принципов (осуществление правосудия только судом, выборности суда, независимости суда и т. п.), считая их принципами государственного права, поскольку они характеризуют положение суда в системе органов государственной власти. В этой же связи им отрицалось наличие межотраслевых принципов. «Любой отраслевой принцип есть выражение предмета и метода правового регулирования. Поскольку же не может быть такого положения, при котором одни и те же общественные отношения составляли бы предмет регулирования двух и более отраслей, постольку не может быть и так называемых межотраслевых принципов, присущих двум и более отраслям права: уголовно-процессуального и гражданского процессуального права и др.»²⁸.

Исходя из своего понимания гражданского дела как предмета судебной деятельности, П. Ф. Елисейкин определял подведомственность как обусловленное природой материально-правовых отношений, из которых возникло данное дело, его свойство, способность быть рассмотренным уполномоченным на то органом в установленном законом порядке²⁹. Уточняя это

²⁷ Елисейкин П. Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. С. 57.

²⁸ Там же. С. 63.

²⁹ См.: Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Ученые записки «Вопросы государства и права». Владивосток, 1969. Т. 31, ч. 1. С. 75; Он

определение, Ю. К. Осипов писал: «Подведомственность, действительно, может рассматриваться как свойство юридических дел, присваиваемое им законодателем. Но свойство есть внешнее выражение присущего предмету (явлению) качества, которое неразрывно связано с последним и не существует в отрыве от него... Поэтому под подведомственностью и понимают не свойство юридических дел находиться в ведении определенных органов, а круг самих юридических дел, обладающих этим свойством»³⁰. Впоследствии Ю. К. Осипов пересмотрел свою точку зрения и признал, что «в терминологическом отношении понимание подведомственности как свойства дел более правильно и точно. Быть подведомственным – значит относиться к чьему-то ведению. Относимость же того или иного объекта (в данном случае – спора о праве или иного дела) к чьему-либо ведению есть свойство этого объекта, а не сам объект как таковой»³¹. Очень редкая в наше время и похвальная черта ученого – признавать правоту своего оппонента!

Свойствами предмета судебной деятельности П. Ф. Елисейкин объяснял процессуальные особенности судебного рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Особый интерес представляет его суждение о видах гражданского судопроизводства. Полагая, что отношения власти и подчинения (государственные, административные, финансовые) не могут порождать правовых споров, П. Ф. Елисейкин проанализировал процессуальные особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений. Вопреки мнению подавляющего большинства цивилистов-процессуалистов (И. А. Жеруолиса, Д. М. Чечота, Р. Е. Гукасяна и др.), он пришел к выводу об административно-процессуальном характере изъятий из общих правил рассмотрения гражданских дел в данном виде гражданского судопроизводства, о наличии в нашем законодательстве о судоустройстве и судопроизводстве элементов будущего административного процесса.

же. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 15.

³⁰ Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973, С. 29.

³¹ Осипов Ю. К. Подведомственность и подсудность гражданских дел // Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. 2. С. 6.

В настоящее время, когда активно обсуждается проблема создания системы административных судов и административного судопроизводства, нелишне вспомнить строки, написанные тридцать пять лет назад: «Конечно, сейчас трудно сказать, по какому пути пойдет развитие советского законодательства о правосудии. Однако отвергать наличие элементов административного процесса в действующем законодательстве нельзя. Не исключено, что они явятся зародышем административного процесса как самостоятельной формы правосудия, особенно если учесть чуть ли не единодушные предложения о расширении судебной компетенции по надзору за административными актами и активизацию разработки проблем административно-процессуального права»³².

При исследовании проблемы особого производства³³ П. Ф. Елисейкин опять же уделял особое внимание предмету судебной деятельности (охраняемому законом интересу как предмету судебной защиты, возможности разрешения в данном производстве споров о факте, не связанном со спором о праве и др.). К сожалению, оказалось недостаточно оцененным и не получило должного научного развития следующее утверждение П. Ф. Елисейкина: «...В производстве по этим делам складывается охранительное отношение особого рода. Обращаясь в суд за защитой охраняемого законом интереса, заявитель просит определить правовое положение – либо свое или другого лица, либо имущества. Но в этом заинтересованы и другие лица, так как удовлетворение просьбы заявителя может повлиять на объем их прав и обязанностей. Таким образом, интересы заявителя и этих лиц оказываются между собой в определенном соотношении, которое и составляет особое охранительное отношение, опосредствующее защиту интереса в данном производстве. Его основная особенность состоит в том, что в его содержании нет традиционной связи субъективного права и юридической обязанности – ее место занимает отмеченная взаимосвязь юридических интересов двух или более лиц»³⁴.

³² Елисейкин П. Ф. Особенности судебного рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Ярославль, 1974. С. 32.

³³ См., например: Елисейкин П. Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. М., 1973.

³⁴ Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 22.

П. Ф. Елисейкина отличали обширные знания в области юриспруденции, огромное трудолюбие и увлеченность любимым делом. Особенно следует отметить его уважительный тон в научной дискуссии. Не только унижения оппонента в какой-либо форме, но даже иронию он считал недопустимым приемом в полемике. Данный краткий очерк, естественно, не может дать полного представления об этом блестящем ученом и его трудах³⁵, который ушел от нас в возрасте пятидесяти лет, в расцвете своего таланта.

П. Ф. Елисейкин возглавил научное направление кафедры «Проблема защиты субъективных гражданских прав и советское гражданское судопроизводство». Кафедра обеспечивала преподавание всего «цивилистического» (в широком смысле) цикла учебных дисциплин: материальных отраслей гражданского, семейного, трудового, колхозного, земельного, экологического права, гражданского процессуального права. Впоследствии к ним присоединились торговое (предпринимательское), финансовое, таможенное право. Набор спецкурсов, с одной стороны, соответствовал научному направлению кафедры, а с другой – был призван обеспечить «цивилистическую составляющую» подготовки юристов-практиков. В разные годы кафедра обеспечивала чтение спецкурсов «Жилищное право», «Юридическая служба в народном хозяйстве», «Нотариат в СССР», «Арбитражный процесс», «Трудовые споры», «Актуальные проблемы цивилистики», «Актуальные проблемы гражданского процесса», «Актуальные проблемы юридической ответственности», «Ценные бумаги», «Вексельное право», «Банковское право», «Конкурсное право» и др.

Специфика учебной деятельности кафедры определяла особенности ее научного направления: исследование материально-правовых и процессуальных проблем защиты субъективных прав в их взаимосвязи. Сам П. Ф. Елисейкин видел «корень» этих проблем в свойствах предмета судебной деятельности в гражданском процессе, о чем уже говорилось выше.

Под редакцией П. Ф. Елисейкина в 1976–1979 гг. было опубликовано четыре выпуска межвузовских тематических

³⁵ См.: Он же. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в современном гражданском процессе. Владивосток, 1969; Он же. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль, 1975 и др.

сборников статей «Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство». Статьи П. Ф. Елисейкина посвящены проблемам иска, общей теории правовых норм, охранительных и процессуальных норм. В сборниках приняли участие известные ученые – специалисты в области общей теории права В. М. Горшенев, В. К. Бабаев, ведущие процессуалисты того времени Н. А. Чечина, Д. М. Чечот, Ю. К. Осипов, А. Ф. Козлов, В. П. Воложанин, М. К. Воробьев. В них появились первые, еще студенческие публикации учеников П. Ф. Елисейкина В. В. Бутнева и Е. А. Крашенинникова.

В научном сборнике 1981 г., вышедшем в свет уже после смерти П. Ф. Елисейкина, опубликована его статья «Процессуальное понимание спора о праве и его критика», в которой подвергнута детальному критическому анализу концепция спора о праве М. А. Гурвича и М. Д. Матиевского. Также правовой спор исследуется с различных позиций в статьях И. М. Зайцева, В. В. Бутнева, Н. Н. Тарусиной. В статье Е. А. Крашенинникова, не утратившей актуальности до сих пор, анализируется понятие конституционного права граждан на защиту.

После смерти П. Ф. Елисейкина исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен кандидат юридических наук, доцент *Валентин Андреевич Носов*, а с июля 1982 по август 1986 гг. исполняющим обязанности заведующего был *Владимир Данилович Мордачев* (о нем подробнее в главе о кафедре трудового и финансового права). В дальнейшем кафедрой до 1992 г. опять возглавлял В. А. Носов, а с 1992 г. заведующим был избран В. В. Бутнев (о нем ниже).

В 1983 – 1993 гг. кафедра продолжала издавать тематические научные сборники, в которых отражались результаты научной работы преподавателей кафедры: «Материально-правовые и процессуальные проблемы защиты субъективных прав» (1983 г.), «Предмет процессуальной деятельности в суде и арбитраже» (1985 г.), «Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права» (1987 г.), «Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав» (1988 г.), «Механизм защиты субъективных гражданских прав» (1990 г.), «Регламентация защиты субъективных прав в Основах гражданского законодательства» (1992 г.), «Проблемы совершенствования гражданского законодательства России» (1993 г.).

Кроме преподавателей и аспирантов кафедры гражданского права и процесса ЯрГУ в сборниках приняли участие известные ученые-цивилисты и процессуалисты М. А. Вилкут, В. Ф. Попондопуло, М. Д. Матиевский, Н. А. Чечина, С. А. Иванова, А. А. Собчак, П. А. Варул, А. П. Вершинин, В. В. Ярков, Н. В. Ченцов, Н. Д. Егоров, Л. А. Ванеева, Ж. Н. Машутина, А. Н. Кожухарь, Л. В. Туманова, Р. Е. Гукасян, И. М. Зайцев, А. Т. Боннер, И. М. Резниченко, Г. Л. Осокина, В. А. Рясенцев, В. А. Тархов и др.

Особенно следует отметить сборник научных трудов «Механизм защиты субъективных гражданских прав» (1990 г.), посвященный 60-летию со дня рождения П. Ф. Елисейкина и вышедший в свет через десять лет после его смерти. В сборнике были представлены ведущие ученые-процессуалисты страны, лично знавшие П. Ф. Елисейкина, его соратники, ученики, ученики учеников П. Ф. Елисейкина, а также молодые ученые, развивающие его научные идеи.

В 1980–1990 гг. преподаватели кафедры несли основную нагрузку по организации на факультете конференций молодых ученых с изданием тезисов докладов, а также научно-практических конференций по актуальным проблемам теории и практики. Ведущие доценты кафедры регулярно участвуют в «Юридических записках» ЯрГУ.

Охранительной тематике посвящены кандидатские диссертации первых учеников П. Ф. Елисейкина. Диссертация **Виктора Вадимовича Бутнева** (преподает на кафедре сразу после окончания ЯрГУ в 1976 г., дважды исполнял обязанности декана факультета, заведующий кафедрой с 1992 г.) «Гражданский процесс как одна из форм реализации юридической ответственности в эпоху развитого социализма» (научные руководители – умерший к тому времени П. Ф. Елисейкин, под руководством которого была выполнена основная часть работы, и профессор Н. А. Чечина) была защищена в Ленинградском госуниверситете в 1982 г. В ней гражданский процесс рассматривался под

специфическим углом зрения: не только как форма защиты субъективных гражданских прав, но и как форма реализации материально-правовой ответственности. Диссертантом исследовалась юридическая ответственность как компонент содержания охранительного правоотношения ответственности, место правоотношения ответственности в предмете судебной деятельности, влияние его свойств на процессуальный порядок рассмотрения дел об ответственности в исковом и неисковом производствах гражданского процесса. В. В. Бутнев стремился разграничить понятие охранительного правоотношения и правового спора. На этой основе была выдвинута концепция правового спора как организационно-охранительного правоотношения между спорящими сторонами. В диссертации исследовалось место гражданского судопроизводства в системе форм реализации юридической ответственности (впоследствии это позволило автору предложить научное определение формы защиты субъективных прав), роль гражданской процессуальной ответственности в обеспечении эффективности материально-правовой ответственности.

Основным направлением научной деятельности доцента В. В. Бутнева является исследование механизма судебной защиты субъективных гражданских прав и элементов такого механизма. Он исходит из обоснованного им понятия механизма защиты субъективных прав как взятой в единстве системы правовых средств, при помощи которой обеспечивается восстановление нарушенных субъективных прав, защита охраняемых законом интересов, разрешение правовых споров и устранение иных препятствий в реализации субъективных прав. Основными элементами, составляющим структуру субъективных прав, являются охранительные нормы материальных отраслей права, охранительные материальные правоотношения и организационные правовые формы защиты как комплексы внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав, протекающих в рамках единого правового режима³⁶.

³⁶ См.: Бутнев В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизмы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С. 15–17; Он же. Механизм судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000. Вып. 4. С. 74–90.

В. В. Бутнев разрабатывает проблему механизма реализации юридической ответственности (в том числе гражданской процессуальной) как составной части механизма защиты³⁷. Получила разработку выдвинутая им концепция спора о праве как организационно-охранительного правоотношения³⁸.

Кроме этих основных направлений, В. В. Бутневым опубликованы статьи по проблемам гражданских процессуальных правоотношений, судебного решения, принципам гражданского процессуального права, проанализированы новеллы ГПК РФ и АПК РФ, проект Кодекса об административном судопроизводстве и др.

В защищенной **Евгением Алексеевичем Крашенинниковым** в 1983 г. в Ленинградском госуниверситете кандидатской диссертации «Природа норм гражданского процессуального права» (научный руководитель Н. А. Чечина) доказывалось, что все существенные характеристики гражданско-процессуальных норм определяются спецификой предмета их регулирующего

³⁷ См.: Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999; Он же. Метод гражданского процессуального права и гражданская процессуальная ответственность // Юридические записки ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 1997. Вып. 1. С. 55–73; Он же. Механизм реализации гражданской процессуальной ответственности // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2001. С. 74–81; Он же. Краткая характеристика механизма реализации юридической ответственности (общетеоретический аспект) // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2004. Вып. 8. С. 15–21; Он же. Правоотношение юридической ответственности // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2007. Вып. 11. С. 28–41; Он же. Понятие правонарушения: общетеоретические и отраслевые проблемы // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2008. Вып. 12. С. 40–53; Он же. Гражданское процессуальное правонарушение и его состав // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2008. Вып. 9. С. 3–15.

³⁸ См.: Бутнев В. В. Спор о праве и гражданское судопроизводство // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2001. Вып. 5. С. 79–90; Он же. Правовой спор и новое процессуальное законодательство // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2003. Вып. 4. С. 50–55; Он же. Правовой спор и принцип состязательности гражданского процессуального права // Тенденции развития гражданского процессуального права России. СПб., 2008. С. 248–254.

воздействия и что выявление природы этих норм невозможно без обращения к теории регулятивных и охранительных правовых предписаний. Указанные методологические установки позволили автору обосновать новое решение ряда вопросов, стоящих перед наукой гражданского процессуального права: о понятии и видах процессуальных санкций, об объекте регулирующего воздействия норм-задач и норм-принципов, о критериях разграничения процессуальных и процедурных норм, о категориальном статусе понятия «логическая норма права», о понятии охраняемого законом интереса, о предмете судебной защиты и предмете судебного осуществления, о содержании конституционного права граждан на судебную защиту и корреспондирующей этому праву обязанности государства, о моменте возникновения процессуального права на обращение в суд за судебной защитой и некоторых других.

После защиты кандидатской диссертации Е. А. Крашенинников обратился к исследованию материально-правовых проблем защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов. Он разработал теорию охранительных субъективных гражданских прав, ввел в научный оборот понятия «установительное притязание» и «преобразовательное притязание», исследовал проблемы гражданского правонарушения, порочных сделок, гражданско-правовой ответственности, исковой давности, защиты права собственности, деликтных обязательств и обязательств, возникающих вследствие неосновательного обогащения. Основные результаты исследования указанной выше проблематики опубликованы в следующих работах Е. А. Крашенинникова: «Регламентация защиты гражданских прав в проекте Гражданского кодекса РФ». Ярославль, 1993; «К теории права на иск». Ярославль, 1995; «Понятие и предмет исковой давности». Ярославль, 1997; «Обязательства из неосновательного обогащения» Гл. 54 // Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М., 2009.

С начала 1990-х гг. особое место среди научных интересов Е. А. Крашенинникова занимают вексельное право и право ценных бумаг. Последние десять лет он посвятил разработке учения о сделках, учения о праве собственности и общего учения об обязательствах.

В диссертации **Надежды Николаевны Тарусиной** (о ее биографии уже упоминалось в первой части данной книги)

«Спор о праве семейном в советском гражданском процессе» (научный руководитель Н. А. Чечина), защищенной в Ленинградском Госуниверситете в 1983 г., спор рассматривался как конфликт между спорящими сторонами, проявляющийся в комплексе материальных правоотношений регулятивного, охранительного и организационно-охранительного характера.

Несмотря на то что доцент Н. Н. Тарусина много лет руководит юридическим факультетом в должности декана, она ведет большую научную работу. Объем научных публикаций Н. Н. Тарусиной – самый большой на кафедре. Спектр ее научных интересов разнообразен. Будучи специалистом по семейному праву и гражданскому процессу, она исследует не только специальные проблемы этих отраслей, но и взаимодействие гражданского, семейного и гражданского процессуального права. За годы работы в университете Н. Н. Тарусина принимала участие в качестве автора или соавтора в написании пяти монографий и одиннадцати учебных пособий, не считая многочисленных статей в научных сборниках.

С 1978 по 1985 гг. доцент Н. Н. Тарусина занималась проблематикой, связанной с особенностями спора о праве семейном как разновидности спора о праве гражданском с процессуальными особенностями рассмотрения семейных дел в суде (основные результаты: диссертация и учебное пособие «Защита семейных прав»). До конца 1990-х гг. она сосредоточила внимание на таких проблемах семейного права, как «предмет семейно-правового регулирования», «брак» (понятие, условия действительности, расторжение брака), «фактический брак», «внебрачное родительство», «фиктивность в семейно-правовой сфере» (основные результаты: 2 монографии «Очерки теории семейного права» и «Вопросы теории семейного права и гражданского процесса» и учебное пособие «Семейное право»). С 2000 г. по настоящее время Н. Н. Тарусиной проводится исследование ряда актуальных проблем семейного права и гражданского процесса: суверенность семейного права, договоры в сфере семьи, современное брачное право, гендерные аспекты семейного законодательства, единство и дифференциация гражданского процесса (аспект взаимодействия семейного и гражданско-процессуального права). Основные результаты: монография «Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений» (совместно с

А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой (о них будет сказано в разделе о кафедре трудового и финансового права)), монография «Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов» (М., 2006) (совместно с А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой), учебное пособие с грифом УМО «Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. Цивилистическое исследование» (Ярославль, 2008) (совместно с А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой), учебное пособие с грифом УМО «Брак по российскому семейному праву». Своеобразным итогом реализации основных научных интересов Н. Н. Тарусиной является монография (38,5 п. л.) «Семейное право: Очерки из классики и модерна» (Ярославль, 2009).

В 2000 г. основным научным направлением кафедры стала разработка проблем защиты субъективных гражданских прав, фундамент которого был заложен первым заведующим кафедрой П. Ф. Елисейкиным. Возобновлено издание ежегодных сборников научных трудов «Проблемы защиты субъективных гражданских прав» (отв. редактор доцент В. В. Бутнев), в котором представлены статьи преподавателей и аспирантов кафедры, посвященных исследованию актуальных вопросов защиты в материальных отраслях права (гражданском, семейном, трудовом, финансовом, земельном, экологическом), а также гражданской процессуальной формы защиты субъективных прав и интересов.

Научная работа кафедры не сводится к основному научному направлению. На рубеже веков аспирантами кафедры были защищены кандидатские диссертации, в которых подверглись исследованию актуальные проблемы гражданского и гражданского процессуального права. С. О. Корытов первым в российской науке на диссертационном уровне исследовал юридическую природу права хозяйственного ведения (2000 г.), С. В. Фомичева – правовое положение полных товариществ (2000 г.). Диссертация О. М. Родновой представляет собой комплексное исследование материально-правовых и процессуальных проблем судебной защиты прав и охраняемых законом интересов акционеров (2001 г.). В диссертации А. Р. Хакимулина (2004 г.) анализируются наиболее актуальные проблемы механизма судебной защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов в исковом производстве³⁹.

³⁹ Научный руководитель всех аспирантов – В. В. Бутнев.

Ведущие доценты кафедры ежегодно публикуются в «Юридических записках Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова», издающихся с 1997 г.

Кандидат юридических наук доцент *Евсей Яковлевич Мотовиловкер* занимается научными проблемами, связанными с защитой субъективных гражданских прав. Основы его научных взглядов изложены в монографии «Теория регулятивного и охранительного права» (Воронеж, 1990) и развиваются в последующих научных публикациях. Ряд научных статей посвящен исследованию права на иск⁴⁰. Другие публикации посвящены анализу проблем, тесно связанных с гражданскими правоотношениями и их содержанием, понятиям юридического интереса и его соотношения с субъективным правом, других проблем гражданского права⁴¹.

Кандидат юридических наук, доцент *Ольга Михайловна Роднова* продолжает начатую в своей кандидатской диссертации разработку охранительных проблем акционерного права. В учебном пособии, опубликованном вскоре после защиты дис-

⁴⁰ См.: Мотовиловкер Е. Я. Право на иск в механизме защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты. Ярославль, 2000; Он же. Право на защиту по иску как предмет исковой давности // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2001; Он же. Право на удовлетворение иска // Проблемы защиты субъективных гражданских прав.

⁴¹ См. например: Мотовиловкер Е. Я. Природа права требования и договора... // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2001. Вып. 5; Он же. Логические вопросы гражданского правоотношения // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2004. Вып. 8; Он же. К определению гражданско-правовой ответственности // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2005. Вып. 9; Он же. Природа нарушения запрета (цивилистический аспект) // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2008. Вып. 12; Он же. Интерес как субстанция субъективного гражданского права // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2002. Вып. 3; Он же. Субъективное гражданское право требования // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2003. Вып. 4; Он же. Определение гражданско-правовой обязанности // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2008. Вып. 9 и др.

сертации⁴², анализируются природа прав акционера, механизм и средства защиты прав и интересов акционеров. В последующих публикациях исследуются более частные вопросы акционерного права⁴³. Кандидат юридических наук, доцент *Марина Георгиевна Баумова* в рамках научного направления кафедры исследует проблемы реализации и защиты земельных прав⁴⁴.

С начала 1990-х гг. происходят коренные изменения в экономике нашей страны: появляются акционерные общества, возрождается институт ценных бумаг и т. д. Поэтому в 1994 г. кафедра принимает решение разрабатывать второе научное направление, связанное со становлением российского торгового

⁴² Роднова О. М. Права акционеров: Способы и средства их защиты. Ярославль, 2001.

⁴³ См.: Роднова О. М. Ответственность членов совета директоров акционерного общества // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2004. Вып. 8; Она же. Ответственность специализированного регистратора за нарушение прав и интересов акционеров // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2005. Вып. 9; Она же. Подведомственность споров, возникающих из акционерных правоотношений // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2000. Вып. 1; Она же. О предмете защиты по производным искам // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2001. Вып. 2; Она же. Реформирование российского законодательства и вопросы защиты прав и охраняемых законом интересов акционеров // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2002. Вып. 3; Она же. Последствия ареста акций // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2005. Вып. 6; Она же. Защита интересов акционеров в процессе поглощения акционерной компании // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2006. Вып. 7; Она же. Защита интересов инвесторов путем признания выпуска ценных бумаг недействительным // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2008. Вып. 9.

⁴⁴ См. напр.: Баумова М. Г. К вопросу о гражданско-правовом регулировании земельных отношений // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 1998. Вып. 2; Она же. Вещные права граждан на земельные участки // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2004. Вып. 8; Она же. Наследование земельных участков и защита земельных прав граждан // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2006. Вып. 7; Она же. Защита прав землепользователей и концепция единой судьбы земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 2008. Вып. 9 и др.

права. Руководство этим направлением было поручено Е. А. Крашенинникову. В период с 1994 по 2009 гг. под редакцией Е. А. Крашенинникова издается пятнадцать выпусков сборника научных трудов «Очерки по торговому праву». Издание «Очерков» преследовало две цели:

- 1) исследование институтов торгового и гражданского права;
- 2) подготовка преподавателей к чтению соответствующих спецкурсов.

Е. А. Крашенинников привлек к участию в «Очерках» цивилистов главных вузов России. В них публиковались ученые Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного университета, а также цивилисты Тартуского университета (В. А. Белов, П. А. Варул, А. П. Вершинин, И. В. Елисеев, М. В. Кротов, Д. А. Медведев, А. А. Павлов, В. Ф. Попондопуло, А. П. Сергеев и др.) «Очерки» оказали и продолжают оказывать некоторое влияние на развитие российской цивилистики, на них ссылаются в учебной и научной (монографической и периодической) литературе. Они востребованы всеми, кто профессионально занимается цивилистикой. Приветствуя издание «Очерков», в «которых освещаются новые институты, получившие развитие в условиях рынка», профессор О. Н. Садилов отмечает, что их «положительной чертой ... является широкое использование исторического опыта ... и стремление познать и правильно оценить законодательство России и основных стран Запада, накопивших значительный опыт регламентации рыночных отношений»⁴⁵.

Особое внимание в рамках этого научного направления было уделено разработке теории ценных бумаг, которые служат необходимым инструментом рыночной экономики и применяются в различных областях современной хозяйственной жизни. Своими монографиями «Составление векселя» (Ярославль, 1992), «Ценные бумаги на предъявителя» (Ярославль, 1995) и многочисленными статьями по вексельному праву и ценным бумагам Е. А. Крашенинников заложил фундамент ярославской школы вексельного права и права ценных бумаг, получившей заслуженное признание со стороны российских цивилистов. Представителями этой школы являются ученики

⁴⁵ Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Отв. ред. О. Н. Садилов. М., 2001. С. 59.

Е. А. Крашенинникова – А. В. Власова, А. В. Вошатко, В. В. Грачев, О. П. Потапенко, Е. Ю. Трегубенко, В. Б. Чуваков. Опираясь на соответствующие публикации в «Очерках», Е. А. Крашенинников на протяжении последних десяти лет читает на юридическом факультете ЯрГУ спецкурсы «Ценные бумаги» и «Вексельное право».

Параллельно с изданием «Очерков» осуществлялась подготовка высококлассных специалистов для их последующей работы на кафедре. За период с 1993 по 2008 г. под руководством Е. А. Крашенинникова были подготовлены и успешно защищены пять кандидатских диссертаций. Все защиты проходили в Санкт-Петербургском государственном университете. В диссертации А. В. Власовой «Структура субъективного гражданского права» (1998 г.) исследовалась структура различных субъективных гражданских прав, в том числе прав, удостоверенных ценными бумагами. Диссертации В. В. Грачева «Акцепт векселя» (2001 г.) и Е. Ю. Трегубенко «Ордерные ценные бумаги» (2003 г.) являлись первыми попытками монографического исследования соответственно акцепта векселя и ордерных ценных бумаг в российской цивилистике. В диссертации В. Б. Чувакова «Правовая природа ценных бумаг» (2004 г.) исследовался механизм функционирования ценных бумаг и выявлялись недостатки их правовой регламентации. Диссертация Ю. В. Байгушевой «Банковская гарантия» (2008 г.) посвящалась исследованию банковской гарантии как способа обеспечения исполнения обязательства. Из пяти защитившихся аспирантов Е. А. Крашенинникова трое – Ю. В. Байгушева, В. В. Грачев и В. Б. Чуваков – в настоящее время работают на кафедре.

В 2008–2009 гг. Е. А. Крашенинников и некоторые из его учеников приняли участие в написании трехтомного учебника по гражданскому праву под редакцией профессора А. П. Сергеева. Из разделов учебников, непосредственно связанных с проблематикой торгового права, ими были написаны следующие разделы: Крашенинников Е. А. Гл. 12: Ценные бумаги; гл. 29 § 4: Удержание; гл. 42 § 8: Вексель; Байгушева Ю. В. – Гл. 29 § 6: Банковская гарантия; Грачев В. В. – гл. 43: Страхование; Чуваков В. Б. гл. 45: Комиссия.

Нижний ряд (слева направо): С. В. Фомичева, В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина, Е. А. Крашенников; средний ряд: О. Г. Миролюбова, Е. Я. Мотовиловкер, О. М. Роднова, М. Г. Баумова, М. Ю. Бутнева, О. И. Сочнева, А. В. Ивашковская; верхний ряд: О. А. Акинфеева, А. В. Вошатко, В. В. Грачев, В. Б. Чуваков, А. Ю. Поваренков

Глава 15. Кафедра уголовного права и процесса

С момента «отпочкования» кафедры в качестве самостоятельного структурного элемента (1975 г.) в течение ряда лет её госбюджетной научной темой были проблемы гарантий прав личности в уголовном праве и процессе, а также справедливости судебного решения по уголовным делам (научный руководитель, заведующий кафедрой профессор Я. О. Мотовиловкер).

Яков Овсеевич Мотовиловкер (1910–1991) родился 24 октября 1910 г. в семье служащего в г. Мирополе Житомирской области, входившей тогда в состав Польши. Во время учебы в гимназии и после её окончания в 1929 г. работал репетитором. В 1932–1936 гг. учился на заочном отделении юридического факультета Варшавского университета. До начала Великой Отечественной войны проживал в г. Ровно. По соображениям национальной принадлежности не имел доступа ни в суд, ни в адвокатуру. Работал секретарем Союза ремесленников-евреев (1937–1939 гг.), с 1939 г. после вхождения Западной Украины в состав СССР – инспектором ГорФО. В марте 1940 г. стал членом созданной тогда же Ровенской областной коллегии адвокатов. С начала войны был мобилизован в отдельный строительный батальон в г. Новосибирск, а в 1942 г. демобилизован и направлен на работу по специальности. В 1942–1946 гг. – заведующий юридической консультацией в г. Кемерово. Вся семья (отец, мать, сестра) были замучены гитлеровцами в Ровно в 1943 г. С 1946 по 1963 гг. Яков Овсеевич – член коллегии адвокатов в г. Кемерово.

Я. О. Мотовиловкер

С 1947 по 1951 гг. обучался в заочной аспирантуре Московского юридического института. В 1951 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Обжалование и пересмотр приговоров в

уголовном процессе народно-демократической Польши» в МГУ. Первая монография – «Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе» – была опубликована в 1956 г.

Позже, в 1962–1964 гг., Кемеровским книжным издательством опубликована монография в двух томах «Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства».

1 сентября 1963 г. Яков Овсеевич начал преподавательскую деятельность в качестве доцента на юридическом факультете Барнаульского филиала Томского государственного университета. В июне 1965 г. ему присвоено ученое звание доцента. В 1967 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Вопросы теории и практики советского уголовного процесса» в МГУ. В 1969 г. ему присвоено звание профессора и в том же году он становится заведующим кафедрой уголовного права и процесса Барнаульского филиала вечерне-заочного юридического факультета Томского государственного университета.

1 сентября 1971 г. зачислен на должность профессора кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета.

В 1974 г. заведовал кафедрой уголовного и гражданского права и процесса, а в период с 1975 по 1986 гг. заведовал кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета, затем работал в должности профессора-консультанта той же кафедры (до 1988 г.). В 1984 г. в издательстве Воронежского государственного университета опубликована монография «Основной вопрос уголовного дела. Вопросы факта и права».

Яков Овсеевич был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также еще 3 медалями.

Профессор Я. О. Мотовиловкер подготовил 9 кандидатов наук (Б. М. Тавровский, М. А. Воробейников, В. Н. Савинов, Р. Н. Ласточкина, Е. Б. Мизулина, П. Е. Кондратов, Е. В. Благгов, Т. А. Москвитина, Л. В. Лобанова). Одна из его учениц – доктор юридических наук, профессор Елена Борисовна Мизулина – неоднократно избиралась депутатом Государственной Думы РФ. Я. О. Мотовиловкер длительное время курировал

студенческое научное общество ЯрГУ, охотно делясь с молодежью знаниями и опытом научной работы.

Скончался 4 января 1991 г.

В юности Яков Овсеевич мечтал о профессии адвоката – и стал им. Позже возникло желание заниматься научной деятельностью, и, несмотря на все трудности, оно было осуществлено, причем в такой степени, что в известной монографии Н. С. Алексеева, В. Г. Даева, Л. Д. Кокорева «Очерк развития науки советского уголовного процесса» имя Я. О. Мотовиловкера упоминается не реже, чем имена виднейших процессуалистов того времени М. С. Строговича, В. М. Савицкого или И. Д. Перлова⁴⁶.

Будучи выпускником Варшавского университета и уже находясь в Советском Союзе, Яков Овсеевич постоянно занимался изучением польской юриспруденции. Ему принадлежит ряд оригинальных работ по её проблемам⁴⁷, а также множество статей и рецензий на работы польских авторов⁴⁸. Так же активно откликались польские авторы на работы Якова Овсеевича⁴⁹. В 1974 г. Я. О. Мотовиловкер по приглашению посетил Краковский университет, рассказал польским коллегам о подготовке

⁴⁶ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

⁴⁷ Обжалование и пересмотр приговоров в уголовном процессе народно-демократической Польши: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. 217 с.; Уголовно-процессуальное законодательство Польской Народной Республики; Пер. с пол. и прим. М., 1964. 296 с.; Гарантии прав личности в уголовном процессе ПНР: Сб. / Под ред. проф. Я. О. Мотовиловкера. Ярославль, 1976.

⁴⁸ См., например: Рец. на кн.: Шафф Л. Уголовный процесс Народной Польши. М., 1953 // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 140–142; Рец. на кн.: Шафф Л. Объем и формы предварительного расследования. Варшава, 1961 // Правоведение. 1963. № 1. С. 133–138; Рец. на кн.: Цесьляк М. Недействительность решений в уголовном процессе ПНР. Варшава, 1965 // Правоведение. 1968. № 6. С. 141–143; Новый уголовно-процессуальный кодекс ПНР // Советская юстиция. 1971. № 15. С. 31 и др.

⁴⁹ См., например: Цесьляк М., Дода З. Рец. на кн.: Мотовиловкер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966. 124 с. // Nove Pravo. 1969. № 10. С. 1537–1545; Меру Е. // Panstvo I Pravo. 1967. № 8–9. С. 398–399; Цесьляк М. Рец. на кн.: Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. 94 с. // Panstvo I Pravo. 1977. № 10. С. 143. и др.

юридических кадров в нашей стране, и в частности в Ярославском университете. Он консультировал преподавателей кафедры Ягеллонского университета и посещал лекции его ведущих профессоров, прочитал лекцию «Проблема уголовно-процессуальных гарантий» на научной сессии комиссии правовых наук при отделении Польской академии наук в Кракове. Тогда же завязались деловые контакты с Катовицким университетом. Были обсуждены возможные формы сотрудничества (совместные исследования, обмен научной и методической литературой, учебными планами и программами).⁵⁰ Сотрудничал ученый также с болгарскими и немецкими учеными.

В 1970 г. в издательстве Томского университета увидела свет работа Я. О. Мотовиловкера «Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики». В первой её части автор вкратце знакомит читателя с важнейшими исследованиями в области теории уголовного процесса Польши того периода. Представлены работы С. Калиновского, М. Цесьяка, Л. Гохберга, В. Дашкевича, Я. Ващиньского, Я. Тильмана, Л. Шаффа, Е. Бафия, А. Кафталя, С. Сливиньского, Э. Мерца, А. Мужиньского. При этом, применяя метод сравнительного правоведения, Яков Овсеевич находит общее в уголовно-процессуальной проблематике для ученых двух стран. В частности, рассмотрены проблемы соотношения уголовного и уголовно-процессуального права, процессуальной формы, возможность применения процессуального закона по аналогии. Последняя из этих проблем до сих пор не решена действующим уголовно-процессуальным законом. В этом смысле интересна позиция, сформулированная, в том числе в данном исследовании, относительно пределов допустимости применения аналогии в уголовном процессе: её нельзя применять не в пользу обвиняемого или иного лица, она неприменима к исключительным нормам, составляющим изъятие из правила, путем применения аналогии нельзя ограничивать процессуальные гарантии и принципы процесса⁵¹.

⁵⁰ См. об этом подробнее: Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под ред. В. Т. Анискова. Ярославль, 1995. С. 257–258.

⁵¹ См.: Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). Томск, 1970. С. 23–24.

Обращаясь к вопросам доказательственного права, Я. О. Мотовиловкер рассматривает проблему двойственной роли показаний обвиняемого как средства доказывания и средства защиты, доказательственного значения таких показаний. Данная проблема знакома ученому ещё по его первой монографии⁵², в которой были проанализированы особенности оценки показаний обвиняемого, его последнего слова, объяснений в вышестоящем суде, процессуальные гарантии осуществления права обвиняемого на дачу показаний. Несмотря на относительную давность написания работы, можно отметить перспективный характер авторских предложений и суждений. Это касается гарантий прав подсудимого при заочном судебном разбирательстве, ныне нашедших отражение в УПК РФ; запрета отказывать в удовлетворении ходатайства о допросе дополнительных свидетелей по мотиву доказанности обстоятельств дела – тезис, который сегодня приобрел актуальность с точки зрения состязательности в доказывании; связанности суда при вторичном рассмотрении дела размером наказания по первому приговору⁵³ и других.

Один из вопросов, рассмотренных Я. О. Мотовиловкером при анализе трудов польских процессуалистов, это вопрос о возмещении ущерба, причиненного неправильным осуждением и необоснованным арестом. Данный институт в тот период времени отсутствовал в советском процессе, а потому исследование его было весьма новаторским⁵⁴.

С польскими учеными солидарен автор и в вопросе о предмете уголовного процесса. Вслед за Л. Шаффом предметом

⁵² См.: Мотовиловкер Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.

⁵³ Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). С. 110–147. Данное ограничение отсутствует ныне в УПК РФ, но предусмотрено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» (п. 22).

⁵⁴ Кстати, профессор Мотовиловкер, наряду с другими авторами, и ранее указывал на необходимость введения соответствующих норм в УПК РСФСР. См., в частности: Мотовиловкер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966. С. 116.

процесса он называет «...вопрос о том, совершено ли преступление данным лицом и подлежит ли это лицо уголовной ответственности за совершенное преступление...»⁵⁵. Здесь же анализируется соотношение между оперативными мероприятиями и действиями по проверке сообщений о преступлениях, между следствием и дознанием. Уже тогда высказывались идеи об отсутствии существенных различий между следствием и дознанием и о возможности их объединения.

Во второй части работы Я. О. Мотовиловкер знакомит читателя с отдельными положениями польского уголовно-процессуального законодательства, в которых содержатся решения, отличающиеся от решения аналогичных вопросов в СССР, исследуется возможность использования польского опыта. На первое место в ряду описания такого положительно опыта поставлено законодательное закрепление принципа презумпции невиновности, которое отсутствовало в тот период в советском законодательстве. Приветствуется также определение понятия потерпевшего как лица, «правовой интерес которого преступлением непосредственно нарушен или поставлен под угрозу». До сих пор наш уголовно-процессуальный закон связывает понятие потерпевшего с причинением преступлением морального, физического или имущественного вреда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Очевидно, что использование категории интереса в понятии потерпевшего делает его более гибким, охватывающим все возможные случаи общественно опасного посягательства. Только в последнее десятилетие благодаря позиции Конституционного Суда РФ органы уголовного преследования обратили внимание на фигуру фактического подозреваемого. В анализируемой нами работе вслед за М. Цесьляком и М. С. Строговичем Яков Овсеевич уже в 1970 г. ставил вопрос о наделении правом на защиту фактического обвиняемого.

Автором также обращено внимание на то, как польское законодательство регулирует деятельность суда в стадиях, следующих за постановлением приговора. В частности, право обжалования приговора предоставлялось участнику процесса лишь в рамках его интереса, допускалась возможность частич-

⁵⁵ Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). С. 122–123.

ной отмены приговора для исправления нарушений частного характера при назначении наказания, детальным образом регулировался запрет преобразования к худшему⁵⁶.

По сути дела, анализируя труды польских процессуалистов и законодательство Польши, Я. О. Мотовиловер высказывал и обосновывал свои собственные позиции по спорным процессуальным вопросам.

За свою научную деятельность Яков Овсеевич опубликовал 160 научных трудов, в том числе 6 монографий и 6 учебных пособий. Спектр его научных интересов был невероятно широк. Однако есть несколько проблем, которые привлекали внимание ученого на протяжении всей научной деятельности и которым посвящены как отдельные работы, так и значительное число страниц в монографиях общего характера.

1. Проблема объективной истины. Она поставлена уже в одной из первых крупных работ в 1962 г.⁵⁷ и развита впоследствии⁵⁸. Установление истины Яков Овсеевич считал целью уголовного процесса, а принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела – важнейшим в судопроизводстве, отражающим основные черты и свойства содержания уголовно-процессуальной деятельности⁵⁹. Однако, несмотря на значение установления истины для правильного разрешения дела, ученый не мог отрицать того факта, что процессуальная форма, субъективные права граждан ставят пределы для достижения этой цели. Поэтому закон предусматривает категории лиц, которые не могут допрашиваться в качестве свидетелей; запрещается в ходе следствия совершение действий, ставящих под угрозу жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц; запрет преобразования к худшему не позволяет отменить

⁵⁶ Мотовиловер Я. О. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). С. 183–217.

⁵⁷ См.: Мотовиловер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 18–21.

⁵⁸ См.: Мотовиловер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе: Учеб. пособие. Ярославль, 1974; Он же. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса: Учеб. пособие. Ярославль, 1978.

⁵⁹ См. об этом: Мотовиловер Я. О. О принципах объективной истины... С. 17, 23.

приговор в интересах истины. Принципиально менялась позиция Якова Овсеевича относительно пределов действия данного принципа. Если в более ранних работах автор сомневался в применимости категории «истина» к решению в приговоре вопросов права⁶⁰, то в последней своей монографии ученый приходит к иным выводам: «Истинными или ложными могут быть суждения-сообщения в описательной части приговора независимо от того, касаются ли они вопросов факта или права ... Истинными или ложными могут быть суждения-сообщения в резолютивной части приговора, включая решение о назначении наказания... В требовании истинности выводов суда относительно не только установления фактов, но и квалификации деяния и назначения наказания – важнейшая гарантия интересов личности и правосудия»⁶¹. Именно в последнем утверждении объяснение того, почему автор строит такую сложную конструкцию истины: предложенная концепция позволяет защитить гражданина и правосудие от произвола.

Как философ проявляет себя Я. О. Мотовиловкер в исследованиях о соотношения абсолютной и относительной истины в уголовном судопроизводстве: истина, устанавливаемая в уголовном процессе, является и абсолютной как истина факта, и относительной, поскольку не включает все связи и отношения события⁶².

2. *Предмет уголовного процесса*⁶³. Позиция Якова Овсеевича по данному вопросу отличалась своеобразием в уголовно-процессуальной доктрине. Традиционно предметом уголовного процесса считалось нечто «материальное»: обвинение, событие преступления, уголовно-правовое отношение и т. д. Профессор Я. О. Мотовиловкер считал, что такие определения несут в себе обвинительный уклон, заранее предрешая наличие преступления. Поэтому он формулирует предмет уголовного процесса как проблему, которую должен разрешить суд: вопрос об уголов-

⁶⁰ См.: Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины... С. 29–39.

⁶¹ Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: Вопросы факта и права. Воронеж, 1984. С. 70.

⁶² См. об этом, например: Мотовиловкер Я. О. Установление истины... С. 19–25.

⁶³ См.: Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса: Учеб. пособие. Ярославль, 1974.

ной ответственности лица за вменяемое ему деяние⁶⁴. Такой подход сродни определению предмета гражданского процесса в исковом производстве. Однако проводить прямую аналогию с гражданским процессом невозможно: во-первых, тогда это было невозможно по идеологическим соображениям; во-вторых, уголовное судопроизводство обязательно даже при отсутствии правового спора, когда обвиняемый признает свою виновность в преступлении.

Понимая некоторую спорность определения предмета деятельности через категорию субъективного, Яков Овсеевич в дальнейшем подкорректировал свою позицию, определив предмет процесса как объективную реальность, охватываемую вопросом об уголовной ответственности лица, за конкретное деяние⁶⁵. В принципе в своем понимании предмета процесса он был очень близок к концепциям дореволюционных русских процессуалистов.

3. *Основные уголовно-процессуальные функции и принцип состязательности процесса*⁶⁶. Отстаивание идеи состязательности уголовного процесса в условиях, когда даже термина такого не было в уголовно-процессуальном законодательстве, было достаточно смелым поступком. Принцип состязательности критиковался на страницах юридической печати как буржуазный, а Яков Овсеевич даже в учебных пособиях для студентов писал о сторонах обвинения и защиты, о противоречиях интересов сторон, о судебном споре как методе установления истины и т. д.⁶⁷ Пожалуй, не нуждается в специальном анализе позиция ученого относительно принципа состязательности. Достаточно открыть его учебные пособия «Основные уголовно-процессуальные функции» (1976 г.) и «О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса» (1978 г.) и сравнить их содержание с действующим УПК РФ, чтобы убедиться, насколько прав был профессор в

⁶⁴ См.: Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса. С. 5.

⁶⁵ См. об этом: Мотовиловкер Я. О. О предмете и движущей силе уголовного процесса // Правоведение. 1987. № 6. С. 81–83.

⁶⁶ См.: Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.

⁶⁷ См.: Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины... С. 62 и сл.

оценке сути и значения состязательного построения уголовного судопроизводства.

4. *Принцип презумпции невиновности.* О презумпции невиновности Яков Овсеевич писал всегда. Если в ранних работах она именовалась «так называемая»⁶⁸, то впоследствии приставка отпала, и принцип зазвучал в полный голос, не будучи даже обозначенным в законе. Данный принцип ученый относил к числу аксиом уголовного процесса, без которых само судопроизводство теряет смысл. Формулировки правил презумпции невиновности, на которые опирался автор, ныне полностью вошли в текст УПК РФ. Наиболее ценными представляются выводы Я. О. Мотовилокера относительно соотношения принципов презумпции невиновности и объективной истины, поскольку раскрывают как гносеологическое, так и гуманистическое значение презумпции невиновности⁶⁹.

5. *Процессуальные гарантии.* Уже первую свою монографическую работу Яков Овсеевич в большей части посвятил уголовно-процессуальным гарантиям прав обвиняемого⁷⁰. В дальнейшем ученый анализировал в качестве процессуальных гарантий не одно процессуальное средство, а систему средств: правовые нормы, принципы, процессуальные институты, рассматривая их во взаимосвязи⁷¹. Большинство сборников, издаваемых кафедрой уголовного права и процесса ЯрГУ под его редакцией, были посвящены именно этой тематике.

6. *Процессуальная форма.* Процессуальную форму профессор Мотовилокер понимал прежде всего как гарантию прав личности и правосудия. Каждой процессуальной процедуре он мог найти объяснение. Но при этом ученый не был сторонником формализма в процессе, понимая, что не всякое процессуальное правило влияет на постановление приговора. Отсюда его позиция: только те процессуальные нарушения, которые ставят под сомнение законность и обоснованность приговора, должны влечь

⁶⁸ См.: Мотовилокер Я. О. Некоторые вопросы теории... С. 154.

⁶⁹ См. об этом: Мотовилокер Я. О. О принципах объективной истины... С. 50–61.

⁷⁰ См.: Мотовилокер Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе... С. 103–178.

⁷¹ См.: Мотовилокер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия // Советское государство и право. 1974. № 6. С. 100–107.

его отмену или изменение⁷². В ту пору, когда термина «допустимость доказательств» ещё не было в законе, Яков Овсеевич публиковал материалы о сущности данного правового требования, о его соотношении с достоверностью доказательств, а также о том, всякое ли нарушение закона при получении доказательства должно влечь признание его недопустимым⁷³.

7. *Предпосылки уголовного процесса*⁷⁴. Я. О. Мотовиловкер был, наверное, единственным советским процессуалистом, который занимался проблематикой предпосылок уголовного процесса именно в общетеоретическом аспекте. Предпосылками он считал те юридические условия, при наличии которых возможно производство по уголовному делу. Он рассматривал их в соотношении с основаниями и поводами к возбуждению уголовного дела, применительно к отдельным категориям дел и к отдельным стадиям процесса, по сути, создав целостное учение о данном правовом явлении. Многие его идеи относительно роли предпосылок процесса реализованы в действующем УПК РФ. Это запрет прекращать уголовное дело ввиду отсутствия предпосылок процесса, если производство необходимо для реабилитации лица (ч. 2 ст. 27 УПК РФ); это включение в число предпосылок процесса соблюдение иммунитетов отдельных должностных лиц (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); это сохранение права на примирение при возбуждении уголовного дела в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ⁷⁵.

8. *Проверка законности и обоснованности приговора*⁷⁶. Данная тематика была близка Я. О. Мотовиловкеру со времени работы над кандидатской диссертацией, посвященной обжалованию и пересмотру приговоров в уголовном процессе Польши

⁷² См.: Мотовиловкер Я. О. Против формализма в уголовном процессе и за строгое соблюдение форм судопроизводства по уголовным делам // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль. 1985. С. 3–13.

⁷³ См.: Мотовиловкер Я. О. О допустимости средств доказывания и достоверности доказательств в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 82–86.

⁷⁴ См.: Мотовиловкер Я. О. Предпосылки советского уголовного процесса: Учеб. пособие. Ярославль, 1984.

⁷⁵ См. подробно: Там же. С. 73–84.

⁷⁶ См.: Мотовиловкер Я. О. Проверка законности и обоснованности приговора: Учеб. пособие. Ярославль, 1975.

(1950 г.). В дальнейшем практически в каждой своей работе ученый возвращался к проблемам проверки правосудности приговоров. Шесть из девяти подготовленных им кандидатов наук защитили диссертации по тематике кассационного и надзорного производства. В рамках данной проблематики рассматривалось соотношение понятий «законность» и «обоснованность» приговора, сущность оснований к отмене или изменению приговора, условные и безусловные кассационные основания, действие запрета преобразования к худшему, природа вновь открывшихся обстоятельств. В частности, по мнению Я. О. Мотовиловкера, основаниями к отмене или изменению приговора являются такие нарушения закона, которые повлекли или могли повлечь постановление незаконного или необоснованного приговора, затрудняют или делают невозможной его проверку, а также новые обстоятельства, исключющие дальнейшее производство по делу или признание приговора законным и обоснованным⁷⁷. Во многих работах рассматривалось соотношение дополнительных материалов и вновь открывшихся обстоятельств, вновь открывшихся обстоятельств и кассационных оснований. Вместе со своей аспиранткой Е. Б. Мизулиной Яков Овсеевич доказал, что вновь открывшиеся обстоятельства обладают всеми признаками кассационных оснований, но устанавливаются особым образом, что и объясняет существование специального производства⁷⁸. Пожалуй, никем, кроме профессора Я. О. Мотовиловкера и его ученика М. А. Воробейникова, не исследовался так детально и во всех проявлениях запрет преобразования к худшему в кассационной, надзорной инстанциях и при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Здесь приведен далеко не весь перечень проблем, составлявших научный интерес Я. О. Мотовиловкера. В их ряду были еще вопросы об уголовно-процессуальной ответственности, об этических аспектах адвокатской деятельности, о презумпции

⁷⁷ См.: Мотовиловкер Я. О. О сущности кассационного основания и содержании правосстановительной санкции в уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан: Межвуз. сб. Калинин, 1980. С. 65–66.

⁷⁸ См. об этом: Мотовиловкер Я. О., Мизулина Е. Б. Дополнительные материалы и вновь открывшиеся обстоятельства // Советская юстиция. 1982. № 11. С. 14–15.

истинности вступившего в силу приговора и многие другие. По сути, писать о научном наследии Якова Овсеевича Мотовиловкера – это значит писать об уголовном процессе вообще, а это материя неисчерпаемая.

Методологичностью, логичностью и безупречным стилем речи отличались лекции профессора Мотовиловкера. Построенные по принципу «размышления вслух», они вели студентов шаг за шагом по пути проникновения в проблему и поиска её решения. Причем ход рассуждений выглядел настолько логичным, что создавалось ощущение элементарности, очевидности выводов, как будто слушатель сам пришел к ним. Правда, иногда студенты ворчали по поводу излишней теоретичности лекций, но вызвано это было недостаточным представлением о своей будущей профессии. Если обратиться к работам ученого, то вопрос об излишней теоретичности отпадет сам собой. Более ранние работы буквально насыщены примерами из судебной практики, которые используются для постановки проблем или для их иллюстрирования⁷⁹. Яков Овсеевич всегда знал позицию высших судебных инстанций по исследуемым вопросам. Конечно, с возрастом и опытом научной работы уровень обобщения в выводах ученого возрастает, разбор конкретных примеров перестает быть необходимым элементом исследования. Но от этого их практическая ценность не утрачивается.

В подтверждение практической значимости результатов исследований Я. О. Мотовиловкера достаточно назвать хотя бы несколько заголовков из его работы: «В законе целесообразно указать... право лица, привлекавшегося в качестве обвиняемого, обжаловать постановление о прекращении дела в части его мотивов», «В интересах обеспечения полного процессуального равноправия сторон целесообразно предоставить потерпевшему право отстаивать свою позицию в судебных прениях...», «Возможность объявления перерыва в судебном заседании целесообразно расширить в части оснований перерыва и ограничить в

⁷⁹ См.: Мотовиловкер Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956; Он же. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962 и т. д.

части его предельного срока»⁸⁰. Всегда отстаивавший либеральные ценности в уголовном судопроизводстве, Яков Овсеевич мог бы сегодня считать выполненной свою задачу как ученого, видя в тексте УПК РФ положения, обоснованию которых он посвятил множество работ. В ряду таких законодательных положений можно назвать закрепление в ст. 14 УПК принципа презумпции невиновности, а в ст. 15 – принципа состязательности, причем именно в тех формулировках, которые он отстаивал; расширение участия защитника; освобождение суда на стадии подготовки дела к слушанию от решения вопросов, предлежащих приговор (гл. 27 УПК РФ); предоставление потерпевшему права участвовать в судебных прениях (ч. 2 ст. 292 УПК РФ); правило достижения искусственного большинства голосов при коллегиальном постановлении приговора (ч. 3 ст. 301 УПК РФ)... Перечень можно было бы долго продолжать. Интуиция ученого, четкое понимание природы процесса позволило профессору Мотовиловкеру, наряду с другими видными процессуалистами, предвидеть направление развития уголовного судопроизводства.

Профессор был фанатично предан науке, посвящая ей все свое время. Она для него была смыслом жизни. Язык его научных трудов безупречен, ни одного лишнего слова. Талант его как ученого заключался в смелости при решении научных проблем, в отсутствии страха перед авторитетами. Именно это качество, а также врожденная и доведенная до совершенства каждодневной научной работой способность логически мыслить позволили Якову Овсеевичу добиться успехов в научной деятельности.

«Над чем Вы сейчас работаете?» – таким вопросом всякий раз встречал профессор своих учеников и коллег.

Якова Овсеевича отличала огромная доброжелательность к людям. Он был умелым организатором, что проявилось в успешном руководстве коллективом кафедры уголовного права и процесса. Он продумывал каждый свой шаг: в научной деятельности, в отношениях с людьми и даже в игре в футбол.

⁸⁰ См.: Мотовиловкер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966. С. 120–121.

Яков Овсеевич страстно любил футбол и как болельщик, и как игрок. Он продолжал играть в футбол даже в 70 лет.

Находясь в условиях крайне политизированной науки советского периода, Яков Овсеевич сумел сохранить для себя иную рамку, неполитизированной юриспруденции. Только настоящий ученый мог позволить себе в тот период обсуждать уголовно-процессуальную сферу как сферу, в которой живет, прежде всего, *невинный* человек, а не партия, класс или государство. Для него важнее были философские, логические, гносеологические аспекты уголовно-процессуальной деятельности. Якова Овсеевича можно считать представителем либерально-философского течения в юриспруденции.

Вернемся к первым годам существования кафедры уголовного права и процесса. В этот период плодотворно трудились на кафедре целый ряд доцентов, кандидатов юридических наук. Среди них ветеран Великой Отечественной войны *Федор Кондратьевич Диденко* (криминалист, занимавшийся разработкой проблем криминалистической техники, следов преступления). *Вячеслав Семенович Власов* много лет проработал на судебных должностях, занимался проблемами криминологии, специалист по вопросам причинности и причин преступности. В круг научных интересов *Анатолия Степановича Молодцова* входили проблемы уголовной политики, а также освобождения от уголовной ответственности и наказания. *Валерий Николаевич Савинов* исследовал проблемы субъективной стороны преступления и квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. *Михаил Александрович Воробейников* был специалистом по уголовному процессу, разрабатывал вопросы запрета преобразования к худшему. Все они к настоящему времени ушли из жизни. Отметим, что доцент В. Н. Савинов в 1990–1993 гг. заведовал кафедрой уголовного права и процесса.

Со сменой руководства кафедры (в 1986–1990 гг. и начиная с 1993 г. во главе кафедры стал профессор Л. Л. Кругликов), в рамках программы «Университеты России» темой госбюджетной научной работы коллектива преподавателей стала вначале «Формы и средства дифференциации ответственности за экономические преступления», с 1997 г. – «Юридическая техника в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве», а начиная со следующего пятилетия и по настоящее время –

«Юридическая техника и дифференциация ответственности в сфере уголовного права и процесса».

Итоги освоения данной проблематики дали серьёзные научные результаты. Во-первых, все защищённые кандидатские (33) и докторские диссертации (Е. Б. Мизулина, Т. А. Лесниевски-Костарева, К. К. Панько, Л. В. Лобанова, Е. В. Благов) соответствовали упомянутой выше проблематике, по сути, именно следование ей обеспечило новизну и 100-процентное утверждение диссертационных работ в Высшей Аттестационной комиссии.

Все преподаватели кафедры стали остепененными специалистами. В течение этого времени под научным руководством профессора Л. Л. Кругликова подготовили диссертации и стали кандидатами наук преподаватели Т. А. Костарева и Е. В. Бушкова (1993 г.), А. В. Васильевский и М. С. Поройко (2000 г.), С. Д. Бражник, О. Е. Спиридонова, А. Ф. Соколов и О. Г. Соловьёв (2002 г.), А. В. Иванчин и М. Н. Каплин (2003 г.), Д. А. Калмыков, А. В. Кузнецов, Е. Е. Пухтий (Язева) и М. В. Ремизов (2004 г.), Ф. А. Мусаев (2005 г.), Л. Е. Смирнова (2006 г.). Ещё ранее кандидатами наук стали Е. В. Благов, О. Ю. Комарова и Р. Н. Ласточкина. В результате весь состав кафедры по состоянию на 2007 г. имел докторскую или кандидатскую степени, многие получили звание профессора или доцента. В настоящее время лишь вновь принятый ассистент Р. Ю. Смирнов (судебная медицина, судебная психиатрия и ОБЖ) не имеет научной степени, однако и он к концу 2009 – началу 2010 г. по плану кафедры должен выйти на защиту кандидатской диссертации по госбюджетной проблематике. Многие бывшие аспиранты и докторанты опубликовали итоги своих научных исследований в центральной печати в виде монографий (Е. В. Благов, А. В. Васильевский, О. Е. Спиридонова, Л. Е. Смирнова).

Многое делается для оказания помощи в становлении высококвалифицированных кадров другим вузам: под руководством профессора Л. Л. Кругликова защитили кандидатские диссертации К. К. Панько (Воронежский университет, 1998 г.), В. Ф. Ширяев, С. П. Донец, С. А. Манойлова, Е. В. Красильникова, Е. В. Попаденко (Вологодский педуниверситет, 2001–2007 гг.), В. Ф. Лапшин, Л. А. Колпакова, А. Л. Санташов (Вологодский ФСИН, 2004–2007 гг.), Е. А. Тимофеева (Вологод-

ский филиал МГЮА, 2008 г.), Чупрова О. Н. (Северодвинский филиал ПГУ, 2008 г.) и др. Ряд обучавшихся в аспирантуре кафедры и защитивших кандидатские диссертации лиц успешно трудятся ныне в других вузах, в правоохранительных органах и т. д. (М. С. Поройко, И. А. Лумпова, Е. В. Бушкова, Ю. Г. Зуев, Ф. А. Мусаев, Е. В. Румянцева и др.).

Во-вторых, правилом стали организация и проведение кафедрой научных и научно-практических конференций. Начало было положено в 1994 г., когда была проведена совместно с Координационным бюро по уголовному праву и криминологии (г. Москва) республиканская конференция, посвящённая обсуждению проектов Общей и Особенной части нового Уголовного кодекса РФ. В ней принял участие практически весь состав редакционной комиссии во главе с профессором С. Г. Келиной. Результаты обсуждения опубликованы в двух сборниках кафедры, материалы были направлены в комитет Государственной Думы РФ по законодательству.

Затем последовал ряд других конференций по теме научных исследований кафедры (начиная с 2001 г.) и издание ежегодных тематических сборников кафедры по материалам этих конференций и итогов научных изысканий. Так, были изданы сборники: «Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе» (Ярославль, 1994), «Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве» (1995), «Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве» (1996), «Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве» (1997), «Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе» (1998), «Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе» (1999), «Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве» (2000), «Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе» (2001), «Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе» (2002), «Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе» (2003), «Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе»

(2004), «Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России» (2005), «Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе» (четыре выпуска, 2006–2009).

В-третьих, по итогам научных исследований кафедры получила статус научной школы (2003 г.) и была признана в качестве одной из ведущих в стране по темам дифференциации ответственности и законодательной техники. Члены кафедры стали желанными гостями на профильных конференциях в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново, на Украине и Белоруссии, в Казахстане. В последние годы тесные связи налажены с МГУ им. М. В. Ломоносова: под совместной редакцией заведующего кафедрой профессора Л. Л. Кругликова и заведующей кафедрой МГУ лауреата Государственной премии СССР профессора Н. Ф. Кузнецовой издан уникальный труд «Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии» (М., 2002), в 2008 и 2009 гг. одной из секций Российского конгресса уголовного права руководил профессор Л. Л. Кругликов.

Прочные научные связи установлены с Казахстаном и Китаем. С первым из них (Университет «Болашак», г. Караганда) заключен договор о долговременном научном сотрудничестве, в рамках которого проведены совместные конференции, издан ряд научных сборников, учебные пособия и монографии. С КНР совместно с рядом столичных вузов проведены международные научные конференции (материалы изданы на нескольких языках, в том числе головной доклад Л. Л. Кругликова от российской делегации), осуществлен научный проект по подготовке и изданию монографий (соответственно на русском и китайском языках) на тему «Развитие учения о составе преступления в уголовном праве России и Китая». В 2009 г. в соответствии с договором осуществляется совместный российско-китайский проект по теме «Наказание и его назначение по уголовному законодательству России и Китая», по итогам которого планируется издание двух монографических работ.

В-четвертых, крепнут связи кафедры с практическими органами. Совместно с ними проведен ряд научно-практических конференций (2001–2006 гг.), предметом которых явились экономические, в том числе налоговые, преступления, а также преступления против правосудия (конференция организована совместно со

службой судебных приставов). Пожалуй, впервые в стране организована и проведена научно-практическая конференция в режиме телеконференции, on-line. В 2009 г. запланировано проведение межрегиональной и международной конференций. По итогам конференций опубликованы, в частности, сборники научных работ «Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики» (2006), «Уголовно-правовые и процессуальные проблемы борьбы с преступлениями против правосудия (ст. 294, 297, 312 и 315 УК РФ)» (2007).

В-пятых, коллектив кафедры систематически участвует в объявляемых в печати конкурсах на республиканские научные гранты. Так, начиная с 1996 г. кафедра выигрывала гранты РГНФ (1996–1998, 2004, 2008), Университеты России (2004–2005). Доцент А. В. Иванчин стал обладателем гранта Президента РФ (2007–2008 гг.), профессор Л. Л. Кругликов был неоднократным обладателем именной стипендии Российской академии наук. В рамках упомянутых грантов издан ряд книг, учебных пособий, сборников научных работ. Так, в 2008 г. на средства грантов опубликованы сборник научных работ «Совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с бюджетными и иными экономическими преступлениями в изменяющейся России (проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники)», монографии «Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности» (авторы – Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьёв, А. С. Грибов), «Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники» (автор – О. Г. Соловьёв), в 2009 г. – учебное пособие «Финансовые преступления» (автор – В. Ф. Лапшин).

В-шестых, члены кафедры не раз выступали и выступают руководителями творческих коллективов, авторами и соавторами по написанию и изданию в центральной печати учебников для вузов и средних специальных учебных заведений, учебных пособий (практикумов и кратких курсов по уголовному праву), научных и научно-практических комментариев, курсов лекций, энциклопедии по уголовному праву (см. список основных трудов Л. Л. Кругликова, Е. В. Благова). Это является признанием силы и значимости юридической школы кафедры уголовного права и процесса. Приведём краткие справки о ведущих профессорах и доцентах кафедры.

Лев Леонидович Кругликов – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, действительный член МАН ВШ и РАЕН, заслуженный деятель науки РФ.

Л. Л. Кругликов в 1965 г. окончил юридический факультет Томского госуниверситета, работал в системе прокуратуры Омской области следователем, прокурором. С 1969 по 1971 гг. обучался в очной аспирантуре Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия). После досрочной защиты диссертации на тему «Способ совершения преступления (вопросы теории)» (1971 г.) – на преподавательской работе в Ярославском госуниверситете: старшим преподавателем, доцентом. В 1986 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации», работал профессором кафедры уголовного права и процесса ЯрГУ, по настоящее время является заведующим этой кафедрой. С 1990 по 1993 гг. избирался депутатом и председателем Ярославского городского Совета народных депутатов.

Профессор Л. Л. Кругликов внес существенный личный вклад в развитие уголовно-правовой науки, в частности таких ее разделов, как теория назначения наказания, дифференциация уголовной ответственности, юридическая техника в уголовном законодательстве и правоприменении. Он является автором свыше 450 научных работ, в том числе около 50 книг – монографий, учебников, научных и учебных пособий, комментариев. Ряд работ Л. Л. Кругликова опубликован за рубежом (в Китае, Казахстане). В последние годы постоянно возглавляет одну из секций ежегодного Конгресса уголовного права.

В среде ученых-правоведов известны его книги «Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве» (Воронеж, 1985), «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания» (Ярославль, 1986), «Квали-

фицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступления» (Ярославль, 1989), «Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка» (Екатеринбург, 1994), «Преступления против личности»: В 2 ч. (Ярославль, 1998), «Проблемы теории уголовного права» (Ярославль, 1999), «Российское уголовное право»: Курс лекций: В 5 т. Т. 2 (Владивосток, 1999), «Уголовное право. Краткое пособие»: В 2 т. Часть Общая. Часть Особенная (М., 2000, 2001), «Презумпции в уголовном праве» (Ярославль, 2000), «Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания)» (Ярославль, 2001), «Проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания (на примере анализа экономических преступлений)» (Казахстан – Караганда, 2001), «Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии» (М., 2002), «Дифференциация ответственности в уголовном праве» (СПб., 2003), «Юридические конструкции и символы в уголовном праве» (СПб., 2005), «Общие начала назначения наказания» (Караганда, 2006), «Унификация в уголовном праве» (СПб., 2008) и др.

Под его руководством были подготовлены два Комментария к Уголовному кодексу («Уголовный кодекс РСФСР. Научно-практический комментарий». Ярославль, 1994; М., 2005), он является соавтором ряда научных комментариев к УК РФ 1996 г. (Ростов н/Д, 1996; М., 2002; М., 2003 и т. д.).

Он ответственный редактор и соавтор таких вышедших в европейских издательствах «БЕК» и «Волтерс Клувер» крупных работ, как практикумы по уголовному праву (М., 1997; 2002. В 2 т.), учебников по Общей (М., 1999, 2005) и Особенной части уголовного права (М., 1999; 2004, 2005), соавтор ряда других учебников, а также 40 межвузовских сборников научных работ. Он член диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора юридических наук (при Казанском государственном университете), член Президиума секции уголовного права и криминологии Совета по правоведению УМО университетов России. В течение многих лет входил в состав Координационного бюро по уголовному праву СССР, РФ. Научная школа Л. Л. Кругликова, возникшая в период его работы в университете (защитили кандидатские диссертации 33 чел., докторские – 2 чел.), широко известна в России и официально признана таковой. Все штатные преподаватели возглавляемой им кафедры –

его ученики – имеют ученые степени доктора или кандидата юридических наук.

За выдающиеся заслуги в сфере юридической науки Л. Л. Кругликову в 1996 г. было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», неоднократно он становился обладателем Государственной научной стипендии (Президентской и Российской академии наук РФ), присваиваемой выдающимся ученым страны. Действительный член двух общественных академий, обладатель нагрудного знака Министерства образования «За отличные успехи в работе», Почетный преподаватель Ярославского госуниверситета. Награжден почетным знаком губернатора области «За заслуги в науке» (2003 г.), в 2006 и 2008 гг. стал победителем областных конкурсов «Лучший методист» и «На лучшую научно-исследовательскую работу преподавателей вузов Ярославской области». Неоднократно утверждался председателем ГАК ряда университетов, членом комиссий по аттестации вузов.

Л. Л. Кругликов вносит ощутимый вклад в укрепление законности и правопорядка в стране и области: свыше 35 лет готовит кадры высшей квалификации для работы в органах милиции, суда, прокуратуры, адвокатуры и т. д., стоял у истоков открытия на факультете специализированной группы подготовки следователей для системы Министерства внутренних дел. Он постоянный лектор курсов усовершенствования практических работников, консультирует их по наиболее сложным вопросам практики, состоял в квалификационной, а в настоящее время состоит также в экзаменационной судебной комиссиях по Ярославской области. 10 лет был членом Ярославской областной коллегии адвокатов. Неоднократно выступал экспертом Федерального Собрания РФ, а также Государственной думы Ярославской области и Администрации области по региональному законодательству и проектам федеральных законов, участвовал в разработке и реализации региональных программ по борьбе с преступностью. Значительная работа по укреплению законности и правопорядка выполнена им в период пребывания на должности председателя Ярославского городского Совета народных депутатов и заместителя председателя Совета по местному самоуправлению при мэрии г. Ярославля. Член городской общественной палаты.

В 2004 г. награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор кафедры. Он окончил с отличием факультет истории и права Ярославского государственного университета по специальности Правоведение в 1981 г. С этого же года работает на кафедре уголовного права и процесса. Прошел путь от преподавателя на условиях почасовой оплаты, ассистента, старшего преподавателя и доцента до профессора. Под руководством доктора юридических наук, профессора Я. О. Мотовиловкера учился в очной, затем заочной аспирантуре. Ее окончил успешно, с защитой в 1985 г. в Казанском государственном университете диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Неправильное применение уголовного закона как основание к отмене или изменению приговора». Позже (2005 г.) подготовил и защитил в Санкт-Петербургском государственном университете диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теория применения уголовного права».

За время преподавательской деятельности читал ряд учебных дисциплин. В настоящее время преподает основной курс по уголовному праву и Общую часть спецкурса «Актуальные проблемы уголовного права». Под его руководством студенты успешно защищают курсовые и дипломные работы. Некоторые из них, серьезно занимающиеся наукой, имеют публикации. Является научным руководителем аспирантов и соискателей. Ими успешно готовятся диссертации на соискание ученой степени кандидатов юридических наук. Активно занимается научной деятельностью. Основной темой публикаций является проблематика общей теории применения уголовного права.

Римма Николаевна Ласточкина – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 1979 г. окончила с отличием факультет истории и права ЯрГУ. В 1983 г. досрочно закончила заочную аспирантуру с защитой диссертации «Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора». С 1987 г. – доцент.

Работает на кафедре уголовного права и процесса ЯрГУ с октября 1979 г. Вела практические занятия по курсам «Суд и правосудие», «Уголовное право. Общая часть». В настоящее время ведет лекционные и практические занятия по уголовному

процессу для студентов очной и очно-заочной форм обучения на базе высшего образования, читает 2 спецкурса.

Имеет более 50 научных и научно-методических работ. Является факультетским руководителем практики, секретарем Ученого совета факультета, председателем НМК факультета и членом НМС, уполномоченным по качеству, членом комиссии по социальному страхованию. Член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Ярославской области. Член квалификационной коллегии судей Ярославской области.

Ольга Евгеньевна Спиридонова – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 1998 г. окончила юридический факультет Ярославского госуниверситета им. П. Г. Демидова. В этом же году принята на должность ассистента кафедры уголовного права и процесса данного университета. Работает на кафедре по настоящее время в должности доцента. В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Символ как предмет преступления» (Казанский госуниверситет). В 2007 г. присвоено учёное звание доцента. Преподаёт дисциплины «Уголовное право», «Правоохранительные органы». Сфера научных интересов – знаки и символы в уголовном праве.

Александр Федорович Соколов – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 1994 г. закончил с отличием факультет экспертов-криминалистов Высшей следственной школы МВД России (г. Волгоград). На юридическом факультете ЯрГУ им. П. Г. Демидова с февраля 1996 г. В течение всего периода работы на факультете преподавал курс криминалистики.

В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Преступления в сфере оборота оружия (ст. 222, 223 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности». С 2004 г. доцент кафедры уголовного права и процесса. Область научных исследований – использование технико-криминалистических средств и специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

За время работы на факультете внес значительный вклад в создание и оборудование учебно-методическими пособиями кабинета криминалистики, криминалистического полигона и улучшение материально-технического обеспечения преподаваемой дисциплины. Умело сочетает научно-педагогическую работу в ЯрГУ с практической деятельностью, пройдя за это время путь от эксперта УВД по Ярославской области до на-

чальника экспертно-криминалистического центра Северного УВД на транспорте.

Бражник Сергей Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 1986 г. закончил исторический факультет Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток), в 1995 г. – Дальневосточный юридический институт МВД РФ (г. Хабаровск). С января 1999 г., после окончания службы в МВД РФ, работает на кафедре уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. С 1999 г. читает курс уголовного права, с 2006 г. – курс юридической статистики.

Имеет более 20 научных и методических работ. В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники». С 2008 г. – доцент кафедры уголовного права и процесса. Область научных интересов – преступления в сфере компьютерной информации, проблемы законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности.

Ольга Юрьевна Комарова – кандидат социологических наук, доцент кафедры. В 1987 г. окончила юридический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. В стенах родного вуза трудится с 1992 г., сначала – ассистентом кафедры гражданского права и процесса, затем, с 1998 г., – старшим преподавателем кафедры социально-политических теорий. Переход на другую кафедру был обусловлен научными интересами в сфере социологических исследований, в том числе социологии права, политической социологии, воплотившихся в успешной защите диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Правовая культура как объективная необходимость формирования правового сознания человека в условиях становления гражданского общества».

В 2000 г. вернулась к преподавательской работе на юридическом факультете в должности старшего преподавателя кафедры уголовного права и процесса, а с 2003 г. занимает должность доцента этой кафедры. Разработка учебных курсов по криминологии (для студентов очной и очно-заочной форм обучения на базе высшего образования) и социологии (для студентов очно-заочной формы обучения на базе высшего образования), руководство дипломными работами (подготовлено и за-

щищено свыше 50 выпускных работ), рецензирование кандидатских диссертаций (подготовлено свыше 40 отзывов) стали логическим продолжением исследований в указанной области сложившихся научных интересов.

Значительная часть публикаций (всего 30) посвящена проблемам социализации, криминального насилия, профилактики преступности, изучению закономерностей и тенденций экономической преступности, мониторингу общественного мнения о состоянии криминогенной обстановки на региональном уровне (на примере Ярославской области). В настоящее время О. Ю. Комарова имеет ученое звание доцента, является членом Российской криминологической ассоциации.

Соловьев Олег Геннадиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Занимался правовыми вопросами в вооруженных силах, затем проходил службу на различных должностях в органах налоговой полиции. С 2000 г. работает на кафедре уголовного права и процесса. В настоящее время ведет лекционные и практические занятия по уголовному праву на очном и очно-заочном отделении, читает спецкурс «Преступления в сфере экономической деятельности».

В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию в Казанском государственном университете на тему «Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности». Область научных интересов – исследование вопросов законодательной, интерпретационной и правоприменительной техники в сфере функционирования уголовно-правовых норм, охраняющих порядок формирования и расходования бюджетных средств. Автор более 60 научных и методических работ. Член квалификационной коллегии судей Ярославской области.

Иванчин Артем Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 2000 г. окончил с отличием юридический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова и был принят на кафедру уголовного права и процесса в должности ассистента. В период обучения со 2 курса занимался научно-исследовательской работой под руководством профессора Л. Л. Кругликова. В 2003 г. в Уральской государственной юридической академии защитил

Нижний ряд (слева направо): М. В. Ремизов, Л. Л. Кругликов, Е. Е. Язева, Е. В. Благоев, О. Е. Спиридонова; средний ряд: М. Н. Каплин, Р. Н. Ласточкина, О. Г. Соловьев, А. В. Иванчин, Р. Ю. Смирнов; верхний ряд: С. Д. Бражник, А. Ф. Соколов, О. Ю. Комарова, Ю. В. Соколова

кандидатскую диссертацию «Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства» (научный руководитель – Л. Л. Кругликов). После защиты диссертации был переизбран на должность старшего преподавателя, а в 2006 г. – на должность доцента кафедры. В 2008 г. присвоено ученое звание доцента. Читает лекционные курсы «Уголовное право. Общая часть», «Уголовно-исполнительное право», «Адвокатская деятельность». В 2007 г. получил диплом открытого конкурса Рособразования как научный руководитель студента, награжденного медалью «За лучшую научную работу». С 2006 г. преподавательскую и научную деятельность совмещает с адвокатской практикой.

Автор 70 научных и учебно-методических публикаций по уголовному и уголовно-исполнительному праву. Руководитель и исполнитель ряда научных исследований, выполненных при поддержке Европейской комиссии, Российского гуманитарного научного фонда, программы «Университеты России». В 2007–2008 гг. получил грант Президента РФ на разработку темы «Методика конструирования состава преступления». Сфера научных интересов – законодательная техника в уголовном правотворчестве, конструирование составов преступлений, совершенствование уголовного закона и техники его применения, квалификация экономических преступлений.

Каплин Михаил Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры. В 1997 г. окончил юридический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. В период с 1997 по 2000 гг. работал в органах внутренних дел в должности следователя. С 2000 г. по настоящее время работает на кафедре уголовного права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова на должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 2003 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в 2008 г. присвоено ученое звание доцента.

В настоящее время ведет лекционные и практические занятия по уголовному праву, прокурорскому надзору, спецкурсам «Адвокатская деятельность» и «Теория квалификации преступлений». Имеет более 30 научных и научно-методических работ. С 2006 г. преподавательскую деятельность совмещает с адвокатской практикой.

Глава 16. Кафедра трудового и финансового права

Трудовое право изначально занимало в рабочих учебных планах юридического факультета ЯрГУ важное место. Между тем, в силу относительной малочисленности первых наборов студентов и сложности в подборе кадров преподавателей, отдельной кафедры трудового права долго не создавалось. Данная дисциплина читалась в рамках кафедры гражданского права и процесса, о которой уже говорилось выше (сформирована в 1975 г.).

Первым преподавателем трудового права в ЯрГУ стала Елена Ивановна Лобачева. В университет она пришла уже достаточно опытным педагогом и исследователем, специалистом по трудовым спорам, кандидатом юридических наук (1970 г.), доцентом (в этом звании утверждена в 1974 г.). Ее диссертация была посвящена исполнению решений КТС. После окончания Ташкентского юридического института (1947 г.) она работала в судебных органах (1947–1951 гг.), была контролером Министерства государственного контроля (1951–1955 гг.), являлась консультантом отдела кодификации Министерства юстиции Таджикской ССР, заведующим юридической консультацией Таджикского совета профсоюзов (1955–1960 гг.). С 1960 г. она трудилась ассистентом, старшим преподавателем, с 1971 г. – доцентом Таджикского государственного университета (г. Душанбе, Таджикской ССР). В этот период она опубликовала ряд работ, в том числе на таджикском языке⁸¹. В Ярославском государственном университете Е. И. Лобачева являлась доцентом кафедры гражданского права и процесса с сентября 1972 г. по июнь 1979 г., стала первым преподавателем курса трудового права, вела также занятия по праву социального обеспечения, спецкурс «Трудовой договор». После выхода на пенсию она один год работала доцентом Ярославского филиала Института повышения квалификации работников Министерства автомобильного транспорта, но в сентябре 1980 г. вернулась

⁸¹ См.: Лобачева Е. И. Право на труд. Душанбе, 1969; Она же. Право на отдых. Душанбе, 1969 и др.

в университет, где работала до 1986 г. Наконец, с 1986 по 1995 гг. она вела занятия в ЯрГУ на 0,25 ставки доцента. Среди ее учеников по университету была М. В. Орлова (Лушникова). За многолетний педагогический труд Е. И. Лобачева была награждена 5 медалями. В настоящее время она пенсионер, проживает в г. Ярославле.

В сентябре 1974 г. в университет приглашается еще один преподаватель трудового права *Иван Михайлович Горбачев*. Его путь в науку и педагогику был долог и тернист. Он попал на фронт в декабре 1943 г. в возрасте 17 лет, воевал в пехоте и показал себя превосходным солдатом. Войну он окончил не имея и 19 лет от роду, но с орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалью «За отвагу» и еще тремя боевыми медалями. Совсем не случайно и после Победы он остался в рядах Вооруженных сил, окончил курсы по подготовке лейтенантов (1951 г.) и курсы политсостава (1953 г.). В 1955 г. при массовом сокращении армии он был уволен с должности замполита пехотного батальона, майор запаса. Службу он проходил в основном в Польше, Австрии и Венгрии. После демобилизации в 1956 г. он работал токарем на заводе в Перми, откуда поступил в Свердловский юридический институт, который и окончил в 1960 г. После этого он был направлен на работу в судебные органы Смоленской области, в 1968–1974 гг. – член Смоленского областного суда.

Одновременно И. М. Горбачев интенсивно занимается проблемами стимулирования труда⁸², в 1972 г. во ВНИИ СЗ защищает кандидатскую диссертацию на тему «Правовые вопросы образования и использования фонда материального поощрения на промышленных предприятиях». Есть что-то символическое в том, что его научным руководителем был профессор К. П. Горшенин, ученик И. С. Войтинского⁸³, который, в свою очередь, был учеником Л. С. Таля. Напомним, что Л. С. Таль, в прошлом профессор Демидовского юридического лицея, был основателем не только российской школы трудового права, но и ярославской школы ученых-трудоуков. Не менее символично и то, что вторым оппонентом на защите диссертации И. М. Горбачева был доцент кафедры трудового права МГУ

⁸² См.: Горбачев И. М. Вознаграждение по итогам годовой работы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 23. М., 1971 и др.

⁸³ См.: Лушников А. М. Иосиф Савельевич Войтинский: жизненный путь и научное наследие // Правоведение. 2003. № 5. С. 221–238.

А. Д. Зайкин, ставший впоследствии научным руководителем М. В. Лушниковой. К этому сюжету мы еще вернемся ниже. В Ярославле И. М. Горбачев с сентября 1974 г. работал на должности старшего преподавателя кафедры гражданского права и процесса, продолжал заниматься научной и методической работой, подготовил ряд публикаций, посвященных стимулированию труда⁸⁴. Кроме трудового, он также преподавал право социального обеспечения и колхозное право. С 1977 г. он избирается на должность доцента, а в январе 1979 г. утверждается в этом звании. В середине 1979 г. он переходит на работу в Гродненский государственный университет (Белорусская ССР). К этому времени И. М. Горбачев имел около 20 публикаций. Его дальнейшая судьба нам не известна.

Ему на смену в конце 1981 г. на кафедру гражданского права и процесса для чтения лекций по трудовому праву принимается доцент *Владимир Данилович Мордачев*. После окончания Свердловского юридического института (СЮИ) в 1961 г. он работал в судебных и хозяйственных органах, с 1969 г. был преподавателем и аспирантом СЮИ. В 1972 г. под руководством известного советского ученого-трудовика Б. К. Бегичева он подготовил в СЮИ кандидатскую диссертацию на тему «Сроки в советском трудовом праве». В дальнейшем он продолжил работу в СЮИ, с 1972 г. был старшим преподавателем, с 1974 г. – доцентом (утвержден в этом звании в 1976 г.). В 1980 г. он старший научный сотрудник Саратовского юридического института, в 1980–1981 гг. – доцент Ивановского государственного университета. Наконец, с декабря 1981 по апрель 1992 гг. В. Д. Мордачев был доцентом кафедры гражданского права и процесса Ярославского госуниверситета, с июня 1982 по август 1986 гг. исполнял обязанности заведующего этой кафедрой. В этот период он издавал исследования по трудовому праву⁸⁵, являлся автором около 70 публикаций, в том числе 4 монографий. В апреле 1992 г. он покинул университет, в тот же год в СЮИ защитил докторскую диссертацию на тему «Основные модели правомерного поведе-

⁸⁴ См.: Горбачев И. М. Правовое регулирование материального стимулирования рабочих и служащих в современных условиях. Ярославль, 1977 и др.

⁸⁵ См.: Мордачев В. Д. Нормы советского трудового права: Социальные свойства и обоснование. Саратов, 1984; Мордачев В. Д., Чежина Э. А. Трудовой коллектив предприятия: права и обязанности. М., 1984 и др.

ния работника». В настоящее время он живет и работает в Екатеринбурге.

Из числа выпускников ЯрГУ первым преподавателем трудового права стала **Марина Владимировна Лушникова** (Орлова), которая еще в студенческие годы была председателем студенческого научного общества. После окончания юридического факультета она поступила в очную аспирантуру МГУ, где ее руководителем стал заведующий кафедрой трудового права МГУ, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор А. Д. Зайкин. В 1986 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Правовой механизм стимулирования рабочих и служащих за экономию труда на промышленных предприятиях». По возвращении в Ярославль она стала работать юрисконсультом ЯрГУ и по совместительству ассистентом кафедры гражданского права и процесса. С 1987 г. она становится штатным ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры, читает курс трудового права. В ходе исследовательской работы М. В. Лушникова постепенно выходит на новую для российской науки трудового права проблему социального партнерства в сфере труда⁸⁶. В 1997 г. она публикует первую в России монографию, посвященную комплексному исследованию правового механизма социального партнерства⁸⁷, и в том же году в МГУ защищает докторскую диссертацию по данной проблематике⁸⁸. Отметим, что в Трудовой кодекс РФ 2001 г. был впервые включен специальный раздел «Социальное партнерство в сфере труда». В нем нашли отражение ряд положений, обоснованных в вышеназванных трудах М. В. Лушниковой.

С этого периода она вошла в ряды ведущих отечественных специалистов в сфере трудового права и права социального

⁸⁶ См.: Лушникова М. В. Правовой механизм социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений // Россия в европейском цивилизационном процессе. СПб, 1994; Она же. Правовой механизм социального партнерства как фактор стабильности трудовых отношений // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995; Она же. Трудовые споры в СССР. Ярославль, 1991 и др.

⁸⁷ См.: Лушникова М. В. Государство, работодатели и работники: теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). Ярославль, 1997.

⁸⁸ См.: Лушникова М. В. Правовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношениях (сравнительно-правовое исследование). Дис...докт. юрид. наук. М., 1997.

обеспечения, неоднократно выступала оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Она принимала участие в комиссии по реформе высшего юридического образования, созданной при Министерстве образования РФ. С момента создания Российской ассоциации трудового права и права социального обеспечения в 1998 г. М. В. Лушникова неизменно принимает активное участие в ее работе.

В 1990-е гг. произошли изменения и в преподавании трудового права. Если ранее его обычно вели два специалиста, причем один читал лекции на дневном, другой – на вечернем отделениях, то теперь практически все занятия вел один преподаватель. Кроме того, постоянно изменяющееся постсоветское трудовое законодательство требовало внесения определенных корректировок в читаемый курс. Изменения коснулись и преподавания права социального обеспечения, которое начало осуществляться еще со второй половины 1980-х гг. Реформы социального страхования 1990-х гг. актуализировали значение этого предмета, что нашло отражение в трудах ярославских ученых⁸⁹. На протяжении практически всех 1990-х гг. лекционные курсы по трудовому праву и праву социального обеспечения на всех отделениях юридического факультета ЯрГУ читала доцент, затем профессор М. В. Лушникова.

В начале XXI в. ярославская школа ученых-трудовиков вступила в новый, более плодотворный, этап своего развития. Собственно, с этого периода ее и можно считать новой постсоветской школой, которая сформировалась во многом благодаря научному творчеству М. В. Лушниковой, о которой уже говорилось выше. При этом очевидна и преемственность с первой генерацией представителей ярославской школы, сложившейся на рубеже XIX–XX вв. Этот процесс совпал с принятием Трудового кодекса РФ, в подготовке которого М. В. Лушникова принимала активное участие.

В 2000 г. на кафедру гражданского права и процесса перешел профессор **Андрей Михайлович Лушников**. После окончания Ленинградского высшего военно-политического училища ПВО им. Ю. В. Андропова он до 1989 г. проходил службу в Вооруженных силах на офицерских должностях, затем был асси-

⁸⁹ См.: Лушникова М. В. Право социального обеспечения: Часть общая. Ярославль, 1998 и др.

стентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором Ярославского государственного технического университета (до 2000 г.), где преподавал исторические и правовые дисциплины. А. М. Лушников занимался проблемами отечественной истории, защитил по данной проблематике кандидатскую (1990 г.) и докторскую диссертации (1998 г.) в Ярославском госуниверситете. После окончания юридического факультета ЯрГУ с 1995 г. он становится доцентом кафедры теории и истории государства и права (по совместительству), где читает курс таможенного права и отечественной истории. Он стал первым преподавателем юридического факультета ЯрГУ, который начал читать курс таможенного права (с 1997 г.), подготовил научные публикации по данной проблематике⁹⁰. После завершения обучения в аспирантуре Московской государственной юридической академии (МГЮА) им была защищена кандидатская диссертация на тему «Генезис науки трудового права и науки права социального обеспечения в России» (2001 г.), а после обучения в докторантуре там же – докторская диссертация на тему «Проблемы общей части российского трудового права: научное наследие, современное состояние и перспективы научных исследований» (2004 г.). Научным руководителем является заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения МГЮА, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридиче-

⁹⁰ См.: Лушников А. М. Таможенный режим: к проблеме определения и содержание понятия // Юридические записки ЯрГУ. Вып. 3. Ярославль, 1999. С. 128–134; Он же. Свободные экономические зоны и некоторые аспекты таможенно-правового регулирования внешнеэкономической деятельности // Юридические записки ЯрГУ. Вып. 4. Ярославль, 2000. С. 132–139; Он же. О моделях соотношения налогового и таможенного законодательства // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века: Юриспруденция. Ярославль, 2000; Он же. О налоговой природе таможенной пошлины // Актуальные проблемы цивилистики и смежных с нею областей юриспруденции в условиях социально-экономического реформирования российского общества. Ярославль, 2000. С. 63–68 и др.

ских наук, профессор К. Н. Гусов. Опять же символично, что К. Н. Гусов был последним учеником выдающегося советского ученого-трудовика и теоретика права Н. Г. Александрова⁹¹, который, в свою очередь, был учеником И. С. Войтинского, бывшего учеником Л. С. Таля. Так, генеалогическая линия науки трудового права, ведущая начало от профессора Демидовского юридического лицея Л. С. Талья, опять привела в Ярославль. С 2002 г. А. М. Лушников ведет лекционный курс трудового права на юридическом факультете по всем формам обучения, а до 2004 г. – и курс таможенного права.

С 2001 г. на кафедру гражданского права и процесса для проведения занятий по трудовому праву и праву социального обеспечения была принята выпускница ЯрГУ *Татьяна Юрьевна Барышникова*, ставшая и первой аспиранткой по специальности 12.00.05 Трудовое право; право социального обеспечения. С 2002 г. она начала вести занятия по праву социального обеспечения и в настоящее время читает лекции по данной дисциплине по всем формам обучения. Под научным руководством М. В. Лушниковой в 2005 г. в Пермском государственном университете Т. Ю. Барышникова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве». Отметим, что в том же году под научным руководством М. В. Лушниковой в Пермском государственном университете кандидатские диссертации защитили еще два выпускника ЯрГУ *Юрий Александрович Кузнецов* и *Екатерина Васильевна Каплун* (Калпазанова). Первый из них с 2006 г. по настоящее время является старшим преподавателем кафедры трудового права (по совместительству), ведет занятия по трудовому и финансовому праву. Е. В. Калпазанова была совместителем кафедры до 2008 г. Стараниями специалистов по трудовому и финансовому праву уже в первые годы XXI в. была сформирована учебно-методическая база для изучения преподаваемых на кафедре курсов⁹².

⁹¹ См.: Лушников А. М. Н. Г. Александров: вехи научной биографии ученого // К 100-летию со дня рождения профессора Н. Г. Александрова. М., 2008. С. 17–27.

⁹² См.: Лушников А. М. Таможенное право: Метод. указания. Ярославль, 2004; Он же. Таможенное право: Учеб.-метод. комплекс. Ярославль, 2004; Он же. Трудовое право России: Право социального обеспе-

К 2005 г. ассистентами и одновременно аспирантами кафедры, специализирующимися на трудовом праве, были *Елена Александровна Исаева* и *Дмитрий Александрович Смирнов*. Первая из них под руководством А. М. Лушникова в 2008 г. в Академии труда и социальных отношений защитила кандидатскую диссертацию на тему «Предотвращение дискриминации в трудовых отношениях: теоретические аспекты и юридическая практика (по опыту США)». Д. А. Смирнов ведет занятия не только по трудовому, но также по таможенному и финансовому праву. В 2009 г в Петербургском государственном университете под руководством М. В. Лушниковой он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Понятийный аппарат института оплаты труда: комплексный анализ». Таким образом, к 2005 г. существовали все предпосылки к организационному обособлению кафедры трудового и финансового права, а именно: необходимый кадровый потенциал, сложившаяся научная и педагогическая школа трудового права и права социального обеспечения, относительно обособленный комплекс учебных дисциплин. ***В результате в конце 2005 г. в составе юридического факультета ЯрГУ была образована кафедра трудового и финансового права, которую составили преподаватели данных дисциплин в составе кафедры гражданского права и процесса. Первым заведующим кафедрой стал профессор А. М. Лушников, а в ее состав вошли профессор М. В. Лушников, ассистент, затем старший преподаватель Т. Ю. Барышникова, ассистенты Е. А. Исаева, Д. А. Смирнов.*** По совместительству на кафедре трудились сначала Е. В. Калпазанова, затем Ю. А. Кузнецов. В неизменном составе кафедра существует и по сей день, за исключением Е. В. Калпазановой, избранной в начале 2009 г. старшим преподавателем кафедры гражданского права и процесса. В настоящее время все преподаватели кафедры имеют научные степени.

Уже в первые годы XXI в. ярославская школа трудового права заняла видное место среди отечественных научных школ, заявив о себе рядом научных публикаций⁹³. Ее представители

чения: Практикум. Ярославль, 2003; Лушников М. В., Лушников А. М. Практикум по трудовому праву. Ярославль, 2002 и др.

⁹³ См.: Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003; Он же. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в

одними из первых вернулись к традиции, заложенной еще лицейскими профессорами, исследовать проблему в рамках ее хронологического развертывания. Обращение к истории науки трудового права и права социального обеспечения, к наследию ее выдающихся представителей и в настоящее время является отличительной чертой ярославской школы ученых-трудовиков⁹⁴. Более того, А. М. Лушников принимал участие в подготовке очерков по истории кафедр трудового права других вузов, в том числе МГУ и МГЮА⁹⁵.

М. В. Лушниковой и А. М. Лушниковым был опубликован первый в России полный «Курс трудового права», выход которого имел определенный научный резонанс⁹⁶. В данном курсе в комплексе были рассмотрены все основные проблемы отрасли и науки трудового права, предложена новая основа структури-

России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2001; Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001 (рецензию на последнюю см.: Человек и труд. 2001. № 11) и др.

⁹⁴ См.: Лушников А. М. Иосиф Савельевич Войтинский: жизненный путь и научное наследие // Правоведение. 2003. № 5. С. 221–238; Он же. В. И. Смолярчук: юрист, ученый, литератор, педагог // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 2. С. 807–814; Он же. У истоков российской науки международного и зарубежного трудового права: жизнь и научное наследие Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 568–581; Лушников А. М., Лушникова М. В. Воспитанницы Бестужевских курсов и развитие отечественной науки трудового права (А. Е. Семенова, З. Р. Теттенборн, П. Д. Каминская) // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. С. 546–560; Они же. Жизнь и научное наследие К. М. Варшавского // Правоведение. 2008. № 1. С. 227–236; Они же. И. Я. Киселев: жизнь и научное наследие // Правоведение. 2006. № 3. С. 230–236 и др.

⁹⁵ См.: Гусов К. Н., Лушников А. М. История кафедры трудового права и права социального обеспечения МГЮА // Lex Russica. 2006. № 6. С. 1089–1105; Куренной А. М., Лушников А. М. Кафедра трудового права МГУ им. М. В. Ломоносова: вчера и сегодня // Вопросы трудового права. 2006. № 4. С. 50–57; Они же. Кафедра трудового права МГУ им. М. В. Ломоносова // К 100-летию со дня рождения профессора Н. Г. Александрова. М., 2008. С. 137–148; Московская государственная юридическая академия. 1931–2006. М., 2006 (в соавторстве).

⁹⁶ См.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2004. Рецензии на это издание см.: Правоведение. 2004. № 2. С. 266–268; Труд за рубежом. 2005. № 1. С. 165–166 и др.

зации отрасли, дано подробное историко-правовое введение, проанализированы основные сюжеты, связанные с коллективным трудовым правом. В курсе впервые в отечественной науке разносторонне рассмотрены трудовые права человека, обосновано выделение нового института отрасли трудового права с условным названием «право на информацию субъектов трудового права»⁹⁷. Авторами предлагается закрепление в качестве родового понятия трудоправовой ответственности⁹⁸. Также впервые в российской науке в сравнительно-правовом ключе анализируются основные тенденции развития трудового права, в том числе удельный рост нетипичных (гибких) трудовых отношений. В приложении к курсу представлены биографические очерки и списки основных публикаций ведущих отечественных ученых-трудовиков как досоветского, так и советского периодов. В 2009 г. выходит второе, переработанное и дополненное, издание «Курса трудового права», подготовленное с учетом последних изменений трудового законодательства и достижений отраслевой теории.

После создания в 2005 г. отдельной кафедры трудового и финансового права исследовательская и учебно-методическая работа в ее рамках еще более активизировалась. За этот период было опубликовано более десяти научных и научно-методических изданий по трудовому праву⁹⁹. Материалы исследований ярославских ученых продолжают публиковаться в ведущих научных журналах страны и других периодических изданиях¹⁰⁰.

⁹⁷ См. также: Лушникова М. В., Лушников А. М. Право на информацию субъектов трудового права // Государство и право. 2004. № 6. С. 42–48.

⁹⁸ См. также: Лушников А. М. Трудоправовая ответственность как родовое понятие // Юридические записки ЯрГУ. Вып. 9. Ярославль, 2005. С. 43–51.

⁹⁹ См.: Киселев И. Я., Лушников А. М. Трудовое право России и зарубежных стран: Международные нормы труда. М., 2008; Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М., 2006; Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. Ярославль, 2008; Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. СПб., 2006; Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль, 2008; Лушников А. М., Смирнов Д. А. Практикум по трудовому праву. Ярославль, 2007 и др.

¹⁰⁰ См.: Барышникова Т. Ю. К вопросу о классификации юридических фактов в праве социального обеспечения // Российский ежегодник

Возрождая традиции Демидовского юридического лица, члены кафедры трудового и финансового права продолжили публиковать рецензии на научные и учебные издания своих коллег¹⁰¹. А. М. Лушников и М. В. Лушникова участвовали в подготовке к переизданию основного труда Л. С. Таля «Трудовой договор. Цивилистическое исследование», который был первоначально опубликован в Ярославле в 1913 г. (ч. 1) и 1918 г. (ч. 2). Они же

трудового права. 2006. № 2. С. 740–746; Лушников А. М., Исаева Е. А. Правовые меры по предотвращению дискриминации в трудовых отношениях: опыт США // Труд за рубежом. 2005. № 1. С. 85–96; Лушникова М. В. Юридическая конструкция трудового договора: традиции и новации // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 99–131; Она же. О презумпции трудовых отношений // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 2. С. 39–48; Лушникова М. В., Лушников А. М. Аннулирование трудового договора: проблемы и противоречия // Трудовое право. 2005. № 3. С. 36–37; Они же. Заемный труд: исторический опыт и перспективы регулирования // Человек и труд. 2004. № 7. С. 85–88; Они же. Коллизионные правовые предписания в трудовом праве... // Хозяйство и право. 2005. № 6. С. 26–31; Они же. О пределах ограничения трудовых прав и свобод // Трудовое право. 2008. № 7. С. 43–52; Они же. О Толковании трудового договора // Правоведение. 2005. № 2. С. 62–70; Они же. Основные государственные гарантии по оплате труда: сравнительно-правовой анализ // Трудовое право. 2005. № 2. С. 17–28; Они же. Права работника на защиту чести и достоинства и обеспечение равных возможностей на продвижение по работе... // Трудовое право. 2009. № 2. С. 107–112; Они же. Право на забастовку: историко-правовое эссе // Правоведение. 2005. № 5. С. 51–73; Они же. Содержание трудового договора: теория и практика // Человек и труд. 2005. № 10. С. 56–62; Лушников А. М., Фомина М. А. Особенности правового регулирования трудовых отношений при нестандартных формах занятости: опыт стран Запада // Труд за рубежом. 2007. № 2. С. 88–109 и др.

¹⁰¹ Лушникова М. В., Лушников А. М. Рец. на кн.: Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2004 // Государство и право. 2005. № 4. С. 125–127; Они же. Рец. на кн.: Киселев И. Я. Трудовое право России: Историко-правовое исследование. М., 2001 // Государство и право. 2003. № 7. С. 119–120; Они же. Рец. на кн.: Киселев И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран: Международные нормы труда. М., 2005 // Государство и право. 2007. № 2. С. 124–125; Они же. Рец. на кн.: Курс российского трудового права. В 3 т. Т. 1. СПб., 1996; Т. 2. М., 2001 // Правоведение. 2004. № 2. С. 250–265; Они же. Рец. на кн.: Лебедев В. М. и др. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма) // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. С. 585–589; Они же. Рец. на кн.: Право социального обеспечения / Под ред. М. В. Филипповой. М., 2006 // Правоведение. 2007. № 5. С. 257–259 и др.

написали биографический очерк об ученом, провели разбор его творчества и составили список публикаций¹⁰².

Интенсифицировалась и научная работа в сфере права социального обеспечения¹⁰³. М. В. Лушниковой и А. М. Лушниковым в 2008 г. был опубликован первый в России «Курс права социального обеспечения»¹⁰⁴, а в 2009 г. вышло его второе дополненное издание. В курсе впервые в отечественной науке осмыслен весь процесс становления и развития науки права социального обеспечения. Эволюция западного социально-обеспечительного законодательства дана не просто через хронологическое описание, но через выделение моделей сначала социального призрения, затем социального страхования и в целом социального обеспечения. Также впервые без марксистской идеологической заданности и без постсоветского гиперкритицизма рассмотрена советская модель права социального обеспечения, как ее слабые, так и сильные стороны. Особое внимание обращено на рост договорных начал в социальном страховании и в целом в социальном обеспечении, предложено договоры в сфере социального обеспечения, традиционно считающиеся гражданско-правовыми, включить в сферу действия социально-обеспечительного законодательства.

Основным направлением научных исследований кафедры являются проблемы теории трудового права и права социального обеспечения. Важное внимание при этом уделяется истории науки и законодательства, а равно сравнительному и международному трудовому праву и праву социального обеспечения. Это сочетается с активной практической деятельностью ярославских ученых-трудовиков. Они активно сотрудничают с Комитетом по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Конституционным Судом РФ,

¹⁰² См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. Лев Семенович Таль: Жизнь и творчество (1867–1933) // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. С. 7–23.

¹⁰³ Лушников А. М., Лушникова М. В., Барышникова Т. Ю. Теория права социального обеспечения: прошлое и настоящее. Ярославль, 2008 и др.

¹⁰⁴ См.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2008; изд. 2-е, доп., М., 2009. См. рецензию на него М. Ю. Федоровой: Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. С. 590–592.

Экономическим судом СНГ. Кафедра трудового права и финансового права неоднократно давала экспертные заключения по запросам вышеназванных организаций. М. В. Лушникова и А. М. Лушников являются арбитрами при разрешении коллективных трудовых споров в Ярославской области. М. В. Лушникова являлась ранее, а А. М. Лушников является в настоящее время членом Квалификационной коллегии судей Ярославской области. О росте авторитета ярославской школы трудового права свидетельствует и то, что с 2003 г. М. В. Лушникова является экспертом экспертного совета по праву ВАК РФ. Кроме того, она является заместителем главного редактора «Российского ежегодника трудового права», который издается с 2005 г. Ярославские ученые регулярно публикуются на страницах этого авторитетного периодического издания.

Ширятся и международные связи кафедры. В настоящее время налажены прямые договорные контакты с коллегами-трудовиками из Белорусского (г. Минск) и Гродненского государственных университетов (Белоруссия), Конституционного совета (суда) Республики Казахстан, Казахского национального университета (Алматы) и Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана) (Казахстан); Даугавпилсского университета (г. Даугавпилс, Латвия), Вильнюсского университета (Литва), а также с учеными Украины и Эстонии.

В первой части данной книги уже говорилось о том, что Демидовский юридический лицей был лидером среди юридических вузов России по числу периодических изданий. На кафедре трудового и финансового права эту традицию в некоторой степени решили возродить, в связи с чем с 2006 г. выходит *«Вестник трудового права и права социального обеспечения»*. Это ежегодное периодическое кафедральное издание, единственное в России в настоящее время. Как известно, в лицее выпускался «Временник Демидовского юридического лицея», а также журналы «Юридическая библиография» и «Юридические записки Демидовского юридического лицея». В данном случае была предпринята попытка в новом «Вестнике» совместить направление «Временника» (публикации ученых по актуальным проблемам права) и «Юридической библиографии» (рецензии и обзоры новых изданий по юриспруденции). Это тем более важно, что жанр библиографической критики и ана-

лиза работ по трудовому праву и праву социального обеспечения в настоящее время переживает не лучшие времена.

Первый выпуск «Вестника трудового права и права социального обеспечения» (Ярославль, 2006), как и последующие, состоял структурно из двух частей. В первой части первого выпуска рассматриваются биографии и научное наследие представителей ярославской юридической школы, которые стояли у истоков формирования науки трудового права и науки права социального обеспечения. Во второй части первого выпуска представлены рецензии на научные и учебные издания по трудовому праву, опубликованные в 2004–2005 гг. Проблемы трудового права и права социального обеспечения будут рассматриваться в тесном взаимодействии. Вернемся к первой части первого выпуска «Вестника трудового права и права социального обеспечения», которую подготовили А. М. Лушников и М. В. Лушникова. Она поименована «Основатели ярославской школы трудового права: портреты на фоне времени». Там представлена наиболее полная на сегодняшний день биография Л. С. Таля с анализом его научного наследия. Кроме того, рассмотрен вклад в развитие науки трудового права таких известных представителей ярославской юридической школы, как И. И. Дитятин, Б. А. Кистяковский, А. А. Исаев, Р. М. Орженецкий, Н. Л. Дювернуа, В. М. Гордон, Б. В. Чредин, А. В. Венедиктов, И. Я. Гурлянд, Н. Н. Голубев, Н. Н. Полянский, В. Н. Ширяев, А. М. Стопани, В. А. Гаген. Рассмотрено и научное наследие профессоров Ярославского педагогического института Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау. В этом контексте материалы данной части созвучны содержанию настоящей книги. Во второй части выпуска помещены рецензии на научные издания: Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права: Монография. М.: РПА РФ, 2004. 334 с. (Автор – Т. Ю. Барышникова); Нестерова Т. А. Государственные органы и их служащие в системе защиты трудовых прав. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 406 с. (Т. Ю. Барышникова, Ю. А. Кузнецов); Актуальные проблемы ответственности в трудовом праве: история и современность / Под общ. ред. Г. Х. Шафиковой, М. С. Сагандыкова. Челябинск, 2005. 158 с. (Ю. А. Кузнецов); Бондаренко Э. Н. Юридические факты в трудовом правоотношении: Монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. 224 с. (А. М. Лушников); Киселев И. Я. Сравнительное трудовое пра-

во: Учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 360 с. (А. М. Лушников); Кузьменко А. В. Предмет трудового права России: Опыт системно-юридического исследования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 274 с. (А. М. Лушников, М. В. Лушникова); Сойфер В. Г. Проблемы развития трудовых правоотношений в условиях рынка. М.: Национальный институт бизнеса. 2005. 280 с. (М. В. Лушникова); Томашевский К. Л. Изменение трудового договора и условий труда: Сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы. М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2005. 208 с. (М. В. Лушникова). Этот список позволяет оценить широту спектра рецензируемой научной литературы как в тематическом, так и в географическом смыслах. Первый выпуск был посвящен памяти основателя ярославской школы трудового права, профессора Демидовского юридического лицея Л. С. Таля.

Второй выпуск «Вестника трудового права и права социального обеспечения» (Ярославль, 2007) был посвящен праву на труд и праву на социальное обеспечение в системе прав человека. В первой части были рассмотрены такие сюжеты, как историко-философское осмысление права на труд и права на социальное обеспечение в их единстве и взаимообусловленности; право на существование как первичная основа права на труд и права на социальное обеспечение; сравнительный анализ социального права, трудового права и права социального обеспечения; религиозные аспекты права на труд и права на социальное обеспечение. Кроме того, было представлено историко-догматическое эссе о праве на труд, рассмотрены история, теория, законодательство о праве на социальное обеспечение. (А. М. Лушников, М. В. Лушникова). Т. Ю. Барышникова рассмотрела трудовые и социально-обеспечительные аспекты права на пособие по беременности и родам. Д. А. Смирнов затронул некоторые особенности понятийного аппарата нормативных актов Международной организации труда. Примечательно, что в подготовке библиографического раздела второго выпуска «Вестника трудового права и права социального обеспечения» приняли участие не только штатные преподаватели кафедры и совместители, но и аспиранты, в том числе М. А. Шабанова, защитившая в 2008 г. под научным руководством А. М. Лушникова, кандидатскую диссертацию.

Нижний ряд (слева направо): Ю. А. Кузнецов, М. В. Лушников, Д. А. Смирнов;
верхний ряд: Е. А. Исаева, А. М. Лушников, Н. В. Рощепко.

Третий выпуск «Вестника трудового права и права социального обеспечения» (Ярославль, 2008) посвящен сравнительному трудовому праву и праву социального обеспечения в разрезе истории, теории и юридической практики. При этом отмечено, что отечественное сравнительное трудовое право и право социального обеспечения прошло примерно те же периоды развития, что и отечественная юридическая компаративистика, да и правоведение в целом.

1. Досоветский период, когда трудовая компаративистика формировалась параллельно с трудовым правом и сравнительным правоведением. Это был относительно единый и достаточно плодотворный период.

2. Советский период, который имеет несколько подпериодов, хотя в целом он отличается единой идеологической основой:

А) до конца 1920-х гг., когда сравнительно-правовые исследования проводились относительно активно, хотя восприятие зарубежного опыта уже было деформировано;

Б) с начала 1930-х до середины 1950-х гг., который был для советской компаративистики наименее плодотворным из-за идеологического давления;

В) до начала 1990-х гг., когда было некоторое повышение результативности сравнительного отраслевого правоведения, но при прежней жесткой идейной заданности.

3. Постсоветский период, начавшийся с распада СССР и продолжающийся в настоящее время. Он неоднозначен, но оживление сравнительного правоведения налицо.

В первом разделе дано историко-догматическое исследование развития сравнительного трудового права и права социального обеспечения в России, прослежен его генезис и становление в дореволюционной России. Также анализируется развитие отечественного сравнительного трудового права и права социального обеспечения в советский период, а равно его состояние на рубеже XX–XXI вв. (А. М. Лушников, М. В. Лушникова). Т. Ю. Барышникова рассмотрела международно-правовое измерение законодательства о занятости, Ю. А. Кузнецов остановил свое внимание на некоторых теоретических и прикладных аспектах теории недействительности трудовых сделок. Е. А. Исаева поставила проблему закрытого перечня дискриминационных оснований в трудовом законодательстве в сравнительном аспекте. Д. А. Смирнов провел сравнительный анализ

понятий заработной платы в трудовом законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

Выпуск сборника был приурочен к проведению на базе кафедры трудового и финансового права ЯрГУ международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы сравнительного трудового права и права социального обеспечения», которая состоялась в ноябре 2008 г.¹⁰⁵. Она проводилась совместно с юридическим факультетом Белорусского государственного университета. В этой связи в третьем выпуске были помещены тексты выступлений ведущих белорусских ученых-трудовиков, принявших участие в научной конференции в Ярославле. Речь идет о доцентах кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского университета А. А. Войтике, О. С. Курылевой, К. Л. Томашевском, Х. Т. Мелешко, Е. В. Мотиной. Во второй части третьего выпуска помещены рецензии на основные научные исследования по трудовому праву, увидевшие свет в конце 2007–2008 гг. В подготовке этих рецензий участвовали все члены кафедры. Подчеркнем, что третий выпуск «Вестника» был посвящен памяти видного отечественного ученого-компаративиста И. Я. Киселева¹⁰⁶.

С конца 2005 до середины 2009 г. кафедра трудового и финансового права укрепила себя в качестве одного из ведущих очагов российской науки трудового права и права социального обеспечения. За это время на кафедре защитили кандидатские диссертации 8 человек, трое из которых являются штатными преподавателями кафедры и один – совместителем. Все преподаватели кафедры (два доктора наук, профессора; один старший преподаватель и два ассистента (все трое – кандидаты наук), а также один старший преподаватель – совместитель, кандидат наук) являются выпускниками юридического факультета ЯрГУ. Кафедра неоднократно выступала в качестве ведущей организации при защите диссертаций, а ее преподаватели около двадцати раз являлись в этом процессе официальными оппонентами. Сотрудниками кафедры за этот период опубликовано более 200 публикаций, в том числе более 10 монографий, учебников и

¹⁰⁵ Отчет о конференции см.: Ежегодник российского трудового права. 2008. № 4. С. 655–669.

¹⁰⁶ См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. И. Я. Киселев: жизнь и научное наследие // Правоведение. 2006. № 3. С. 230–236.

учебных пособий. С момента своего существования кафедра неизменно занимает первое место в Ярославском государственном университете по научной работе. Все это позволяет смотреть на будущее ярославской школы ученых-трудовиков не только с надеждой, но и с ожидание весомых научных результатов.

**Профессора и доценты
юридического факультета
Ярославского государственного
университета
им. П. Г. Демидова (на 2009 год)**

Крташов Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Тема кандидатской диссертации «Институт аналогии в советском праве» (Саратов, 1976).

Тема докторской диссертации «Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии» (Москва, 1990).

Всего опубликовано 413 работ, из них: 296 научных работ, в том числе 5 монографий (4 в соавторстве), 192 научных статьи (24 в соавторстве), 93 тезисов докладов (13 в соавторстве), 12 рецензий, а также 111 учебных и учебно-методических работ, 8 учебников (в соавторстве), 24 учебных пособия (11 в соавторстве), 18 курсов лекций (6 в соавторстве), 30 учебно-методических пособий (26 в соавторстве), 35 статей и тезисов докладов (14 в соавторстве).

Основные публикации

Монографии

Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.

Противоправная деятельность и юридическая ответственность. Кострома, 2007 (в соавторстве с Г. Г. Бриль).

Правовая культура: понятие, структуры, функции. Ярославль, 2008 (в соавторстве с М. Г. Баумовой).

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Теория государства и права: Учебник / под ред. В. К. Бабаева. 1-е изд. М.: Юрист, 1999 (2002, 2004). Гл. 18: Юридическая практика.

Теория государства и права: Учебник / под ред. В. К. Бабаева М.: Юрист, 2006. Гл. 12: Принципы права.

Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 1998. Т. 2. Гл. 14: Юридическая практика.

Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001. Т. 2. Гл. 4: Принципы права.

Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001 (2003, 2006). Т. 3. Гл. 7: Юридическая практика в правовой системе общества.

Обществознание: Учебник для подготовки к ЕГЭ / под науч. ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. Гл. 5: Теория права.

Введение в общую теорию правовой системы общества: Курс лекций. Ярославль: ЯрГУ, 1995 – 2004. Ч. 1 – 10.

Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2005. Т. 1.

Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2006. Т. 2.

Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии): Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2007 (в соавторстве с С. В. Бахваловым).

Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матусова и А. В. Малько. М.: Юрист, 1995. (1997, 1999, 2000, 2002 и т. д.). Гл. 20: Юридическая практика.

Кругликов Лев Леонидович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, заслуженный деятель науки РФ.

Тема кандидатской диссертации «Способы совершения преступления (вопросы теории)» (Свердловск, 1971).

Тема докторской диссертации «Правовые средства обеспечения справедливого наказания в пределах его индивидуализации» (Москва,

1985).

Общее количество опубликованных трудов – 450.

Основные публикации

Монографии

Смягчающие иотягчающие обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985.

Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 1999.

Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления). Ярославль, 2000 (в соавторстве с Ю. Г. Зуевым).

Проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания (на примере анализа экономических преступлений). Караганда, 2001 (в соавторстве с Н. О. Дулатбековым).

Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003 (в соавторстве с А. В. Васильевским).

Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения (вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности). Ярославль, 2003 (в соавторстве с О. Г. Соловьевым).

Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005 (в соавторстве с О. Е. Спиридоновой).

Общие начала назначения наказания. Караганда, 2006.

Энциклопедия уголовного права. Т. 9 / под ред. В. Б. Малинина. СПб., 2008. Гл.: Назначение наказания.

Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. Ярославль, 2008 (в соавторстве с О. Г. Соловьевым, А. С. Грибовым).

Унификация в уголовном праве. СПб., 2008 (в соавторстве с Л. Е. Смирновой).

Сравнительный анализ учения о составе преступления в Китае и России: [на китайском языке]. Пекин, 2008. Гл.: История развития учения о составе преступления; Гл.: Виды составов.

Развитие учения о составе преступления в уголовном праве России и Китая. СПб., 2009. Гл.: История развития учения о составе преступления; Гл.: Виды составов.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Практикум по советскому уголовному праву. Ярославль, 1977 (в соавторстве с А. С. Молодцовым).

Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Часть Общая. Ярославль, 1977.

Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Часть Особенная. Ярославль, 1979.

Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. Ярославль, 1986.

Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступления. Ярославль, 1989 (в соавторстве с В. Н. Савиновым).

Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка: Текст лекций. Екатеринбург, 1994 (в соавторстве с И. Я. Козаченко, Т. А. Костаревой).

Практикум по уголовному праву / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1997 (в соавторстве).

Преступления против личности: Текст лекций: Лекции 1 – 2. Ярославль, 1998.

Преступления против личности: Текст лекций: Лекции 3 – 6. Ярославль, 1998.

Введение в юриспруденцию / под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, Н. Н. Тарусиной. 1-е изд. Ярославль, 1997; 2-е изд. Ярославль, 1999.

Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2 / под ред. проф. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999 (в соавторстве).

Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. 1-е изд. М., 1999; 2-е изд. М., 2005 (в соавторстве).

Уголовное право России. Часть Особенная. / под ред. Л. Л. Кругликова. 1-е изд. М., 1999; 2-е изд. М., 2004; 3-е изд. М., 2005 (в соавторстве).

Уголовное право России. Часть Особенная: Краткое пособие / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 1-е изд. М., 2000; 2-е изд. М., 2005 (в соавторстве).

Уголовное право России. Общая часть: Краткое пособие / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2001 (в соавторстве).

Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001 (в соавторстве Н. О. Дулатбековым).

Практикум по уголовному праву. Общая часть. Особенная часть. М., 2002.

Обществознание / под ред. В. Н. Карташова, А. А. Райляна. СПб., 2003 (в соавторстве).

Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова. Казань, 2003; 2007 (в соавторстве).

Уголовное право / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2006.

Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для средних специальных учебных заведений / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2006 (в соавторстве).

Уголовное право России. Общая часть / под ред. Л. Л. Кругликова, Л. В. Лобановой. Волгоград, 2007 (в соавторстве с Л. В. Лобановой).

Обществознание / под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб., 2007.

Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. 1-е изд. М., 2008; 2-е изд. М., 2009.

Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1 (в соавторстве).

Лушникова Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Тема кандидатской диссертации «Правовой механизм материального стимулирования рабочих и служащих за экономию труда на промышленных предприятиях». М.: МГУ, 1986.

Тема докторской диссертации «Трудовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений (сравнительно-правовое исследование)». М.: МГУ, 1997.

Автор свыше 220 публикаций, в том числе 6 монографий, 24 учебников и учебных пособий.

Основные публикации

Монографии

Государство, работодатели и работники: теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: Подати, 1997.

Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль: ЯрГУ, 2001 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, Н. Н. Тарусиной).

Наука трудового права России. М.: Проспект, 2003 (в соавторстве с А. М. Лушниковым).

Очерки теории трудового права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 940 с. (в соавторстве с А. М. Лушниковым).

Гендерное равенство в семье и труде. М.: Проспект, 2006 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, Н. Н. Тарусиной).

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Трудовые споры в СССР: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1991.

Сборник задач и контрольных вопросов по трудовому праву и праву социального обеспечения. Ярославль: ЯрГУ, 1996.

Право социального обеспечения (Общая часть): Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1997.

Введение в юриспруденцию: Под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, Н. Н. Тарусиной: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1997.

Налоговое право (Часть общая): Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1998.

- Введение в юриспруденцию: Учеб. пособие. / Под ред. В. Н. Карташова и др. Ярославль: ЯрГУ, 1998.
- Правовой режим налогового планирования: Учеб. пособие. Ярославль, 1999.
- Основы обществознания: Учеб. пособие. Вологда: ВГПУ; Русь, 2000.
- Правовые основы налоговой системы: теория и практика: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2000.
- Сборник задач и контрольных вопросов по финансовому праву. Ярославль: ЯрГУ, 2001.
- Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. (гриф УМО). М.: Проспект, 2003 (в соавторстве с А. М. Лушниковым).
- Практикум по трудовому праву Ярославль: ЯрГУ, 2002 (в соавторстве с А. М. Лушниковым).
- Обществознание: Учеб. пособие. СПб., 2003.
- Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2 (гриф УМО). М.: Проспект, 2004 (в соавторстве с А. М. Лушниковым).
- Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство: Комплекс учебно-методических материалов. Ярославль: ЯрГУ, 2004.
- Налоги юридических лиц: Рабочая тетрадь. Ярославль, 2005.
- Обществознание: Учебник (гриф УМО) (гл. 12). СПб., Юридический Центр пресс, 2007.
- Теория права социального обеспечения: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, Т. Ю. Барышниковой).
- Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения: Учеб. пособие (гриф УМО). Ярославль: ЯрГУ, 2008 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, Н. Н. Тарусиной).
- Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2008 (в соавторстве с А. М. Лушниковым).
- Финансовое право: Практикум. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 96 с.
- Трудовое право России и зарубежных стран: Учебник / Под ред. М. В. Лушниковой. М.: Эксмо, 2008. 608 с. (в соавторстве с И. Я. Киселевым, А. М. Лушниковым).
- Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2009. Изд. 2-е, доп. 654 с. (в соавторстве с А. М. Лушниковым).
- Курс трудового права: В 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 1056 с.; Т. 2. 1072 с. (в соавторстве с А. М. Лушниковым).

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права.

Тема кандидатской диссертации «Генезис науки трудового права и науки права социального обеспечения в России». М.: МГЮА, 2001.

Тема докторской диссертации «Проблемы Общей части российского трудового права: научное наследие, современное состояние и перспективы исследований». М.: МГЮА, 2004.

Автор свыше 220 публикаций, в том числе 8 монографий, 24 учебников и учебных пособий.

Основные публикации

Монографии

Армия, государство и общество. Ярославль: ЯГТУ, 1996. 152 с.

Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль: ЯрГУ. 2001. 416 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной).

Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль: ЯГПУ, 2001. 150 с.

Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М.: Проспект, 2003. 304 с.

Лев Семенович Таль. Жизнь и творчество. // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. С. 7–23. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Очерки теории трудового права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 940 с. (В соавторстве с М. В. Лушниковой).

Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М.: Проспект, 2006. 288 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной).

Московская государственная юридическая академия. 1931–2006. М.: МГЮА, 2006. 485 с. (В соавторстве с И. М. Мацкевичем, М. Д. Чуповой и др.)

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Военная реформа в СССР (1924–1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки: Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1991. 96 с. (в соавторстве с С. Г. Осьмачко).

Война СССР с Финляндией (1939–1940 гг.): политические итоги и значение: Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1991. 60 с. (в соавторстве с С. Г. Осьмачко).

Развитие Советских вооруженных сил в межвоенный период (1921–1941 гг.): опыт и уроки: Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1992. 106 с. (в соавт. с В. С. Маслехиным и др.)

Советский Союз в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.): Учеб. пособие. Ярославль: ЯПИ, 1993. 91 с. (в соавторстве с С. Г. Осьмачко).

Советский Союз в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1994. 93 с. (в соавторстве с В. С. Маслехиным и др.)

Русская армия в 1905–1914 гг.: Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1995. 89 с. (в соавторстве с Б. И. Дергачевым и др.)

Советская военная школа в 1921–1941 гг.: социально-политические аспекты развития: Учеб. пособие. Ярославль: ЯГТУ, 1997. 88 с.

Военно-учебные заведения в переходный период от Российской империи к СССР (1917–1922 гг.): Учеб. пособие. Ярославль: ЯВЗРКУ ПВО, 1998. 73 с.

Государственная политика России в области образования в 1861–1917 гг.: Учеб. пособие. Ярославль: ЯГТУ, 1999. 68 с.

Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.): Учеб. пособие. Ярославль: МУБиНТ. 2000. 93 с. (в соавторстве с Н. И. Махровым).

Курс трудового права: Учебник (гриф УМО). М.: Проспект, 2003. Т. 1. 448 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Курс трудового права: Учебник (гриф УМО). М.: Проспект, 2004. Т. 2. 608 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Таможенное право: Учеб.-метод. комплекс. Ярославль: МУБиНТ, 2004. 53 с.

Обществознание. Учебник (гл. 12: Трудовое право) (гриф УМО). СПб: Юридический центр Пресс, 2007 (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Теория права социального обеспечения: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 288 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой, Т. Ю. Барышниковой).

Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения: цивилистическое исследование: Учеб. пособие (гриф УМО). Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной).

Курс права социального обеспечения: Учебник. М.: Юстицинформ, 2008. 600 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда: Учебник. М.: Эксмо, 2008. 608 с. (в соавторстве с И. Я. Киселевым, М. В. Лушниковой).

Социальное партнерство в сфере труда: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Теория государства и права: краткий курс: Учеб. пособие. Ярославль: МУБиНТ, 2009. 204 с.

Курс права социального обеспечения: Учебник. Изд. 2-е доп. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Теория государства и права: Элементарный курс: Учеб. пособие. М.: Эксмо, 2009. 236 с.

Курс трудового права: Учебник (гриф УМО). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статут, 2009. Т. 1. 1056 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Курс трудового права: Учебник (гриф УМО). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статут, 2009. Т. 2. 1072 с. (в соавторстве с М. В. Лушниковой).

Благов Евгений Владимирович – доктор юридических наук, профессор.

Тема кандидатской диссертации «Неправильное применение уголовного закона как основание к отмене или изменению приговора» (Казань, 1985).

Тема докторской диссертации «Теория применения уголовного права» (СПб., 2005).

Общее количество опубликованных работ – 173.

Основные публикации

Монографии

Учение о применении уголовного права. Ярославль: ЯрГУ, 1993.

Назначение наказания (теория и практика). Ярославль: ЯрГУ, 2002.

Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль: ЯрГУ, 2003.

Общая теория применения уголовного права. Ярославль: ЯрГУ, 2003.

Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004.

Квалификация и наказание при совершении нескольких преступлений. Ярославль: ЯрГУ, 2006.

Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007.

Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания. СПб., 2008 (в соавторстве с С. А. Велиевым и др.).

Квалификация при совершении преступления. М., 2009.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Понятие и основные направления уголовной политики и участие общественности в борьбе с преступностью. Ярославль: ЯрГУ, 1987 (в соавторстве с А. С. Молодцовым).

Замечания на Общую часть проекта нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Ярославль: ЯрГУ, 1992.

Основы применения уголовного права. Ярославль: ЯрГУ, 1992.

Особенности назначения наказания соучастникам преступления. Ярославль, 1993 (в соавторстве с Р. Х. Шаиповым).

Особенности назначения наказания за неоконченное преступление (вопросы дифференциации и индивидуализации). Ярославль: ЯрГУ, 1994.

Учебно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации (Общая часть). Ярославль, 1997.

Актуальные проблемы уголовного права: Общая часть. Ярославль: ЯрГУ, 2008.

Щербакова Нина Викторовна – доктор юридических наук, профессор.

Тема кандидатской диссертации «Роль правовой установки в формировании социальной активности личности». М., 1978.

Тема докторской диссертации «Социология правовой установки личности». М., 1992.

Всего опубликовано 200 научных и научно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Правовая установка и социальная активность личности. М.: Юрид. лит., 1986.

Проблема правовой установки личности. Ярославль: В-Волжское книж. изд-во, 1992.

Местное самоуправление в России: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 1996 (в соавторстве с Е. С. Егоровой).

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Социально-правовые основы правомерного поведения личности. Ярославль, 1984.

Основы обществознания: Учеб. пособие. (Часть Конституционное право). Вологда: Русь, 2000.

Обществознание: Учеб. пособие. СПб, 2006.

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, декан юридического факультета, заслуженный юрист РФ.

Тема кандидатской диссертации «Спор о праве семейном в советском гражданском процессе». ЛГУ, 1983.

Является автором более 120 научных и учебно-методических трудов.

Основные публикации

Монографии

Очерки теории российского семейного права. Ярославль, 1999.

Вопросы теории семейного права и гражданского процесса. М.: Проспект, 2001.

Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория и практика (сравнительно-правовое исследование). Ярославль, 2001 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, М. В. Лушниковой).

Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М.: Проспект, 2006 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, М. В. Лушниковой).

Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Защита семейных прав. Ярославль, 1985.

Актуальные теоретические проблемы защиты и охраны семейных прав и интересов. София: СУ «Св. Климент Охридски», 1990.

Субъекты предпринимательской деятельности. Ярославль, 1994.

Введение в юриспруденцию. Ярославль, 1997 (коллектив авторов).

Введение в юриспруденцию. Изд. 2-е. Ярославль, 1999 г. (коллектив авторов).

Основы обществознания. Вологда, 2000 (коллектив авторов).

Семейное право. М.: Проспект, 2001.

Обществознание (гриф УМО). СПб, 2003 (коллектив авторов).

Брак по российскому семейному праву (гриф УМО). Ярославль, 2007.

Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения (цивилистическое исследование) (гриф УМО). Ярославль, 2008 (в соавторстве с А. М. Лушниковым, М. В. Лушниковой).

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М.: Велби, 2009. Гл. 63: Личные и имущественные правоотношения между родителями и детьми.

Брак по российскому семейному праву. Изд. перераб. и доп. (гриф УМО). М.: Проспект, 2009.

Бутнев Виктор Вадимович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Гражданское право как одна из форм реализации юридической ответственности в эпоху развитого социализма» (ЛГУ, 1981).

Является автором более 100 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Монография

Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. Ярославль, 1985.

Сущность и порядок реализации гражданской процессуальной ответственности. Ярославль, 1989.

Баумова Марина Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, заместитель декана по учебной работе.

Тема кандидатской диссертации «Функции правовой культуры». Нижний Новгород, 2005.

Является автором более 40 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Монография

Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль, 2008 (в соавторстве с В. Н. Карташовым).

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Актуальные проблемы земельного права в условиях экономической реформы. Ярославль, 2001.

Актуальные проблемы земельного права. Ярославль, 2007.

Правовой режим отдельных категорий земель. Ч. 1. Ярославль, 2009.

Роднова Ольга Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, заместитель декана по очно-заочному отделению.

Тема кандидатской диссертации «Судебная защита прав и охраняемых законом интересов акционеров». СПб.: СПбГУ, 2001.

Является автором более 20 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Права акционеров. Ярославль, 2001.

Актуальные проблемы акционерного и вексельного права: Учеб. пособие. Ярославль, 2007 (в соавторстве с В. Б. Чуваковым).

Стороны процесса по иску об оспаривании решения общего собрания акционеров // Тенденции развития гражданского процессуального права России. СПб., 2008.

Спиридонова Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, заместитель декана по сокращенным образовательным программам.

Тема кандидатской диссертации «Символ как предмет преступления». Казань, 2002.

Общее количество опубликованных работ – 35, из них 28 научных и 7 учебно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005 (в соавторстве с Л. Л. Кругликовым).

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Правоохранительные органы Российской Федерации // Обществознание: Учеб. пособие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 316–320 (в соавторстве с Р. Н. Ласточкиной).

Правоохранительные органы Российской Федерации // Обществознание: Учебник для подготовки к ЕГЭ и иным формам вступительных испытаний в вузы (гриф УМО). СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 345–350.

Проблемы судоустройства и оказания квалифицированной юридической помощи: Метод. указания. Ярославль: ЯрГУ, 2007.

Вантеева Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Тема кандидатской диссертации «Принципы юридической ответственности (структурно-функциональный анализ)». Нижний Новгород, 2005.

Всего опубликовано 30 работ, из них: 23 научные работы, 7 учебно-методических работ.

Основные публикации

Принципы юридической ответственности (структурно-функциональный анализ). Н. Новгород, 2005.

Обществознание: Учеб. пособие. Гл. 9: Муниципальное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Обществознание: Учеб. пособие. Гл. 9: Муниципальное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

Гречина (Чуваикова) Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Тема кандидатской диссертации «Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии)». Нижний Новгород, 2003.

Всего опубликовано 37 работ, из них: 28 научных работ, 9 учебно-методических работ.

Основные публикации

Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии). Н. Новгород, 2003.

Обществознание: Учеб. пособие. Гл. 8: Административное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Государственная гражданская служба: история и современность: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2006 (в соавторстве с С. А. Егоровым).

Обществознание: Учебник. Гл. 7: Административное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

Егоров Станислав Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Тема кандидатской диссертации «Политическая доктрина и политическая программа Н. М. Муравьева». М., 1976.

Тема докторской диссертации «Ярославская юридическая школа. Анализ научно-педагогического опыта Демидовского лицея». М., 2009.

Всего опубликовано 235 научных работ.

Основные публикации

Монографии

Ярославское высших наук училище: (страницы из истории высшего образования). Ярославль: Верхневолжское кн. изд-во, 1980.

Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под ред. В. Т. Анискова. Ярославль: ЯрГУ, 1995.

На честное дело жизни: ярославская юридическая школа. Ярославль: Верхняя Волга, 1997.

Политическое и правовое наследие декабристов Северного общества: Историко-юридическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1997.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века: Опыт проблемного изложения. Ярославль: ЯрГУ, 2000.

История отечественного государства и права. Вторая половина XIX – начало XX века: Опыт проблемного изложения. Ярославль: МУБиНТ, 1999.

Государственная гражданская служба: история и современность. Ярославль: ЯрГУ, 2006.

Лайтман Владимир Израйлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Тема кандидатской диссертации «Процедурно-процессуальная форма в деятельности общественных организаций СССР». Харьков, 1982.

Всего 105 печатных работ, из них: 80 научных работ, 25 научно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Народный контроль в СССР. Деп. в ИНИДНАН СССР 25.05.87.
№ 29571.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Основы государственного права в Российской Федерации. Ярославль: Филиал Военного финансово-экономического университета. 2002 (в соавторстве с В. В. Овсянниковым, А. М. Майоровым).

Введение в юриспруденцию. Вып. 1. Ярославль, ЯрГУ. 1997.

Введение в юриспруденцию. Вып. 2. Ярославль, ЯрГУ. 1999.

Грачёв Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Акцепт векселя». СПбГУ, 2001.

Является автором более 50 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Акцепт векселя. СПб., 2002.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. Гл. 29 § 2: Неустойка; гл. 29 § 3: Залог; гл. 29 § 7: Задаток.

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 2. Гл. 42 § 2: Заем; гл. 43: Страхование.

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 3. Гл. 62 § 1: Понятие брака; гл. 62 § 2: Условия и порядок заключения брака; гл. 62 § 3: Недействительность брака.

Крашенинников Евгений Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Природа норм гражданского процессуального права». Л.: ЛГУ, 1983.

Является автором более 170 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Составление векселя. Ярославль, 1992.

К теории права на иск. Ярославль, 1995.

Ценные бумаги на предъявителя. Ярославль, 1995.

Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1.

Гл. 12: Ценные бумаги; гл. 14 § 1: Юридино-фактические основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей; гл. 14 § 2: Понятия и основные виды сделок; гл. 14 § 5: Условные сделки; гл. 29 § 4: Удержание.

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 2.

Гл. 33: Дарение; гл. 42 § 8: Вексель.

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 3.

Гл. 54: Обязательства из неосновательного обогащения.

Мотовиловкер Евсей Яковлевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Предмет уголовно-процессуальной деятельности».

Является автором около 50 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990.

Законный интерес и субъективное право // Правоведение. 2005. № 2.

Предмет исковой давности // Журнал российского права. 2008. № 6.

Чуваков Вадим Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Правовая природа ценных бумаг». СПб.: СПбГУ, 2004.

Является автором более 40 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 2.

Гл. 45: Комиссия; гл. 46: Агентирование.

Проблемы внедоговорных обязательств: Практикум. Ярославль, 2004.

Ценные бумаги: метод. указания. Ярославль, 2005 (в соавторстве с Е. А. Крашенинниковым, А. В. Вошатко).

Актуальные проблемы акционерного и вексельного права: Учеб. пособие. Ярославль, 2007 (в соавторстве с О. М. Родновой).

Бражник Сергей Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники». Ижевск, 2002.

Автор более 20 научных и научно-методических работ.

Основные публикации

Монографии

Актуальные проблемы совершенствования законодательства в сфере компьютерной информации. Ярославль: МУБиНТ, 2007.

Иванчин Артем Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства». Екатеринбург: УрГЮА, 2003.

Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций по уголовному и уголовно-исполнительному праву.

Основные публикации

Уголовно-исполнительное право. Часть Общая: Текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2004.

Применение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних (исторический очерк): Пособие для студентов (курсантов) вузов. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005 (в соавторстве с А. Л. Сантасовым).

Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / Под ред. Н. А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008 (коллективная монография). Гл: Уголовный закон; Преступление; Состав преступления.

Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009.

Каплин Михаил Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья». Екатеринбург: УрГЮА, 2003.

Автор более 30 научных и учебно-методических работ.

Основные публикации

Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / Под ред. Н. А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Гл.: Уголовная ответственность; Принудительные меры медицинского характера.

Комарова Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Правовая культура как объективная необходимость формирования правового сознания человека в условиях становления гражданского общества». Ярославль, 1998.

Общее количество опубликованных работ – 30, в том числе 23 научных работы, 7 учебно-методических.

Соколов Александр Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Преступления в сфере оборота оружия (ст. 222, 223 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности». Ижевск, 2002.

Общее количество опубликованных работ – 33.

Основные публикации

Криминалистика: Учеб. пособие. Ярославль, 2009. 254 с.

Ласточкина Римма Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора». Казань, 1983.

Общее количество опубликованных работ – 54.

Основные публикации

Основания к отмене или изменению приговора: Текст лекций. Ярославль, 1987. 46 с. (в соавторстве с Т. А. Москвитиной).

Правоохранительные органы Российской Федерации // Введение в юриспруденцию. Ярославль, 1997; 1999.

Правоохранительные органы Российской Федерации // Основы обществознания: Учеб. пособие для абитуриентов, учителей и школьников. Вологда: Русь, 2000.

Правоохранительные органы Российской Федерации // Обществознание: Учеб. пособие / Под науч. ред. В. Н. Карташова и А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 (в соавторстве с О. Е. Спиридоновой).

Уголовно-процессуальное право // Обществознание: Учеб. пособие / Под науч. ред. В. Н. Карташова и А. А. Райляна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Оперативно-розыскная деятельность: правовые основы и использование результатов в уголовном процессе: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 156 с. (в соавторстве с М. В. Ремизовым).

Защита прав человека в уголовном судопроизводстве // Обществознание: Учебник для подготовки к ЕГЭ и иным формам вступительных испытаний в вузы / Под науч. ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, А. А. Райляна. СПб., 2007 (гриф УМО).

Соловьев Олег Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Тема кандидатской диссертации «Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности». Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2002.

Автор более 70 научных и методических

работ.

Основные публикации

Монографии

Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности. Ярославль, 2003 (в соавторстве).

Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. Ярославль, 2008 (в соавторстве с Л. Л. Кругликовым, А. С. Грибовым).

Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль: ЯрГУ, 2008.

Учебники, главы в учебниках, учебные пособия

Налоговые преступления: криминологическая и уголовно-правовая характеристика. Ярославль: ЯрГУ, 2001.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности (ст. 171, 172 УК РФ): криминологическая и уголовно-правовая характеристика. Ярославль, 2004 (в соавторстве)

Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: Текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2008 (в соавторстве).

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	4
Часть 1. ОТ ЯРОСЛАВСКОГО УЧИЛИЩА ВЫСШИХ НАУК ДО ДЕМИДОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦЕЯ (1803–1917 гг.)	
<i>Глава 1. Всему начало здесь... (1803–1870 гг.)</i> Авторы – С. А. Егоров, А. М. Лушников.....	7
<i>Глава 2. Третий в Российской империи (1870–1917 гг.)</i> Авторы – С. А. Егоров, А. М. Лушников.....	60
<i>Глава 3. Методологические и методические основы лицейской концепции юридического образования</i> Автор – С. А. Егоров.....	117
Часть 2. В ЗВАНИИ УНИВЕРСИТЕТА (1918–1924 гг.; 1970–2009 гг.)	165
<i>Глава 4. По ленинскому декрету (1918–1924 гг.)</i> Авторы – С. А. Егоров, А. М. Лушников.....	165
<i>Глава 5. Возрождение: юридический факультет Ярославского государственного университета с 1970 г.</i> Авторы – Н. Н. Тарусина, А. М. Лушников.....	197
Часть 3. ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ (вторая половина XIX – начало XX в.)	218
<i>Глава 6. Теоретико-правовая школа</i> Авторы – С. А. Егоров, В. Н. Карташов.....	218
<i>Глава 7. Школа истории права</i> Автор – С. А. Егоров.....	256
<i>Глава 8. Школы государственного, международного, церковного права. Изучение обычного права</i> Автор – С. А. Егоров.....	307
<i>Глава 9. Школы административного и финансового права</i> Автор – М. В. Лушникова.....	340

Глава 10. Школы римского права, гражданского права, гражданского процесса	
Авторы – С. А. Егоров, А. М. Лушников, В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина, В. В. Грачёв, А. В. Вошатко, О. М. Роднова, В. Б. Чуваков	440
Глава 11. Школы уголовного права и уголовного процесса	
Авторы – Л. Л. Кругликов, С. А. Егоров, Р. Н. Ласточкина, С. Д. Бражник, А. В. Иванчин О. Г. Соловьев, О. Ю. Комарова, М. В. Ремезов, Е. Е. Язева	513
Глава 12. Школа трудового права и права социального обеспечения	
Автор – А. М. Лушников	649
Часть 4. Ярославская юридическая школа во второй половине XX – начале XXI в.....	714
Глава 13. Кафедра теории и истории государства и права	
Автор – В. Н. Карташов.....	714
Глава 14. Кафедра гражданского права и процесса	
Авторы – В. В. Бутнев, Е. А. Крашенинников	733
Глава 15. Кафедра уголовного права и процесса	
Авторы – Л. Л. Кругликов, Р. Н. Ласточкина.....	763
Глава 16. Кафедра трудового и финансового права	
Автор – А. М. Лушников	792
Профессора и доценты юридического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (на 2009 год)	812

Научное издание

**ЯРОСЛАВСКАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Под редакцией

С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной

Редактор, корректор М. В. Никулина
Компьютерная верстка И. Н. Ивановой

Подписано в печать 17.08.09. Формат 60×90¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times New Roman".
Усл. печ. л. 52,25. Уч.-изд. л. 43,05.
Тираж 500 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском
отделе Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.
<http://www.uni Yar.ac.ru>
Отпечатано в ОАО "Рыбинский Дом печати".
152901, Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.